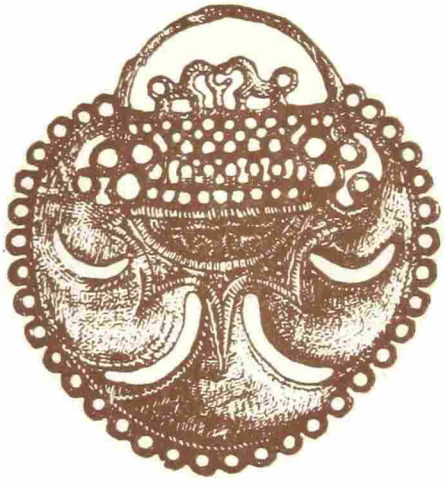
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1984

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Николов В. (София, Болгария). Ранненеолитические культуры в западной Болгарии 5
Мавлеев Е. В. (Ленинград). Этрусские зеркала 22
Фролова Н. А. (Москва). Монетное дело Фофорса (285—308 гг. н. э.) . . . 34
Внуков С. Ю. (Москва). Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки) 54
Акопян Г. П. (Ереван). Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (первые века нашей эры) 70
Соломина В. П. (Архангельск). Уникальный памятник северного средневекового шитья 91

Публикации

Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Новые памятники Горбуновского торфяника 102
Горелик А. Ф. (Ворошиловград). Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье 115
Черняков И. Т., Никитин В. И. (Одесса). Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья 134
Пятых Г. Г. (Москва). О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья 146
Петренко В. Г. (Москва). Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада 155
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. (Свердловск). Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири 165
Аннаев Т. Дж. (Ленинград). Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёв-курган в Северном Тохаристане 188
Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. (Москва). Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля 201
Галкин Л. Л. (Москва). Стеклодельная мастерская на городище Селитренное 213
Щапова Ю. Л. (Москва). Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное 222

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1984 г.

Заметки

Ксензов В. П. (Минск). Новые мезолитические памятники юга Белоруссии 225
Гришин Ю. С. (Москва). Каменное навершие жезла из г. Канска (Красноярский край) 230
Бородовский А. П. (Новосибирск). Об имитации швов кожаной посуды на керамике (по материалам курганной группы Быстровка-I) 231
Залашко Г. М., Еременко В. Е. (Минск). Новый зарубинецкий могильник в Полесье 234
Дегтярь А. К. (Харьков). Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце 239
Исхаков М. Х. (Ташкент). Средневековые керамические штампы с городища Будрач 244
Золотов Ю. М. (Москва). Три памятника старомосковской эпиграфики . . 246

Критика и библиография

Краснов Ю. А. (Москва). Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980 251
Кореневский С. Н. (Москва). Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980 256
Воронов Ю. Н. (Сухуми). Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980 260
Вздорнов Г. И. (Москва). Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981 263

Хроника

Горюнов Е. А. (Ленинград). К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова 268
Грандмезон Н. Н. (Севастополь). 100 лет «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова 273
Любин В. П., Борисковский П. И. (Ленинград). Археология на Московском конгрессе ИНКВА 274
Заднепровский Ю. А., Кирчо Л. Б. (Ленинград). Международный симпозиум «Потребляющие и производящие типы хозяйства в период неолита на территории Центральной Азии» (Душанбе, 1982) 279
От редакции 282
Заднепровский Ю. А., Овсянников О. В., Матюхин А. Е., Бочкарев В. С. (Ленинград). Заключение комиссии по проверке факта нарушения авторских прав со стороны старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР, к. и. н. А. Я. Щетенко 282
Мерперт Н. Я. (Москва). Памяти Гориславы Николаевны Лисицыной . . 284

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1984

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Nikolov V. (Sofia, Bulgaria). Early Neolithic Cultures in Western Bulgaria . . 5
Mavleyev E. V. (Leningrad) Etruscan Mirrors 22
Frolova N. A. (Moscow). Coinage under Phophors (285—308 A. D.) 34
Vnukov S. Yu. (Moscow). Scythian Strata of Chaika Site (an Essay in Statistical Processing) 54
Akopyan H. P. (Erevan). Ancient Armenia in East-West Relations (Early Centuries of Our Era) 70
Solomina V. P. (Arkhangelsk). Unique Sample of Mediaeval Northern Embroidery 91

Publications

Serikov Yu. B. (Nizhni Tagil). New Sites on the Gorbunovo Peatbog . . . 102
Gorelik A. F. (Voroshilovgrad). Exploration of Mesolithic Complexes of Zimovniki I Site North-East of the Azov Sea 115
Chernyakov I. T., Nikitin V. I. (Odessa). Bandurka Bronze Age Treasure (Southern Bug Area) 134
Pyatykh G. G. (Moscow). On the Origin of Wooden Vessels in the Srubnaya Culture of the Volga Area 146
Petrenko V. G. (Moscow). Burial Complexes and Finds Discovered near the Village of Pelagiada 155
Gening V. F., Koryakova L. N. (Sverdlovsk). Likhachovo and Chernoozerye Barrow — Sites of Early Iron Age in Western Siberia 165
Annayev T. D. (Leningrad). Excavations of an Early Mediaeval Estate of Kuyovkurgan in Northern Toharistan 188
Avdusina T. D., Vladimirskaya N. S., Panova T. D. (Moscow). Russian Glazed Pottery Excavated in the Moscow Kremlin 201
Galkin L. L. (Moscow). A Glass-Making Workshop in the Selitrennoe Fortified Settlement 213
Shchapova Yu. L. (Moscow). Chemico-Technological Study of Glass from a Workshop in Fortified Site Selitrennoe 222

Notes

Ksenzov V. P. (Minsk). New Mesolithic Sites in Southern Byelorussia 225
Grishin Yu. S. (Moscow). Stone Staff-Top from Kansk (Krasnoyarsk Territory) 230
Borodovsky A. P. (Novosibirsk). Concerning the Simulation of Seams on Leather Utensils (Ceramic Vessels Contained among Materials of Tumuli of Bystrovka I) 231
Zalashko G. M., Yeryomenko V. Ye. (Minsk). New Cemetery in Zarubintsy (Polesye) 234
Degtyar A. K. (Kharkov). Complex from a Warrior Burial near the Village of Kochetok on the Seversky Donets 239
Iskhakov M. Kh. (Tashkent). Mediaeval Ceramic Stamps from the Fortified Site of Budrach 244
Zolotov Yu. M. (Moscow). Three Samples of Old Moscow Epigraphics 246

Book Reviews and Bibliography

Krasnov Yu. A. (Moscow). Shnirelman V. A. The Origin of Animal Husbandry. Moscow, 1980 251

Korenevsky S. N. (Moscow). Gevorkyan A. Ts. From the History of Early Metallurgy of the Armenian Upland. Erevan, 1980 256
Voronov Yu. N. (Sukhumi). Onayko N. A. Archaic Torik. An Ancient Greek Town in the North-East of the Pontus Area. Moscow, 1980 260
Vzdornov G. I. (Moscow). Kolchin B. A., Khoroshev A. S., Yanin V. L. Estate of a 12th-Century Novgorodian Artist. Moscow, 1981 263

Chronicle

Goryunov Ye. A. (Leningrad). In Commemoration of the 75th Birth Anniversary of Pyotr Nikolayevich Tretyakov 268
Grandmezon N. N. (Sevastopol). «The General Coin Catalogue» by P. O. Burachkov Is 100 Years Old 273
Lyubin V. P., Boriskovsky P. I. (Leningrad). Archaeology at the Moscow INQUA Congress 274
Zadneprovsky Yu. A., Kircho L. B. (Leningrad). International Symposium on Food-Gathering and Food-Producing Types of the Economy in Neolithic Central Asia (Dushanbe, 1982) 279
From the Editors 282
Zadneprovsky Yu. A., Ovsyannikov O. V., Matyukhin A. Ye., Bochkaryov V. S. (Leningrad). Conclusion of a Commission Formed for the Verification of the Fact of Violation of Copyright by A. Ya. Shchetenko, Senior Researcher of the Leningrad Section of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences 282
Merpert N. Ya. (Moscow). In Memory of G. N. Lisitsyna 284

НИКОЛОВ В.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ

Территория нынешней западной Болгарии занимает ключевые позиции в центральной части Балканского полуострова. В связи с этим обоснован интерес специалистов к ранним земледельческо-скотоводческим племенам в этом ареале, хотя опубликованный до сих пор материал по раннему неолиту пока недостаточен для каких-либо существенных выводов. Настоящая статья наряду с попыткой выяснения некоторых генетических проблем ставит важную задачу — предложить систематизацию ранненеолитической расписной керамики из западной Болгарии.

Изучение ранненеолитической культуры в западной Болгарии было начато статьей А. Чилингирова (1908), посвященной малочисленным материалам из с. Кремиковцы [1]. В течение многих лет Н. Петков занимался изучением доисторической культуры Софийского поля, и в частности ранненеолитической. Предметом исследования в первой его статье (1929) является расписная керамика [2]. Он публикует фрагменты из поселений близ Бухово, Кремиковцы, Курило и Реброво и сообщает о наличии фрагментов из поселения у Побит камык. Н. Петков высказывает ряд верных наблюдений относительно орнаментальной росписи, однако тему эту не разрабатывает, в том числе и в последующих своих исследованиях. Несколькими годами позже (1934) в обобщающей статье по доистории Софийского поля [3] Н. Петков сообщает о новых материалах из ранненеолитических поселений близ Бухово, Кремиковцы и Побит камык, а также о только что открытом поселении с расписной керамикой близ с. Челопечене. В своей последней обобщающей статье (1960) Н. Петков публикует фрагменты расписной керамики из только что открытой неолитической стоянки близ Лозена, а также новые находки из Курило и Реброво [4]. Вторая статья Н. Петкова, посвященная расписной керамике Софийского поля (1962), значительно слабее первой [5]. В ней также изложены его наблюдения над орнаментом глиняных сосудов из Слатины. Материалам из этого поселения посвящены две другие (1959 и 1961) его статьи [6, 7]. В них описаны или представлены рисунки нескольких фрагментов расписных и одноцветных глиняных сосудов, рыболовные грузила, каменные орудия, ножка большого антропоморфного глиняного сосуда с разноцветным узором. Найдено сильно разрушенное скорченное погребение, ориентированное головой на северо-восток. Из Слатины происходят и три ранненеолитические, сохранившиеся почти целиком глиняные статуэтки, изображающие женскую фигуру с ярко выраженной стеатопигией и маленьким бюстом [8]. Обобщения по изучению неолита в Софийском поле до 1941 г. сделаны в работе Дж. Гола «Неолитический период в Болгарии» [9].

Все вышеупомянутые ранненеолитические материалы были получены при случайных раскопках или собраны на поверхности. Первые стратиграфические раскопки на Софийском поле проведены Г. И. Георгиевым в 1958—1959 гг. на месте первобытной стоянки у с. Кремиковцы [10]. Здесь были заложены четыре разведочных раскопа общей площадью 100 м². Изучены части жилища, но общий план стоянки не установлен. Опубликованы фрагментированные костяные лопаточки, каменные орудия и жертвенники. Сравнительно малочисленная керамика (кухонная посуда — одноцветная и расписная) сильно фрагментирована. Относительно расписной керамики важно следующее наблюдение автора: в нижних яру-

сах ранненеолитического пласта преобладает орнаментация белой краской, а в верхних — темными красками.

Изучение неолитической культуры с расписной керамикой в северо-западной Болгарии начинается в 1952 г., когда относящиеся к ней материалы были найдены В. Миковым и Н. Джамбазовым в пещере Деветашка — в долине р. Осем [11]. К этому же периоду принадлежит, вероятно, и найденное там ранее скорченное погребение, ориентированное головой на северо-запад [12]. Ранненеолитическое поселение занимает площадь около 250 м². Найдены основания нескольких печей, а также в небольшом количестве каменные, кремневые и костяные орудия. Керамика — грубая кухонная посуда, одноцветная и расписная,— фрагментирована. Особый интерес вызывает крупный фрагмент глиняной миски, расписанной белой краской. На внутренней ее части представлена композиция из двух рядов белых кругов, расположенных в шахматном порядке; в круглом поле в середине каждого из них белой краской нанесен знак — свастика или савастика.

Изучение ранненеолитической культуры в долине р. Осем было продолжено Н. Джамбазовым в 1955—1956 гг. в пещере Табашка под Ловечем [13]. Были найдены: глиняный пол наземного жилища, основания нескольких печей, каменные и кремневые орудия. Фрагменты керамики представлены в трех видах: грубые нерасписные, монохромные и полихромные.

Первые ранненеолитические материалы из долины Искыра и Скыта опубликованы в 1962 г. Б. Николовым [14]. Речь идет о фрагментах расписной керамики, найденных на поверхности стоянок у сел Баница и Кунино. В том же районе находится и поселение Тлачене, где в 1967 г. Б. Николов провел раскопки на площади 200 м². Выделены четыре жилых горизонта, характеризующиеся небольшим количеством керамики с монохромной и главным образом полихромной росписью. К сожалению, пока исследованы и опубликованы данные только об орудиях труда [15].

Изучение ранненеолитической культуры в долине р. Огоста началось в 1972—1973 гг. разведочными раскопками крупного поселения Градешница — Мало поле, проведенными Б. Николовым [16, 17]. Раскопана площадь 1350 м² и установлено три жилых горизонта, характеризующихся керамикой с монохромной (А) и полихромной (В и С) росписью. Прослежены остатки в целом 10 наземных жилищ прямоугольной формы, сделанных из крепкого плетня, обмазанного глиной. В некоторых из них открыты остатки печей и зернохранилищ, а также зернотерки и ступки. Найдено свыше 1200 орудий труда, которые уже систематически изучены [15]. Опубликованы антропоморфные и зооморфные статуэтки, жертвенники и одна круглая печать. Обнаружено также коллективное погребение взрослого и двух детей в скорченном положении, головами на юго-запад.

Изучение доистории, и в частности раннего неолита, в долине Струмы долгое время оставалось в стороне от внимания специалистов. Десять лет назад наши сведения об этом обширном районе основывались на сообщении В. Микова о поселении близ Мурсалево [18] и немногочисленном опубликованном материале с памятников у Прибоя, Станко Димитрова и Невестино [9].

В 1975—1977 гг. М. Чохаджиев проводил спасательные раскопки небольшой площади на ранненеолитической стоянке у г. Перник [19]. Зарегистрированы четыре строительных горизонта с расписной керамикой. Планы жилищ не установлены, найдены лишь остатки печей. Самые многочисленные находки — каменные орудия, затем кремневые и костяные. Опубликованы (в рисунках или снимках) несколько орудий труда, монохромные и расписные многоцветные глиняные сосуды, жертвенники и одна пинтадера [20]. Исследована немногочисленная антропоморфная пластика [21]. В 1977 г. М. Чохаджиев провел разведочные раскопки на поселении в Прибое [19]. Помимо фрагментов изящных глиняных сосудов с росписью найдены части жертвенников. В 1979 г. М. Чохаджиев начал раскопки неолитической стоянки близ с. Голобник,

но результаты исследований ранненеолитического слоя все еще скромны. Опубликовано несколько фрагментов глиняных сосудов с росписью и две антропоморфные статуэтки [19, 21].

Неолитическое поселение Кременик под г. Сапарева баня — до настоящего времени наиболее изученное в бассейне р. Струмы. Оно находится в долине ее левого притока, р. Джерман. Раскопки были начаты в 1977 г. под руководством Г. И. Георгиева и В. Николова. Ранненеолитический слой, в котором обнаружено четыре жилых горизонта, раскопан на площади более 500 м² [22, 23]. Установлены остатки трех наземных жилищ. Одно из них перестраивалось после пожара: остатки печи первого использовались для кладки основания печи второго. После второго пожара в развалинах жилища оставалось несколько глиняных сосудов, два из них с пшеницей. Часть тонкой глиняной посуды покрыта расписным узором [24]. Преобладают каменные орудия труда — тесла, топоры, долота, молотки и точила с желобком. Найдено всего несколько орудий из кремня, кости и рога. Антропоморфная пластика сильно фрагментирована. Для статуэток характерна стеатопигия и плоские лица, на которых обозначен шишкообразный нос, реже — глаза и рот. Многочисленны фрагменты треугольных, реже четырехугольных, жертвенников. Найден также мраморный амулет в форме верхнего панциря черепахи. Единственные пока радиоуглеродные даты по раннему неолиту в западной Болгарии относятся к третьему слою (снизу) в Кременике [22] — Bln — 2105:6530±50 (4580 до н. э.) и Bln — 2106:6475±40 (4525 до н. э.). Как даты, так и типологический анализ позволяют отнести четыре нижних слоя поселения ко второй половине раннего неолита в долине Струмы.

Последние поселения в западной Болгарии, где найдены памятники ранненеолитической эпохи, находятся около сел Болгарчево [25] и Ковачево [26]. При разведочных раскопках А. Перничевой найдены фрагменты расписных глиняных сосудов. В Болгарчево раскопано основание одного наземного жилища.

Изучение ранненеолитической материальной культуры в западной Болгарии закономерно приводит исследователей к тому или иному мнению в вопросе ее культурно-исторической принадлежности. Дж. Гол включает известные ему находки в ареал «западноболгарской крашеной» культуры, отличной от культуры Старчево [9, с. 10]. В. Милойчич [27, с. 267; 28, с. 113—115] и Б. Йованович [29, с. 5—24; 30, с. 118—126] колеблются в терминологии, но по существу включают западную Болгарию в массив культуры Старчево. К этой точке зрения присоединяется в одной своей ранней статье и Х. Тодорова [31, с. 8—11]. Г. И. Георгиев вводит термин Кремиковцы I для обозначения ранненеолитической культуры с расписной керамикой в Софийском поле и близлежащих окрестностях [32, с. 90], но в других статьях использует и обозначение Кремиковцы I — Старчево [33, с. 28]. Он также высказывает предположение, что культура Кремиковцы I распространена в Софийском поле, в юго-западной Болгарии (долина Струмы) и в северо-западной Болгарии [34, с. 211]. В рамки культуры Чавдар-Кремиковцы Х. Тодорова включает Пирдопско-Златишко поле, Софийское поле и северо-западную Болгарию [35, с. 11]. Б. Николов высказывает мнение, что культура Кремиковцы охватывает только Софийское поле и северо-западную Болгарию [15, с. 11]. М. Гарашанин признает существование культуры Кремиковцы в Софийском поле [36, с. 19—21].

Из краткого обзора высказанных в литературе мнений становится ясно, что назрела необходимость найти точные критерии территориального объединения или расчленения исследованного ареала. Масштаб этнокультурной общности (здесь археологической культуры) должен не только предполагаться, но и определяться результатами исследований. В идеальном случае эти исследования должны опираться на все основные элементы ископаемой материальной культуры. Но если сопоставляемые комплексы созданы при сходных физико-географических условиях и принадлежат к одному хозяйственно-культурному типу, то анализ элементов

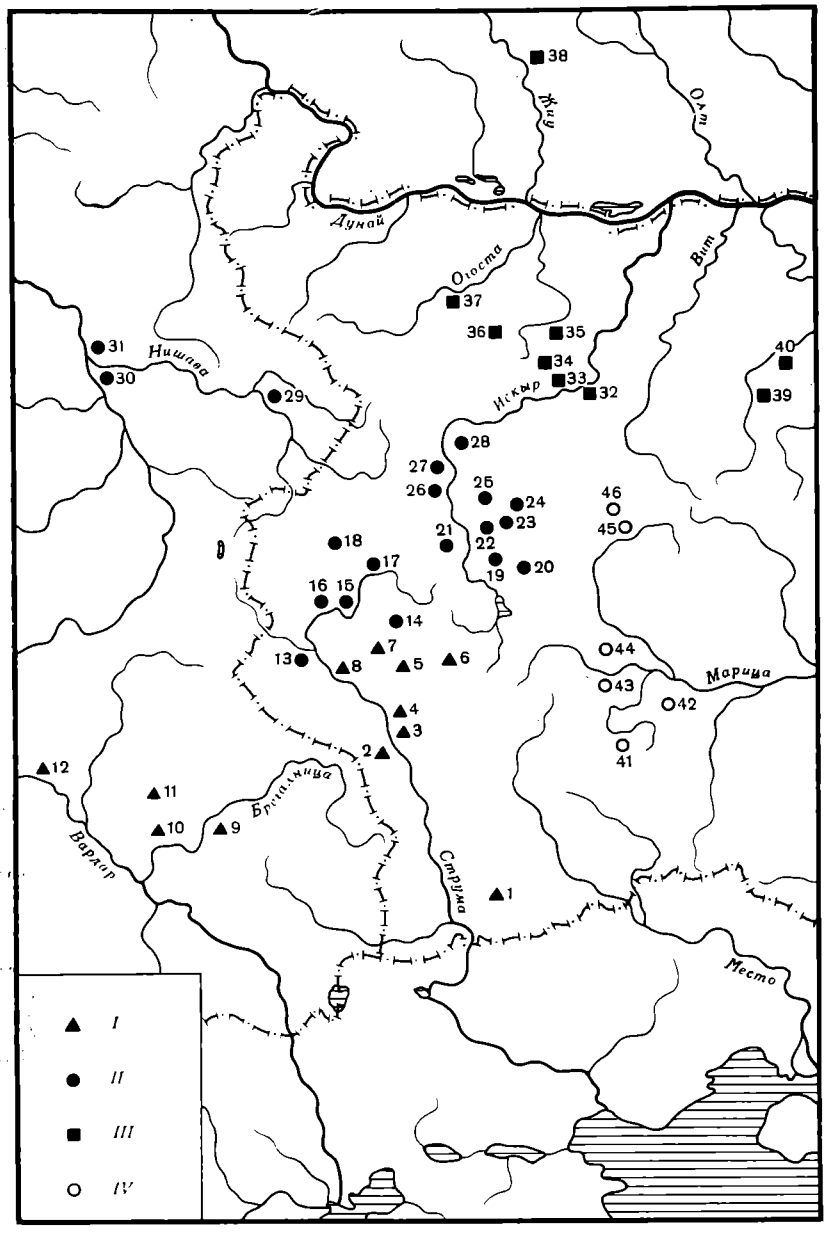


Рис. 1. Ранненеолитические поселения в центральной части Балканского полуострова. I — культура Кременик-Анзабегово: *1* — Ковачево, *2* — Болгарчево, *3* — Кочериново, *4* — Мурсалево, *5* — Ст. Димитров, *6* — Кременик (Сапарева баня), *7* — Долистово, *8* — Невестино, *9* — Вршник, *10* — Анзабегово, *11* — Руг Баир, *12* — Зеленико́во; II — культура Кремиковцы: *13* — Шишковцы, *14* — Голобник, *15* — Прибой, *16* — Пчелинцы, *17* — Перник, *18* — Ноевцы, *19* — Лозен, *20* — Побит камык, *21* — Слатина (София), *22* — Челопечене, *23* — Яна, *24* — Бухово, *25* — Кремиковцы, *26* — Курило, *27* — Реброво, *28* — Бов, *29* — Осмаково, *30* — Бубани, *31* — Вртиште; III — культура Градешница-Кырча: *32* — Кунино, *33* — Г. Бешовица, *34* — Цаконица, *35* — Тлачене, *36* — Баница, *37* — Градешница, *38* — Кырча, *39* — Табашка пещера, *40* — Деветашка пещера; IV — культура Карано́во: *41* — Ракитово, *42* — Кап. Димитриево, *43* — Белово, *44* — Ветрен, *45* — Чавдар, *46* — Челопеч

ископаемой материальной культуры, связанных непосредственно с влиянием природной среды (орудия труда, жилище и тип поселений, основные формы грубых глиняных сосудов), не даст искомой информации. Различия будут незначительны и не смогут служить этнокультурным разграничителем. В определенной мере реальное представление о существовании этнографических различий в культуре могут дать явления духовной жизни, отразившиеся в ископаемой материальной культуре: орнаментация глиняных сосудов, пластика, так называемые предметы культа, украшения и др. Хотя и не достаточно полно, но состояние ис-

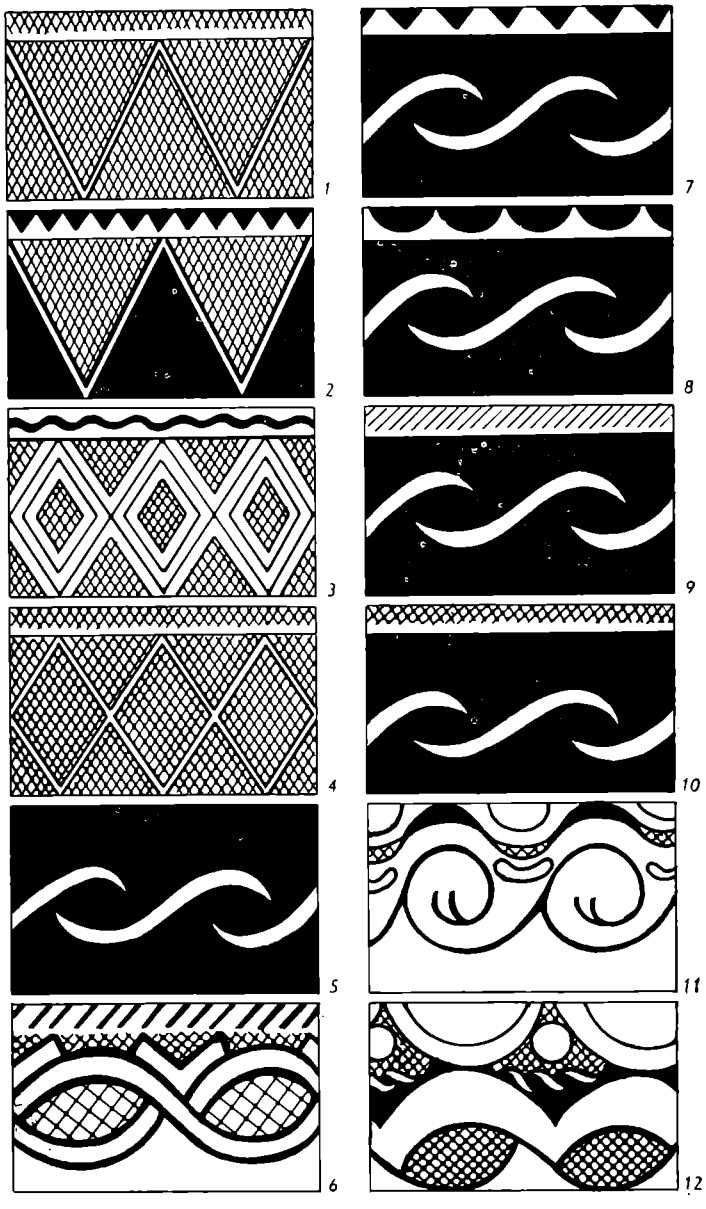


Рис. 2. Часто встречающиеся орнаментальные композиции по внешней стороне ранненеолитических сосудов из западной Болгарии. *1—4, 10* — Слатина (София); *5* — Кремиковцы, Тлачене, Градешница; *6, 9* — Перник; *7, 8* — Градешница; *11, 12* — Кременик (Сапарева баня)

следований по ранненеолитической культуре в западной Болгарии позволяет установить, что для всего ареала существует единый тип построек и поселений, единство основных типов орудий труда, основных форм грубых глиняных сосудов. В значительной степени это единство относится и к жертвенникам, антропоморфной и зооморфной пластике, мраморным амулетам. Но даже при беглом сравнении орнаментальной росписи тонких глиняных сосудов из западной Болгарии можно установить существенные различия. Поэтому наша попытка этнокультурного районирования основана исключительно на орнаменте расписной керамики. Были подвергнуты математико-статистическому анализу все восстановленные орнаментальные узоры из шести поселений: Кременик (Сапарева баня), Перник, Слатина (София), Кремиковцы, Градешница и Тлачене (рис. 1). Исследовано свыше 500 фрагментированных или целых глиняных сосудов, по орнаментальным узорам которых можно восстановить хотя бы одну локальную композицию. Восстановлено около 200 орнаментальных

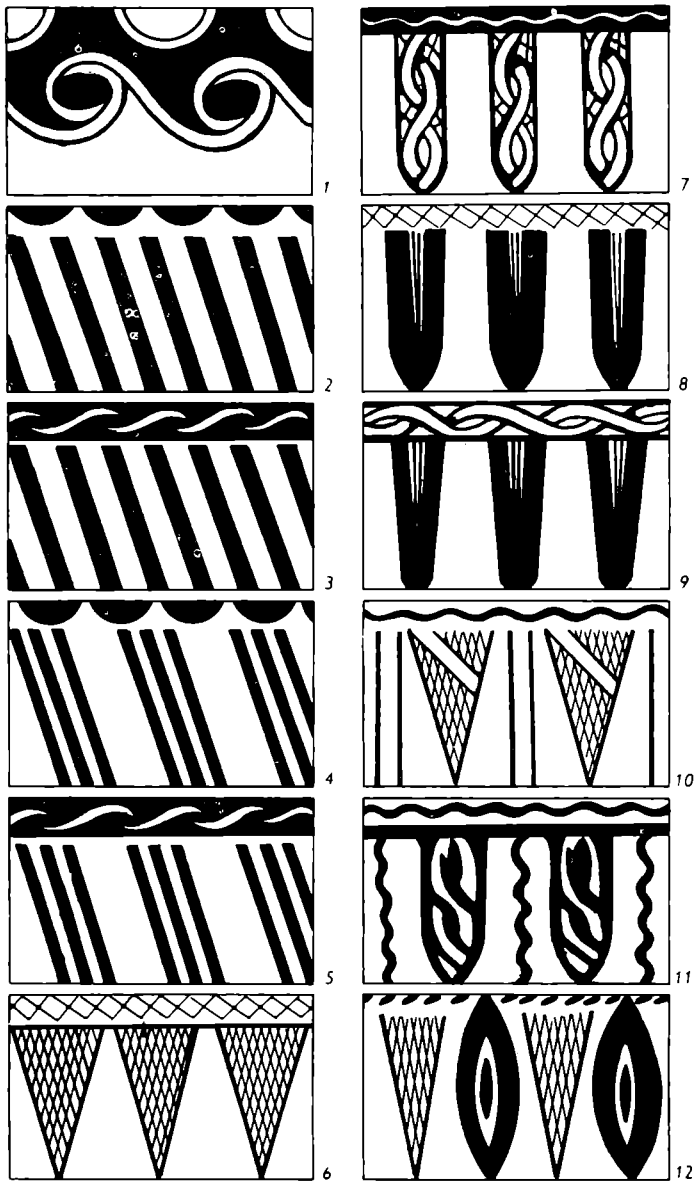


Рис. 3. Часто встречающиеся орнаментальные композиции по внешней стороне раннеэнеолитических сосудов из западной Болгарии. *1, 7—9* — Кременик (Сапарева баня); *2* — Тлачене; *3, 5* — Тлачене. Градешница; *4* — Градешница; *6, 11* — Кремковцы; *10* — Перник; *12* — Слатина (София)

узоров. При определении границ отдельных археологических культур был принят также во внимание материал из других поселений.

Цветная роспись расположена, как правило, на внешней стороне глиняных сосудов из западной Болгарии, которые представлены тремя основными формами: горшкообразные сосуды, миски и глубокие тарелки, имеющие роспись с внешней стороны, покрыты орнаментом также и изнутри. В своем полном варианте орнаментальная композиция состоит из трех горизонтальных поясов, каждый из которых составляет отдельную локальную композицию: узор по шейке сосудов, основная композиция и узор на ножке (или на дне с внутренней стороны). В западной Болгарии узор на ножке — исключительно редкое явление. Поэтому орнаментальная композиция состоит обычно из одной или двух локальных композиций. Узор по шейке всегда представлен композициями с одинаковыми мотивами. Основная же композиция может быть создана как из одинаковых, так и из разных мотивов — чаще всего двух видов.

При проведении математико-статистических исследований мы оказываемся перед необходимостью сделать выбор между формулами Левина

(широко пропагандируемыми Я. А. Шером [37, с. 55], В. П. Третьяковым [38, с. 7] и др.) и Жаккард-Снийта [39]. Опыт показывает, что коэффициенты, полученные по двум методикам, при малых значениях весьма близки и притом (что гораздо важнее) пропорциональны. Поскольку формула Жаккард-Снийта уже была использована при исследовании росписей халафской керамики из Передней Азии [40], мы также работали с ней. В западной Болгарии выделены ареалы трех раннеолитических археологических культур. Характеристику расписного орнамента их керамики мы даем ниже.

Культура Кремиковцы. Охватывает Софийское, Пернишкое, Радомирское и, вероятно, часть Кюстендилского поля, а на северо-западе — территорию по среднему и нижнему течению р. Нишавы (вплоть до г. Ниша). Помимо основных объектов — Кремиковцы, Слатина и Перник — сюда входят поселения под Лозеном, у с. Бухово, Челопечене, Яна, Побит камык, Курило, Реброво, Бов, Пчелинцы, Ноевцы, Прибой, Шишковцы и Голобник, а также Осмаково, Бубани и Вртиште [41, рис. 40, 41, 44, 45, 54] (рис. 1).

Наиболее существенные, характерные особенности расписного орнамента культуры Кремиковцы следующие.

Рисунок по шейке (внешняя сторона). Чаще всего встречается композиция из коротких параллельных черточек с наклоном (рис. 2, *6*, *9*). Особенно важен для характеристики орнаментальных росписей узор в виде змейки по краю сосуда (рис. 2, *3*; рис. 3, *10*, *11*), а в значительной степени и крупная сетка (рис. 3, *6*). Узор в виде густой сетки (рис. 2, *1*, *4*, *10*) и композиция из сплошных свисающих треугольников (рис. 2, *2*, *7*) встречаются довольно редко, да и то в восточной части территории культуры (Софийское поле).

Рисунок по шейке (внутренняя сторона). В большинстве зарегистрированных случаев узор по шейке представляет собой композицию из коротких параллельных черточек с наклоном; реже встречается композиция с мотивом в виде треугольников и эллипсов.

Основные композиции (внешняя сторона). Подавляющая часть основных композиций, характерных для украшений на глиняных сосудах культуры Кремиковцы, включает фаллообразные и вертикальные эллипсообразные мотивы. Отмечены следующие типы композиции: из одинаковых фаллообразных мотивов (рис. 3, *6*); из фаллообразных мотивов и мотивов с двумя вертикальными полосами (рис. 3, *10*); из фаллообразных и вертикальных мотивов в виде змейки (рис. 3, *11*); из фаллообразных и вертикальных эллипсообразных мотивов (рис. 3, *12*). Большее разнообразие отмечается в памятниках с Софийского поля. Кроме того, именно в Слатине встречается несколько типов основных композиций, состоящих из ромбов и треугольников (рис. 2, *3*, *4*) или только треугольников, что свидетельствует о тесных связях этого поселения с Фракией. В культуре Кремиковцы встречаются также основные композиции, состоящие из гирляндообразных и ленточных мотивов.

Основные композиции (внутренняя сторона). Обычно используются фаллообразные мотивы, а также узор в виде вертикальных эллипсов, гирлянд, ромбов и лент (рис. 4), однако восстановлена лишь одна основная композиция (из фаллообразных и вертикальных эллипсообразных мотивов).

Орнаментация ножки. Около 4% зарегистрированных в ареале культуры Кремиковцы сосудов имели орнаментированную ножку. Встречаются главным образом композиции из параллельных горизонтальных лент и вертикальных коротких, но толстых черточек. Композиция «венец плодородия» в качестве украшения на ножке встречается редко. Перечисленные композиции не могут, однако, считаться специфическими, поскольку они встречаются и в расписной керамике соседних культур.

Орнаментальные композиции (внешняя сторона). Значительная их часть идентична основным композициям. Остальные почти все включают специфические для культуры Кремиковцы элементы украшения по шейке сосуда. Орнамент в виде густой сетки, характерный для культуры

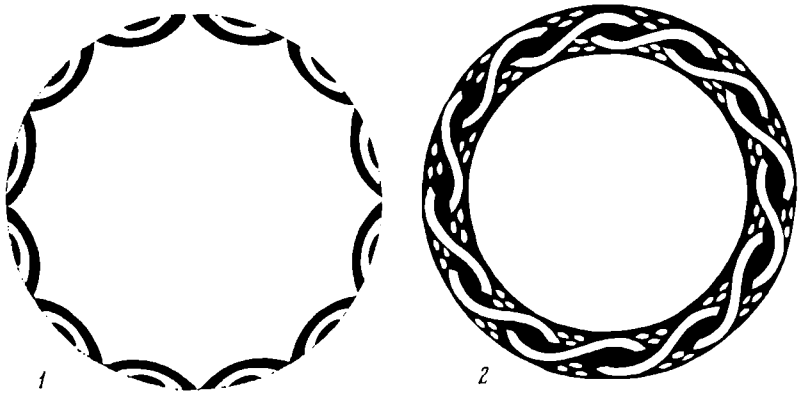


Рис. 4. Орнаментальные композиции на внешней (*1*) и внутренней (*2*) сторонах миски из Слатины (реконструкция). Коричневая краска по светло-коричневому фону

Караново во Фракии, встречается практически только в Слатине, да и то лишь в сочетании с также характерными для культуры Караново основными композициями в виде ромбов и треугольников. В то же время те же основные композиции фракийского типа, которые обнаружены в Слатине и Кремиковцах, сочетаются с характерным для культуры Кремиковцы узором по шейке, например, в виде плотной змеевидной ленты. В то время как первый вид орнаментальных композиций повторяет фракийский оригинал, второй вид — явление хотя и местное, но синкретичное между двумя этими традициями.

Орнаментальные композиции (внутренняя сторона). Около 20% расписных керамических сосудов культуры Кремиковцы имели узор на внутренней стороне. К сожалению, не представляется возможным воссоздать хотя бы одну орнаментальную композицию в целом виде.

Наибольшее число сосудов культуры Кремиковцы расписано коричневой краской — 38%. За ними следуют сосуды с росписью белой краской — 23%, а на третьем месте — сосуды, в росписи которых использована красная и темно-красная краска — 21%. В темных тонах выполнены все орнаментальные композиции, содержащие фаллообразные и вертикальные эллипсообразные мотивы. Темные краски используются для изображения почти всех видов спиралей, гирлянд и лент, а также для композиции «венец плодородия». Белый цвет обычен для всех мотивов, состоящих из треугольников и ромбов, покрытых густой сеткой. В Пернике белой краской нанесена группа мотивов из наклонных полос и композиции нижних рядов. Многоцветная роспись встречается лишь в трех поселениях — Курило, Слатине и Пернике. Орнаментация представлена широкими темными лентами, окаймленными тонкими лентами белого цвета. В Слатине найден фрагмент с многоцветным орнаментом в виде гирлянды.

Цветной узор в культуре Кремиковцы наносится непосредственно на обязательный, однородный с материалом сосуда ангоб. Исключение составляют фрагменты нескольких сосудов, найденных в Кремиковцах и Пернике. Речь идет о белом ангобе, на который нанесен одноцветный орнамент. Вышеупомянутые многоцветные композиции представлены, как правило, на сосудах красного или коричневато-красного цвета. Последние две техники нанесения орнамента, явно необычные для культуры Кремиковцы, находят аналогию в материале первого периода второго этапа развития культуры Градешница-Кырча.

Среди расписных глиняных сосудов культуры Кремиковцы чаще всего встречаются миски (56%). На втором месте — горшкообразные сосуды (28%), на третьем — глубокие тарелки (16%).

Возможности периодизации керамической росписи культуры Кремиковцы ограничены ввиду почти полного отсутствия стратифицированного материала. Лишь небольшое количество глиняных сосудов из Перника, имеющих стратиграфические данные, позволяют предпринять попытки в

этом направлении. Однако опыт показывает, что с получением стратифицированного материала из других поселений периодизация, скорее всего, будет построена не по качественным, а по количественным критериям.

Культура Кременик-Анзабегово. До недавнего времени характер раннеенеолптической материальной культуры в юго-западной Болгарии оставался неясным, а сходные с ней (как оказалось) явления на территории Югославии (в бассейне р. Вардар) исследователи относят к «группе Анзабегово — Вршник» [42, с. 116]. К культуре Кременик-Анзабегово относятся следующие поселения с крашеной керамикой: НРБ — Кременик (Сапарева баня), Ст. Димитров, Долистово, Невестино, Мусалево, Кочериново, Болгарчево и Ковачево, а также следующие памятники: Вршник [43], Анзабегово [42, 44, 45], Руг Баир [45, 46, 47] и Зелениково [48].

В настоящее время характеристика орнаментальной росписи на керамике определяется лишь несколькими видами мотивов и композиций на внешней стороне сосудов. Число их невелико. Существенное значение имеют несколько видов «флоральных» (цветочных) мотивов, зарегистрированных в Анзабегово I [42, с. 9, табл. XIII; 44, рис. 23, 24; 45, рис. 2—4, 6, 7], а также, вероятно, и в Вршнике I [43, рис. 43]. До сих пор из долины Струмы известно лишь несколько небольших фрагментов сосудов с такими мотивами из Невестино [9, табл. X, *9*, *12*, *19*, *20*, *26*; табл. XI, *7*, *14*]. Для культуры Кременик-Анзабегово характерен также орнаментальный мотив с вертикальной или горизонтальной сплошной полосой и расположенными с обеих ее сторон в шахматном порядке крупными точками. Узоры с присутствием таких мотивов известны из Анзабегово I [44, рис. 25; 45, рис. 7, *17*] и Невестино [9, табл. XI, *4*]. Все названные здесь мотивы выполнены белой (желтой?) краской.

Весьма характерны для орнаментальной росписи культуры Кременик-Анзабегово специфические фаллообразные мотивы: из двух сплошных лент и нескольких полос между ними или в виде открытой композиции «венец плодородия». До настоящего времени они зарегистрированы в Кременике (рис. 3, *7*, *8*, *9*), Долистово, Невестино [9, табл. XI, *1*], Руг Баир [45, рис. 64], Анзабегово III [44, рис. 35, 36; 45, рис. 34] и Зелениково [48, табл. 9; 49, табл. 5]. Лишь в этих культурах встречаются основные композиции «венец плодородия», между негативными S-образными элементами которых выступает заполненный крупной сеткой круг, а также композиции из соединенных витых спиралей с трехчленными «лапами» в месте связок. Они зарегистрированы в Анзабегово II [44, рис. 29, 58], Руг Баир [46, табл. 2], Зелениково [46, табл. 2; 49, табл. 5, 6] и Кременике. В качестве украшения на шейке сосуда чаще всего выступает композиция «венец плодородия» — Кременик (рис. 3, *9*) и Анзабегово II—III [45, рис. 34], а также узор в крупную сетку — Кременик (рис. 3, *8*) и Анзабегово III [44, рис. 36]. Встречается и ломаная змейка (в отличие от культуры Кремиковцы сильно стилизованная!) — Невестино [9, табл. XI, *1*] и Анзабегово III [44, рис. 36]. Особенно убедительно орнаментальное единство в культуре Кременик-Анзабегово демонстрируют орнаментальные композиции из фаллообразных мотивов и крупная сетка в узоре на шейке — Кременик (рис. 3, *8*) и Анзабегово II—III; из фаллообразных мотивов и узора «венец плодородия» на шейке — Кременик (рис. 3, *9*) и Анзабегово II—III, а также из фаллообразных мотивов и стилизованной змейки на шейке — Невестино и Анзабегово II—III. Все указанные выше мотивы и композиции выполнены темными красками.

Среди расписных керамических сосудов в культуре Кременик-Анзабегово чаще всего встречаются миски (60%), затем глубокие тарелки (33%) и горшкообразные сосуды (7%) (рис. 5; 6).

Возможности периодизации росписей на керамических сосудах культуры Кременик-Анзабегово основаны главным образом на стратиграфических наблюдениях в Анзабегово. Найденный там слой с глиняными

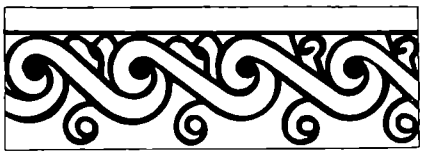


Рис. 5

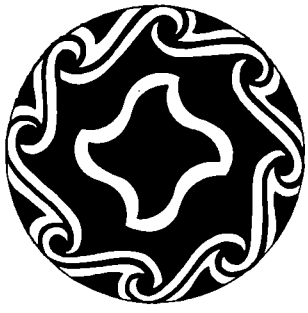


Рис. 6

Рис. 5. Орнаментальная композиция на внешней стороне горшкообразного сосуда из Кременика (разворот). Коричневая краска по светло-коричневому фону

Рис. 6. Орнаментальная композиция по внутренней стороне миски из Кременика (реконструкция). Темно-коричневая краска по красному фону

сосудами с росписью темного цвета, обозначенный М. Гимбутас как Анза II—III, а М. Гарашаниным как Анзабегово II—IV, убедительно синхронизируется с самыми нижними (на данный момент) четырьмя уровнями жилищ в Кременике. Кроме того, к этому довольно продолжительному хронологическому этапу следует отнести Вршник II—IV, Руг Баир, Зелениково, верхний слой (?) из Невестино, а также Долистово и Мурсалево. В этом хронологическом слое можно, вероятно, выделить два — три периода развития, но пока не вся стратифицированная расписная керамика опубликована, при этом не всегда убедительны данные ее стратиграфии [50]. Этому этапу росписи керамики культуры Кременик-Анзабегово предшествовал еще один, хорошо засвидетельствованный в Анзабегово I, Вршник I и нижнем слое (?) Невестино. В то время в росписи преобладал белый цвет.

Культура Градешница-Кырча. До сего времени северо-западная Болгария включалась в рамки культуры Кремиковцы, а поселение у Кырчи (Олтения) объявлялось либо самостоятельным явлением [51, с. 11], либо причислялось к «группе Гура Бачулуй» [52, с. 60—63]. Культура Градешница-Кырча изучалась в поселениях близ с. Градешница, Тлачене (НРБ) и Кырча (СРР). В ареал культуры на юг от Дуная входят, скорее всего, и поселения близ Кунино, Баницы, Голяма Бешовицы, в пещерах близ Цаконица, Деветаки (Деветашка) и Ловеч (Табашка).

Наряду с монохромной орнаментальной росписью (свыше 70% сосудов) специфику данной культуры составляют глиняные сосуды с полихромной росписью (30%). Поскольку лишь незначительная часть расписных сосудов имеет орнамент на внутренней стороне, мы будем анализировать только узоры внешней стороны.

Первый этап развития расписной керамики культуры Градешница-Кырча характеризуется монохромными мотивами и композициями. Первый период этого этапа зарегистрирован до настоящего времени только в Кырча I-Ла Хапурь [53, рис. 2, 8, 9, 11]. Орнамент нанесен чаще всего белой, редко — коричневой или красной краской на красную или коричневую поверхность сосудов. С учетом хронологического места этого периода интерес представляют фрагменты нескольких сосудов, украшенных, вероятнее всего, композицией «венец плодородия», внешние части которой имеют ступенчатую форму [53, рис. 9]. На другом фрагменте видна часть треугольника, покрытого плотной сеткой [53, рис. 9]. Второй период первого этапа зарегистрирован лишь в Градешнице — горизонт А. Орнамент нанесен преимущественно темными красками — черной, темно-коричневой и коричневой, реже — белой. Белой краской расписана одна миска, орнамент которой состоит из ромбов и треугольников, заполненных густой сеткой [16, рис. 3]. В этот период появляется роспись на шейке сосуда типа «венец плодородия», а также основные композиции трех видов: «венец плодородия», но негативные S-образные

элементы заполнены несколькими сплошными параллельными полосами; композиция из вертикальных мотивов, составленных из одной или двух вертикальных полос с расположенными вдоль них в шахматном порядке точками; композиция из вертикальных мотивов, составленных из одной или двух параллельных лент.

Характеристика первого этапа развития росписи в культуре Градешница-Кырча явно неполна. К нему, вероятно, следует отнести и орнаментированную керамику из с. Г. Бешовица, Баница, Кунино, Цаконица, пещер Деветашка и Табашка. Кроме того, хронологические отношения между двумя указанными периодами пока недостаточно обоснованы, есть предположение, что между ними существовал еще один период. Не исключена также возможность, что в период, предшествовавший появлению полихромных композиций, в областях по обоим берегам Дуная были существенные различия в росписи керамики. Во всяком случае орнаментальная роспись из Градешница А непосредственно предшествует появлению полихромии.

Первый период второго этапа полихромии в многоцветных росписях культуры Градешница-Кырча имеет переходный характер. Зарегистрирован он только в Тлачене — I слой. По сравнению с предшествующей фазой — вторым периодом первого этапа — здесь продолжается использование всех основных мотивов и композиций, выполненных темными красками. Прекращается употребление белой краски как средства создания одноцветных композиций, и появляется многоцветная роспись. Полихромные украшения на сосудах как этого периода, так и двух последующих — двух типов: орнамент наносится на гладкую поверхность красного или коричневато-красного цвета либо на ангоб желтоватого цвета, которым покрыт весь сосуд. В первом случае орнаментация представлена темными (черной или коричневой) и белой (желтой) красками, во втором — темными (черной или коричневой) и красной. В первый период полихромная орнаментация состоит из простых мотивов, преимущественно линейных. Композиция «венец плодородия» в разноцветном исполнении при этом отсутствует.

Второй и третий периоды второго этапа имеют много сходных черт. Композиция «венец плодородия» в ее обычном виде встречается и как украшение на шейке, и как основная композиция. В своем специфическом для данной культуры виде (негативные S-образные элементы выполнены путем нескольких параллельных полос) она появляется как основная композиция в монохромном и полихромном (двух видов) исполнении. Характерны также композиции из единичных, двойных и тройных вертикальных ленточных мотивов. Второй период отмечен в Градешнице (горизонт В) и Тлачене (II—III слой). Появляются обычные или усложненные композиции «венец плодородия», нанесенные темной краской по красной основе и окантованные белыми (желтоватыми) точками. В одном случае появляется элемент «трехчленная лапа». Характерны и фаллообразные мотивы, выполненные открытой стилизованной композицией «венец плодородия». Третий период зафиксирован в Градешнице (горизонт С), Тлачене (IV слой) и Кырча II — Виадуке [53, рис. 17, 23]. В этот период культуры Градешница-Кырча мотивы и композиции с обоих берегов Дуная наиболее сходны. Этот относится главным образом к полихромной росписи, в которой появляются специфические мотивы, напоминающие стилизованную «трехчленную лапу». Композиция «венец плодородия», выполненная темной краской и окаймленная белыми или желтоватыми точками, исчезает почти полностью. Появляются орнаментальные композиции на двойных сосудах. Украшение на шейке состоит из свисающих и стоящих заштрихованных треугольников, занимающих верхнюю половину сосуда, а основная композиция (обычно «венец плодородия») располагается на нижней половине сосуда. Встречаются и подчеркнуто двойные сосуды большой формы с низким горлом, украшенные стилизованной (угловой) композицией «венец плодородия». Особенностью этого периода является заполнение оставшегося в виде треугольников пространства между горловиной сосуда и одноцветной композицией

«венец плодородия» двумя висящими треугольниками и одним ромбом снизу, посредством которых образуется негативный Ш-образный элемент. Встречаются и одноцветные фаллообразные мотивы, выполненные только позитивными растительными элементами. В рамках культуры Градешница-Кырча орнаментация на ножках керамических сосудов является исключением (0,5%).

Количественные показатели употребления различных цветов имеются лишь относительно поселений в северо-западной Болгарии: 70% керамических сосудов покрыты монохромной росписью. При этом в 96% из них орнамент выполнен темными красками (черной, коричневой) и 4% — светлыми (белой, желтой). Кстати, белая краска используется в 35% сосудов, покрытых многоцветной росписью.

Среди расписных керамических сосудов культуры Градешница-Кырча чаще всего встречаются миски — 67%. На втором месте глубокие тарелки — 30%, горшкообразные сосуды представлены слабо — 3%.

Представляя расписную ранненеолитическую керамику из западной Болгарии, мы предприняли попытку дать более полную (Градешница-Кырча) или более схематичную (Кременик-Анзабегово) периодизацию культуры. К сожалению, расписная керамика культуры Кремиковцы дает мало возможностей для подобного анализа: помимо недостаточно надежных данных раскопок в Кремиковцах и Пернике, на раннем этапе этой культуры в росписи керамики преобладает белая краска, а на более позднем этапе — темные краски. Поскольку территориально культура Кремиковцы занимает промежуточное положение между двумя другими ранненеолитическими культурами западной Болгарии, то пока нельзя выстроить внутреннюю систему относительной хронологии. При имеющемся материале будет преувеличением также и какая-либо попытка детализации внешней для всех трех культур относительной хронологии. Особенно если принять во внимание, что предпринятые попытки периодизации соседней культуры Старчево пока не совсем убедительны. Новый материал все же подтверждает высказанное ранее мнение о приблизительной синхронности в развитии ранненеолитических культур с расписной керамикой в восточной и центральной части Балканского полуострова: Караново I — Кремиковцы — Старчево — Кёрёш, а теперь следует добавить и Кременик-Анзабегово и Градешница-Кырча.

Необходимо, однако, обратить внимание на некоторые орнаментальные мотивы из западной Болгарии, которые позволяют более точно синхронизовать ранненеолитические культуры данного района с Фессалией. Это касается прежде всего группы «флоральных» (цветочных) мотивов. Очень часто внутренняя или внешняя сторона орнаментальной композиции покрыта зубцами в виде лесенки. Орнамент выполнен белой краской. Сосуды с таким узором найдены в Анзабегово I, в нижнем слое (?), Невестино, Ракитово (юго-западная периферия культуры Караново) и Кырче (Ла Ханурь). Опирающаяся главным образом на этот тип орнамента синхронизация Анзабегово I с концом культуры Пресескло выглядит убедительной [42, с. 101]. Разумеется, это применительно и к остальным указанным поселениям. К этому хронологическому этапу, может быть, следует отнести и нижние (частично изученные) слои в Пернике, а также нижний слой в Кремиковцах [54, с. 204]. Следующий хронологический этап, в котором господствует роспись керамики темными красками, следует синхронизовать с культурой Сескло в Фессалии и с культурой, представленной в нижнем слое поселения близ Сервии (долина Быстрицы). Из верхних слоев поселения близ Перника, а также из Кремиковцев происходят фрагментированные сосуды с орнаментальными композициями из фаллообразных мотивов, которые находят себе точную аналогию в орнаментах на двух чашах, соответственно из Отцаки магула [55, рис. 12, *5*] и Сервии [56, рис. 3]. Другие подобные им композиции из Перника и Слатины не только находят точное иконографическое соответствие в Сервии, но и обнаруживают, кроме того, исключительно редко встречающуюся технику нанесения орнамента по еще мокрому ангобу [57, рис. 2,*ф*]. Керамический сосуд из Кремиковцев

украшен композицией с вертикальными мотивами в виде двойной змейки. Во многом близка к ней и композиция на миске из Сервии [58, рис. 38,*а*]. В верхнем слое поселения близ Перника найдена керамическая печать (пинтадера) с двумя почти одинаковыми врезанными знаками, составленными из элементов, напоминающих буквы Г и П. По четырем сторонам знаков врезано по одной наклонной поперечной черте [20, рис. 17,*а*]. Подобные изображения известны на фрагменте сосуда, найденного в самом верхнем ранненеолитическом слое поселения близ Чавдара [59, рис. 7] — на северо-западной окраине культуры Караново I, а также на жертвеннике из самого верхнего слоя поселения близ Градешницы [16, рис. 17]. Эти знаки находят иконографические и стилевые аналогии с несколькими видами орнаментальных мотивов на керамических сосудах из Сервии и культуры Сескло. Но наиболее точные параллели устанавливаются с изображениями, вырезанными на керамических и каменных печатях (пинтадерах) эпохи среднего неолита из Северной Греции, главным образом в культуре Сескло [60, рис. 36; 61, с. 86; 62, табл. 2; 63, табл. XX]: Ахилеон III—IV, Цани II, Пирасос I, Цангли, Неа Анхиалос, Зерелия, Филия и Неа Никомедия. Все изложенные данные, несомненно, указывают на то, что ранненеолитические культуры западной Болгарии развивались одновременно с культурами Пресескло и Сескло в Фессалии.

В заключение приведем некоторые новые данные, касающиеся проблемы происхождения ранненеолитических культур в центральной части Балканского полуострова. Предварительно необходимо уточнить, что одновременно с исследованными тремя во Фракии существовала еще одна крупная этнокультурная общность, материальные остатки которой представлены культурой Караново I. Объем ее также уточнен посредством изучения расписных узоров на керамике [64]. Существенную информацию по данному вопросу дает установление степени сходства между орнаментальной росписью уже выделенных культурных комплексов, сделанное по формуле Жаккард-Снийта. Степень сходства обратно пропорциональная географическому расстоянию между отдельными культурами. Самые сильные контакты — между культурами Караново I и Кремиковцы (0,42), затем между Кременик-Анзабегово и Кремиковцы (0,35). Связи между культурами Кременик-Анзабегово и Караново I — самые слабые в исследованном этнокультурном районе. Сходство между орнаментальной росписью культуры Градешница-Кырча и тремя более южными культурами незначительно, а связь с культурой Кремиковцы весьма существенна. Степень сходства между четырьмя культурами, исследованными в данном этнокультурном районе, уменьшается в двух направлениях: с юга на север (Кременик-Анзабегово — Кремиковцы — Градешница-Кырча) и с юго-востока на северо-запад (Караново I — Кремиковцы — Градешница-Кырча). Связи между первыми двумя ареалами каждого ряда соответственно умеренные или сильные, а между двумя вторыми — слабые. Характер указанных взаимоотношений в значительной степени связан с труднодоступностью массивов Пирина, Рилы, Родоп, Верилы и Витоши, с одной стороны, и Старой Планины — с другой. Несомненно, большое значение имеют и некоторые предполагаемые особенности обрядно-мифологической системы [24], обусловленные в свою очередь существованием различных контактных зон Эгейско-Анатолийского региона, разделенных еще не заселенной в те времена Эгейской Фракией [65, с. 16].

Между культурами Караново I и Кремиковцы установлена хорошо выраженная переходная (контактная) зона, включающая поселения близ Ракитово, Чавдара и Слатины. С другой стороны, роспись керамики культуры Кремиковцы обнаруживает много особенностей, которые связывают ее с остальными двумя культурами западной Болгарии, и особенно с Кременик-Анзабегово. Без сомнения, географические факторы благоприятствовали существованию подобной переходной зоны также между культурами Кременик-Анзабегово и Кремиковцы, но с ее предполагаемой территории пока очень мало материала — в основном из поселения близ Голобника.

Представленная картина взаимоотношений помимо иконографической характеристики росписи на керамических изделиях с территории четырех этнокультурных общностей иногда сочетается с попытками исторических реконструкций со стороны приверженцев теории «ступенчатой миграции». По мнению ее крайних приверженцев, возникновение ранненеолитических культур с расписной керамикой в восточных и центральных частях Балканского полуострова связано с «постепенным проникновением ... через Босфор неолитического населения» [66, с. 71]. Следует указать, что **результаты исследований расписной ранненеолитической керамики позволяют предположить еще один самостоятельный путь связей с Эгейско-Анатолийским регионом — долины Струмы и Вардара.**

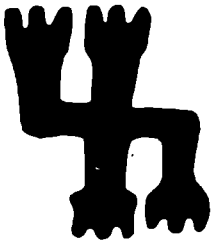


Рис. 7. Орнамент в середине внутренней стороны миски из Кременика. Серо-черная краска по красному фону

Неолитизация культуры Кременик-Анзабегово не связывается непосредственно с территорией культуры Караново I. Контактной зоной между двумя потоками людей и идей, направленными на север и северо-запад, являлась территория культуры Кремиковцы. Эта культура складывалась между ними как явление синкретическое.

В подтверждение идеи о самостоятельных, не связанных с территорией культуры Караново I связей центральнобалканских ранненеолитических культур с Передней Азией свидетельствует и указанная выше ступенчатая насечка, а также сложный знак, появляющийся главным образом на пинтадерах. Они имеют весьма точные иконографические и стилистические параллели в Хаджиларе V—II [67]. Независимо от того, что поселение близ Ракитово (в долине р. Месты) входит в рамки культуры Караново I, оно явно испытывает влияние Передней Азии. Помимо найденных около 40 целых и фрагментированных сосудов, украшенных ступенчатой насечкой, там зарегистрирован на керамическом сосуде нанесенный краской крестообразный мотив, имеющий убедительные аналогии в Хаджиларе V—II [67, рис. 100].

В поселении Кременик (Сапарева баня) была найдена ножка широкой миски с антропоморфным изображением в центре внутренней стороны (рис. 7). Рисунок на этой миске находит параллели лишь в материале культуры Самарра в южной Месопотамии. Там среди расписных глиняных сосудов часто встречаются миски со свастикообразным знаком в центре и композициями из антропоморфных и зооморфных мотивов вокруг него [68, рис. 35, 36]. Самую точную параллель изображение из Кременика находит в Хассуне V — на сосуде, расписанном в так называемом стиле Самарры [69, с. 130].

Орнаментальная композиция с использованием мотива перевитых спиралей, восстановленная по фрагменту из Кременика, обладает поразительным сходством с цветной орнаментальной композицией на керамическом сосуде из ранненеолитического слоя в Алишаре — Центральная Анатолия [62, табл. 3].

Проблема происхождения ранненеолитической культуры севернее Фессалии весьма сложна, поскольку она неизбежно связана с ролью древних земледельческих племен Передней Азии. Обычно пишут о диффузии идей. Лишь самая смелая гипотеза может предположить переселение народов через Боспор и Дарданеллы. Однако необходимо подчеркнуть, что миграцию идей через водные преграды нельзя отделять от миграции людей. Переход через Средиземное море (в частности, через его восточную часть) в VII—V тысячелетии до н. э. для многих археологов звучит

неправдоподобно, и, вероятно, по этой причине до сих пор нет исследования, посвященного механизму связей Передней Азии с Фессалией (а также и с более северными районами). Вместе с тем не подлежит сомнению, что приведенные выше данные, как и все отмеченные ранее факты, касающиеся центральной части Балканского полуострова от Фессалии до Карпат, должны найти конкретное объяснение.

В связи с этим следует обратить внимание на доказанную роль постоянных морских течений для переселения групп людей на большие расстояния с помощью самых примитивных плавательных средств — камышовых лодок или деревянных плотов [70]. Точные исследования в восточной части Средиземного моря показывают, что господствующее здесь течение перемещает поверхностный слой воды вдоль берегов Леванта, южных и западных берегов Малой Азии, мимо Эгейской Фракии, Фессалии и спускается на юг вдоль восточных берегов Греции [71, рис. 68, 69]. Его сила достаточна для передвижения примитивных плавательных средств от Передней Азии к устью Месты, Струмы и Вардара. Следовательно, одно из вероятных объяснений может быть связано с миграцией населения, а с ним и идей из Передней Азии морем, но не через острова, а по направлению указанного постоянного морского течения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чилингиров А.* Из праисторията на България.— ПСп, 1908, т. 69.
2. *Петков Н.* Предисторическа боядисана керамика от Софийската котловина.— ГПНБМ, 1928—1929.
3. *Петков Н.* Предисторическо изследване на Софийското поле и близките му околности.— ГНМ, 1932—1934, т. 6.
4. *Петков Н.* Принос към проучванията на праисторията на Софийското поле.— Археология, 1960, № 4.
5. *Петков Н.* Рисуваният орнамент през неолита в Софийското поле и близките му околности.— Археология, 1962, № 3.
6. *Петков Н.* Неолитно селище при село Слатина.— Археология, 1959, № 1—2.
7. *Петков Н.* Нови данни за неолитната култура край София.— Археология, 1961, № 3.
8. *Станчева М., Гаврилова М.* Човешки глинени фигурки от неолитното селище в София.— Археология, 1961, № 3.
9. *Gaul J.* The Neolithic Period in Bulgaria.— BASPR, 1948, vol. 16.
10. *Георгиев Г. И.* Стратиграфия и характер на културата на праисторическото селище в с. Кремиковци, Софийско.— Археология, 1975, № 2.
11. *Миков В., Джамбазов Н.* Деветашката пещера. София: Изд. БАН, 1960.
12. *Миков В.* Ловчанско в предисторическо време.— В кн.: Ловеч и Ловчанско. Т. 1. София, 1929.
13. *Джамбазов Н.* Ловешките пещери.— ИАИ, 1963, кн. 26.
14. *Николов Б.* Праисторически селища във Врачанско.— Археология, 1962, № 4.
15. *Кънчев К., Николов Б.* Оръдията на труда и стопанския живот в селищата от стария и средния неолит при с. Градешница и с. Тлачене, Враченско.— ИМСЗБ, 1980, т. 5.
16. *Николов Б.* Градешница. София: Наука и изкуство, 1974.
17. *Николов Б.* Селище от стария неолит при с. Градешница, Врачански окръг.— Археология, 1975, № 1.
18. *Миков В.* Материали от предисторическата епоха в България.— ИАИ, 1932—1933, т. 7.
19. *Чохаджиев М.* Селища от ранния неолит в Пернишки окръг.— ThA, 1973, т. 3.
20. Jungsteinzeit in Bulgarien (Neolithikum und Äneolithikum). Sofia: Komites für Kultur, 1981.
21. *Чохаджиев М.* Неолитни антропоморфни фигурки от долината на Горна Струма.— Изкуство, 1981, № 9—10.
22. *Георгиев Г. И., Николов В.* Разкопки на праисторическото селище край гр. Сапарева баня, Кюстендилски окръг.— АОР — 1979. София, 1980.
23. *Георгиев Г. И., Николов В.* Разкопки на неолитното селище Кременик край гр. Сапарева баня, Кюстендилски окръг.— АОР-1980. София, 1981.
24. *Николов В.* Аспекти на религиозно-митологичната система през ранния неолит (според рисуваната керамична орнаментация).— Изкуство, 1981, № 9—10.
25. *Перничева Л., Кулов И.* Разкопки на праисторическото селище при с. Българчево, Благоевградски окръг.— АОР — 1979. София, 1980.
26. *Перничева Л.* Сондажни проучвания на праисторически обекти в Благоевградски окръг.— АОР-1981. Михайловград, 1982.
27. *Milojčić V.* South-Eastern Elements in the Prehistoric Civilization of Serbia.— BSA, 1949, vol. 44.
28. *Milojčić V.* Körös-Starčevo-Vinča.— In: Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.

29. *Јовановић Б.* Структура орнаменталног система Старчевачке групе.— ГГБ, 1966, т. 13.
30. *Јовановић Б.* Историјат керамичке индустрије у неолиту и раном енеолиту Централног Балкана.— В кн.: Неолит Централног Балкана. Београд: Народни музеј, 1968.
31. *Vajsová H.* Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien.— SA, 1966, № 1.
32. *Georgiev G. I.* Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebens von Thrazien (Südbulgarien).— In: L'Europe à la fin de l'age de la pierre. Praha: Editions de ATS, 1961.
33. *Georgiev G. I.* Die Entwicklung der älteren prähistorischen Kulturen in Südbulgarien.— SB, 1971, t. 5.
34. *Georgiev G. I.* Verbreitung und Entwicklung der neolithischen Kulturgruppen in Bulgarien.— In: Actes PCJEB. T. 2. Sofia: Editions de ABS, 1969.
35. *Тодорова Х.* Праисторическо изкуство в нашите земли. София, 1975.
36. *Гарашанин М.* Хронология и генезис на неолита в централната и юго-източната част на Балканския полуостров.— Археология, 1966, № 1.
37. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
38. *Третьяков В. П.* Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры.— СА, 1981, № 3.
39. *Николов В.* Приложение на математико-статистически метод за териториално групиране на рисуваната украса върху раннонеолитните керамични съдове.— ИИ, 1982, т. 9.
40. *LeBlanc S. A., Watson P. J.* A Comparative Statistical Analysis of Painted Pottery from Seven Halafian Sites.— Paléorient, 1973, v. 1.
41. *Гарашанин М.* Праисторијске културе Поморавла и Источне Србије. Ниш: Народни музеј, 1971.
42. *Garašanin M.* Centralnobalkanska zona.— In: Praistorija Jugoslavenskih zemalija. T. 2. Neolitsko doba. Sarajevo, 1979.
43. *Гарашанин М., Гарашанин Д.* Неолитска населба Вршник кај село Таринци.— ЗШНМ, 1960—1961, т. 2.
44. Neolithic Macedonia/Ed. Gimbutas M. Los Angeles: Inst. Archaeol., 1976.
45 *Гарашанин М., Санев В., Симоска Д., Китаноски Б.* Предисториски култури во Македонија, Штип: Народен музеј, 1971.
46. *Bregant I.* Ornamentika na neolitski keramiki v Jugoslavije. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1968.
47. Од археолошкото богатство на СР Македонија, Скопје: Археолошки музеј на Македонија, 1980.
48. *Galović R.* Neue Funde der Starcevo-Kultur in Mittelserbien und Makedonien.— BRGK, 1962—1963, t. 43—44.
49. *Galović R.* Die Starčevo-Kultur in Jugoslawien.— In: Die Anfänge des Neolithikums vom Orient dis Nordeuropa, Reihe A. T. 3, 1971.
50. *Milojčić V.* Rec: Neolithic Macedonia/Ed. Gimbutas M. Los Angeles, 1976.— Cermania, 1978, t. 56/2.
51. *Comsa E.* Quelques données sur le processus de la neolithisation dans le territoire de la Roumanie.— AAC, 1978, t. 18.
52. *Garašanin M.* Les origines du néolithique dans le bassin de la Mediterranée et dans le sud-est européen.—PKA, 1980, t. 21.
53. *Nica M.* Nouvelles données sur le neolithique ancien d'Olténie.— Dacia, 1977, t. 21.
54. *Титов В. С.* Неолит Греции. Периодизация и хронология. М.: Наука, 1969.
55. *Milojčić V.* Ergebnisse der deutschen Ausgrabungen in Thessalien (1953—1958).— JRGZM, 1959, Bd 6.
56. *Rhomiopoulou K., Ridley C.* Prehistoric Settlement of Servia (West Macedonja). Excavations — 1973.— AAA, 1974, vol. 7, № 3.
57. *Heurtley W. A.* Prehistoric Macedonja. Cambridge: University Press, 1939.
58. *Heurtley W. A.* Excavations at Servia in Western Macedonia.— AJ, 1932, vol. 12.
59. *Георгиев Г. И.* Проучване на старата неолитна култура в Пирдопско-Златишкото поле.— В кн.: Първи конгрес на БИД. Т. 1. София: Изд. БАН, 1972.
60. *Gimbutas M.* Achilleon: A Neolithic Moun in Thessaly. Preliminary Report on 1973 and 1974 Excavations.— JFA, 1974, vol. 1.
61. *Rodden R. J.* An Early Neolithic Village in Greece.— ScAm, 1965, v. 212, № 4.
62. *Milojčić V.* Zur Frage der Herkunft des Mäanders und der Spirale bei der Bandkeramik Mitteleuropas.— JRGZM, 1964, Bd 11.
63. *Theocharis D. R.* Neolithic Greece. Athens: National Bank of Greece, 1973.
64. *Николов В.* Орнаментация на раннеолитната рисувана керамика от българските земи: класификация, типология и систематизация: Автореф. канд. дис. София: АИ БАН, 1982.
65. *Theocharis D. R.* Prehistory of Eastern Macedonia and Thrace. Athens, 1971.
66. *Тодорова Х.* България и Югоизточна Европа през неолита и енеолита.— В кн.: България в света от древността до наши дни. Т. 1. София: Наука и изкуство, 1979.
67. *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. Vol. 2. Edinburgh: University Press, 1970.
68. *Goff B. L.* Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — London, 1963.
69. *Otto B.* Geometrische Ornamente auf anatolischer Keramik. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1976.
70. *Хейердал Т.* Древний человек и океан. М.: Мысль, 1982.
71. Гидрология Средиземного моря. Л.: Гидрометеоиздат, 1976.

V. Nikolov

EARLY NEOLITHIC CULTURES IN WESTERN BULGARIA

Summary

A look at the relevant research shows that of all components of early Neolithic material culture the most representative material is furnished by painted fine ceramics. An analysis of the relevant coloured ornament makes it possible to identify three archaeological cultures which were in existence in the central part of the Balkan Peninsula: Kremenik-Anzabegovo (on the middle Struma and Vardar), Kremikovci (on the upper Struma, in the Sofia Basin and in the Nishava Valley) and Gradešnica-Cîrcea (in north-western Bulgaria and south-western Romania). The description of the paintings is divided into the cultures and the design elements present on the vessel such as patterns on the neck and foot and basic composition. Considering data pertaining to the synchronization of the three cultures of western Bulgaria with that of Thessaly, the author draws a parallel between their development and that of Preseskio and Sesklo cultures. The article contains an analysis of the degree of similarity between the coloured ornamentation exhibited by the cultures of Kremenik-Anzabegovo, Kremikovci, Gradešnica-Cîrcea and Karanovo I (Thracia) and an assumption concerning the existence of an additional (apart from the Maritsa Valley) route along which proceeded the contacts with the Aegean-Anatolian region – the Struma and Vardar valleys. This conclusion is supported by analogies between the ornamental motifs of the central part of the Balkan Peninsula and those of Western Asia. The author puts forward the suggestion that an important role in the maritime contacts between the two aforementioned areas was played by the constant Mediterranean current which washes the shores of the Levant, Asia Minor, Aegean Thracia and Thessaly.

МАВЛЕЕВ Е. В.

ЭТРУССКИЕ ЗЕРКАЛА

Этрусские зеркала обратили на себя внимание уже в XVII—XVIII вв. Эти бронзовые пластины округлой формы с ручками разной конструкции собираются ради чу́дных рисунков, гравированных с оборотной стороны отражающей поверхности. Систематическому изучению этрусские зеркала подвергаются в числе первых археологических объектов в истории нового времени. Его итог — издание многотомного корпуса, который уже более 100 лет служит археологам, историкам, искусствоведам [1]. Но только сейчас этрусское зеркало начинает обращаться в полноценный исторический источник. До сих пор оно было лишено «места прописки». Мы почти ничего не могли сказать, где, в каком центре оно изготовлено. И хотя и прежде ни один источник не мог соперничать с зеркалами по степени информативности, мы были в состоянии лишь предполагать, какой конкретно этрусский центр — Цере, Вольсинии, Тарквинии и т. д. — «говорит» с нами его формами и изображениями. Последнее десятилетие позволяет, наконец, ликвидировать досадное упущение. Наконец-то определяются центры производства, отдельные мастерские, индивидуальные биографии граверов. И это значит, что этрускология, до сих пор лишенная помощи письменных, «говорящих» источников, приобретает в зеркалах их аналог. Таким образом, этрускология получает возможность приступить к воссозданию истории политической и реконструкции полноценной индивидуально-личностной духовной культуры.

Очень схематично история изучения зеркала может быть представлена примерно так. До 80-х годов XIX в. интерес к зеркалам ограничивался сюжетами рисунков. Такой подход при общей неразвитости сравнительной мифологии (а именно мифы обычно изображались на зеркалах) мог привести только к созданию баснословных историй. С 80-х годов в связи с развитием сравнительно-стилистического анализа наступает определенный перелом. Изучение рисунков дает предварительный хронологический ряд и устраняет из общей массы зеркал явные подделки, появившиеся в большом количестве в пылу собирательства этрусских древностей. К началу XX в. определились в основном направления в критике зеркала как исторического источника: 1 — установление достоверности (оригинал или подделка); 2 — стилистический анализ, приводящий к датировке и вводящий таким образом материальный объект в исторический процесс.

Анализ художественно-стилистических особенностей рисунка надолго становится единственным действенным «инструментом» для изучения зеркала. В качестве примера можно привести образцовое для своего времени исследование пренестинских зеркал Г. Маттиес [2]. Апогея данное направление достигает в конце 40-х годов текущего столетия. «Мир этрусского зеркала» — так называлась статья крупнейшего специалиста в области аттической вазописи Дж. Бизли, небольшая по объему, но оказавшая колоссальное влияние на этрускологию [3]. Название отражает отношение Дж. Бизли к проблеме: этрусские зеркала — компактная, замкнутая группа материала, анализировать который можно и должно, исходя только из присущих ему законов развития. Иначе говоря, своего рода герменевтика. В зеркале по-прежнему рассматривается только графический рисунок, отражающий стилистическую эволюцию греческой вазописи.

Пример Дж. Бизли показывает, что один стилистический анализ, какой бы виртуозностью он ни отличался, не способен создать надежную

систему классификации. В своей работе Дж. Бизли придерживается двух тезисов: 1 — развитие совершается от рисунка грубого исполнения к совершенному: 2 — эволюция рисунка — результат целенаправленного обучения (заимствования) этрусков у греков. Таким образом, абсолютно устраняется вопрос о возможности одновременного сосуществования разностилевых направлений, множества мастерских и мастеров, ориентирующихся на разные источники. Впрочем, избранная Бизли методика едва ли могла даже поставить его перед такими вопросами.

Кризис и одновременное перерождение эта методика переживает в творчестве Дж. А. Мансуэлли [4]. Она уже в большей степени опирается на анализ всей совокупности этрусских памятников: движение от датированных археологических объектов к памятникам материальной культуры, а через них к стилистическому анализу. Каждое зеркало для Дж. А. Мансуэлли возникает как бы в фокусе стилистических аналогий с этрусскими памятниками, вазами Эллады и Великой Греции. Тенденция к максимально полному охвату материала ставит Мансуэлли перед необходимостью искать критерии, позволяющие возможно точнее разделять современные друг другу зеркала. Так возникают «пучки» признаков, включающие в себя уже не только особенности рисунка, но и специфичные именно для зеркала технологические приемы, например форму отливки, конструкции ручки, характера штриха.

Но безусловно, очень тонкую и изощренную технологию производства зеркала (как акта художественного творчества) Дж. А. Мансуэлли понимает предельно механистически. Зеркала разделяются им по толщине наносимой линии, шероховатостям штриха, определенному набору шаблонных элементов рисунка. Такая методика хорошо «работает» на разъединение, обосновывая отличие одного памятника от другого. Но она, во всяком случае у Дж. А. Мансуэлли, оказывается не в состоянии хотя бы наметить связи между отдельными зеркалами, сводя их в группы, выходящие из-под руки одного мастера, из одной мастерской [ср. 5]. Однако, думается, в этом вина не только лично Дж. А. Мансуэлли, вероятно, не владеющего в должной мере стилистическим анализом, не обладающего «глазом», как сказал бы искусствовед. Больше, наверное, все-таки следует винить традиционную методику изучения зеркала, от которой так и не сумел отказаться Дж. А. Мансуэлли, несмотря на все свое новаторство. Параллельно исследованию индивидуальных особенностей каждого зеркала требовалось вычленение из общего массива материала компактных групп.

Такая работа началась с «отсечения» от этрусских зеркал пренестинских, обладающих характерной грушевидной формой [2]. Далее следует гипотетическое суммирование по формальным признакам (характерные детали дисков, ручек и т. п.) из единичных зеркал специфических групп. Иначе говоря, исподволь началась неизбежная при изучении массового археологического материала классификация по чисто внешним признакам. Переворот в изучении этрусского зеркала наступил как материализация стремления к теоретическому обобщению этой эмпирической работы.

Переворот начинает исследование И. Майер-Прокоп [6]. Ее методика характеризуется следующими моментами. Для анализа избирается компактная группа, определенная прежним развитием в художественно-стилистических параметрах как произведения архаического периода (соответственно около 520 г.— около 490 г. до н. э.) Первая часть — обширный каталог, в котором при описании уточняются характерные признаки зеркала, намечаются черты, роднящие рисунок с другими памятниками этрусского, италийского, греческого искусства. Вторая часть («Содержание и стиль изображения») — методическое исследование набора признаков, которые определяют принадлежность зеркала к архаической группе [6, с. 43—113]. Здесь уже как бы несколько самостоятельно существующих точек зрения на один предмет: А — «Темы» — иконография и иконология сюжетов; В — «Композиция» — поиски граверами рисунков, наиболее гармонирующих с развивающейся формой зеркала: С — «Орна-

мент» — разновидности декоративного обрамления зеркала. Перед нами три уровня восприятия памятника, в совокупности порождающих феноменологию архаического зеркала. В заключительной части исследования делается попытка подойти к зеркалу «предметно». Важно заметить, что в этом уже начинает явно проступать приближение современного метода изучения этрусского зеркала к «предметному анализу», разрабатываемому марксистской гносеологией. Так, например, форма зеркала расшифровывается через совмещение функции зеркала, технологических возможностей его использования и эстетических требований «(«Архаическое зеркало как инструмент») [6, с. 114—124]. К сожалению, излагаемые в этой части соображения, как правило, имеют слишком абстрактный характер.

Особое место технологические проблемы производства зеркала занимают в исследовании Д. Ребуффа-Эммануэль [7]. Она пытается совместить в своей работе две задачи, что, как нам кажется, не совсем ей удается, а именно: создать новый каталог зеркал Кабинета медалей Национальной библиотеки в Париже и рассмотреть в максимально полном объеме историю производства этрусских зеркал. На первый взгляд эти две задачи должны естественно дополнять друг друга, ибо коллекция Кабинета медалей включает в себя зеркала всех периодов их изготовления.

Однако сознательно или нет, круг аналогий Д. Ребуффа-Эммануэль оказался ограничен зеркалами Кабинета, что значительно сузило источниковедческую базу второй части ее работы, обращенной к реконструкции истории зеркала в Этрурии.

Вслед за историей собрания Кабинета следует подробнейший каталог [7, с. 23—333]. Уже в этой части дает о себе знать новый подход к зеркалу, впервые проявившийся у И. Майер-Прокоп. Все описания единообразны и разбиты на множество рубрик, которые выступают как характеристики зеркал, представляя их в виде определенной совокупности элементов. Система координации элементов между собой, таким образом, оказывается словесным портретом конкретных групп зеркал, памятников разных периодов. Предложив такой тип описания, Д. Ребуффа-Эммануэль сумела найти очень удачную форму передачи информации о зеркале. Каждое описание распадается на две части, отражая тем самым наиболее важные группы признаков, определяющих место этрусского зеркала в современной классификации этих памятников. Д. Ребуффа-Эммануэль предлагает следующую, оправданную логикой строения материала систему описания. I — характеристика формы: 1 — конфигурация диска, ибо на всем протяжении истории этрусских зеркал доминирует всего лишь несколько легко визуально определяемых типов; 2 — ручка и элементы ее конструкции, наиболее подверженные изменению. II — технологический процесс изготовления зеркала, определяемый сопоставлением двух параметров: весом и размерами. Все эти признаки в совокупности позволяют не только ввести любой конкретный памятник в группу типологически родственных зеркал (иначе говоря, приблизительно датировать и определить «национальную» школу — этрусское оно или пренестинское). С достаточной долей вероятности они еще помогают установить прямых предшественников и «потомков» зеркала, т. е., с одной стороны, выявить формы, слияние которых породило данный памятник, а с другой — формы, на становление которых данное зеркало повлияло. III — анализ рисунка. Однако и в этом, на чем до 60-х годов XX в. сосредотачивалось основное внимание этрускологов, Ребуффа-Эммануэль выступает как новатор. У нее впервые рисунок и линия, а не сюжет и композиция превращаются в основной источник суждений о гравере. Этому в немалой степени содействует многосторонняя оценка технической стороны рисунка: 1 — регулярность штриха, 2 — гибкость штриха, 3 — непрерывность начертанного, 4 — плотность начертанного, 5 — заполнение поля, 6 — общая характеристика рисунка как произведения изобразительного искусства, 7 — характеристика руки мастера или характер мастера как рисовальщика.

В следующей (IV) части своей работы (показательно ее название — «Зеркала, рассматриваемые предметно» [7, с. 330—408]) Д. Ребуффа-Эммануэль переходит от анализа отдельных памятников (т. е. от каталога) к своеобразному их синтезу — изучению особенностей развития составляющих этрусское зеркало элементов: ручек, форм диска, разновидностей украшения, способов объединения всех этих составляющих единого организма — зеркала. Такие «элементы» с точки зрения эволюции дают «типологические нити», которые в свою очередь связывают каждое конкретное зеркало с довольно большим числом других. В совокупности возникает сложная модель развития производства зеркал в Этрурии в тот или иной период. Вместо стройной цепочки «перерождений» одного зеркала в другое, что мы имели в гипотезе Дж. Бизли, перед нами настоящий хаос единичных зеркал, каждое из которых связано со множеством других, но связи эти одинаковой значимости, и поэтому трудно установить магистральный путь развития.

В силу особой установки своего исследования (максимально фундированный каталог конкретного собрания) Д. Ребуффа-Эммануэль смогла воссоздать статические состояния зеркал Кабинета медалей в континууме этрусской культуры. Зеркала выступают перед нами как материализации определенных, важных для данного производства влияний, господствовавших в этрусском обществе на разных этапах его истории. Здесь и художественные влияния Эллады, Великой Греции и разных видов этрусского искусства, прежде всего вазописи, с которой зеркальное производство было особенно тесно связано (стилистические аналогии особенно) [7, с. 577—624]. Однако в этой группе факторов оказались и такие, какие прежде едва возникали при изучении зеркала. Это элементы мировоззренческого порядка, проявляющиеся в форме, специфично профессиональной: раздел об «архетипах» — иконографических схемах, отражающих в зримой форме идейно-смысловое содержание [7, с. 653—659], разного рода мифологические сюжеты [7, с. 424—558]. Так своеобразно преломились итоги так называемого искусствометрического и структурного изучения объекта художественного творчества. Сюда же входит фактор, выводящий в социологию искусства, к механизмам опосредования памятниками изобразительного искусства общественных умонастроений. Это, во-первых, технологические возможности общества, отраженные через функциональное назначение предмета. Подразумевается характерное для Этрурии резко двучленное строение общества («лукумоны», «рабы»), когда предметы обихода для «лукумонов» изготовляются в подражание иноземным образцам (прежде всего греческим), но специалистами (одной из категорий «рабов»), которые разбираются в тонкостях иноземной культуры значительно хуже потенциальных заказчиков и потребителей[1]. Во-вторых, это некая специфическая «избирательность» общества, которая в зеркалах раскрывается через художественно-эстетический ценностный критерий, иначе говоря, что «красиво или безобразно», «плохо или благонравно» и т. п. с точки зрения современного общества. Думается, уже этот чрезвычайно беглый обзор работы Д. Ребуффа-Эммануэль достаточно ясно показывает, сколь оригинально подходит автор к изучению массового археологического материала. И предлагаемая методика, которая, конечно же, целиком и полностью не может быть принята нами, тем не менее, как нам кажется, позволяет и советской археологии заимствовать некоторые отдельные положения в плане эмпирической проработки источника.

В заключение необходимо отметить целый ряд моментов, впервые систематически освещаемых Д. Ребуффа-Эммануэль: 1 — принцип датировки зеркала — от четко датированных археологических комплексов, в состав которых входят и зеркала, к «группам», составленным из хронологически одновременных зеркал, наконец, к построению «ряда» с помощью отмеченного выше «предметного анализа» внутри «групп» [7,

[1] О специфике действия этого «механизма» см. [8].

с. 577—624]; 2 — технологический процесс производства зеркала от отливки формы до нанесения рисунка [7, с. 627—682].

Формально работа Г. Пфистер-Резген [9] во многом подобна исследованиям Д. Ребуффа-Эммануэль и И. Майер-Прокоп: сначала подробный каталог [9, с. 17—86], который затем расшифровывается в виде изысканий в области стилистики и типологии [9, с. 87—237]. По своим целям исследование Г. Пфистер-Резген продолжает дело Майер-Прокоп: рассматриваются зеркала хронологически следующего периода — до конца V в. до н. э. Однако это чисто внешнее совпадение, хотя Г. Пфистер-Резген по манере подачи материала явно подражает И. Майер-Прокоп. Но в действительности по существу единственным критерием хронологического распределения зеркал служит стилистический анализ. Изучению формы не придается никакого значения. Неудивительно поэтому, что при сравнении выводов Д. Ребуффа-Эммануэль и Г. Пфистер-Резген касательно одних и тех же памятников мы находим столько противоречивых суждений [9, с. 197]. Так, например, зеркало S.30 Г. Пфистер-Резген, основываясь на стилистических аналогиях, датирует V в. до н. э. Между тем в системе Д. Ребуффа-Эммануэль оно относится к IV в. до н. э. Отметим, что воспроизводимый здесь сюжет (убийство женщины мужчиной) в этрусском изобразительном искусстве не мог появиться ранее устанавливаемого Д. Ребуффа-Эммануэль времени.

Как было отмечено, и до 70-х годов предпринимались попытки локализации зеркал. Но именно Г. Пфистер-Резген приступает к этой операции в таком значительном масштабе. Многие зеркала автор связывает с определенными этрусскими городами. Однако едва ли можно достаточно серьезно относиться к этому, ибо предлагаемые им принципы определения крайне ненадежны: место находки, некоторое сходство композиций [ср. 10, с. 4]. Достоверность доказанного такого рода исследовательская работа могла обрести только при определении в самом зеркале — его форме, конструкции, наконец, специфических свойствах рисунка, иначе говоря, искомого критерия.

Такая работа стояла на повестке дня. Поэтому совсем не удивительно появление исследования У. Фишер-Граф [10], для которой выработка методики локализации зеркала становится основной целью. Гравированный рисунок на этрусском зеркале располагается обычно с оборотной стороны. Он обрамляется, как правило, каким-либо бордюром: из веток растений, цветочного венка, вереницы животных, наконец, плетенки. Число вариаций очень значительно, но тем не менее явно подчиняется каким-то ограничениям. Для определения принадлежности к одной группе У. Фишер-Граф избирает следующее: 1 — находки в одном пункте, 2 — зеркала, у которых рисунок обрамляется характерным венком из плюща [10, с. 5]. Следующая операция — установление в выделенной группе других общих признаков. В качестве такого устойчивого признака выявляется близкое родство между композициями в рисунках на зеркалах и на вазах, также большей частью находимых в Вульчи. Более подробное изучение этого родства между двумя группами материала дает основание для предположения о мастерской зеркал в Вульчи, действующей примерно с 490 г. н. э. до начала III в. н. э. и выпустившей не менее 110 их экземпляров [10, с. 10—110]. На основании уже определенного критерия (характерного набора признаков) гипотетически реконструируется история мастерской зеркал в Вульчи. Ее возникновение каким-то образом связано с деятельностью мастеров из одного из североэтрусских центров, вероятнее всего, Клузия. Ранняя группа вульчийских зеркал, с одной стороны, демонстрирует свое внешнее сходство с так называемыми клузийскими, с другой же стороны, уже обладает признаками подобия с развитыми формами зеркал Вульчи [10, с. 4]. Период около 410—380 гг. до н. э.— эпоха наивысшего расцвета. После 380 г. наступает стагнация, перерастающая в вырождение, когда типичные для зеркал Вульчи черты утрачивают яркость и сочность, превращаясь в механически воспроизводимый набор шаблонных знаков.

Таким образом, этрускологии понадобилось немногим более 10 лет в изучении зеркал, чтобы прийти к методике, которая уже позволяла бы, пользуясь социологическими категориями, приступить к изучению профессиональной группы и (правда, пока еще только на художественно-стилистическом и идейно-смысловом уровнях) взаимодействию группы и ее членов, т. е. мастерской и работающих в ней граверов. Наверное, еще более внушительных успехов удалось бы достичь, если бы в полной мере оказались реализованными сделанные Д. Ребуффа-Эммануэль методические открытия. В самом деле, в настоящее время бо́льшая часть этрусских зеркал оказалась разбита на «группы» подобные вульчийской. Мы не останавливались подробнее на работах такого рода только потому, что они остались как бы «в тени» совершившегося в методике изучения зеркала переворота. Каждый год о зеркалах появляется не менее десятка новых статей[2]. И часто совершаемая в этих исследованиях работа в ее результатах и возможных выводах остается неосознанной до конца самим исследователем. Но бесспорно теперь уже можно говорить о нескольких латинских центрах (а не об одном, как прежде, пренестинском), нескольких этрусских: вульчийском, вольсинийском, церетанском, северо-этрусском. Внутри этих «групп» выделяются своего рода «подгруппы»: работы отдельных мастеров, продукция «мастерских». В одном городе, по-видимому, действовало одновременно несколько мастерских.

Определение руки одного мастера — самая простая (в настоящий момент) из различных процедур по атрибуции зеркал. Накоплен все-таки огромный опыт по определению «руки» античных вазописцев, и трансформирование его в сферу гравировального искусства оказалось довольно удачным. Но так, к сожалению, можно говорить только о тех зеркалах, создание которых относится к какому-то определенному периоду деятельности мастера, характеризующемуся единством стиля. Объединение же зеркал одного мастера, но разных периодов его деятельности представляет известную трудность. Здесь на первый план выступает какая-либо характерная особенность манеры рисования, видоизменяющаяся, часто довольно значительно, внешне (в процессе разработки разных сюжетов, в силу решения новых технических задач), но в основе своей остающаяся неизменной. Для определения этой манеры и ее развития во времени неоценимую услугу нам оказывают «характеристики» Д. Ребуффа-Эммануэль «руки мастера».

Следующим по степени сложности этапом исторической интерпретации классификационных систем оказывается определение «мастерских». Во многом это понятие еще условно. Оно определяет собой довольно значительную по числу, компактную (в смысле стиля, сюжетов) группу зеркал, среди которых выделяется целый ряд мастеров. По конструктивным особенностям зеркала каждой такой «подгруппы-мастерской» являются представителями различных типологических «рядов». Правда, ядра такой «мастерской» составляют, как правило, только несколько зеркал, и по «типу», и по стилю родственных. Они определяют лицо «мастерской». Остальные же либо модификации основного «типа», либо «смешанные формы», конструкции, объединяющие в себе элементы зеркал разных «типов». Рисунок одного мастера может появляться на зеркалах разных «типов». В этом, в частности, рельефно проявляется процедура изготовления зеркал. Они выпускались маленькими сериями, причем каждый такой выпуск (видимо, не более 2 экз.) гравировался одним мастером. Таким образом, получается, что «мастерская» — это собрание зеркал, включающее в себя: 1 — ее «ядро» — своеобразное «лицо мастерской»; 2 — остальные экземпляры, типологические особенности которых наиболее ярко выступают в рамках иных «подгрупп-мастерских». Так, например, в одной из «мастерских» Вольсиний ядро составляли около 10 зеркал, тогда как «эманация» его родственных выпусков достигала уже порядка четырех-пяти десятков. Полученный результат

[2] Ср., например, библиографию только одного, хранящегося в Гос. Эрмитаже зеркала [11]. Литература на русском языке [12, 13].

можно интерпретировать по-разному, в частности как взаимовлияние «мастерских» или «миграция» мастеров. Но окончательный ответ на все эти крайне важные вопросы мы получим, наверное, только когда проанализируем описанным способом бóльшую часть зеркал. Тогда же можно будет судить о принадлежности той или иной «мастерской» определенным этрусским центрам. Пока такого рода выводы еще преждевременны.

Собственно, таким образом, мы подошли к очередному исследовательскому рубежу, перед которым этрускология поставила свою специальную дисциплину, занимающуюся изучением зеркала. Несколько лет назад был создан Международный научный комитет, в обязанности которому вменяется разработка плана по созданию нового Корпуса зеркал, который должен включить все известные их экземпляры. Легендарный Корпус Герхарда более не может удовлетворить целому ряду требований. Он составлен из графических воспроизведений зеркал, которые не только не передают художественно-стилистических тонкостей рисунка, но часто значительно искажают многие его детали. Обычно в Корпусе Герхарда дается только оборотная сторона зеркала с гравированным рисунком. Профильная конфигурация, конструкция ручки с ее объемными и графическими украшениями, наконец, лицевая сторона — все это игнорируется. Между тем без всех этих элементов невозможно не только приписывание зеркал конкретной «мастерской», «группе», но даже мастеру-граверу. Кроме того, со времени выхода в свет последнего выпуска Корпуса Герхарда число известных зеркал резко возросло. Издание нового корпуса предполагается по странам, планируя выпуски сообразно количеству этрусских зеркал, которыми располагают музеи и собрания того или иного государства. В Италии уже издано несколько выпусков [16—18]. В СССР силами Гос. Эрмитажа, ГМИИ (Москва) и Музея Грузинского искусства (Тбилиси) завершается обработка материала (около 50 экз.). Каждый памятник будет воспроизведен графически и фотографически со всех сторон. Таким образом, с завершением издания изучению будут доступны все известные этрусские зеркала.

Наконец, последним и весьма ценным нововведением планируемого корпуса будет намеченное в широком масштабе физико-химическое изучение бронзы этрусских зеркал. Подобная работа уже проводилась с этрусскими зеркалами, но крайне спорадически и в очень ограниченном объеме [например, 14, 15]. Сейчас, когда с помощью описанных выше операций произведена классификация основной массы материала, крайне важно получить дополнительный критерий, который бы позволил подтвердить или отвергнуть созданную гипотетически модель производства зеркал в Этрурии и законы их распространения по территории Северной Италии.

В заключение попытаемся на конкретных примерах проиллюстрировать некоторые из изложенных выше положений. Первой индивидуально обозначившейся группой становится пренестинская, названная так по городу Пренесте в Лациуме. Экземпляр, хранящийся в Гос. Эрмитаже и изготовленный в последние десятилетия IV в. до н. э. (инв. В. 518), показывает характерные черты этих зеркал: форму (грушевидную), конструкцию (цельная отливка отражающей поверхности и ручки), рисунок («царапающая» манера исполнения, известная простота применяемых художественных приемов) (рис. 1). К настоящему времени эта некогда монолитная группа распалась на подгруппы [19] и ставится вопрос, действительно ли вся продукция (не только зеркала, но и цисты), понимаемая прежде как пренестинская, изготовлена в Пренесте [20]. В частности, казалось бы, решенная уже однозначно проблема влияния именно этрусских центров на пренестинские снова потребовала обсуждения. Несколько групп этрусских и пренестинских зеркал снабжаются ручкой характерной конструкции, дающей в сечении прямоугольник. Место изобретения такой ручки определить затруднительно, хотя и очень важно для целого ряда групп, для которых только это окончательно решает вопрос об этнической принадлежности мастеров.

Рис. 1. Зеркало из Пренесте (Лациум). Оборотная сторона

Еще больше проблем возникает при изучении собственно этрусских зеркал. Например, самый ранний экземпляр в эрмитажной коллекции — зеркало работы «Мастера пальметок» (рис. 2). Это типичный образец высококачественной продукции архаического периода, исполненный вскоре после 460 г. до н. э. (Д=15,5 см, толщина диска — 0,32 см [5]). Зеркала этого типа обычно состояли из двух элементов: круглого диска со штырем для крепления ручки (на нашем экземпляре не сохранился) и ручки, моделированной, как правило, в виде живого существа, изготовленной из бронзы или кости. Наибольшую близость зеркала «Мастера пальметок» проявляют к группе, относимой У. Фишер-Граф к Вульчи. Для всей группы, как и для зеркал нашего мастера, характерно повышенное внимание к соотнесению обрамляющего орнамента с вписываемой в него фигуративной композицией. Некоторые образцы вульчийской группы, близкие по времени деятельности «Мастера пальметок», точно воспроизводят общий, вероятно, тип конструкции зеркала, характер соотнесения объемной отливки с гравированным рисунком на ее гладкой поверхности. Но вместе с тем имеются и следующие отличия. Величина зеркал из Вульчи, близких нашему, несколько больше (по каталогу у

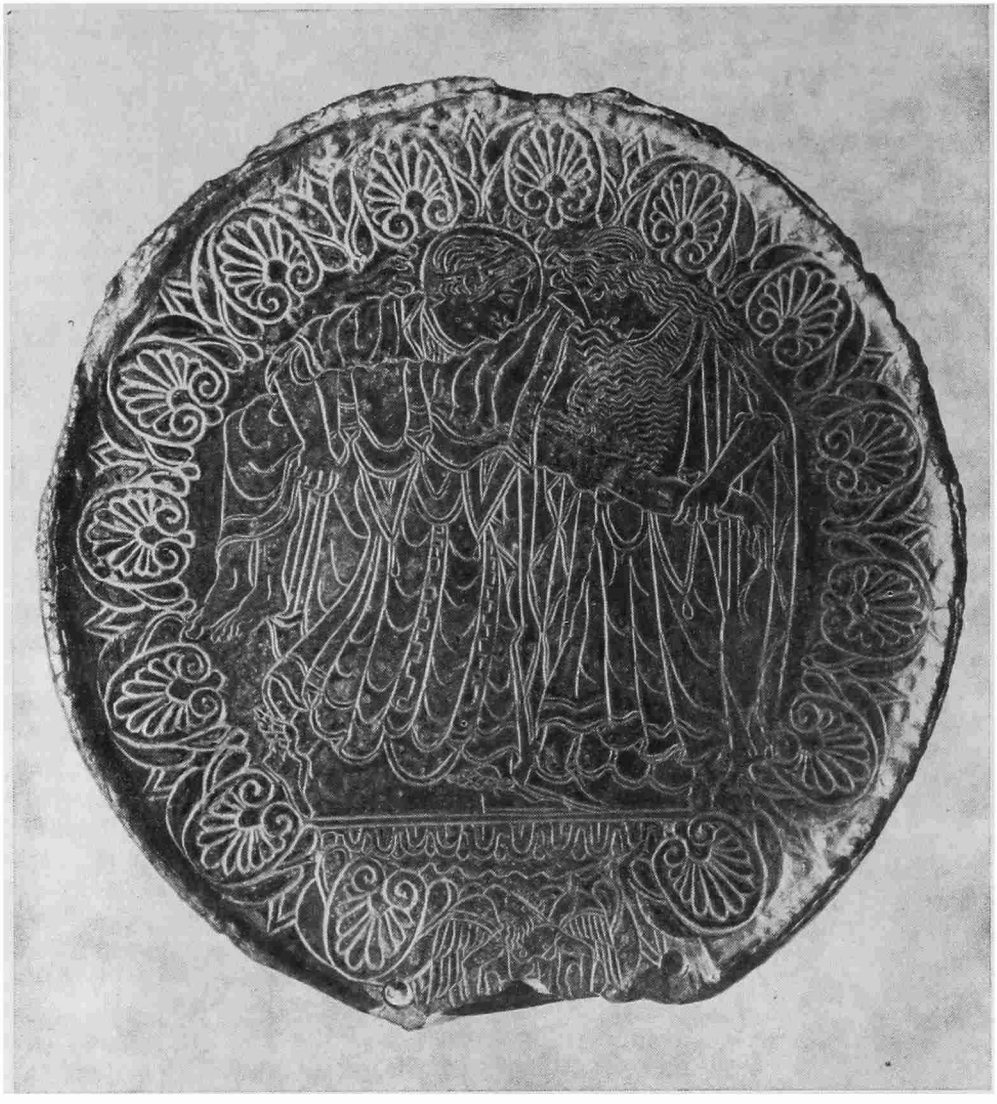


Рис. 2. Образец этрусского архаического зеркала. Оборотная сторона

Фишер-Граф [10] соответственно для 14 Д = 16 см для 15 – Д = 17,5 см). Техническая сторона рисунка граверов из Вульчи художественно менее изощренна, чем у «Мастера пальметок». Наш художник отличается редкой свободой в модулировании толщиной и глубиной линии (рис. 3). Именно этой особенностью своей техники он обеспечивает характерный для него живописный стиль. В целом «Мастер пальметок» художественно более одарен, чем все граверы, чьи работы У. Фишер-Граф объединяет в вульчийскую группу. Это касается не только смелости его обращения с линией, но и варьирования многими другими элементами, которые типичны для всех его работ, но каждый раз выходят из-под резца чуть-чуть иначе. Для мастеров вульчийской группы характерна, например, стереотипность орнаментального обрамления, определенная «царапающая» манера нанесения рисунка. Как все это можно понять? Очевидно, можно предложить несколько равноправных (для настоящего этапа исследования зеркал) интерпретаций. Работа У. Фишер-Граф – только начало изучения мастерской или мастерских в Вульчи. Поэтому, естественно, эта реконструкция достаточно схематична. Она выделяет в зеркалах только одну линию эволюции. А на самом деле их, конечно же, было куда больше. «Мастер пальметок» работая, предположим, в Вульчи, мог принадлежать к другой мастерской. Но и принадлежа к выделяемой У. Фишер-Граф группе, наш мастер мог отличаться от своих собратьев уровнем дарования, поэтому мы получаем целый ряд общих

Рис. 3. Фрагмент зеркала, изображенного на рис. 2

признаков, но в индивидуально переработанном виде. Наконец, наш мастер мог приехать в Вульчи на время или подвергнуться влиянию Вульчи, работая в другом месте. Все это предстоит еще решить.

Второе этрусское зеркало относится к выделяемой нами Вольсинийской «мастерской» [21]. Ее деятельность обнаруживается около 350 г. до н. э. и прекращается в первые десятилетия следующего столетия. Эта «мастерская» знает несколько «поколений» мастеров. Представляемое зеркало (рис. 4) относится ко второму, самому яркому и художественно одаренному. Это то, что выше было обозначено как «ядро». Пока трудно решить, как правильно именовать признаки, характеризующие для нас возникший феномен. Говоря о «поколениях», мы, таким образом, вводим в нашу интерпретацию понятие «мастерской», истолковывая происходящие с зеркалами изменения как результат целенаправленного действия замкнутого коллектива людей. Говоря о «ядре» мастерской и его «эманациях» (выпусках), мы еще не даем интерпретации конкретной исторической ситуации, в результате которой происходят совершенно определенные изменения с изготовляемыми зеркалами. В настоящее время, как нам кажется, уже появились основания для исторической интерпретации Вольсинийской мастерской. Таким образом, второе поколение ее мастеров создает принципиально новую конструкцию зеркала: огромный плоский диск (Д — около 20 см), сплошь покрытый фигуративным орнаментом. Зеркало из Эрмитажа [3] представляет собой уменьшенную (Д = 17,5 см), своего рода ухудшенную (но какую!) копию, выполненную одним из корифеев мастерской в период заката, когда он довольно искусственно объединяет элементы из разных композиций, созданных им же самим. Компактность вольсинийской группы прослеживается по технологическим особенностям строения зеркал, общим художественным признакам и характеру избираемых для изображения тем. Вольсинийские зеркала становятся рупором своеобразной «экуменической пропаганды» в условиях Самнитских войн, когда Вольсинии, место ежегодных собраний Этрусской лиги, активно агитируют всех против Рима [4]. Между тем эта агитация художественно предстает перед нами

[3] Гос. Эрмитаж, инв. В. 509.

[4] Результаты работы доложены на XVI конгрессе Эйрене (3.IX.1982, Е. В. Мавлеев. Миф, идеология и политика (деятельность мастерской граверов в Вольсиниях).

Рис. 4. Образец этрусского зеркала так называемого классического периода. Оборотная сторона

в виде композиций, в которых действуют так называемые родовые божества, т. е. божества, почитаемые в различных местах Этрурии. Прежде это обстоятельство служило обоснованием для локализации зеркал. Теперь же стал очевиден иной характер такого обоснования.

Таким образом, подводя итог, мы видим, что 10 последних лет резко продвинули вперед изучение этрусского зеркала. И открывающаяся перспектива обещает с помощью истолкования разных процессов, которые как бы застыли в зеркалах, приблизить нас к написанию истории Этрурии, такой бедной, как известно, пока конкретными подробностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gerhard E., Körte G.* Etruskische Speigel. Bd I—V, Berlin, 1843—1897.
2. *Matthies G.* Die Praenestinischen Spiegel. Ein Beitrag zur italischen Kunst- und Kulturgeschichte. Strassburg, 1912.
3. *Beazley J. D.* The World of the Etruscan Mirror.— JHS, 1949, t. 69.
4. *Mansuelli G. A.* Gli specchi figurati etruschi.— SE, 1946—1947, t. 19.
5. *Мавлеев Е. В.* «Мастер пальметок» и его произведение в Эрмитаже.— СГЭ, 1980, вып. 45.
6. *Mayer-Prokop I.* Die gravierten etruskischen Griffspiegel archaischen Stils.— RM, 13, Ergänzungsheft. Heidelberg, 1967.
7. *Rebuffat-Emmanuel D.* Le miroir étrusgue d'après la collection du Cabinet des Médailles.— Collection de l'École Française de Rome. T. 20. Rome, 1973.
8. *Мавлеев Е. В.* Греческие мифы в Этрурии (о понимании этрусками греческих изображений).— В кн.: Античный мир и археология, Вып. 4. Саратов, 1979.

9. *Pfister-Roesgen G.* Die etruskischen Spiegel des 5. J. v. Chr.— Archäologische Studien. № 2. Berlin — Frankfurt/Main, 1975.
10. *Fischer-Graf U.* Spiegelwerkstätten in Vulci.— Archäologische Forschungen (Deutsches archäologisches Institut). Bd 8. Berlin, 1980.
11. *Мавлеев Е. В.* «Священныей брак» на этрусском зеркале.— СГЭ, 1976, вып. 41.
12. *Борисковская С. П.* Этрусские и италийские бронзы.— В кн.: Античная художественная бронза: Каталог выставки. Л.: Аврора, 1973.
13. *Вощинина А. И.* Бронза.— В кн.: Культура и искусство Этрурии. Каталог выставки. Л.: Аврора, 1972.
14. *Panseri C., Leoni M.* Sulla tecnica di fabbricaziene degli specchi di bronzo etruschi.— SE, 1975, t. 25.
15. *Nicosia F.* Radiografie di bronzi antichi.— SE, 1967, t. 35.
16. CSE. Italia I. Bologna — Museo civico. Fasc. I. Roma, 1981.
17. CSE. Italia I. Bologna — Museo civico (specchi dagli scavi di Bologna e territorio). Fasc. II. Roma, 1981.
18. CSE. Denmark I. Copenhagen. The Danish National Museum, the Ny Carlsberg Glyptothek. Fasc. I. Odense University Press, 1981.
19. *Adam R.* Recerches sur les miroirs prénestins.— Etudes d'histoire et archéologie. II. Paris, 1980.
20. *Foerst G.* Die Gravierungen der pränestinischen Cisten.— Archaeologica-7. Roma, 1978.
21. *Мавлеев Е. В.* Мастер «Суда Париса» из Оберлин-колледж в Эрмитаже — СГЭ, 1982, вып. 47.

E. V. Mavleyev

ETRUSCAN MIRRORS

Summary

Etruscan mirrors attracted scientists' attention back in the 17th century. Their use both for everyday purposes and in funeral rites conditioned specific designs of their reverse sides. The researcher faces a most difficult problem of getting a possibly complete information almost exclusively from the object itself. His task is made more difficult by the lack of written sources which would have clarified the problem and also by the fact that mirrors were exported to far-away lands.

The identification of the designs' subjects and dating of some mirrors permitted the author to establish the place of their origin and characterise their maker.

ФРОЛОВА Н. А.

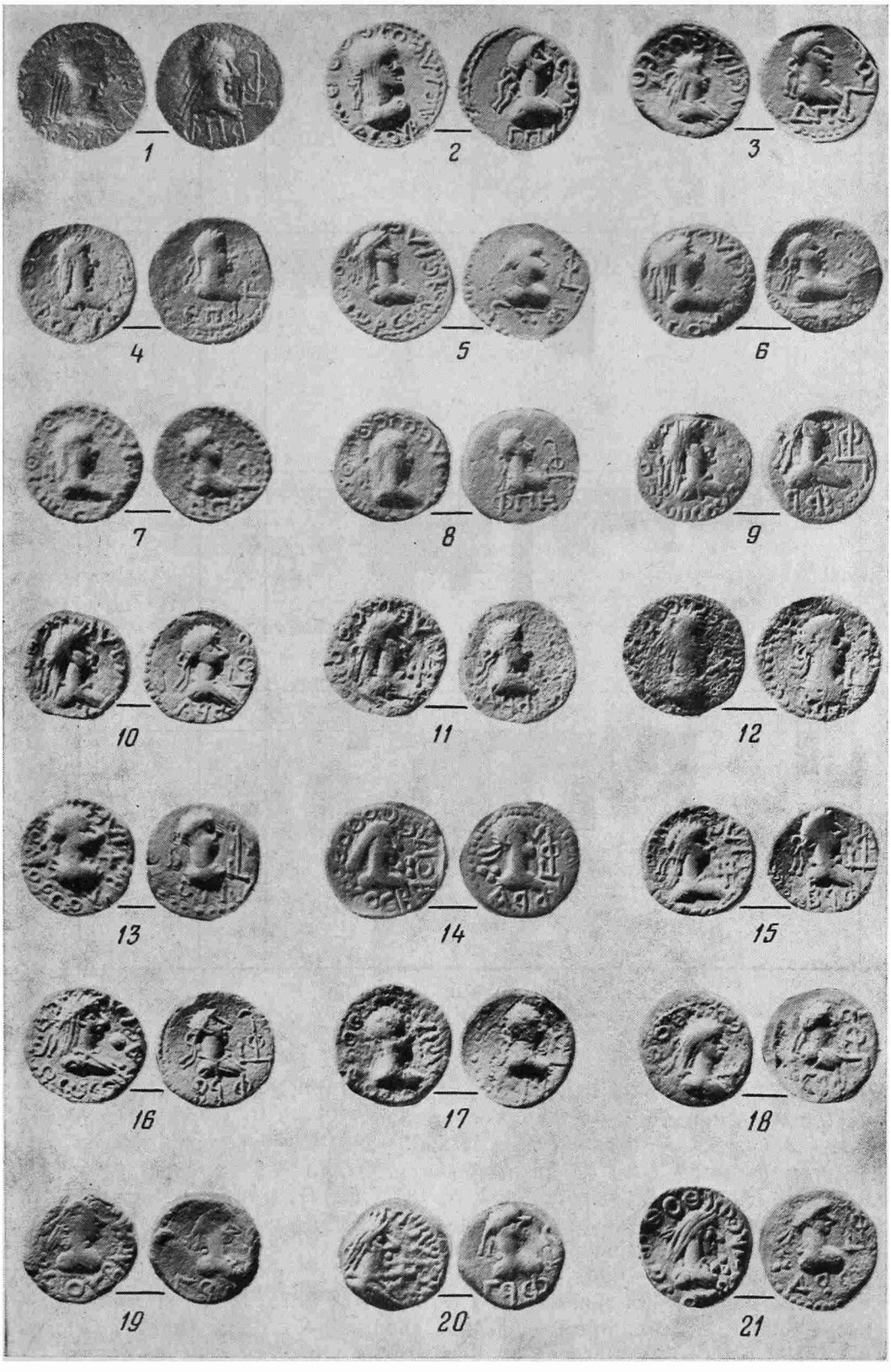
МОНЕТНОЕ ДЕЛО ФОФОРСА
(285—308 гг. н. э.)

Первый год правления Фофорса определяется статером 582 г.б.э. (285 г.н.э.) (табл. I, *1*), хранящимся в собрании Государственного исторического музея[1] [1, с. 55]. Ранее считалось, что правление Фофорса начинается после прекращения чеканки статеров Тейраном в 575 г.б.э. (278 г.н.э.) [4, с. 357; 5, с. 123; 6, с. 121; 7, с. 103; 8, с. 404; 9, с. 785; 10, с. 608). Мнение это основывалось на упоминании в старых изданиях статеров Фофорса 575—578, 581 гг.б.э. [11, с. 81, 95; 12, с. 74, № 1]. А. Н. Зограф указывал на возможность допущенных неточностей в прочтении дат на этих статерах [13, с. 211]. Тем не менее подобные ошибки встречаются. Так, Л. П. Харко, издавая клад позднебоспорских монет, найденный в 1946 г. в Тиритаке, опубликовал статер, на котором, по его мнению, можно видеть дату 575 г.б.э. [14, с. 80]. Д. Б. Шелов, исследуя боспорские монеты Феодосийского клада, обратил внимание на этот факт и выразил сомнение в том, что на статере, опубликованном Л. П. Харко, имеется дата 575 г.б.э. Д. Б. Шелов считал, что на статере может стоять только дата 585 г.б.э. [15, с. 138]. Таким образом, до недавнего времени дата начала правления Фофорса определялась 583 г.б.э. (286 г.н.э.) [3, с. 187; 13, с. 211, 212; 15, с. 138; 16, с. 260]. Монеты с датой 582 г.б.э. во внимание не принимались. В. Ф. Гайдукевич, помещая на таблицу своей книги фотографию статера 582 г.б.э., отмечал, что это деградированный статер с ошибочно проставленной датой (582 вместо 585 г.б.э.) [2, с. 591, табл. VI, *95*]. Эти же самые статеры с датой, начертанной в обратном порядке (табл. I, *1*), К. В. Голенко считал также подражаниями статерам Фофорса, выпущенным на Боспоре после прекращения регулярного чекана Рискупорида VI [3, с. 188—190]. Разобрав статеры Фофорса по штемпелям, можно утверждать, что обратное написание дат на оборотных сторонах статеров Фофорса не представляет исключительного явления. Имеются статеры 588 г.б.э. [291 г.н.э.] с датой вырезанной подобным образом — ФПН (табл. I, *8*). Поэтому, пока не будут даны ответы на вопросы, кем, где и когда были выпущены эти подражания, до тех пор статеры Фофорса 582 и 588 гг.б.э. следует считать подлинными статерами и датировать начало чекана Фофорса 582 г.б.э. (285 г.н.э.). Нельзя найти объяснения появлению «подражания» статеру 582 г.б.э., если считать, что Фофорс не правил в 582 г.б.э. Следует отметить также, что подобные, «грубо выполненные подражания боспорским» статерам постоянно находят в археологических слоях античных памятников Северного Причерноморья и находки их фиксируются в кладах позднебоспорских монет. Статеры Фофорса, выпущенные с 582 по 590 гг.б.э. (285—293 гг.н.э.), однотипны. Л.С.; ВАСІЛЕѠС ⊙О⊙ОРСОV. Бюст царя вправо. О.с.: Бюст императора, справа перед ним тамга, внизу дата **582 г.б.э.** (285 г.н.э.) — 1 экз. (табл. I, *1*, ГИМ 5377), **583 г.б.э.** (286 г.н.э.) — 53 экз. (табл. I, *2*; ГИМ 5289). Наибольший вес — 7,96 г, наименьший — 5,44 г, средний — 7,60 г (рис. 1, *а*).

---

[1] В. Ф. Гайдукевич указывал, что этот статер происходит из собрания ГМИИ [2, табл. VI, № 95]. Следом за ним эту неточность допустил К. В. Голенко, который считал, что существует. 2 экз. этих монет — в ГМИИ и ГИМе [3, с. 187]. Между тем подобной монеты в собрании ГМИИ никогда не было.

Таблица I — *1–21* — Статеры Фофорса 582–594 гг. б. э.=285–297 гг. н. э.



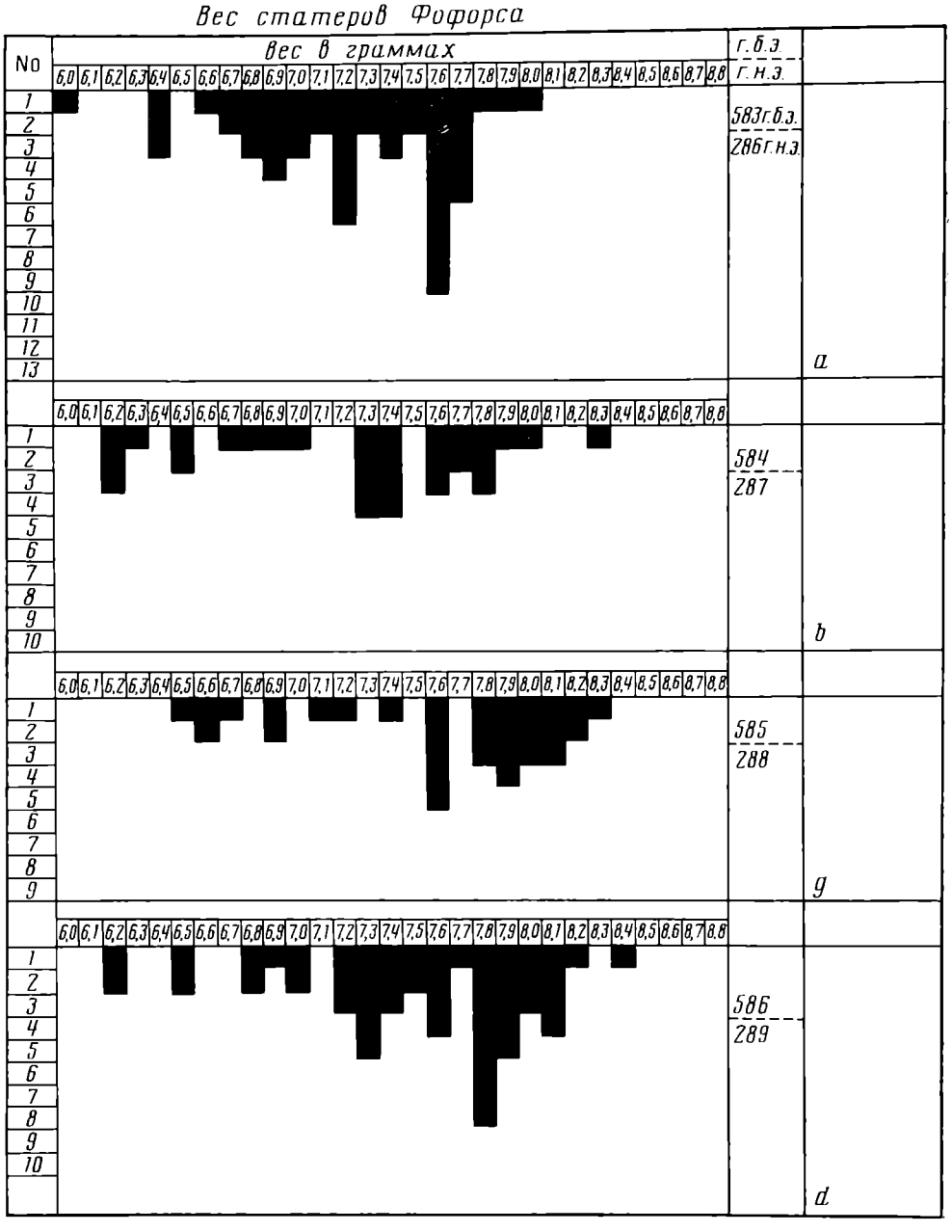


Рис. 1.

584 г.б.э. (287 г.н.э.) — 34 экз. (табл. I, *3*; ГИМ 5298). Наибольший вес — 8,89 г, наименьший — 5,00 г, средний — 7,30—7,40 г (рис. 1, *b*).
585 г.б.э. (288 г.н.э.) — 30 экз. (табл. I, *4*; ГЭ 29642). Наибольший вес — 8,45 г, наименьший — 6,50 г, средний — от 7,60 до 7,90 г (рис. 1, *g*).
586 г.б.э. (289 г.н.э.) — 55 экз. (табл. I, *5*; ГИМ 5307). Наибольший вес — 10,09 г, наименьший — 6,14 г, средний — 7,80 г (рис. 1, *d*).
587 г.б.э. (290 г.н.э.) — 42 экз. (табл. I, *6*; ГИМ 5318). Наибольший вес — 8,08 г, наименьший — 6,60 г, средний — 7,80 г (рис. 2, *a*).
588 г.б.э. (291 г.н.э.) — 32 экз. (табл. I, *7*, *8*; ГИМ 5375, 5303). Наибольший вес — 8,09 г, наименьший — 4,93 г, средний — 7,40 г (рис. 2, *b*),
589 г.б.э. (292 г.н.э.) — монеты с этой датой не известны, но в старой литературе указывается на существование монет этого года чеканки.
590 г.б.э. (293 г.н.э.) — 21 экз. (табл. I, *9*; ГЭ 29673). Наибольший вес — 8,30 г, наименьший — 6,04 г, средний вес — 7,40 г (рис. 2, *g*).
591 г.б.э. (294 г.н.э.) — статеры чеканятся пяти типов.

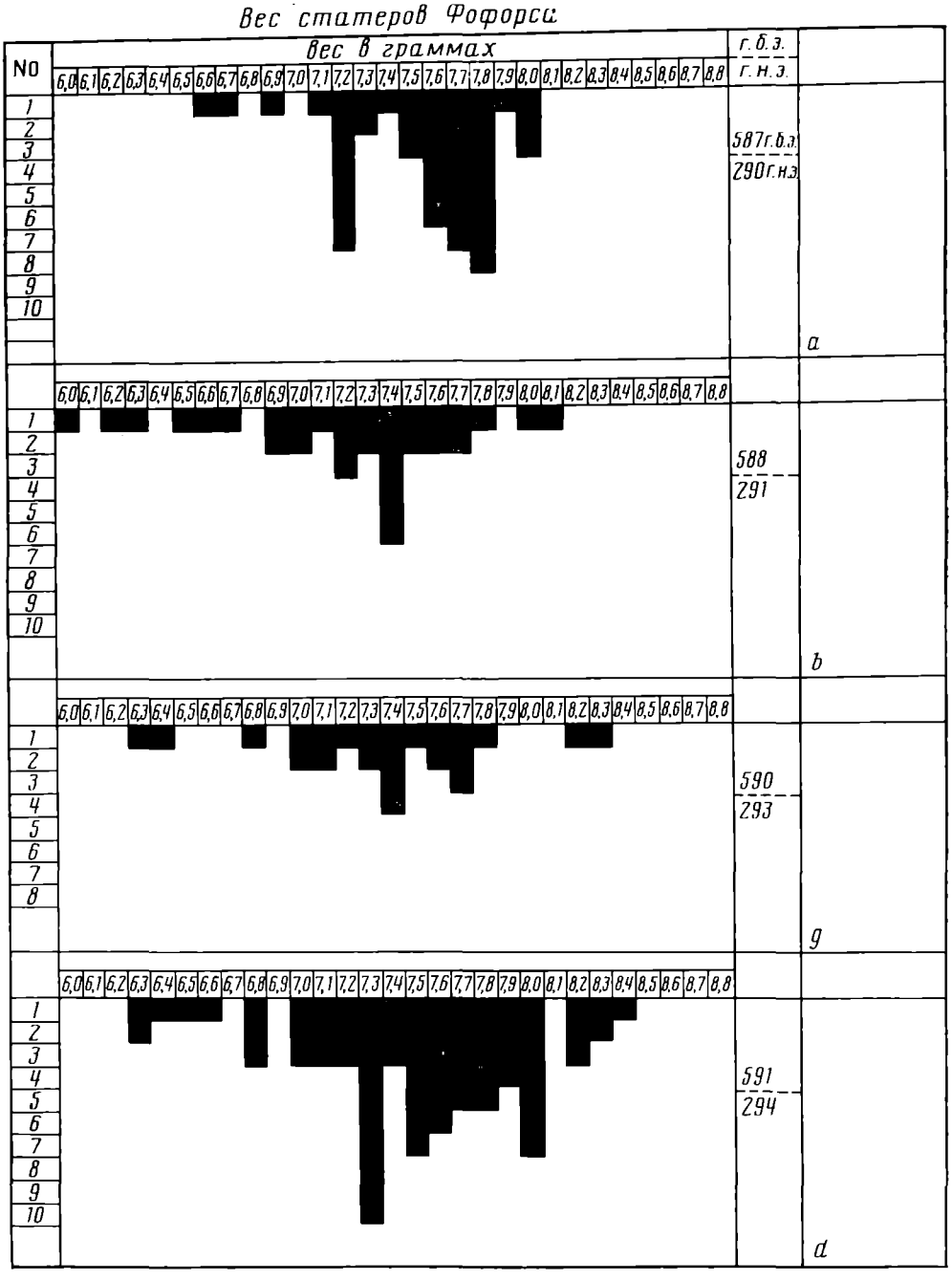


Рис. 2

I тип

Л.с.: бюст царя; о.с.: — бюст императора (табл. I, *10*) — 25 экз.

II тип

Л.с.: бюст царя, трезубец; о.с.: бюст императора — 4 экз. (табл. I, *11*; ГЭ 29680).

III тип

Л.с.: бюст царя, перед ним крест из косых перекладин — х; о.с.: бюст императора — 36 экз. (табл. I, *12*; ГЭ 29682).

IV тип

Л.с.: бюст царя, перед ним крест из прямых перекладин — +; о.с.: бюст императора, тамга двух форм ♧ или ♤ — 13 экз. (табл. I, *13*).

Монеты двух последних типов К. В. Голенко относил к чекану 594 г. б.э. (297 г.н.э.) [16, с. 260—262]. Основание для такой датировки дали три отличительных признака, характерных только для статеров 591 г.б.э. III и IV типов. Первый: необычное начертание цифрового знака в дате на месте единиц (а или Δ), которую можно рассматривать как альфу (1) и в то же время как дельту (4). Второй: наличие креста на лицевых сторонах статеров, впервые введенного в штемпель в 591 г.б.э. Третий: присутствие на оборотных сторонах некоторых статеров особой формы тамги, в которой левая лопасть знака опущена вниз, а правая поднята вверх. К. В. Голенко считал возможным датировать статеры с датой ΔϘΦ — 591 г.б.э.— 595 г.б.э., исходя из того, что имеются статеры 593 и 595 гг.б.э. (296 и 298 гг.н.э.), лицевые стороны которых близки статерам с буквой необычной формы в дате на месте единиц (а или Δ, табл. I, *12*, *13*) [16, с. 260—262]. Кроме того, полагая, что особая форма тамги характерна только для статеров, выпущенных после 593 г.б.э., он отнес статеры 591 г. с подобной формой тамги к 594 г.б.э. Но форма этого знака не может иметь решающего значения при датировке монет, так как монеты с обеими этими формами встречаются периодически начиная с 583 г.б.э. Следовательно, та или иная форма знака не может быть датирующей особенностью. Также нельзя согласиться с утверждением К. В. Голенко, что наличие монет 593 г.б.э. (296 г.н.э.) и 595 г.б.э. (298 г.н.э.), связанных общими штемпелями лицевой стороны с монетами необычного начертания года, бесспорно, указывает на то, что левый знак в начертании года последних должен быть прочитан как Δ (4) [16, с. 262].

Еще раз следует обратить внимание на эту распространенную ошибку — датировать статеры с нечетко выраженной датой, полагаясь на общность штемпелей лицевых сторон. Только идентичность штемпелей оборотных сторон может быть датирующим фактором. Возвращаясь к чекану 591 г.б.э., можно отметить, что именно в этом году в типологию боспорских монет введен новый дифферент — три шарика, построенных треугольником — ⁘.

V тип

Л.с.: бюст царя, перед ним дифферент — три шарика.
О.с.: бюст императора, позади него три шарика (т. I, *14*; ГЭ 29681) — 1 экз.
Всего учтено 79 экз. монет 591 г.б.э. Наибольший вес — 8,35 г., наименьший — 5,50 г; средний вес определить трудно. Диапазон, колебаний от 7,30 до 8,0 г (рис. 2, *d*).

Статеры 592 г.б.э. (295 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, перед ним трезубец.
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 24 экз. (табл. I, *15*; ГИМ 5345).

II тип

Л.с.: бюст царя, перед ним шар.
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 29 экз. (табл. I, *16*; ГИМ 5342). Впервые в этом году в штемпель лицевых сторон статеров вводится изображение солнца, представленное в виде объемного шара.

III тип

Л.с.: бюст царя (нет дифферента перед ним).
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 1 экз. (табл. I, *17*; ГИМ 5376). Наибольший вес статеров 592 г.б.э.— 8,57 г, наименьший — 6,33 г, средний вес из 56 экз.— 7,50—7,70 г (рис. 3, *a*).

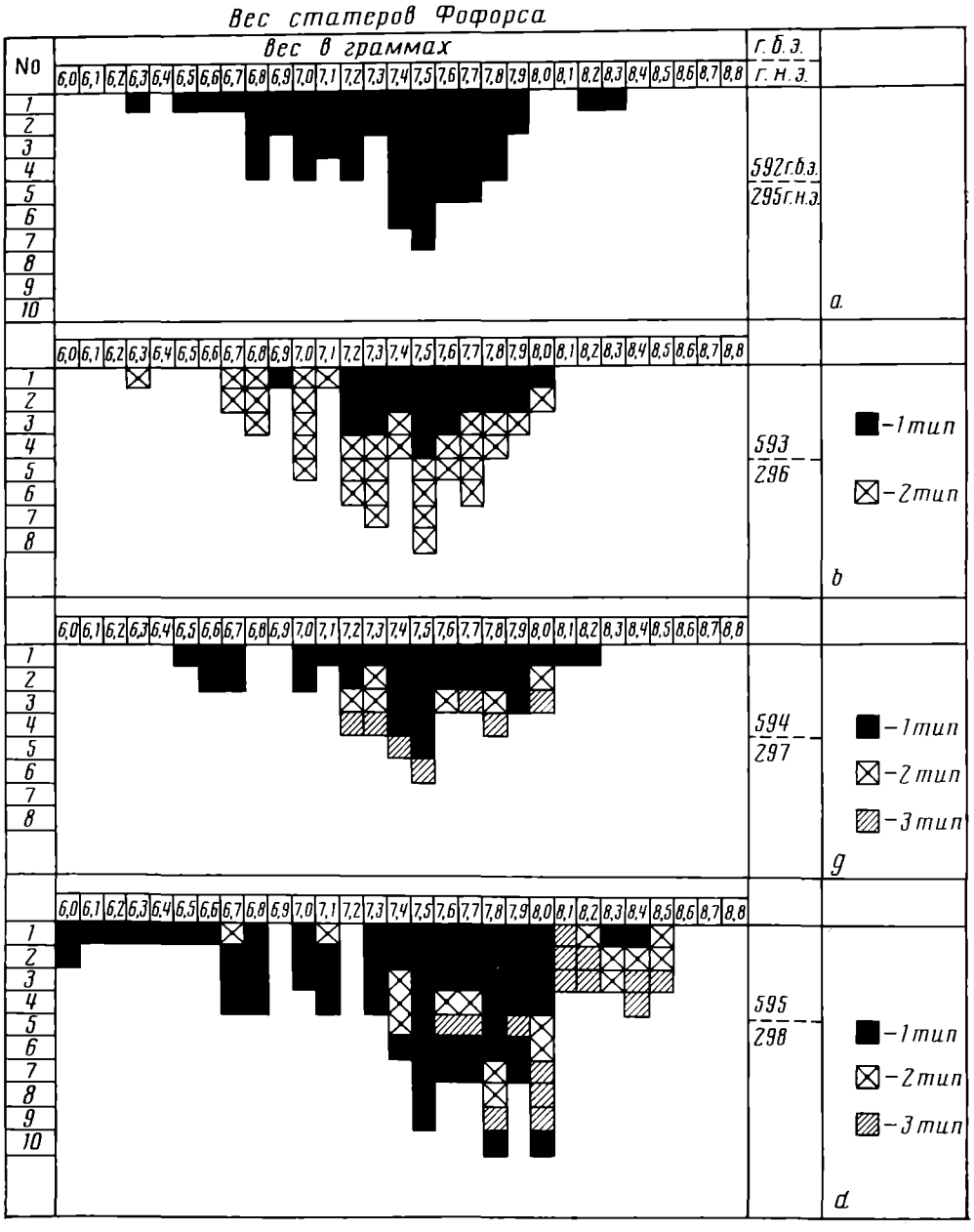


Рис. 3

Статеры 593 г.б.э. (296 г.н.э.)—три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, трезубец.
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 20 экз. (табл. I, *18*; ГИМ 5351). Наибольший вес — 7,99 г, наименьший — 6,85 г, средний — 7,50 г (**рис. 3, *b***).

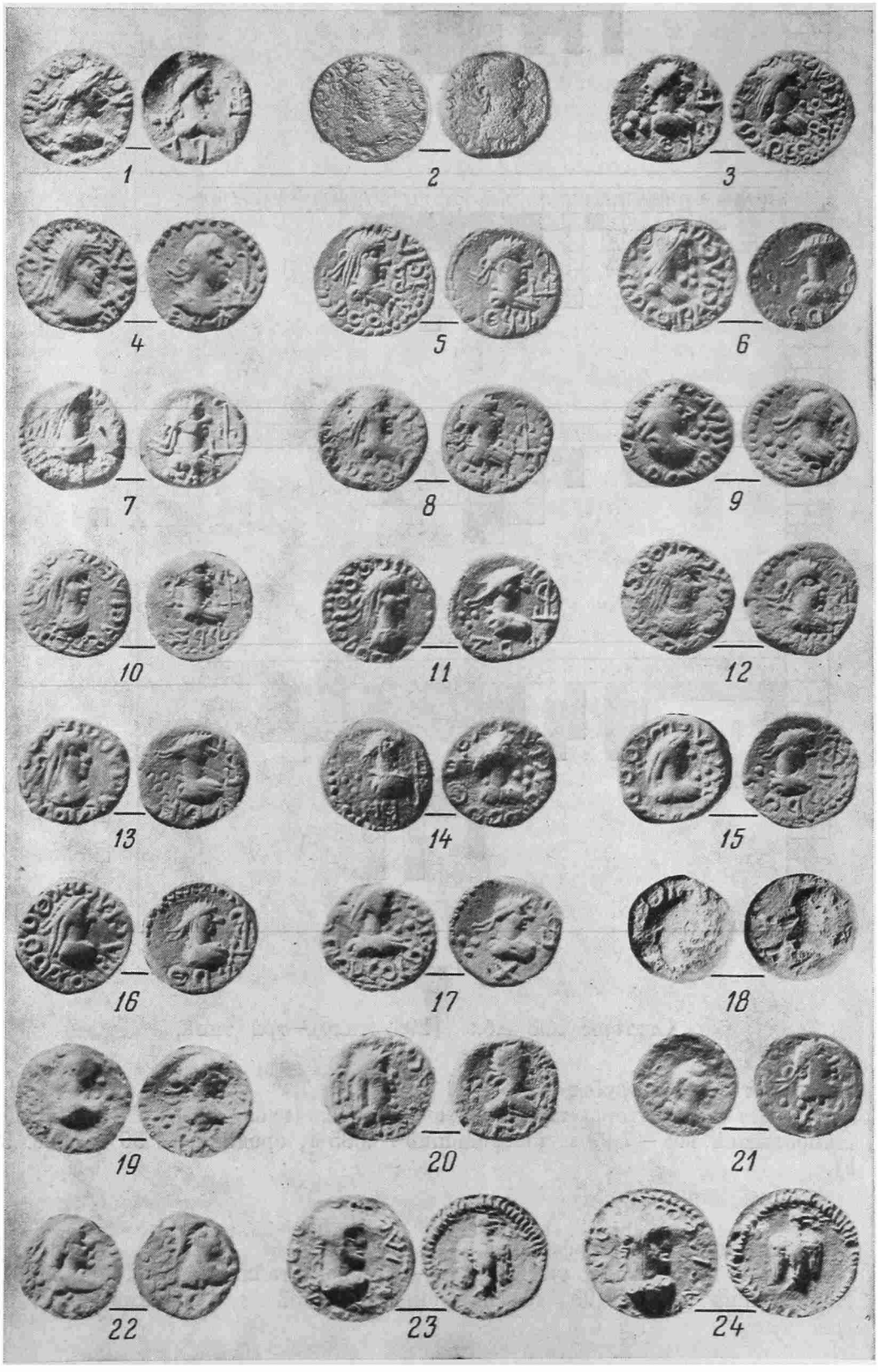
II тип

Л.с.: бюст царя, нет дифферента.
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 35 экз. (табл. I, *19*; ГИМ 5358). Наибольший вес — 7,95 г, наименьший — 6,33 г, средний — 7,50 г (рис. 3, *b*).

III тип

Л.с.: бюст царя, крест с прямыми перекладинами
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 3 экз. (табл. I, *20*, ГИМ 29709).

Таблица II — *1—22* — Статеры Фофорса 594—605 гг. б. э.=297—308 гг. н. э.; *23—24* — медные монеты Фофорса



Статеры 594 г.б.э. (297 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, перед ним три шара.
О.с.: бюст императора, позади него три шара — 34 экз. (табл. I, *21*; ГИМ 5361). Наибольший вес — 8,23 г, наименьший — 6,49 г, средний, 7,50 г (рис. 3, *g*).

II тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.
О.с.: бюст императора, позади три шара — 7 экз. (табл. II, *1*; ГЭ 29710).

III тип

Л.с.: бюст царя, нет дифферента.
О.с.: бюст императора, нет дифферента — 7 экз. (табл. II; *2*; Кепский клад, 1962, № 64)! Средний вес статеров 594 г.б.э.— 7,50 г. (рис. 3, *g*).

Статеры 595 г.б.э. (298 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст императора, перед ним треугольник из шаров острым углом вниз.
О.с.: бюст императора, треугольник из трех шаров, тамга, дата — 36 экз. (табл. II, *3*; ГИМ 5394). Наибольший вес — 8,44 г, наименьший — 5,96 г, средний — 7,50 г (рис. 3, *d*).

II тип

Л.с.: бюст царя, перед ним крест из косо расположенных перекладин.
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 19 экз. (табл. II, *4*; ГИМ 5371а). Наибольший вес — 8,54 г, наименьший — 6,67 г, средний вывести трудно из-за большой разности весов (рис. 3, *d*).

III тип

Л.с.: бюст царя, перед ним буква (?) [2] Ꙁ.
О.с.: бюст императора, тамга— 15 экз. (табл. II, *5*; ГИМ 29742). Наибольший вес — 8,44 г, наименьший — 7,55 г, средний — 8—8,1 г (рис. 3, *d*). Средний вес статеров 595 г.б.э. из 101 экз.— 7,8—8 г (рис. 3, *d*).

Статеры 596 г.б.э. (299 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, справа треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, позади него треугольник из шаров, тамга, дата — 57 экз. (табл. II, *6*; ГЭ 29769). Наибольший вес — 8,53 г, наименьший — 6,24 г, средний — 7,50 г.

II тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.
О.с.: бюст императора, дифферент отсутствует — 16 экз. (табл. II, *7*; ГИМ 5411).

III тип

Л.с.: бюст царя, перед ним буква (?) Ꙁ
О.с.: бюст императора, тамга, дата — 9 экз. (табл. II, *8*; ГИМ 5402). Средний вес статеров 596 г.б.э.— 7,50 г (рис. 4, *a*).

---

[2] Возможно, что это не буква «В», а знак, подобный иероглифическому знаку 3, называемому обычно орлом, но изображающему египетского стервоядного коршуна. Полагают, что изображение орла развилось из образа коршуна — первоначально символа победы и царей на Востоке, вытесненного впоследствии образом орла [17, с. 273, прим. 5].

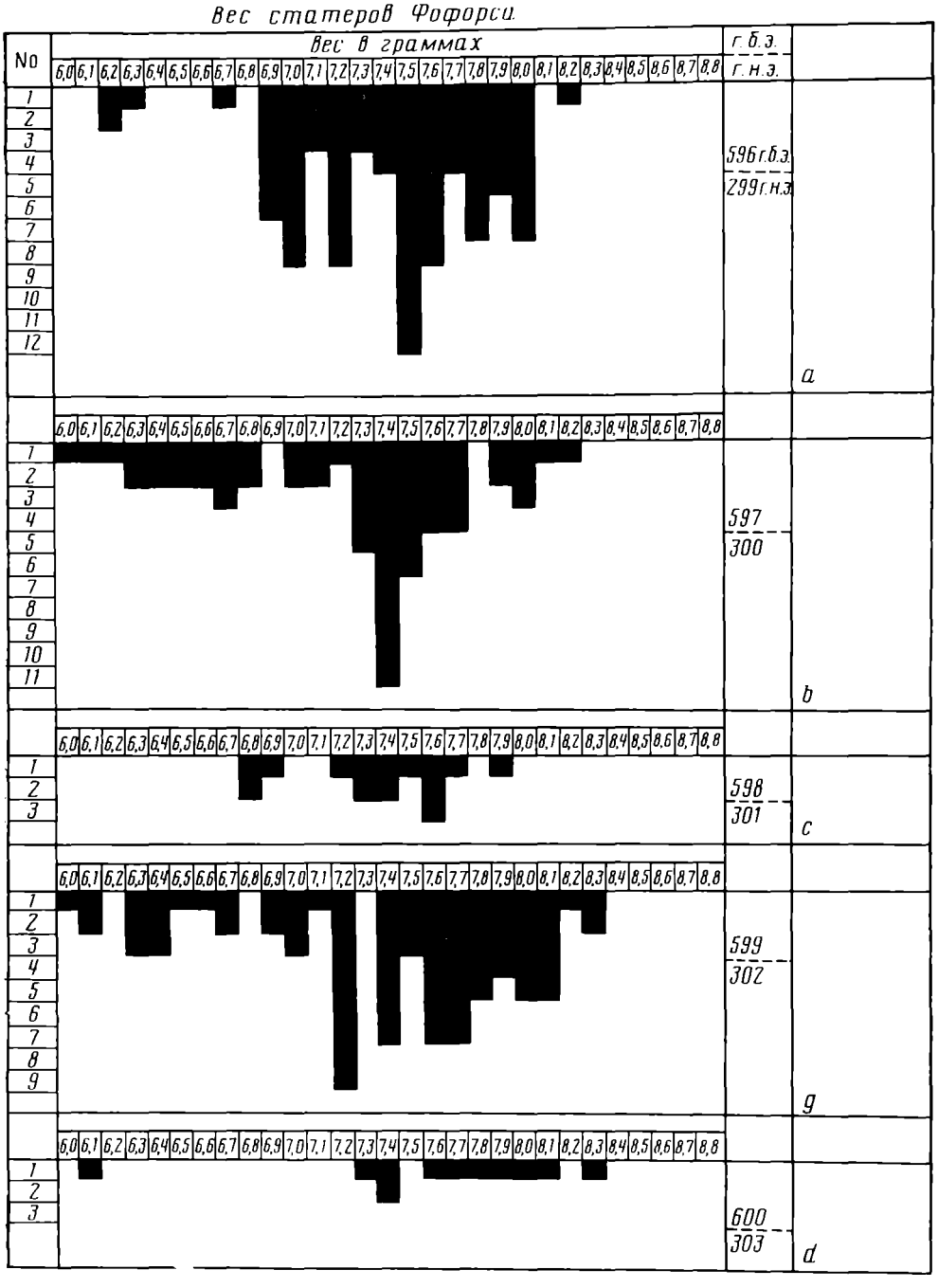


Рис. 4

Статеры 597 г.б.э. (300 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, перед ним треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, позади треугольник из шаров, тамга, дата (табл. II, *9*; ГИМ 5422).

II тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.
О.с.: бюст императора, дифферент отсутствует — 3 экз. (табл II, *10*; ГИМ 5426).

III тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.
О.с.: бюст императора, позади треугольник из шаров (табл II, *11*,

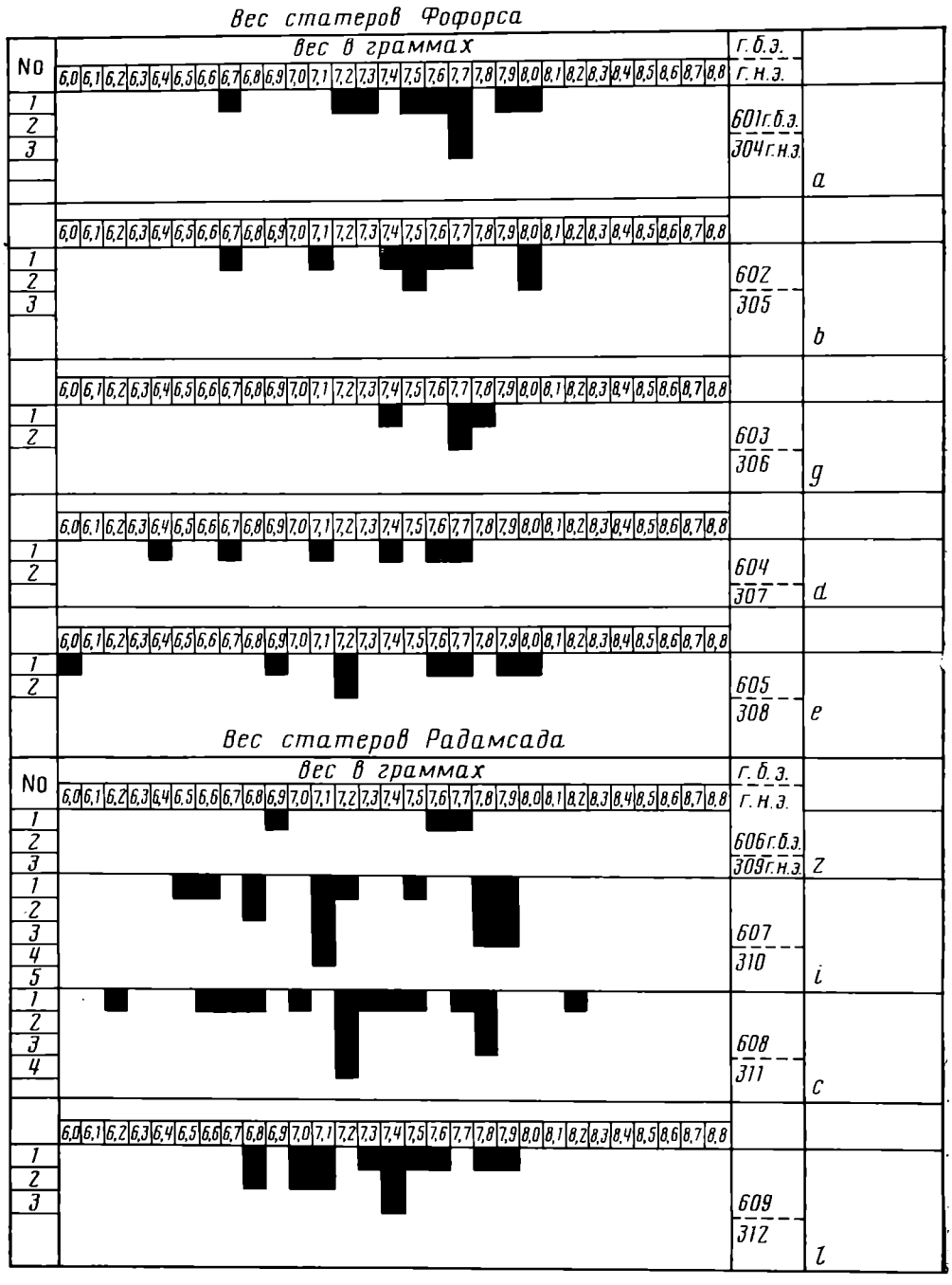


Рис. 5

ГЭ 29760) — 3 экз. Наибольший вес статеров 597 г.б.э.— 8,2 г, наименьший — 5,83 г, средний вес (56 экз.) — 7,40 г (рис. 4, *b*).

Статеры 598 г.б.э. (301 г.н.э.) — три типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.

О.с.: бюст императора, дифферент отсутствует — 1 экз. табл. II, *12*; ГИМ 5430).

II тип

Л.с.: бюст царя, дифферент отсутствует.

О.с.: бюст императора, позади треугольник из шаров, тамга, дата — 2 экз. (табл. II, *13*; ГИМ 5429).

III тип

Л.с.: бюст царя, перед ним треугольник из шаров.

О.с.: бюст императора, позади него треугольник из шаров, тамга, дата — 10 экз. (табл. II, *14*; ГЭ 29744). Наибольший вес статеров 598 г.б.э.— 7,92 г, наименьший — 5,85 г, средний из 13 экз. 7,60 г (рис. 4, *c*).

Статеры 599 г.б.э. (302 г.н.э.) — два типа.

I тип

Л.с.: бюст царя, справа треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора — треугольник из шаров, тамга, дата — 64 экз. (табл. II, *15*; ГИМ 5442).

II тип

Л.с.: бюст царя, нет дифферента перед ним.
О.с.: бюст императора, нет дифферента, тамга, дата — 9 экз. (табл. II, *16*; ГИМ 5446). Наибольший вес — 8,30 г, наименьший — 5,90 г, средний вес из 73 экз.— 7,60—7,70 г (рис. 4,*g*).

Статеры 600 г.б.э. (303 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, перед ним треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, справа тамга, слева треугольник из шаров, внизу дата — 11 экз. (табл. II, *17*; ГИМ 5434). Наибольший вес — 8,28 г, наименьший — 7,32 г, средний вес вывести трудно, так как диапазон колебания весов широк (рис. 4,*d*).

Статеры 601 г.б.э. (304 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, перед ним треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, позади него треугольник из шаров — 10 экз. (табл. II, *18*; ГИМ 5433). Наибольший вес — 7,96 г, наименьший — 7,18 г, средний— 7,70 г (рис. 5,*a*).

Статеры 602 г.б.э. (305 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, позади него треугольник из шаров, тамга, дата — 9 экз. (табл. II, *19*; ГИМ 5448). Наибольший вес — 8,06 г, наименьший — 6,65 г средний — 7,50 г (рис. 5, *b*).

Статеры 603 г.б.э. (306 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, слева треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, слева от него треугольник из шаров, справа тамга, внизу дата — 4 экз. (табл. II, *20*; ГИМ 5449). 3 экз. из четырех весят 7,70 г (рис. 5,*g*). Чеканены одним штемпелем лицевой стороны и двумя — оборотной.

Статеры 604 г.б.э. (307 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, слева треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, слева треугольник из шаров, справа тамга, внизу дата — 6 экз. (табл. II, *21*; ГЭ). Наибольший вес — 7,74 г, наименьший — 6,43 г (рис. 5,*d*). Следует обратить внимание на тот факт, что 6 экз. чеканены четырьмя разными парами штемпелей. Это может свидетельствовать о сравнительно интенсивной чеканке монет в 307 г.б.э. вопреки общепринятому мнению о сокращении или даже прекращении эмиссий Фофорса [18, с. 233].

Статеры 605 г.б.э. (308 г.н.э.) — один тип.

Л.с.: бюст царя, слева треугольник из шаров.
О.с.: бюст императора, слева треугольник из шаров, справа тамга, внизу дата — 8 экз. (табл. II, *22*; ГИМ 5450). Наибольший вес — 8,00 г, наименьший — 5,99 г, средний вес вывести трудно (рис. 5,*e*). 8 экз. чеканены двумя штемпелями лицевых и четырьмя штемпелями оборотных сторон,

что также может свидетельствовать об интенсивности чекана в последний год правления Фофорса. Чеканка меди Фофорса носит эпизодический, а возможно, просто символический характер. Об этом свидетельствуют малочисленность (2 экз.) учтенных нами медных монет Фофорса (табл. II, *23*, *24*; ГИМ 5887, ГЭ 29797) и тот факт, что их лицевые стороны чеканены одним и тем же штемпелем, что и лицевые стороны статеров 583 г.б.э. (286 г.н.э.) (табл. I, *2*). Это обстоятельство, с одной стороны, дает возможность датировать время их чеканки 289 г.н.э., с другой стороны, указывает на то, что эта медь была показным выпуском и не предназначалась для денежного обращения [13, с. 211].

Метрологические данные 942 экз. статеров Фофорса, разобранные в хронологическом порядке, представляют следующую картину:

285 г.н.э.— 1 экз.— 8,76 г
286 г.н.э.— 53 экз.— 7,60 г (рис. 1,*a*)
287 г.н.э.— 34 экз.— 7,30—7,40 г (рис. 1, *b*)
288 г.н.э.— 30 экз.— 7,60—7,90 г (рис. 1,*g*)
289 г.н.э.— 55 экз.— 7,80 г (рис. 1,*d*)
290 г.н.э.— 42 экз.— 7,80 г (рис. 2,*a*)
291 г.н.э.— 32 экз.— 7,40 г (рис. 2, *b*)
292 — нет монет с этой датой
293 г.н.э.— 21 экз.— 7,40 г (рис. 2,*g*)
294 г.н.э.— 79 экз.— 7,30—8,0 г (рис. 2,*d*)
295 г.н.э.— 54 экз.— 7,50—7,70 г (рис. 3,*a*)
296 г.н.э.— 58 экз.— 7,50 г (рис. 3, *b*)
297 г.н.э.— 42 экз.— 7,50 г (рис. 3,*g*)
298 г.н.э.— 68 экз.— 7,80—8,0 г (рис. 4,*d*)
299 г.н.э.— 82 экз.— 7,50 г (рис. 4,*a*)
300 г.н.э.— 56 экз.— 7,40 г (рис. 4, *b*)
301 г.н.э.— 15 экз.— 7,60 г (рис. 4,*c*)
302 г.н.э.— 77 экз.— 7,60—7,70 г (рис. 4,*g*)
303 г.н.э.— 11 экз.— 7,60—8,0 г (рис. 4,*d*)
304 г.н.э.— 10 экз.— 7,70 г (рис. 5,*a*)
305 г.н.э.— 9 экз.— 7,50 г (рис. 5, *b*)
306 г.н.э.— 4 экз.— 7,70 г (рис. 5, *g*)
307 г.н.э.— 6 экз — (рис. 5, *d*)
308 г.н.э.— 8 экз.— 7,60—7,70 г (рис. 5,*e*).

Из приведенных данных видно, что сокращение эмиссий Фофорса приходится на 303 г.н.э. Начиная с этого года и до конца его правления (308 г.н.э.), т. е. в течение 5 лет, выпуск статеров уменьшен, хотя попрежнему в работу на монетном дворе вводятся постоянно новые штемпели лицевых сторон и количество штемпелей оборотных сторон растет. Поштемпельный анализ статеров Фофорса всех лет чеканки показал, что штемпели лицевых сторон для каждого года чеканки новые. Вес статеров Фофорса придерживается нормы в 7,60 г. Проведенные анализы химического состава металла дали следующие результаты:

Химический анализ состава статеров Фофорса 582, 591, 605 гг. б. э. (285, 294, 308 гг. н. э.)

	582 г. б. э. ГИМ 5374 8,76 г	591 г. б. э. ГИМ 5330 8,00 г	605 г. б. э. ГИМ 5460 8,00
Серебро	0,07	0,05	0,01
Золото	0,001—0,003	0,001—0,003	0,001—0,003
Медь	Основа	Основа	Основа
Олово	0,09	2,0	10,0
Свинец	0,004	0,015	10,0
Цинк	?	0,6	0,1—0,2
Висмут	?	0,004	0,01
Сурьма	0,05	0,1	0,15
Мышьяк	—	0,12	0,2
Железо	0,03	0,02	0,3
Никель	0,015	0,04	0,8
Кобальт	?	0,002	0,02

Химический состав металла статера 582 г. б. э., считавшегося ранее подражанием, выполненным неизвестно кем и когда, наглядно доказывает, что монета эта принадлежит чекану Фофорса. Основу ее составляет медь, как и основу двух других монет Фофорса, а серебро и золото входят в металл этих статеров почти в равных количествах. Несколько отличается по составу металла статер 605 г. б. э. (308 г. н. э.). Он содержит в равных пропорциях примеси олова и свинца. Увеличение количества этих двух металлов в статерах позднебоспорских царей становится явлением, характерным для конца III — начала IV в. н. э.

В последнее время упрочилось мнение о связи событий, описанных у Константина Порфирородного в главе 53 его сочинения «Об управлении государством» (Const. Porph., De Adm. Imp. 53), с именем Фофорса [18, с. 231; 19, с. 87; 20, с. 204]. Из свидетельства Константина известно, что Савромат из боспорцев, сын Крисконора, собрав савроматов, живших у Меотийского озера, пошел войной на римлян. Вторгшись в землю лазов, он дошел до р. Галис. Диоклетиан выслал против него войско под командованием трибуна Констанция. Не имея достаточно сил противостоять боспорцам, Диоклетиан по совету Констанция обратился за помощью к Херсонесу. Херсонесцы, вторгшись в пределы Боспора, взяли столицу и захватили в плен семейство царя. Савромат вынужден был пойти на уступки Риму и возвратиться в Боспор [21, с. 34 сл.] Прежде считалось, что нападение Боспора на римские провинции в Малой Азии во время правления императора Диоклетиана (284—305 гг. н. э.) произошло при Савромате, сыне Крисконора, в котором М. Кари видел Савромата V [22, с. 80—83]. Имя Крисконор, М. Кари читал как Рискупорид. Его прочтение имени Крисконора как Рискупорида перешло в труды других исследователей истории Боспора, появившихся в середине XIX в., в которых уже отмечалось, что на Рим напал Савромат V, сын Рискупорида, царствовавший на европейской части Боспора, а союзником его был Фофорс, правивший в азиатской части [4, с. 173—175]. Но высказанное предположение о совместном правлении Савромата и Фофорса встретило возражение со стороны В. В. Григорьева, который еще в 1876 г. указывал на то, что эти предположения лишены какого-либо основания [8, с. 407]. При этом он обращал внимание на тот факт, что Констанций никогда, ни во время своего кесарства, ни во время императорства, не воевал в Азии. Исходя из этого, В. В. Григорьев считал, что до тех пор, пока рассказ Константина Порфирогенета не будет надлежащим образом разобран и очищен критикой, излишне делать из него какие-либо заключения относительно истории Боспора [8, с. 407]. Это ценное замечание В. В. Григорьева об умолчании в источниках по истории Рима о войне Боспора с Римом, а главное, о военных действиях Констанция на малоазийской территории до сих пор остается без должного внимания. Но следует отметить, что Б. И. Надэль, настоятельно поддерживающий идею о войне Боспора с Римом и Херсонесом, вынужден был также обратить внимание на то, что римские источники молчат о каких-либо военных действиях римлян против савроматов на территории, указанной у Константина, в то время как имеются сведения о войнах Рима против савроматов на Дунае в 286—293 гг. [19, с. 97].

Десятилетие спустя после появления работы В. В. Григорьева Т. Моммзен высказал свое отрицательное отношение к достоверности сведений о взаимоотношениях между Боспором, Римом и Херсонесом, упомянутых у Константина, назвав их «херсонеситскими сказаниями» [23, с. 291]. К. Брандис по этому вопросу придерживался такого же мнения, замечая, что все, что рассказывает Константин Порфирородный об отношениях между Херсонесом, Диоклетианом и Константином, а также между Херсонесом и Боспором, не является историей и не заслуживает быть пересказанным [24, стб. 2269]. Но появление труда Р. Гарнетта в 1897 г., в котором он принимает свидетельство Константина как достоверное и ставит целью уточнить хронологию событий и действующих лиц [25, с. 102—105], положило начало новому направлению в исследовании истории государств Северного Причерноморья. Библиография этого во-

проса в исчерпывающем объеме сделана была Б. И. Надэлем в двух его статьях [18; с. 231 сл.; 19, с. 88]. В первой из них, опубликованной в 1961 г., Б. И. Надэль допускает некоторую неточность, ссылаясь на то, что даже издатели «Известий ГАИМК», предпринявшие публикацию такого важного источника для истории Северного Причерноморья, каким является сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством», считают, что боспорский царь Савромат, фигурирующий в эпизоде войн Боспора, Рима и Херсонеса, должен быть отождествлен с Фофорсом [18, с. 233, прим. 11]. Между тем в данном издании в примечаниях к переводу сочинения Константина просто перечисляются положения Р. Гарнетта, считающего Фофорса тем царем, который напал на Рим [21, с. 68, прим. 106; 25, с. 102]. Для того чтобы больше не возвращаться к неточностям в восприятии мнений исследователей, занимавшихся историей Боспора и Херсонеса и когда-либо выражавших свои взгляды на характер взаимоотношений этих городов-государств к Риму и друг к другу, укажем, что чаще всего встречаются ссылки на взгляды В. Ф. Гайдукевича и Г. Д. Белова. Так, например, из того, что В. Ф. Гайдукевич допускал мысль о передаче в смутной форме в рассказе Константина каких-то реальных исторических событий, делался вывод о признании автором факта борьбы Боспора с Римом и Херсонесом во время правления Фофорса [18, с. 231; 20, с. 204]. Но В. Ф. Гайдукевич, считая, что херсонесские легенды не могут не иметь под собой реального основания, полагал, что рассказ Константина о походе варваров во главе с боспорским царем Савроматом на малоазийские владения римлян был порожден, по-видимому, многократными готскими набегами на эту территорию [2, с. 461]. Однако он не утверждал, что это было в правление Фофорса. В более позднем и дополненном издании его труда выражается сомнение в том, что Боспорское государство, общее состояние которого было очень ослаблено бурными событиями 255—275 гг., могло решиться на военные операции, сопряженные с такими трудностями и чрезвычайными расходами, как поход через Колхиду и захват провинции Понт. Тем более что после бедствий, которые перенесло Боспорское царство в 268 г., Фофорс едва ли мог выступать в роли завоевателя, каким хочет его видеть Харматта [26, с. 478, Прим. 46]. Это высказывание довольно четко определяет отрицательное отношение В. Ф. Гайдукевича к мысли о возможном нападении именно Фофорса на Рим, хотя В. Ф. Гайдукевич не отрицает того, что у Константина могли найти отражения реальные события, происходившие в начале IV в. н. э. [26, с. 461]. Разбирая события войны Херсонеса, Боспора и Рима, также часто ссылаются на мнение Г. Д. Белова [19, с. 87, 92; 20, с. 204; 27, с. 230, прим. 35; 28, с. 75], которое заключается в единственном его замечании: Константин Багрянородный «...рассказывает о помощи, оказанной Херсонесом Риму в борьбе с варварами при Диоклетиане и вторично при Константине I» [29, с. 129]. Из этой фразы никак нельзя сделать вывод, что в правление Фофорса Херсонес воевал с Боспором, напавшим на Рим. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что некоторыми исследователями этот рассказ Константина принимается вообще без каких-либо оговорок. Так, В. А. Анохин, всецело полагаясь на мнение Р. Гарнетта, перечисляет хронологию войн Херсонеса и Боспора: первая война происходила между 284—292 гг., вторая велась между 323 и 337 гг., а несколько лет позже — третья и четвертая войны [30, с. 92]. Подтверждением реальности сведений, сохраненных Константином, по мнению В. А. Анохина, служат нумизматические данные. В частности, автор указывает на факт прекращения чеканки монет на Боспоре в 332 г. [30, с. 92]. Но ведь имеются статеры Рискупорида VI 638 г. б. э. (341 г. н. э.), хранящиеся в собраниях ГЭ и ГИМ, а также найденные в кладах [1, с. 45 сл., табл. I, *9—10*], которые свидетельствуют о том, что чеканка на Боспоре продолжалась и после второй предполагаемой войны Херсонеса и Боспора, ведшейся будто бы между 323—337 гг. н. э.

Специальное исследование проблемы войн Боспора с Римом и Херсонесом, выступившим на стороне римлян, было проведено Б. И. Надэлем

[19, с. 89—105]. Целью его исследования было показать, что херсонесские истории Константина содержат детали, подтверждающие их местное происхождение и близкое знакомство с внутренней жизнью Херсонеса и Боспора. Б. И. Надэль, изучая сведения о баллистрариях и сравнивая личные имена, упомянутые в сочинении Константина, с именами, известными из эпиграфических источников Херсонеса, Ольвии и Боспора, приходит к выводу, что херсонесские истории Константина представляют собой извлечения из местной херсонесской хроники, возникшей в V или VI в. н. э. [19, с. 92]. Доказывая, что хроника, инкорпорированная в сочинение Константина, не может быть ранее VI в. н. э., Б. И. Надэль обращается к исторической топографии Боспорского царства, указывая на упоминание у Константина ряда исторических названий: города Кафы, Киберника и Боспора как главного города царства [19, с. 92—94]. При этом он приходит к выводу, что употребление автором названий Кафа и Боспор свидетельствует о том, что сочинение Константина «Об управлении государством» не может быть раньше VI в. н. э. Этот очень важный вывод для определения создания херсонесской хроники не менее важен и для решения вопроса о времени войн Боспора с Римом и Херсонесом. Исходя из употребления названий городов Кафа и Боспор, будет справедливым сделать следующее замечание: если столица Боспора у Константина названа Боспором, жители ее «жителями Боспора, а про врагов сказано, что они захватили Боспор и засели в Боспоре, владея Боспором, они охраняли Боспор» и т. д., то возникает вопрос, а не происходили ли события, переданные у Константина, гораздо позже, чем в правление Диоклетиана [284—305 гг. н. э.] и Константина Великого [323—327 гг. н. э.]. Ведь в сочинении Константина Багрянородного ни разу не употреблено название столицы Боспора — Пантикапей, а только название Боспор, единственное употреблявшееся в ранневизантийское время, что отмечает и сам Б. И. Надэль [19, с. 94]. В. Д. Блаватский также утверждал, что наименование Боспор начало входить в широкое употребление не ранее конца IV в. н. э. [31, с. 20], а доминирующим стало только в V в. н. э. [26, с. 497, Прим. 3]. Используемое в рассказе Константина название Феодосии, звучащее как Кафа, также хронологически не согласуется с историей этого города. Эпиграфическими данными засвидетельствовано, что в 306 г. н. э., за 2 года до конца правления Фофорса, город Феодосия так и назывался Феодосией. Об этом говорит посвятительная надпись (КБН, 64), поставленная в честь Аврелия, Валерия Сога, сына Олимпа, исполнившего должность наместника Феодосии в 603 г. б. э. (306 г. н. э.) [32, с. 72, 73], т. е. в правление Фофорса. От следующего 307 г. н. э. имеется надпись (КБН, 1051) на надгробном памятнике, воздвигнутом в честь Марка Аврелия Андроника, сына Паппы, сохранившая название Пантикапея как Кесарии [32, с. 611, 612]. Следовательно, данные исторической топографии, использованные в книге Константина, а именно употребление названий Боспор и Кафа для времени 284—305 гг. и 323—327 гг., хронологически не согласуются с эпиграфическими данными (КБН, 64, 1057), датируемыми 306 и 307 гг. н. э., и свидетельствуют против того предположения, что события, о которых повествует Константин, происходили в правление Фофорса (285—308 гг. н. э.) или Рискупорида VI (314—341 гг.). Та же хронологическая путаница происходит, когда пытаются связывать имена боспорских царей, ведущих войну с Римом и Херсонесом, упомянутых у Константина, с именами царей, засвидетельствованных на Боспоре нумизматическими и эпиграфическими данными. Известно, что все боспорские цари в рассказе Константина носят имена Савроматов. Между тем к правлению Фофорса относят первую войну Херсонеса с Боспором, датируя ее годами правления Диоклетиана [18, с. 233 сл.; 19, с. 95, 96; 20, с. 205; 25, с. 102], вторую ко времени Рискупорида VI (314—341 гг.), считая, что она одновременна правлению Константина Великого, находившегося в Византии (323—337 гг.) [25, с. 102], а третья и четвертая войны, упомянутые у Константина, как отмечает Б. И. Надэль, не имеют событий, которые хронологически могут быть сравнимы с какими-либо событиями в истории

Рима [19, с. 96], равным образом как и с событиями в истории Боспора. Р. Гарнетт бездоказательно считал, что третья война могла вестись внуком Фофорса по имени Савромат, правившим уже после Рискупорида VI где-то в 342 г. н. э., а история с Гикией могла произойти около 380 г. н. э. [25, с. 102, 103]. Б. И. Надэль, развивая положение, имевшее целью доказать, что первую войну против Рима вел Фофорс, обращает внимание на имя Крисконор, происходящее у Константина как имя отца царя Савромата [19, с. 96, Прим. 57, 58][3]. Он интерпретирует это имя как местное, варварское и считает возможным относить его к отцу Фофорса на том основании, что имя самого Фофорса иранское [20, с. 207], а знаки на его монетах имеют сарматское происхождение. Но этих фактов едва ли достаточно, чтобы утверждать, что именно Фофорс вел войну против Рима, даже если опираться на предположение, что он и сменивший его Радамсад по своему происхождению не принадлежали к исконной династии боспорских царей [18, с. 233]. На боспорском престоле и до Фофорса были цари, чьи имена имели также иранские корни. Это — Аспург (14—37/38 гг. н. э.), Ининфимей (234—238 гг. н. э.), Фарзанс (253—254 гг. н. э.). Но в то же время известны такие боспорские правители, как Рнмиталк (131—154 гг. н. э.), Евпатор (154—170 гг. н. э.), Савромат II (174—210 гг. н. э.) и Рискупорид III (211—226 гг. н. э.), которые также ставили свои знаки, но не на монетах, как Аспург или Фофорс, а на лапидарных памятниках [33, с. 268; 34, с. 22, рис. IV; 35, табл. VI, *65*; 36, табл. I, *16*; 37, с. 13, рис. 1].

Таким образом, ни иранское происхождение имен царей, ни использование ими тех или иных знаков, помещаемых на официальных памятниках, недостаточны, чтобы утверждать, что они могли принадлежать к династии, враждебно настроенной к Риму. По-видимому, более прав В. Ф. Гайдукевич, который рассматривал сарматизацию боспорской династии на результат фамильных связей царского дома со знатью сарматских племен [26, с. 460, Прим. 3].

Для доказательства реальности похода Фофорса на владения Рима Б. И. Надэль использует сведения, содержащиеся в надписи (КБН, 744), датируемой 640 годами б. э. (буква для обозначения единицы в дате не сохранилась). Содержание надписи: «Сторана, жена Ада, сына Паппа, принкипа, эту стелу любимейшего сына ... лазика поставила в шестьсот сорок... году 25 Дия. Делал Хан...» [32, с. 429]. Б. И. Надэль восстанавливает слово «лазика» как имя человека — λαζι×[ιου] — Лазика, помещая перед ним вместо несохранившейся части слово из трех букв — [μου] — моего. Таким образом, на основании прочтения имени сына[4] как Лазика Б. И. Надэль делает предположение, что это имя может свидетельствовать об участии кого-нибудь из предков семьи Лазика в походе в страну лазов во время правления Диоклетиана или об установлении во время этого похода каких-то семейных связей [19, с. 97, 98]. Но при этом нужно помнить, что эта реконструкция похода боспорцев в страну лазов имеет в основе своей лишь одно предположение, что в надписи (КБН, 744) могло бы стоять имя Лазик и что оно в таком случае было бы созвучно названию местности, будто бы подвергшейся некогда нападению боспорцев и потому упомянутой у Константина Багрянородного. Вместе с тем Б. И. Надэль как исследователь, не оставляющий без внимания ни один из фактов, позволяющий пролить новый свет на интересующую его проблему, делает ряд ценных замечаний. Ставя своей целью сравнить главные события, сообщаемые Константином о войне Боспора с Римом и Херсонесом, с информацией, получаемой из римских, восточ-

---

[3] Я. Харматта полагает, что имя Савромат было общим названием боспорских царей в херсонесской хронике, и поэтому появление Фофорса под этим именем в повествовании Константина не должно удивлять [20, с. 206].

[4] Имя сына В. В. Латышеву восстановить не удалось (КБН, 744) [31, с. 220]. Вновь свериться с камнем невозможно, так как плита с этой надписью была привезена из Керчи в Москву, в Исторический музей, но в настоящее время в фондах музея она не значится, что еще ранее было отмечено Э. И. Соломоник [34, с. 83, № 37].

ных и боспорских источников, Б. И. Надэль приходит к выводу, что римские источники не сохранили сведений ни о войне Рима с Боспором, ни о войне с сарматами на территории Кавказа и Закавказья [19, с. 99]. Что же касается предположения Я. Харматты об участии в борьбе за персидский трон в 297—298 гг. Вахнама, возможного сына Фофорса, упомянутого в надписи из Пайкули как Вахнам сын Фуфруса [20, с. 206, 207], то Б. И. Надэль выражает сомнение в том, что для высказанного Я. Харматтой предположения о тождестве Фуфроса и Фофорса имеются достаточно веские аргументы [19, с. 100, Прим. 85—87]. В то же время некоторые исследователи принимают выводы Я. Харматта о действиях в Армении Фахнама, сына Фуфруса, вероятного сына боспорского царя Фофорса, без всяких возражений и комментариев. Встречаются даже высказывания, что Я. Харматта подтвердил историчность рассказа Константина своим разбором надписи из Пайкули [27, с. 230, Прим. 35], из чего делается вывод, что наиболее легендарная часть рассказа Константина — поход в Малую Азию в 291—293 гг., возглавляемый боспорским царем Фофорсом,— подтверждается источником, и поэтому становится ясным характер взаимоотношений Херсонеса с Боспором и Римом, а в частности возможность военного нападения херсонесцев на Боспор [28, с. 75 сл.]. Но все эти построения в основе своей имеют только предполагаемый факт, что Фуфрус — это Фофорс, который, возможно, имел сына, которого, возможно, звали Вахнам. Исходя из этого, Я. Харматта восстанавливает историю Боспора таким образом: в 291 г. Фофорс, царь аланского происхождения, вторгся в Лазику, а затем в римскую Малую Азию. Его сын Вахнам в 292 г. действовал в Армении, борясь за престол сасанидской династии. Нападение Херсонеса на Боспор заставило Фофорса возвратиться в пределы Боспора, а сын его Вахнам погиб в Армении, попав в плен к персам [20, с. 208]. Но, как было сказано выше, это предположение не подкреплено никакими другими доказательствами.

Для подтверждения реальности похода Фофорса на владения Рима и борьбы Херсонеса с Боспором Б. И. Надэль пытается привлечь, кроме эпиграфических, и нумизматические данные. Особое внимание он уделяет боспорской чеканке 600—605 гг. б. э. (303—308 гг. н. э.), полагая, что в эти годы чеканка монет Фофорсом была сокращена или прекращена вовсе [18, с. 233; 19, с. 100—108]. Это, по его мнению, может свидетельствовать о внутренних осложнениях, претерпеваемых Боспором в указанные годы, что нашло свое отражение в надписи (КБН, 64), датированной 306 г. н. э. В надписи говорится, что наместник Феодосии Аврелий Валерий Сог, сын Олимпа, известный августам, почтенный Диоклетианом и Максимилианом и прозванный в епархии Олимпианом, долго отсутствующий и остававшийся на чужбине 16 лет, выстроил молельню в 603 г.б.э. Употребление в этой надписи слова «епархия» (ἡ επαρχία) или «провинция» дало ученым возможность высказать ряд соображений относительно политического статуса Боспора в самом начале IV в. н. э. В. В. Латышев полагал, что Боспор в это время был низведен до положения римской провинции [38, с. 27]. Между тем существует и другая точка зрения. Считают, что Сог был почтен императорами за какие-то его заслуги в одной из римских провинций, вне пределов Боспора [2, с. 457—459; 26, с. 476, 477; 44, с. 178, 179]. Ссылаясь на мнение В. В. Латышева, считавшего, что содержание надписи может говорить о сильной зависимости Боспора от Рима [5], Б. И. Надэль выражает несогласие с трактовкой этой надписи В. Ф. Гайдукевичем, отказываясь от своей прежней точки зрения. Исходя из своего нового анализа надписи (КБН, 64), Б. И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в пределах Северного Причерноморья, внутренние неурядицы на Боспоре, связанные с борьбой

[5] С. П. Шестаков, разделяя мнение В. В. Латышева относительно сведений, содержащихся в надписи 306 г.н.э., полагал, что при Диоклетиане римлянам удалось восстановить свое влияние на северном побережье Понта [39, с. 5].

антиримских и проримских сил, и вследствие всего этого ограничение власти Фофорса и включение Феодосии в Римскую империю [19, с. 104]. Следует заметить, что, признавая или отрицая достоверность сведений, сообщаемых Константином Порфирородным, никто при этом не изучал детально нумизматические данные, хотя в середине XIX в. еще Б. В. Кене отметил, что, вопреки сведениям Константина Багрянородного о нападении Боспора на Рим (Const. Porph. De Adm. Imp., 53), типология монет Фофорса не меняется [4, с. 174]. На оборотной стороне статеров всегда неизменно помещен портрет римского императора. Это обстоятельство было бы излишним, если бы Боспор действительно когда-либо нападал на Рим. Эмиссии статеров Фофорса идут из года в год. Веса его монет постоянны. Средний вес в пределах 7,60 г (рис. 1—5). Состав металла статеров разных лет одинаков. Статеры 600—605 гг. б. э. (303—308 гг. н. э.) присутствуют в кладах позднебоспорских монет, и их находят при археологических работах на территории городов Боспора (40, с. 257, № 110—121; 37, табл. VI, 495; 41, с. 95, № 109—120; с. 100, № 201—207; 42, с. 173, № 68; 43, с. 109, № 320]. Нельзя отрицать, что интенсивность эмиссий статеров снижена в 600—605 гг. б. э. (303—308 гг. н. э.) по сравнению с предыдущими годами. Но по сравнению с небольшими по объему выпусками монет первых лет правления Радамсада (рис. 5, *z—e*), это не может считаться из ряда вон выходящим явлением. Поэтому нельзя заключать, что власть Фофорса была ограничена Римом. Это не подтверждается нумизматическими данными. Нет сведений о том, что на Боспоре происходили какие-то внутренние неурядицы. Они не находят отражения ни в письменных, ни в эпиграфических источниках. Поэтому предположение об отъезде Сога из Боспора из-за внутренних неурядиц (КБН, 64) не находит себе подтверждения. В 605 г. б. э. (308 г. н. э.) Радамсад наследовал Фофорсу. Радамсада, как и Фофорса, не считают правителем, принадлежащим к исконной династии боспорских царей [18, с. 232, Прим. 5]. Но и Радамсад правит на Боспоре с 605 по 619 г. б. э. без ограничений со стороны Рима. История его монетного дела — наглядное тому доказательство. Ни типология его статеров, ни метрологические данные, ни состав металла статеров Радамсада не отличаются от эмиссий Фофорса и Рискупорида VI, хотя Б. И. Надэль предполагал, что и Радамсад мог бы быть врагом Рима [18, с. 232]. Итак, можно утверждать, что нумизматические данные царей Боспора Фофорса (285—308 гг. н. э.), Радамсада (308—319 гг. н. э.) и Рискупорида VI (314—341 гг. н. э.) не подтверждают сведений, содержащихся в гл. 53 сочинения Константина Багрянородного «Об управлении государством», о нападении в правление Диоклетиана боспорского царя Савромата, сына Крисконора, на владения Рима и о борьбе Херсонеса с Боспором в правление Константина Великого. Предположение, что под именем царя Савромата мог действовать Фофорс, не подтверждается до сих пор достоверными доказательствами. Против предположения о военных действиях Херсонеса на территории Боспора в 284—305 гг. свидетельствует употребленное в сочинении Константина название столицы Боспорского царства — Боспор, а не Пантикапей, как следовало бы ожидать. Против отнесения второй войны Херсонеса с Боспором ко времени между 323—337 гг. говорит факт обозначения города Феодосии Кафой: херсонесцы «...встретились с ним вне своих пределов в местах так называемой Кафы ... и определили границей ... место, называемое Кафой» [21, с. 37]. Феодосию стали называть Кафой в ранневизантийское время. Кроме того, ни в одном из эпиграфических памятников Боспора войны Херсонеса с Боспором, равно как и войны Боспора с Римом, не находят отражения. Источники не сохранили нам упоминаний о походе варварских племен Меотиды на Малую Азию после 275/276 гг. [26, с. 480]. Монетное дело трех последних царей Боспора — Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI — не содержит никаких данных, которые могли бы позволить сделать вывод о враждебном отношении Боспора к Риму. Особенно отчетливо это прослеживается в типологии статеров. На оборотных сторонах всех боспорских статеров, выпущенных с 582 по 638 г. б. э. (285—

341/342 гг. н. э.), всегда помещается изображение римского императора.

Бесспорно, в сочинении Константина Порфирородного нашли отражение какие-то реальные события, связанные с борьбой античных городов-государств Северного Причерноморья и Рима с окружающим его миром варварских племен. Но события эти, по всей видимости, происходили гораздо позже, чем царствование Рискупорида VI, последний год правления которого засвидетельствован статерами 638 г. б. э. (341/342 г. н. э.). Возможно, что в нем нашла некоторое отражение и политика компромисса, которой придерживался Боспор, если вспомнить события, связанные с предоставлением боспорского флота варварам в середине III в. н. э. [26, с. 479, 480]. В. В. Васильев также сравнивает свидетельство Зосима, историка V и начала VI в., о «живших у Меотийского озера савроматах [сарматах], нападавших в 322 г. на Империю», и сарматах, обитающих у Меотийского озер, о которых пишет Константин Порфирородный. Он считает, что в обоих источниках речь идет о крымских готах, совершавших нападения на Римскую империю [45, с. 289]. В лучшем положении, чем Боспор, по его мнению, находился Херсонес, получавший поддержку от Рима, вследствие чего он мог обороняться от внезапных нападений варварских племен. Впоследствии борьба Херсонеса с варварами могла получить особую окраску, обрасти легендами, в которых Херсонес выступает уже как защитник Рима, борясь против варваров и боспорцев [26, с. 480].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролова Н. А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI.— СА, 1975, № 4.
2. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
3. *Голенко К. В.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса.— МАПП, 1959, т. II.
4. *Кене Б. В.* Описание музеума великого князя В. В. Кочубея. Спб., 1857.
5. *Орешников А. В.* Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1887.
6. *Латышев В. В.* ПОНТІКА. Спб., 1909.
7. *Спасский Г.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М,. 1846.
8. *Григорьев В. В.* Россия и Азия. СПб., 1876.
9. *Brandis C. G.* Bosporos.— PWRE, 1899, Bd III.
10. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
11. *Сабатье П. П.* Керчь и Воспор. СПб., 1851.
12. *Sestini D.* Corrections et Additions. Paris, 1835.
13. *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
14. *Харко Л. П.* Тиритакский клад 1946 г.— ВДИ, 1949, № 2.
15. *Шелов Д. Б.* Феодосийский клад боспорских «статеров».— ВДИ, 1950, № 2.
16. *Голенко К. В.* К датировке одной группы монет Фофорса.— СА, 1958, № 2.
17. *Кагаров Евг.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
18. *Надэль Б. И.* Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н. э.— Acta Antiqua, Academiae Scientiarum Hungaricae. T. IX. Fasc. 1—2. Budapest, 1961.
19. *Nadel B.* Literary tradition und Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus Information on the Bosporan Kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered.— Centre de Recherches d'Histoire Ancienne. V. 25. Dialogues d'histoire ancienne. 1977. Annales Lettéraires de l'universitě de Besaçon. P., 1977.
20. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
21. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1. Константина Багрянородного. Об управлении государством/Пер. Латышева В. В.— ИГАИМК, 1934, вып. 91.
22. *Cary M.* Histoire des Rois de Frace et de ceux du Bosphore Cimmerien. Paris, 1972.
23. *Memmsen Th.* Römische Geschichte. Bd V. B., 1885.
24. *Brandis C. G.* Chersonesos.— PWRE. 1897, Bd III.
25. *Garnett R.* The Story of Gycia.— The English Historical Review. T. XII. New York and Bombay, 1897.
26. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971.
27. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1973.
28. *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.— ВДИ, 1979, № 2.
29. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
30. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.

31. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
32. Корпус боспорских надписей / Под ред. Струве В. В. М.— Л.: Наука, 1965.
33. *Шелов Д. Б.* Тамга Реметалка.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1969.
34. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
35. *Гиль Х. Х.* Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, 1892, т. V.
36. *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, 1910, т. XXIX.
37. *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961.— НиС, 1963, № 1.
38. *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901—1903 гг.— ИАК, 1904, вып. 10.
39. *Шестаков С. П.* Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1908.
40. *Голенко К. В.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) — НЭ, 1960, т. I.
41. *Голенко К. В., Сокольский Н. И.* Клад 1962 г. из Кеп.— НЭ, 1969, т. VII.
42. *Салов А. И.* Клад III—IV вв. с Шум-речки. (Анапский район).— СА, 1975, № 3.
43. *Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Фанагории 1962—1975 гг.— ВДИ, 1981, № 1.
44. *Крюгер О. О.*— ВДИ, 1966, № 2.— Рец. на кн.: Корпус боспорских надписей/Под ред. Струве В. В. М.—Л.: Наука, 1965.
45. *Васильев В. В.* Готы в Крыму.— ИРАИМК, 1921, вып. 1.

N. A. Frolova

COINAGE UNDER PHOPHORS (285-308 A. D.)

Summary

The present research into coinage under Phophors is based on a study of more than a 1.000 staters of Phophors His rule has been found to begin in 582 Bosporan era (285 A. D.), and not in 583 Bosporan era (286 A. D.), as was believed previously. A die analysis of all collected material combin ed with relevant metrological data gives reason to believe that staters were emitted every year (582-605 Bosporan era, or 285-308 A. D.) without either interruptions or changes in weight. The newly discovered facts disprove the present conception that coinage shrank or was even ended in the closing years of the Phophors rule [19], which was used as the basic argument in the efforts to prove the reality of the events described by Constantine Porphyrogenitus (Const. Porph., De Adm. Imp., 53) and that during the Diocletian rule (284—305 A. D.) Bosporus, on the one hand, and Rome and Chersonesus, on the other, were at war. A study of numismatic and epigraphic data has led the author to the conclusion that Phophors did not wage war against Rome and that his rule was not limited by the Roman Empire.

ВНУКОВ С. Ю.

СКИФСКИЕ СЛОИ ГОРОДИЩА ЧАЙКА

(опыт статистической обработки)

Настоящая статья посвящена исследованию массового археологического материала с помощью метода доверительных интервалов при решении разного рода конкретных задач. Доверительные интервалы уже довольно давно используются в нашей науке[1]. В статье не дается описание методики их применения, так как это неоднократно делалось в литературе [2, 3]. При расчетах автором использовалась формула для нормального (Гауссова) распределения с коэффициентом доверия 0,95 (95%) для выражения в процентах $200\sqrt{\frac{W(1-W)}{n}}$, где $W=x/n$ — частость; n — величина выборки (общее количество предметов); x — количество предметов данного типа [3, с. 142].

Настоящая работа выполнена на материалах Крымской археологической экспедиции МГУ 1976—1978 гг. с городища Чайка[2]. Это городище трехслойное. Нижний слой (IV — середина II в. до н. э.) принадлежит греческому поселению, средний — скифскому, верхний (очень тонкий) средневековому (VIII—XI вв.). Скифский слой по стратиграфическим данным, по залеганию подошв кладок и полов помещений разделен на четыре строительных периода, связанных с крупными перестройками на всем городище [4]. В работе использовался материал скифского слоя, кроме индивидуальных находок — изделий из металла, стекла, камня и кости, всего около 25 тыс. находок, из них около 19 тыс. керамических фрагментов (табл. 1). Материал происходит с двух участков — Западного и Центрального (рис. 1).

Западный участок (основной) расположен за западной стеной скифских кварталов Запад 1 и Запад 2. Общая его площадь около 290 м². В древности он был слабо застроен. Помещения располагались только в его центральной части. К югу от них, на так называемой Западной площади, во II—IV строительных периодах был пустырь (рис. 1).

Стратиграфия Западного участка не сложная. Подстилает скифские слои слой чистого, практически стерильного песка, который в свою очередь перекрывает греческие строительные остатки IV—III вв. до н. э. Мощность песка достигает местами 1,5 м. Сами скифские напластования состоят в основном из двух слоев. Нижний слой — супесь с золой. Он образовался на пустынных участках в результате естественного надува песка и неинтенсивного сбрасывания туда золы, иногда бытового мусора и т. п. Мощность супеси с золой на Западной площади достигает 1 м. Сверху всю исследуемую площадь перекрывает слой темной супеси. В нем нет строительных остатков и довольно мало материала, который почти весь сосредоточен в его нижней части. Слой темной супе-

---

[1] Одна из первых работ с использованием доверительных интервалов — статья И. С. Каменецкого [1].

[2] Автор выражает искреннюю благодарность начальнику экспедиции И. В. Яценко за предоставленный материал и ценные консультации.

Таблица 1

Материал Западного, Центрального участков и комплексов из помещений
(нумерация столбцов соответствует нумерации разрядов материала на рис. 2)

	Пласты	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	Σ_{13-25} 9
Западный участок	7	0	1	0	0	1	0	0	1	0	11	8	0	223	245
	6	5	1	0	0	0	0	1	1	1	24	15	1	639	688
	5	8	4	2	2	2	2	1	2	0	29	28	4	1319	1403
	4	17	15	1	4	0	0	0	5	0	19	42	1	1453	1557
	3	21	11	5	1	3	0	0	1	4	5	45	2	1776	1874
	2	8	4	6	7	8	1	2	1	5	1	37	3	1309	1392
	1	2	4	1	6	3	2	0	0	0	0	6	0	345	369
Центральный участок	C	2	3	1	4	0	1	0	0	0	4	5	1	335	356
	B	24	30	25	40	29	10	7	7	1	0	83	8	3309	3573
	A	5	7	5	3	1	0	0	0	1	0	14	0	699	735
Комплексы помещений	№ 1	9	8	4	3	4	0	1	1	2	0	29	5	747	813
	№ 2	4	3	2	1	1	1	0	0	1	0	10	1	404	428
	№ 3	3	2	1	0	1	0	0	1	0	3	7	2	391	411
Всего		108	93	53	71	53	17	12	20	15	96	329	28	12949	13844

	Пласты	26	27	28	Σ_{26-28} 11	29	30	31	Σ_{29-31} 12	9	10	$\Sigma_{9,10}$ 7
Западный участок	7	42	0	7	49	4	11	0	15	245	1	246
	6	124	12	16	152	4	13	0	17	688	1	689
	5	201	4	29	234	18	38	0	56	1403	15	1418
	4	237	11	26	274	30	47	0	77	1557	12	1569
	3	352	38	43	433	20	60	3	83	1874	13	1887
	2	203	40	14	257	27	34	7	68	1392	6	1398
	1	49	6	10	65	7	17	1	25	369	7	376
Центральный участок	C	73	5	0	78	1	5	3	9	356	0	356
	B	411	0	7	418	46	55	16	117	3573	40	3613
	A	160	3	2	165	27	9	1	37	735	13	748
Комплексы помещений	№ 1	90	0	24	114	7	15	2	24	813	14	827
	№ 2	36	0	11	47	9	4	1	14	428	11	439
	№ 3	12	17	6	35	2	44	1	47	411	1	412
Всего		1990	136	195	2321	202	352	35	589	13844	134	13978

	Пласты	11	12	$\Sigma_{11,12}$ 8	4	5	6	Σ_{4-6} 2	1	2	3	Σ_{1-3}
Западный участок	7	49	15	64	2	310	48	360	158	360	154	672
	6	152	17	169	9	858	127	994	190	994	1235	2419
	5	234	56	290	12	1708	316	2036	500	2036	688	3224
	4	274	77	351	28	1920	259	2207	426	2207	74	2707
	3	433	83	516	16	2403	187	2606	433	2606	22	3061
	2	257	68	325	24	1723	145	1892	304	1892	9	2205
	1	65	25	90	6	466	46	518	125	518	2	645
Центральный участок	C	78	9	87	9	443	40	492	113	492	3	608
	B	418	117	535	102	4148	458	4708	895	4708	3	5606
	A	165	37	202	75	950	112	1137	128	1137	3	1268
Комплексы помещений	№ 1	114	24	138	36	965	61	1062	103	1062	1	1166
	№ 2	47	14	61	9	500	93	602	38	602	4	644
	№ 3	35	47	82	9	494	123	626	36	626	0	662
Всего		2321	589	2970	337	16888	2015	19240	3449	19240	2198	24887

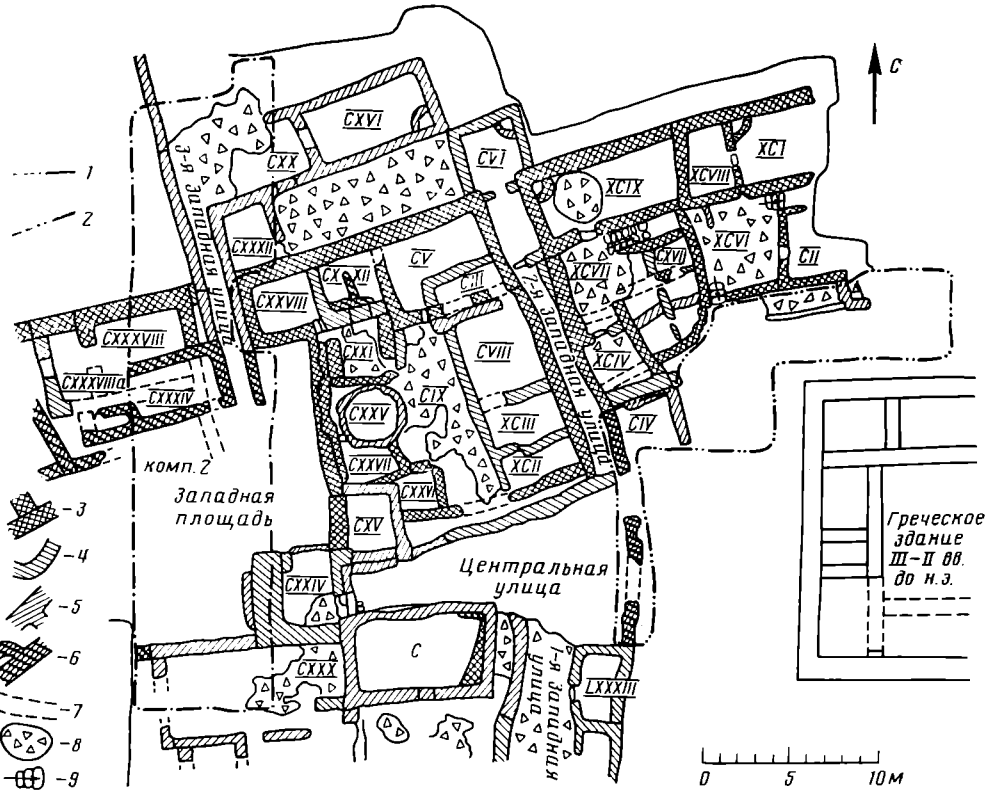


Рис. 1. Городище у санатория Чайка. Схематический план северо-западной части. *1* — границы Западного участка; *2* — границы Центрального участка; *3* — I строительный период; *4* — II строительный период; *5* — III строительный период; *6* — IV строительный период; *7* — предполагаемые продолжения стен; *8* — вымостки; *9* — лестницы

си имеет толщину 10—40 см, до 70 см в низких местах. На всей площади участка он однороден.

Центральный участок расположен к северу и западу от греческого здания III — первой половины II в. до н. э., которое позднее, после перестройки, видимо, использовалось как цитадель скифского городища. Общая площадь участка около 105 м². В него входит незастроенная площадь между стенами «цитадели» и скифскими кварталами шириной 8—10 м (рис. 1). Слой, заполняющий этот участок, тот же, что и на Западной площади,— супесь с золой. Он располагается вокруг «цитадели», далее на запад по Центральной улице и затем на Западной площади (рис. 1). Автором доследовалась самая нижняя часть этого слоя толщиной 20—60 см. Основные различия Западного и Центрального участков заключаются в том, что вокруг «цитадели» нет прослойки стерильного песка, супесь с золой там сильнее гумусирована, и местами в ней больше золы, чем песка.

Время жизни на обоих участках было примерно одинаково, так как на них имеются строительные остатки всех четырех периодов (рис. 1).

Фиксация материала в поле обычно происходила по штыкам (20 см) и квадратам (5×5 м). В том случае, если в штык попадало более одного слоя, материал фиксировался по каждому слою в пределах штыка раздельно. В поле же составлялись списки найденного материала единого образца. Почти все стенки и невыразительные оббитые профильные части просчитывались и выбрасывались.

По стратиграфическим данным весь слой на Западном участке был разделен на семь условных пластов, не зависящих от нумерации штыков: 7 и 6 — пласты темной супеси; 5—1 — пласты супеси с золой. При синхронизации материала с разных квадратов по возможности учитывались перепады древней дневной поверхности. Слой Центрального участка был разделен на три пласта — А (нижний), В (средний) и С (верхний).

Решение вопроса о том, как эти пласты соотносятся с пластами Западного участка, представляет собой одну из целей настоящей работы.

Выбор для статистической обработки материала из правильных напластований супеси с золой и темной супеси (открытых комплексов) не случаен[3]. Дело в том, что при образовании закрытого комплекса обычно действует постоянный фактор, определяющий состав этого комплекса и связанный с его функциональным назначением [6, с. 60]. При образовании же открытых комплексов действует множество различных факторов более или менее одинаковой силы, из-за чего керамический материал в таком комплексе равномерно перемешан и является случайной выборкой. Поэтому он «может служить источником широкой ... информации об археологическом памятнике в целом» [6, с. 60].

С другой стороны, можно предположить, что, сравнивая материал закрытого комплекса с материалом соответствующего по времени открытого комплекса, в некоторых случаях удастся выяснить определяющий фактор, действовавший при образовании закрытого комплекса, и тем самым установить его функциональное назначение. Но сравнение статистическими методами некоторых разрядов материала не дает возможности делать такие выводы. Так, от вида комплекса не зависят процентные соотношения разновидностей внутри функционально однородных разрядов керамики. Примером тут могут служить амфоры. Соотношение амфор различных центров, синхронных типов одного центра и их фрагментов внутри разряда амфор в большинстве единовременных комплексов одного памятника не зависит от вида комплексов и одинаково в пределах доверительных интервалов. Субъективные факторы, такие как личные вкусы владельца помещения, из которого происходит комплекс амфор, стоимость их содержимого и т. п., на памятниках, подобных нашему (т. е. без выраженного имущественного различия хозяйств и с ограниченными торговыми связями, а отсюда и с небольшим набором предлагаемых сортов товара), не должны заметно сказываться. Кроме того, их влияние сглаживается в ходе обмена при вторичном использовании амфорной тары в период функционирования хозяйства. Таким образом, подобные соотношения могут позволить датировать закрытые комплексы, не имеющие четкой стратиграфической даты, путем сравнения их с эталонными правильными наслоениями[4].

Элементарная классификация исследуемого материала проводилась при составлении списков находок в поле, на которые и опирается наша классификационная схема (рис. 2). Она ни в коем случае не может считаться бесспорной и окончательной, но на данном этапе работы с таким количеством материала она себя в основном оправдала.

Весь материал в классификационной схеме распределяется по пяти уровням. Из-за отсутствия полной разработанной классификации лепной керамики Чайкинского городища[5] разделение этого разряда на всех уровнях невозможно. Разделение амфор по центрам производства проводилось только на профильных фрагментах, так как амфорные стенки в поле просчитывались без деления их по глинам.

В материале выделены амфоры производства Синопы, Херсонеса, Коса, Родоса, Книда, Гераклеи, Фасоса, неизвестного средиземноморского (?) центра (группа А), южнопонтийского (?) центра (группа Б), а также группы светлоглиняных, коричневоглиняных и прочих амфор

---

[3] Термины «правильные напластования» и «открытый комплекс» употребляются в значении, предложенном И. С. Каменецким [5, с. 83, 88].

[4] Практически такое соотнесение все же затрудняется различным характером комплексов и значительным влиянием элемента случайности в закрытых комплексах. Для корректного их сравнения необходимо введение различных дополнительных коэффициентов. Все сказанное, естественно, не относится к складским помещениям, где хранились отдельные партии товаров в амфорах из определенных центров. Такие склады обычно легко выделяются.

[5] В статье Н. П. Зарайской [7] рассматриваются только горшки, и ее классификация не может быть использована в нашей работе.

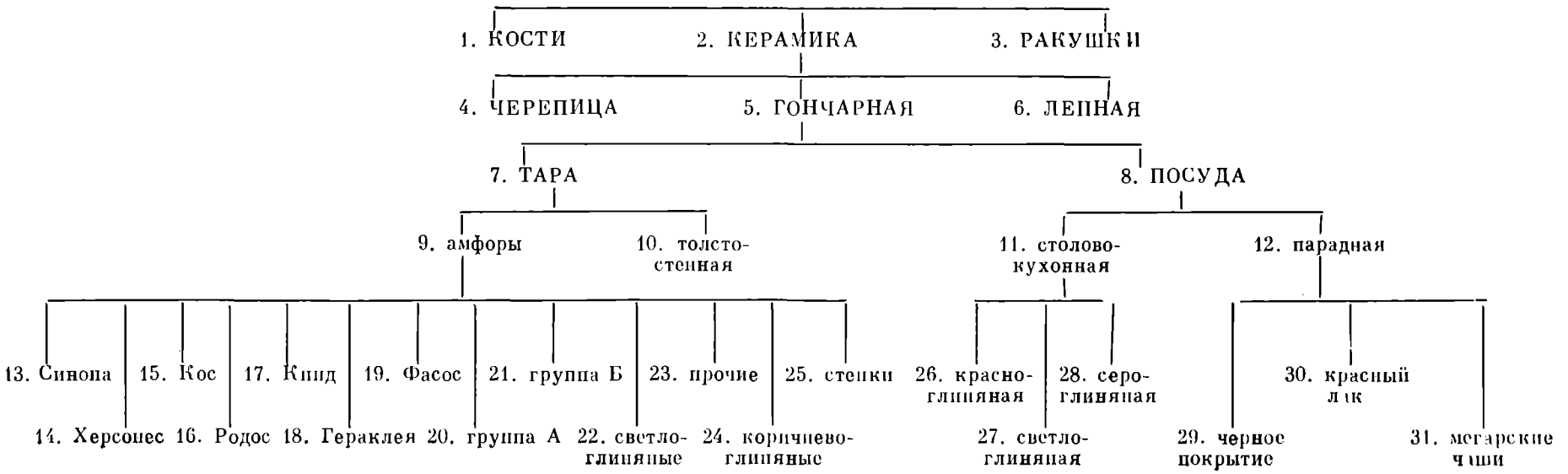


Рис. 2. Классификационная схема материала

(рис. 2). Глина известных центров описывалась уже не раз [8]. Выделяемые автором амфоры группы А и группы Б требуют пояснения.

В группу А объединены фрагменты амфор с воронкообразным горлом. По глине все они принадлежат производству одного (средиземноморского?) центра. Снаружи все фрагменты покрыты ангобом кремового или лимонного цвета. Аналогичные амфоры выделены на Танаисе И. С. Каменецким (третья группа амфор с воронкообразным горлом), но там имеется только один ангобированный фрагмент [3, с. 154, 155].

Амфоры группы Б характеризуются рыхлой глиной ярко-оранжевого цвета, с очень большим количеством песка и порой пироксена. По составу она очень напоминает глину Гераклеи и иногда коричневоглиняных амфор, но отличается от той и другой по цвету. Ручки этих амфор овальные, со слабой профилировкой — два или три симметричных сглаженных гребня. Венчики по форме напоминают венчики коричневоглиняных амфор, выделенных И. Б. Зеест [8, с. 108; табл. XXVII, 60*а*]: отогнутый нависающий неширокий валик, обычно уплощенный с наружной стороны. С коричневоглиняными группу Б сближают и намеки на профилировку ручек у некоторых коричневоглиняных амфор. Ножек амфор этой группы пока не выделено. Таким образом, амфоры группы Б, с одной стороны напоминают гераклейские, а с другой — коричневоглиняные. Необходимо указать, что ряд исследователей относят коричневоглиняные амфоры, аналогичные чайкинским, к продукции южнопонтийского центра, в частности Гераклеи [8, с. 108; 9]. В связи с этим возможно, что и амфоры группы Б также являются продукцией одного из южнопонтийских центров, связанных с Гераклеей.

В одну группу выделены также и все светлоглиняные амфоры. Это вызвано неразработанностью их общей классификации как по глине, так и по формам. Мнение о том, что все типы светлоглиняных амфор принадлежат одному центру [1, с. 29—36; 10, с. 132], до проведения петрографических анализов остается спорным.

При просчете процентов и доверительных интервалов доля каждого разряда вычислялась из всех соответствующих верхних разрядов, в которые он входит составной частью. В связи с тем что по глинам разделяются только профильные части амфор, расчет доли разновидностей амфор шел из соответствующих разрядов без учета в них стенок. Таким образом, подсчитываются доли фрагментов сосудов различных разрядов в рассматриваемых керамических комплексах. Их соотношения отличаются от существовавших соотношений различных сосудов (целых форм) в древних хозяйственных комплексах, так как сосуды различных форм и размеров бьются на неодинаковое число фрагментов. Но эти различия существенно не влияют на наши выводы.

Расчеты производились на клавишной ЭВМ «Искра-123»[6]. Из-за ограниченнного объема статьи нет возможности привести здесь детальный анализ всех результатов. Поэтому остановимся только на наиболее существенных. Часть этих результатов приведена в табл. 2.

Во-первых, следует указать на резкое увеличение доли ракушек на верхних пластах 5—7 Западного участка. Если внизу доля ракушек среди всего материала не достигает и 3%, то на пластах 5 и 7 она составляет 20—26%, а на пласте 6 превышает 50% (табл. 2, *1*). Как указывают биологи, виноградная улитка (Helix vulgaris Rssm.),— а практически только ей и принадлежат все находимые ракушки,— обитала «на участках, временно выпадавших из хозяйственного использования (заброшенные после нападения участки городища, заброшенные хозяйственные ямы и т. п.)» [11, с. 178]. Видимо, такое резкое увеличение доли ракушек связано с постепенным запустением на участке, начавшемся в конце отложения пласта 5. Это подтверждается и данными стратиграфии, так

[6] Программа составлена сотрудником МИИТа М. А. Давыдовским, которому автор выражает искреннюю благодарность. Программа выглядит следующим образом: П А1 стоп А3 0=А5 Т А5+1=А5 стоп А4 А4 : А1×100=А2 стоп ((100—А2)×А2 : А1) $\sqrt{}$×2=А4 стоп А2 — А4=стоп А4+А2=стоп А5 — А3=▷КП Р СК.

	Пласты	1	2	3	4	5	6	7
Западный участок	7	22,9 19,7–26,1	23,5 20,2–26,8	0,6 0–1,3	13,3 10,1–16,5	20,6 16,0–25,2	68,1 63,2–73,1	0,4 0–1.2
	6	51,1 49,1–53,1	7,9 6,8–8,9	0,9 0,3–1,5	12,8 10,7–14,9	19,7 17,0–22,4	69,2 66,3–72,1	0,1 0–0,3
	5	21,3 19,9–22,7	15,5 14,2–16,8	0,6 0,3–0,9	15,5 13,9–17,1	17,0 15,2–18,8	68,9 66,9–70,7	1,1 0,5–1,6
	4	2,7 2,1–3,4	15,7 14,3–17,1	1,3 0,8–1,7	11,7 10,3–13,1	18,3 16,5–20,1	70,5 68,6–72,4	0,8 0,3–1,2
	3	0,7 0,4–1,0	14,1 12,8–15,4	0,6 0,3–0,9	7,2 6,2–8,2	21,5 19,8–23,2	71,9 70,1–73,7	0,7 0,3–1,1
	2	0,4 0,1–0,7	13,8 12,3–15,3	1,3 0,8–1.8	7,7 6.4–9,0	18,9 17,0–20,8	73,6 71,6–75,6	0,4 0,1–0,7
	1	0,3 0–0,7	19,4 16,3–22,5	1,2 0,2–2,1	8,9 6.8–11,0	19,3 15,6–23,0	71,2 67.2–75.8	1,9 0,5–3.3
Центральный участок	С	0,5 0–1,1	18,6 15,5–21,7	1,8 0,6–3,0	8,1 5,7–10.6	19.6 15,8–23,4	72,4 68,4–76,4	0
	В	0,05 0–0,1	16,0 15.0–17,0	2,2 1,8–2,6	9,7 8,8–10,6	12,9 11,9–13,9	75,9 74,7–77,2	1,1 0,8–1,5
	А	0,2 0–0,5	10,1 8,4–11,8	6,6 5,1–8,1	9,8 8,1–11,6	21,3 18,6–24,0	64,6 61,8–67,4	1,7 0.8–2,7
Комплексы помещений	№ 1	0,1 0–0,3	8,8 7,2–10.5	3,4 2,3–4,5	5,7 4,3–7,2	14,3 12,0–16,6	76,6 74,0–79,2	1,7 0,8–2,6
	№ 2	0,6 0–1,2	5,9 4,0–7,8	1,5 0,5–2,5	15,4 12,5–18,3	12,2 9,3–15,1	71,1 67,4–74,8	2,5 1,0–4,0
	№ 3	0	5,4 3,7–7,2	1,4 0,5–2,4	19,6 16,4–22,8	16,6 13,4–19,8	65,7 61,9–69,5	0,2 0–0.6

Примечание. В каждой графе (1—23) верхняя цифра — проценты, нижняя — доверительные керамики; 4 — лепная из всей керамики; 5 — посуда из гончарной керамики; 6 — амфоры из всех амфор; 10 — херсонесские из всех амфор; 11 — косские из всех амфор; 12 — родосские из всех амфор; 16 — коричневоглиняные из всех амфор; 17 — светлоглиняные из всех красноглиняная из столово-кухонной посуды; 21 — светлоглиняная из столово-кухонной посу-

как слой темной супеси связан не с функционированием помещений, а с их разрушением.

Во-вторых, по соотношению между лепной и гончарной керамикой предположительно можно также выделить две группы пластов. В верхних пластах 4—7 доля лепной керамики колеблется в основном в пределах 10—17%, в нижних пластах 1—3 — в пределах 6—11%. Таким образом, начиная с пласта 4 наблюдается увеличение доли лепной керамики (табл. 2, *4*).

В-третьих, происходит заметное уменьшение на пластах 3—5 доли посуды из гончарной керамики с 22 до 17% и соответственное увеличение доля тары с 78 до 83% (табл. 2, *5*). Изменения доли посуды из разряда гончарной керамики практически негативны изменениям доли лепной из всей керамики (табл. 2, *4*). На тех пластах, где доля гончарной посуды увеличивается, доля лепной керамики уменьшается, и наоборот.

Таблица 2

нтрального участков и комплексов из помещений

8	9	10	11	12	13	14	15
23,4 12,8–34,0	0	4,6 0–13,5	0	0	4,6 0–13,5	0	0
10,1 5,5–14,7	10,2 1,6–18,8	2,0 0–6,1	0	0	0	0	2,0 0–6,1
19,3 17,7–23,9	9,5 3,1–15,9	4,8 0,1–9,4	2,4 0–5,7	2,4 0–57	2,4 0–5,7	2,4 0–5,7	1,2 0–3,6
21,9 17,5–26,3	16,3 9,1–23,5	14,4 7,5–21,3	1,0 0–2,9	3,8 0–7,6	0	0	0
16,1 12,9–19,3	21,4 13,1–29,7	11,2 4,8–17,6	5,1 0,7–9,5	1,0 0–3,0	3,1 0–6,5	0	0
20,9 16,4–25,4	9,6 3,2–16,1	4,8 0,1–9,5	7,2 1,6–12,9	8,4 2,3–14,5	9.6 3,2–16,1	1,2 0–3,6	2,4 0–5,8
27,8 18,4–37,2	8,3 0–19,6	16,7 1,5–31,9	4,2 0–12,3	25,0 7,3–42,7	12,5 0–26,0	8,3 0–19,6	0
10,3 3,8–16,8	9,1 0–21,3	13.6 0–28,2	4,6 0–13,4	18,2 1,7–34,7	0	4,6 0–13.5	0
21,9 18,3–25,5	9,1 5.6–12,6	11,4 7,5–15,3	9.5 5,9–13,1	15,2 10,8–19,6	11,0 7,1–14,9	3,8 1.5–6,1	2,7 0,7–4,6
18,3 12,8–23,8	13,9 2,4–25,4	19,4 6,2–32,6	13,9 2,4–25,4	8,3 0–17,5	2,8 0–8,3	0	0
17,4 11,0–23,8	13,6 5,1–22,1	12,1 4,1–20,1	4,5 0–9,7	6,1 0,2–11,9	6,1 0.2–11,9	0	1,5 0–4,5
23,0 12,2–33,8	16,7 1,5–31,9	12,5 0–26,0	4,2 0–12,3	8,3 0–19,6	4,2 0–12,3	4,2 0–12,3	0
57,3 46,4–68,2	15,0 0–31,0	10,0 0–23,4	0	5,0 0–14,8	5,0 0–14,8	0	0

интервалы: 1 — ракушки из всего материала; 2 — кости из всего материала; 3 — черепица из из всей керамики; 7 — толстостенная из тары; 8 — парадная из всей посуды; 9 — синопские ские из всех амфор; 13 — книдские из всех амфор; 14 — гераклейские из всех амфор; 15 — фа- амфор; 18 — амфоры группы А из всех амфор; 19 — амфоры группы Б из всех амфор; 20 — ды; 22 — краснолаковая из парадной посуды; 23 — мегарские чаши из парадной посуды.

Так как эти разряды непосредственно в классификационной схеме не связаны, то этому можно дать только одно объяснение: лепная керамика и гончарная посуда могут вытеснять друг друга из обращения, они взаимозаменяемы. Но это не значит, что вся лепная керамика является посудой. Колебания долей гончарной посуды несколько сглажены. Разделить все пласты по данному показателю невозможно (четко различаются только пласты 5 и 3). Причиной этого может быть влияние определенного количества тары среди лепной керамики.

Следует также отметить резкое уменьшение доли парадной посуды из всей посуды в конце существования поселения (пласт 6) и соответственное увеличение доли столово-кухонной посуды (табл. 2, *8*).

Доля амфор среди всей керамики, видимо, несколько снижается из-за общего уменьшения доли керамики гончарной (различаются пласты 2 и 5; табл. 2, *6*). Но при этом происходит устойчивое и значительное воз-

Таблица 2 (продолжение)

	Пласты	16	17	18	19	20	21	22	23
Западный участок	7	0	50,0 28,6–71,4	4,6 0–13,5	0	85,7 75,7–95,7	0	73,3 50.5–96.1	0
	6	2,0 0–6.1	49,0 34,7–63,3	2,0 0–6,1	2,0 0–6.1	81,6 75.3–87,9	7,9 3,5–12.3	76,5 55.9–97.1	0
	5	4,6 0,1–9,2	34,5 24,1–44,9	2,4 0–5.7	0	85,9 81,4–90,4	1,7 0–3,4	67,9 55,4–80,4	0
	4	0,9 0–2,8	18,3 10,7–25,9	4,8 0,6–9,0	0	86,5 82,4–90,6	4,0 1,6–6,4	61,0 49,9–72,1	0
	3	2,0 0–4,8	5,1 0,7–9,5	1,0 0–3,0	4,1 0.1–8,1	81,3 77,6–85,0	8,8 6,1–11,5	72,3 62,5–82,1	3,6 0–7,7
	2	3,5 0–7,5	1,2 0–3,6	1,2 0–3,6	6,0 0,8–11,2	79,0 73,9–84,1	15,6 11,1–20,1	50,0 37,9–62,1	10,3 2,9–17,7
	1	0	0	0	0	75,4 64,7–86,1	4,9 1,0–8,8	68,0 49,3–86,7	4,0 0–11,8
Центральный участок	С	4,5 0–13,5	18,2 1,7–34,7	0	0	93,6 88,1–99,1	6,4 0,9–12,0	55,6 22,4–88,8	33,3 1,9–64,7
	В	3,0 0,9–5,1	0	2,7 0,7–4,6	0,4 0–1,2	98,3 97,0–99,6	0	47,0 37,8–56,2	13,7 7,3–20,1
	А	0	0	0	2,8 0–8,3	97,0 94,3–99,7	1,8 0–3,9	24,3 10,2–38,4	2,7 0–8,0
Комплексы помещений	№ 1	7,6 1,1–14,1	0	1,5 0–4,5	3,0 0–7,2	78,9 71,3–86,5	0	62,5 42,8–82,2	8,3 0–19,6
	№ 2	4,2 0–12,3	0	0	0	76,6 64,3–88,9	0	28,6 4,4–52,8	7,1 0–20,9
	№ 3	10,0 0–23,4	15,0 0–31,0	5,0 0–14,8	0	34,3 18,3–50,3	48,6 31,7–65,5	93,6 86,5–100	2,1 0–6,3

растание доли светлоглиняных амфор. По этому показателю все пласты также можно разделить на две группы: пласты 1—3 — доля светлоглиняных амфор среди всех амфор может колебаться в пределах 0—9,5% и пласты 5—7 — колебания от 25 до 70%. Пласт 4 занимает между ними промежуточное положение — 11—26% (табл. 2, *17*).

Анализ изменений процентных соотношений амфор других центров дал следующие результаты (табл. 2, *9—19*). Наиболее устойчивые торговые связи у населения Чайкинского городища в скифский период его существования поддерживались с Херсонесом и Синопой. На их долю теоретически может приходиться до 47% фрагментов амфор. На пласте 2 заметно уменьшение доли херсонесских фрагментов (четко различаются пласты 2 и 4), что можно объяснить изменением экономических связей в период затухания жизни на поселении (табл. 2, *9*, *10*).

Доля фрагментов амфор Родоса, Коса, Книда, видимо, уменьшается (на пластах 6, 7 имеется только один родосский фрагмент) (табл. 2, *11—13*). Но предполагать это из-за небольшого количества материала мы можем с уверенностью менее 95%. Наличие в исследуемых слоях пяти фрагментов гераклийских и четырех фрагментов фасосских амфор можно, видимо, считать случайным.

Интересно, что доля амфор Коса, Родоса, Фасоса, Гераклеи, т. е. наиболее ранних типов, на пласте 3 имеет тенденцию к увеличению или же фрагменты этих центров появляются вновь (табл. 2, *11—15*). Такое явление, если оно касается не одного центра, можно объяснить перемешанностью слоя в результате древних земляных работ.

Доля коричневоглиняных амфор практически не изменяется и колеблется в пределах до 8% (табл. 2, *16*). Относительно изменения долей амфор группы А и группы Б сказать ничего нельзя из-за широких доверительных интервалов, тем более что ножек амфор этих типов мы не знаем (табл. 2, *18*, *19*).

В процентных соотношениях разрядов посуды рассматриваемых пластов выразительных изменений не обнаруживается. С уверенностью менее 95% можно говорить только об увеличении со временем доли красно-лаковой из парадной посуды (четко различаются лишь пласты 2 и 3; табл. 2, *22*).

Мегарские чаши в нашем материале встречаются только на пластах 1—3 (табл. 2, *23*). Отсутствие их наверху следует объяснить, видимо, в первую очередь хронологическими изменениями.

Черепица и толстостенная керамика очень слабо представлены в нашей выборке. Из всей керамики их может быть не более чем по 2%. При этом никаких четких различий по пластам не наблюдается (табл. 2, *3*). Видимо, толстостенная керамика (в первую очередь пифосы) и черепица не характерны для скифского комплекса и попадали туда в основном случайно, часто из греческих слоев.

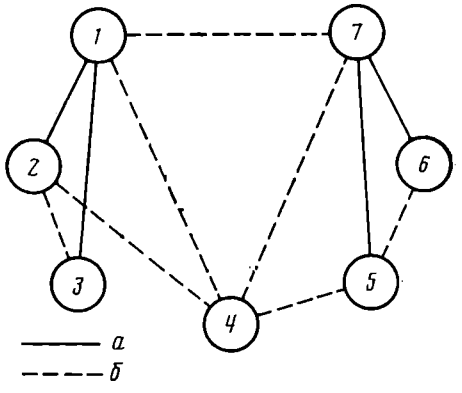


Рис. 3. Различия между пластами Западного участка: *а* — до 8 различий, *б* — 9—16 различий

Интересные результаты дают подсчеты степени различия пластов. Для этого можно было просто считать количество четких отличий между сравниваемыми пластами. По результатам просчета построен граф (рис. 3). На нем видно, что наиболее слабые различия имеются между пластами 1—2—3 и 5—6—7. Таким образом, подтверждается деление всех пластов на две группы — пласты 1—3 и 5—7. Пласт 4 занимает промежуточное положение, но от пласта 3 он отличается сильнее, чем от пласта 5. Слабые различия между пластами 1, 4, 7 объясняются небольшим количеством материала на пластах 1 и 7 и широкими доверительными интервалами.

Составленная схема процентных соотношений на Западном участке явилась основой при синхронизации пластов Западного и Центрального участков и при выяснении степени перемешанности материала на Центральном участке, где отсутствует стерильная прослойка между греческим и скифским слоями. Для решения этих вопросов материал Центрального участка был обработан по той же программе (табл. 2).

Сравнение доверительных интервалов материала двух участков показало, что наименьшее количество различий пласты А, В, С Центрального участка имеют соответственно с пластами 1, 2, 3 Западного (табл. 2). Это, во-первых, отсутствие различий по всем отношениям одинаковых разрядов амфор (табл. 2, *9—19*); во-вторых, в долях столовой и парадной посуды из всей посуды (табл. 2, *8*); в-третьих, отсутствие различий в долях мегарских чаш из парадной посуды (табл. 2, *23*). Кроме того, на сравниваемых пластах не различаются доли улиток из всего материала (табл. 2, *1*).

Таким образом, по важнейшим отношениям, не зависящим от функций рассматриваемых комплексов, мы не находим четких различий между сопоставляемыми пластами Центрального и Западного участков.

Поэтому предположение о синхронности пластов А, В и С соответственно пластам 1, 2, 3 в основном кажется справедливым.

Наряду с этим имеется и целый ряд различий между доверительными интервалами на обоих участках (табл. 2). Все их можно свести к следующим основным различиям: а — увеличение доли костей на Центральном участке и соответственное уменьшение доли керамики; б — увеличение доли черепицы на пластах В и А и уменьшение доли гончарной керамики; в — некоторое увеличение доли лепной керамики на пластах В и А, что также влияет на уменьшение доли керамики гончарной; г — увеличение на пласте В доли тары и соответственное уменьшение доли посуды; д — из тары некоторое увеличение доли толстостенной керамики на пласте В и уменьшение доли амфор; е — увеличение доли красноглиняной посуды и соответственное уменьшение долей сероглиняной и светлоглиняной; ж — увеличение доли чернолаковой и посуды с черным покрытием [7] на пласте А и уменьшение доли красного лака (табл. 2).

Из всех наблюдаемых различий примечательно изменение соотношения между посудой с черным покрытием (лаком) и красным лаком на пласте А. Оно не зависит от характера комплексов, оба разряда принадлежат к парадной посуде. Это различие, а также различие б (увеличение доли черепицы) и д (увеличение доли толстостенной керамики) объясняются либо попаданием наверх части раннего, греческого материала из нижних слоев, либо тем, что нижняя часть пласта А откладывалась еще в греческий период жизни поселения. Как уже отмечалось, черепица и толстостенная керамика не характерны для скифских слоев. Черный лак также характерен для раннего времени.

Увеличение доли красноглиняной посуды за счет уменьшения доли светлоглиняной и сероглиняной (табл. 2, *20*) приходится объяснять ошибками при первоначальном подсчете. Светлые посудные стенки часто трудно отличить от светлоглиняных амфорных. Кроме того, фрагменты, побывавшие в огне, часто практически неотличимы от сероглиняных.

Большую долю костей из всего материала на Центральном участке (табл. 2, *1*), видимо, следует связывать с некоторой разницей в характере использования двух участков. Как отмечалось, слой вокруг «цитадели» сильнее гумусирован. При этом на Западном участке на пластах 1—3 приходится в среднем на штык около 13,9 находок на 1 м^2, на Центральном — около 29,6, находок на 1 м^2. Слой Центрального участка в 2,1 раза сильнее насыщен материалом. Это заставляет предполагать, что участок вокруг скифской «цитадели» использовался в качестве свалки более интенсивно, чем Западная площадь. Возможно, что это была настоящая бытовая свалка (помойка). В таком случае различие в проценте костей на двух участках связано с тем, что на Западный участок материал попадал случайно. Но если осколки сосуда могли быть втоптаны в землю там, где он разбился, или выброшены на ближайшую улицу (и на Западную площадь), то к таким негигиеничным остаткам, как пищевые отходы (в том числе и кости), приходилось относиться более внимательно и удалять их на общепризнанные места свалки, в данном случае на Центральный участок. Таким образом, большую насыщенность слоя костями можно иногда рассматривать как показатель бытовой свалки (помойки) [8].

Оставшиеся два серьезных различия между пластами Центрального и Западного участков (увеличение доли лепной и увеличение доли тары из гончарной керамики; табл. 2, *4*, *5*) сводятся к увеличению доли лепной

---

[7] Черное покрытие — последняя стадия деградации черного лака — матовое жидкое покрытие черного цвета, часто сероватого и буроватого оттенка. Одним из разновидностей его является покрытие черных мегарских чаш. На Центральном участке чернолаковая посуда и посуда с черным покрытием считались вместе, так как они генетически связаны друг с другом и четких критериев для различия черного лака и черного покрытия не существует.

[8] Предполагать, что в хозяйствах в районе Центрального участка потреблялось больше мяса, чем на Западном, у нас нет никаких оснований из-за однотипности всех хозяйств, отсутствия следов имущественной дифференциации и т. д.

посуды, что приводит к уменьшению доли гончарной и соответственному увеличению доли тары. На причинах этого мы остановимся ниже.

Необходимо также указать, что, по всей видимости, нет точного совпадения верхних и нижних временных границ пластов А, В, С с границами пластов 1—3 Западного участка. Это происходит от того, что мы почти никогда не можем установить темпов роста культурного слоя и оперируем такой грубо усредненной единицей, как штык. Этим также отчасти объясняются некоторые различия между пластами двух участков.

Таким образом, исследование материала правильных наслоений позволяет сделать ряд выводов. Так, на нашем городище, как и на других памятниках Северного Причерноморья, заметно постепенное сокращение связей местного населения с греческими центрами, в первую очередь с центрами Средиземноморья — Родосом, Книдом, Косом. Если верны предположения о южнопричерноморском происхождении светлоглиняных амфор, то с начала отложения пласта 4 основные торговые связи Чайкинского городища перемещаются в Южное Причерноморье (на пласте 5 свыше 50% фрагментов амфор происходит оттуда). При этом сокращается импорт античной бытовой керамики, в связи с чем заметен рост производства местной лепной посуды.

Следует отметить довольно большое количество фрагментов книдских амфор в нижних пластах рассматриваемых участков (на пласте 1—12,5%, на пласте В — 11%; табл. 2, *13*), которые в общем не характерны для памятников Северного Причерноморья [8, с. 101; 12, с. 128]. Это является особенностью Чайки.

Интересно также, что амфоры группы А встречаются на пластах 3—7 и на пласте В. Забегая вперед, укажем, что пласт В датируется самым концом II в. до н. э., что удревняет появление амфор с воронкообразным горлом [8, с. 117]. Амфоры группы Б встречаются на пластах 2, 3, 6 (один фрагмент), А, В. Это также удревняет появление красноглиняных амфор с профилированными ручками, которое многими исследователями относится к I в. н. э.

Следующим этапом работы явилось соотнесение выделенных пластов со строительными периодами, определенными ранее с помощью стратиграфии. Для такого соотнесения у нас имеется материал из комплексов с полов помещений, погибших в пожаре, и данные стратиграфии. На Западном участке имеются помещения I, II, IV строительных периодов. В помещениях I и II периодов зафиксированы полы и материал с них. Это помещения CXXXVIII и CXXXVIIIa (I и II периодов — комплексы 1 и 3) и разобранное в древности помещение I периода на Западной площади (комплекс 2).

Материал из помещений, использованный в этой работе, происходит из слоя пожара с завалом глиняной обмазки стен, лежащего на полу и перекрытого рухнувшей засыпкой крыши. Он не является закрытым комплексом в полном понимании этого термина и складывается из трех основных компонентов: 1 — фрагменты сосудов, находившихся в помещении в момент гибели (собственно закрытый комплекс); 2 — втоптанные в пол и неубранные фрагменты сосудов, ранее вышедших из употребления; 3 — материал, случайно попавший в рухнувшую при пожаре обмазку стен и засыпку крыши. Таким образом, только незначительное количество невыделяемого материала из обмазки стен и засыпки крыши не связано с функционированием данного помещения и несколько предшествует ему по времени.

Такой характер рассматриваемых комплексов несколько сглаживает неблагоприятные для сопоставления свойства закрытого комплекса (элемент случайности и т. п.) и позволяет привлечь для этого большее количество материала.

Из семи выделенных нами пластов два верхних приходятся на слой темной супеси, который связан с разрушениями в конце существования поселения. Только пять нижних пластов можно связать с имеющимися четырьмя строительными периодами. При соотнесении пластов с IV и III периодами приходится опираться исключительно на данные стра-

тиграфии. Описание такого соотнесения не представляет здесь интереса. В результате определено, что IV строительный период соответствует, видимо, пласту 5, а III период — пласту 4. Материал из пласта 6 также должен в основной своей массе быть синхронен IV периоду, так как он попал в слой темной супеси при разрушении построек этого периода, а также, возможно, в результате функционирования последних незаброшенных помещений.

О материале из пласта 7 что-либо определенное сказать трудно. Его очень мало (насыщенность слоя тут в несколько раз меньше, чем на пластах 2—5; табл. 1). Часть его поднята из нижних слоев. Не исключено также, что тут присутствует и незначительная часть неотличимого от античного средневекового материала.

При соотнесении двух оставшихся строительных периодов основную роль играют комплексы с полов помещений. На их материале также был сделан просчет доверительных интервалов (табл. 2). При этом фрагменты считались все вместе, независимо от того, входят они в развалы сосудов или являются отдельными черепками, что, конечно, сказывается на результатах сопоставления. Но если изъять развалы (закрытый комплекс) из подсчета, то резко сокращается размер комплекса и усиливается в нем влияние фрагментов керамики, которые могут быть не связаны с функционированием данного помещения.

Сравнение результатов просчета материала комплекса 1 (I строительный период) с материалом Центрального и Западного участков показывает, что наименьшее количество различий он имеет с пластами 1, А, В (табл. 2) и, видимо, пластом 2 (наличие одного светлоглиняного амфорного венчика на пласте 2 можно считать случайным; табл. 1, *22*). При этом наиболее показательным является отсутствие светлоглиняных амфор в сопоставляемых комплексах и наличие в них одинаковых долей мегарских чаш (табл. 2, *17*, *23*).

Но наряду со значительным сходством между комплексом 1 и пластами 1, 2, А, В есть и различия. Так, в материале из помещения меньше доля костей (табл. 2, *2*), что естественно. Это подтверждает вывод о том, что кости являются показателем загрязненности слоя и большое их количество может быть связано с бытовой свалкой.

Кроме того, в комплексе 1 увеличена доля черепицы и толстостенной керамики по сравнению с Западным участком (табл. 2, *3*, *7*). Возможно, что мелкие их фрагменты присутствовали в засыпке крыши помещения, грунт для которой мог браться из завалов в сырцовых древнегреческих помещениях. В этом же материале также увеличена доля тары и уменьшена доля посуды по сравнению с пластом 2 (с пластами 1 и В этого различия нет; табл. 2, *5*), что можно объяснить увеличением доли толстостенной керамики. И наконец, в указанном помещении нет совсем светлоглиняной посуды и в соответствии с этим увеличена доля посуды сероглиняной. Но о ненадежности выделения этих разрядов уже говорилось.

Таким образом, сравнение по основным критериям материала комплекса 1 (I строительный период) с материалом правильных напластований не противоречит предположению о его соответствии пластам 1, 2, А, В (с примесью в пласте А более раннего материала). Этому не противоречат и данные стратиграфии, а также наличие в сопоставляемых комплексах родосских и книдских амфорных клейм.

Рассмотрение материала из комплекса 2 показало, что, как и у комплекса 1, по всем разрядам амфор у него не обнаружено никаких четких различий с пластами 1, 2, А, В. В нем также имеются фрагменты мегарских чаш (табл. 2, *23*). Но наряду с этим существует и целый ряд различий. Уменьшение доли костей, отсутствие светлоглиняной и увеличение доли сероглиняной керамики (табл. 2, *2*, *21*) объясняется теми же причинами, что и у предыдущего комплекса. Другие, более существенные различия сводятся к следующему: увеличение доли лепной керамики и соответственное уменьшение гончарной; увеличение доли тары и соответственное уменьшение доли посуды, и в первую очередь столово-кухонной (табл. 2, *4*, *5*). Все они взаимосвязаны между собой и отражают.

видимо, функциональное назначение комплекса 2. Отсутствие светлоглиняной и увеличение доли сероглиняной посуды можно отчасти объяснить пожаром в помещении, который мог изменить цвет черепка.

Таким образом, сопоставление в первую очередь по разряду амфор, как наиболее надежному показателю, позволяет также предположить соответствие материала комплекса 2 пластам 1, 2, A, B. Стратиграфия и находки амфорных клейм этому тоже не противоречат.

Результаты просчета материала комплекса 3 (II строительный период) из-за широких доверительных интервалов однозначно соотнести с определенным пластом невозможно (табл. 2). В нем имеется довольно значительная доля светлоглиняных амфорных фрагментов и некоторая доля мегарских чаш. Более всего это соответствует пластам 3 и C, но не исключено также и частичное соответствие пласту 4 (табл. 2, *17*, *23*).

Остальные соотношения в комплексах 3 и пластов C и 3 при сравнении дают много различий, которые объясняются по-разному. Так, увеличение долей светлоглиняной и краснолаковой посуды и соответственное уменьшение долей посуды с черным покрытием и красноглиняной (табл. 2, *21*, *22*) вызвано наличием в комплексе 3 развалов крупного светлоглиняного кувшина и краснолаковой каннелированной амфоры. Только им и принадлежат все светлоглиняные и краснолаковые черепки в рассматриваемом комплексе. С другой стороны, в нем нет развалов красноглиняных сосудов, и этот разряд представлен немногочисленными отдельными фрагментами. Этой же причиной отчасти объясняется увеличение доли парадной и уменьшение столовой посуды.

Остальные различия взаимосвязаны между собой и вызваны одной причиной. Это, во-первых, резкое увеличение доли лепной и соответственное уменьшение гончарной керамики. Под влиянием лепной посуды происходит сокращение доли гончарной посуды (по сравнению с пластом 3), в основном столовой (табл. 2, *4*, *5*, *8*) и соответственное увеличение среди гончарной доли тары, в первую очередь амфор. Этой же причиной можно отчасти объяснить и уменьшение доли красноглиняной посуды. Такое увеличение доли лепной керамики частично вызвано наличием развалов лепных сосудов. Из 10 развалов 6 (абсолютное большинство) принадлежат лепным сосудам. Это может быть связано с функцией данного комплекса. Следует отметить, что все эти сосуды некрупные, некоторые со следами копоти в нижней части. Это подтверждает предположение о значительной доле посуды среди лепной керамики. И наконец, последнее различие — уменьшение доли костей и соответственное увеличение доли керамики (табл. 2, *2*) — объясняется так же, как и у предыдущих комплексов из помещений.

Теперь мы имеем возможность говорить о функциональных чертах в рассмотренных комплексах. Такие черты можно предположить у комплексов 2 и 3. Эти черты в общем схожи: увеличение доли лепной посуды и уменьшение посуды гончарной при некотором увеличении доли гончарной тары. Таким образом, в обоих помещениях мы видим увеличение доли наиболее грубой и дешевой посуды — лепной[9]. По всей видимости, она использовалась в основном для приготовления пищи, т. е. была кухонной. Тут же заметно и увеличение доли гончарной тары. На основании этого можно предположить, что комплексы 2 и 3 были хозяйственными (кухонными?).

Если наше предположение о функциональных признаках кухонного комплекса правильно, то можно попытаться объяснить и увеличение доли лепной керамики и тары на Центральном участке. Как отмечалось выше, на общепризнанную бытовую свалку, видимо, чаще выносились пищевые отходы. Основным поставщиком их была, естественно, кухня. Вместе с пищевыми отбросами на свалку попадал и другой мусор, имевшийся на кухне в том числе и обломки сосудов. Но так как в кухонном комплексе увеличена доля лепной керамики и тары, то и на свалку

[9] Тонкая лощеная лепная посуда в нашем материале представлена единичными фрагментами.

их попадало больше. Мусор из других помещений выносился на свалку, видимо, реже и чаще просто выбрасывался на улицу. Это и приводит к сходству кухонного и свалочного комплексов.

Вернемся к комплексу 1. Здесь не обнаружено почти никаких существенных отличий от материала соответствующих правильных напластований, по которым можно было бы судить о его назначении. Возможно, что это вызвано значительной примесью в нем посторонних фрагментов. Но против этого говорит малое количество костей в рассматриваемом комплексе (табл. 2, *2*). С другой стороны, такое отсутствие различий с материалом правильных наслоений может само по себе говорить о назначении помещения. В нем меньше по сравнению с хозяйственными помещениями хозяйственной керамики, следовательно, оно имело другую функцию. Эта функция, видимо, не была связана с каким-то определенным набором керамики. Скорее всего это могло быть жилое помещение или помещение для скота. В сложении керамического комплекса из таких помещений большую роль должен играть элемент случайности. Вероятность попадания в этот комплекс любых фрагментов зависит от представительности данного разряда керамики в данном хозяйстве. Но все хозяйства нашего поселения практически однотипны. Поэтому эта вероятность отражает в какой-то мере и состав керамики поселения в целом. С другой стороны, как отмечалось, комплекс правильных напластований Западного участка также отражает состав материала всего поселения, и формировался он как случайная выборка из однотипных комплексов отдельных хозяйств. Этим, возможно, следует объяснять близость материала из рассматриваемого помещения и правильных напластований. К сожалению, из-за общей теоретической неразработанности вопроса (мы даже не знаем, что такое «жилое помещение» у поздних скифов) все это остается только предположением.

Таким образом, можно предположить, что из трех рассмотренных комплексов два носят хозяйственный (кухонный?) характер и одно не имеет специфических черт и происходит из жилого помещения или помещения для скота [10].

Соотнесение материала из помещений с материалом правильных наслоений позволяет несколько уточнить датировки строительных периодов. Обычно для таких датировок используется материал из заполнения помещений. Теперь для этих целей использовались и крупные открытые комплексы. Датирование производилось традиционными методами. Можно отметить, что для I строительного периода наряду с прочими наиболее четкими хронологическими признаками являлись амфорные клейма и мегарские чаши; для II периода — появление светлоглиняных амфор с двуствольными и одноствольными ручками; для III периода — широкое распространение светлоглиняных амфор и появление светлоглиняных остродонных амфор с профилированными ручками; для IV периода — появление в очень небольшом количестве светлоглиняных амфор с профилированными ручками — узкогорлых и на широком поддоне. Датировка строительных периодов выглядит следующим образом: пласт А — II в. до н. э. (?);

I период — пласты, 1, 2, В — последняя треть II в. до н. э.;
II период — пласты, 3, 4(?), С — первая половина I в. до н. э.;
III период — пласт 4 — середина I в. до н. э.— начало I в. н. э.;
IV период — пласты 5, 6(?) — вторая четверть I в. н. э.;
пласт 7 — I в. н. э. + средневековье(?).

В заключение можно отметить, что, несмотря на некоторые недостатки, примененная методика позволила решить поставленные в данной работе задачи.

[10] Примером хозяйственного комплекса другого типа (кладовой) может служить материал из близлежащего помещения CXXXII III строительного периода. Почти весь он представлен развалами. Из 521 керамического фрагмента 444 (85,2%) принадлежит амфорам (больше, чем на пластах 6—4), 20 (3,8%) — толстостенной керамике (больше), 10 (1,9%) — посуде (меньше) и 47 (9,0%) — лепной керамике (меньше). Почти все лепные фрагменты принадлежат развалу крупного пифосообразного сосуда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры Нижне-Гниловского городища.— КСИА, 1963, вып. 94.
2. *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— МИА, 1965, № 129.
3. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса.— МИА, 1969, № 154.
4. *Яценко И. В.* Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории.— КСИА, 1970, вып. 124.
5. *Каменецкий И. С.* К теории слоя.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
6. *Марченко К. К.* Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э.— СА, 1972, № 4.
7. *Зарайска Н. П.* Піздньоскіфська кухонна кераміка з городища Чайка в Криму.— Археологія, 1973, № 8.
8. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
9. *Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время.— СА, 1975, № 1.
10. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во ХГУ, 1970.
11. *Маслов С. П., Филин В. В.* К вопросу о природных условиях окрестностей городища Чайка (Евпаторийское побережье Крыма) в античное время и средневековье.— В кн.: История биогеоценозов СССР в голоцене. М.: Наука, 1976.
12. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э. М.: Наука, 1975.

S. Yu. Vnukov

SCYTHIAN STRATA OF CHAIKA SITE

(An essay in statistical processing)

Summary

The article discusses the method of reliable intervals as used in the processing of mass archaeological material aimed at solving a number of concrete problems. The material in question comes from the Scythian stratum of the Greek-Scythian site of Chaika near Yevpatoriya (4th century B. C.— middle of the 1st century A. D.).

It was excavated from two of its sections — Western and Central. The author considers temporal changes in the percentage ratios of different categories of the material, primarily pottery, in open complexes obtained from the regular layers of the Western section preliminarily divided into seven conventional horizons. By the reliable interval method were synchronized the horizons of the Western and Central sections. The result was several conclusions pertaining to the change of economic contacts of the population of the site in its Scythian period (end of the 2nd century B. C.— middle of the 1st century A. D.). Next, it was found possible to synchronize with the material extracted from the regular layers complexes of finds discovered on the floors of some rooms dating from the 1st and 2nd Scythian construction periods. This in its turn, first, has made it possible to bring out in these complexes functional features whereby one can indentify the designation of the rooms. Second, it opened the way for using in dating the construction periods previously singled out on the basis of stratigraphic data, alongside complexes of rooms, the large newly discovered complexes of regular layers. The article also touches on a number of questions of the theory of the cultural deposit.

АКОПЯН Г. П.

ДРЕВНЯЯ АРМЕНИЯ В ТОРГОВЛЕ ЗАПАДА С ВОСТОКОМ

(первые века нашей эры)

Вопросы мировой торговли в античную эпоху давно привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей. Особенно скрупулезно изучены сообщения античных авторов, многогранно и красноречиво повествующих о торговле римлян и подвластных им народов с дальними восточными странами. Многие достижения в изучении общих или узкоспециальных проблем экономической истории древнего мира сделаны благодаря привлечению значительного количества археологического, особенно нумизматического, материала. В настоящее время все актуальнее становится задача комплексного изучения различных проблем античности, с привлечением всех имеющихся в распоряжении науки материалов. Весьма важно изучение торговли Армении и стран Закавказья в системе мировой торговли в античную эпоху именно с этой точки зрения. Исследование письменных источников, нумизматических данных, остатков материальной культуры помогает пролить свет на проблему конкретизации торговых маршрутов, хронологических рамок их активности, зависимости судьбы этих трасс от событий политической истории и на ряд других вопросов.

Для освещения нашей задачи необходимо хотя бы вкратце проследить политические события, предшествующие или синхронные активной торговле Запада с восточными странами. В 92 г. до н. э. войска наместника Киликии Суллы вышли к Евфрату. Появление римлян на стыке границ Великой Армении с Каппадокией, Сирией и Месопотамией послужило увертюрой ко многим политическим событиям Передней Азии, имевшим глубокое влияние на культурно-экономическую жизнь огромной части ойкумены.

Претензии Рима на Востоке стали реальными в начале Митридатовой войны в связи с захватом Тиграном II Великим Равнинной Киликии, примыкающей к оккупированной еще в 102 г. до н. э. Антонием Горной Киликией. Развязка наступила в середине 60-х годов I в. до н. э., когда Митридат VI был окончательно побежден, а Тигран II, опасаясь катастрофических последствий римско-парфянского союза и внутренней междоусобицы, заключил с Помпеем мир. Тигран II отказался от Киликии, Сирии, Коммагены, Мидии-Атропатены, довольствуясь собственно Армянским нагорьем. Римляне пришли в прямое соприкосновение с Парфией. Началась эпоха длительных войн, период борьбы за страны, богатые жизненно важными продуктами или находящиеся на пути с Запада в Индию и Китай. Вот главное содержание римско-парфянской политической истории, послужившее новым импульсом в экономических контактах Запада с Востоком.

Удачное географическое расположение обрекло Армению и Месопотамию надолго стать театром военных действий. Римляне преследовали цель овладеть важными стратегическими точками Армении и как минимум тремя переправами через Евфрат — Мелитеной, Самосатой и Зевгмой, контролируемыми Арменией и Коммагеной.

Для парфян переход Армении в сферу влияния Рима означал возникновение значительного очага агрессии, связывающего руки Парфии на Западе, как это было при Тигране II. Для конкуренции с Римом в Месопотамии Парфии необходима была лояльность Армении.

Для рассмотрения нашей темы особенно важное значение имеют внешнеполитические стремления римлян на Востоке в I в. н. э., иллю-

стрирующиеся тремя событиями. В 27 г. до н. э. римские провинции разделяются на сенаторские и императорские; через два года начинается поход Элия Галла в Счастливую Аравию; в 20 г. до н. э. Тиберий вступает в Армению и после убийства царя Арташеса правителем провозглашает Тиграна III. Намечаются три направления римской политики на Востоке: попытка стабилизации восточных границ империи; поиски южного пути для экономических сношений с восточными странами; стремление овладеть Великой Арменией и ее торговыми путями. Как известно, южная экспедиция потерпела провал (Strabo, XVI, 4, 23, 24). Наиболее реальными пока оставались два других направления римской политики на Востоке.

До 60-х годов I в. н. э. Рим был настроен агрессивно по отношению к Армении и Месопотамии, но нехватка военных ресурсов, постоянные угрозы на северных границах Рима, непрерывная борьба народов Передней Азии за свою независимость, сила Парфянского государства, как и ряд других причин, препятствовали успехам римского оружия на Востоке. Особенно упорной была борьба Рима и Парфии за Армению. Она обострялась в силу того, что подавляющая часть армянской знати, противники романофильской партии (Tacit., Ann. VI, 33; XIII, 34, 39; XV, 27), была согласна поставить на армянский престол Аршакида, опасаясь его меньше чем царя — римского ставленника, за спиной которого стояли римские легионы [1, с. 50]. Переход Армении к Аршакидам был крупной неудачей римлян на Востоке. Империя надолго перешла к оборонительной политике, результатом которой было заключение мира между Римом и Парфией, длившегося около 50 лет. Именно вторая половина I в. н. э. была очень благоприятной для развития экономических сношений Востока и Запада. Со II в. н. э. начинается длинная полоса военных столкновений Рима с Парфией, чередующихся относительно мирными промежутками времени. В начале III в (226 г.) власть в Иране переходит к Сасанидам, что оказывает влияние не только на отношения Рима и Ирана, но и Армении и Ирана. С этого времени наблюдается культурное, политическое и экономическое сближение Рима и Армении, в значительной мере продиктованное антагонизмом Аршакидов, царствовавших в это время в Армении, и Сасанидов, новых правителей Ирана.

В зависимости от политического климата, царившего, прежде всего, на огромной территории двух великих держав, а также в пределах стран, в разной степени зависящих или свободных от них, частично менялись и маршруты мирового торгового пути.

В римскую эпоху уже имелись значительные экономические связи между западным миром и восточными цивилизациями. Налаживание постоянных торговых связей, которое было предпринято при Селевкидах, становилось жизненно необходимым. Для Римской империи это означало новые рынки сырья и сбыта, столь важные для продолжения существующего способа производства; для восточных стран открывалась перспектива приобщения к экономическим и культурным достижениям огромной части ойкумены. В этих связях двоякой была роль Парфии. Объективно она являлась удобным проводником между восточными и западными соседями, но та же роль позволяла ей противостоять Западу для извлечения все больших и больших выгод [2, с. 274, 275]. Ко II в. н. э. уже можно четко представить главные статьи торгового обмена между Индией и Китаем, с одной стороны, и Римской империей — с другой. Нередко между Парфией и Римом велись торговые войны, отзвуки которых доходят до Китая.

В контактах Рима с Востоком в зависимости от сложившейся ситуации Армения и страны Закавказья играли более или менее значительную роль. Удачное географическое расположение Армении позволило ей еще за шесть веков до начала регулярных торговых связей Римской империи с Востоком играть немаловажную роль в мировой торговле. По территории Юго-Западной Армении проходила часть «царской дороги», что обусловило культурно-экономический подъем Софены (Herod., V, 52). Появление особых экономических интересов политически обособляло

Софену и Малую Армению от остальной части страны. Эта ситуация остается актуальной и в античное время (Strabo, XII, 3, 28).

Если западные и южные области Армении тяготели к торговым путям из Месопотамии в Малую Азию, то северные и восточные области были органически связаны с торговлей Востока и Ирана с Восточным и Северным Причерноморьем. Инициатива по установлению связи между двумя этими большими зонами предпринимается во времена первых Арташесидов. Наглядной иллюстрацией к этому является основание новой столицы Армении — Тигранакерта на южных границах Армении с Месопотамией (Plut., Lucull., XXVI; App., Mithr., 86) и проведение новой «царской дороги», соединившей Тигранакерт с крупнейшим экономическим и культурным центром Северной Армении — городом Арташатом. Первоначально Тигран II удачно соединил торговые дороги Северной Месопотамии с Мелитеной, а затем экономически оживил центральные области страны, связав важный торговый путь Экбатаны — Арташат — Фазис с другими областями страны. История показывает, что свою активную роль трасса Тигранакерт — Арташат сохраняет вплоть до раннего средневековья. Арташат фигурирует в эдикте Юстиниана 408/9 гг. [3, с. 108, 109].

По-видимому, в торговле Рима с Востоком Армения и страны Закавказья начали играть заметную роль уже с эпохи Августа. Для этого имелись соответствующие предпосылки. Во времена Селевкидов эти страны связываются многими узами с Сирией и Месопотамией; чуть позже, при первых Арташесидах, эти связи еще более активизируются, особенно во времена Тиграна II, о чем свидетельствуют находки как сирийских монет в Армении и Закавказье, так и наличие арташесидских монет в Сирии [4, с. 193; 5, с. 137], Месопотамии [6, с. 112]. Иране [7, № 63, 479], Колхиде [8, № 25; 9, с. 54] и Албании [10, № 318; 11, № 548].

В I в. н. э. через Армению, Иберию и Колхиду проходила Северная трасса, связывавшая восточные страны с Восточным и Северным Причерноморьем. В этой связи весьма интересно сообщение Страбона о караванной торговле аорсов индийскими и вавилонскими товарами, получаемыми ими в обмен от армян и мидийцев (Strabo XI, 5, 8). Значительной была торговля Армении с западными соседями через Саталу и верхнее течение р. Лик (Гайл). Согласно сообщению Страбона, «Команы имеют большое население и являются значительным торговым центром для купцов из Армении. Во время выходов богини (дважды в течение года.— *Г. А.*) народ — мужчины вместе с женщинами — стекается сюда, из городов и из области, справлять праздник.» (Strabo, XII, 3, 36).

Свидетелем оживленной торговли, которую вели Армения и страны Закавказья с соседними народами, является большое количество монет, обнаруженных на исторической территории этих стран. Данные нумизматики, в частности, помогают лучше изучить торговлю через Мидию, Северо-Восточную Армению, Иберию и Колхиду. Показательна, например, карта распространения монет Августа, выявленных на территории современного Закавказья (см. рис. 1) [8; 10—19]. В Армянской ССР они обнаружены в окрестностях древнего Арташата, в самом городе, в бассейне р. Раздан, в нескольких пунктах двух современных магистралей, проложенных по восточным и западным склонам горы Арагац. О находках монет на северном стыке двух этих путей в конце прошлого века сообщал М. В. Никольский: «Крестьяне (села Гулиджан.— *Г. А.*) показывали мне немалое количество серебряных монет римских императоров I века, преимущественно Августа...» [20, с. 73]. Их обнаружили также на Ширакской равнине (на севере республики), а также на берегу оз. Севан. Находки монет Августа как бы органически продолжаются на юге Грузинской ССР, у г. Ахалцихе и севернее, у стратегически очень важного пункта — Зестафони, на дороге из Иберии в Колхиду; большое количество монет обнаружено в бассейне Куры — на пространстве от Тбилиси до Гори. Несколько монет найдено также в Колхиде. Можно думать, что перед нами вырисовываются контуры древнего торгового

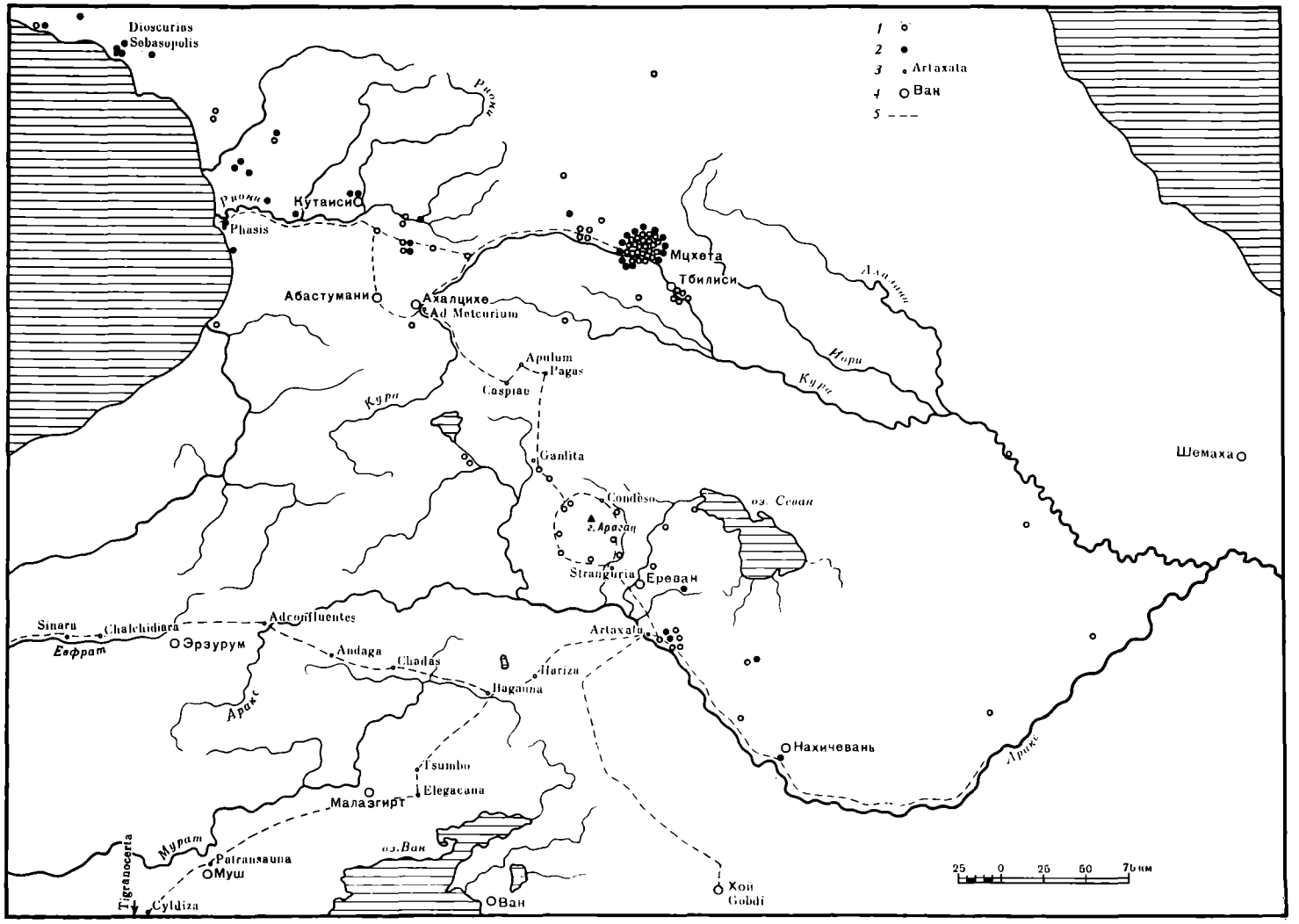


Рис. 1. Распространение римских монет в Закавказье: *1* — монеты I в. н. э; *2* — монеты II в. н. э.; *3* — древние города и крепости; *4* — современные города; *5* — торговые пути древней Армении

пути, почти не изменившегося вплоть до наших дней: это весьма характерно для горных стран. Теперь обратимся к карте Кастория, составленной в IV в. Части карты, касающиеся Армении и стран Закавказья, в свое время были удачно интерпретированы акад. А. Я. Манандяном [3]. Путь Artaxata — Sebastopolis проходит через следующие современные пункты: Аштарак — Апаран — Кондахсаз — Мармашен — оз. Парвана — Абулу — Ахалкалаки — Ахалцихе — Боржоми и через Сурамский перевал, вдоль берега р. Рионн, до Фазиса — Поти. Выясняется, что карта находок Августовских монет (которым не сопутствуют монеты других веков) в основном совпадает с трассой Artaxata — Sebastopolis, к которой примыкали ответвления по направлению современной магистрали Талин — Ленинакан и вдоль среднего течения Куры. Наблюдается концентрация определенного количества монет также на пути от Канакерского ущелья (близ Еревана) до Тбилиси. Линия, соединяющая места находок этих монет (Канакерское ущелье (римск. мон.) — Лусакерт (парф. мон.) — Бжни (римск. мон.) — Гетик — Лчашен (римск. и сасанид. мон.) — Иджеван (парф. мон.) — Тбилиси), вполне отчетливо отождествляется с частью дороги Artaxata — Geluina (около Лчашена) — Sanora (у Иджевана ?) — р. Храми — Тбилиси, нанесенной на карту Кастория [3, с. 166—168; 21, с. 79—97].

Находки денариев Августа на территории Азербайджанской ССР концентрируются ближе к берегам Аракса или нижнему течению Куры. Контуры всей северной магистрали вырисовываются четче при нанесении на карту парфянских монет преимущественно I в. до н. э.— I в. н. э., найденных в Армянской и Грузинской ССР и в Нахичеванской АССР.

Напрашивается вопрос: с какого времени и как долго существовала магистраль Арташат — Себастополис? Монеты Августа в Армении и Закавказье, так же как и монеты Готарза II и Тиграна Великого, в обращении находились довольно долго и, к сожалению, не могут являться твердо датирующим материалом [5, с. 140; 22, с. 59—65]. Анализ монетных кладов Грузинской ССР, относящихся ко II в., показывает, что римские монеты упомянутого времени на территории Грузии распределены неравномерно: в Иберии их находят практически только в Мцхета; в Колхиде их известно сравнительно много. Чем это объясняется? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к истории западных границ Армении.

После завоевания державы Митридата VI Евпатора римлянами начинается освоение страны. Область с неразвитыми коммуникациями постепенно превращается в один из важных очагов деятельности римлян на Востоке. Если в I в., согласно сообщению Страбона (Strabo, XII, 2, 7), в Каппадокии упоминаются два города эллинистического типа — Мазака и Тиана, то во II в. в стране наблюдается оживление городской жизни: в один ранг с прежними ставятся города Сатала, Мелитена, Себастия, Неокесария и Комана [23, с. 122, 123]. Любопытно, что они в основном упоминаются в Каппадокийском Понте и Малой Армении (Сатала, Мелитена). В то же время строятся дороги, связывающие Малую Армению с Западом, Софеной и Великой Арменией. Особенно значительными были магистраль Самосата — Мелитена — Сатала — Трапезунд, проложенная при Домициане, а также дорога Сатала — Элегия (совр. Илиджа в 20 км западнее Эрзурума). По этой дороге Траян в 114 г. быстро проник из Аршамашата на север Армении (Cass. Dio., LXVIII, 19, 2—3). Особенно оживляется эта сеть дорог при Адриане, когда в Трапезунде сооружается удобная гавань (см. рис. 2) [3, с. 105, 106]. Оживление в эту пору наблюдается и в соседней Великой Армении. Субсидиями Нерона восстанавливается разрушенный в 59 г. Корбулоном Арташат, который занимает теперь большую, чем прежде, площадь (Tacit., Ann., XIII, 41, XIV. 23: Cass. Dio., LXII, 20, 1; LIII, VI, 5—6).

Вслед за этим царем Санатруком основывается город Мцурн[1], а его сыном Валаршом — город Валаршапат (Кайнеполис). Безусловно, актив-

[1] Город скорее всего находился у слияния Арацани — Восточного Евфрата с его левым притоком Карасу.

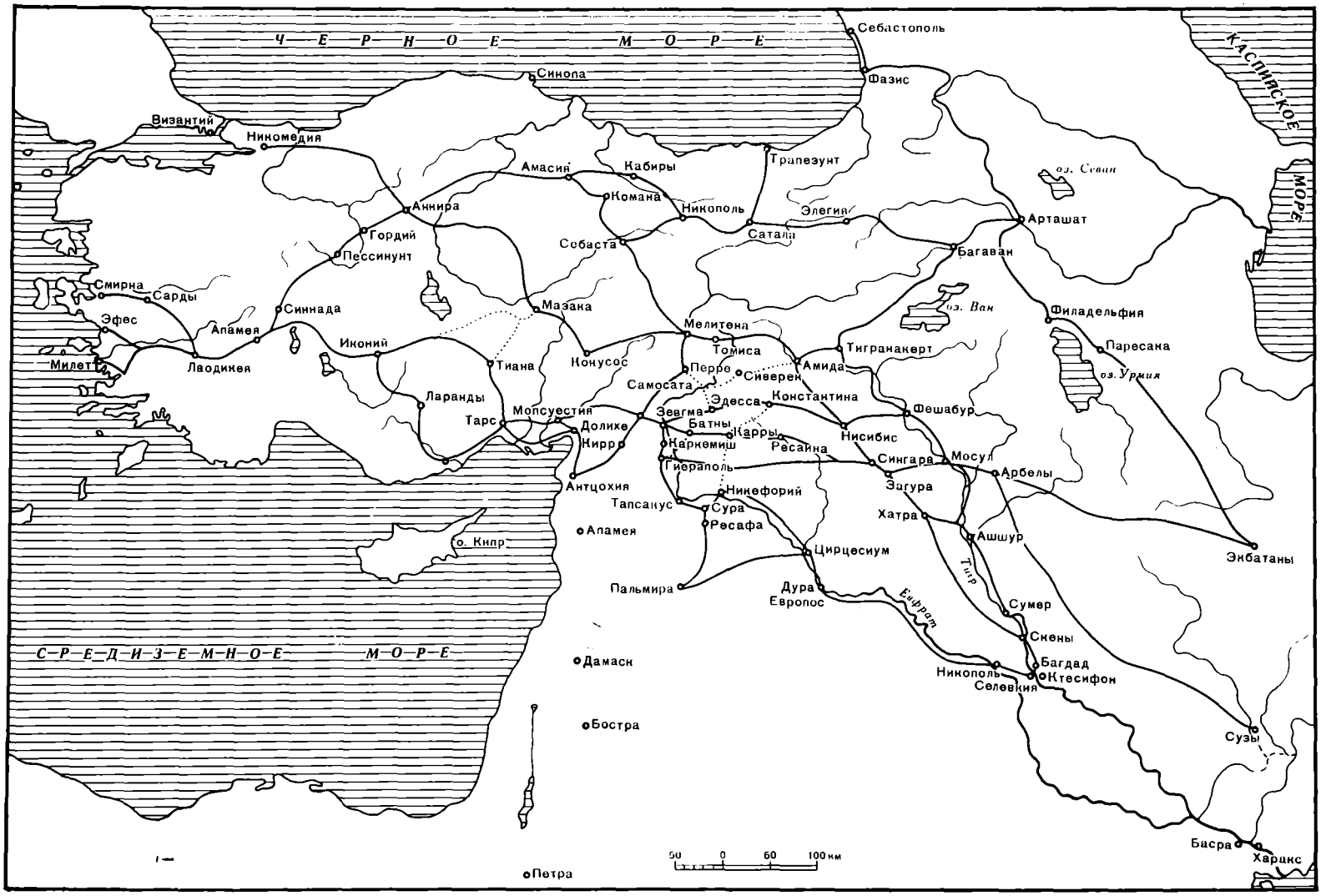


Рис. 2. Пути Передней Азии в античное время по письменным источникам

ная градостроительная политика на обоих берегах Евфрата имела не только военное, но и коммерческое значение. На карте Кастория мы видим дорогу Artaxata — Bagauna (Багаван в верховьях Арацани) — Satala. По-видимому, этим путем совершалась торговля Великой Армении с Понтом. Партнерами купцов из Армении в торговле с западными соседями были вместе с каппадокийскими и понтийскими купцы из Малой Армении. Последняя по стечению ряда обстоятельств в процессе консолидации армянских земель не вошла в состав Армянского государства; однако обособленное состояние не привело к ее окончательной эллинизации, как это видно из некоторых источников. В одной надписи из Малой Армении упоминается арменнарх [23, с. 123, 124; 24, т. III, 132]. А по свидетельству Прокопия, «Во главе остальной Армении, которая находится по сю сторону Евфрата... стояли пять сатрапов, армяне родом; в эту должность они вступали всегда по наследству и занимали ее до самой смерти. От римского императора они получали только знаки своей власти» (Proc., Aed., III, 1, 17).

Города, лежащие по обе стороны Евфрата, играли двоякую роль в торговле, поскольку, с одной стороны, они связывали Армению с малоазийскими провинциями империи, а с другой стороны (и в этом заключалась очень важная функция многих городов), они являлись проводником товаров из Месопотамии на запад Малой Азии и к южному побережью Черного моря. Мы обратимся к этой проблеме чуть ниже, а сейчас попробуем ответить на вопрос, заданный в начале: чем же объясняется неравномерность распределения римских монет II в. на территории современной Грузии? По-видимому, причиной этого является оживление торговли между портами южного побережья Черного моря, с одной стороны, и между городами восточной и северо-восточной областей Малой Азии, с другой стороны.

При анализе римских монетных кладов II в. н. э. в Колхиде выясняется одна особенность. Значительная часть здешних монет чеканена в Кесарии Каппадокийской — одном из главных пунктов чеканки римских монет в восточной части империи. Интересно, что находки этих монет концентрируются в Колхиде большей частью на побережье Черного моря. Эти монеты и места их находок, вероятнее всего, связаны с римскими укреплениями, основанными в Себастополисе, Питиунте, Фазисе, Апсаре и других прибрежных пунктах [25, с. 206; 26, с. 31]. Заметно стремление римлян опоясать Черное море своими крепостями. Благодаря этой тенденции, надо полагать, активизировались связи Колхиды с южным берегом Черного моря, но по той же причине ослабевают торговые связи Иберии с Колхидой. Именно поэтому сложилось такое несоответствие количества выявленных монетных кладов в Иберии и Колхиде. Эту точку зрения необходимо рассматривать в связи со следующим обстоятельством. После денежной реформы Нерона количество серебра в монетах уменьшилось, что получило сильную коммерческую реакцию в разных концах империи и за ее пределами. В частности, интересен материал из Закавказья. Монеты, чеканенные сразу же после реформы Нерона и до начала II в. н. э., на севере Закавказья обнаруживаются у берегов Колхиды или же в Мцхете. А при более подробном изучении выясняется, что монеты начала II в. н. э. обнаруживаются или у берегов Колхиды, или же в погребениях Мцхета. Иначе говоря, их концентрация в отмеченных пунктах менее всего может являться результатом коммерческих операций.

Теперь опять обратимся к западным и южным границам Армении. Большой интерес представляет клад в основном селевкидских монет из Диярбакыра (1955 г.). География монет, датирующихся последней четвертью III в. до н. э., обширна. Монеты группируются по трем ареалам: Иония, Восточное Средиземноморье, Месопотамия [19, № 1735; 27, с. 24]. Еще большую важность представляет второй клад монет из Диярбакыра, обнаруженный, как и первый, в 1955 г. В этом кладе, датирующимся примерно 30 г. до н. э., в отличие от клада III в. до н. э. фигурируют парфянские монеты (80 шт.) [19, № 1744; 27, с. 109]. Они представлены

вместе с селевкидскими и каппадокийскими монетами. Еще более обширна география клада монет из Нисибиса, зарытого после 31 г. до н. э. [6, с. 112; 19, № 1788]. Здесь представлены монетные дома Сирии, Месопотамии, Армении, Малой Азии, Коммагены, Палестины.

Многообразие представленных в Диярбакырском и Нисибисском кладах монет подчеркивает важное экономическое значение рассматриваемого ареала. Тигранакерт, Амида и города очень оживленной трассы Нисибис — Эдесса, проходящей вдоль южных границ Армении с Месопотамией, являлись тем звеном, которое обеспечивало связь Месопотамии с Малой Азией через три переправы Евфрата (см. рис. 2). Синхронные монетные клады Армении и Северной Месопотамии дают параллели. При сопоставлении кладов Нисибиса, Сарнакунка (юг Армянской ССР, Сисианский р-н) [9], Хинисли (восток Азербайджанской ССР, Шемахинский р-н) [18, № 2080] встречаем те же страны и монетные дворы, а в кладах Нисибиса и Сарнакунка есть армянские монеты, чеканенные в Арташате и Тигранакерте — в двух ключевых пунктах «царской дороги» Тиграна II.

Одним из актуальных вопросов внешней политики Рима являлся армянский вопрос. Рим пытался овладеть Арменией или же по крайней мере добиться ее нейтралитета. Страсти временно остыли при Флавиях, когда империя овладела тремя переправами через Евфрат, разрешив вместе со стратегическими также коммерческие вопросы. Несмотря на военную конфронтацию по обоим берегам Евфрата, торговля между державами не прекращалась, во время мирных передышек значение ее увеличивалось еще больше [28, с. 81].

В последние 15 лет, в связи со строительством Кебанской плотины у устья р. Арацани (Восточный Евфрат), открыта система крепостных сооружений первых веков нашей эры: на левом берегу Евфрата выявлены развалины одной крепости (Калайчик), а на другом берегу — трех [29; 30; 31, с. 135, 136]. Недалеко от них, на левом берегу Арацани, велись раскопки двух интересных памятников. В первом из них, пятислойном памятнике Ашван, выявлены восточноримская керамика, металлические изделия, а также клад серебряных монет Ариобарзана I (95—62) и Арпарата IX (42—36) [2] [30, с. 67; 32, с. 35—37, табл. 29—33]. Во втором памятнике — Шамшате (Аршамашат), одном из двух культурно-экономических центров Софены, обнаружено большое количество бальзамариев, относящихся к первым векам нашей эры, светильник и фрагмент краснолощеного блюда [34, с. 43—46, табл. 39, *1—2*]. Открытие четырех упомянутых крепостей с близлежащими некрополями и двух крупных поселений, богатых импортными изделиями, свидетельствует о военных и экономических контактах на этой территории. Находки Ашванского клада следует сравнить с монетами второго клада Диярбакыра — 1955 г., упомянутого выше. В последнем наряду с антиохийскими и парфянскими монетами обнаружено восемь драхм Ариобарзана I. Монет этого царя встречается в Армении немало [4, с. 192], и это свидетельствует о связях Армении с Каппадокией. Их наличие на юге и западе Армении может служить немаловажным свидетельством торговли по дороге Мелитена — Тигранакерт [3]. В пользу этого говорит и карта Касторпя [35], где (сегмент XI, 3, 4) одна ветвь дороги из Тигранакерта связывается с узловым пунктом Bagauna (Багаван), а другая, напротив, идет в северо-западном направлении, доходя до берега Евфрата. Следует упомянуть еще об одном кладе монет на юге Армении — о кладе Мардина, зарытом в 60—55 гг. до н. э. в Гордиене [19, № 1784; 27, с. 105, 106]. Он, с одной стороны, близок Диярбакырскому кладу монет (парфянские монеты), а с другой — Нисибисскому кладу (селевкидские монеты). Активным сношениям юга Армении с

---

[2] Из 48 монет клада 47 принадлежит Ариобарзану I и одна — Ариарату IX [19, № 1741; 33, с. 181—186; рис. 2, 3].

[3] Диярбакыр находится на месте древней Амиды и отстоит в 90 км от руин Тигранакерта.

трассой Нисибис — Эдесса способствовало армянское население Осроены и Адиабены (Strado, XVI, I, 19). Римские монеты в Месопотамии по сей день обнаружены в немногих пунктах, однако известные нам клады монет дают возможность проследить отзвуки торговли Месопотамии с Малой Азией и Арменией. В 16 монетных кладах Дура-Европоса, датирующихся в основном III в. н. э., весьма часто фигурируют монеты, чеканенные в Каррах, Эдессе, Ресаине, Нисибисе и Сингара, а также в Комана, Амасии и Зеле [7, № 343—355; 36—40]. Упомянутые города Северной Месопотамии и центры южной Армении играли важную роль в торговле Сирии, Южной Месопотамии и Ирана с Малой Азией. Между Месопотамией и Малой Азией важную ключевую позицию занимала столица Малой Армении Мелитена. Особенно важно было ее значение для обеспечения контактов с центральными и северными областями Малой Азии, в то время как Зевгма и Самосата больше служили для связей Сирии с Арменией и Месопотамии с южными областями Малой Азии (см. рис. 2). О превращении Мелитены из важного римского лагеря в город благодаря ее местоположению упоминает Прокопий Кесарийский (Proc., Aed., III, 4, 15—18).

Как на западных границах Армении с империей (Сатала, Мелитена), так и на юге стратегически важные пункты и приграничные города являются крупными центрами ремесла и торговли. В результате частых военных столкновений они лишь переходили в состав той или другой державы, сохраняя свою прежнюю роль. В 61 г. н. э. армия Тиграна VI, римского ставленника на армянском троне, вторглась в Адиабену. Этот шаг на фоне сложной политической ситуации, вынуждающий Рим и его союзников перейти к обороне, выглядит непонятным [1, с. 46]. Он объясняется разве что попытками царя вести самостоятельную политику. Но здесь для нас более интересен конечный результат: захват важной торговой магистрали. Значение этого пути особенно повышается во II—III вв., когда границы империи более или менее стабилизируются, а крупные приграничные города превращаются в своеобразные коридоры экономического контакта с Востоком.

Следующие исторические факты, отдаленные друг от друга относительно небольшим промежутком времени, можно дополнить еще и другими; но суть остается той же — борьба за стратегически важные и одновременно крупные экономические центры.

В 114 г. римляне захватили Ктесифон; в 164 г. они разрушили Селевкию и Ктесифон; в 214 г. Эдесса превращается в римскую колонию; в 217 г. Макрин терпит поражение близ Нисибиса; в 230 г. персы сдают Нисибис; в 254 г. Шапур I овладевает Нисибисом; в 283 г. Кар умирает близ Ктесифона.

Переплетение политического и экономического соперничества наблюдается и между буферными (нейтральными) государствами. Например, такое соперничество существовало между восточной частью Армении и Иберией, выразившееся в стремлении Иберии прорваться к оживленным торговым путям, протянувшимся к югу от Куры. Иберия не являлась лишь звеном в торговле через Армению, но и сама влияла на эту торговлю. Порой орудием в таком соперничестве служили кочевники; иллюстрацией к этому может служить нашествие аланов в Мидию и Армению (75 г. н. э.), а также в Парфию (134 г. н. э.).

В римскую эпоху наблюдается также политическое и торговое соперничество внутри самих государств, между отдельными областями, представляемыми группами привилегированных слоев населения. Примером этого являются отношения между Софеной и Малой Арменией, с одной стороны, и Великой Арменией — с другой, или же между Месопотамией и исконно иранскими областями территории Парфянского государства. Победа той или иной группы сильно влияла на судьбу торговли, иногда являясь причиной захирения одних и оживления других торговых путей не только на территории самого государства, но и далеко за его пределами. Острая конкуренция существовала между Селевкией на Тигре, с одной стороны, и Хараксом, Вологезокертом — с другой [41]. Эконо-

мические противоречия между Месопотамией и собственно Ираном, а в равной мере и между Селевкией и иранскими торговыми центрами смягчаются во II в., когда Парфии необходимо было выступить единым фронтом против Рима [42, с. 62—64].

По каким же направлениям осуществлялась торговля за пределами империи? В статье, специально не посвященной этой проблеме, трудно дать всесторонний анализ этого явления, однако, учитывая ее непосредственную связь с нашей темой, необходимо рассмотреть эту проблему. О торговле в римскую эпоху существует обширная научная литература. Несмотря на разногласия вокруг ряда проблем мировой торговли, ученые едины в решении многих вопросов рассматриваемой темы, нашедших более или менее определенное решение в работах ряда историков [28; 43—46]. Одним из крупных зарубежных специалистов по проблеме торговли на Востоке в античное время следует считать М. Уиллера. В своей книге «Рим вне границ Империи» ученый на основе изучения «Перипла Эритрейского моря» приходит к заключению, что по форме мировая торговля с Востоком была **терминальной** и **транзитной.** Первой из них соответствовала торговля с портами Центральной и особенно Южной Индии, которые представляли в качестве товаров пряности, драгоценные камни и украшения местного происхождения. Второй же соответствовала торговля товарами, произведенными вдали от Индии — в Центральной Азии и Китае. По мнению автора, ее основным объектом был шелк. Маршруты этой транзитной торговли отклонялись от кратчайших коптинентальных маршрутов из-за враждебности парфян, и тогда китайские товары доставлялись из Китая через восточное побережье Индии в порты Малабарского берега, а оттуда транспортировались по морскому пути на Запад [43, с. 164].

Всесторонний анализ римских монет, обнаруженных в Индии, позволяет М. Уиллеру заключить: поскольку большая часть римского золота относится к I в. н. э., а Кушанская империя достигла своей вершины во II в., то с конца I в. н. э. римский экспорт сокращается, а в обороте остается незначительная часть золота, полученного в ходе торговли в предыдущий период [43, с. 165—178]. Сухопутная торговля с Востоком, по М. Уиллеру, происходила следующим путем: Сирия — Северный Иран — Афганистан, где путь раздваивается: одна ветвь направляется к Ташкургану и далее в Китай, а другая — на юго-восток к Пенджабу. Всю римскую торговлю М. Уиллер склонен свести к пяти важнейшим статьям торговли, получаемым римлянами прямо или опосредованно из далеких стран: янтарь, слоновая кость, ладан, перец, шелк [43, с. 209]. В работе Ф. Теггарта «Рим и Китай» выступает идея о губительной роли войн для судьбы античной торговли. Закрытие торговых путей в Китай приводило к нарушению торговли и войнам в Парфии, Армении или Сирии; волна такой цепной реакции доходила даже до Дуная [44].

Одной из наиболее значительных работ следует считать труд М. А. Чарлсворта «Торговые пути и торговля в Римской империи» [28]. Автор на основе нарративных источников досконально изучает торговые пути Римской империи. М. А. Чарлсворт замечает, что возникновение сети коммуникаций, имевших военные цели, создало благоприятные условия для процветания торговли в разных концах империи. К числу интересных работ относится статья Р. Сиуэлла «Римские монеты, обнаруженные в Индии», изданная в 1904 г. На основе количественного анализа римских монет на Востоке автор пытается эпоху римской мировой торговли разделить на несколько этапов. Из пяти таких этапов, по Р. Сиуэллу, наиболее благоприятным для мировой торговли являлся второй, охватывающий время от Августа до конца правления Нерона. Второй расцвет торговля переживает уже в Византийскую эпоху. Автор пытается видеть причины расцвета и упадка торговли не в социально-экономических отношениях, а в изменении морально-этических норм [45].

Среди отечественных историков одним из тех, кто успешно занимался рассматриваемой проблемой, был акад. Я. А. Манандян. Он разрешил некоторые спорные вопросы относительно северного торгового пути на

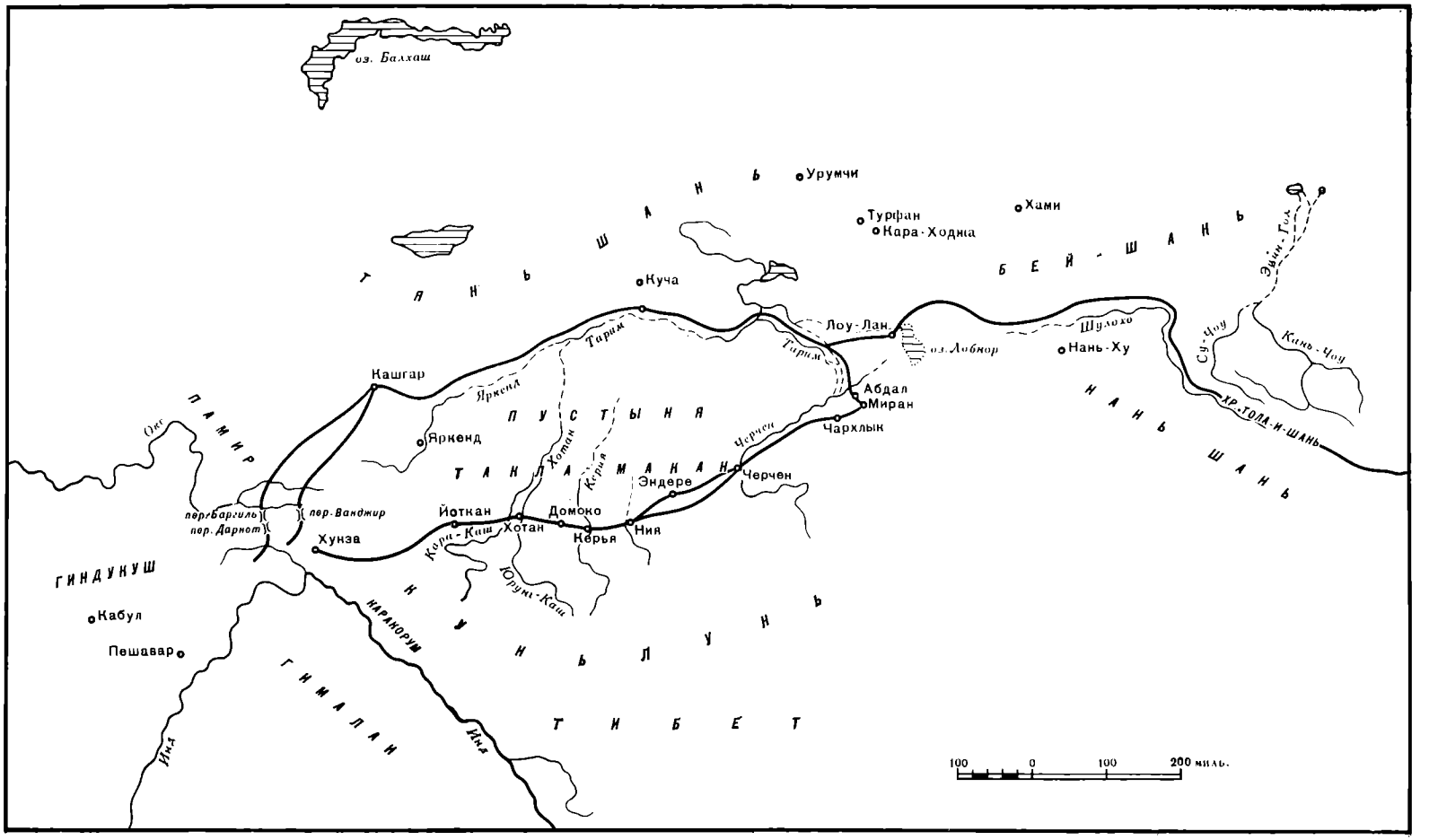


Рис. 3. Путь из Индии и Бактрии в Китай

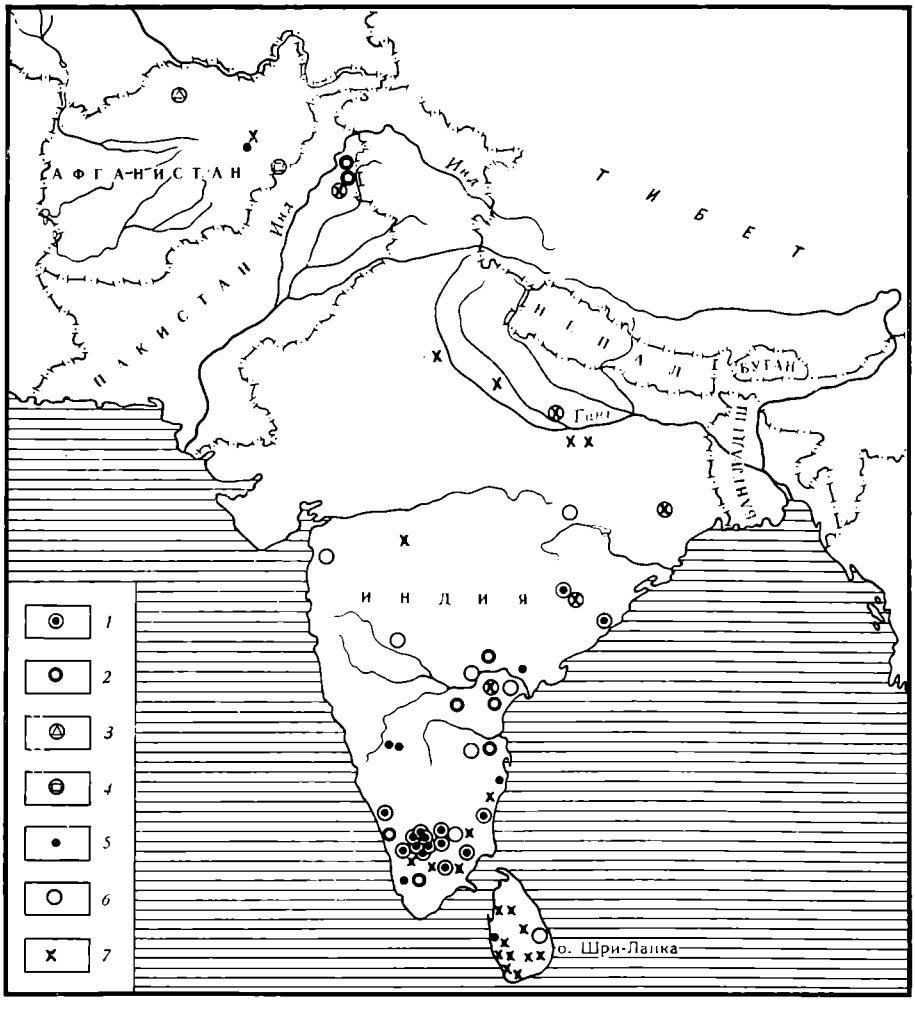


Рис. 4. Распространение римских монет на территории Юж. Азии: *1* — I—II вв. н. э.; *2* — II в. н. э.; *3* — II—III вв. н. э.; *4* — V в. н. э.; *5* — I в. н. э. (единичная находка); *6* — II в. н. э.; *7* — III—IV в. н. э.

основании всестороннего анализа нарративных источников и карты Кастория [3, 46].

Письменные источники и накопившийся в наше время археологический материал интерпретируются и за и против сухопутной торговли Рима с Индией и Китаем. В пользу той и другой точек зрения приводится немало доводов. Наличие таких альтернатив уже показывает сложность этого явления. Согласно древнекитайскому источнику, римские «цари всегда мечтали об отправке посольства в Китай, однако Ань-си (т. е. парфяне.— *Г. А.*) желали прервать торговлю китайским шелком с ними, и по этой причине они закрыли пути сообщения» [43, с. 183; 47]. Из этого сообщения бесспорно можно почерпнуть факт хотя бы кратковременного существования сухопутной торговли. Об огромных масштабах международной торговли можно судить по сообщению Плиния о том, что за ввозимые в Италию восточные товары Римская империя ежегодно уплачивала Индии, Аравии и серам сто миллионов сестерциев; «Так дорого стоили нам наша роскошь и наши жены» (Plin., Nat. Hist., XII, 41).

На фоне вышеприведенного интересно проанализировать римские монеты, обнаруженные на Востоке. Поражает их очень малое количество в Иране, Афганистане, на севере Индии. В чем же дело? Неужели в самом деле сухопутный «шелковый путь» был заброшен в связи с неблагоприятными политическими условиями и оживлением морской торговли? Действительно, морской путь, особенно после разгадки тайны муссонов,

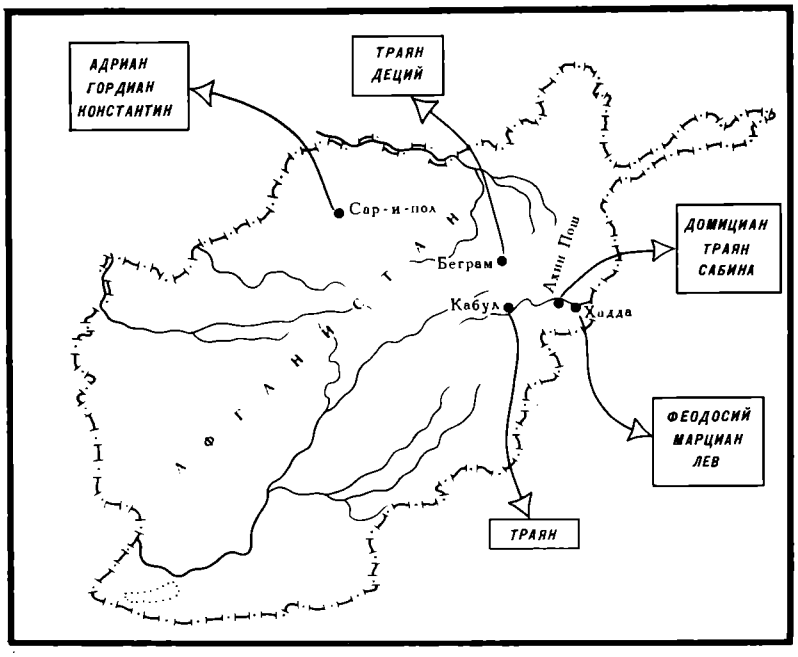


Рис. 5. Распределение римских монет на территории Афганистана

сыграл огромную историческую роль в контактах крупнейших цивилизаций античной эпохи. Красноречиво примечание Страбона о том, что из Миос-Гормос 120 кораблей отправлялись в Индию (Strabo, II, 5, 12). Все же, несмотря на некоторые преимущества морской торговли, отметим, что для контакта с Индией и Китаем удобными пунктами являлись и Северная Индия и путь через перевалы в Китай — один из важных каналов распространения буддизма в Китае [43, с. 185]. Через перевалы Гиндукуша и Каракорума (Баргиль, Даркот, Вакажир, Килик, Мустаг, Сугет, Каракорум) путь лежал к истокам р. Яркенд, откуда к р. Тарим и по северному краю безжизненной пустыни Такла-Макан выходил к р. Шу-ло-хо, откуда по глубокому ущелью реки тянулся к истокам Хуанхэ, а оттуда — в глубь страны (см. рис. 3).

Карта распределения римских монет в Индии дает следующую картину: из 68 находок 57 приходится на юг страны [43, с. 165] (см. рис. 4). Кроме одной монеты Тиберия, все монетные клады I в. н. э. обнаружены на юге. Доминируют серебряные и золотые монеты Августа и Тиберия. На севере близ древней Таксилы найдено несколько монет. Кроме вышеупомянутой монеты Тиберия известны две находки I—II вв. н. э. и еще одна монета III—IV вв. К III—IV вв. относятся и римские монеты, найденные в пяти пунктах вдоль среднего течения Ганга [43, с. 165—170, табл. 17]. В Афганистане римские монеты обнаружены в шести пунктах, причем их основная часть, кроме монет Адриана, Гордиана и Константина из Сари-Пуль и монеты Тиберия из Тилля-Тепе, обнаружена компактно в бассейне р. Кабул, у дороги, связывающей Афганистан с Северной Индией (рис. 5). Это монеты Траяна из Кабула; Домициана, Траяна и Сабины из Ахин-Пош; Феодосия, Макрина и Льва из Хадды и Траяна Деция из Беграма [48, с. 17—21]. В Иране, по известным источникам, римские монеты найдены при раскопках Масджид-и-Солейман: это предназначенные для внутреннего рынка медные монеты I—III вв., чеканенные в Риме, Александрии, Кизике, Антиохии на Оронте, Нисибисе и Эдессе; к IV же в. относятся две монеты Константина I [49, № 18—26].

Выясняется, что на юге Индии римские монеты датируются в основном I—II вв., на острове Шри-Ланка — III в, а в Афганистане и Северной Индии в основном II—III вв. Западнее линии Таксила — Кабул римских монет очень мало. Как же объяснить этот факт? Торговля между

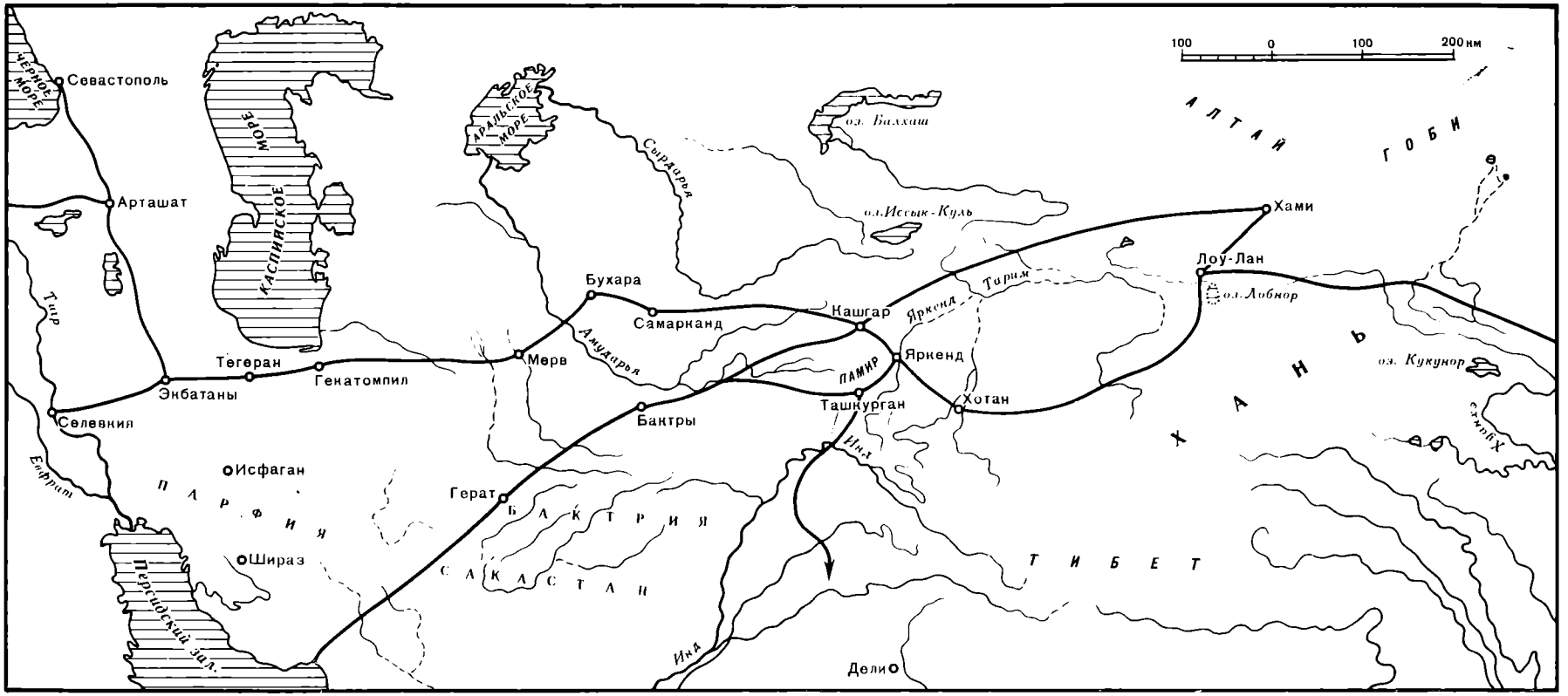


Рис. 6. Китайский шелковый путь

Римом и Южной Индией в идеальном варианте являлась терминальной [50, с. 12]: имперская валюта и товары менялись на продукты местного и частично китайского рынков. Торговля же Запада с Северной Индией и Китаем через Иран, Северный Афганистан и Северный Пакистан являлась транзитной: обмен между исходными и конечными продуктами производился посредством многих операций (рис. 6). В такой ситуации наряду с римской монетой очень высокую цену приобретали продукты с Запада; значение последних особенно повысилось после денежной реформы Нерона [51, с. 257; 52, с. 146]. Наверное, так можно объяснить наличие большого количества римского импорта на трассе Беграм — Таксила и столь незначительное количество римских монет по дороге от восточных границ империи до Индии и Китая. В этой связи примечательны следующие факты. У стыка горных хребтов Тянь-Шань и Куньлунь, в местности Миран, А. Стейном были обнаружены фрески III в. н. э., стилистически и иконографически очень близкие восточноримским [53, с. 104—107; 54, с. 28—30]. Кроме того, между 1936 и 1946 гг. при раскопках Беграма было обнаружено большое количество гипсовых моделей, бронзовых предметов и стекла западного происхождения первых веков нашей эры, а также найдены целая серия индийской резной кости и китайский лак [55, с. 257; 56]. Здесь очень важно не только наличие западного импорта, но и обнаружение его совместно с индийскими и китайскими произведениями, красноречиво указывающими исходные и конечные пункты, а также направления торговых путей данного времени.

Для внесения большей ясности в рассматриваемую проблему следует опять обратиться к восточным границам империи. Как было уже сказано выше, известные нам крупные торговые пункты в момент относительной стабилизации территории империи появились на границах с Парфией. Видимо, это обстоятельство можно связать с одним явлением, наблюдаемым, в частности, на территории Закавказья. Если в Западной Армении ввиду отсутствия целенаправленных исследований недостает материала для более определенных заключений, то материал Иберии, Колхиды, Албании и во многом перекликающийся с ним материал Восточной Армении обрисовывает показательную ситуацию (см. рис. 7). На карте мест находок римских и парфянских монет наблюдается их географическое разделение: в Колхиде почти нет парфянских монет; по дороге из Колхиды в Иберию (в районе Зестафони) находок римских монет больше, чем парфянских; в Иберии наблюдается сильная концентрация римских монет в трех пунктах и сравнительно много парфянских монет: в Мцхете — примерно равное соотношение монет Августа и Готарза [57]; в Албании же бесспорно доминируют парфянские монеты [8; 10; 11; 13—18]. В Армении наблюдается следующая картина: на крайнем востоке, у слияния Аракса с Курой, преобладают парфянские монеты; чем ближе отсюда к магистрали Арташат — Себастополис, тем больше увеличивается концентрация разных монет; здесь же наблюдается примерно равное количество распределения римских и парфянских монет [8; 11; 12, № 1541—1564; 13—15; 17].

Выясняется, что на территории буферных государств наблюдается не только политическая, но и коммерческая конкуренция между Римом и Парфией. Конкуренция наглядна не только по всей территории этих государств, но и в конкретных, стратегически важных пунктах. Приграничные города, особенно находившиеся в пределах относительно самостоятельных государств, являлись идеальной территорией для купцов из разных, тем более враждующих стран. Поэтому, например, в Армении или Иберии долгое время находятся в обращении селевкидские, парфянские, римские, армянские монеты одновременно, хорошо удовлетворяя потребности внутреннего, в какой-то мере интернационального рынка этих стран.

Весьма симптоматичен фрагмент из кодекса Юстиниана. Из императорского эдикта 408/9 гг. (Cod. Justin., IV, 63, 4; IV, 63, 6) мы узнаем, что между империей и Сасанидской Персией существовало соглашение,

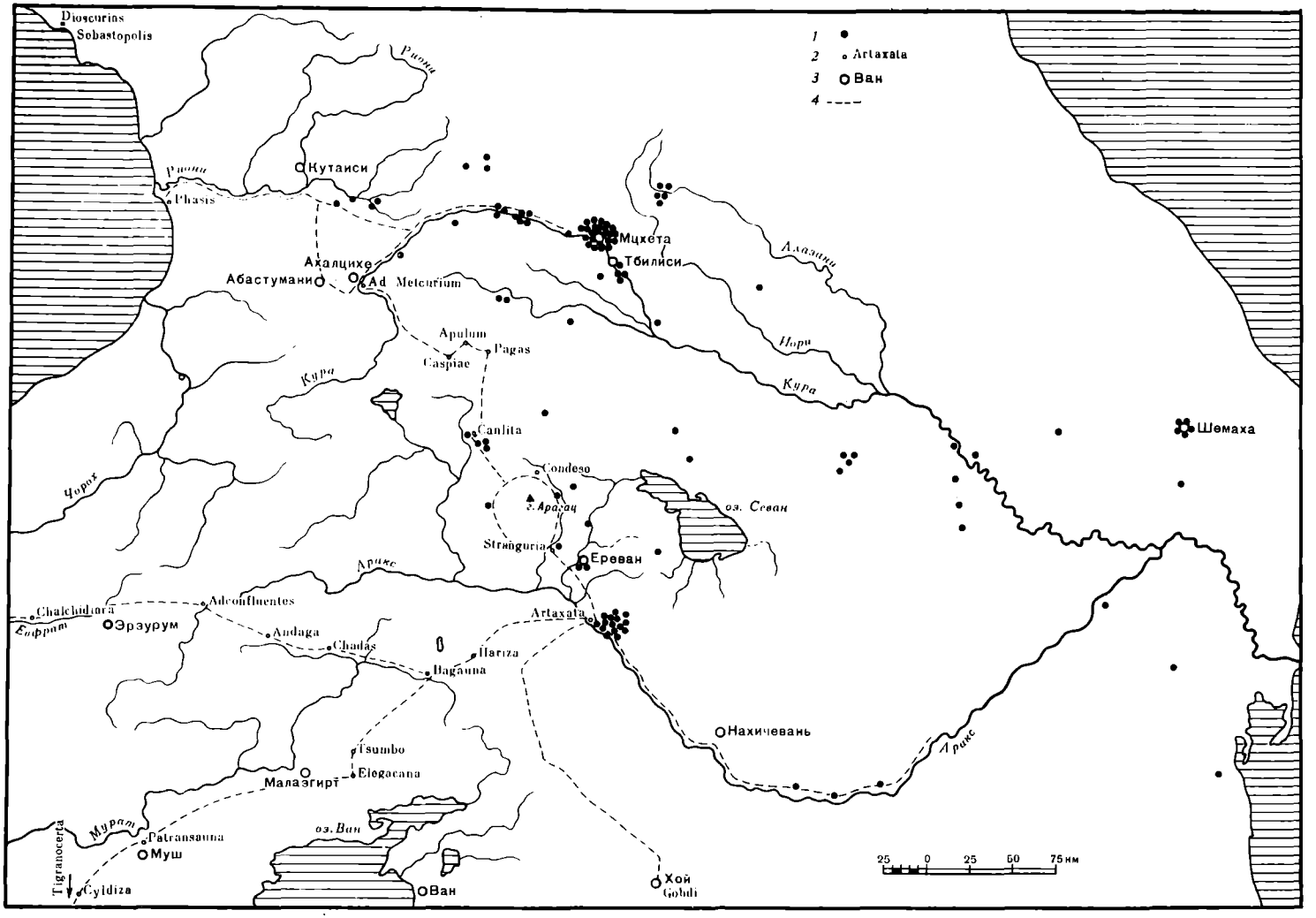


Рис. 7. Распространение парфянских монет в Закавказье *1* — парфянские монеты; *2* — древние города и крепости; *3* — современные города; *4* — торговые пути древней Армении

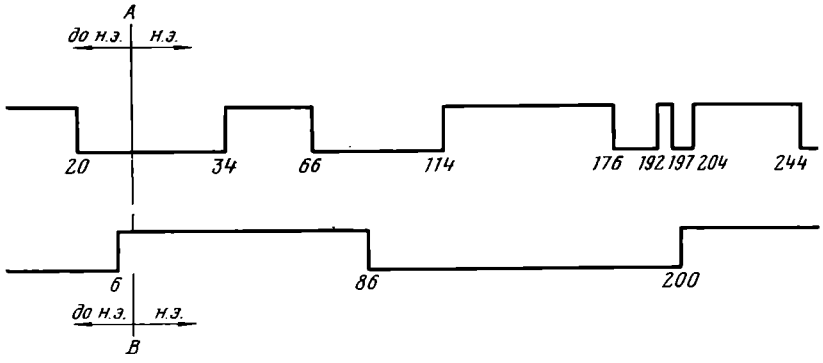


Рис. 8. Соотношение мирного и немирного времени: *А* — на римско-парфянской границе; *В* — в бассейне р. Тарим — между империей Хань и кочевниками. (Верхние ступени обоих графиков соответствуют немирному времени)

на основании которого международная торговля производилась в трех заранее определенных пунктах: на персидской территории в Нисибисе, на имперской в Каллиникуме (Рака на Евфрате) и на армянской — в Арташате. Для контроля этой торговли со стороны империи имелись особые должностные лица (comites commerciorum). В указанных городах находились таможни (dekateuteria). В этих крупных приграничных пунктах и концентрировалась огромная масса товаров, что являлось важным источником дохода для государства. Франкский историк Григорий Турский сообщает: «когда во время восстания 572 года Вардан Мамиконян и главари восстания бежали в Византию, они... явились императору с громадным количеством шелка, просили его покровительства и рассказали, что они находятся во вражде с персидским царем» («Historia Francorum») [3, с. 110]. Державы пытались овладеть этими крупными центрами или же разными способами склонить их на свою сторону. Последующим шагом явилась монополизация торговли конкретными товарами в этих пунктах. Хотя эти тенденции появляются еще в эпоху античности, однако получают свое юридическое оформление чуть позже.

Важным фактором для сухопутной торговли западных стран с Востоком являлась многолюдная масса ремесленников и торговцев, мигрировавшая по разным причинам с Запада на Восток. В восточных странах в античное время наблюдается особенно большая концентрация сирийцев, греков и евреев, составляющих значительную часть населения крупных городов в Армении, Иране и даже Индии. Вот почему приходится сталкиваться с такими фактами, как, например, наличие индийской и еврейской колоний в Армении (Бузанд, IV, 55) [58, с. 77—80], открытие христианской церкви в Персеполисконе [59, с. 110, 111], наличие христиан в Хуннии [59, с. 125], существование еврейских колоний I в. н. э. в Индии и Китае [60, с. 131—134]. Для четкого хронологического расчленения торговли на северном торговом пути небезынтересно сделать (на основании римско-парфянской и китайской историй) подсчет мирного времени, существовавшего между державами и соседними народами (см. рис. 8). Выясняется, что с середины I в. н. э. по конец III в. было свыше 125 мирных лет на римско-парфянской границе. Особенно благоприятными были для торговли промежуток времени между 66 и 114 гг. н. э. и период с 176 по 192 г. Анализ показывает, что на другом конце международной торговой магистрали (на дороге от бассейна р. Тарим до бассейна р. Шу-ло-хо) с I по начало III в. н. э. было всего около 170 мирных лет, когда китайские императоры держали дорогу в своих руках. Сопоставление двух этих схем показывает, что с 80-х годов I в. н. э. по самый конец II в. сложились наиболее благоприятные условия для торговли Рима с Востоком по северному пути. Этой торговле частично мешала римско-парфянская вражда 114—176 гг., по времени совпадающая со сложением идеальных условий для торговли на китайской границе. Оставляя в стороне вопрос о совпадении двух этих явлений, отме-

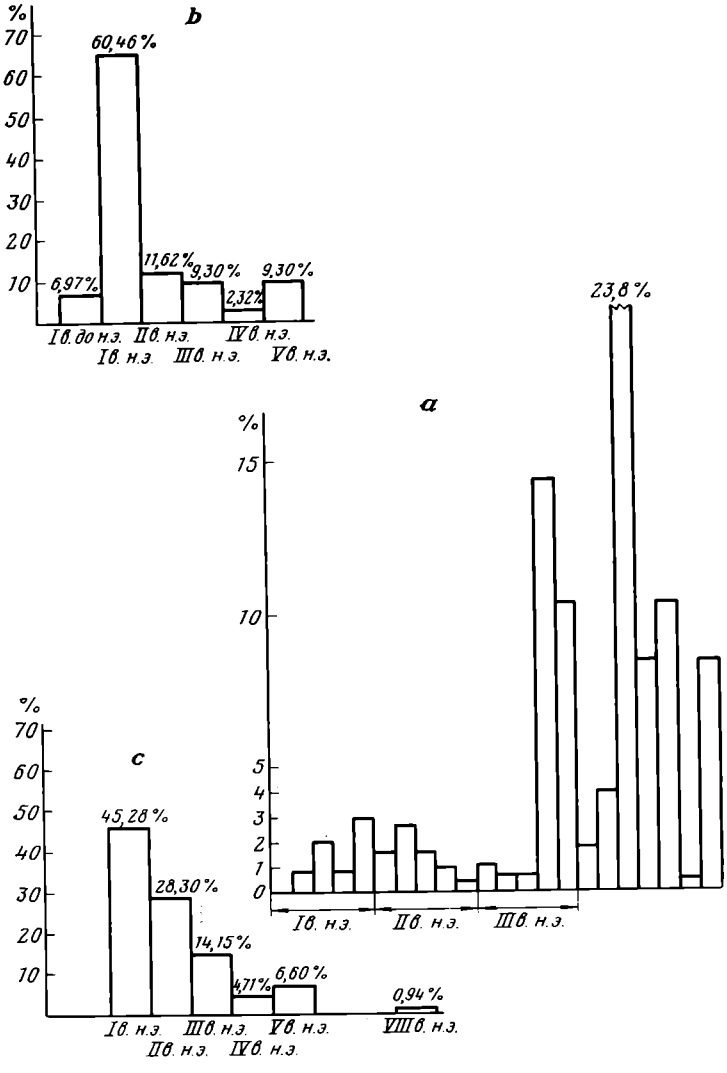


Рис. 9. Процентное соотношение монет по векам. *a* — Британия (по Ричарду Рису); *b* — Армения (учтена территория Восточной Армении); *c* — Иберия и Колхида

тим, что во время таких периодов, когда один конец международной магистрали открыт, а другой закрыт, особо повышалась экономическая роль нейтральных или полузависимых по отношению к державам (Рим, Парфия, империя Хань) государств как в Передней Азии, так и на просторах от Афганистана и Индии в Китай. Этот вывод противоречит теории Р. Спуэлла, хотя количественные подсчеты закавказских римских монет, как и данные Р. Спуэлла, показывают сокращение римских монет уже со II в. н. э. Однако, как мы видели выше, римские монеты на Востоке, тем более после денежной реформы Нерона, не могут служить точным барометром состояния торговли первых веков нашей эры, что подкрепляется еще одним доказательством. Анализ римских монет из 88 памятников Британии, произведенный Ричардом Риссом, дал результаты, весьма схожие с материалом Франции, Верхней Италии и Прирейнских областей [61, с. 175—195]. Выяснилось, что рост и снижение количества римских монет зависели не только от разного рода экономических и политических факторов, но и в значительной мере от динамики чеканки самих монет. Весьма любопытно сравнить результаты этого исследования с закавказским материалом. На территории Восточной Армении и современной Грузии, как и в Западной Европе, I в. н. э. является тем пиком, от которого начинается сокращение количества римских монет в памятниках вплоть до середины III в., а в Закавказье до IV в. (см. рис. 9). Таким образом, можно заключить, что период с середины I в. н. э. до

начала III в. был самым благоприятным и оживленным для северного торгового пути.

Приведенные нами данные позволяют прийти к следующим выводам. Карта распределения римских монет (в основном Августа) на территории Закавказья ориентирована на древний торговый путь Арташат — Себастополис. В то же время карта распределения римских и парфянских монет в этом ареале свидетельствует не только о политической, но и коммерческой конкуренции в Закавказье между Парфией и Римом. Факты оживленной градостроительной политики в Армении и в Малой Армении, наличие римского импорта в разных точках Армении и соседних стран, анализ монетных кладов римского происхождения, обнаруженных в Армении, Месопотамии, Закавказье, а также данные о наличии оживленных торговых трасс, тянувшихся по всей территории Армении и соседних стран (Экбатаны — Арташат — Себастополис; Арташат — Багаван — Сатала; Багаван — Тигранакерт; Тигранакерт — Мелитена; Тигранакерт — Нисибис; Нисибис — Эдесса), и факт глубокого взаимопроникновения купцов разных стран в отдаленные от их родины пункты торгового пути свидетельствуют о возрастающей роли Армении в сухопутной торговле Рима с Востоком с середины I в. н. э. по начало III в. На этот же промежуток времени падает оживленная сухопутная торговля между Римом и Востоком по северному пути. Свидетельством этого также являются остатки западного импорта, факт наличия на Востоке огромной массы купцов из восточных областей империи (греки, сирийцы, евреи), благоприятный политический климат вдоль пути, а также находки римских монет в Иране, Афганистане и Северной Индии, в основном датирующихся II—III вв. Одновременно выясняется, что малое количество римских монет на Востоке не может служить мерилом состояния сухопутной торговли. Приграничные для Рима и Парфии города в силу своего географического положения и сложившейся политической ситуации превращаются в крупные экономические центры, а территории нейтральных государств по тем же причинам становятся удобным каналом торговых сношений между народами Запада и Востока.

Было бы неверно думать, что транзитная торговля играла исключительную роль в экономике Армении и стран Закавказья. Эти страны и особенно Армения, граничащая с Малой Азией, Месопотамией и Ираном, вели также активную торговлю многими продуктами собственного рынка: железом, золотом, серебром, медью, драгоценными камнями и строительным камнем, растительными красителями и лекарственными растениями, квасцами, фруктами, древесным материалом, медом, домашним скотом; но это только перечень товаров, упомянутых в письменных источниках (Strabo, XI, 14, 9; Plin., Nat Hist., XXIV, 102, 2: XIX, 15, 2; XXXIII, 27, 1; XXXV, 28, 1; XXXV, 52, 2; XXXVI 47, 1). Большая часть археологического материала еще скрыта под землей, и многие спорные проблемы торговли Армении с соседними странами пока не могут быть решены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кудрявцев О. В.* Армения и Парфия во второй половине правления Нерона.— ВДИ, 1949, № 3.
2. *Ghirshman R.* L'Iran des Origines à l'Islam. Paris, 1976.
3. *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.— XII в. н. э.) Изд. 2-е. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1954.
4. *Мушегян Х. А.* О распространении эллинистических монет в Армении.— В кн.: Эйрене, т. I. Ереван, 1978.
5. *Мушегян Х. А.* К истории денежного обращения античной Армении.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
6. *Seyrig H.* Trésor Monétaire de Nisibe.— Revue numismatique. Paris, 1955.
7. *Noe S. P.* A bibliography of Greek coin hoards (second edition).— Numismatic Notes and Monographs. № 78. New York, 1937.
8. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I. Баку, 1926.
9. *Мушегян Х. А.* Монетные клады Армении. Т. I. Ереван, 1973.

10. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II. Баку, 1938.
11. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VI. Баку, 1954.
12. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР (II в. до н. э.— V в. н. э.) — САИ, вып. Г4—4. М., 1961.
13. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.
14. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку, 1949.
15. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949.
16. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII. Баку, 1957.
17. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку, 1959.
18. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку, 1966.
19. *Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M.* An Inventory of Greek Coin Horads. New York, 1973.
20. *Никольский М. В.* Клинообразные надписи Закавказья.— МАК, 1896, т. 5.
21. *Еремян С. Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов по Tabula Peutingeriana.— ВДИ, 1939, № 1.
22. *Капанадзе Д. Г.* О продолжении обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии.— СА, 1962, № 4.
23. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
24. *Cagnat R.* Inscriptiones Graecae ad Romanas pertinentes. Paris, 1901—1927.
25. *Левкинадзе В. А.* Оборонительные сооружения Себастополиса.— СА, 1966, № 1.
26. *Апакидзе А. М.* Бичвинта.— В кн.: Научная сессия Института истории АН ГССР. Тбилиси, 1953.
27. *Seyrig H.* Trésors du Levant Anciens et Nouveaux. Paris, 1973.
28. *Charlesworth M. A.* Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. New York, 1970.
29. Keban Project 1969 Activities.— Middle East Technical University Keban Project Publications. Series I. № 2. Ancara. 1971.
30. Keban Project 1970 Activities.— Middle East Technical University Keban Project Publications. Series I. № 3. Ancara, 1972.
31. *Тирацян Г. А.* Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры.— Древний Восток. Вып. 2. Ереван, 1976.
32. *French D.* Aşvan Excavations, 1969. Keban Project 1969 Activities.— Middle East Technical University Keban Project Publications. Series I. № 2. Ancara, 1971.
33. *McNicoll A.* The Asvan Hoard: Coins of Two Cappadocian Monarchs.— Anatolian Studies, 1973, vol. XXIII.
34. *Ögün B.* Haraba Excavations, 1969. Keban Project 1969 Activities.— Middle East Technical University Keban Project Publications. Series 1. № 2. Ancara, 1971.
35. *Miller K.* Die Weltkarte des Castorius. Ravensburg, 1888.
36. *Bellinger A. R.* Two Roman Hoards From Dura-Europos.— Numismatic Notes and Monographs. № 49. New York, 1931
37. *Bellinger A. R.* The Third and Fourth Dura Hoards.— Numismatic Notes and Monographs. № 55. New York, 1932.
38. *Newell E. T.* The Fifth Dura Hoard. Numismatic Notes and Monographs. № 58. New York, 1933.
39. *Bellinger A. R.* The Sixth, Seventh and Tenth Dura Hoards.— Numismatic Notes and Monographs. № 69. New York, 1935.
40. *Bellinger A. R.* The Eighth and Ninth Dura Hoards.— Numismatic Notes and Monographs. № 85. New York. 1939.
41. *Košelenko G. A.* La politique commerciale des Arsacides et les villes Grecques.— In: Estratto da Studi in Onore di Edoardo Volterra. Vol. I. Milano, 1971.
42. *Кошеленко Г. А.* Внутриполитическая борьба в Парфии.— ВДИ, 1963, № 3.
43. *Wheeler M.* Rome Beyond the Imperial Frontiers. London, 1954.
44. *Teggart F.* Rome and China. University of California, 1939.
45. *Sewell R.* Roman Coins Found in India.— The Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1904, October.
46. *Манандян Я. А.* Круговой путь Помпея в Закавказье.— ВДИ, 1939, № 4 (9).
47. *Hirth F.* China and the Roman Orient. Leipzig, 1885.
48. *Scerrato U.* On a Silver Coin of Traianus Decius from Afghanistan.— East and West, N 13. Rome, 1962.
49. *Augé Ch., Curiel R. et Rider G.* Terrasses sacrées de Bard-é Nechandeh et Masjid-i Solaiman. Les Trouvailles monétaires. Paris, 1979.
50. *Wheeler M.* Impact and Imprint. Greeks and Romans Beyond the Himalayas. Newcastle, 1959.
51. *Bolin S.* Fyden av romerska mynt i det fria Germania. Lund, 1926.
52. *Зеймаль Е. В.* Клад римских денариев из Таджикистана.— Нумизматика и эпиграфика, 1962, вып. III.

53. *Stein A.* On Ancient Central-Asian Tracks. New York, 1964.
54. *Rowland B.* Asie Centrale. Paris, 1974.
55. The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period / Ed. by Allchin J. R. and Hammond N. London, New York, San-Francisco, 1979.
56. *Hackin J., Hackin J. R., Case J., Hamelin P.* Nouvelles recherches archéologiques â Begram (ancienne Kâpici). Paris, 1954 (MDAFA, t. XI).
57. *Абрамишвили Т. Я.* Каталог парфянских монет Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1974 (резюме на русск. яз.).
58. *Панчанан С.* Колония хиппи в Армении.— ИФЖ, 1965, № 2.
59. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
60. Terrien de Lacouperie. On Entrance of the Jews into China During the First Century of Our Era.— Babylonian and Oriental Record, t. 5, № 6. Jun. 1891.
61. *Reece R.* Zur Auswertung und Interpretation römischer Fundmünzen aus Siedlungen.— In: Studien zu Fundmünzen der Antike. Bd 1. Berlin, 1979.

H. P. Akopyan

ANCIENT ARMENIA IN EAST-WEST RELATIONS
(early centuries of our era)

Summary

The problem of place of Ancient Armenia in the system of world trade has long been preoccupying scientists. However, an analysis of relevant new material and a comparison of it with appropriate materials of narrative source opens the way for formulating a more clear answer to questions pertaining to some aspects of this problem. The map of the distribution of Roman coins in the Transcaucasus (Fig. 1), predominantly reflects the Augustan period. The findes are centred around the ancient trade route between Artaxata and Sebastopolis. At the same time, the map of distribution of Roman and Parthian coins (Fig. 7) in this area points not only to the existence of a political, but also to that of a commercial rivalry between Parthia and Rome in the Transcaucasus. Facts showing intensive town planning schemes on both banks of the Euphrates, the presence of Roman import in different places of Armenia, an analysis of Roman coins originating from Armenia, Mesopotamia and the Transcaucasus as well as written data indicate that all Armenia and adjacent countries were crossed by lively trade routas (Ecbatana-Artaxata-Sebastopolis; Artaxata-Bagauna-Satala; Bagauna-Tigranocerta; Tigranocerta-Melitena; Tigranocerta-Nisibis; Nisibis-Edessa). All these facts point to Armenia's increased role in international land trade from the middle of the 1st century A. D. to the early 3rd century. On the same period a brisk land trade between Rome and the East fells, maintained along the Armenia-Northern Iran-Afghanistan-Northern India-the Tarim Basin route. Relevant evidence is documented by remnants of Western import. The finds of Roman coins discovered in the East date mainly from the 2nd and 3rd centuries A. D. Their small number in the East cannot reflect the state of land trade between Rome, on the one hand, and Northern India and China, on the other because of its transit character. The borderline towns of Rome and Parthia, due to their geographic position and the political situation of the period, developed into important economic centres whereas the territories of neutral countries for the same reasons became a convenient channel of East-West relations.

СОЛОМИНА В. П.

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК СЕВЕРНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ШИТЬЯ

В собрании Архангельского областного краеведческого музея находится чрезвычайно интересный памятник средневекового шитья — епитрахиль, полностью покрытая вышитыми изображениями языческой символики.

Епитрахиль небольшого размера (73×13 см, без петли — 37×13 см) [1], сделана вместе с петлей из цельного куска неотбеленного льняного полотна. Шитье сохранилось фрагментарно (рис. 1), но, поскольку повторяется один и тот же мотив, композиция представляется достаточно ясно (см. реконструкцию — рис. 2). Широкие красные горизонтальные полосы выделяют девять ритмично повторяющихся ярусов, заполненных предстоящими перед древом птицами — по три пары в каждом ряду. Между птицами расположены фигуры, напоминающие крест в виде процветшего древа с ромбом в навершии; семь рядов вышиты красным, синим, желтым некрученым шелком косым швом (рис. 3), два нижних ряда — пряденым серебром «в прикреп». В центре по вертикали проходит волнистая полоса, разделяющая деревья на две половины.

Представленные архаичные изображения весьма необычны для епитрахилей. Может возникнуть вопрос, не использовалась ли в данном случае готовая вышитая ткань, и тогда применение здесь этого сюжета могло носить случайный характер. Однако общее композиционное решение подтверждает, что шитье было сделано именно для епитрахили. Рисунок подчинен форме этой вещи, что особенно заметно в месте перехода прямоугольного полотна в петлю, где фигуры преднамеренно вышиты срезанными под углом, согласуясь с размером петли. Края епитрахили четко обрамлены черной и красной полосами. На двух последних рядах шелковое шитье заменено золотой нитью, подчеркивая завершенность нижнего конца. Вертикальная волнистая полоса разделает полотнище на две равные части соответственно конструкции подобных изделий. При этом сюжетный рисунок не выступает самостоятельно в каждой части, а объединяется той же полосой, разрезающей центральные деревья пополам, что предполагает символическую значимость данного сюжета, который в таком виде не встречается на предметах другого назначения.

Датировать архангельский памятник довольно сложно. Шитье на епитрахили выполнено в традициях русской народной вышивки, известной нам в основном лишь по образцам XVIII—XIX вв. Отсутствие произведений народной вышивки более раннего времени ограничивает возможности аналогий. Единственный опубликованный памятник народного шитья XVI в.— фрагменты столешниц из собрания Русского музея [1] — указывает на некоторые черты сходства (геометричность рисунка, применение косого стежка), но не дает полного тождества.

Фигуры на епитрахили, обведенные тонким черным контуром (как на ширинках XVI—XVII вв.), вышиты косым швом сплошной зашивкой параллельными рядами. Такой прием можно видеть в шитье ложа, одежды святых на пелене «Положение во гроб», вышитой на Севере в XVII в. [2, рис. 19]. Видимо, эта техника была хорошо известна северным

[1] Инв. № 942. Происхождение и время поступления в музей неизвестны. По самой ранней сохранившейся музейной описи 1927 г. она значится под № 773 как епитрахиль для треб (ГААО, ф. 1222, 0.1, ед. хр. 19, л. 75).

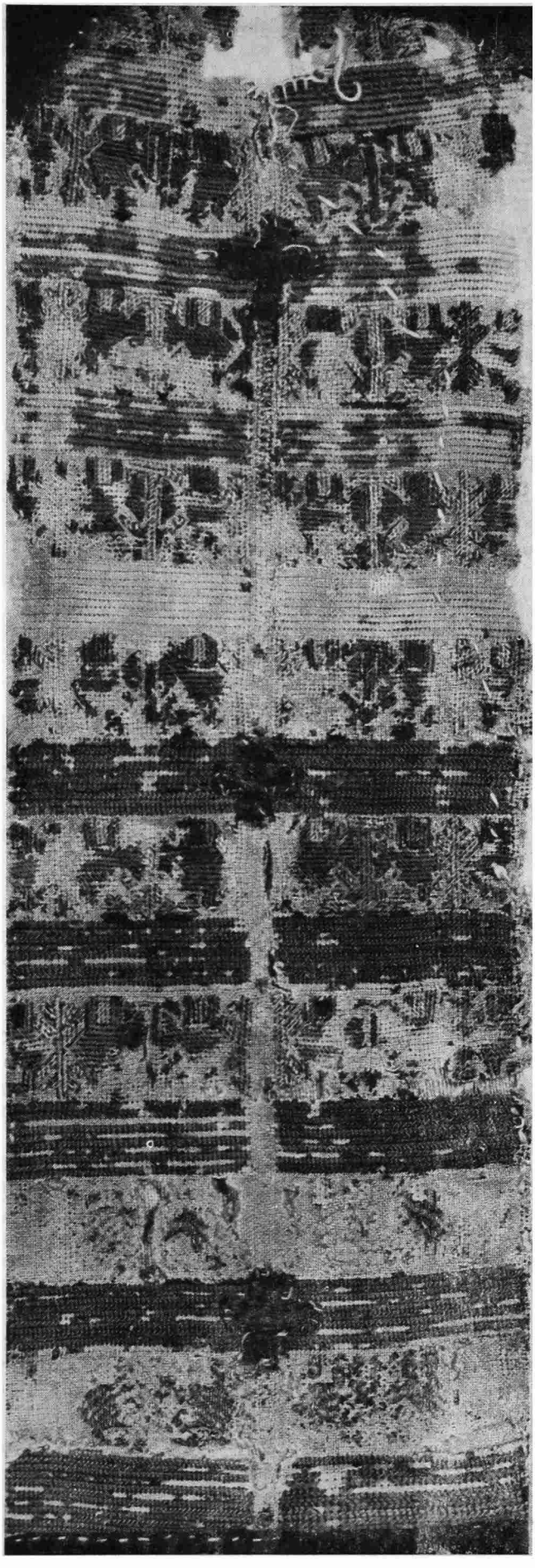


Рис. 1. Епитрахиль XVI—XVII вв.

мастерицам. Тем же способом вышит старинный олонецкий намышник [3, рис. 13, *а*], где характер узора (особенно в рисунке дерева с многочисленными отростками-медальонами, перекликающимися с древнерусскими декоративными мотивами), а также параллельные ряды косого стежка позволяют отнести его к ранним образцам олонецкой вышивки. Подобная техника нехарактерна для русской народной вышивки XVIII—XIX вв. [2]

Мы предлагаем условно датировать епитрахиль XVI—XVII вв. Более ранней ее трудно признать, так как, являясь частью обыденного облачения священника, она не принадлежала к числу драгоценных реликвий, требующих особо бережного отношения. Вещь находилась в длительном употреблении, о чем говорят следы многочисленных разновременных починок. Видимо, в XVIII в. были нашиты кресты из синей крашенины, под ними вышивка хорошо сохранилась, хотя и несет на себе следы прошлой реставрации [3].

Епитрахиль является важнейшей принадлежностью одеяния священника, без которого невозможно богослужение. «Епитрехиль представляет совершительную и сходящую свыше благодать духа» (Симеон Солунский), она как бы воплощает в себе божественную силу, которая присутствует при соверше-

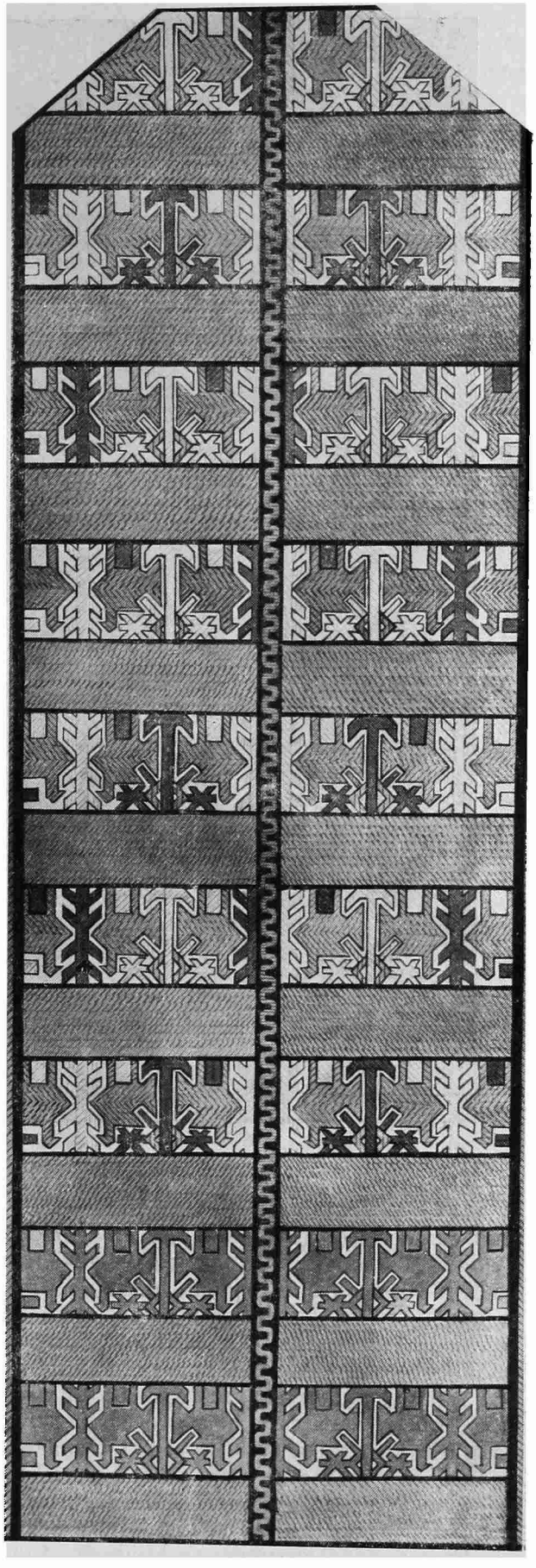


Рис. 2. Реконструкция епитрахили

[2] Шитье на епитрахили несколько напоминает вышивку тверских карел, но обнаруживает и существенное различие между ними: заполнение узора на карельских вышивках идет по контуру фигур от краев к центру, а не параллельными рядами, как на епитрахили [4, с. 107].

[3] При реставрации использовался более толстый шелк, иногда несколько видоизменялся шов, фрагментарно был введен зеленый шелк.

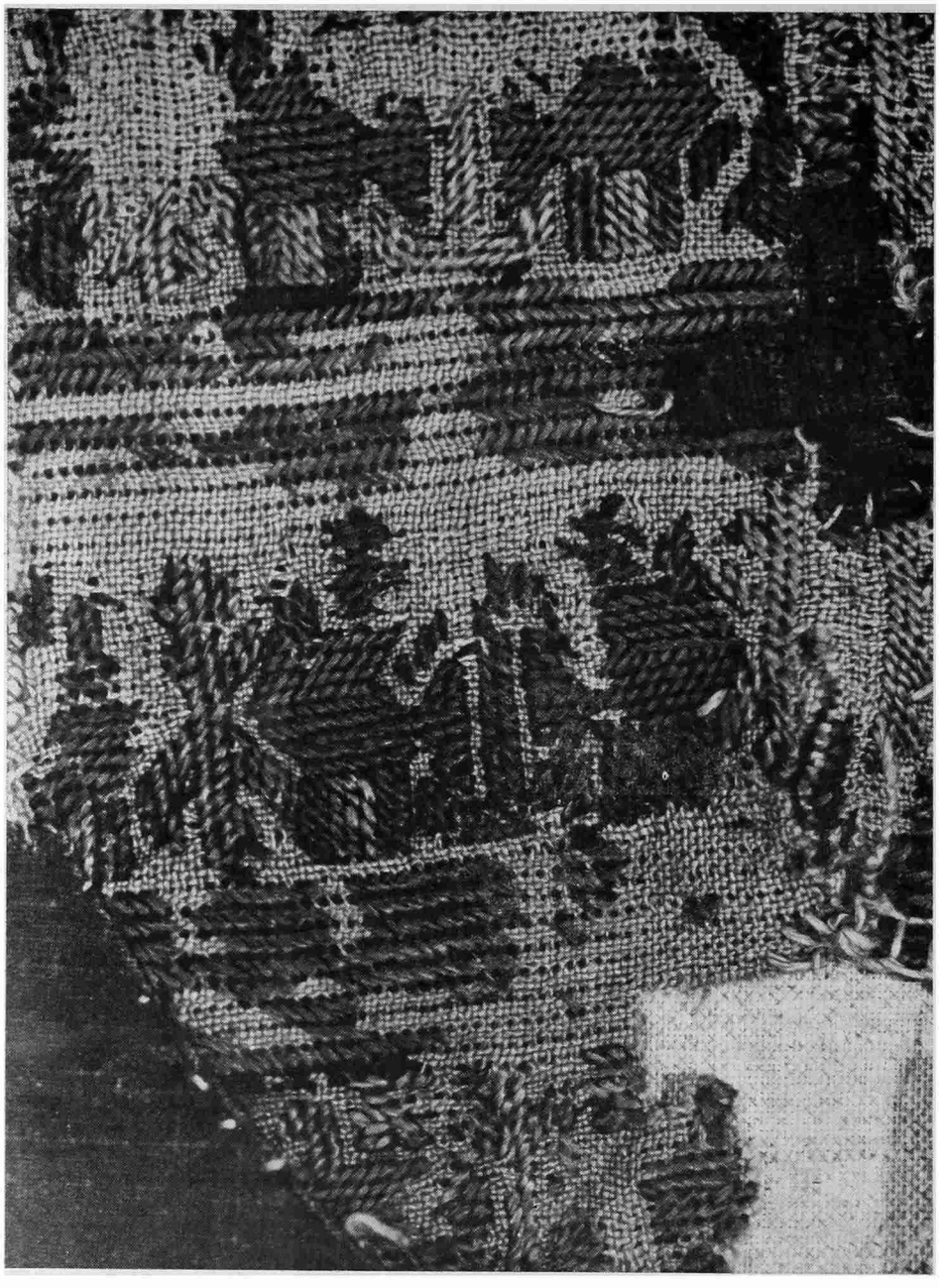


Рис. 3. Епитрахиль, фрагмент

нии священных действий [5, с. 157]. Небольшой размер епитрахили, присущий походным, переносным облачениям, указывает на использование ее для обрядов вне церкви, чаще всего таких, как таинства причащения и покаяния перед смертью. Очевидно, изображения на этой епитрахили могли быть связаны с идеями о загробном мире. Птицы перед деревьями вполне соответствовали христианским представлениям о райской жизни, где главное место занимает древо, и «вода для него потечет из святилища..., и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его» [6, с. 27]. Однако архангельскую епитрахиль отличает очень существенная особенность. Все изображения представлены в перевернутом виде — вниз головой, что, мы считаем, можно связать с народными верованиями, уходящими в глубокую древность.

Еще в палеолитических стоянках Сибири (Мальта, Буреть) были обнаружены фигурки птиц, женщин, сделанные специально для подвешивания вниз головой [7, табл. XXIV, *14*, XVI, *8*, XVII, *1*, *2*, XIV, *6*, *9*]. Подобные скульптурки находятся и среди неолитических памятников —

в погребении близ Красноярска [8, с. 9], в Нальчикском могильнике на Северном Кавказе [9, с. 120, табл. VIII, *1*]. Встречаются перевернутые изображения и на древних наскальных рисунках в Сибири, на побережье Белого моря [10, табл. 7, *5*, *6*; 22, *5*, *6*, *11*; 25, 29, *45*, *46*]. Такое загадочное явление ученые объясняют особенностью художественного восприятия первобытного человека [11, с. 29] или простой случайностью [10, с. 28]. С этим трудно согласиться, тем более что явление переворачивания получило широкое отражение в мировом фольклоре и этнографии.

В легендах, связанных с наскальными изображениями на Средней Лене, представленные головой вниз фигуры рассматриваются как обозначение смерти врага [12, с. 211]. Привлекая обширный этнографический материал по культуре различных народов, К. Шустер пришел к выводу, что перевернутые изображения связаны с погребальной обрядностью и культом предков [13, с. 105—116] [4]. Мировая мифология дает немало примеров явления переворачивания при пересечении героями мифов рубежа от мира земного в потусторонний мир [15, с. 133, 134]. Если обратиться к культуре Европейского Севера, то здесь тоже можно проследить традицию переворачивания предметов, связанных с погребальной обрядностью. В древних погребениях (I тысячелетия до н. э.) нередко находят перевернутые вверх дном сосуды [16, с. 41, 61, 82—83, 160, 190]. Они обнаружены в захоронениях («домике мертвых») финно-угров VII—VIII вв. [17, с. 151], курганах Приладожья X—XIII вв. [18, с. 103; 19, с. 47]. В Олонецком крае вплоть до начала XX в. на могилах ставили опрокинутые вверх дном горшки, и родственники считали своей обязанностью следить, чтобы они в таком виде оставались на месте, причем это совершалось только на могилах, не отпетых священником (ввиду отдаленности некоторых деревень от церкви), что указывает на древнюю, дохристианскую суть этого обычая [20, с. 417; 21, с. 131].

Встречаются на Севере и перевернутые подвески. На Белоозере в женском погребении XII в., где головной убор уже носил славянский характер, на поясе, по древнему местному обычаю, находились различные подвески, среди которых была полая фигурка птички, подвешенная вниз головой [22, с. 44, рис. 6, *16*]. Очень устойчивой оказалась эта традиция у народов коми, хотя уже и утратила первоначальный смысл: до недавнего времени оленеводы украшали широкие кожаные пояса различными накладками с изображением фигур, которые нашивали «вверх ногами», но не могли при этом дать объяснение подобному расположению [23, с. 140] (заметим, что эти накладки называются словом «рубеж»).

Ключом к пониманию этого явления, на наш взгляд, может служить образ перевернутого дерева, обращенного корнями вверх, известный в древнейшей мифологии и фольклоре многих народов. В индийских мифах мировое дерево с корнями вверх, ветвями вниз именуется вечным («... это зовется бессмертным») [24, с. 114]. В великорусских заговорах («на море, на окияне, на острове, на кургане стоит белая береза вниз ветвями, вверх корнями») это дерево обладает чудодейственной силой [25, с. 63, № 149]. У надымских ненцев до сих пор сохранились «старинные столбы» — деревья с торчащими вверх корнями и опущенными в воду кронами, считающиеся священными деревьями [26, с. 240].

Пытаясь найти истоки этого образа, Л. Я. Штернберг [27, с. 738], Е. Г. Кагаров [28, с. 335] и другие ученые высказывали «биологическую» версию, видя прообраз его в растениях с воздушными корнями, растущих в Индии. На наш взгляд, в данном образе подчеркивается не необычность формы, а прежде всего явление переворачивания, которое отражало древние воззрения на мир, вечность бытия. По представлениям

---

[4] Привлечение К. Шустером различных этнографических материалов в данном случае может быть оправдано. Еще Л. Я. Штернберг, изучавший этнографию многих народов, отмечал «почти полное тождество траурных обычаев у народов самых различных рас, отдаленных по географическому своему распространению и далеких друг от друга по степени культуры» [14, с. 204].

многих народов, смерть воспринималась как переход к другой жизни, продолжающей земное существование, но уже в новом качестве. Символически это могло найти выражение в перевертывании предметов, изображений, связанных с потусторонним миром (неслучайно упоминаемая в заговоре береза стоит именно на кургане). Элемент перевертывания выступает как типологическое явление, отражающее восприятие мироздания как вечного кругооборота: жизнь — смерть — жизнь. Становится понятным и использование перевернутых изображений на епитрахили, наделенной священной силой, как бы осуществляющей непосредственную связь между мирами.

На епитрахили имеется еще одна очень необычная деталь: по краям фигуры изображены наполовину срезанными, что также, видимо, относится к рудиментам архаических явлений. Расчлененные предметы встречаются в погребальной обрядности отдельных народов. В курганах Приладожья (IX—X вв.) были обнаружены разломанные пополам вещи (шейные обручи, копья и др.) [29, с. 99]. У многих сибирских народов традиция сопровождать покойника поломанными вещами, восходящая ко II тысячелетию до н. э., сохранялась до недавнего времени [30, с. 241; 31, с. 239; 32, с. 75]. У финно-угров известны случаи расчленения умерших [33, с. 250].

В мировом фольклоре мотивы, связанные с неполнотой формы, особенно характерны для ситуации пересечения рубежа. В одном шаманском предании перевозчик в загробный мир представлен одноглазым, одноухим, хромым, подгребающим половинкой весла половину лодки [15, с. 138—139]. У кетов безнадежно больной человек называется «половинным человеком», уже лишенным второй, невидимой половины. Половинчатые фигуры на епитрахили, возможно, также указывали на переходный момент при отправлении в другой мир.

Привлечение столь редких, уходящих в глубокую древность приемов заставляет взглянуть на наш памятник с позиций дохристианских воззрений. Наши сведения о верованиях местного населения дославянского Севера крайне скудны. Но обращение к фольклорным традициям северных народов, сохранившим рудименты архаических явлений, восходящих к общеиндоевропейской древности, помогает понять некоторые стороны народного мировоззрения, заключенного, в частности, в интересующем нас изобразительном мотиве дерева с предстоящими птицами, в том числе дерева, разделенного водным источником, выступающего в качестве мирового дерева.

Имеются многочисленные свидетельства особого почитания священных деревьев, поклонения ручьям, обтекавшим эти деревья. Среди различных представлений, связанных с мировым деревом, нас в данном случае интересует его сущность как посредника во взаимосвязи миров — земного и потустороннего. Это значение мирового дерева широко отражено в мировом фольклоре [34, с. 37—41]. У сибирских народов слово «дерево» означает «дорога, путь». В финском эпосе мировое дерево в виде ели с золотыми ветвями используется для достижения небесного свода [35, с. 56, № 145]. У северных народов (у води) распространен обычай хоронить покойника под деревом [36, с. 326], причем иногда могильная яма частично располагается под корнями дерева (у печорских коми) [37, с. 84, 85].

В космологических представлениях видное место занимает водный источник, который воспринимается как космическая река, протекающая через все миры Вселенной [38, с. 52], а также как преграда, разделяющая разные миры, которую необходимо преодолеть при переходе в новое состояние [39, с. 193].

Птицам тоже отведена важная роль в процессе общения с небесным миром. Изображение птиц нередко встречается в первобытной археологии Севера. Достаточно вспомнить каргопольские и беломорские неолитические сосуды, причем на беломорском горшке из Кузнечихи птица изображена внутри — на дне [40], что свидетельствует о придании ей сакрального значения. Использование птичьей символики при погребальной

обрядности хорошо прослеживается в этнографии сибирских народов. У обских угров перед смертью делали татуировку фигуры птицы (зимой — тетери, летом — утки), которая должна помочь душе переправиться лётным путем в загробный мир [41, с. 47]. Удэгейцы около захоронений вкапывали небольшой шест с птицей наверху. К нему привязывали красный шнур, прикрепленный другим концом к головному убору покойника, считая, что по шнуру душа переселится на это дерево [31, с. 238]. Наплечная одежда сибирского шамана — посредника между небесным миром и людьми — неслучайно воссоздавала образ птицы. На ней изображали птичью грудную кость, хвост, перья [42, с. 8].

Древние представления о взаимосвязи с потусторонним миром могли найти отражение в вышитом на нашем памятнике сюжете предстояния птиц перед древом (подобная интерпретация этого сюжета рассматривается также на русских обрядовых полотенцах [43]).

Остается выяснить, что означают фигуры (по две в каждом ряду), напоминающие процветшее дерево-крест с ромбическим завершением вверху, от которого по сторонам отходят два «рогатых» ответвления. Не являются ли они отражением северных мифов о двух Небесных Владычицах мира в образах рогатых полуженщин-полуоленей, которых увидел попавший по древу жизни на небо путешествующий шаман? Такое предположение (высказанное Б. А. Рыбаковым, впервые раскрывшим образы Небесных хозяек мира в изобразительном фольклоре [44]) вполне согласуется с предлагаемой трактовкой памятника, где ряд элементов уводит в эпоху охотничьей первобытности.

Возникает вопрос: могли ли появиться архаические изображения во всей полноте их древнего понимания на памятнике позднего средневековья, да к тому же на епитрахили — предмете христианского культа? Освоение северных земель славянами, ассимиляция с местным финно-угорским населением носили, как известно, затяжной характер [45, с. 101, 102]. Активное формирование севернорусской общности с ее этнокультурными особенностями происходило сравнительно поздно, лишь в XV—XVII вв. [46, с. 12]. Но и к этому времени продолжали сохраняться многие местные обычаи. В первой половине XVI в. новгородский архиепископ Макарий писал духовенству Вожской пятины: «Молятся по скверным своим мольбищам древесом и каменью... и призывают на те свои скверныи мольбища злодеев отступник арбуев чюдских, и мертных своих они кладут в селехъ по курганомъ и по коломищем с тем же арбуи». Это же подтверждает новгородский архиепископ Феодосий в 1548 г., сообщая, что при свершении обрядов к новорожденным и мертвым «сначала призывались арбуи, а потом уже священники» [47, т. I, с. 129, 130]. Таким образом, еще в XVI в. в отдельных местах обширного северного края, несмотря на христианизацию, при обряде погребения продолжали участвовать чудские волхвы, и им отдавали предпочтение перед православными служителями. Мы ничего не знаем о характере деятельности арбуев, их символических атрибутах. Возможно, здесь использовалась и изобразительная символика, которая могла присутствовать на деталях одежды типа нагрудника, имеющегося на многих шаманских костюмах народов Сибири. Мы уже отмечали, что на шаманских нагрудниках преобладает именно птичья символика: вышивалась или рисовалась грудная кость птицы, прикреплялись металлические изображения уток, гагар [42, с. 13, 24, 47, 97]. Не исключено, что на одежде арбуев применялась уже более разработанная иконография, которая могла быть использована местным духовенством. «Почему, и в какой среде, и по чьему почину создаются те особые религиозные формы, которые как бы принадлежат одновременно двум религиям?... Почин принадлежал священству, стоящему наиболее близко к населению» — это наблюдение Е. В. Аничкова [48, с. 302] как бы иллюстрируется нашим памятником. Изготовленная из простой льняной ткани, с сюжетами, отступающими от официального канона, епитрахиль явно предназначалась для низшего духовенства, которое стремилось церковные идеи донести до народа через традиционные, устоявшиеся образы народных представлений.

Славяне встретились на Севере с уже знакомыми им в прошлом образами и мотивами. «Финно-угорские произведения могли только воскресить у славян давно пройденный этап мифологического творчества, вернее, оживить уже затухающую или оборванную христианизацией линию творчества. Это было возможно в силу того, что в орбите внимания оказались типологические образы, отражавшие существенные стороны народного мировоззрения» [49, с. 48]. И для самих славян еще звучали злободневно обличения в «Слове Иоанна Златоуста о христианстве» (по рукописи XVI в.): «...аще же кто воспроситъ безстудных тех, кто есть амосъ или авдии или колико число пророкъ и аплъ есть, то не умеет рещи. Аще ли же воспросят о конехъ или о птицахъ или о ином о чемъ, то философъ есть и литоръ о всех ответъ положетъ» [47, т. II, с. 252].

Проникновение языческих образов в христианское искусство стало возможным потому, что не было принципиальных противоречий между этими формами религий: «их объединяет очень многое как в системе верований, так и в формах ритуала» [50]. Многие функции языческих божеств получили святые: Илья — Перуна, Параскева — Мокоши, Власий — Велеса; христианские обряды (такие, как крещение, причастие) по своей сущности восходят к древним языческим действиям. Христианство долгое время воспринималось сквозь призму языческих воззрений, которые коренились в самих основах народной жизни. Происходило слияние дохристианских представлений с культом православия, создавалась как бы особая форма религии — православно-языческий синкретизм, именуемый в прошлом двоеверием.

Известно немало памятников этого переходного периода [51, с. 11—20; 52; 53, с. 95, 96; 54, с. 67; 55, с. 283—292; 56, с. 20, 216]. Однако все они относятся ко времени не позднее X—XIII вв. Этим рубежом обычно и отмечается «десимволизация» языческих зооморфных образов и мотивов, утрата и забвение древней символики. На Севере же древние языческие представления были живы и в позднее средневековье, находя отражение в различных формах народного творчества, в том числе в изобразительном фольклоре.

А. К. Амброз высказывал сомнение в возможности прямого заимствования языческих элементов из народного творчества в христианское искусство, считая, что они проникли на Русь вместе с византийской иконографией [54, с. 67]. Архангельская епитрахиль с использованием древних мотивов во всей полноте их смыслового значения, с яркими элементами первобытного миропонимания указывает на более глубинные связи, чем простое знакомство с привнесенным сюжетом. Более того, мы здесь наблюдаем непосредственное перенесение народной вышивки на предмет христианского культа.

Народный характер проявляется в самом подходе к изобразительному решению сюжета. В византийской иконографии, нашедшей отражение в древнерусских памятниках, в сцене предстояния перед древом, птицы выступают чаще всего в образах типа павлина, орла — птиц с пышными хвостами, когтистыми лапами, крючковатым клювом [55, с. 283—292; 56, с. 20, 218]. На епитрахили же изображены птицы с острой грудью, прямыми ногами, скромным оперением, напоминающие образы водоплавающих птиц. Сакральное значение птиц признавалось повсеместно, но каждый народ имел свои священные орнитологические образы: чукчи и коряки отдавали предпочтение вороне, якуты — орлу [14, с. 410], таджики и узбеки — фазану и петуху, казахи и киргизы — филину, ястребу, соколу [57, с. 284]. На Северо-Западе издревле почитали водоплавающую птицу (вспомним изображения на онежских и беломорских петроглифах, мифологию Калевалы).

В официальном средневековом шитье не наблюдается такое преобладание красного цвета, как в народной вышивке. В епитрахили Архангельского музея красный цвет является основным: им окрашены широкие разделяющие полосы, птицы, ромбы на деревьях. Такое внимание к красному цвету выражало простонародные вкусы. В народном понимании красный цвет являлся синонимом жизни [58, с. 22—25]. Красному про-

тивостоит черный цвет (в траурных обрамлениях красных полос), который тоже несет смысловую нагрузку, а не используется лишь в контурах, как на древнерусских ширинках. В древнейших славянских текстах все, сочетающееся с красным, обладает положительным значением, а в сочетании с черным — отрицательным [59, с. 138]. В епитрахили черный цвет занимает второстепенное место: смерть не воспринималась как конец жизни. Вера в бессмертие находила выражение в торжестве жизнеутверждающего красного цвета.

Применение кроме красного только синего и желтого цветов, возможно, также имело какое-то смысловое значение, восходящее к погребальной обрядности древних аборигенов. У некоторых народов финно-угорской группы (в частности, у сету) еще в начале XIX в. во время похорон родственники покойного обвязывали ствол прощального дерева синими, желтыми, красными нитками. У ижорцев и карелов долго бытовал обычай вешать на намогильный крест носовые платки, расшитые также желтыми, голубыми, красными нитками [60, с. 123, 124].

Рисунок на епитрахили отличается подчеркнутой геометризацией (даже в изображении волнистой линии), что совершенно нехарактерно для церковного шитья, но составляет одну из особенностей народной вышивки. Для вышивания епитрахили использовались льняная ткань (а не шелк и бархат, как в церковном шитье), шелковые и золотные нити, которыми (согласно описей XVII в. [3, с. 39]) нередко украшали обиходные вещи северного крестьянина.

Народная вышивка на епитрахили благодаря ее сакральному назначению помогает со значительной достоверностью понять смысловую направленность архаичного сюжета, сохранявшегося длительное время на предметах народной обрядности. Архангельский памятник выступает связующим звеном, позволяющим еще раз убедиться, что «русская народная культура XVIII—XIX веков традиционна и эта традиционность уходит в языческую старину» [44, с. 606].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богуславская И. Я.* О двух произведениях средневекового народного шитья.— В кн.: Русское народное искусство Севера. Л.: Сов. художник, 1968.
2. *Соломина В. П.* Древнерусское шитье в собрании Архангельского областного краеведческого музея. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1982.
3. *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978.
4. *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел.— Тр. ИЭ, 1951, т. XI.
5. *Вениамин.* Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода. Спб., 1909.
6. *Троицкий Н.* Крест Христа — «древо жизни».— Светильник. Религиозное искусство в его прошлом и настоящем, 1914, № 3.
7. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР.— САИ, 1962, вып. А4—3.
8. *Окладников А. П.* О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971.
9. *Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.* Могильник в Нальчике.— МИА, 1941, № 3.
10. *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера. Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
11. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980.
12. *Окладников А. П.* Якутия до присоединения к Русскому государству.— В кн.: История Якутской АССР. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
13. *Shuster C.* Pendants in the form of inverted human figures from paleolithic to modern times.– Тр. VII МКАЭН, 1964, т. 7.
14. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
15. *Неклюдов С. Ю.* О кривом оборотне.— В кн.: Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука, 1979.
16. Погребальный обряд племен Северной и Восточной Европы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. М.: Наука, 1974.
17. *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Погребальное сооружение на городище «дьякова типа».— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
18. *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. Спб., 1895.
19. *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.

20. *Куликовский Г. И.* Похоронные обряды Обонежского края.— Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894.
21. *Круповский М. А.* Олонецкий край. Путевые очерки. Спб., 1904.
22. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
23. *Грибова Л. С.* Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980.
24. *Жуковская Н. Л.* Формы проявления культа природы в пантеоне и ритуалах ламаизма.— В кн.: Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М.: Наука, 1970.
25. *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. Спб., 1869.
26. *Хомич Л. В.* О некоторых предметах культа надымских ненцев.— СМАЭ, 1971, т. XXVII.
27. *Штернберг Л. Я.* Культ орла у сибирских народов.— СМАЭ, 1925, т. V, вып. 2.
28. *Кагаров Е. Г.* Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх.— Докл. АН СССР, 1928.
29. *Станкевич Я. В.* Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР.— В кн.: Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
30. *Василевич Г. М.* Эвенки. Л.: Наука, 1969.
31. *Ларькин В. Г.* Религиозные воззрения удэгейцев.— Тр. Дальневост. фил. Сиб. отд. АН СССР, 1961, т. II.
32. *Прокофьева Е. Д.* Религиозные культы тазовских селькупов.— СМАЭ, 1977, т. XXXIII.
33. *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— В кн.: Культура древней Руси. М.: Наука, 1966.
34. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978.
35. Калевала. Петрозаводск, 1956.
36. Народы европейской части СССР. Т. II. М.: Наука, 1964.
37. *Терюков А. И.* Погребальный обряд печорских коми.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979.
38. *Анисимов А. Ф.* Космологические представления народов Севера. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
39. *Соколова В. К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности.— В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977.
40. *Смирнов В. И.* Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе.— СА, 1940, т. 6.
41. *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— Тр. ИЭ. Нов. серия, 1954, т. XXII.
42. *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири.— СМАЭ, 1971, т. XXVII.
43. *Шангина И. И.* Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX—XX вв.: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1975.
44. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
45. *Рябинин Е. А.* Чудские племена древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
46. *Чистов К. В.* Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера.— В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974.
47. *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916. Т. II. М., 1913.
48. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь.— Записки историко-филологического общества императорского Петербургского университета. Ч. CXVII. Спб., 1914.
49. *Вагнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1974.
50. *Рыбаков Б. А.* Основные проблемы изучения славянского язычества. М.: Наука, 1964 (VII МКАЭН).
51. *Сапунов Б. В.* Памятники материальной культуры двоеверцев.— Тр. ГЭ, 1970, т. XI.
52. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л.: Аврора, 1971.
53. *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья.— СА, 1976, № 4.
54. *Амброз А. К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа.— СА, 1966, № 1.
55. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. М.: Наука, 1969.
56. *Аладашвили Н. А.* Монументальная скульптура Грузии. М.: Искусство, 1977.
57. *Борозня Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии.— В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
58. *Панфилов Г. В.* Некоторые черты эстетического мировоззрения древнерусского общества (прекрасное в понимании древних славян).— Вестн. истории мировой культуры, 1958, № 5(11), сентябрь-октябрь.
59. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Л.: Наука, 1965.
60. *Рихтер Е. В.* Некоторые особенности погребального обряда сету.— СЭ, 1979, № 2.

V. P. Solomina

UNIQUE SAMPLE OF MEDIAEVAL NORTHERN EMBROIDERY

Summary

The collection of the Arkhangelsk Local Lore Museum includes a small 16th-17th-century stole with images uncommon to an object of the Christian cult of such type. It has been embroidered with nine rows of birds standing in front of a tree (in coloured silk and slanting stitches). Between the birds there are figures which resemble a cross-shaped blooming tree with a rhombus on the top. Along the centre stretches a vertical wavy line which divides the trees into halves. All figures are depicted upside down, the extreme ones being incomplete in shape — a pointer to a connection between these images and the folk beliefs in the afterlife which dates from deep antiquity. The decoration of a stole by old motifs which exhibit the full measure of their semantics enhanced by vivid elements of the primitive world comprehension indicates the viability of the archaic symbolism that was alive in the North even in the late Middle Ages. The folk character of this embroidery which displayed the geometrisation of figures and the predominance of the red colour underlines the traditional character of 18th-19th-century Russian folk embroidery.

Публикации

СЕРИКОВ Ю. Б.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА

Горбуновский торфяник уже давно приобрел мировую известность в археологической науке. Первые находки на торфянике были сделаны в 1908 г. в процессе торфоразработок. Письмом от 5 июля 1908 г. служащий Тагильского завода Н. Ф. Топорков сообщил Уральскому обществу любителей естествознания о находке на Горбуновском торфянике деревянного настила, на котором встречались остатки костров, обломки сосудов и осколки кремня. Место находок было обследовано М. О. Клером, который 2 сентября 1908 г. выступил на общем собрании общества с сообщением «Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижнетагильского завода» [1].

Однако только в советское время этим уникальным находкам было уделено должное внимание. С 1926 по 1940 г. почти ежегодно работал на Горбуновском торфянике проф. Д. Н. Эдинг. Им были исследованы стоянки VI разрез, Стрелка и I Береговая (рис. 1) [2]. В 1944 г. О. Н. Бадером была открыта II Береговая стоянка [3]. Два года (1948—1949) работал на торфянике А. Я. Брюсов, который продолжил исследования Д. Н. Эдинга на VI разрезе и Стрелке и раскопал II Береговую стоянку [4]. В 1963 г. В. М. Раушенбах раскопала неолитическое поселение Чащиха [5]. С 1977 г. раскопки на торфянике проводила экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В. Ф. Старкова [6].

С 1976 г. широкие исследования на Горбуновском торфянике осуществляет Нижнетагильский отряд археологической экспедиции Уральского государственного университета (г. Свердловск) под руководством автора [7, 8]. Эти исследования дали материалы, которые позволяют значительно уточнить и дополнить древнюю историю населения Горбуновского озера (рис. 2—9).

Изучение материалов с I Береговой стоянки, хранящихся в Нижнетагильском краеведческом музее и Государственном историческом музее, показало, что памятник предыдущими исследователями интерпретировался не совсем полно. Обычно на I Береговой стоянке выделяли не более трех слоев: позднего неолита, ранней и развитой бронзы [9, 10]. Между тем в коллекциях данного памятника присутствуют еще и материалы эпохи энеолита и раннего железного века (рис. 2). Только в 1980 г. появилась сводная работа В. Ф. Старкова, в которой он типологически выделяет на стоянке следующие группы керамики: периода позднего неолита с гребенчатой орнаментацией — 43,7%, периода энеолита — 0,2, периода ранней бронзы — 42,3, периода развитой бронзы — 10,4, периода раннего железа — 3,4% [11, с. 57].

Интересно отметить, что на I Береговой стоянке в одном из наших шурфов была найдена медная проколка (рис. 6, *3*). Ее длина 7,8, ширина в средней части 0,4 см. Проколка имеет серповидное сечение, нижний ее конец слегка расплющен. Проколка находилась в земле в вертикальном

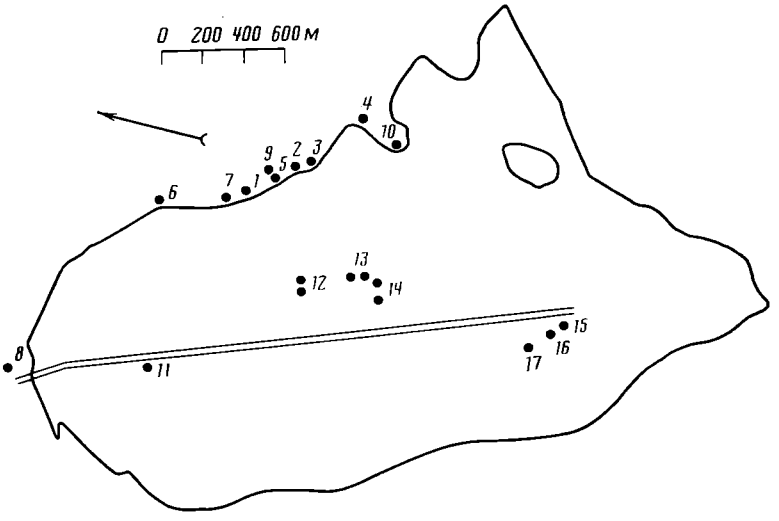


Рис. 1. Горбуновский торфяник. Схематический план расположения стоянок. *1—7* — I—VII Береговые стоянки; *8* — Чащиха; *9* — Купол; *10* — Серый Камень; *11* — Стрелка; *12* — VI разрез; *13* — Поперечный разрез; *14* — Новый разрез; *15* — Дальний разрез А; *16* — Дальний разрез; *17* — Дальний разрез Б

положении острием вниз. Залегала она сразу под слоем гумуса, перекрытым выбросом из раскопа Д. Н. Эдинга. Ниже ее, на глубине 17—28 см, находился развал сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 2, 7).

Наконец-то удалось решить вопрос, поставленный Н. П. Кипарисовой еще в 1956 г.,— одна или две II Береговых стоянки находятся на Горбуновском торфянике [12, с. 117]. Одна стоянка была открыта в 1944 г. О. Н. Бадером [3, с. 344], вторая — в 1948 г. А. Я. Брюсовым [13, с. 74]. Они находились примерно в одном месте, но различались между собой по материалу. Сравнение коллекций, проведенное В. Ф. Старковым, убедило последнего в том, «что эти памятники не имеют между собой ничего общего» [11, с. 58]. Это мнение основывается на том, что «в материале А. Я. Брюсова среди сотен фрагментов керамики нет ни одного неолитического черепка», тогда как «в сборах О. Н. Бадера представлена только гребенчатая керамика неолита» [11, с. 58]. Однако, совмещая схематический план II Береговой стоянки, составленный О. Н. Бадером [3, рис. 10], с местностью, легко заметить, что в десятке метров к северу от места находки керамики О. Н. Бадером вся площадка берега покрыта раскопами, оставшимися от исследования А. Я. Брюсова. Изучение коллекций, хранящихся в ГИМе и Нижнетагильском краеведческом музее, неоспоримо показало, что в комплексе II Береговой стоянки присутствует в небольшом количестве неолитическая керамика (рис. 3, *4*, *7*). Имеется неолитическая керамика и в наших сборах со стоянки. Из всего сказанного выше можно сделать только один вывод: II Береговая стоянка, открытая О. Н. Бадером, и II Береговая, открытая А. Я. Брюсовым,— один и тот же памятник. Различие в материалах из сборов О. Н. Бадера и раскопок А. Я. Брюсова объясняется многослойностью памятника. Изученные материалы уже сейчас позволяют выделить на стоянке четыре культурных слоя: эпохи неолита, энеолита, ранней бронзы и раннего железа (рис. 3).

Обследование северо-восточного берега Горбуновского торфяника привело к открытию новых археологических памятников.

К юго-востоку от II Береговой стоянки находится III Береговая (рис. 1, *3*). Она занимает плоский каменистый выступ коренного берега высотой 4—5 м. Шурфы показали наличие нескольких слоев. Небольшие раскопки, проведенные П. К. Халяевым в 1979—1980 гг., дали 4-тысячную коллекцию находок. Раскопками выявлены материалы четырех эпох: мезолита, развитого неолита, ранней бронзы и раннего железа. Мезолитический слой представлен выразительным комплексом, состоящим из нук-

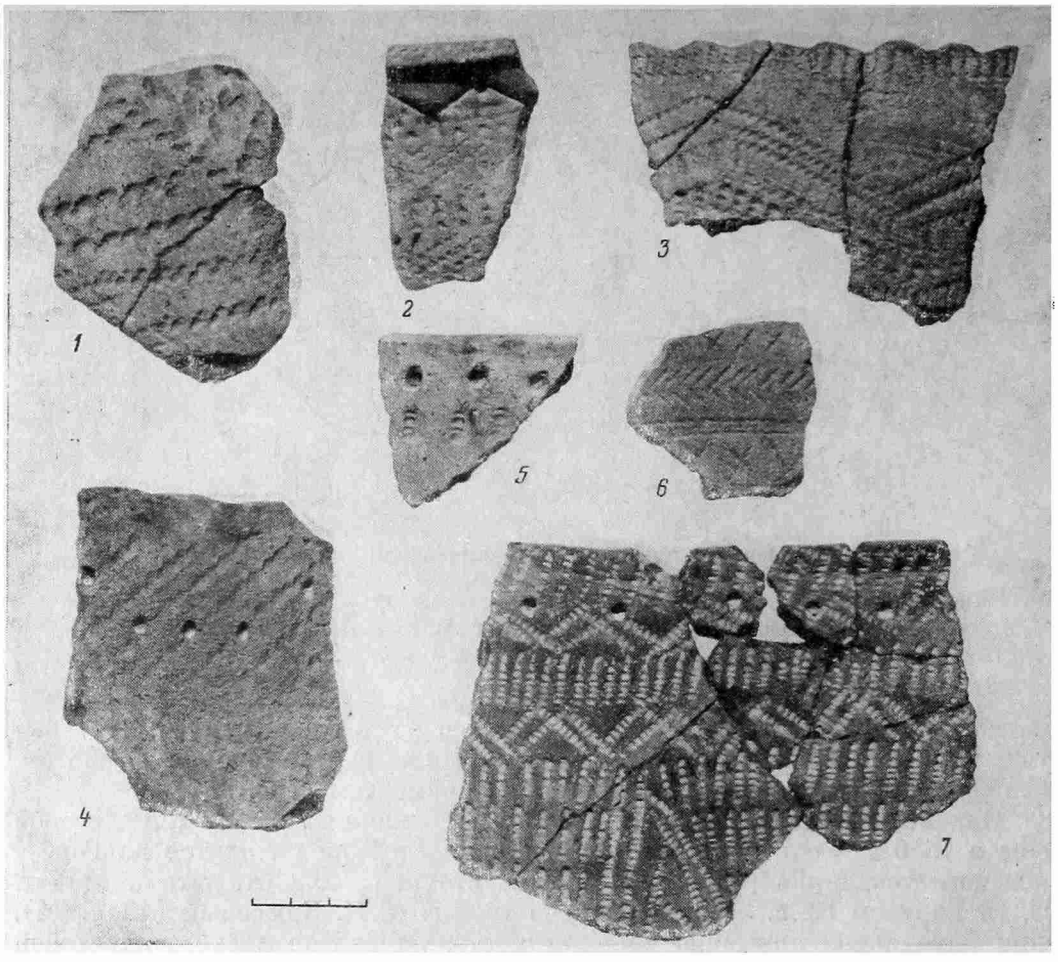


Рис. 2. I Береговая стоянка. Керамика

леусов, микропластинок с ретушью и без нее, резцов, резчиков, острий, скребков и геометрического микролита — трапеции. Найден также и небольшой фрагмент костяной оправы вкладышевого ножа. Хорошо представлен слой раннебронзового века. Он содержит развалы сосудов аятского типа, немногочисленные каменные изделия и металлические изделия — бронзовую пластинку и обломок бронзового наконечника копья. Слои неолита и раннего железного века представлены незначительными материалами (рис. 4; 7, *1—13*). Площадь памятника невелика — всего около 300 м².

В 350 м к юго-востоку от III Береговой обнаружена IV Береговая стоянка (рис. 1, *4*). Материал, собранный в шурфах, очень малочисленный и невыразительный: микропластинки, отщепы, стенки без орнамента. Единственный венчик с гребенчатым орнаментом имеет аналогии в комплексах ранней бронзы (рис. 6, *4*; 7, *14*, *15*).

Площадка берега между I и III Береговыми стоянками отделяется от них небольшими логами, прорезающими коренной берег торфяника. Шурфовка этой площадки также дала немногочисленные материалы в виде отщепов, микропластинок, стенок без орнамента и венчика раннего железного века (рис. 6, *5*; 7, *16*, *17*). Памятник получил название V Береговая стоянка (рис. 1, *5*).

Над V Береговой стоянкой в глубине берега находится куполообразное вздутие береговой гряды высотой 6—7 м, отмеченное еще в 1944 г. О. Н. Бадером [3, рис. 10]. Но в то время оно осталось необследованным. Площадка купола каменистая, имеет форму овала размерами 12×14 м. В шурфах выделены слои позднего неолита, ранней бронзы и железного века (рис. 5; 7, *18—22*). Мощность культурных напластований в отдельных местах доходит до 50 см. Стоянка названа Купол (рис. 1, *9*).

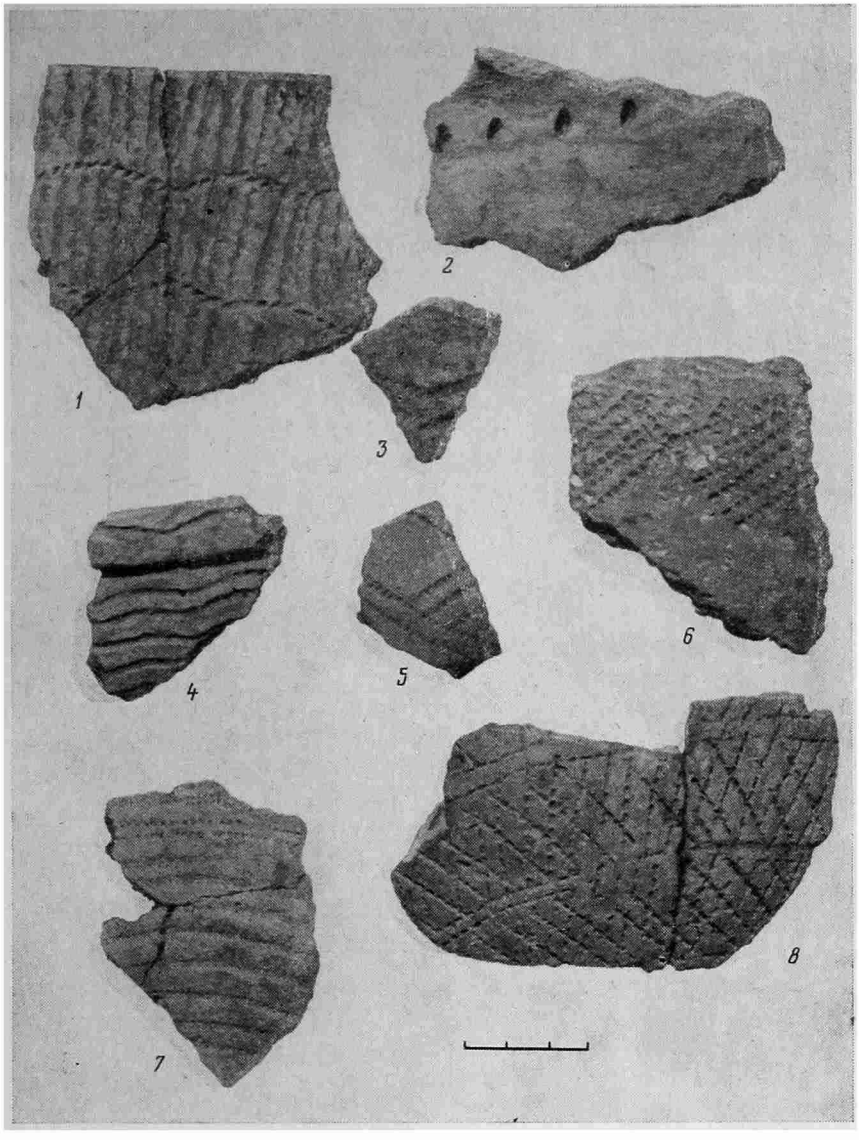


Рис. 3. II Береговая стоянка. Керамика

В 400 м к северу-северо-западу от I Береговой стоянки, где коренной берег торфяника постепенно понижается и лишь изредка вздымается небольшими мысами, обнаружена VI Береговая стоянка (рис. 1, *6*). Находится она на одном из мысов рядом с проселочной дорогой. В обнажениях дороги и при зачистке ее собраны керамика с гребенчатым орнаментом, ножевидные пластинки и отщепы (рис. 6, *1*, *2*). На краю мыса находится впадина диаметром около 4 м (возможно, жилищная). Памятник можно датировать эпохой позднего неолита или раннего металла.

Еще одна стоянка (VII Береговая) выявлена к северо-западу от I Береговой, на соседнем выступе коренного берега (рис. 1, *7*). Здесь в одном из шурфов найдены мелкие фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом (рис. 7, *24*). Предварительно памятник датируется эпохой ранней бронзы.

В 150 м к югу от IV Береговой стоянки расположен небольшой каменистый остров Серый Камень (рис. 1, *10*). Высота острова 6—8 м. Он отстоит от коренного берега на несколько десятков метров и соединяется с ним суходолом. Площадка острова неровная, заметно понижается в сторону коренного берега торфяника. Ее размеры примерно 20×30 м. В 1977—1979 гг. памятник исследовался раскопками, вскрыта площадь 112 м². Получена коллекция 9 тыс. находок. В верхних слоях стоянки обнаружена незначительная примесь материалов эпохи неолита, ранней

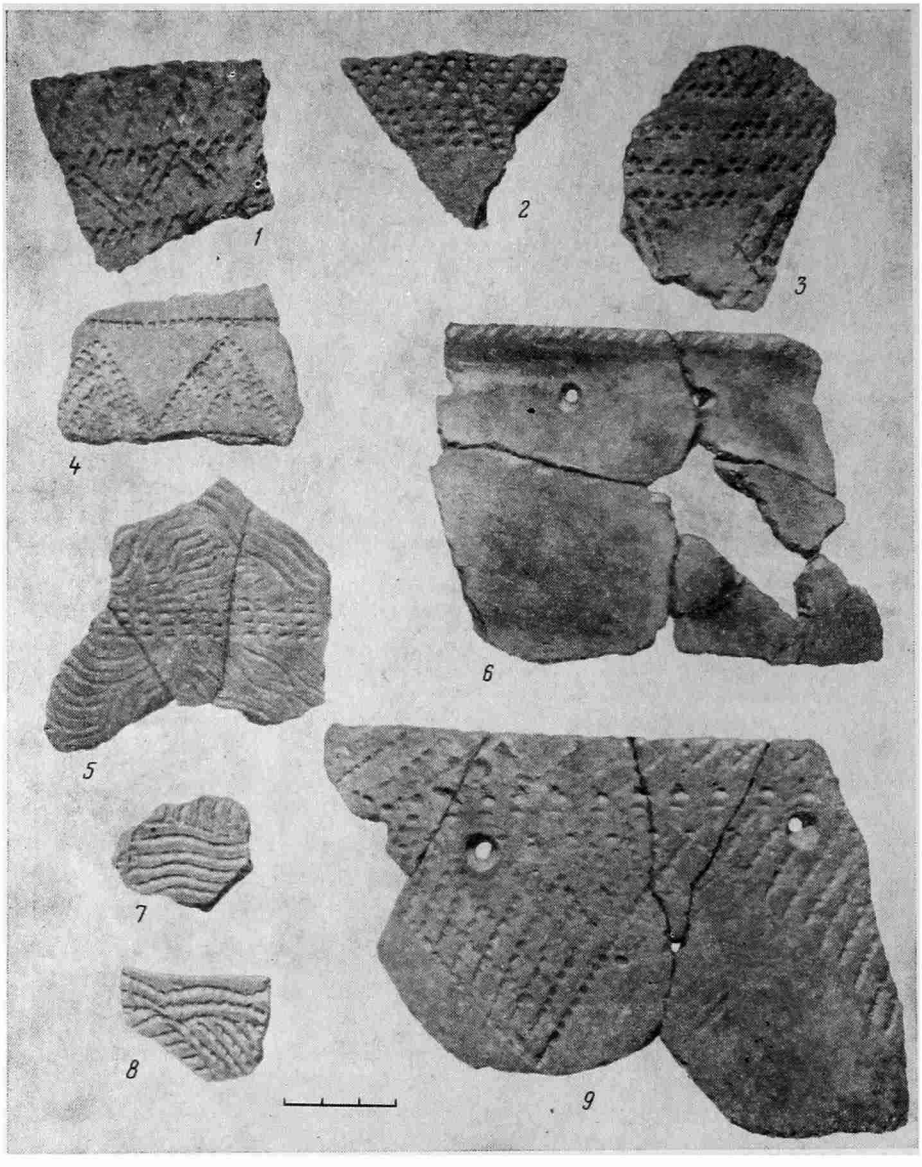


Рис. 4. III Береговая стоянка. Керамика

бронзы и раннего железа. Она представлена 147 фрагментами керамики и отдельными изделиями из камня (наконечниками стрел, скребками, шлифованными орудиями, шлифовальными плитками и чешуйками). Вся остальная масса находок по аналогии с известными мезолитическими памятниками Выйка II, Крутяки I, Исток II датируется эпохой мезолита. Мезолитический комплекс представлен 4 тыс. микропластинок с ретушью и без нее, сотнями резцов, резчиков, скребков и нуклеусов, ребристыми и поперечными сколами, остриями и скошенными остриями, отщепами (рис. 8, *12,* 33). Особо следует упомянуть находку двух трапеций — низких и вытянутых, асимметричной формы. Одна из них изготовлена из светлой яшмы, видимо, южноуральского происхождения (рис. 8, *26*), вторая — из местного материала (алевротуфов порфиритов), выходы которого имеются в нескольких километрах от торфяника, на склонах горы Голый Камень.

Таким образом, стоянка Серый Камень является древнейшим памятником Горбуновского торфяника.

Стратиграфия всех новых памятников на берегу Горбуновского торфяника в целом одинакова. Культурные остатки залегают сразу под гумусом, в слое серого или светло-коричневого суглинка, мощность которого редко превышает 30—35 см. Материком обычно являются плотный суглинок с большой примесью камней, камень-рухляк или скала.

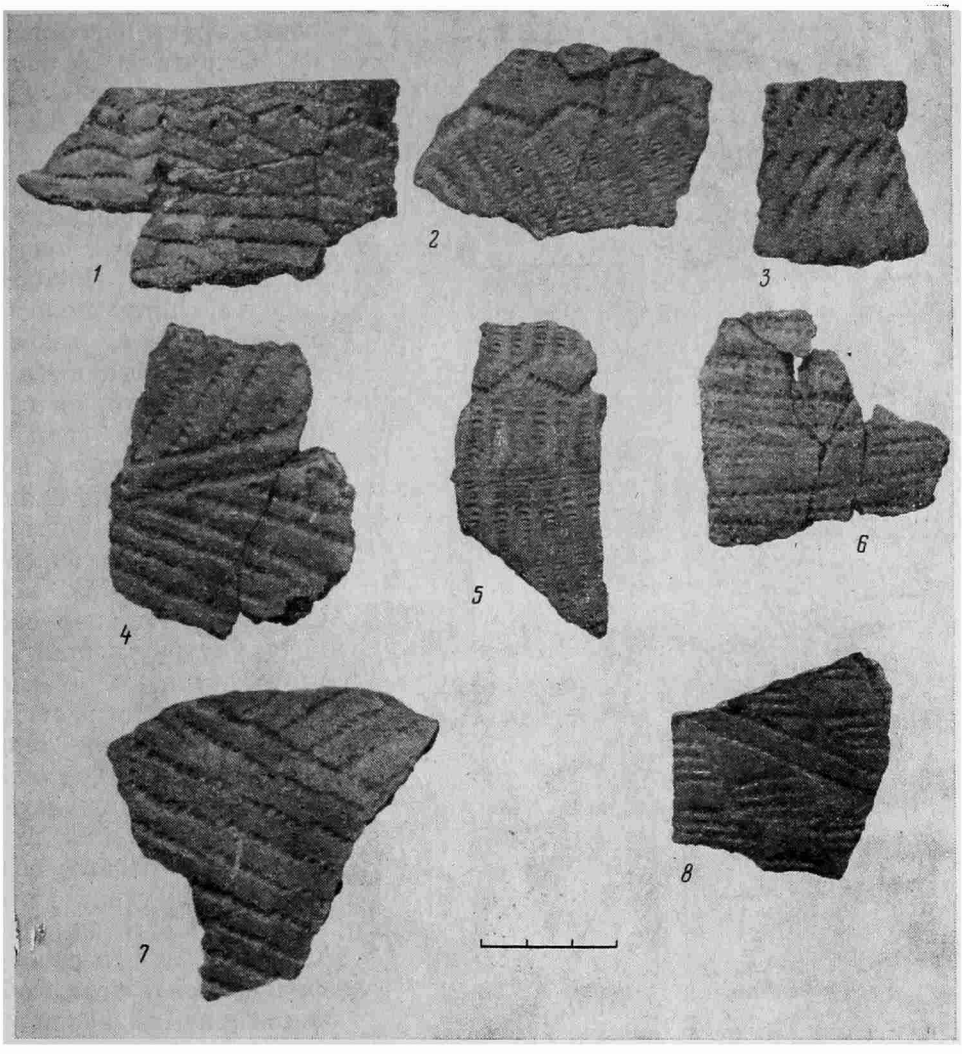


Рис. 5. Стоянка Купол. Керамика

Поиск новых стоянок в торфе также привел к интересным результатам.

В 150 м к югу от линии электропередач, пересекающей торфяник с запада на восток, обнаружена новая стоянка на торфе. Найдена она при обследовании недавно проложенной осушительной канавы. До коренного берега, на котором стоит поселок Чащино, около 3000 м (рис. 1, *16*). При обследовании канавы обнаружена слань из деревьев небольшого диаметра — 5 — 7—10 см. На всех деревьях имеются следы рубки металлическим орудием, на некоторых из них сохранилась кора. Деревья лежали почти перпендикулярно обнажившей их канаве, т. е. слань ориентирована примерно запад — восток. Мощность торфа над сланью достигает 75—80 см. Ближе к слани торф приобретает более темный оттенок. В нем встречаются угольки и стружка. Слань лежит на слое полусгнившей травы толщиной 2—3 см. Видимо, это и есть погребенная почва древнего болота, равнозначная погребенному дерну в других местах. Сразу под погребенным дерном идет сапропель бледно-голубоватого цвета. В сапропеле тоже встречаются кусочки угля, щепки, стружка. Глубина их распространения достигает 12—15 см.

При расчистке участка слани из торфа было извлечено обработанное деревянное изделие. Оно находилось на 5—7 см выше слани. Изделие представляет собой плоскую досочку из расщепленной плахи длиной 15,1, шириной 4,5, толщиной 0,6 см (рис. 9, *3*). Один конец изделия отломан в древности. Возле уцелевшего конца на боковых краях изделия вырезано два углубления, которые расположены друг против друга. Бо-

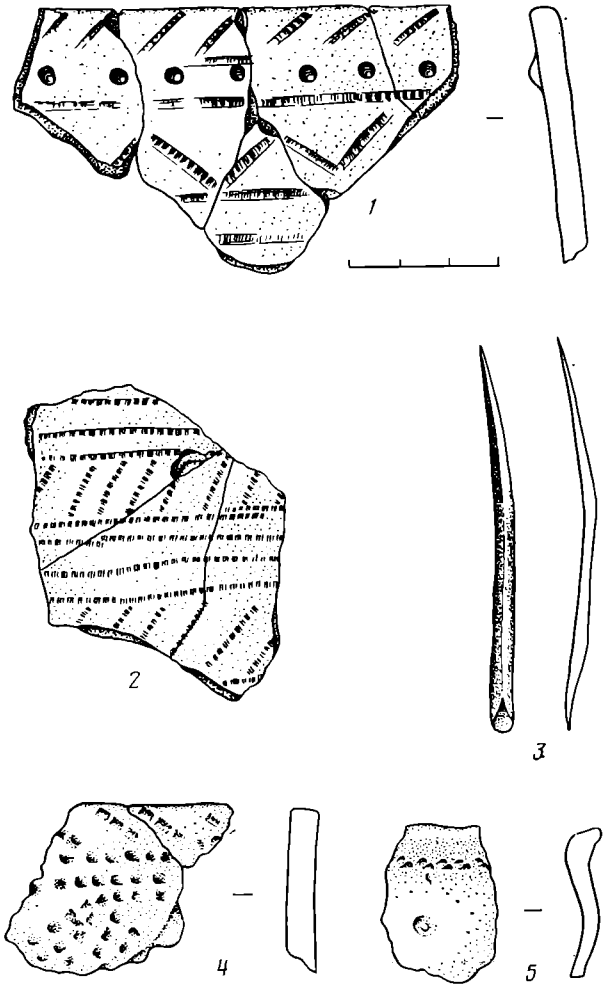


Рис. 6. Керамика и металлическое изделие. *1, 2* — VI Береговая стоянка; *3* — I Береговая стоянка; *4* — IV Береговая стоянка; *5* — V Береговая стоянка

ковые грани изделия слегка обструганы, вследствие чего ширина досочки у места слома несколько сужается и достигает 4,1 см. Изделие обработано металлическим орудием. Аналогий данному предмету мы не знаем. Возможно, изделие применялось в рыбной ловле, возможно являлось частью капкана.

Ниже слани, на глубине 5—7 см, в сапропеле обнаружена птичья кость. Такие же кости найдены и в выбросе канавы при обследовании окрестностей слани. Как можно судить по остаткам сапропеля внутри костей, они также залегали в сапропеле. При осмотре выброса канавы найдены стволы деревьев диаметром от 2 до 7 см со следами затесов, куски обожженной глины (остатки обмазки), обломки древков стрел диаметром до 1,7 и длиной до 70 см (из нескольких фрагментов), угли, обожженные камни, куски обугленного дерева, лопасть весла и фрагмент керамики.

Длина лопасти весла 47,5 при ширине в средней части 9,3 см. Нижний уголок весла отломан (рис. 9, *1*). Рукоятка весла сломана еще в древности у самого начала лопасти. Диаметр рукоятки в месте слома — всего 2,2 см. Узкая и вытянутая форма лопасти весла свидетельствует о его применении на зарастающем водоеме. Именно такие весла были найдены Д. Н. Эдингом при раскопках VI разреза. Поверхность весла тщательно обработана металлическим орудием. Весло было извлечено из куска сапропеля.

Сохранность черепка неважная. На нем сохранились прикипевшие частицы торфа — свидетельство того, что черепок залегал в торфе. Он орнаментирован отпечатками «ложного шнура» (рис. 7, *23*). Орнамент очень разрежен. Такая орнаментация характерна для керамики липчинской культуры (эпоха энеолита).

По этому черепку остатки слани и весь комплекс находок можно датировать эпохой энеолита. Данной датировке соответствует и стратиграфия памятника. Остатки слани, как и в нижнем слое VI разреза, находились на контакте торфа и сапропеля. Новый памятник получил название Дальний разрез.

Возможно, что с этой стоянкой связаны и два других местонахождения древних предметов. Одно из них (Дальний разрез А) находится в 60 м к югу от Дальнего разреза (рис. 1, *15*). Здесь были найдены обломок древка стрелы и сломанная рукоятка весла. Ее длина 44,5, диаметр одного конца 2,3, другого — 3,1 см. Оба конца сломаны в древности. Рукоятка также тщательно отделана металлическим орудием. Судя по приставшим к ней остаткам, она залегала в торфе.

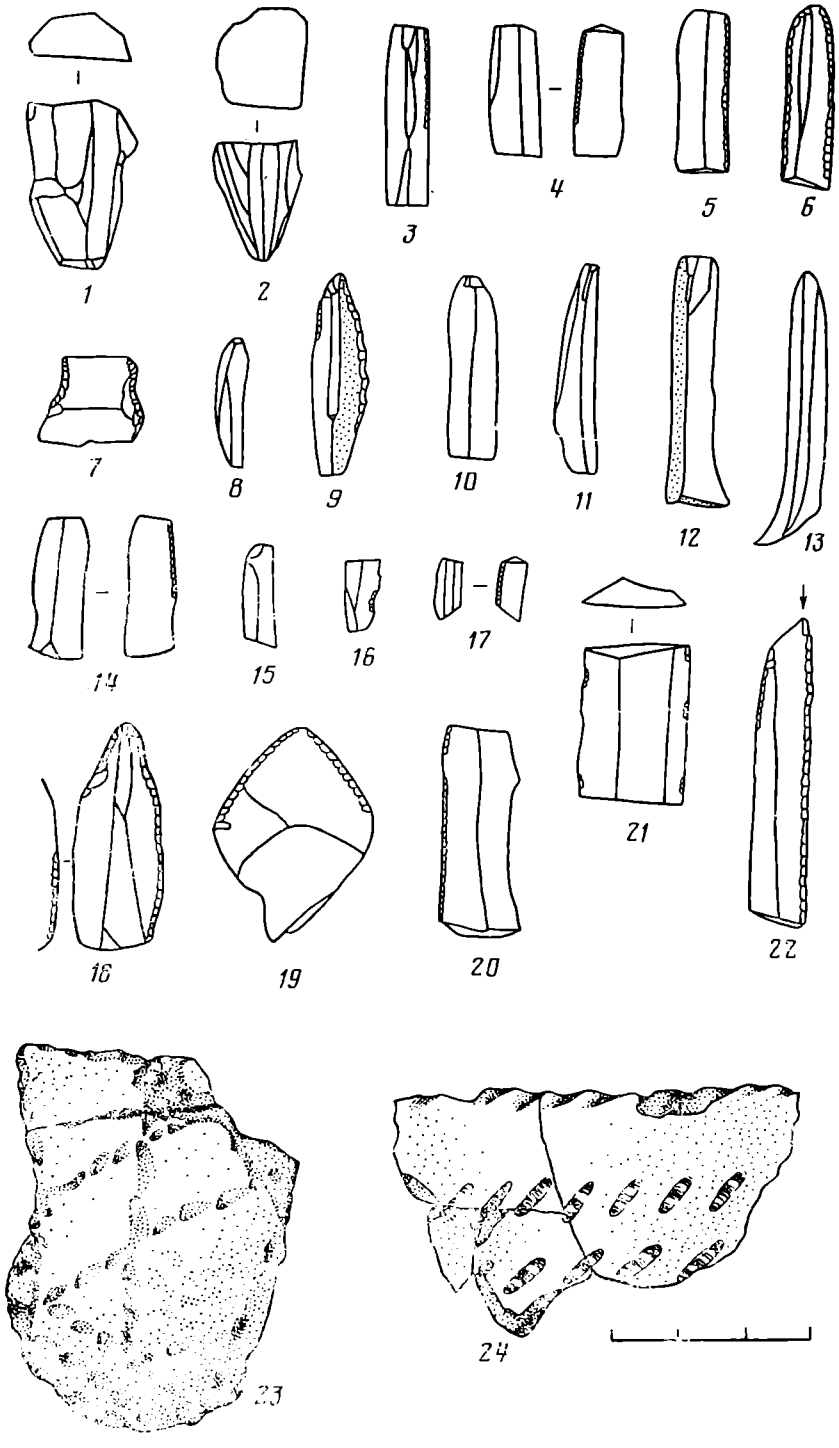


Рис. 7. Каменные изделия и керамика. *1—13* — III Береговая стоянка; *14*, *15* — IV Береговая стоянка; *16*, *17* — V Береговая стоянка; *18—22* — стоянка Купол; *23* — Дальний разрез; *24* — VII Береговая стоянка

Второе местонахождение (Дальний разрез Б) находится в 90—100 м к западу от Дальнего разреза (рис. 1, *17*). Здесь при обследовании выброса торфа из ям были обнаружены срубленные деревца, затесанные колья, куски дерева с затесами, кости. Все найденные предметы, в том числе и кости, очень плохой сохранности. Возможно, это произошло от долгого пребывания находок на открытой поверхности, а возможно, они имеют более древний возраст. Тут же были найдены сломанная рукоятка весла и поплавок из сосновой коры. Рукоятка весла (также плохой со-

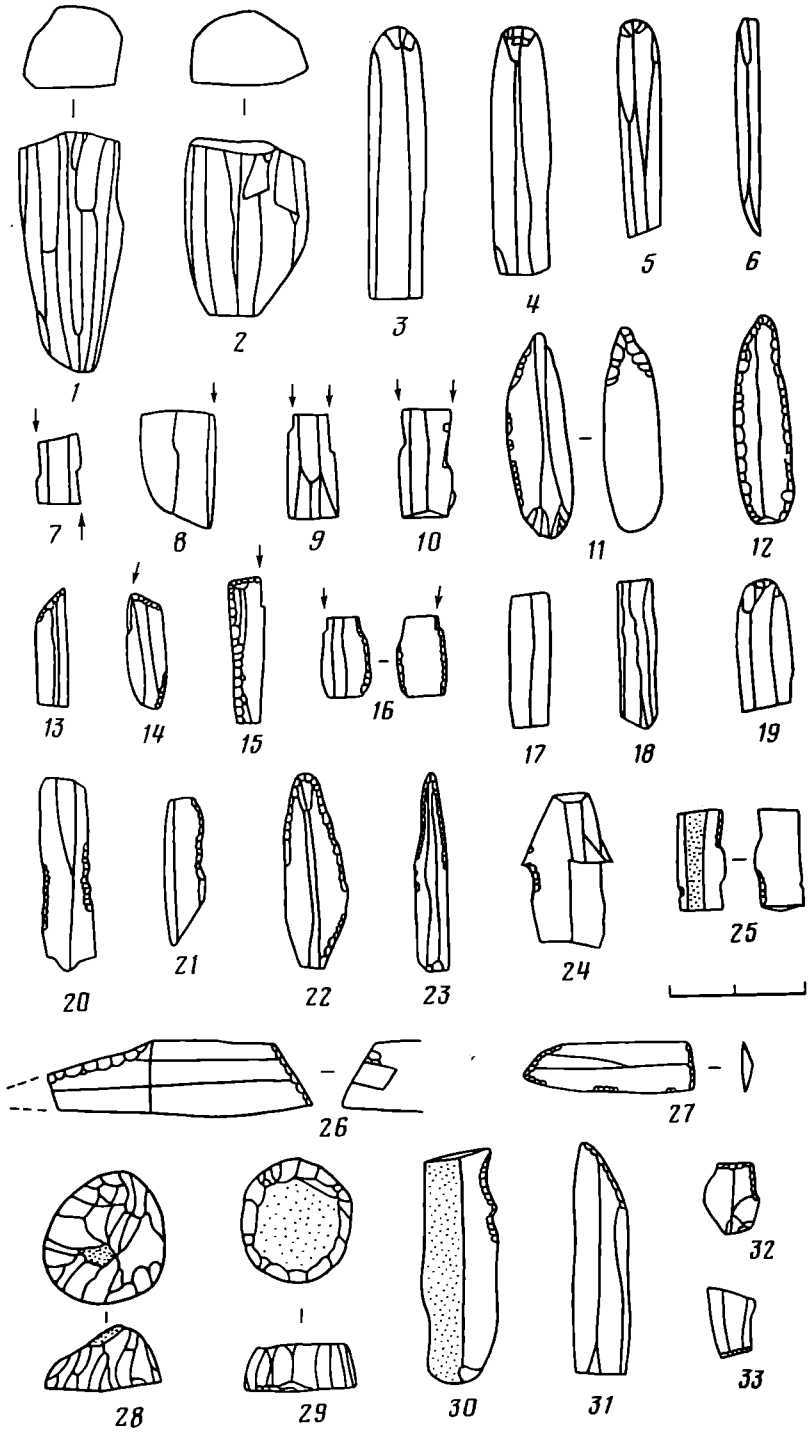


Рис. 8. Стоянка Серый Камень. Каменные изделия

хранности) имеет длину 50,5, диаметр 3,5 см. Верхний ее конец слегка отогнут (рис. 9, *2*). Длина поплавка 16,5, ширина вверху 5,5, внизу — 9,5 см. Толщина его достигает 1,5 см. В верхней, зауженной части поплавка прорезано отверстие диаметром 0,9 см. В. М. Раушенбах отмечает, что такие поплавки из сосновой коры характерны для стоянки Стрелка (развитой неолит) и ни разу не встречены на VI разрезе (энеолит, бронза) [9, с. 15]. Возможно, это обстоятельство необходимо учитывать при датировке данного комплекса.

В 400 м к северу от линии электропередачи при обследовании новой осушительной канавы обнаружено еще одно местонахождение. Здесь,

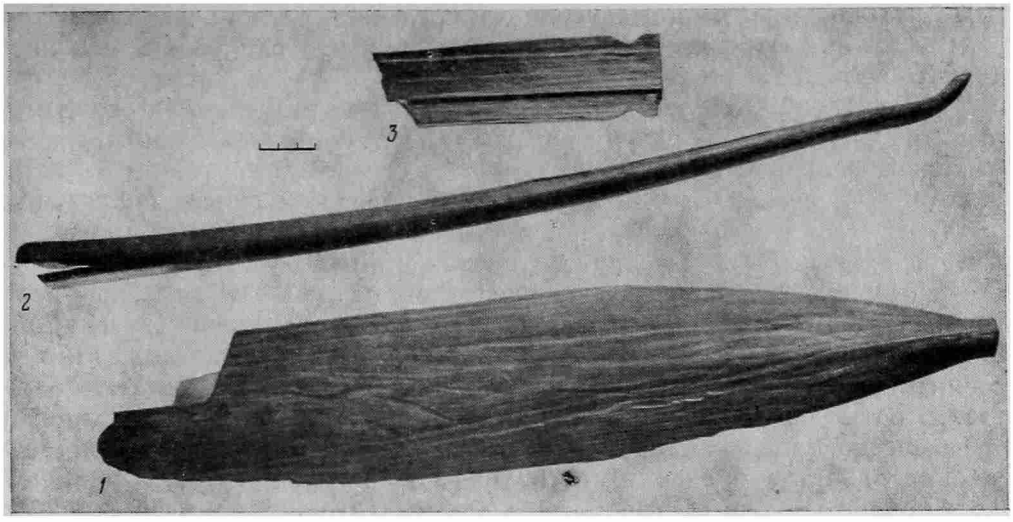


Рис. 9. Стоянка Дальний разрез. Деревянные изделия

в 315 м от канала, найдено четыре деревянных кола, которые были забиты в два ряда. В первом ряду находился один кол, во втором — три кола. Все колья были забиты в сапропель на значительную глубину (до 1,6 м). Поперек кольев на глубине 1,2 м находилось длинное (до 5 м), но довольно тонкое бревнышко, лежавшее горизонтально. По-видимому, перед нами остатки настила. В районе забитых кольев сделаны и другие находки. Прямо на поверхности торфа на разных берегах канавы (в ее выбросе) найдены срубленные деревца диаметром 5—7 см. При разборке борта канавы найден обугленный кусок дерева с затесом.

Стратиграфия канавы: торф идет до глубины 1,5 м, затем идет сапропель зеленоватого и розоватого цветов.

Местонахождение названо Новый разрез (рис. 1, *14*). Вопрос о его датировке остается открытым, поскольку датирующих материалов, в частности керамики, не обнаружено.

Длина кольев оказалась равной 123, 143, 151 и 302 см, диаметр соответственно 12, 13, 10 и 12 см. Все колья были затесаны металлическим орудием с желобчатым лезвием (скорее всего, желобчатым теслом). Затесы довольно длинные, перекрывают друг друга, срезы затесов гладкие. Длина затесанной части у всех кольев около или свыше метра. Самый длинный кол затесан на протяжении 175 см. Интересно отметить, что все колья затесаны только с трех сторон, четвертая оставлена нетронутой.

Все находки представляют собой остатки настила, который шел в древности вдоль заболоченного берега озера. И действительно, при обследовании бортов канавы обнаружены и другие остатки настила, проявляющегося местами в канаве на протяжении около 130 м. На таком расстоянии от Нового разреза в стенке канавы обнаружен еще один кол с характерным затесом с трех сторон. Он лежал в наклонном положении на сапропеле на глубине 80—85 см. При расчистке кола под ним была зафиксирована прослойка (1,5—2 см) полуразложившегося торфа. Длина кола 207, диаметр 7, длина затесанной части 69 см. Верхняя часть кола сломана. Судя по сохранности дерева, кол еще в древности долгое время лежал на поверхности болота: бóльшая его часть находилась в воде — она гладкая, без трещин: меньшая его часть лежала на открытом воздухе — она растрескалась. изъедена древоточцем. Эта же поверхность кола несет следы ударов каким-то орудием. Возможно, кол был использован для настила.

Между колом и четырьмя забитыми кольями в обнажениях канавы еще в 18 местах зафиксированы остатки настила. Эти остатки настила представляют собой жерди или срубленные деревца диаметром от 3 до 8 см, залегающие горизонтально на контакте торфа и сапропеля.

По условиям залегания остатки данного настила, как и Дальний разрез, где слань также лежала на контакте торфа и сапропеля, можно датировать эпохой энеолита.

В 1978 г. на Новом и Дальнем разрезах экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В. Ф. Старкова были проведены небольшие раскопки [6].

В 60 м к северу от Нового разреза проходит недавно проложенная канава для осушения торфяника. В отвале этой канавы обнаружен целый ряд находок, которые идут на протяжении 90—100 м. Здесь найдены поплавок из бересты, обломки древков стрел, колья с затесами, кремневый отщеп. Стоянка получила название Поперечный разрез (рис. 1, *13*).

В нескольких местах Поперечного разреза были сделаны зачистки стенок канавы. Первая зачистка сделана в 45 м от канавы Нового разреза. Стратиграфия зачистки: 0—80 см — торф; 80—90 см — темный слой торфа на контакте с сапропелем; ниже идет мощный слой сапропеля. Находки залегали в слое темного торфа и в верхней части сапропеля. Были найдены куски обугленного дерева (некоторые из них с затесами), срубленные деревца, многочисленные щепки.

Вторая зачистка сделана в 90 м от канавы Нового разреза. Здесь зафиксировано два слоя находок. Находки верхнего горизонта залегают в слое темного торфа, на глубине всего 25—30 см. Найдены куски дерева с затесами, срубленные деревья и обугленные куски дерева. Находки второго горизонта залегают также в слое темного торфа, но на контакте его с сапропелем, на глубине 60—70 см. Среди находок угли, срубленные деревья, куски дерева с затесами, щепки. В верхней части сапропеля найдена обработанная часть какого-то деревянного изделия с прорубленным пазом посередине.

Вопрос о датировке стоянки можно решить предположительно. По условиям залегания (на контакте торфа и сапропеля) нижний слой Поперечного разреза, как Дальний разрез и нижний слой VI разреза, можно датировать эпохой энеолита. Находки верхнего слоя предварительно можно отнести к эпохе бронзы.

Подводя итоги четырехлетним разведкам и раскопкам на Горбуновском торфянике, можно высказать некоторые предположения о характере заселения Горбуновского палеоозера.

Первые поселенцы на берегах озера появились в позднем мезолите (середина — вторая половина V тысячелетия до н. э.). Опорным памятником этого периода являлся Серый Камень. Он представлял собой долговременное поселение площадью около 700 м². Это видно и по количеству находок (раскоп площадью 112 м² дал свыше 9 тыс. находок, концентрация находок достигала 400 на 1 м²), и по наличию на памятнике углубленных в землю жилищ-полуземлянок. С этого поселения в летнее время рыболовы-охотники расселялись по берегам озера. Небольшие мезолитические комплексы выделены на I—VI Береговых стоянках и на Куполе.

Следующий этап заселения Горбуновского озера относится к развитому неолиту (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) и связан с появлением на озере стоянки Стрелка. В небольших количествах материалы этого периода зафиксированы на II и III Береговых стоянках и на Сером Камне.

В эпоху позднего неолита (первая половина III тысячелетия до н. э.) основным памятником Горбуновского озера являлась I Береговая стоянка. Общая ее площадь около 1500 м². Раскопы общей площадью 1275 м² дали свыше 35 тыс. находок, значительная часть которых (43,7%) связана с эпохой позднего неолита. Примесь поздненеолитических материалов известна на Сером Камне, Куполе и II Береговой стоянке. Примерно в это же время на озере существовали и другие памятники — типа Чащихи и, возможно, VI Береговой стоянки.

В эпоху энеолита (вторая половина III тысячелетия до н. э.) начинается заболачивание Горбуновского озера. Где находилось основное поселение этого периода, остается пока не известным. На коренном берегу материалы эпохи энеолита отмечены только на двух стоянках — I и

II Береговых. Зато на торфе открыт такой яркий и выразительный памятник, как VI разрез, нижний слой которого относится к энеолитическому времени. К этому же времени относятся недавно открытые стоянки на торфе — Дальний разрез, Новый разрез и нижний слой Поперечного разреза. Специфика этих новых стоянок на торфе, а также единичные находки в различных точках Горбуновского торфяника позволяют выдвинуть предположение о широкой освоенности заболоченных берегов озера в эпоху энеолита. По всей вероятности, бóльшую часть берега древнего озера опоясывал деревянный настил. Этот настил мог соединять наиболее удобные для рыбной ловли участки заболоченного берега между собой или с коренным берегом. Возможно, использовался он не постоянно, а сезонно, и поэтому подвергался разрушительному действию паводка или прибоя. Вполне вероятно, именно эти причины объясняют немногочисленность находок на новых стоянках и на VI разрезе, а также плохую сохранность выявленных участков слани. Своеобразие топографии обнаруженных на торфе местонахождений с остатками настилов позволяет очертить контур древних берегов Горбуновского озера, что, несомненно, приведет к открытию на торфе новых стоянок и местонахождений.

В раннем бронзовом веке (первая половина II тысячелетия до н. э.) главным поселением на озере продолжала оставаться I Береговая стоянка, 42,3% находок которой относится к этому времени. Она имела несомненную связь со средним слоем VI разреза, характер которого (культовый? производственный?) еще предстоит установить. Материалы этого же времени обнаружены на II—IV и VII Береговых стоянках, Куполе и Сером Камне. Это следы широких сезонных расселений населения по берегам озера в раннем бронзовом веке.

В период развитой бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) численность населения здесь значительно сокращается. Материалы этого времени отмечены только на двух памятниках — I Береговой стоянке и VI разрезе. Количество их незначительно. Причины ухода населения с озера пока не ясны.

Но жизнь на берегах озера сохраняется и в более позднее время. В раннем железном веке (I тысячелетие до н. э.) основным памятником на озере являлась II Береговая стоянка, в комплексе которой широко представлены материалы этого периода. Керамика раннего железного века присутствует на стоянках Купол, Серый Камень, I, V Береговая. Имеется она и на VI разрезе.

Анализируя новые памятники, следует отметить, что жизнь на озере трижды переживала пору расцвета — в эпоху мезолита, позднего неолита и ранней бронзы. Все материалы указывают на то, что в это время здесь находились достаточно продолжительное время значительные группы населения. Отсюда следует, что на берегах озера должны быть оставлены могильники, которые, однако, до сих пор не найдены. Также не обнаружено долговременное поселение эпохи энеолита.

Таким образом, последние исследования Горбуновского торфяника значительно дополнили его археологическую карту, нанеся на нее семь новых береговых стоянок и три стоянки и несколько местонахождений на торфе. Открытие и исследование древнейшего памятника Горбуновского торфяника — Серого Камня — позволило отодвинуть дату начала обитания на озере до времени позднего мезолита. Изучение материалов как давно исследованных, так и недавно открытых памятников дало возможность шире взглянуть на периодизацию стоянок Горбуновского торфяника. По количеству памятников, их изученности и находкам Горбуновский торфяник уникален в археологии Урала. Проведенные исследования показывают перспективность работ по выявлению новых памятников на берегах и на торфе Горбуновского торфяника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клер М. О.* Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижнетагильского завода.— Записки УОЛЕ, 1909, вып. 29.
2. *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала.— Тр. ГИМ, 1940, вып. X.

3. *Бадер О. Н.* Археологические памятники Тагильского края.— Уч. зап. ПГУ, 1953, т. VIII, вып. 2.
4. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
5. *Раушенбах В. М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
6. *Старков В. Ф., Хотинский Н. А., Алексашенко А. А., Калинина И. В.* Раскопки на Горбуновском торфянике.— АО — 1978. М., 1979.
7. *Сериков Ю. Б., Халяев П. К.* Разведки в Среднем Зауралье.— АО — 1976. М., 1977.
8. *Арефьев В. А., Сериков Ю. Б., Халяев П. К.* Разведки в Среднем Зауралье.— АО — 1978. М., 1979.
9. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М.: Госкультпросветиздат, 1956.
10. *Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
11. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
12. *Кипарисова Н. П.* Новые данные об археологических памятниках Тагильского края.— Уч. зап. ПГУ, 1956, т. XI, вып. 3.
13. *Брюсов А. Я.* Уральская археологическая экспедиция.— КСИИМК, 1951, вып. XXXII.

Yu. B. Serikov

NEW SITES ON THE GORBUNOVO PEATBOG

Summary

The first explorations of the Gorbunovo peatbog were conducted back in prerevolutionary period However, only after the revolution did the unique local sites receive due attention. In the last four years Moscow and Tagil archaeologists have discovered here ten new sites — seven on shore of the peatery and another three on the bog itself. The discovery and exploration of the earliest site of the Gorbunovo peatbog — Sery Kamen — has shown that the lake actually began to be settled in the late Mesolithic period. The newly obtained materials have made it possible to take a broader view of the periodization of the Gorbunovo peatbog sites. The explorations of recent years point to the promise of the research aimed at discovering new sites located on and around the Gorbunovo moor.

ГОРЕЛИК А. Ф.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СТОЯНКИ ЗИМОВНИКИ I В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

В Северо-Восточном Приазовье до последнего времени сколько-нибудь широких стационарных исследований мезолитических стоянок практически не проводилось. Прежде всего это объясняется тем, что в условиях степи в результате распашки, эрозии почв, делювиальных процессов, деятельности землеройных животных вероятность выявления памятника с сохранившимся в первоначальном залегании культурным слоем, тем более мезолитического возраста, чрезвычайно мала и в Северо-Восточном Приазовье таких прецедентов не было.

Вместе с тем значимость данного региона для изучения как мезолита степной зоны в целом, так и для уяснения контактов мезолитической культуры южнорусских степей с лесостепным мезолитом, с одной стороны, и мезолитом Кавказа — с другой, очень важна.

Стоянка Зимовники I была открыта в 1973 г. автором и А. А. Кротовой у хут. Зимовники Свердловского р-на Ворошиловградской обл. [1, с. 73, 74]. В 1974 г. была произведена шурфовка памятника, а в 1979—1980 гг. экспедицией Ворошиловградского краеведческого музея под руководством автора здесь были заложены три раскопа [2, с. 264]. Общая площадь раскопов вместе с шурфами достигает 280 м². В окрестностях стоянки выявлены четыре мелких местонахождения.

Стоянка расположена на северном склоне Донецкого кряжа, у юго-западных границ известного Провальского заповедника целинной степи, в верховьях небольшой р. Провалье бассейна Северского Донца, на оконечности продолговатого мыса площадью 100×120 м² и высотой 10 м, образованного впадением слева небольшой балки в р. Провалье (рис. 1). В основании мыса лежат глинистые сланцы, чередующиеся с выходами песчаника, прикрытые нерасчлененными бурыми делювиальными суглинками, которые, по мнению геолога П. И. Луцкого, можно сопоставить с причерноморским горизонтом, являющимся наиболее поздним в лёссовой формации Украины [3] и затем среднесмытым целинным черноземом [1].

Центральная часть памятника разрушена котлованом площадью 40×80 м, глубиной до 1,5 м, образованным при выборке с помощью бульдозера грунта для насыпания плотины через речку. К югу от котлована, у его края, был заложен раскоп 1 и бóльшая часть шурфов, к северу от котлована на стрелке мыса — раскопы 2 и 3 (рис. 1).

Раскоп 1, площадью 120 м², имел следующую стратиграфию (в м): верхний слой — чернозем целинный комковато-зернистый — до 0,5; подпочва — суглинок гумусированный, высококарбонатный — до 0,15; суглинок темно-бурый, тяжелый, комковато-трещиноватый со слабовыраженной белоглазкой — до 0,4. Характерна изрезанность всех слоев ходами землеройных животных.

В раскопе выделены два горизонта распространения культурных остатков. Первый из них отмечен неправильным полукольцом из песчаниковых плит радиусом около 3 м, расположенным в черноземе на уровне 0,3—0,5 м в восточной части раскопа. Размеры плит — от 0,4×0,2×

[1] Пользуясь случаем приносим искреннюю благодарность доценту Ворошиловградского пединститута П. И. Луцкому за помощь и консультации при решении геостратиграфических вопросов.

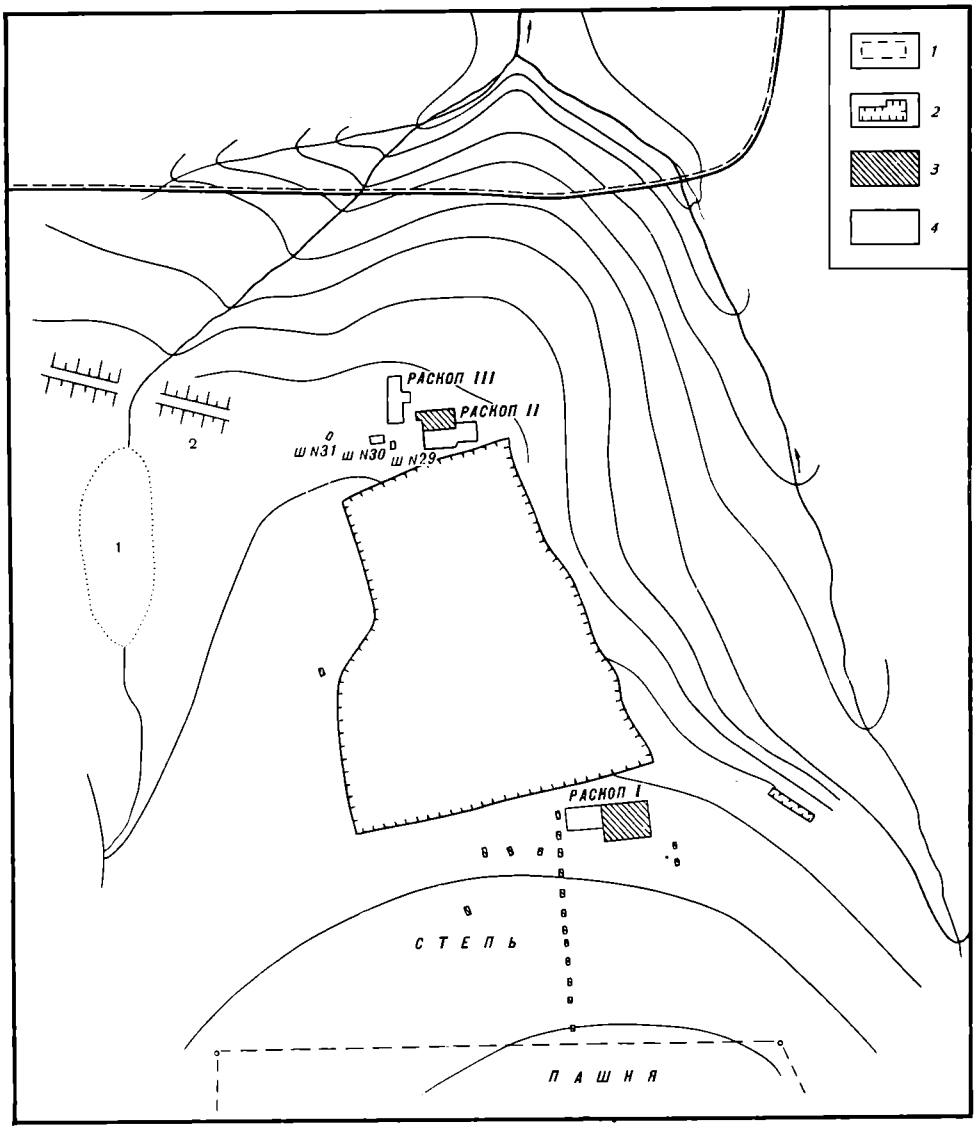


Рис. 1. План стоянки Зимовники I: *1* — заболоченность; *2* — котлован; *3* — раскопы, шурфы 1979 г.; *4* — раскопы, шурфы 1980 г.

×0,05 м до 0,2×0,1×0,02 м. Наброска камней преимущественно однорядная, в нескольких случаях двухрядная. Плиты лежали в горизонтальном положении. Отдельные камни встречались за пределами полукольца.

Выявлено три скопления камней, которые сопровождались находками керамики. На этом же уровне, но уже без камней, керамика была встречена в западной части раскопа. Найдено более 40 мелких фрагментов керамики. В местах скоплений камней керамика — лепная, пористая с выветренной поверхностью и примесью шамота, песка и травы в тесте. Поверхность черепков изнутри и снаружи оранжевого цвета обжига, а в изломе черного цвета. Найдено несколько венчиков сосудов с бортиком, резко переходящим в треугольный оттянутый валик, орнаментированный ногтевыми вдавлениями (рис. 2, *1*) Тулово сосудов было, очевидно, выпуклобоким. Керамика, встреченная в западной части раскопа, напоминает по многим признакам уже описанную. Она отличается большей толстостенностью, внутренняя поверхность черепка черного цвета. Представлена исключительно неорнаментированными фрагментами стенок сосудов. На этом же уровне были встречены мелкие фрагменты костей животных, а в северо-восточном углу раскопа вне кольца камней — пятно кострища подпрямоугольных очертаний.

Наиболее многочисленная категория находок в первом культурном горизонте — кремневые изделия. Они распространены довольно равно-

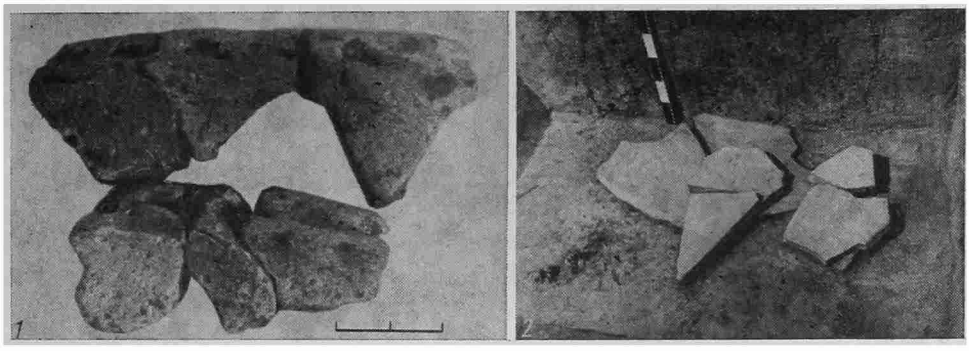


Рис. 2. *1* — керамика из раскопа 1; *2* — скопление плит песчаника в раскопе

мерно по площади раскопа, в несколько большей степени сконцентрированы в центральной его части. Керамика, найденная в раскопе 1, очень своеобразна и точных аналогий практически не имеет. Некоторые особенности технологии изготовления, характер орнаментации могут служить основанием для отнесения ее к эпохе позднего неолита — энеолиту, т. е. времени, когда в отдельных неоэнеолитических культурах встречаются элементы микролитической кремневой индустрии [4, 5]. В первом культурном горизонте была обнаружена классическая микролитическая индустрия с трапециями и сегментами. Однако абсолютно аналогичный инвентарь был получен и в нижележащем, втором горизонте, который, судя по уровню залегания находок, располагался в нижней части чернозема и подпочве на глубине 0,4—0,7 м от поверхности. Во втором горизонте керамики встречено не было, кремневых изделий было больше, среди них попадались кремни, находившиеся в горизонтальном положении. Таким образом, вполне вероятно, что кремни из первого горизонта (или бóльшая часть из них) переотложены из второго горизонта.

Комплекс, полученный в раскопе 1 и прилегающих шурфах, насчитывает 1576 предметов, изготовленных из желвачного светло-серого с крупными слабоокремненными включениями мергеля кампанского кремня и туронского галечного кремня темно-серого цвета, переотложенного палеогеновой трансгрессией. Бóльшая часть кремней покрыта легкой голубоватой патиной, несколько изделий имеют следы пребывания в огне.

Технику расщепления кремня характеризуют показатели, отраженные в табл. 1.

Нуклеусы из комплекса в раскопе 1 отличаются сильной сработанностью и единообразием размеров. Длина их 2—3 см, ширина 1—2 см. Характерно раскалывание нуклеусов не с одной стороны, а по всей окружности. С трех нуклеусов скалывали пластинки, с остальных— отщепы. Наиболее значительной группой представлены двуплощадные нуклеусы призматических очертаний с противолежащими ударными площадками (рис. 3, *40*). Среди них пять нуклеусов имеют одну площадку, основную, которая подправлена фасетками подживляющих сколов и находится чаще всего под прямым углом к плоскости скалывания, и вторую, вспомогательную, которая использовалась, очевидно, для придания нуклеусу технически целесообразной формы. Остальные пять нуклеусов использовались для получения заготовок при встречном скалывании с

Таблица 1

Категории	Количество	%	Категории	Количество	%
Неиспользованное сырье	1	—	Ребристые сколы	40	3
Нуклеусы	17	1	Пластинки	286	18
Нуклевидные обломки	5	—	Отщепы	534	34
Поперечные сколы с нуклеусов	8	—	Осколки, обломки	538	34
Продольные сколы нуклеусов	6	—	Орудия	135	9

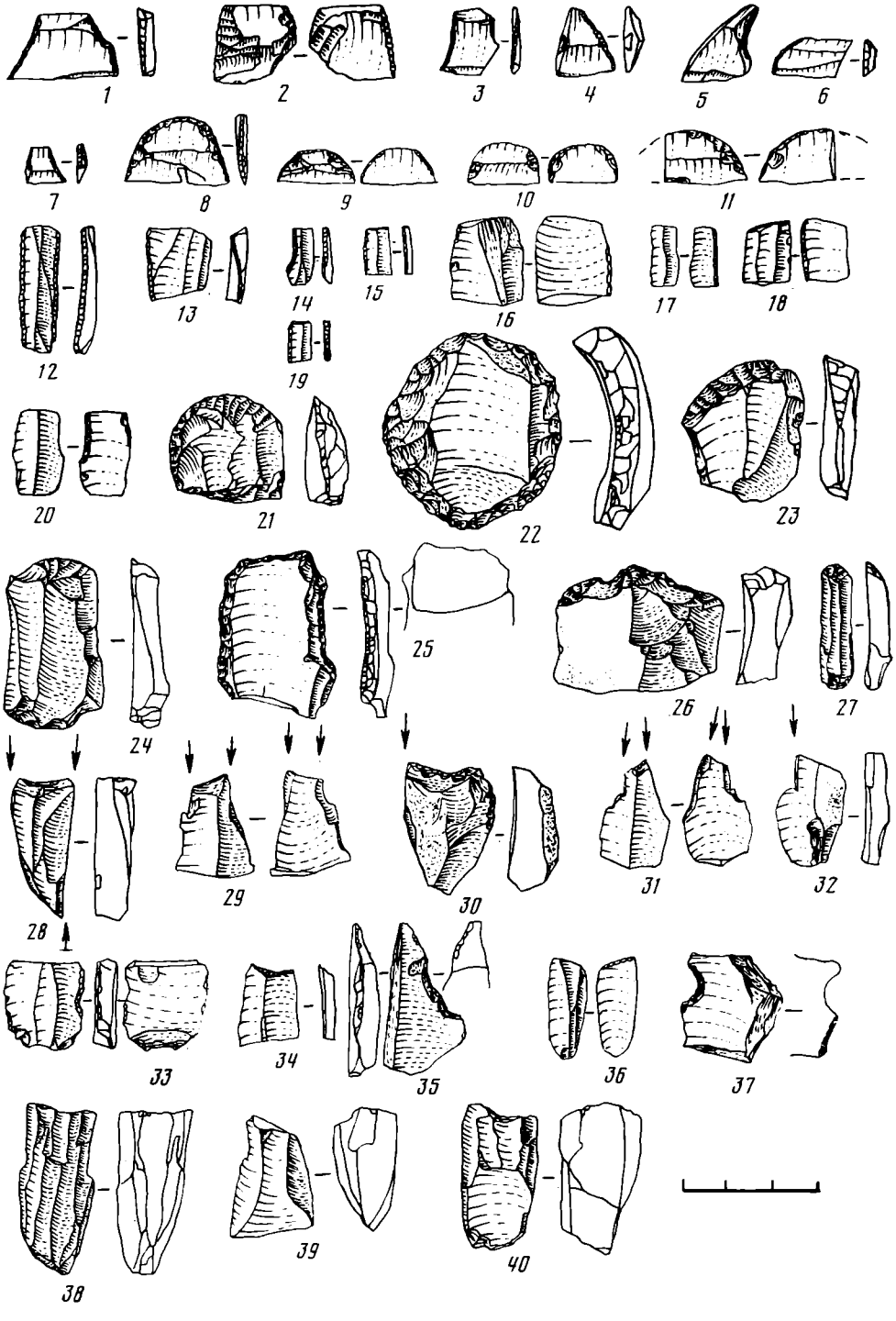


Рис. 3. Комплекс кремневых изделий из раскопа 1

обеих площадок, которые скошены в тыльную часть нуклеуса и также имеют следы подправок.

Одноплощадочные нуклеусы клиновидной формы учтены в количестве 6 экз. Среди них один прямоплощадочный, остальные — косоплощадочные (рис. 3, *39*). При оформлении нужного угла ударной площадки использовались сколы подживления. Одноплощадочные нуклеусы отличает сильная сработанность. Не исключено, что часть из них представляет нуклеус, типологически близкий к карандашевидному (рис. 3, *38*).

Обилие двуплощадочных нуклеусов с противолежащими ударными площадками, очевидно, указывает на распространенность контрударного способа расщепления, который, как показывают наши эксперименты,

эффективен для раскалывания галек и желваков небольшого размера и оставляет после себя аналогичные следы сработанности на нуклеусах.

Поперечные, продольные, ребристые сколы с нуклеусов мало чем дополняют характеристику последних, хотя и являются еще одним подтверждением факта раскалывания нуклеусов на территории стоянки.

В комплексе раскопа 1 наиболее значительна доля отщепов и осколков без вторичной обработки, которые служили заготовками для орудий, могли употребляться без вторичной обработки и в то же время бóльшая часть из них была отходами производства. Величина отщепов также свидетельствует о скудности сырья: 60% отщепов имеют диаметр меньше или равный 1 см; 35% — 1—3 см и лишь 5% — больше 3 см. Индекс отщепов и осколков с коркой относительно их общего числа невелик (10%) — свидетельство того, что первичная отеска желваков и галек могла частично проводиться вне стоянки.

Пластинки использовались в качестве заготовок для орудий и самостоятельно без вторичной обработки, о чем говорят выщербины, зазубренность, заполированность на краях. Доминируют среднешироκие пластинки (ширина 0,7—1,5 см), составляющие 72% от общего их числа. В категории пластинок учтены целые пластинки (15%), сечения пластинок (39%), их проксимальные (31%) и дистальные (14%) сегменты [6]. Сечения пластин имеют правильную форму и четкое огранение. На уголках некоторых сечений прослеживаются фасетки ретуши, что указывает на прием членения пластины с помощью встречных выемок. Многочисленны короткие сечения с соотношением ширины к длине 1 : 1—0,7 (53%), в меньшей мере использовались сечения с пропорциями 1 : 2 (21%), 1 : 1,5 (18%) и 1 : 3 (8%).

Целые пластинки имеют неправильные очертания, часто с высокой ребристой спинкой и изогнутым профилем. Представляется, что бóльшая часть из них была выбракована из-за непригодности к расчленению на сечения, на изготовление которых, а также проксимальных сегментов нацелена технология подготовки пластин к производственным кондициям. Дистальные сегменты, судя по их малочисленности, представляют собой отходы, получаемые в процессе расчленения пластин.

Изделия со вторичной обработкой из пластинок (52%), отщепов и осколков (48%).

Наиболее многочисленна группа резцов (32 экз.), которая представлена типологически устойчивыми сериями изделий. Показательна серия боковых резцов (18 экз.). Она распадается на два подтипа: резцов боковых выемчато-ретушных одинарных (10 экз.) и резцов боковых выемчато-ретушных двойных (8 экз.). Для изготовления резцов первого подтипа использованы отщепы, осколки и только в двух случаях пластинки. Конец заготовки оформлен мелкой, притупливающей, порой очень маловыразительной ретушью, образующей выемку (рис. 3, *30*). Резцовый скол, иногда довольно широкий, опускается либо не ниже половины длины заготовки (5 экз.), либо снимает почти весь край заготовки (5 экз.). Встречены комбинированные с боковым резцом орудия — срединный резец и скобель на отщепе.

Резцы второго подтипа изготовлены либо на нуклевидных обломках (рис. 3, *28*), либо на толстых, массивных отщепах (рис. 3, *29*, *31*). Общим для них является оформление седловины — перемычки между двумя резцовыми сколами ступенчатой или мелкой притупливающей ретушью. Широкими резцовыми сколами, опущенными с одного конца заготовки (6 экз.) или с противоположных (2 экз.), снимался весь край заготовки. Функциональное назначение резцов этого подтипа не совсем ясно. Широкая режущая кромка резца вряд ли была эффективна в работе. Не исключено, что рабочей частью служила перемычка между резцовыми сколами, выполняющая, очевидно, функцию скобеля. Резцовые же сколы притупливали края заготовки.

Выразительна серия резцов на углу сломанной пластинки (9 экз.), оформленных либо коротким, либо более длинным тонким резцовым сколом. В качестве заготовки здесь в одном случае использована целая

пластинка, в пяти — сечение пластинки и в трех — проксимальные сегменты (рис. 3, *32*). В малом количестве выявлены угловые резцы на отщепах (3 экз.), один из которых изготовлен с помощью перпендикулярно направленных резцовых сколов, и срединные резцы на отщепах (2 экз.).

На втором месте по численности группа пластинок с краевой ретушью (29 экз.). Их можно разделить на два типа: пластинки с ретушью, нанесенной по одному краю (19 экз.), и пластинки с ретушью, нанесенной по двум краям (10 экз.). Среди изделий первого типа по характеру заготовки и типу ретуши выделяются: пластинки целые и их проксимальные сегменты, обработанные по краю фрагментарной, невыразительной ретушью со спинки или с брюшка — 5 экз.; сечения микропластинок, обработанные крутой ретушью по краю, преимущественно со спинки,— 6 экз. (рис. 3, *15*, *17*, *19*); сечения пластин, обработанные полукрутой ретушью со спинки,— 8 экз. (рис. 3, *13*); проксимальный сегмент пластинки с частично обработанным крутой ретушью краем, напоминающий ножи типа Ргани (рис. 3, *14*).

Изделия второго типа включают: пластинки и сечения, обработанные крутой притупляющей ретушью со спинки,— 3 экз. (рис. 3, *12*); пластинки и сечения, обработанные фрагментарной полукрутой, иногда выемчатой ретушью,— 7 экз. (рис. 3, *20*, *33*). Выделяется одно изделие этого типа, на конце которого оформлено орудие типа piece ecaillee (рис. 3, *33*).

Значительной группой представлены скребки (16 экз.). Они не образуют сколько-нибудь типологически выдержанных серий. Наиболее многочисленны скребки концевые выпуклолезвийные на отщепах (6 экз.). Скребки этого типа обработаны крутой или полукрутой крупнофасеточной ретушью (рис. 3, *23*, *26*). Один скребок имеет скошенный рабочий край (рис. 3, *23*). В двух случаях в качестве заготовки использованы первичные отщепы.

Полукруглых скребков на отщепах — 3 экз. Они обработаны полукрутой выразительной ретушью по большей части периметра (рис. 3, *21*). К этому типу примыкает округлый скребок на отщепе, оформленный крутой, порой занозистой ретушью по всему периметру, с брюшком, подтесанным плоскими сколами (рис. 3, *22*).

Скребки пластинчатые концевые представлены 2 экз. Особенно интересен концевой скребок на узкой пластинке, обработанный удлиненными, пологими фасетками ретуши (рис. 3, *27*).

Среди типов скребков, отмеченных единичными экземплярами,— скребок на отщепе подпрямоугольных очертаний, обработанный по трем сторонам крутой скребковой ретушью и подтесанный в концевой части с брюшка широким сколом (рис. 3, *25*); скребок двойной концевой выпуклолезвийный на пластинчатом отщепе (рис. 3, *24*); скребок на овальном первичном отщепе, обработанный на $^4/_5$ периметра крутой ретушью; скребок боковой, оформленный полукруглой ретушью с брюшка.

Большой интерес представляет рассмотрение группы геометрических микролитов (17 экз.). Среди них 12 трапеций, 4 сегмента и 1 ромб. Трапеции по соотношению высоты (h) к длине нижнего основания (L) подразделяются на высокие ($h \geqslant L$) — 6 экз.; длинные $\left(h \leqslant \frac{L}{2}\right)$ — 3 экз. и средневысокие $\left(L > h > \frac{L}{2}\right)$ — 3 экз. В числе высоких — одна трапеция, асимметричных очертаний с вогнутыми боковыми сторонами, изготовлена на отщепе. Остальные трапеции этого типа изготовлены на пластинках. Четыре из них имеют симметричные контуры (рис. 3, *3*, *4*, *7*) и в двух случаях вогнутые боковые стороны, одна — асимметричные с вогнутой боковой стороной. Примечательны миниатюрные размеры некоторых трапеций этого типа (рис. 3, *7*). У 3 экз. обломлена либо боковая сторона, либо угол, который она образует с нижним основанием.

Длинные трапеции имеют симметричные очертания. Две из них, с обломленными боковыми сторонами, можно отнести к промежуточному типу сегментовидной трапеции (рис. 3, *6*).

Средневысокие трапеции симметричны. Два экземпляра обломлены, у третьей трапеции сколота кромка нижнего основания (рис. 3, *1*). Выделяется средневысокая трапеция, обработанная плоской сострогивающей ретушью со спинки и с брюшка, а также полукрутой ретушью — по боковым сторонам (рис. 3, *2*). Эта трапеция была обнаружена в шурфе и может выпадать из комплекса, в котором все остальные трапеции обработаны крутой притупляющей ретушью по боковым сторонам.

Сегменты в комплексе имеют симметричные очертания. Они подразделяются на средневысокие (2 экз.) и низкие (2 экз.). Три сегмента имеют спинку с намечающимся подстругиванием плоской ретушью и двусторонним ретушированием участков дуги (рис. 3, *9*, *10*, *11*). Один сегмент обработан полукрутой ретушью по всей дуге (рис. 3, *8*).

В инвентаре комплекса из раскопа 1 отмечена своеобразная группа сечений пластинок с ратушированной концевой выемкой, служивших, очевидно, в качестве скобелей — 3 экз. (рис. 3, *34*).

Многочисленной группой представлены отщепы с ретушью (34 экз.). Среди них можно выделить отщепы, обработанные выразительной ретушью, как заостряющей, так и притупляющей, напоминающей скребковую (10 экз.), отщепы с ретушированными выемками (12 экз.; рис. 3, *37*), отщепы и осколки с фрагментарной ретушью (8 экз.), осколки орудий (4 экз.).

В единственном числе в коллекции из раскопа 1 учтены: сверло, сформованное на осколке противолежащей ретушью (рис. 3, *35*), пластинка со скошенным мелкой ретушью с брюшка концом (рис. 3, *36*), скребловидное орудие на массивном отщепе, обработанном крупными сколами по краю, микрорезец и пластинка со скошенным ретушью концом со спинки и обработанным полукрутой ретушью с брюшка краем (рис. 3, *18*).

Приведенный анализ материалов комплекса из раскопа 1 позволяет сделать следующие выводы. 1. Изучаемый памятник представляет собой остатки базового лагеря мезолитических поселенцев [2]. В пользу этого свидетельствует значительное количество находок, структура комплекса, равномерно отражающая все этапы производства кремневых орудий труда, очевидные следы использования последних. Находки фрагментов костей животных, раковин Unio делает такой вывод более достоверным. 2. Техника расщепления кремня в комплексе ориентирована на получение как отщепа, так и пластины. Для этой цели преимущественно использовались призматические двуплощадочные нуклеусы со встречным направлением скалывания, в меньшей мере клиновидные одноплощадочные нуклеусы. Пластинчатая индустрия нацелена прежде всего на получение сечений подквадратных пропорций и проксимальных сегментов. 3. Среди изделий со вторичной обработкой превалируют резцы, отщепы с ретушью, пластинки с краевой ретушью, геометрические микролиты и скребки. Особенно показательными для комплекса типами орудий являются; боковые выемчато-ретушные резцы, двойные и одинарные, микропластинки с притупленным ретушью краем, скребки концевые, выпуклолезвийные и подокруглые на отщепах, трапеции высокие, симметричные и асимметричные, в том числе с вогнутыми боковыми сторонами миниатюрных размеров, трапеции длинные, симметричные сегментовидные, сегменты с намечающимся подстругиванием спинки и двусторонней обработкой участков дуги полукрутой ретушью.

Раскоп 2, площадью 78 м^2, имел следующую стратиграфию (в м): чернозем целинный зернистый — 0,15—0,2; чернозем комковато-зернистый — 0,3; подпочва-суглинок гумусированный высококарбонатный — 0,1; суглинок темно-бурый, тяжелый, комковато-трещиноватый со слабовыраженной белоглазкой — 0,3 (рис. 4).

---

[2] Под базовым лагерем эпохи мезолита мы понимаем остатки относительно долговременного поселения людей со следами разнообразных форм человеческой деятельности вообще и производственной в частности.

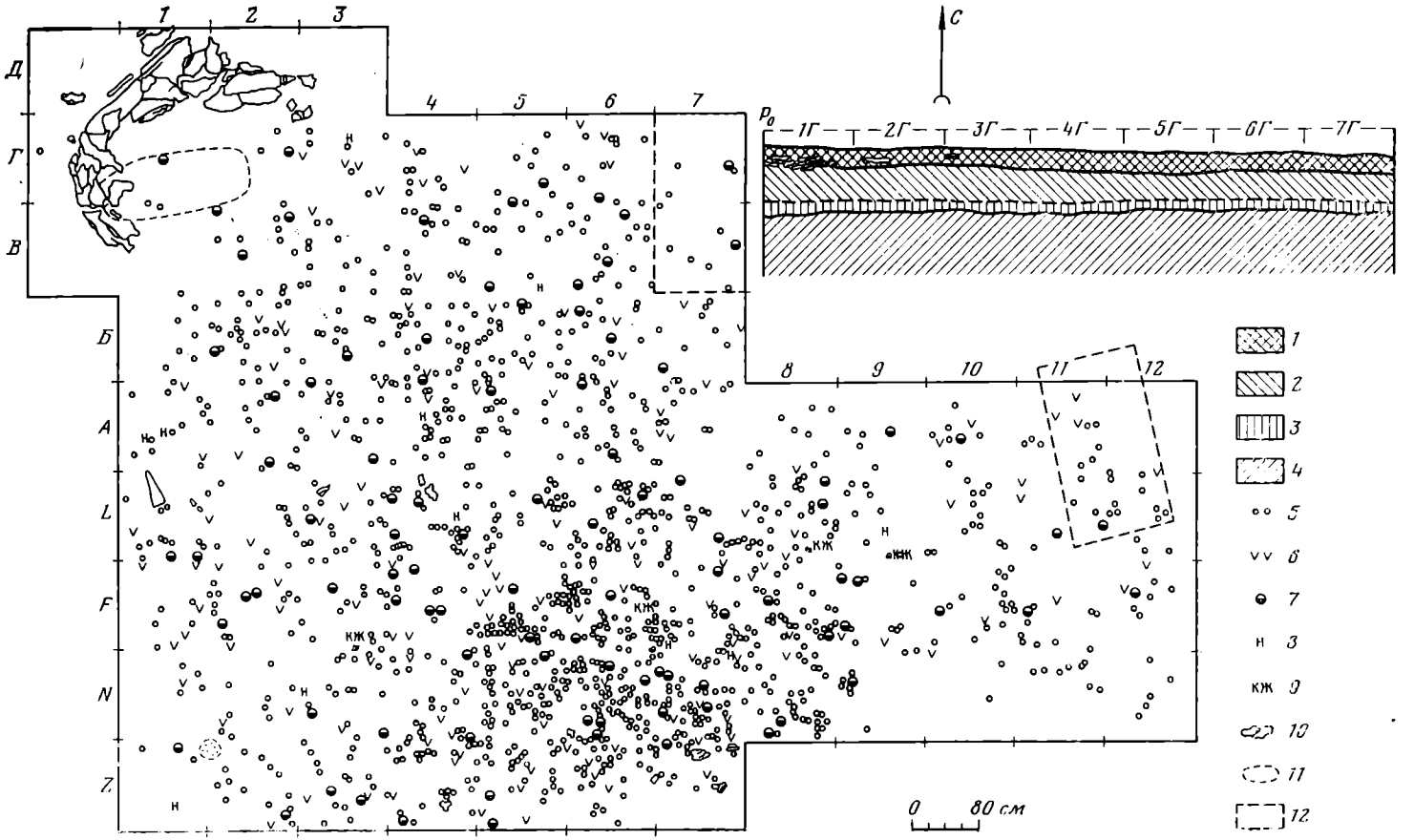


Рис. 4. План и разрез раскопа 2: *1* — чернозем; *2* — суглинок гумусированный; *3* — подпочва; *4* — суглинок бурый; *5* — отщепы; *6* — пластинки; *7* — орудия; *8* — нуклеусы; *9* — кости животных; *10* — камни; *11* — контур ямы половецкого захоронения; *12* — шурфы

Таблица 2

Категория	Количество	%	Категории	Количество	%
Нуклеусы	13	0,8	Ребристые сколы	10	–
Нуклевидные обломки	2	–	Пластинки	159	10
Поперечные сколы с нуклеусов	2	–	Отщепы	797	49
Продольные сколы с нуклеусов	4	–	Осколки	535	33
			Орудия	99	6

Культурный слой в раскопе выделялся по уровню залегания культурных остатков. Он располагался преимущественно в подпочве, вкрапляясь по кротовинам в смежные горизонты чернозема и суглинка. Культурные остатки распространялись по всей площади раскопа, заметно концентрируясь в овальном скоплении площадью 8×5 м, ориентированном по оси СЗ—ЮВ. Особенно насыщенной была юго-восточная часть скопления, где количество кремней на 1 м^2 достигало 80 единиц (рис. 4). Культурные остатки представлены кремневыми и сланцевыми изделиями, плитками из песчаника, редкими фрагментами костей животных и осколками раковин Unio.

В распределении кремневого инвентаря по раскопу закономерностей не прослеживалось, различные его категории распространялись в раскопе довольно равномерно. Комплекс кремневых изделий насчитывает 1621 предмет. В качестве сырья использовался меловой желвачный кампанский кремень светло-серого цвета с точечными включениями окремненного мергеля. Ближайшие месторождения, содержащие кремень этого сорта, находятся в 40—50 км от стоянки. Почти все кремни покрыты вуалевой патиной, часть из них имеют следы пребывания в огне.

Технику расщепления кремня характеризуют показатели, отраженные в табл. 2.

Нуклеусы комплекса, полученного в раскопе 2, разительно отличаются от нуклеусов раскопа 1. Их выделяет массивность и малосработанность, что говорит о лучшей обеспеченности сырьем жителей этой стоянки. Отличаются они и своим типологическим составом. В коллекции имеются многоплощадочные кубовидные нуклеусы (4 экз.), многоплощадочные дисковидные (2 экз.), одноплощадочные клиновидные (4 экз.) и двуплощадочные призматические нуклеусы (3 экз.). Все нуклеусы предназначались для скалывания отщепов.

Своеобразно происходило расщепление массивных (5 см в поперечнике) многоплощадочных кубовидных нуклеусов. Скалывание здесь производилось во всех возможных плоскостях и направлениях. При этом ударная площадка специально не готовилась, ее функции выполняла любая плоскость скалывания. Раскалывание осуществлялось ударным способом, при этом получались короткие неправильные отщепы.

Многоплощадочные дисковидные нуклеусы представляют, очевидно, сработанный вариант первого типа нуклеуса, Раскалывались они радиально, но преимущественно с двух противоположных площадок, в результате чего приобретали уплощенность (рис. 5, *32*).

Одноплощадочные клиновидные нуклеусы в трех случаях имеют скошенные в тыльную сторону ударные площадки (рис. 5, *30*), а в одном — ударную площадку, расположенную под прямым углом. Раскалывались клиновидные нуклеусы преимущественно с одной стороны.

Среди двуплощадочных нуклеусов один имеет площадки взаимно скошенные в тыльную сторону. Раскалывание здесь производилось во встречном направлении в одной плоскости. Второй нуклеус также расщеплялся во встречном направлении, но в параллельных плоскостях. Третий нуклеус с площадками, расположенными под прямым углом к плоскости скалывания, раскалывался одновременно в одной и в параллельных плоскостях.

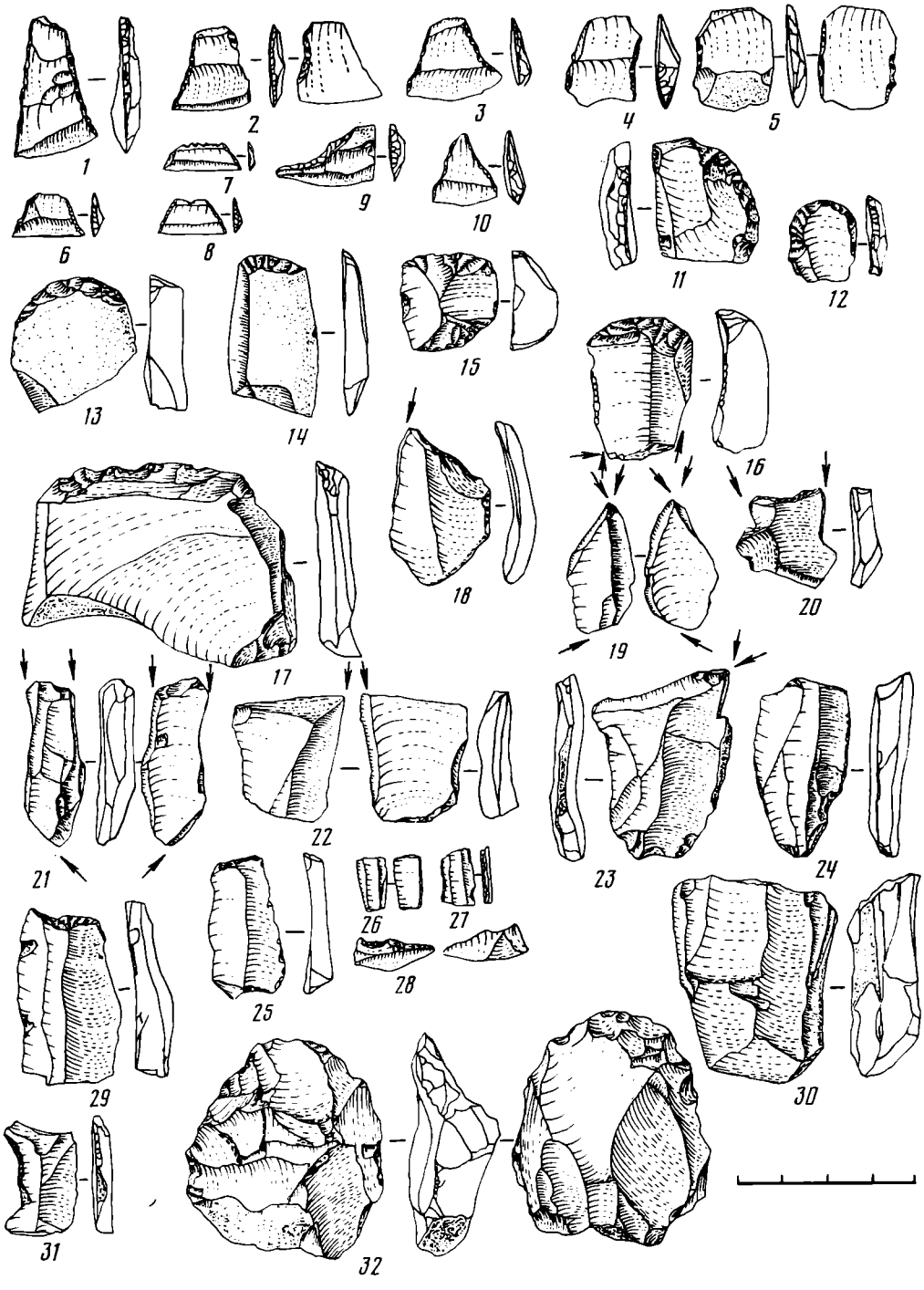


Рис. 5. Комплекс кремневых изделий из раскопа 2

Особенности в традициях расщепления нуклеусов повлияли на то, что подправочных сколов в раскопе 2 значительно меньше, чем в раскопе 1.

Техника раскалывания кремня в рассматриваемом комплексе прежде всего ориентирована на получение в качестве заготовки отщепа. Отщепы и осколки без вторичной обработки в комплексе составляют 82%. Несомненно, что часть из них предназначалась в качестве заготовок для орудий, а часть использовалась без вторичной обработки или же была отходами производства. Индекс отщепов и осколков с коркой равен 12% — свидетельство того, что первичная отеска желваков не играла существенной роли на данном памятнике, а осуществлялась преимущественно вне

его. Среди отщепов и осколков преобладают изделия, имеющие диаметр меньше 1 см (74%), на втором месте по количеству — отщепы и осколки с диаметром до 3 см (24%), лишь 20 приходится на отщепы и осколки с диаметром более 3 см. Отмечена небольшая группа отщепов со снятым с помощью широкого скола ударным бугорком, что давало возможность использовать конец отщепа, служивший ударной площадкой. Данный прием обработки отщепов уже отмечался на некоторых стоянках каменного века [7].

Пластинки в комплексе раскопа 2 очень малочисленны. Среди них встречаются экземпляры с правильной огранкой, но преобладают пластинки неправильной формы. Наиболее значительна группа среднешироких пластинок (80%), по 10% приходится на микропластинки и пластины. В категории пластинок учтены целые пластинки (29 экз.), проксимальные сегменты (52 экз.), сечения (56 экз.), дистальные сегменты (22 экз.). Такое соотношение целых пластин и различных ее частей свидетельствует о том, что, как и в комплексе раскопа 1, наиболее существенными для древних мастеров были проксимальные сегменты и сечения пластин. Самостоятельное использование целых пластинок и дистальных сегментов имело второстепенное значение. Анализ пропорций сечений показывает, что среди них доминируют сечения с соотношением длины к ширине, равным 1:1, сечения с пропорциями 2:1 и 3:1 представлены крайне незначительно.

Изделия со вторичной обработкой в комплексе раскопа 2 изготовлены из пластинок (32%), отщепов и осколков (69%).

Выразительной группой представлены скребки (18 экз.). Все они изготовлены на отщепах и сводятся к четырем типам. Первый тип составляют скребки концевые на пластинчатых отщепах (10 экз.). Среди них по форме рабочего края выделяются прямолезвийные (2 экз.), выпуклолезвийные — 6 экз. (рис. 5, *14, 16*) и скошеннолезвийные скребки (2 экз.). Они обработаны крутой (4 экз.), полукрутой (5 экз.) и пологой (1 экз.) ретушью по рабочему краю. Один скребок этого типа комбинирован с двойным выемчаторетушным резцом на противоположном конце заготовки (рис. 5, *16*).

Второй тип образуют концевые скребки на округлых отщепах (5 экз.). Два скребка этого типа имеют миниатюрные размеры и обработаны мелкой полукрутой ретушью (рис. 5, *12*). Остальные скребки, с высоким рабочим краем и выпуклым лезвием, обработаны выразительной полукрутой ретушью (рис. 5, *13*).

Третий тип представлен боковыми скребками на отщепах, обработанных полукрутой и пологой ретушью по выпуклому рабочему краю (рис. 5, *11*), а четвертый тип — двойным концевым скребком на укороченном пластинчатом отщепе с высокими рабочими краями (рис. 5, *15*).

Довольно типичны для комплекса раскопа 2 скребловидные орудия на крупных отщепах (3 экз.). Одно из них является продольно-вогнутым, а два поперечно-выпуклыми (рис. 5, *17*). Скребла обработаны полукрутой или выемчатой ретушью по рабочему краю.

Значительна в комплексе раскопа 2 группа резцов (17 экз.). Среди них превалируют резцы угловые на отщепах (7 экз.), оформленные чаще всего длинным резцовым сколом, ориентированным вдоль длинной оси отщепа (рис. 5, *22*). Лишь в двух случаях основной скол дополнялся вспомогательным, расположенным перпендикулярно ему (рис. 5, *23*). Один угловой резец комбинирован с концевым скребком, сформованным на противоположном конце заготовки.

Так же, как и в комплексе раскопа 1, присутствует группа боковых резцов на отщепах (6 экз.). Они подразделяются на косо-ретушные — 1 экз. (рис. 5, *18*) и выемчато-ретушные (5 экз.). Среди последних два резца — двойные (рис. 5, *20, 21*), причем последний комбинирован со срединным резцом.

В небольшом количестве представлены резцы на углу сломанной пластинки (3 экз.), а также двойной срединный резец на отщепе (рис. 5, *19*).

Группа пластинок с краевой ретушью (14 экз.) не содержит типологически выдержанных серий. Выделяются пластинки и микропластинки, обработанные мелкой, полукрутой ретушью по краю со спинки — 2 экз. и с брюшка — 3 экз. (рис. 5, *26*); сечение пластинки, обработанное по одному краю притупляющей ретушью, а по второму — оформленное двумя микровыемками (рис. 5, *27*). Интерес представляет сечение пластины со следами ретуши по уголкам, которые остаются при расчленении пластин с помощью двух встречных выемок, а также пластинка с серповидным притупленным ретушью краем. Выявлены сечение пластины с глубокой краевой выемкой (рис. 5, *31*), сечение пластины, оформленное участками краевой противолежащей ретуши с брюшка и со спинки, массивная пластина с выемкой по краю (рис. 5, *24*), пластинки, обработанные фрагментарной невыразительной ретушью (3 экз.).

Особый интерес имеет рассмотрение геометрических микролитов комплекса. Они представлены исключительно трапециями (13 экз.). В зависимости от соотношения высоты к длине нижнего основания трапеции подразделяются на высокие (7 экз.), длинные (2 экз.) и средневысокие (4 экз.). В числе высоких трапеций представляет интерес высокая симметричная трапеция, изготовленная на отщепе с круторетушированными боковыми сторонами, найденная ниже уровня культурного слоя на 0,2 м (рис. 5, *1*). На отщепе изготовлена еще одна высокая трапеция, приближающаяся по очертаниям к прямоугольнику (рис. 5, *5*). Все остальные трапеции этого типа изготовлены на пластинках. Среди них две асимметричные и три симметричные. Асимметричные трапеции имеют одну боковую сторону вогнутую, а другую прямую (рис. 5, *2*, *4*). Обработаны крутой ретушью по боковым сторонам, в одном случае противолежащей (рис. 5, *2*). Симметричные высокие трапеции имеют вогнутые боковые стороны, обработанные крутой ретушью (рис. 5, *3*, *10*). Последняя трапеция по своим очертаниям приближается к треугольнику.

Средневысокие трапеции — симметричных очертаний. Лишь у одной трапеции боковые стороны слегка вогнуты (рис. 5, *6*). Интересна симметричная трапеция с микровыемкой по верхнему основанию (рис. 5, *8*).

Своеобразны длинные трапеции. Одна из них симметричная с зубчиками по верхнему основанию (рис. 5, *7*), вторая — с обломленной боковой стороной, имеет вогнутый боковой край и далеко выступающее нижнее основание (рис. 5, *9*).

С последней трапецией, очевидно, связана бóльшая часть необычной группы осколков с ретушированным со спинки острием и «микрорезцовым» сколом с брюшка (10 экз.). Осколки длиной от 1 до 2 см имеют один конец узкий, заостренный, а другой — широкий, обломленный. Край осколков обработан крутой притупливающей ретушью (рис. 5, *28*). «Микрорезцовый» скол во всех случаях направлен по диагонали от широкого конца к узкому. Осколки, очевидно, являются обломками трапеций с выступающим нижним основанием, которые напоминают распространенные в конце позднего палеолита Кавказа острия типа Гварджилас-Клде.

В комплексе раскопа 2 отмечена группа пластин и отщепов со скобловидной выемкой на конце заготовки (5 экз.). Интерес представляет массивная пластина с выемкой, обработанной крутой ретушью, и пластинка с выемкой на одном конце и усеченным ретушью противоположным концом (рис. 5, *29*, *25*).

Большой группой представлены отщепы и осколки с ретушью (19 экз.). Среди них осколки орудий (6 экз.), отщепы, обработанные мелкой ретушью с брюшка (3 экз.) и со спинки (10 экз.).

Помимо комплекса кремневых изделий в раскопе 2 были обнаружены два сланцевых орудия. Они изготовлены из кремнистого, черного цвета сланца каменноугольного периода. Особенно выразительно одно из них, представляющее собой продолговатую конкрецию, полусферическую в сечении, со следами сработанности в виде царапин и выщербин по концам и заполированности посредине. Разнообразие следов сработанно-

сти может свидетельствовать о полифункциональности данного орудия, хотя основной его функцией было употребление в качестве ретушера.

Второе орудие, в виде обломка клиновидной формы, очевидно, также использовалось в качестве ретушера.

Обобщение результатов изучения материалов из раскопа 2 позволяет сделать следующие выводы. 1. Данный памятник, так же как и рассмотренный выше комплекс, оставлен базовым лагерем мезолитических поселенцев. В пользу этого говорит большое количество и показательное распределение остатков от различных этапов кремнеобработки, характер размещения культурных остатков в слое, разнообразный набор орудий труда и наличие на них следов сработанности, присутствие фрагментов костей животных в слое. 2. Техника расщепления в комплексе раскопа 2 нацелена преимущественно на получение отщепов, которое осуществлялось при раскалывании многоплощадочных кубовидных и дисковидных нуклеусов, а также двуплощадочных призматических и одноплощадочных клиновидных нуклеусов. Пластинчатая индустрия играла подчиненную роль. Использовались преимущественно сечения пластинок подквадратных пропорций и проксимальные сегменты. 3. Наиболее крупными группами орудий в данном комплексе представлены скребки, резцы, пластинки с краевой ретушью, геометрические микролиты, отщепы и осколки с ретушью, пластины и отщепы с скоблевидной выемкой на конце заготовки. Своеобразие комплекса определяют такие типы орудий, как концевые выпуклолезвийные скребки на пластинчатых и округлых отщепах, скребловидные орудия на отщепах, угловые, боковые выемчато-ретушные резцы на отщепах, трапеции высокие симметричные и асимметричные, с вогнутыми боковыми сторонами, в том числе обработанные противолежащей ретушью, трапеция с зубчиками по верхнему основанию и трапеция с выступающим нижним основанием, сланцевые ретушеры.

Раскоп 3, площадью 34 м², располагался в 3 м к западу от раскопа 2 (рис. 1). Стратиграфия раскопа по его восточной стенке следующая (в м): чернозем целинный зернистый — 0,2—0,3; суглинок гумусированный комковато-зернистый — 0,2—0,3; подпочва — суглинок гумусированный высококарбонатный — 0,1; суглинок бурый тяжелый, комковато-трещиноватый со слабовыраженной белоглазкой, исследован до 0,3 м (рис. 6).

Культурный слой, мощностью 0,1 м, залегал в верхней части бурого суглинка. Отдельные кремни встречались в смежных с культурным слоем горизонтах.

Культурные остатки — кремни, плиты песчаника и отдельные фрагменты костей животных — размещались в виде продолговатого скопления площадью 5,6×2,2 м. В центре скопления количество кремней на 1 м² достигало 42 единиц.

Северная оконечность скопления замыкалась тремя плитами песчаника, которые лежали на 0,15 м ниже уровня подошвы культурного слоя. Расположение камней следующее: крупная плита, размерами 1,4×1,2×0,04 м, придавливалась двумя несколько меньших размеров. Рядом с плитами была найдена челюсть жвачного животного (рис. 2, *2*). Контуров ямы над камнями проследить не удалось. Для однозначного решения проблемы функционального назначения камней в системе культурного слоя памятника данных недостаточно. Однако, на наш взгляд, допустимо предположение о том, что камни представляют собой остатки жилого сооружения. Возможно, они придавливали края ветрового заслона к земле. В пользу этого говорит расположение камней: они положены так, чтобы создать максимальную нагрузку на минимальной площади. Тот факт, что камни находились в углублении, может свидетельствовать о том, что они присыпались землей с целью укрепления и утяжеления.

Немаловажным аргументом в пользу существования ветрового заслона является также то, что за камнями находок кремней почти нет. Более того, анализ розы ветров для данного района показывает, что наиболее частыми здесь являются восточные ветры и ветры северного секто-

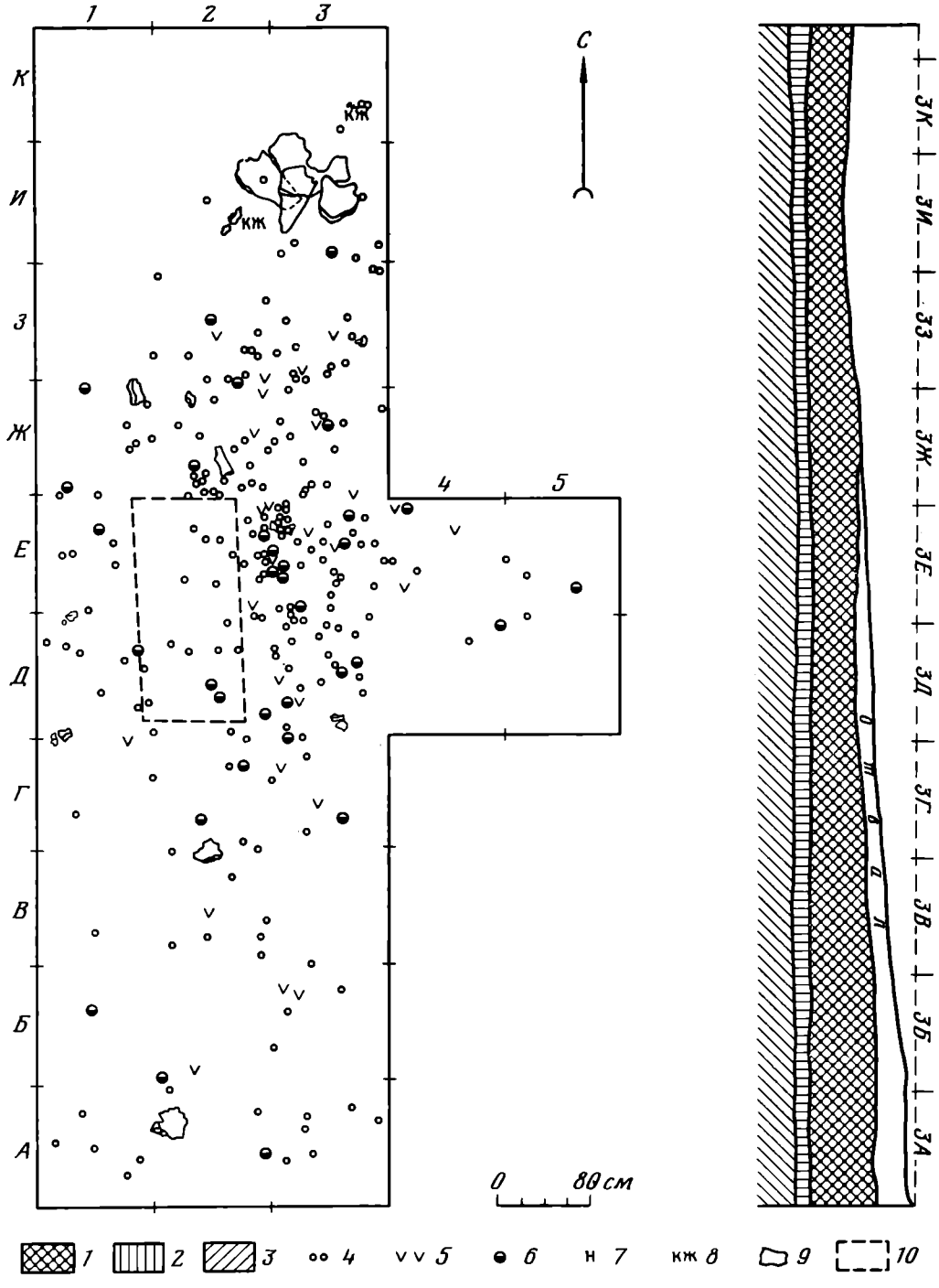


Рис. 6. План и разрез раскопа 3: *1* — чернозем; *2* — подпочва; *3* — суглинок бурый; *4* — отщепы; *5* — пластинки; *6* — орудия; *7* — нуклеусы; *8* — кости животных; *9* — песчаниковые плиты; *10* — шурф

ра [8). Учитывая, что с востока мыс, где находится стоянка, прикрыт песчаниками правого высокого берега речки, наиболее реальной угрозой для жителей стоянки могли быть северные ветры, прикрытием от которых и мог служить данный ветровой заслон.

В существующих обзорах палеолитических и мезолитических жилищ факт описанного использования камней при сооружении ветровых заслонов не известен. Однако при сооружении наземных жилищ шатрового типа широко использовались камни и земля для придавливания края стенки шатра (Аренсбург — Поггенвиш) [9], что позволяет допускать использование этого приема и при сооружении ветрового заслона.

Таблица 3

Категория	Количество	%	Категория	Количество	%
Продольный скол с нуклеуса	1	—	Отщепы	120	41
Поперечный скол с нуклеуса	1	—	Осколки	81	27
Ребристые сколы	4	—	Пластинки	44	15
			Орудия	42	14

Коллекция каменных изделий из раскопа 3 насчитывает 293 предмета. За исключением двух отщепов из квадрата, все они изготовлены из кремня, абсолютно аналогичного кремню комплекса раскопа 2. Кремневые изделия покрыты плотной вуалевой патиной, несколько кремней имеют поверхность, обожженную огнем.

Технику обработки кремня в комплексе раскопа 3 характеризуют следующие показатели (табл. 3).

Данных о технике раскалывания кремня в комплексе довольно мало из-за отсутствия нуклеусов. Некоторое представление о нуклеусах может дать единственный в коллекции продольный скол, происходящий от призматического двуплощадочного нуклеуса длиной 6 см.

Так же как в раскопе 2, в коллекции из раскопа 3 доминирует техника отщепового скалывания. Отщепы и осколки составляют 68% в комплексе. Преобладают отщепы диаметром до 1 см (64%), значительно меньше отщепов диаметром до 3 см (28%) и более 3 см (8%). В то же время группа крупных отщепов диаметром до 6 см довольно симптоматична в данном комплексе, что наряду с высоким индексом отщепов с коркой среди отщепов (22%) позволяет говорить о том, что момент первичной отески желваков был существенным для данной стоянки.

К интересным выводам приводит анализ пластин комплекса раскопа 3. Среди них встречаются довольно правильные пластины с параллельными краями и двух-трехгранной спинкой. Преобладают среднешироκие пластинки. В составе пластин учтены целые экземпляры (2 экз.), проксимальные сегменты (18 экз.), дистальные сегменты (12 экз.), сечения (12 экз.). Характерны длинные проксимальные и дистальные сегменты, которые могли получаться только при расчленении пластины на две части. Очевидно, что в отличие от комплексов раскопов 1 и 2 в инвентаре раскопа 3 получение сечений не играло такой существенной роли.

Примечателен относительно высокий индекс изделий со вторичной обработкой (14%), который характерен для временных стоянок, где процесс производства каменных орудий труда имел меньшую роль, нежели их использование. Орудия изготовлены на пластинках (30%), отщепах и осколках (70%).

Среди орудий преобладают скребки (14%). Выделяются скребки концевые выпуклолезвийные с высоким рабочим краем на отщепах (4 экз.; рис. 7, *12—14*). Они обработаны крутой или полукрутой крупнофасеточной ретушью, иногда ступенчатой. В одном случае скребок комбинирован на противоположном конце отщепа (рис. 7, *12*).

Показательны скребки двойные-концевые на отщепах (3 экз.), обработанные крутой или полукрутой ретушью (рис. 7, *16, 18*). Один скребок с высокими рабочими краями.

Отмечены скребки концевые со скошенным рабочим краем на отщепах — 3 экз. (рис. 7, *15, 20*), скребки концевые выпуклолезвийные на укороченных пластинчатых отщепах — 2 экз. (рис. 7, *17, 21*), скребок концевой с вогнутым рабочим краем на пластинчатом отщепе (рис. 7, *25*).

Значительна по количеству группа геометрических микролитов, представленных исключительно трапециями (10 экз.). Среди них выделяются высокие трапеции (4 экз.) и средневысокие (6 экз.). Высокие трапеции представлены одной массивной симметричной трапецией на отщепе с круторетушированными боковыми сторонами (рис. 7, *1*) и тремя трапециями на пластинках, две из которых симметричны (рис. 7, *2, 4*), а одна, с вогнутыми боковыми сторонами, асимметрична (рис. 7, *8*).

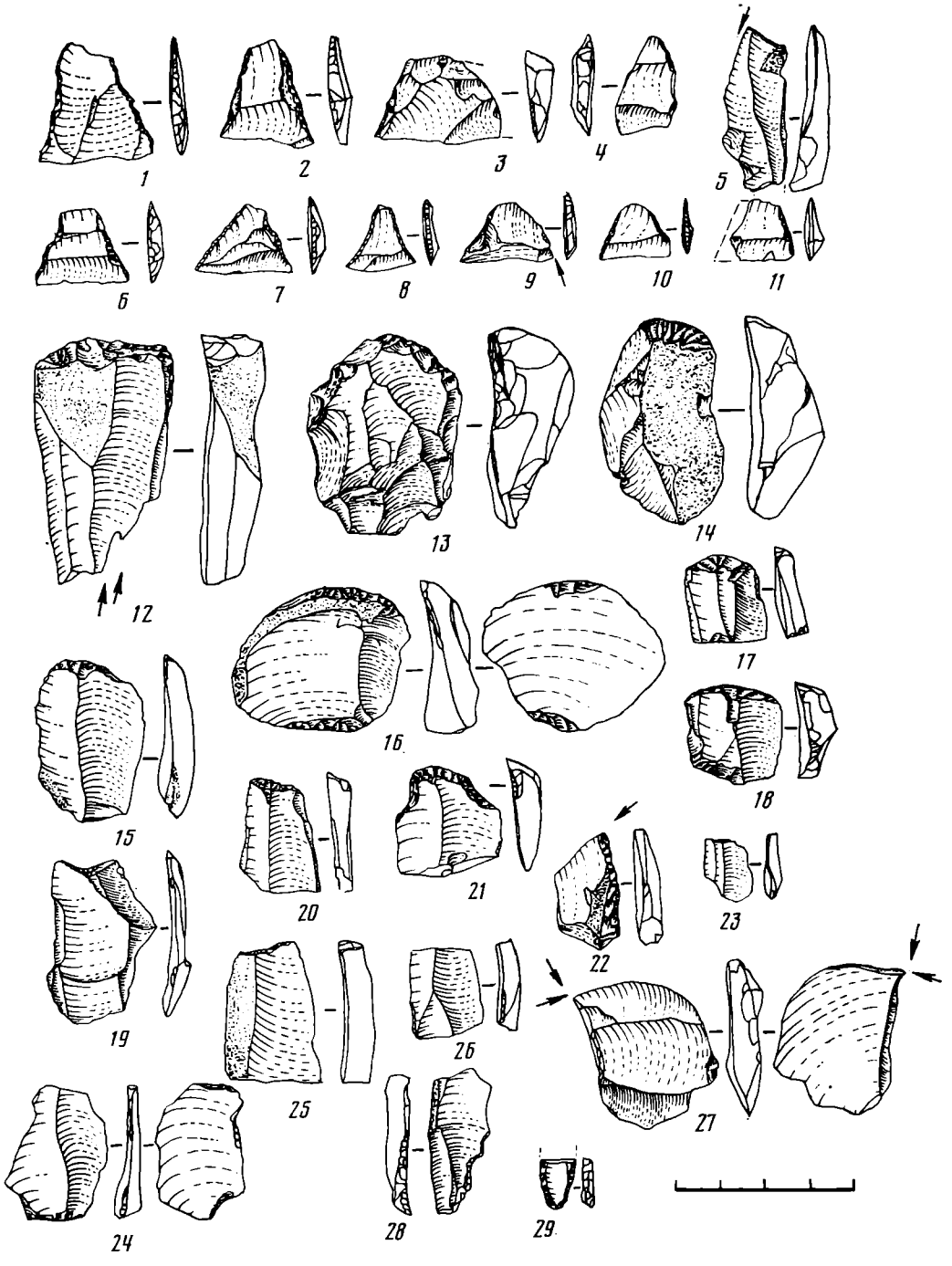


Рис. 7. Комплекс кремневых изделий из раскопа 3

Среди средневысоких трапеций одна, массивная на отщепе с обломленной боковой стороной, симметричная (рис. 7, *3*), четыре трапеции также симметричные, но изготовлены на пластинках (рис. 7, *6*, *9—11*), а одна асимметричная на пластинке (рис. 7, *7*). Все трапеции этого типа обработаны крутой притупляющей ретушью по боковым сторонам.

Группа резцов не столь выразительна, как предыдущие (4 экз.). Выделяется боковой косоретушный резец на изогнутой пластинке трапециевидных очертаний (рис. 7, *5*). Отмечен еще один боковой резец, оформленный плоскими сколами на осколке. Среди остальных резцов — угловой на отщепе, сформованный двумя взаимно перпендикулярными сколами (рис. 7, *27*), и срединно-угловой резец на осколке с притупленным крутой ретушью краем (рис. 7, *22*).

Малочисленна группа пластинок с краевой ретушью (5 экз.). Особен-

но интересна пластинка со скошенным выемчатой ретушью краем (рис. 7, *28*) и обломок пластинки с притупленными крутой ретушью краями (рис. 7, *29*). Учтены три пластинки, оформленные мелкой притупливающей ретушью с брюшка и со спинки (рис. 7, *26, 23*).

В коллекции раскопа 3 отмечена группа осколков с ретушью (7 экз.), в которой преобладают осколки различных орудий.

Единичны в комплексе раскопа 3 такие орудия, как отщеп с ретушированной выемкой на конце (рис. 7, *19*), отщеп с краевыми ретушированными с брюшка выемками (рис. 7, *24*), пластинка с усеченным мелкой ретушью краем, отбойник.

Анализ кремневой индустрии, выявленной в раскопе 3, позволяет сделать следующие выводы. 1. Комплекс, обнаруженный здесь, оставлен, очевидно, в период временного обитания мезолитических охотников. В пользу этого говорит малое количество кремней в скоплении, высокий процент орудий в коллекции, неполнота списка различных категорий и типов кремневого инвентаря, большой процент трапеций (24%), которые представляют, очевидно, оснащение охотничьего вооружения. На стоянке осуществлялась первичная обработка сырья. 2. Техника расщепления кремня нацелена прежде всего на получение отщепа, хотя пластинчатая индустрия играла определенную роль. В отличие от комплексов раскопов 1, 2, пластина здесь расчленялась преимущественно на два элемента: дистальный и проксимальный сегменты. 3. Самыми значительными группами орудий комплекса раскопа 3 являются скребки, геометрические микролиты, в меньшей мере пластинки с краевой ретушью и резцы. Культурными и хронологическими показателями в комплексе следует считать такие типы орудий, как: архаичные концевые выпуклолезвийные скребки с высоким рабочим краем, в том числе двойные; высокие трапеции на отщепах и пластинках; симметричные и асимметричные, средневысокие трапеции, симметричные и асимметричные боковые резцы.

Сопоставление комплексов, происходящих из трех раскопов на стоянке Зимовники I, показывает, что они неоднородны прежде всего в хронологическом отношении. Причем об этом говорят не только технико-типологические, но, что важно, стратиграфические особенности залегания каждого комплекса. Основываясь на стратиграфических и технико-типологических критериях, можно расположить комплексы стоянки в следующей хронологической последовательности.

Наиболее ранняя кремневая индустрия обнаружена в раскопе 3, где культурный слой залегал в кровле бурого суглинка, отложение которого прекратилось в конце плейстоцена. Вероятно, что комплекс раскопа 3 может датироваться рубежом плейстоцен — голоцен, т. е. относиться к раннему мезолиту. Эту дату подтверждает ряд особенностей кремневой индустрии памятника: неразвитая практика получения и использования сечений пластин, позднепалеолитический облик скребков, резцов наряду с довольно зрелыми типами трапеций.

Более поздним представляется комплекс, полученный в раскопе 2. Культурный слой этого памятника лежал в подпочве, т. е. выше, чем культурный слой раскопа 3, кремневая индустрия содержит более развитые и разнообразные типы трапеций, скребков, резцов. Характерно интенсивное производство и использование сечений пластинок. В то же время комплексу из раскопа 2 свойственны и некоторые архаичные черты: дисковидные нуклеусы, доминирование крутой и полукрутой ретуши при отсутствии пологой и плоской. Совокупность признаков кремневой индустрии, стратиграфия памятника позволяет относить комплекс раскопа 2 к позднему мезолиту.

Самый поздний комплекс стоянки Зимовники I обнаружен в раскопе 1. В этом случае стратиграфические данные являются менее определенными. Однако наличие карандашевидного нуклеуса, геометрических микролитов, обработанных плоской сострупивающей ретушью, общий микролитизм комплекса, интенсивное производство и использование сечений пластин свидетельствуют о том, что дата данного комплекса приходится не ранее чем на конец мезолита.

Сравнение культурных особенностей комплексов стоянки Зимовника I позволяет выделять две своеобразные кремневые индустрии. Первую представляют материалы, полученные в раскопе 1. Этому комплексу полностью аналогичны материалы небольшого местонахождения Платовский Став I, расположенного в 20 км на восток от хут. Зимовники, где также были найдены сегменты с двусторонне ретушированными участками дуги [10]. Сопоставимы с материалами комплекса и разрозненные находки с Нижнего Подонья, представленные сборами Г. И. Горецкого на Маныче [11], а также материалы из местонахождений, обнаруженных Н. Д. Прасловым в Южных Ергенях [12], и коллекции, собранной у станицы Буденовской на левом берегу Веселовского водохранилища, которая включает в себя несколько двусторонне ретушированных сегментов [3]. Ближайшей территорией к Северо-Восточному Приазовью, где, начиная с финального палеолита (Губский навес 7) [13] и кончая поздним неолитом (Кистрик, Нижняя Шиловка, Овечка) [4], существовала устойчивая традиция изготовления двустороннеобработанных микролитов, был Северный Кавказ и его Черноморское побережье. Поэтому появление подобных изделий на территории Северо-Восточного Приазовья, учитывая перечисленные выше находки в промежуточном регионе Нижнего Подонья, совершенно определенно можно объяснять кавказской инфильтрацией, следы которой по тем же признакам фиксируются в Восточном Крыму [14] и на Киевщине (Никольская Слободка, разведки В. Н. Даниленко).

Комплексы раскопов 2, 3 образуют второй тип памятников. На генетическую их преемственность указывает близкая техника расщепления кремня, и прежде всего убедительное сходство типов трапеций, близкие типы скребков. Поиск аналогий материалам этих комплексов также приводит на Кавказ к индустрии чохской культуры, развивавшейся здесь с конца позднего палеолита [15, 16]. Определяющими для этой культуры являются наконечники стрел чохского типа, значительные серии трапеций высоких, порой асимметричных с вогнутыми боковыми сторонами, дисковидные нуклеусы, наличие специфического приема обработки ретушью с брюшка асимметричных трапеций [17]. Если первый тип орудий отсутствует в инвентаре комплексов 2, 3 то остальные признаки этой культуры в различной степени им присущи, что позволяет говорить о взаимосвязи двух культур. Наличие сходства по многим культуроопределяющим признакам, очевидно, является свидетельством миграции населения, в ходе которой возможна утрата или трансформация отдельных черт мигрирующей культуры [18]. Миграция осуществлялась с территории Северного Кавказа, а не наоборот, с Северо-Восточного Приазовья, поскольку именно на Северном Кавказе прослежены наиболее ранние проявления чохской культуры.

Комплексы 1 и 2, 3 стоянки Зимовники I представляют собой совершенно своеобразные типы памятников, за которыми скрываются новые, возможно родственные между собой археологические локальные культуры, тяготеющие к кавказско-переднеазиатской мезолитической зоне. Изучение таких культур позволит полнее изучить характер взаимосвязи южнорусских степей с Кавказом, пути проникновения сюда самых ранних геометрических индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горелік О. Ф.* Нові пам'ятки мезоліту і неоліту на Сіверському Дінці.— Археологія, 1979, № 29.
2. *Горелик А. Ф.* Исследования мезолитической стоянки Зимовники I.— АО — 1979. М., 1980.
3. *Веклич В. Ф.* Стратиграфия лёссовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наук. думка, 1968.
4. *Формозов А. А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА, 1962, № 102.

[3] Пользуясь случаем, благодарим В. Я. Кияшко за предоставленную возможность ознакомиться с этой коллекцией.

5. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наук. думка, 1967.
6. *Медведев Г. И.* К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей).— В кн.: Проблемы терминологии археологических источников. Иркутск, 1975.
7. *Гладкіх М. І.* Крем"яний інвентар пізньопалеолітичного поселення Межирич.— Археологія, 1971, № 3.
8. *Симоненко В. І.* Фізіко-географічне районування Донбасу для цілей сільского господарства. Донецьк: Донбас, 1973.
9. *Sklenar K.* Paleolithic and mesolithic dwellings: problems of interpretation.— PA, 1975, roc. LXVII; Paleolithic and Mesolithic dwellings: an essay in classification.— PA, 1976, roc. LXVII.
10. *Казакова Л. М.* Новые мезолитические местонахождения на Нижнем Дону.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973.
11. *Горецкий Г. И.* Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье.— СА, 1952, т. XVI.
12. *Праслов Н. Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней.— КСИА, 1971, вып. 126.
13. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
14. *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1977.
15. *Бадер Н. О.* Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4.
16. *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
17. *Амирханов Х. А.* Типологические параллели комплексам Чохской стоянки в мезолите Восточного Прикаспия.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1975.
18. *Клейн Л. С.* Археологические признаки миграций.— Тр. IX МКАЭН. М., 1973.

A. F. Gorelik

EXPLORATION OF MESOLITHIC COMPLEXES OF ZIMOVNIKI I SITE NORTH-EAST OF THE AZOV SEA

Summary

In the course of exploration of the Mesolithic site of Zimovniki I, located in the north-eastern part of the Azov Sea area (in the Donets Basin), stratigraphy and specific technicotypological features of the flint industry made it possible to identify three chronological complexes. They formed part of two industries that are connected to the Mesolithic of the Caucasus and Western Asia. Genetic connection is shown by the early Mesolithic complex of excavation area 3 and the late Mesolithic complex of excavation area 2, which have analogies in materials of Chokh culture. The complex of excavation area 1 is dated to the late Mesolithic period and is comparable to the peripheral Caucasian Mesolithic sites of the Lower Don.

ЧЕРНЯКОВ И. Т., НИКИТИН В. И.

БАНДУРКИНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ЮЖНОГО ПОБУЖЬЯ

Во время закладки траншеи для фундамента дома бригадой строителей 13 апреля 1981 г. на северной окраине с. Бандурка Первомайского р-на Николаевской обл. обнаружен клад из 12 бронзовых ножей (рис. 1) [1]. К сожалению, предметы клада были разобраны находчиками. Через месяц после его обнаружения благодаря старательным поискам директора местного историко-краеведческого музея Р. В. Кучерявого удалось собрать 11 ножей (рис. 3), один из которых оказался поломанным (рис. 2, *9*). Во время обследования места находки Р. В. Кучерявый подобрал несколько каменных растиральников из кварцита, среди них один имеет округлую форму (рис. 3, *4*). Во время разведки, проведенной В. И. Никитиным, в 150 м на юго-запад от места находки клада (рис. 2) он нашел обломки не очень выразительной керамики с примесью гнейсовых пород, кремневые отщепы и кусочки глиняной обмазки. Керамика представлена обломками венчика чашки (рис. 3, *1*), круглотелого горшка с кососрезанным венчиком (рис. 3, *2*), венчика горшка с нависающим наружу краем (рис. 3, *3*). Культурно-хронологический диапазон этих маловыразительных обломков керамики довольно значительный, поскольку подобная керамика встречается в Южном Побужье на поселениях катакомбной, многоваликовой и сабатиновской культур. Немногочисленные обломки керамики и глиняной обмазки, вероятно, связаны с существованием в этом месте древнего поселения бронзового века, культурный слой которого сильно разрушен многолетним распахиванием и обработкой огородов. Топографическое расположение поселения следующее: оно занимало пологий спуск плато к левому берегу Бандуркинской балки, впадающей в р. Черный Ташлык, приток р. Синюхи, относящейся к левобережью бассейна Южного Буга (рис. 1). Не исключено, что клад был связан с этим поселением.

Установлено, что ножи были зарыты на глубине 0,35 м в круглой ямке диаметром ~10 см. Они лежали тесно один около другого под углом примерно в 45° в направлении к северу. Лезвия были направлены вниз, а черенки — вверх. В древности они, видимо, были связаны бечевкой.

Несомненный интерес вызывает прежде всего значительное количество в одном кладе столь однотипных ножей эпохи средней бронзы.

Ножи имеют короткие плоские черенки для крепления рукояти и удлиненные, ромбические в разрезе клинки с чуть выделенным по середине ребром, почти параллельными краями, заканчивающимися расширенным заоваленным на конце лезвием (рис. 3, 4). Все ножи отлиты в двусторонних литейных формах. Расширенные концы ножей тщательно откованы и заточены до толщины бритвенного лезвия. Расковке были подвергнуты также концы черенков и части клинков ножей при переходе их в черенки (рис. 5). Остальная часть и лезвия и спинки клинков ножей не подвергалась какой-либо дополнительной обработке. Данные о размерах, толщине, весе и деталях сведены в таблицу.

---

[1] Клад нашла бригада строителей в составе: И. И. Сологуб, М. И. Сологуб, Л. В. Марущак, И. А. Олейник. Некоторые ножи были использованы находчиками для домашних поделок и инструментов. Авторы выражают большую благодарность Р. В. Кучерявому за активные поиски предметов клада и помощь в подготовке публикации.

Общая длина ножей, как это видно из приведенной таблицы, колеблется в пределах от 236 до 250 мм (средняя величина 240 мм). Длина коротких черенков равна 22—26 мм и занимает всего $\sim^1/_{10}$ части размера ножей. Длина клинков равна 210—225 мм. Клинок ножей плавно расширяется от основания черенка под углом примерно 65°, переходя в почти параллельную узкую полосу, занимающую $^3/_4$ его общей длины, после чего начинается небольшое расширение, заканчивающееся заовален-ным концом-лезвием. Ширина клинка ножей в средней части примерно одинакова и находится в пределах 26—28 мм, а наиболее широкой части у конца 31—35 мм. Ширина черенков в наиболее узкой средней части равна 6—7, а в наиболее широкой нижней расклепанной части — 9 — 12 мм. Толщина средней части клинков на месте слабо выраженного ребра равна 2,4—2,5, у нераскованных краев ~2 мм. Расширенная концевая часть клинка по середине имеет толщину ~2 мм, а ее лезвийные края тщательно раскованы и заточены до толщины лезвия. Толщина черенков в средней части равна 2 мм, край раскован.

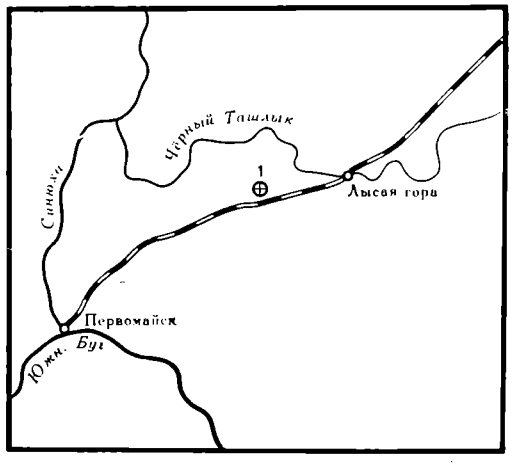


Рис. 1. Карта-схема расположения с. Бандурка (*1* — место находки клада)

Внешний осмотр дополнительно не обработанных частей ножей (средняя часть клинка, его параллельные края, часть черенка), сравнение размеров показывают, что сохранившиеся из клада ножи были отлиты по крайней мере в двух литейных формах. Так, вероятно, в одной литейной форме были отлиты ножи 1, 4, 7; остальные, по-видимому, в другой. Отличия в размерах общей длины и отдельных частей скорее всего связываются с изменениями размеров ножей во время их дополнительной обработки (ковки). Однако такой вывод нуждается в уточнении прежде всего из-за разницы в весе отдельных ножей, которые по виду как будто происходят из одной литейной формы. Вес ножей колеблется в пределах от 57,4 до 67,6 г. Сходные ножи 1, 4, 7 имеют не только неодинаковые размеры, но и неодинаковый вес (64,7; 59,0; 57,4 г). Если неодинаковые размеры по длине можно объяснить индивидуальными отличиями в расковке лезвийной части и черенков ножей, то различие в весе, вероятно, объясняется различным совмещением форм при отливке. Это как будто подтверждается несколько большей толщиной средней части у более тяжелых ножей. Это же касается и причин различия в весе других ножей, отлитых в несколько меньшей форме. По всей видимости, ножи отливались в неплотно совмещаемых глиняных формах, и различия в величине расстояния совмещения форм оказали влияние на вес готовых изделий.

В общем виде ножи Бандуркинского клада представляют собой орудия с коротким черенком, предназначенным для крепления с короткой рукояткой из дерева, длинным клинком, рабочая часть которого расширена и расположена только на его заовален-ном конце (рис. 5). Хотя по форме ножей их можно определить двулезвийными, такое определение не будет совсем точным, так как собственно лезвийной частью являются только расширенные концы.

С. Н. Кореневский посвятил специальное исследование истории и типологии ранних металлических ножей в южнорусских степях ямной, полтавкинской и катакомбной культур [1, с. 33—48]. В его сводке учтено более 200 экз., которые разделены на четыре группы. Им использована методика ступенчатой классификации, разработанная Е. Н. Черных [2, с. 50—53], и предложена методика определения точки (линии), разделяющей конец рукояти и верхнего конца лезвийной части ножей. Она

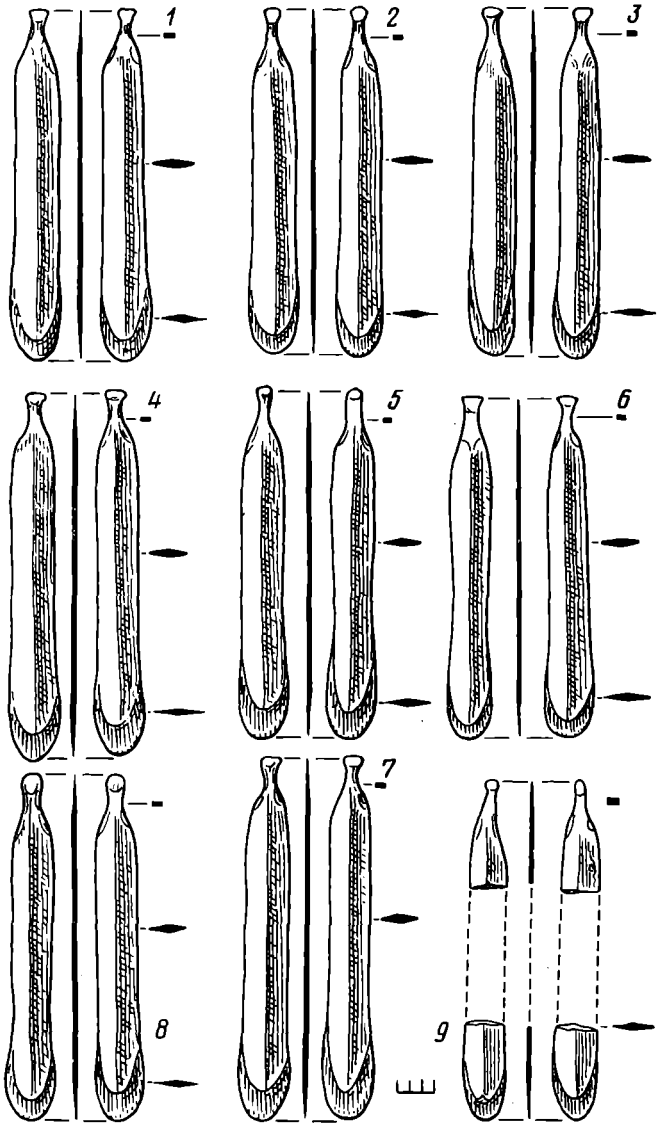


Рис. 2. Бронзовые ножи Бандуркинского клада

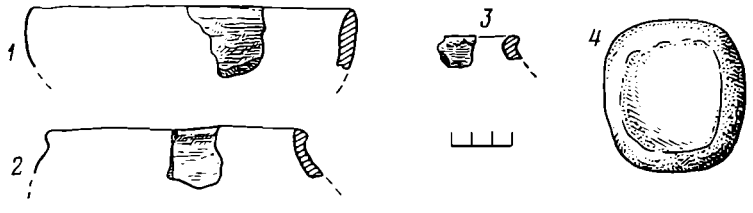


Рис. 3. Обломки керамики (*1—3*) и каменный растиральник (*4*), найденные вблизи Бандуркинского клада

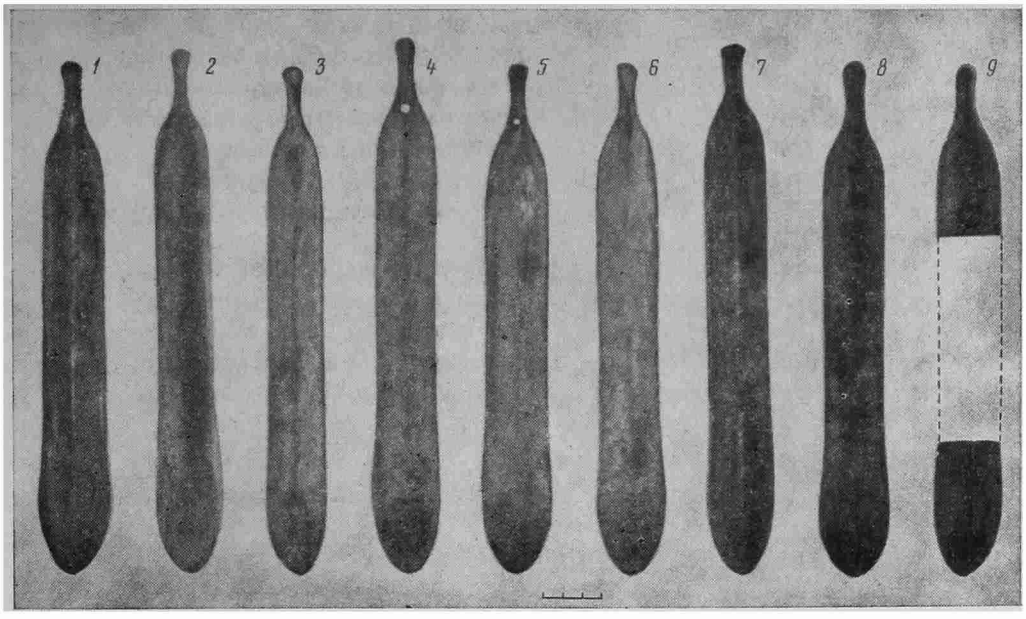


Рис. 4. Бронзовые ножи Бандуркинского клада

определяет построение хорды между наибольшими выступами на черенке и клинке ножа, от которой проводится перпендикуляр к вершине дуги в месте перехода от рукояти к лезвийной части. От хорды проводится перпендикуляр к средней линии ножа, на пересечении которой и находится искомая точка (рис. 6, *1*). Не говоря о некоторой сложности геометрических построений для поиска указанной точки, этот метод страдает и погрешностями. Построение хорды в значительной степени зависит от линии дополнительной обработки черенка ножа, она при дальнейших построениях в поисках искомой точки оказывает заметное влияние на конечный результат в тех случаях, когда оказываются сильно раскованными черенки ножей. В логическом плане такой метод не оправдывает себя, так как линии построения зависят от линий, изменяющих эту часть ножа при дополнительной обработке. На примере ножей Бандур-

Данные об общих размерах, толщине, весе и размерах основных частей ножей Бандуркинского клада (в мм)

№ п. п.	Общая длина ножей	Длина черенков	Коэффициент расширения клинка	Наименьшая ширина черенка в средней части	Наибольшая ширина черенка на конце	Толщина черенка	Длина клинка ножа	Ширина нижней части клинка ножа	Ширина средней части клинка ножа	Наибольшая ширина клинка на конце	Толщина средней части клинка ножа	Длина лезвийной отковашной части	Вес, г
1	243	25	0,7	7	11	2	218	27	28	35	2,5	56	64,7
2	237	23	0,8	6	10	2	214	26	26	33	2,5	50	64,6
3	237	24	0,8	6	11	2	212	26	26	30	2,4	45	52,25
4	250	25	0,7	7	12	2	225	27	28	34	2,5	52	59,0
5	236	24	0,7	6	11	2	212	26	26	33	2,5	51	67,6
6	236	26	0,7	6	10	2	210	26	26	31	2,4	50	60,0
7	247	22	0,7	7	12	2	225	27	28	31	2,4	58	57,4
8	236	25	0,8	6	11	2	211	26	26	33	2,5	50	60,6
9	поломан	25	—	6	9	2	—	27	—	32	—	47	27,94
10	239	25	0,8	7	11	2	214	26	27	34	2,3	47	59,0
11	241	25	0,7	6,5	11	2	216	27	26,5	33	2,4	53	64,4
Среднее	240	24,4	0,7	6,9	10,8	2	215	26,4	26,5	32,6	2,4	51	63,15

Примечание. Номера ножей соответствуют нумерации на рисунках. Все размеры даны в мм, а вес — в г. Определение точки, разделяющей клинок и черешок ножей, произведено по методу М. Матушека, а коэффициент расширения клинка — по С. Н. Кореневскому. Данные о ноже № 9 касаются только сохранившихся его частей. Нож № 6 хранится в Одесском археологическом музее АН УССР, остальные — в историко-краеведческом музее Первомайщины в г. Первомайске Николаевской обл.

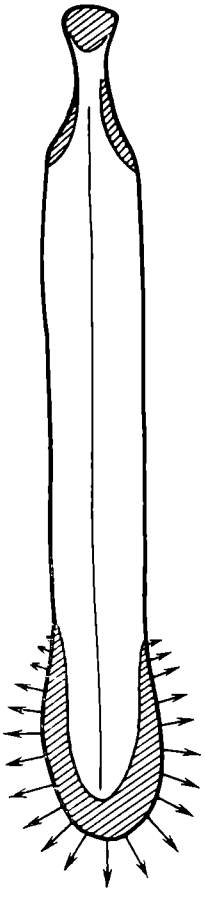
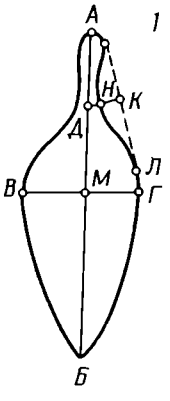


Рис. 5

Рис. 5. Принципиальная схема ножа из Бандуркинского клада (косыми штрихами показаны места проковки, стрелками — направление режущих сил)

Рис. 6. Схемы методов измерений основных параметров ножей по С. Н. Кореневскому (*1*) и М. Матушеку (*2*)



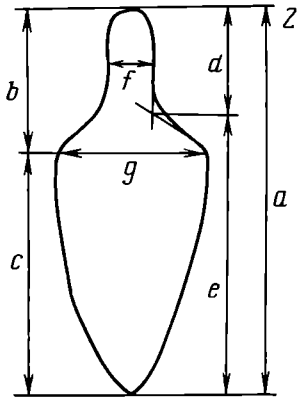


Рис. 6

кинского клада подобное построение дало явно ошибочные результаты в практическом плане. Более простым и надежным, на наш взгляд, является метод, примененный М. Матушеком при исследовании ножей культуры воронковидных кубков в Средней Европе [3]. Искомую точку или линию, отделяющую черенок от лезвия, находят здесь путем построения двух касательных к нижней части лезвия и верхней части черенка (рис. 6, *2*).

Ножи Бандуркинского клада отнесены нами ко II группе, по классификации С. Н. Кореневского, которая включает ножи с выделенным подостренным в нижней части лезвием [1, с. 47]. В этой группе известно ~60 находок, происходящих главным образом из погребений катакомбной (42), полтавкинской (4) и многоваликовой культур (3). Известны находки подобного типа и на Кавказе (8). Сравнивая результаты замеров длины, ширины и коэффициента расширения лезвия по всей серии ножей, исследованных С. Н. Кореневским, и ножей Бандуркинского клада, приходим к следующим выводам. Средняя длина публикуемых ножей (240 мм) выходит за пределы корреляционной таблицы С. Н. Кореневского (наибольший — 210 мм). Коэффициент расширения лезвия бандуркинских ножей (0,7) почти соответствует наибольшему значению в графике С. Н. Кореневского (0,75). Средняя ширина ножей клада находится в центральной части корреляционной таблицы [1, с. 35, рис. 2, с. 47].

Территория распространения ножей II группы, по классификации С. Н. Кореневского, охватывает большой район от Поволжья на востоке до Нижнего Поднепровья на западе, включая на юге территории Крыма и Северного Кавказа. Исследуя химический состав металла и примесей в ранних ножах бронзового века С. Н. Кореневский пришел к выводу о значительном отличии его от металла кавказских образцов, имеющих более значительные примеси мышьяка, что, по его мнению, является

свидетельством местного севернопричерноморского производства этой группы ножей [1, с. 47]. Бандуркинский клад ножей II группы является самым западным пунктом их распространения в Северном Причерноморье.

Значительный территориальный диапазон распространения этих ножей, кроме этого, характеризуется большой широтой культурно-хронологической привязки их находок в погребениях ямной, катакомбной, полтавкинской и многоваликовой культур, время существования которых охватывает довольно длительный промежуток времени — от начала до середины II тысячелетия до н. э. В чем кроется загадка столь широкого географического и культурно-хронологического диапазона распространения ножей этой группы? По нашему мнению, ответ на этот вопрос дает определение специального функционального назначения этих ножей.

Обратим внимание, что рабочей частью ножа является специально раскованный и заостренный, слегка расширенный овальный конец.

Орудие такого типа должно быть связано с подрезанием, направленным вперед и в стороны на довольно значительном расстоянии от рукояти. Это хорошо видно на схеме разложения направлений режущих сил рабочей части ножа (рис. 5). Именно такой инструмент, если говорить о его конкретном функциональном назначении, необходим для подрезания и снятия шкуры крупных животных. При этом закругленная острая часть лезвия только подрезала и отделяла шкуру животных, не прокалывая ее, как могло бы случиться при иной конфигурации концевой части ножа (подтреугольная, листовидная). Удлиненный клинок ножа позволял при подрезании засовывать лезвие на такое расстояние, при котором возможно было сгибать шкуру животных, чтобы вести этот процесс до полного окончания. Длина клинка определяла глубину подрезания шкуры, что особенно важно при снятии толстых и больших по размеру шкур таких крупных животных, как бык или конь.

Современные специалисты по первичной обработке кожевенного сырья подчеркивают традиционность техники съемки шкуры на туше животных, в которой сохраняются давно выработанные линии разреза [4, с. 130]. Существуют три способа снятия шкур животных: «чулком» с головы (горностай, ласка, соболь); трубкой» с огузка (белка, барс, бобер, волк, рысь, заяц); «пластом», или «ковром» (барсук, тигр, медведь). Они применяются в зависимости от размеров животных и целевого назначения шкур [5, с. 84—89]. «Пластом», или «ковром» снимаются шкуры и крупного рогатого скота. Во избежание порезов при снятии шкур, например телят, ножом пользуются только для зачистки мясного пласта, а сдирают их рукой [6, с. 52]. Съемка шкур с овец и коз отличается в основном тем, что шкуру на животе и груди отделяют лишь на расстоянии 6—10 см от линии разреза, а затем отдирают ее от туши пользуясь кулаком и почти не прибегая к помощи ножа [7, с. 126]. Главными недостатками при съемке шкур считается появление на коже дыр, прорезей, подрезей и т. д. Можно предположить, что исследуемые ножи могли использоваться для подрезания кожи и отделения от мясного пласта методом «пласта», или «ковра» с туш крупных животных.

Изучение современной технологии обработки шкур предполагает возможность еще одной функции ножей Бандуркинского клада. Известно, что после снятия шкур их дальнейшая обработка связана с одним из ответственнейших процессов — «мездрением», который производится на колоде специальным ножом, называемым «подходкой» или «тупиком» (мездряком), представляющим собой двулезвийный нож, одна сторона которого остро отточена, а вторая представляет «тупик» [8, с. 16—17]. Возможно, роль своеобразного «тупика» могли играть тупые параллельные длинные стороны клинков бандуркинских ножей, применявшихся и при «мездрении». Изучение поверхности ножа 6, проведенное Г. В. Кизь на бинокулярной лупе, показало, что на тупых параллельных длинных сторонах имеются следы заглаженности и поперечные следы, подтверждающие возможность их использования в качестве «тупиков» или «мездряков».

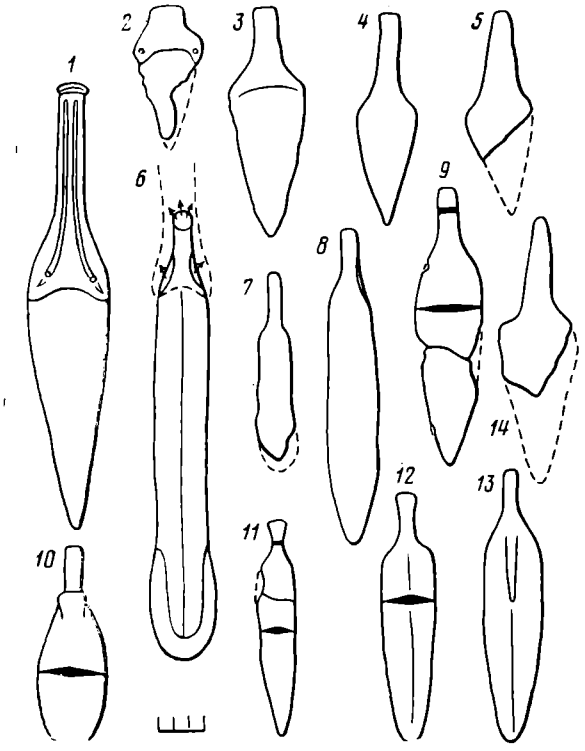


Рис. 7. Сравнительная таблица бронзовых ножей разных типов и некоторые новые их находки на территории Северо-Западного и Западного Причерноморья: *1* — Старогорожено; *2* — Лханица; *3* — Барвинг; *4* — Градиште; *5* — Тирасполь; *6* — Бандурка; *7* — Нижняя Ведуга; *8* — Днепробуд; *9, 11* — Кослоджени; *10* — Приморское; *12* — Килия; *13* — Доброалександровка; *14* — Новокаменка

Таким образом, ножи из Бундуркинского клада можно определить как специальный инструмент, предназначенный в основном для выполнения двух функций: для подрезания и снятия шкур крупных животных, дальнейшей их обработки «мездрением». К ним неприменимо полностью определение Г. Чайлда как специальных «свежевальных» ножей, известных в странах Древнего Востока [9, с. 109, рис. 28]. Бандуркинские ножи имеют специальное полифункциональное назначение, связанное, вероятно, с высокой эффективностью работы и обработкой большого количества шкур животных. Небольшой черенок и соответственно маленькая закрепленная на нем ручка, необходимая лишь, чтобы управлять движениями лезвийной части ножа, завершают законченное конструктивное решение этого ножа скотоводов. Реконструкция крепления деревянной рукояти ножей Бандуркинского клада помогает находка кинжала с металлической рукояткой в ямном погребении у с. Старогорожена на Ингуле [10, с. 272; 11, с. 114, рис. 10, *1*]. Металлическая рукоять последнего, несомненно, повторяет конструкцию деревянной, перекрывая переходную часть от черенка к лезвию (рис. 7, *1, 6*). Такое же крепление зафиксировано и на ранних ножах культуры воронковидных кубков [3, с. 68,рис. 2, *1, 9*] из Барбинга (рис. 7, *3*) и Лханицы (рис. 7, *2*).

Учитывая особое значение и основную направленность скотоводческого характера степных племен бронзового века Восточной Европы [12, 13], в быту и хозяйстве которых широко использовались кожи для изготовления одежды, обуви, бурдюков для хранения жидкости, строительства кибиток и юрт, всевозможных предметов быта и орудий труда, не приходится удивляться широкому территориальному и культурно-хронологическому диапазону бытования подобных специальных ножей для снятия шкур животных и первичной обработки кожевенного сырья. Они, вероятно, исчезают лишь в позднебронзовом веке, когда наряду со скотоводством одно из главных мест в хозяйстве начинает занимать земледелие и появляются поселения оседлого населения с иным образом жизни и техническими средствами.

Какое же все-таки конкретное культурно-хронологическое место в системе древностей бронзового века занимает Бандуркинский клад? Выделенная С. Н. Кореневским II группа ножей еще не дает точного

ответа, не помогают решить этот вопрос и материалы поселения, расположенного рядом, связь с которым малодоказательна. Пути для решения этого вопроса, на наш взгляд, необходимо искать в следующем: 1) более подробном типологическом и культурно-хронологическом членении ножей II группы; 2) изучении общих тенденций развития ножей бронзового века; 3) выявлении конкретных культур в районе находки клада, среди которых такие ножи были распространены; 4) определении химического состава металла изделий клада и его происхождения, установлении культурно-хронологической связи с близкими по составу другими изделиями и центрами металлообработки; 5) металлографическом анализе и установлении различий в технике изготовления различных типов ножей II группы. Для нас доступны в настоящее время лишь три первых избранных пути в определении культурно-хронологического места Бандуркинского клада.

Действительно, обоснованная С. Н. Кореневским II группа ножей с выделенным в нижней части подостренным лезвием включает несколько типов, отличающихся между собой не только размерами, пропорциями, но и конструктивными частями, формой и разрезом клинка и особенно лезвия. В этой группе вырисовывается не менее четырех типов.

1. Ножи с широким лезвием, ширина которого составляет около половины длины клинка, с наибольшим расширением в средней части. Наиболее яркий экземпляр представлен находкой в катакомбном погребении Архаринского могильника [1, с. 37, рис. 4, *12*].

2. Ножи с резко расширяющимся лезвием, имеющим подтреугольную форму. Большинство находок связано с погребениями катакомбной культуры [1, с. 37, рис. 4, *11*, *13—15*, *17*, *19*, *34*, *43*].

3. Ножи с параллельными краями удлиненного клинка и расширенным на конце лезвием подтреугольной или пламевидной формы, занимающего от $^1/_3$ до $^1/_4$ всей его длины. Некоторые из них трапециевидные в разрезе и имеют по середине намеченное ребро. Встречаются в погребениях как катакомбной, так и многоваликовой культур [1, с. 37, рис. 4, *36*, *20*, *26*].

4. Ножи почти листовидной формы со слабо выраженным концевым расширением лезвия. У некоторых по середине выражено ребро. Находки связаны с разнокультурными погребениями [1, с. 37, рис. 4, *18*, *22*, *23*, *28*, *30*]. Этот тип ножей весьма близок к IV группе ножей по Кореневскому.

Ножи Бандуркинского клада относятся к выделенному нами III типу из II группы С. Н. Кореневского, составляя особый подтип, отличающийся конфигурацией заоваленной части лезвия и своими значительными размерами. Наибольшее сходство в общей форме бандуркинские ножи обнаруживают с экземплярами, найденными в погребениях культуры многоваликовой керамики у Днепробуда (рис. 7, *8*) и Нижней Ведуги (рис. 7, *7*), которые датируются XVI—XV вв. до н. э. [14, с. 340—342, рис. 96, *1, 3*]. О сравнительно позднем их характере свидетельствуют большие размеры и четко выраженное ребро по середине клинка, имеющей трапециевидный разрез.

Как уже говорилось, на территории Нижнего Побужья в настоящее время известны памятники ямной [15, с. 7—133; 16, с. 22—36], катакомбной [15] и многоваликовой культур [17, с. 55—62; 18; 19, с. 63—64]. Исходя из морфологических особенностей ножей Бандуркинского клада и более близких им аналогий в находках культуры многоваликовой керамики, предпочтительнее всего связывать их с этой культурой, датировка которой в настоящее время разными исследователями относится к периоду XVII—XIV вв. до н. э. [20, с. 200; 21; 22, 23, с. 5; 24, с. 102; 25, с. 15; 26, с. 59].

В связи с изучением ножей Бандуркинского клада хотелось бы обратить внимание на их особое место в системе металлических древностей Евразийского континента и отсутствие находок за пределами степной зоны. Изучение древнейших металлических ножей степных культур Восточной Европы, проведенное С. Н. Кореневским, охватывает

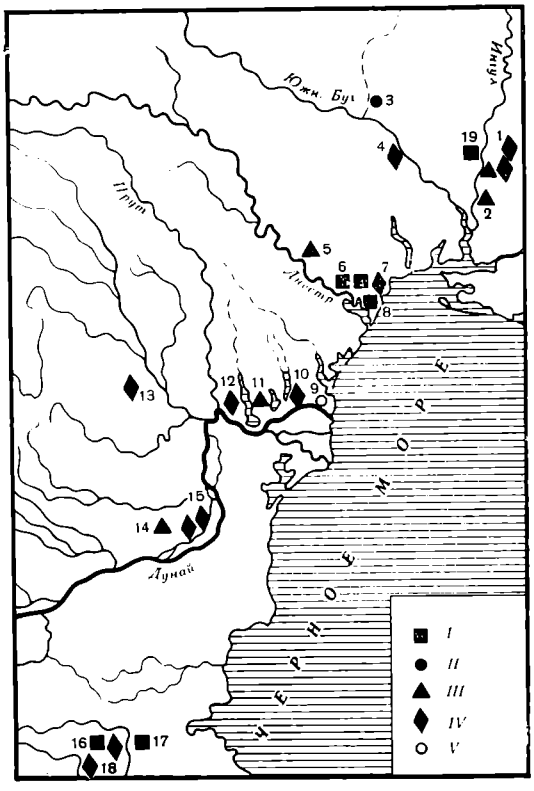


Рис. 8. Карта находок древних металлических ножей на территории Северо-Западного и Западного Причерноморья: *1* — Старогорожено; *2* — Константиновка; *3* — Бандурка; *4* — Прибужье; *5* — Тирасполь; *6* — Ясски; *7* — Доброалександровка; *8* — Николаевка; *9* — Приморское; *10* — Килия; *11* — Новокаменка; *12* — Фрикацей; *13* — Одобешти; *14* — Градиште; *15* — Кослоджени; *16* — Нова Загора; *17* — Ямбол; *18* — Эзеро; *19* — Майоровка. I—IV — номера групп, **V — другие типы**

лишь территорию, западной границей которой служит район Нижнего Поднепровья. Между тем исследования последних десятилетий показали существование многих степных культур (ямная, катакомбная, многоваликовая) не только в пределах степной зоны Северо-Западного Причерноморья — к западу от Днепра до низовий Дуная, но и на территории Нижнего Подунавья (Румыния, Болгария, Венгрия). Находки древнейших металлических ножей в контактной зоне Северо-Западного Причерноморья, связанного не только со степными, но и центральноевропейскими, балкано-дунайскими культурами бронзового века, дают новые представления не только о территории их распространения, но и уточняют хронологические рамки бытования отдельных групп. Лакуна степной приморской зоны Северо-Западного Причерноморья заполняется целым рядом новых находок ножей (рис. 8).

Так, кроме отмеченных уже С. Н. Кореневским находок ножей I группы из Ямболя и Новой Загоры на территории современной Болгарии [27, с. 159, рис. 29, *7*, *21*] они обнаружены в погребениях ямной культуры у с. Майоровка на Ингуле [28, с. 15, рис. 4, *3*], погребении 18 (2 экз.) кургана 1 у с. Ясски [29, с. 258] и погребения 4 кургана 1 у с. Николаевка на Днестре. Ножи III группы найдены в ямных погребениях у с. Константиновка на Ингуле [28, с. 15, рис. 4, 8, 9], в кургане 193 у г. Тирасполя (рис. 7, *5*) на Днестре [30, рис. 153; 31, с. 44], погребении 11 кургана 7 у с. Новокаменка (рис. 7, *14*) в междуречье Дуная и Днестра, случайная находка происходит из Градиште (рис. 7, *4*) на территории Румынии [32, с. 523, рис. 2, *1*]. Ножи IV группы известны из кеми-обинского (?) погребения кургана 1 у с. Старогорожена на Ингуле [11, с. 102, рис. 3, 4], погребения 12 культуры многоваликовой керамики в кургане 4 могильника «Фрикацей» в междуречье Дуная и Днестра. Случайные находки происходят из с. Прибужье на Южном Буге, с. Доброалександровка на р. Барабой (рис. 7, *13*), г. Килии на Дунае (рис. 7, *12*), из Кослоджени (рис. 7, *9*, *11*) и Одобешти в Румынии [32, с. 523, рис. 2, *2*, *3*; 33, с. 94]. Известны они и на территории Болгарии, в Новой Загоре и Эзеро [27, с. 159].

Особого внимания заслуживает единственный пока ранний нож с металлической рукояткой (рис. 7, *1*) из упоминавшегося ямного погре-

бения 17 в кургане 1 у с. Старогорожено на Ингуле. Кавказские аналогии, приведенные исследователями для этого ножа [28, с. 26], не мешают рассматривать его с другими ножами Северного Причерноморья. Во всяком случае широкое листовидное лезвие этого пока уникального экземпляра совершенно сходно с такими же ножами III группы, а металлическая рукоять, вероятно, лишь повторяет форму деревянных, которые не сохраняются в погребениях. Следует отметить, что близкие аналогии не только в общей форме лезвийной части, но и в оформлении верхней части клинка в виде изогнутых намеченных перекрестий и парных отверстий наблюдаются в кинжалах, найденных в погребениях культуры колоколовидных кубков из Барвинга в ГДР (рис. 7, *3*) и Лханицы в Моравии (рис. 7, *2*), выделенных М. Матушеком в IV тип [3, с. 68, рис. 2, *1*, *9*].

Изучение территории распространения древнейших металлических ножей показывает, что они были распространены в культурах энеолита, ранней и средней бронзы почти всей Европы — от Атлантического побережья до Кавказа, от Британских островов до Средиземного моря. Количество их типов невелико, и все они в основном соответствуют III и IV группам С. Н. Кореневского, выделенным для Восточной Европы. Большое количество находок ножей связано с территорией Средней Европы, где они известны в значительном количестве в культуре колоколовидных кубков. Так, ножи, выделенные в трп варианта Е. Шубертом [34, с. 105], и I—IV типы М. Матушека [3, с. 66] соответствуют в целом III группе С. Н. Кореневского. Два из них (нож из Пршедмости и негатив на литейной форме из Людержова) сходны по форме с ножами IV группы в Восточной Европе. По-видимому, с культурой колоколовидных кубков связано распространение подобных ножей на территории Франции [35, с. 63—91], Британских островах [36], Голландии [37, с. 227—251], Северной Италии [38, с. 45—84], Сардинии [39, с. 75—98], на Кипре [40, с. 233—234], Пиренеях [41, с. 64—105]. Известны находки подобных ножей и в культурах шнуровой керамики. По мнению многих исследователей, эти находки составляют «паневропейский горизонт» весьма сходных типов ножей. Некоторые из них — с подтреугольным, трапециевидным или прямоугольным черенком — на территории Болгарии выделены Е. Н. Черных в типы Н-6, Н-8 и соответствуют III и IV группам С. Н. Кореневского. Е. Н. Черных подчеркивает, что это одна из самых распространенных категорий металлических орудий, производившихся в очагах Циркумпонтийской провинции», включая сюда Малую Азию и Кавказ [27, с. 161]. К сожалению, их подробное типологическое и культурно-хронологическое изучение только началось.

В отличие от ножей названных выше групп территория распространения ножей II группы ограничивается только степями Восточной Европы, а Бандуркинский клад является самой западной находкой в них, что подчеркивает сугубо степной характер производства их, связанный со скотоводческим направлением хозяйства. Вероятным прототипом таких ножей служили ножи I группы с расширенным книзу лезвием и округленным острием, регион распространения которых охватывает также в основном степи Восточной Европы, включая Северный Кавказ и Нижнее Поднепровье. Ножи этой группы с широкими лопаткообразными лезвиями, как и орудия Бандуркинского клада, возможно, также имели ограниченное функциональное назначение. Этого нельзя сказать вообще обо всех ножах II группы, использование которых носило более полифункциональный характер, о чем свидетельствуют подтреугольные или листовидные концы лезвий многих из них, пригодные для прокалывания или нанесения колющего удара.

Специфическое назначение ножей Бандуркинского клада, возможно, позволяет предполагать их культурно-хронологическое сосуществование с ножами других типов и групп, предназначенных, по мнению С. Н. Кореневского, для использования в качестве таких универсальных орудий, какими вообще являются ножи, а отдельных экземпляров — как черенко-

вых наконечников копий и дротиков [1]. Иначе говоря, эти ножи нельзя ставить непосредственно и безоговорочно в какой-либо эволюционный ряд развития этих орудий. С другой стороны, создание любого орудия труда, его конструктивное решение должно было базироваться на определенных традициях. Интересно, например, что найденный в погребении 50 культуры многоваликовой керамики кургана 1 у с. Приморское на левобережье Нижнего Дуная [42, с. 386—387] бронзовый нож с намеченным упором для рукояти (рис. 8, *10*) сохранил в форме лезвия древние черты ножей I группы ямной культуры. В этом плане видна не только взаимосвязь ножей I и II групп, но и определенное влияние ножей II группы на дальнейшее развитие ножей и кинжалов бронзового века Северного Причерноморья, выразившееся в сохранении почти параллельных лезвий на кинжале из Бородинского клада [43], Малых Копаней [44, с. 23—27], доживших вплоть до конца бронзового века и начала раннего железа в кинжалах кишиневского типа [45, с. 115].

Бассейн Нижнего Побужья, особенно в районе Первомайска, где найден Бандуркинский клад, известен теперь большой концентрацией кладов среднего и позднего периодов бронзовой эпохи (Ульяновский, Софиевский, Ингульский, Щетковский, Козорезовский, Журавлинский, Курлозский, Вознесенский, Новогригорьевский и др.). Объяснением этому может быть существование в указанном районе перекрестка важнейших торговых путей, расположение здесь древнейшего центра металлообработки или политического центра племенных союзов, а может быть, одновременное действие всех этих факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур.— СА, 1978, № 2.
2. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
3. *Matousek M.* Mèdènà industrie kultuy zvoncovatych pohàru vestrèdni Evrope.— Praehistorica, VII (Varia archaeologica). Praha, 1978.
4. *Каспарьянц С. А., Люксембург М. С.* Кожевенное сырье. М.: Легкая индустрия, 1971.
5. *Конюхович А. А., Орлов И. М., Эткин Я. С.* Первичная обработка и прием животного сырья. М.: Колос, 1969.
6. *Леонтьев И. И.* Руководство по обработке кожевенного сырья. М.: Пищепромиздат, 1955.
7. *Герчиков Л. Б., Кокотов З. И., Сундукьян Г. С.* Кожевенное сырье. М.— Л.: Центросоюз, 1948.
8. *Гаевой Е. В.* Первичная обработка и определение качества кожевенного сырья. М.: Заготиздат, 1962.
9. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
10. *Шапошнікова О. Г.* Ямна культура.— В кн.: Археологія Української РСР. т. 1, Київ: Наук. думка, 1971.
11. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М.* Курганная группа близ с. Старогорожена.— Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М.: ИА АН СССР, 1968.
13. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
14. *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки.— В кн.: Археологія Української РСР, т. 1, Київ: Наук. думка, 1971.
15. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Г. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка.— В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
16. *Черняков И. Т.* Погребения эпохи энеолита и бронзы на Южном Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
17. *Яровая Е. Ф.* Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области.— МАСП, 1957, № 1.
18. *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. Киев: ИА АН УССР, 1975.
19. *Клюшинцев В. Н.* Памятники культуры многоваликовой керамики Степного Побужья.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. (тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980.
20. *Субботин Л. В., Черняков И. Т., Ядвичук В. И.* Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1976, № 8.
21. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики).— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
22. *Николаева Н. А.* О соотношении «многоваликовых» и раннесрубных погребений

Донеччины.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья (Научные труды Куйбышевского пединститута, т. 221). Куйбышев, 1978.
23. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
24. *Пустовалов С. Э.* К сложению культуры многоваликовой керамики в Степном Поднепровье.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
25. *Сафронов В. А.* Хронологическая система бронзового века Юга Восточной Европы.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
26. *Черняков И. Т.* Бородинский культурно-хронологический горизонт в памятниках Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. (тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980.
27. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
28. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне Ингула.— В кн.: Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
29. *Алексеева И. Л., Дворянинов С. А., Добролюбский А. О., Кушнир В. Г., Чернов С. И.* Работы Нижне-Днестровской экспедиции.— АО — 1976, М., 1977.
30. *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии, ч. I. Херсон: Юг, 1903.
31. *Дергачев В. А.* Памятники эпохи бронзы.— АКМ, 1973, вып. 3.
32. *Culică B.* Contributii la cunoasterea epocii bronzului in judetul Jalomita — SCIV(A), 1975, t. 26, N 4.
33. *Morintz S.* Contributii arheologice la istoria tracilor timpurii. 1. Epoca bronzului inspatiul carpato-balcanic. Bucuresti, 1978.
34. *Schubert E.* Studien zur fruhen Bronzezeit an der Mittleren Donau.— BRGK, 1974, t. 54.
35. *Riquet R., Gutlaina F., Caffin A.* Les campaniformes francaises.— Gallia Prèhistoire, 1963, t. VI.
36. *Clarke D. L.* Beaker Pottery of Great Britain and Ireland. Cambridge, 1970.
37. *Waterbalk H. T., Buttler F. F.* Comments on the Use of Metalurgicae Analysis in Prehistoric Studies.— Helenium, 1965, vol. V.
38. *Barfield H. L., Fasani L.* Bemerkungen zum spaten Neolithikum und zum Beginn der Bronzezeit in Norditalien.— ZbFFUK, 1972, t. XXIII.
39. *Bray W.* Sardinian Beakers.— PPS, 1964, vol. XXX.
40. *Giersad E.* Studies of Prehistoric Cypres. Upsala, 1926.
41. *Harrison R. F.* A Reconsideration of the Iberian Background to Beacer Metallurgy.— Palaehistoria, 1974, vol. XVI.
42. *Чеботаренко Г. Ф., Черняков И. Т., Тощев Г. Н.* Работы Измаильской экспедиции.— АО — 1976. М., 1977.
43. *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад. М.: ГИМ, 1949.
44. *Черняков И. Т.* Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье (О так называемом «Коблевском» или «Тилигульском» кладе).— ЗОАО, 1967, № 2 (35).
45. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.

I. T. Chernyakov, V. I. Nikitin

BANDURKA BRONZE AGE TREASURE (SOUTHERN BUG AREA)

Summary

When a house was being built near the village of Bandurka of the Pervomaisky District of the Nikolayev Region, in the Southern Bug basin (fig. 1 and 2) in 1981 there was discovered a treasure of 12 bronze knives 11 of which were preserved (fig. 3 and 5). An exploration of the site of the find and its close vicinity led to the discovery of fragments of Bronze Age pottery (fig. 4, 1—3) and a stone grinder (fig. 4, 4). All metal knives were found to exhibit one type being 236—250 millimetres long and having an average weight of 63.15 grams. The knives have short hafts and long blades with almost parallel edges and widened tips. The wide tips and hafts are forged and sharpened (Fig. 6). A research has shown that the knives were intended for the removal and subsequent processing of the hides of killed big animals such as oxen and horses, which played a big role in the stockbreeding economy of the North Pontic area. The early metal knives of the pit-grave, catacomb, Poltavka and multiribbed cultures of the steppe zone of Eastern Europe have been studied and classified by S. N. Korenevsky. The knives of the Bandurka hoard belong to the 3rd type of the 2nd group and associated with the multiribbed pottery culture of the 17th-14th centuries B. C. In distinction from other groups of knives, which were spread over an enormous territory that embraced Central, Western and South Western Europe, the knives of the 2nd group, to which the Bandurka treasure belongs, are localised only in the steppes of Eastern Europe. This is connected with their economic utilisation by the stockbreeding tribes.

ПЯТЫХ Г. Г.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДЕРЕВЯННОЙ ПОСУДЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ

В памятниках позднего бронзового века Поволжья среди огромного количества керамической посуды встречаются отдельные экземпляры посуды, изготовленной из дерева. Известные нам находки происходят из погребальных памятников. Часто наличие такой посуды фиксируется лишь по металлическим деталям, нередко одновременно выполнявшим роль различных креплений и декоративных элементов. Подобные находки распространены в культурах эпохи бронзы и на других территориях. Обычно авторы раскопок интерпретируют такую посуду как «миски», «чаши», «блюда» и «подносы», реже встречаются упоминания о деревянных «ковшах» и «черпаках». Вероятно, на предварительном уровне деревянную посуду можно разделить на три основных вида: глубокую типа мисок и чаш, мелкую типа блюд и подносов и ковши. Вероятнее всего, деревянная посуда являлась столовой, хотя «ковши» могли выполнять и более широкие функции.

В Поволжье к находкам такого рода можно отнести чашу из погр. 4 кург. 4 Королевского могильника в Волгоградской обл. [1, с. 155], фрагменты чаши из могильника между райцентром Быково и пос. Верхний Балыклей [2, с. 180], из погр. 4 кург. 9 могильника Быково I (рис. 1, *6*) [3, с. 197, рис. 10, 11], из погр. 10 кург. 5 Бережновского I могильника [4, с. 69] в Волгоградском Заволжье.

В Саратовской обл. остатки деревянной посуды зафиксированы в единственном погребении кург. 11 у с. Скатовка [4, с. 168], в погр. 3 кург. 7 у Покровска (рис. 1, *8*) [5, с. 74, рис. 19, *3*], в погр. 8 Алексеевского II бескурганного могильника [6, с. 9, рис. 25], в одном из разрушенных погребений в кургане у станции Карамыш (рис. 1, *5*) [7, с. 120, рис. 69], в погр. 1 кург. 2 у Усть-Грязнухи, раскопанного Т. М. Минаевой [7, с. 121].

На территории Куйбышевской области металлические оковки деревянных сосудов были найдены в единственных погребениях кург. 1 и 2 могильника у с. Песочное в Безенчукском р-не [8, с. 5—13], в погр. 3 (основном и единственном погребении эпохи бронзы) одиночного кургана у Золотой Нивы в Ставропольском р-не [9, с. 27—30], в погр. 1 кург. 1 у с. Кротовка Кинель-Черкасского р-на, исследованном В. В. Гольмстен (рис. 1, *4*) [10, с. 68, рис. 15, *9*], в кург. 2 у пос. Бутурлинского, раскопанного в 1926 г. В. П. Мизиновой (рис. 1, 7) [10, с. 68, рис. 15, *8*].

Многочисленные аналогии деревянной посуде из памятников позднего бронзового века Поволжья происходят с территорий Подонья, Украины и Северного Кавказа. В этих регионах деревянная посуда встречается в основном в памятниках трех культур: срубной, многоваликовой керамики и катакомбной.

На территории Украины известен целый ряд памятников культуры многоваликовой керамики и срубной, в которых была найдена деревянная посуда. Это основное погребение кург. 4 и погр. 2 и 3 кург. 8 в урочище Носаки, погр. 1 кург. 1 у Малой Белозерки [11, с. 13]. Бронзовые оковки были найдены еще в ряде погребений курганной группы Рясные Могилы [11, с. 14]. Находки такого рода содержали также основное погребение кург. 3 у с. Борозенское Херсонской обл. [12, с. 324], совершенное в каменном ящике погребение кург. 3 у Круглого Леса у дер. Новоалександровки Бахмутского уезда Екатеринославской губернии [13, с. 324],

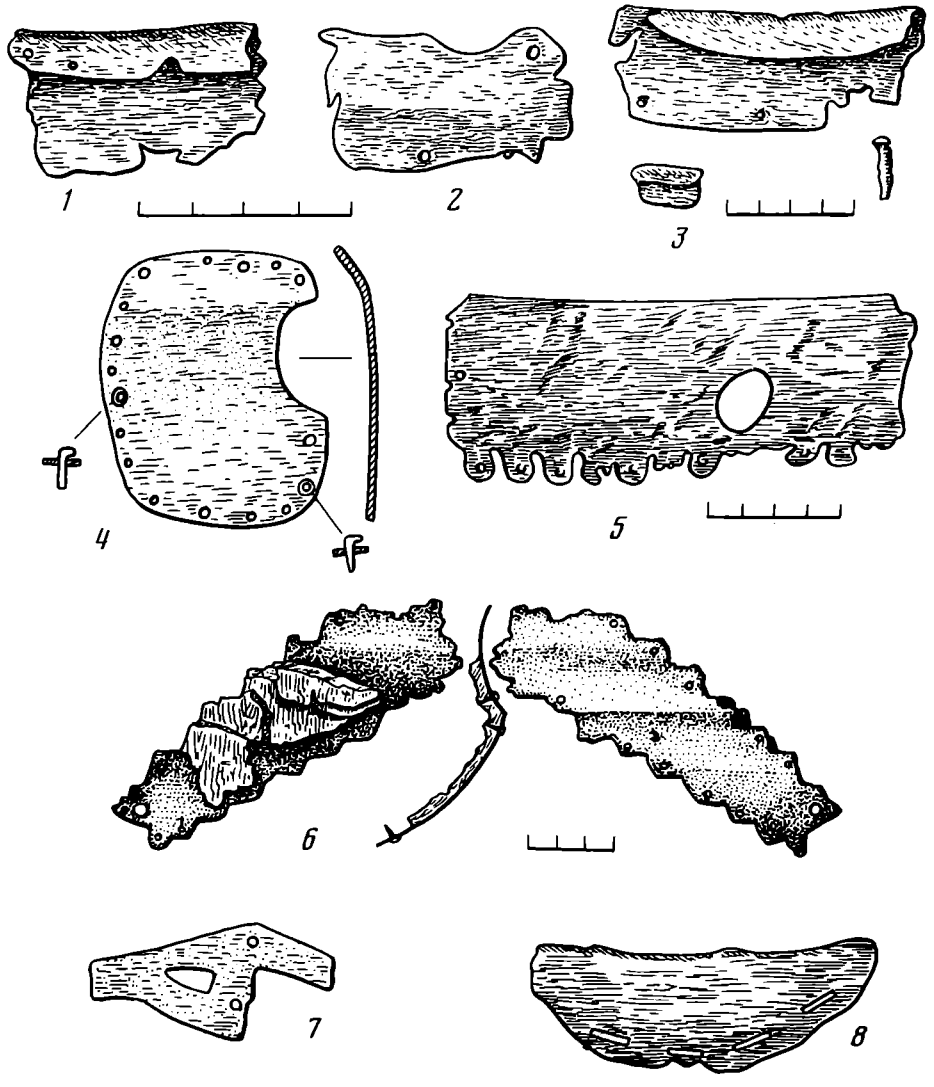


Рис. 1. *1, 2* — Бородинский клад; *3* — станица Кременская, кург. 3, погр. 2; *4* — Кротовка, кург. 1, погр. 1; *5* — курган у станции Карамыш; *6* — Быково I, кург. 9, погр. 4; *7* — пос. Бутурлинский, кург. 2; *8* — Покровск, кург. 7, погр. 3

основное погребение кург. 7 у с. Башмачка [14, с. 30], погр. 1 кург. 25 группы III и погр. 5 кург. 2 группы V у с. Верхняя Маевка (рис. 2, *6*) [15, с. 10, 15, рис. 9], каменный ящик, исследованный при раскопках курганов в районе сел Орехово и Никольское [16, с. 307], а также некоторые погребения могильника III у с. Новоподкряж [17, с. 278] Днепропетровской обл. В Николаевской обл. деревянная посуда была найдена в каменном ящике в кургане «Шарованская могила» [18, с. 317] и в погребении, совершенном в яме с подбоем, в курганной группе у с. Висунск Березнеговатовского р-на; это погребение, содержавшее деревянный черпак и сосуд с металлическими деталями, автор раскопок интерпретировал как киммерийское [19, с. 401]. Остатки деревянной посуды найдены также в погр. 1 кург. 19 могильника Широкое III [20, с. 33], в погр. 4 кург. III у Нижних Серогоз Таврической губернии [21, с. 84], в одном из погребений у с. Еленовка [22, с. 95], металлические оковки были среди вещей Бородинского клада (рис. 1, *1*, *2*) [23, с. 6, табл. XII, *6*, *7*], в основном погр. 1 кург. 1 группы I (рис. 2, *4*) [24, с. 90, рис. 1, *13*) и в погр. 1 кург. 1 группы VI у с. Новоподкряж в Приорелье (рис. 2, *5*) [25, с. 35, табл. 4, *8*], в погр. 1 кург. 1 у с. Веселое (рис. 2, *3*) [24, с. 89, рис. 1, *8*], в погр. 3 кург. 3 у с. Алек-

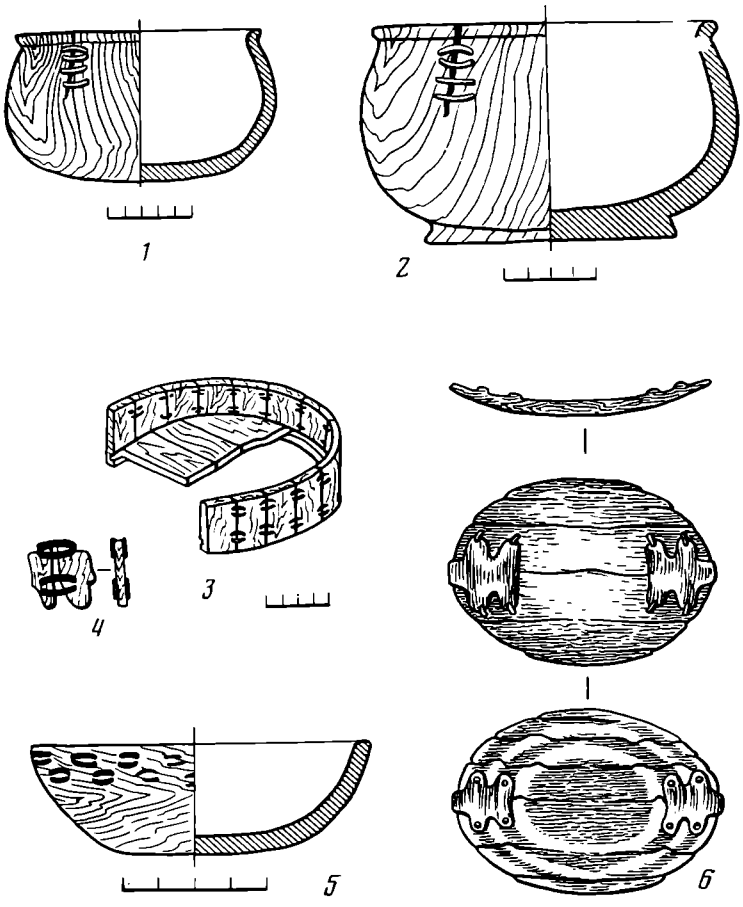


Рис. 2. *1, 2* — Александровка, кург. 3, погр. 3 (*1* — по Н. В. Чернявской, *2* — по И. Ф. Ковалевой и др.); *3* — Веселое, кург. 1, погр. 1; *4* — Новоподкряж, группа I, кург. 1. погр. 1; *5* — Новоподкряж, группа VI, кург. 1, погр. 1; *6* — Верхняя Маевка, группа V, кург. 2, погр. 5

сандровка Днепропетровской обл. (рис. 2, *1* и 2) [1] [24, с. 91, рис. 2, *8*; 26, с. 7, 8, табл. 5, *5*].

Кроме того, по данным В. В. Отрощенко, на территории Украины остатки деревянной посуды зафиксированы в погр. 2 кург. 12 у Б. Белозерки, в погр. 2 кург. 17 у совхоза «Степной», в погр. 1 кург. 59 у с. Любимовка в Херсонской обл., в погр. 2 кург. 3 у с. Вильна Украина, в погр. 10 кург. 12 у Первоконстантиновки и в погр. 4 кург. 10 у Южного горнообогатительного комбината у г. Кривой Рог [2].

В правобережье Дона металлические детали от деревянного сосуда найдены В. П. Шиловым в погр. 2 кург. 3 могильника 1 у станицы Кременской (рис. 1, *3*) [27, с. 95, рис. 5, 7].

Значительное количество находок деревянной посуды происходит и из катакомбных памятников. Так, в Подонье деревянная посуда встречена в погр. 3 кург. 8 Ильменского могильника [28, с. 27], в катакомбном погребении могильника у с. Сидоры Михайловского р-на Волгоградской обл. [29, с. 117], в погр. 24 кург. 2 Старосоленовского могильника на северо-восточной окраине Волгодонска (2 экз.) [30, с. 112], металлические детали, предположительно от деревянного сосуда, были в одном

[1] В настоящей статье дается два изображения сосуда из погр. 3 кург. 3 у Александровки, так как у разных авторов сосуд изображается по-разному — с поддоном и без него [26, табл. 5, *5* и 24, рис. 2, *8*].

[2] Выражаю В. В. Отрощенко глубокую признательность за предоставление этой информации.

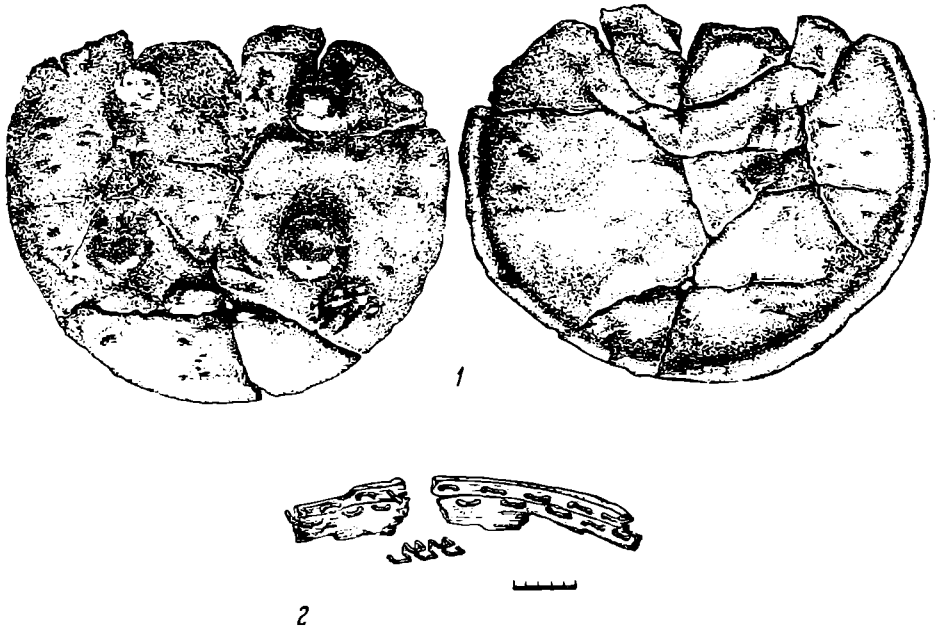


Рис. 3. *1* — станция Манас, кург. 3, погр. 2; *2* — Аккермень I, кург. 17, погр. 3

из погребений Павловского могильника у с. Шкурлат в Воронежской обл. [31, с. 72]. В памятниках катакомбной культуры на территории Ростовской обл. находки деревянной посуды известны в одном из погребений могильника у станицы Грушевской Аксайского р-на [32, с. 145], в комплексах катакомбных погребений Шахаевской курганной группы на правобережье Маныча в Багаевском р-не [33, с. 122], в центральном погребении кург. 3 Балабинского III могильника на левом берегу р. Сал [34, с. 146]. Еще 8 экз. деревянной посуды из катакомбных памятников Нижнего Подонья учтено С. Н. Братченко. Это следы деревянного сосуда в погр. 17 кург. 3 у Новочеркасской ГРЭС [35, с. 156—157], поднос и блюдо в погр. 2 и миска в погр. 4 кург. 1 могильника Большой Мишкин [35, с. 164—165], чаша с металлическими скобками из погр. 14 кург. 11 могильника у хут. Верхнеянченко и остатки сосудов в погр. 1 кург. 1 и в погр. 6 кург. 2 у хут. Кудинов [35, с. 190—191], миски из погр. 30 Лысого кургана у пос. Богаевский [35, с. 224].

В памятниках катакомбной культуры на территории Украины деревянная посуда была найдена в погр. 3 кург. 17 курганной группы Аккермень I на р. Молочной в Запорожской обл. (рис. 3, *2*) [36, с. 122, рис. 81, *3*], в Днепропетровской обл.— в одном из погребений, исследованных в Никопольском р-не [37, с. 305], и в одном, исследованном в зоне Каменской оросительной системы [38, с. 296], а также в некоторых катакомбных погребениях Орельско-Самарского междуречья [39, с. 339]. В Ворошиловградской обл. деревянная посуда была найдена в катакомбных погребениях могильника у с. Говоруха Славяносебского р-на [40, с. 315] и могильника у г. Сватово [41, с. 252]. Подобные находки зафиксированы в катакомбном погребении и погребении, о котором авторы раскопок пишут как о «погребении средней бронзы», исследованных у с. Новозарьевка Старобешевского р-на Донецкой обл. [42, с. 375] и в погр. 17 кург. 17 у оз. Сасык Татарбунарского р-на Одесской обл. [43, с. 407].

Деревянная посуда известна и в памятниках катакомбной культуры на Северном Кавказе. Можно сослаться на находку остатков деревянной мисочки и хорошей сохранности блюда на четырех ножках в погр. 2 кург. 3 курганной группы у станции Манас Карабудахкентского р-на Дагестанской АССР (рис. 3, *1*) [44, с. 176, 178, рис. 9], а также на находку 6 экз. деревянной посуды в катакомбных погребениях кург. 21,

23 и 26 могильника Веселая Роща III в Новоселицком р-не Ставропольского края, исследованных В. Л. Державиным [3].

Вопрос о происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья позволяют решать несколько фактов. Во-первых, в памятниках полтавкинской культуры, предшествовавшей в Поволжье срубной, деревянной посуды пока не найдено. Хотя Н. К. Качалова и относит содержавшее остатки деревянного сосуда погр. 10 кург. 25 Бережновского I могильника к полтавкинской культуре [45, с. 122], керамический сосуд из этого погребения, характерный для эпохи поздней бронзы [4, рис. 17, *2*], не позволяет считать данное погребение полтавкинским.

Во-вторых, основное количество деревянной посуды в настоящее время происходит из памятников культуры многоваликовой керамики, раннесрубной и катакомбной культур с территории Украины, Подонья и Северного Кавказа.

В-третьих, в этих регионах производство деревянной посуды начинается не позднее эпохи средней бронзы. В этой связи заслуживает интерес сообщение о находке деревянного сосуда уже в ямном погребении, исследованном в Ростовской обл. [46, с. 146].

Эти факты свидетельствуют о хронологическом и культурном приоритете населения эпохи бронзы территорий Украины, Подонья и Северного Кавказа в выработке деревянной посуды. Следовательно, наиболее вероятно предположение, что заимствование производства деревянной посуды срубными племенами Поволжья осуществлялось от населения территорий Подонья и Поднепровья. Решить вопрос, от носителей каких конкретных культур Украины и Подонья — срубной, катакомбной или культуры многоваликовой керамики — было произведено такое заимствование, пока затруднительно, поскольку к настоящему времени не выяснено достаточно четко хронологическое соотношение этих культурных образований между собой и с раннесрубным горизонтом Поволжья.

На уровне современных представлений можно лишь привести факты, указывающие на культуру многоваликовой керамики и особенно позднекатакомбные культурные образования Подонья и Волго-Донского междуречья как на наиболее вероятные источники происхождения деревянной посуды в срубной культуре Поволжья. Во-первых, факт по меньшей мере частичного сосуществования культуры многоваликовой керамики и срубной культуры Поволжья раннего этапа сейчас уже не вызывает особых возражений. Поэтому наличие деревянной посуды в раннесрубных памятниках этого региона (как и наличие костяных пряжек, каменных топоров, некоторых типов керамики) можно отнести на счет влияния носителей культуры многоваликовой керамики на поволжское население.

Но не менее вероятно и то, что общие элементы в культуре многоваликовой керамики и раннесрубной культуре Поволжья объясняются участием в сложении этих культур позднекатакомбных образований лесостепного Подонья, Донеччины и Волго-Донского междуречья. Наличие памятников катакомбной культуры даже в Заволжье и преобладание катакомбных черт в памятниках так называемой позднеполтавкинской культуры свидетельствуют в пользу именно этой точки зрения.

Рассмотрение конкретного материала показывает, однако, сложность заимствования или наследования производства деревянной посуды срубными племенами Поволжья от населения более западных территорий, поскольку в поволжских комплексах эпохи поздней бронзы, содержавших деревянную посуду, часто выявляются черты иного культурного образования с Дона — абашевской культуры.

Так, в комплексе кург. 11 у Скатовки абашевские черты выражены настолько, что А. Д. Пряхин отнес это погребение к позднеабашевским с отдельными проявлениями влияния срубной культуры [47, с. 32—33]. Погребение 3 кург. 7 у Покровска также имеет выраженные абашевские черты [48, с. 14, табл. 1]. В погр. 4 кург. 9 могильника Быково I кроме

---

[3] Пользуюсь случаем выразить В. Л. Державину глубокую благодарность за предоставление этих данных.

деревянного имелся керамический сосуд колоколовидной формы с примесью раковины в глине, покрытый внутри и снаружи горизонтальными и косыми бороздками [3, с. 196, 197, рис. 10, *10*], и нож с широким массивным черенком [3, рис. 10, 12]. Подобные орудия, только более вытянутых пропорций, известны в кладе с Царева Кургана [49, рис. 5—7], в абашевском погребении 2 кург. 8 III Красногорского могильника в Приуралье [50, рис. 230], в единственном погребении кург. 2 у с. Песочное в Куйбышевской области, тоже содержавшем деревянный сосуд [8, с. 5—13, рис. 12,в], а также среди материалов абашевского могильника у Никифоровского лесничества в Оренбургской обл. [51, рис. 4, *1—3*, *8*]. В погр. 8 Алексеевского II могильника погребенный был в позе скорченно на боку, руки перед лицом, сопровождался сосудами с шишечками и вертикальными «елками», выполненными способом протаскивания зубчатого штампа; подобная керамика есть и в абашевской культуре, и в культуре многоваликовой керамики. В единственном погребении кург. 1 у с. Песочное в Куйбышевской области имелся нож с прилитой металлической рукоятью [8, рис. 7,в]. Подобный нож найден в погр. 4 кург. 1 Новоусманского могильника в Воронежской обл. [52, с. 73, рис. 2, *5*]; это погребение исследователи сопоставляют с погребениями доно-волжской абашевской культуры и финального этапа катакомбной [52, с. 73]. Подобный нож, но с прорезной рукояткой происходит из Новопавловского могильника в Куйбышевской обл., раскопанного В. А. Скарбовенко [53, с. 41, рис. 10]; в комплексе этого погребения исследователи также отмечают явные абашевские черты [52, с. 73]. В погребении с остатками деревянного сосуда из кург. 2 у Песочного имелся нож с длинным и широким массивным черенком [8, рис. 12,в], аналогии которому, как отмечено выше, происходят либо из абашевских памятников, либо из памятников с абашевскими чертами. В погр. 3 одиночного кургана у Золотой Нивы, исследованного Л. Н. Жигулиной, из трех ножей один имеет ромбическое окончание черенка, конец черенка другого ножа раскован.

Таким образом, рассмотрение материалов показывает, что в большой части погребений эпохи поздней бронзы Поволжья, содержавших остатки деревянной посуды, либо прослеживаются элементы абашевской культуры, либо эти погребения в своей основе относятся к донским культурным образованиям — к таким можно отнести погр. 8 Алексеевского II могильника и кург. 11 у Скатовки.

Закономерно возникает вопрос: чем объяснить, что значительное количество находок деревянной посуды в памятниках позднего бронзового века в Поволжье находится не в погребениях с выраженными чертами культуры многоваликовой керамики, в которой деревянная посуда встречается часто, а с элементами абашевской культуры, в которой, если судить по литературе, деревянная посуда, за исключением скатовского кург. 11, практически не представлена? Нам известен лишь один случай, когда в абашевском погр. 1 кург. 3 Абашевского могильника была найдена деревянная жаровня (?!) с углем, но отнесение к разряду деревянной посуды и этой находки проблематично, так как О. А. Кривцова-Гракова сообщает о ней как о прямоугольном ящике [54, с. 95].

Вероятно, все это объясняется тем, что в Подонье происходило активное взаимодействие и смешение населения двух культур — абашевской и позднекатакомбной и именно население со смешанной культурой и могло принести на Волгу традицию изготовления деревянной посуды. Видимо, не случайно, что в Поволжье пока не известны чисто абашевские памятники с деревянной посудой, даже в таких, как погр. 8 Алексеевского II могильника и в кург. 11 у Скатовки, в которых абашевские элементы представлены очень полно, погребенные уже скорчены на боку. Объяснение этого факта только влиянием срубников на проникавших в Поволжье абашевцев нельзя признать единственно возможным до тех пор, пока не будет твердо установлено, что срубно-абашевские погребения, например Покровского могильника, моложе срубных погребений, относимых Н. К. Качаловой к наиболее ранним [55, с. 71 сл.]. В настоящее

же время можно констатировать, что как срубные погребения так называемого «бережновского», по Н. К. Качаловой, горизонта, так и срубно-абашевские на территории степного Поволжья обладают одинаковым набором элементов в погребальном обряде — это большие размеры могильных ям, слабоскорченное положение погребенных, частое наличие деревянных сооружений, подстилок, свидетельств использования огня в погребальном ритуале, наличие в ряде случаев охры и мела, однотипного металлического инвентаря. Все это свидетельствует в пользу отнесения как раннесрубных, так и срубно-абашевских погребений Заволжья к одному хронологическому горизонту. Возможность этого подтверждается и отсутствием стратиграфических и иных данных фактологического порядка о хронологическом приоритете срубных погребений «бережновского горизонта» перед срубно-абашевскими, предположим, того же Покровского могильника либо иных памятников.

Таким образом, в настоящее время нельзя исключить возможность проникновения на левобережье Волги групп населения, в культуре которого сочетались черты абашевской культуры с чертами позднекатакомбных образований. В этом плане показательно, что именно смешанные, абашевско-«многоваликовые» культурные элементы зафиксированы и на более восточных территориях [56, с. 94, 95].

Погребения позднего бронзового века Поволжья, в которых найдена деревянная посуда, объединяет между собой ряд общих черт. Чаще всего эти погребения либо основные в курганах, либо наиболее древние среди погребений позднего бронзового века, очень часто имеют большие размеры могильных ям, деревянные конструкции, органические подстилки, свидетельства использования огня в погребальном ритуале, в отдельных случаях присутствуют охра и мел. Нередко в этих погребениях присутствует богатый инвентарь — керамика, вооружение, что уже отмечалось исследователями [4, с. 246; 11, с. 13].

Перечисленные обрядовые особенности отмечаются и в погребениях культуры многоваликовой керамики, а также в абашевской культуре. Все эти факты позволяют использовать комплексы позднего бронзового века Восточной Европы, содержащие деревянную посуду, в различного рода хронологических построениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамонтов В. И.* Раскопки Королевского могильника.— АО — 1969. М., 1970.
2. *Клепиков В. М., Лукашов А. В., Сергацков И. В., Скрипкин А. С.* Исследования в Волгоградском Заволжье.— АО — 1978. М., 1979.
3. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
4. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
5. *Rikov P.* Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga — ESA. T. 1. Helsinki, 1927.
6. *Агапов С. А., Пестрикова В. И.* Отчет о раскопках Алексеевского II грунтового могильника в Хвалынском районе Саратовской области в 1977 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6701, № 6701«А».
7. *Максимов Е. К.* Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области.— Тр. Саратовского обл. музея краеведения, 1954, вып. 1.
8. *Скарбовенко В. А.* Отчет о раскопках курганного могильника у с. Песочное. Архив ИА АН СССР, р-1, № 7027, № 7027«А».
9. *Жигулина Л. Н.* Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6336, № 6336«А».
10. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
11. *Отрощенко В. В.* Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки.— В кн.: Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Евдокимов В. Л., Погрелый В. Н., Рассамакин Ю. Я., Николова А. В.* Работа Краснознаменской экспедиции.— АО — 1977. М., 1978.
13. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г.— Тр. XIII АС. т. I. М., 1907.
14. *Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н., Горлач Н. В.* Работы Правобережного отряда новостроечной экспедиции Днепропетровского университета.— АО — 1977. М., 1978.
15. *Ковальова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури.— Археологія, 1976, № 20.

16. *Козловский А. А., Пустовалов С. Ж., Телегин Д. Я., Терпиловский Р. В.* Раскопки курганов на Днепропетровщине.— АО — 1976. И., 1977.
17. *Волкобой С. С., Ковалева И. Ф., Марина З. П., Попцов В. А.* Работы экспедиции Днепропетровского университета.— АО — 1976. М., 1977.
18. *Никитин В. И.* Работы Николаевского краеведческого музея.— АО — 1974. М., 1975.
19. *Шапошникова О. Г.* Раскопки курганов в Николаевской области.— АО — 1977. М., 1978.
20. *Черненко Е. В., Симоненко А. В.* Курганная группа Широкое III.— В кн.: Курганы южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
21. *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.— ИАК, 1906, вып. 19.
22. *Горшкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Кн. I. Херсон, 1903.
23. *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад.— Тр. ГИМ, 1949, вып. 1.
24. *Чернявская Н. В.* Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1979.
25. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 2. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1978.
26. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 2. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1978.
27. *Шилов В. П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы.— АСб. ГЭ, 1964, вып. 6.
28. *Качалова Н. К.* Ильменские курганы.— АСб. ГЭ, 1970, вып. 12.
29. *Мамонтов В. И.* Курганный могильник у с. Сидоры.— АО — 1972. М., 1973.
30. *Моргунов Ю. Ю., Семенов А. И.* Раскопки курганов в Волгодонске. АО — 1976. М., 1977.
31. *Либеров П. Д., Синюк А. Т.* Раскопки Воронежской новостроечной экспедиции.— АО — 1977. М., 1978.
32. *Савченко Е. И., Ильюков Л. С., Прохорова Т. А.* Грушевский курганный могильник.— АО — 1978. М., 1979.
33. *Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А.* Раскопки Шахаевской группы на Нижнем Маныче.— АО — 1971. М., 1972.
34. *Смирнов А. С.* Раскопки Третьего Балабинского могильника.— АО — 1975. М., 1976.
35. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
36. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкин О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургані біля с. Ново-Пилиповки і радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, т. VIII.
37. *Бондарь Н. Н., Антоненко Б. А., Васильченко С. А., Самойленко Л. Г.* Раскопки курганов в зоне Никопольского орошаемого массива.— АО — 1978. М., 1979.
38. *Антоненко Б. А., Бондарь Н. Н., Васильченко С. А., Гладких М. И.* и др. Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы.— АО — 1975. М., 1976.
39. *Ковалева И. Ф., Костенко В. И., Марина З. П., Горлач Н. В., Ромашко В. А.* Исследования в Орельско-Самарском междуречье.— АО — 1978. М., 1979.
40. *Кротова А. А., Зельдина В. Я., Самойленко В. Г.* Исследования на р. Лугани.— АО — 1976. М., 1977.
41. *Братченко С. Н.* Исследования на левобережной Донеччине.— АО — 1973. М., 1974.
42. *Моруженко А. А., Привалов А. И., Андриенко В. П., Шаповалов Т. А.* и др. Исследования на юге Донецкой области.— АО — 1978. М., 1979.
43. *Субботин Л. В., Дворянинов С. А., Добролюбский А. О., Дзиговский А. Н. и др.* Раскопки у оз. Сасык.— АО — 1978. М., 1979.
44. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, т. XXVII.
45. *Качалова Н. К.* Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Канд. дис.: ЛОИА АН СССР, 1965. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1937.
46. *Узянов А. А.* Нижнесальские курганы.— АО — 1975. М., 1976.
47. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
48. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1976, вып. 17.
49. *Кореневский С. Н.* О древнем металле бассейна р. Самары.— В кн.: Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. ун-та, 1977.
50. *Горбунов В. С.* История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой. Канд. дис.: ИА АН СССР, 1977. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2236.
51. *Васильев И. Б., Пряхин А. Д.* Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье.— СА, 1979, № 2.
52. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области.— Научн. тр. Куйбышевск. гос. пединститута, 1979, т. 230.
53. *Матвеева Г. И.* Тропою тысячелетий. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1977.
54. *Кривцова-Гракова О. А.* Абашевский могильник.— КСИИМК, 1947, вып. XVII.
55. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.

56. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. 1. Киев, 1975.

G. G. Pyatykh

ON THE ORIGIN OF WOODEN VESSELS IN THE SRUBNAYA CULTURE OF THE VOLGA AREA

Summary

Among the late Bronze Age sites of the Volga area individual specimens of wooden vessels occure. In the preceding Poltavka culture such vessels are unknown, so far. Incidentally, great numbers of wooden vessels have been discovered in sites of the early srubnaya culture, the multiribbed pottery culture and the catacomb culture of the Don area, the Ukraine and the Northern Caucasus. The most probable origin of wooden vessel-making among the Volga area srubnaya tribes is its borrowing or inheritance from the bearers of these cultures. The borrowing or inheritance must have been effected not directly from the aforementioned cultures: many Volga complexes which contained wooden vessels include elements of the Abashevo culture, which has not been found to incorporate wooden vessels, so far. Apparently, the Transvolga area became penetrated by a population whose culture already combined elements of the Abashevo culture and of that of multiroller pottery or some akin one. This makes it appear symptomatic that precisely mixed, Abashevo-multiroller complexes have also been discovered in more easterly areas, across the Urals. Srubnaya and srubnaya-Abashevo burials with wooden vessels in the Volga area tumuli, more often than not, are either the principal or the earliest ones among the late Bronze Age burials. An added factor behind their integration into a common chronological horizon is the community of elements of the burial rite such as the big size of grave pits, the frequent presence of wooden burial structures and organic mats and the fairly frequent use of fire and in some cases of ochre and chalk in the burial ritual. This set of indications makes it possible to synchronize at least some of the wooden vessel-containing burials discovered in the Volga area with the multiribbed pottery culture.

ПЕТРЕНКО В. Г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И НАХОДКИ У с. ПЕЛАГИАДА

В 1981 г. Краснознаменская экспедиция, проводившая разведочные работы в Ставропольском крае, получила сведения [1], что в музее с. Пелагиада Шпаковского р-на имеются вещи скифского типа (см. картосхему, рис. 1А): бронзовый двухлопастной наконечник стрелы ромбической формы (рис. 1, *1*) из района Невинномысска и пять предметов, происходящих из разрушаемого около села могильника. 1. Корчага грушевидной формы с темно-серой, почти черной поверхностью, с кирпично-красными пятнами у венчика; излом черепка черный, плотный; в примеси песок; высота сосуда 35,5, диаметр устья 13, диаметр дна 12,5, наибольший диаметр тулова 29 см (рис. 1, *5*). В корчаге лежал кусок прожженной докрасна глины с примесью половы, размером 9×8 см, толщиной 1,2 см, возможно, происходящий оттуда же. 2. Кувшинчик с ручкой неровной, как бы несколько сплющенной формы (возможно, что сосуд побывал в сильном огне), у дна крупный скол. Поверхность в настоящее время обызвесткована, первоначально была серовато-бежевого цвета. Черепок в изломе темно-серый, в примеси шамот. Высота сосуда 8,8—8,5, диаметр устья 5,5, диаметр дна 3, наибольший диаметр тулова 8 см. Сечение ручки овальное (рис. 1, *6*). 3. Кувшинчик с биконическим туловом и петельчатой ручкой овального сечения. Венчик отбит, по изгибу тулова нанесен орнамент в виде овальных вмятин. Поверхность сосудика с одной стороны серовато-бежевая, с другой — черная лощеная; черепок в изломе черный, плотный; в примеси мелкий песок. Высота сосуда 10,5, наибольший диаметр тулова 10, диаметр дна 4,3 см (рис. 1, *4*). 4. Стрела бронзовая трехлопастная с шипом у основания втулки (рис. 1, *3*). 5. Бляшка бронзовая круглая с остатками петли на обороте, диаметр 4 см (рис. 1, *2*).

По сведениям находчиков, все эти вещи происходят из могильника, находящегося к юго-западу от села, предметы под номерами 3—5 — из одного погребения. Здесь при прокладке дороги бульдозером была зацеплена и сдернута плита примерно 1,5 м длиной, 0,8 м шириной и 0,15 м толщиной. Оказалось, что это плита перекрытия каменного ящика. В нем были обнаружены четыре черепа (один из них детский) и кости ног, рук и других частей одного человеческого скелета, который лежал скорченно, головой как будто на юго-восток. В восточном углу стояла корчага (рис. 1, *5*). Бронзовая стрела (рис. 1, *3*), по сведениям всех видевших, была воткнута в правую височную кость черепа.

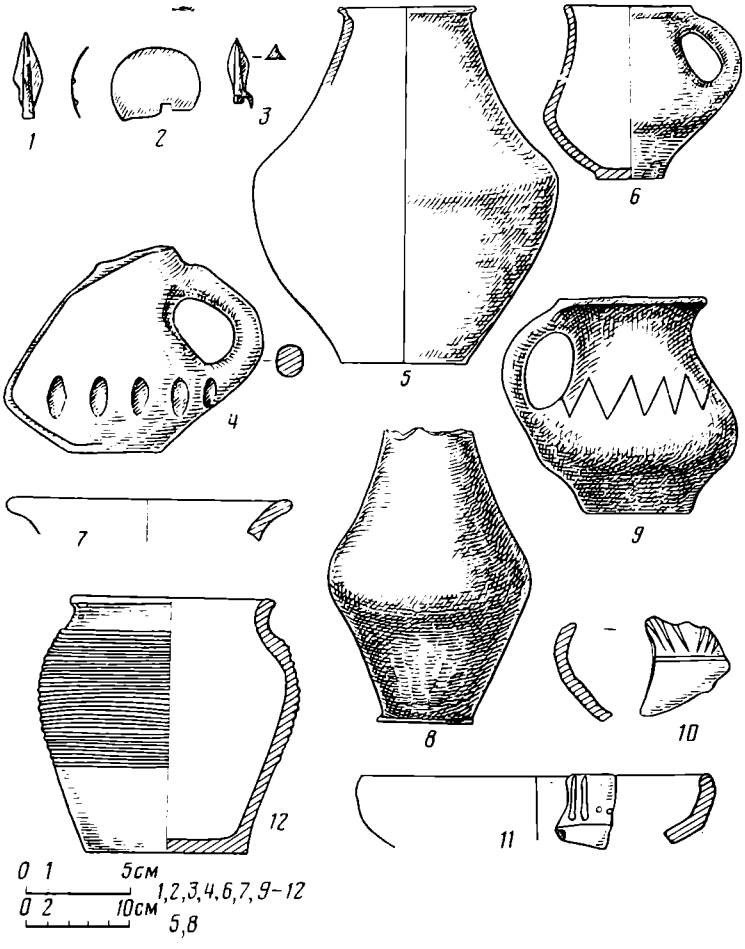
При осмотре места находок оказалось, что площадь, на которой был вскрыт каменный ящик,— это правый берег безымянной речки, впадающей в р. Ташлу, приток р. Егорлыка, и образующей по ходу несколько мелких прудов и один большой, ниже по течению, называемый Черниковым. На левом берегу этой речки напротив колхозных ферм была построена каменная водокачка. При этом бульдозером была пробита на противоположный берег дорога, которая перерезала могильник и обнажила описанное выше погребение. На месте находки каменного ящика нами, кроме отдельных фрагментов стенок лепных сосудов, ничего обнаружено не было. При осмотре же обрезов дороги с юга были замечены выступающие крупные камни (скопление № 1, рис. 2, *1*), над которыми

[1] Сведения получены от В. Г. Кагарлицкого, директора народного музея этого села, за что приносим ему свою благодарность.

Рис. 1а

Рис. 1А. Картосхема. *1* — с. Пелагиада

Рис. 1. Вещи из могильника у с. Пелагиада и случайные находки. *1* — наконечник стрелы из района г. Невинномысска; *2, 6* — бляшка и кувшинчик из разрушенных погребений; *3—5* — наконечник стрелы, корчага и кувшинчик из случайно раскопанного погребения; *7, 9* — сосуды из погр. 1; *10* — фрагмент миски из отмостки могилы 1; *11* — фрагмент миски из отмостки могилы 2; *12* — сосуд из тризны; *2—11* — могильник у с. Пелагиада



была сделана прирезка, впоследствии вошедшая в раскоп, общей площадью 35 м². На площади раскопа были обнаружены четыре могилы кобанской культуры и жертвенное место эпохи средневековья (рис. 2, *1*).

В центре раскопанной площади находилась могила 1. Захоронение (погр. 1) совершено в каменном ящике. Плита перекрытия снята грабителями, остались только ее фрагменты на юго-западном и северо-восточном углах ящика на глубине 273—261 см[2]. Каменный ящик составляли четыре массивные плиты, поставленные на ребро и врытые в землю на

[2] Здесь и далее все отметки глубин даны от условного нуля, за который был принят юго-западный угол основания водокачки. Уровень погребенной почвы фиксировался на глубине 225—235 см, уровень материка — на глубине 153 см.

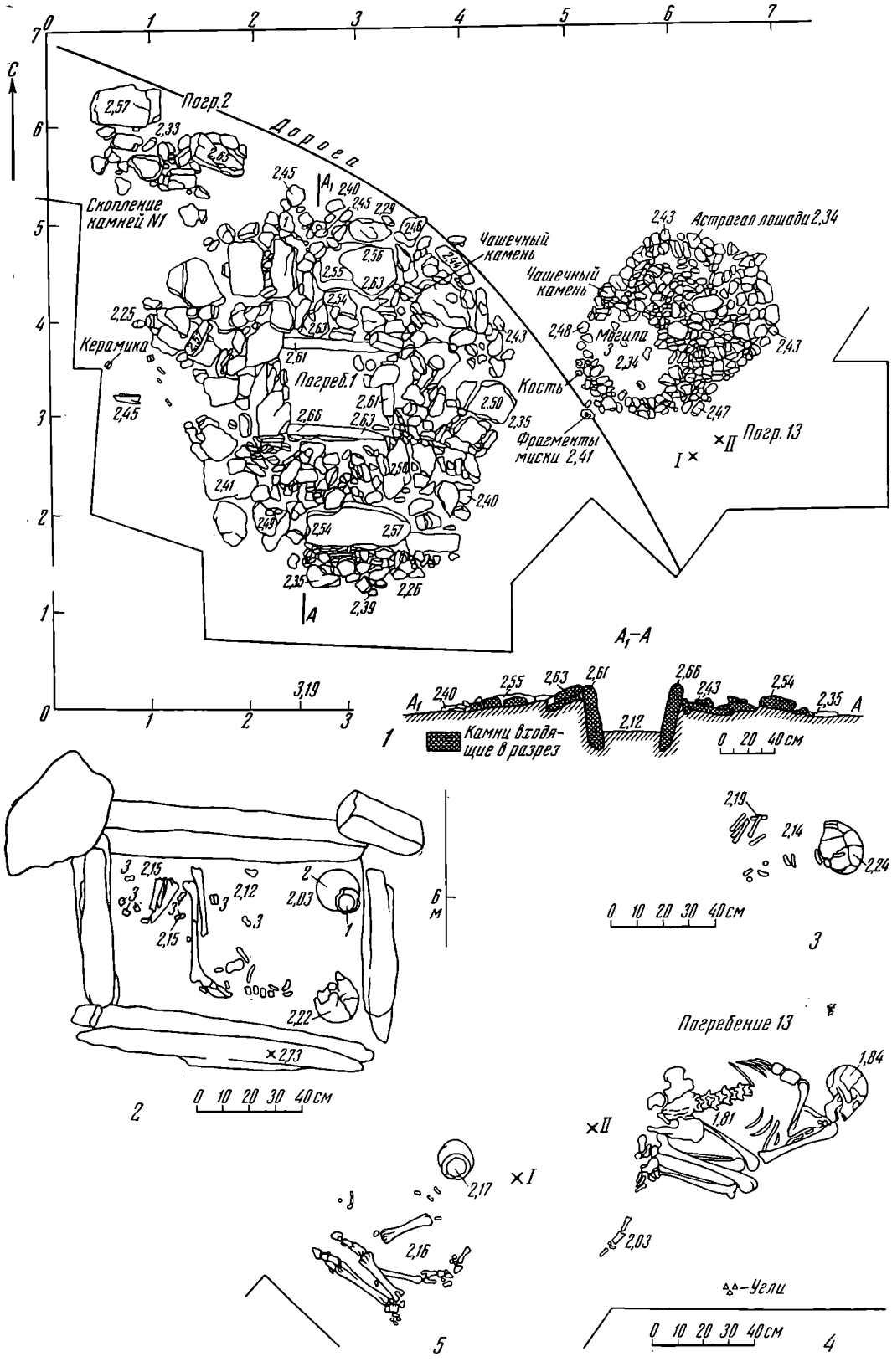


Рис. 2. Планы погребений могильника у с. Пелагиада. *1* — общий план раскопанной части могильника и разрез A_1 — А могилы 1; *2* — план погр. 1; *3* — план погр. 12; *4* — план погр. 13; *5* — план тризны эпохи средневековья. I — привязка: 0 — восток 6,47 м, 0 — север 2,5 м; II — привязка: 0 — восток 6,8 м, 0 — север 2,7 м

глубину 35—38 см, а земляное дно могилы было заглублено на 20 см по отношению к древней поверхности. Образовавшиеся в стыках плит пустоты были заткнуты мелкими камнями. Снаружи плиты ящика подпирались камнями различной величины, поставленными наклонно, а далее все пространство вокруг ящика на площади 4×3,5 м было засыпано битым камнем, среди которого встречались и крупные плиты, до 1 м длиной (рис. 2, *1*, *2*). Каменная насыпь подстилалась земляной подсыпкой рис. 2, *1*; разрез A_1 — А). Каменный ящик ориентирован по линии запад — восток, размеры его 1×1,2 м по верху и 0,95×0,65 м по дну. В нем был погребен подросток 12—14 лет [3]. Он лежал на правом боку, скорченно, головой на восток (рис. 2, *2*). In situ сохранились только бедренные и часть берцовых костей, остальные или нарушены, или выброшены, череп перевернут. Вокруг колен погребенного на дне лежали семь овечьих астрагалов, еще семь таких же были найдены при выборке заполнения могилы на разной глубине. Кроме того, в засыпке могилы обнаружены фрагмент венчика лепного серолощеного сосуда (рис. 1, *7*), а также стержень рога козы [4], зуб мелкого рогатого скота, кости — плечевая, локтевая, часть черепа крупного рогатого скота. В юго-восточном углу могилы на дне стояла корчага (рис. 1, *8*), устье которой было закрыто поставленным на нее кувшинчиком (рис. 1, *9*). Венчик корчаги оказался обломан, тулово грушевидной формы, высота сохранившейся части 29, диаметр дна 10, наибольший диаметр тулова 22,5 см. Поверхность черная нелощеная, с коричневыми пятнами; черепок в изломе коричневый, слоистый; в примеси песок и дресва. Кувшинчик имеет грушевидное тулово, отогнутый наружу венчик и петлевидную ручку, овальную в сечении, Высота его 10, диаметр устья 7, диаметр дна 4,5, наибольший диаметр тулова 10 см. Поверхность сосуда темно-серого цвета; в примеси много белых меловых вкраплений; на дне отпечатки подсыпки из половы. По верхней части тулова прочерчен орнамент в виде зигзагообразной полосы.

При расчистке камней отмостки вокруг каменного ящика было собрано много в основном маловыразительных обломков костей животных и лепной посуды, между которыми найден фрагмент чернолощеной миски с прочерченным орнаментом (рис. 1, *10*). Всего найдено 23 фрагмента глиняной посуды и 66 фрагментов костей животных, среди которых были бедренная кость мелкого рогатого скота, фрагмент черепа, кости ноги крупного рогатого скота, зуб и фрагмент черепа лошади возрастом около 10 лет.

Могила 2 (погр. 2) находилась к юго-западу от могилы 1. Плохо сохранившийся скелет ребенка в возрасте около 2 лет лежал на уровне погребенной почвы, скорченно, на правом боку, головой на восток. Плиты, найденные к западу, югу и юго-востоку от погребенного, составляли скорее всего стенки каменного ящика и отмостку вокруг него. При расчистке этих камней (скопление № 1) также были найдены 20 мелких фрагментов керамики и 6 фрагментов костей животных, среди которых лопатка, бедренная, берцовая кости, позвонок и зуб мелкого рогатого скота. Среди керамики оказались обломок лепной миски с орнаментом из вертикальных полос и округлых вдавлений (рис. 1, *11*) и фрагмент стенки гончарного сосуда, сплошь покрытого прочерненными горизонтальными полосами.

Могила 3 (погребения 3—12) располагалась к северо-востоку от могилы 1 под дорогой. На уровне погребенной почвы, на глубине 243—248 см, она представляла собой каменную вымостку овальной формы, сложенную из некрупных камней в один слой, вытянутую с северо-востока на юго-запад (рис. 2, *1*). В юго-западной части ее на площади 0,95×0,65 м камни оказались выбранными. Тут же, в южном конце вымостки, найден фрагмент челюсти свиньи, а у края отмостки — крупный фрагмент глубокой лепной миски (высота 8, диаметр устья 18, диаметр дна 8 см), темно-серая пятнистая поверхность которой имела следы ло-

[3] Антропологические определения произведены Г. П. Романовой.
[4] Определения костей животных произведены В. П. Данильченко.

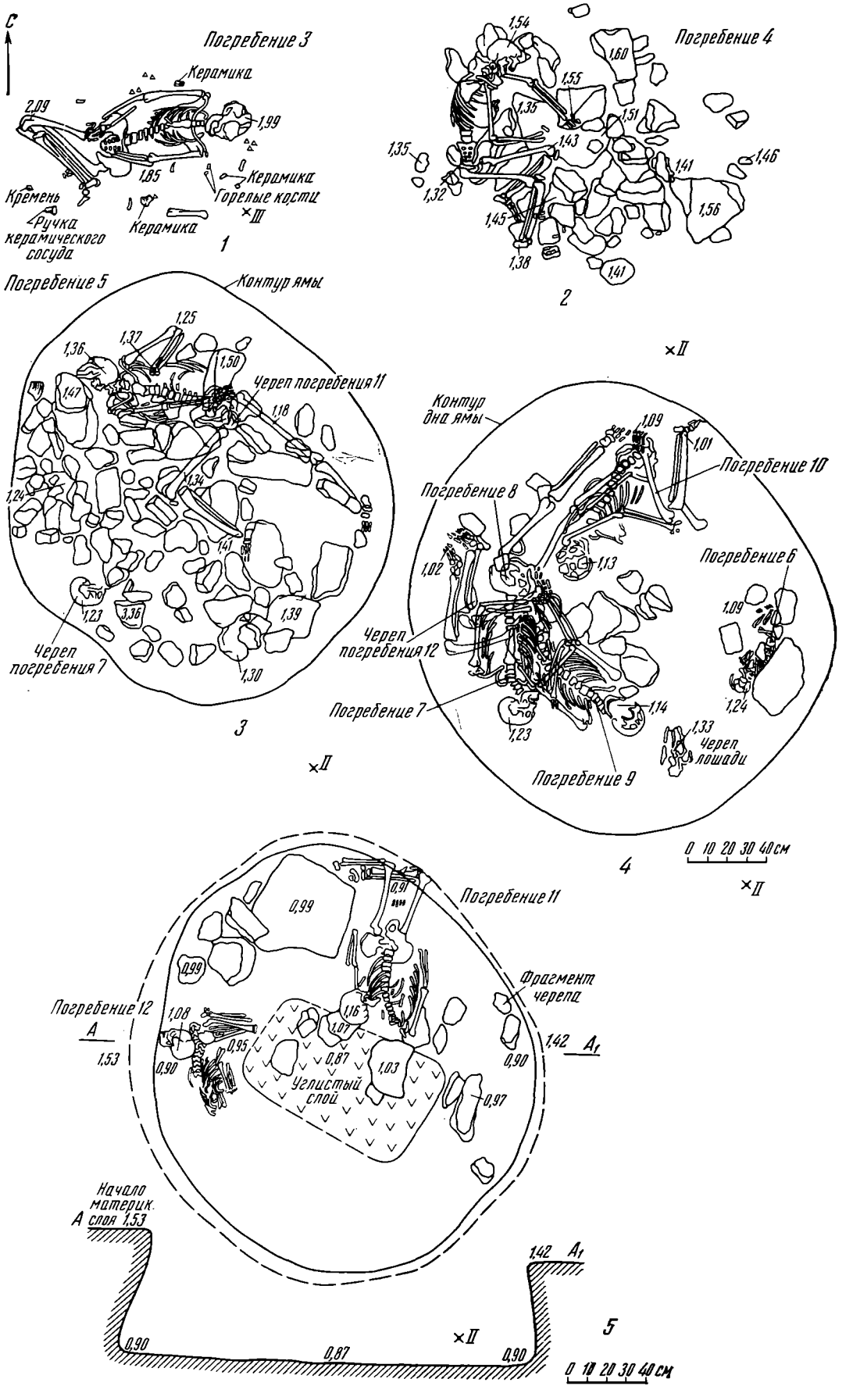
щения (рис. 4, *5*). Кроме того, при расчистке вымостки были найдены 37 мелких фрагментов костей животных, среди которых зуб и две фаланги лошади, две фаланги крупного рогатого скота и 34 фрагмента стенок лепной посуды. После того как камни вымостки были сняты, под ней на глубине 203—185 см был расчищен скелет женщины 30—40 лет (погр. 3), положенной на спине, головой на восток. Руки ее были вытянуты, со слабым прогибом в локтях, так что кисти лежали на лобковых костях. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали на правую сторону (рис. 3, *1*). Никакого инвентаря при погребенной не обнаружено. Вокруг костяка и под ним оказался углистый слой, в котором встречались мелкие фрагменты кальцинированных костей, кусочки прожженной глины, угли, а также восемь обломков керамики, среди которых фрагменты стенки желтоглиняного сосуда с налепным орнаментом, венчика небольшого сосудика с коричневато-серой лощеной поверхностью, ручки чернолощеного сосуда и черноглиняного некрупного сосуда с широким устьем (диаметр 17 см), отогнутым наружу венчиком и покатыми плечиками (рис. 4, *2*); три фрагмента костей животных и кость ноги крупного рогатого скота, лежавшая в 30 см от левого плеча погребенной. Углистый слой под погребением имел толщину 10—15 см, в стороны он равномерно сходил на нет, и край ямы не оконтуривался. Ниже шла прослойка желтоватой глинистой земли, и под ней на глубине 154—135 см обнаружен скелет погребения 4 (рис. 3, *2*). Погребенный, мужчина 25—30 лет, лежал на спине так, что позвоночник его был изогнут по дуге, голова повернута влево, черепом на северо-восток, рот широко раскрыт. Левая рука была протянута вперед перед лицом и как бы ухватилась кистью за камень, правая согнута в локте под прямым углом и протянута к левой, ноги согнуты в коленях и упали влево. Уже при расчистке этого скелета создалось впечатление, что человек был забит камнями живым. Вокруг скелета и под ним было много камней средней величины, между камнями шел углистый слой, в котором найдено 47 фрагментов керамики, в том числе крупный фрагмент миски с темно-серой со светлыми пятнами лощеной поверхностью, фрагмент мискообразного сосуда с хорошо лощеной черной поверхностью, фрагмент грубого сероглиняного сосудика и обломок глиняного биконического пряслица (рис. 4, *6*, *1*, *3*, *4*). Тут же встречены и кости животных, из них определены плечевая кость мелкого рогатого скота и плечевая кость свиньи.

Под этим погребением снова расчищен слой камней, между которыми шел углистый слой, но менее интенсивный. В нем найдено 16 фрагментов костей животных, 22 фрагмента керамики, среди которых были венчики чернолощеного и желтолощеного сосудов (рис, 4, *8*, *9*).

Положение скелета погр. 5 (рис. 3, *3*) уже несомненно свидетельствовало о том, что этот человек (мужчина зрелого возраста) был забит камнями. Кость правой ноги, позвоночник, череп, лопатка, правое крыло таза его были перебиты. Голова погребенного была запрокинута и прижата к шейным позвонкам; левая рука сильно согнута в локте, а кисть ее загнута назад и прижата к локтевой и лучевой костям; правая рука вытянута, и кисть ее лежала на левом крыле таза; позвоночник прогнут в груди вверх; левая нога вытянута, правая откинута вбок и согнута в колене под прямым углом. Скелет лежал в направлении СВВ-ЮЗ под северной стенкой ямы, на глубине 130—118 см. Края ямы удалось выявить только на этом уровне, она имела форму овала (размером 220×195 см), вытянутого в направлении СВ-ЮЗ.

При расчистке на этом уровне между камнями обнаружены черепа следующих погребений. В земле между камнями встречалось много угля, имевшего вид горелых прутьев. В слое собрано 10 фрагментов костей животных, среди которых был один овечий астрагал и верхняя часть черепа лошади, а также 26 фрагментов керамики, из которых крупный фрагмент миски оказался частью миски, найденной у южного края вымостки, перекрывающей яму (рис. 4, *5*).

После снятия слоя камней и земли выявился слой погребений 6—10 (рис. 3, *4*). Погребение 6 находилось под восточной стенкой ямы, также



С
Погребение 3
Керамика
2,09
1,99
1,85
Керамика
Горелые кости
Кремень
Ручка керамического сосуда
Керамика
×III
1
Погребение 4
1,54
1,60
1,55
1,35
1,51
1,43
1,35
1,32
1,41
1,46
1,45
1,56
1,38
1,41
2
Погребение 5
Контур ямы
1,25
1,37
1,36
1,50
Череп погребения 11
1,47
1,18
1,24
1,34
1,41
1,23
3,36
1,39
Череп погребения 7
1,30
3
×II
Контур дна ямы
1,09
1,01
Погребение 10
Погребение 8
1,02
1,13
Погребение 6
1,09
Череп погребения 12
Погребение 7
1,14
1,24
1,23
1,33
Череп лошади
Погребение 9
0 10 20 30 40 см
4
×II
0,99
0,91
Погребение 11
0,99
Фрагмент черепа
Погребение 12
А
1,53
1,08
1,16
1,07
0,95
0,87
1,03
0,90
0,90
1,42
А1
Углистый слой
0,97
Начало материк. слоя 1,53
А
1,42
А1
0,90
0,87
0,90
×II
5
0 10 20 30 40 см

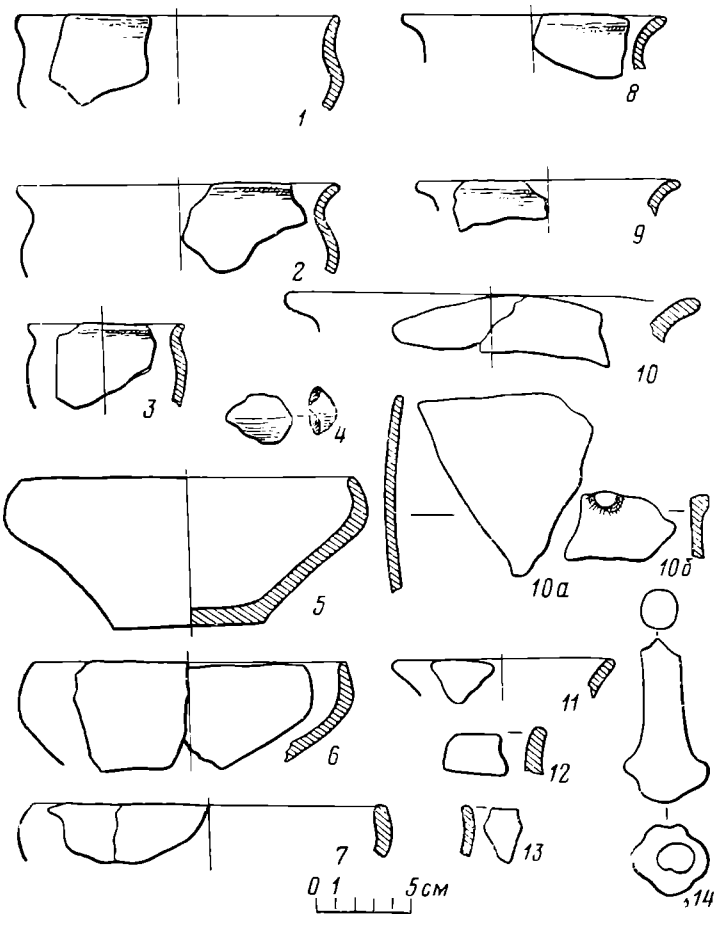


Рис. 4. Керамика из могилы 3 могильника у с. Пелагиада

между камнями, на глубине 124—109 см. Это был скелет ребенка в возрасте около года, лежавший на левом боку, головой на юго-запад, руки его были согнуты в локтях и подняты к лицу, кости ног согнуты под прямым углом. Погребение 7 обнаружено под западной стенкой. Скелет возмужалого мужчины был положен на спину, головой на юг. Голова его была повернута направо. Правая рука, согнутая под тупым углом к туловищу, кистью лежала на тазе; левая, согнутая под прямым углом, лежала на костях ребенка погр. 8; ноги были вытянуты и несколько смещены вправо. Глубина погребения 123 см. На костях скелета погр. 7, от таза до правого плеча, лежал скелет ребенка младенческого возраста, на спине, головой на северо-восток. Под скелетом погр. 7 на глубине 114—107 см было обнаружено погребение 9 (погребенный 7 был как бы брошен на погребенного 9, придавив ему грудь и живот). Последний, мужчина в возрасте около 18 лет, лежал на спине, ноги его были согнуты в коленях и повернуты влево, голова с широко раскрытым ртом запрокинута.

На этом уровне было, по-видимому, погребение еще одного ребенка младенческого возраста, отдельные кости которого встречались под западной стенкой. Погребение 10 обнаружено под северной стенкой на глубине 113—109 см. Скелет мужчины 17—20 лет лежал в направлении ЮЗ-СВ на спине, головой на юго-запад. Ноги его были согнуты и повернуты направо, стопы упирались в стенку ямы; левая рука под тупым углом к колену, правая вытянута вдоль туловища; череп свернут вправо и разбит камнем.

Рис. 3. Послойные планы погребений в могиле 3: *1* — слой с погр. 3; *2* — слой с погр. 4; *3* — слой с погр. 5; *4* — слой с погребениями 6—10; *5* — слой с погребениями 11—12. II — привязка: 0 — восток 6,8 м, 0 — север 2,7 м; III — привязка: 0 — восток 6,8 м, 0 — север 3,9 м

После очередной выборки камней и углистой земли, также содержавшей кости животных и керамику (рис. 4, *7*, *11*, *12*), выявились погребения 11 и 12, находившиеся на дне ямы (рис. 3, *5*). Погребение 11 обнаружено на глубине 116—90 см в северной части могилы. Скелет ребенка 12—14 лет лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Ноги его в бедрах были вытянуты, а берцовые кости лежали под прямым углом к бедренным, так, что правые берцовые оказались под левой бедренной (человек был как бы поставлен на колени и опрокинут на спину). Голова погребенного оказалась свернутой и лежащей слева в районе груди, лицом вниз. Общая ориентировка скелета юг — север.

Погребение 12 находилось под западной стенкой на глубине 108-95 см. Скелет ребенка 7—8 лет лежал на правом боку в направлении север — юг. Ноги его были сильно скорченны; левая рука согнута в локте и направлена вверх, правая вытянута. Череп был свернут так, что позвонки вверху оказались смещены, сам же череп лежал за тазом, лицом вниз.

Все дно могилы было покрыто черным углистым слоем (сжигались тонкие прутья), особенно интенсивным в центре на площади 95×65 см. Был ли тут разведен костер из прутьев, который не прожег дна, или насыпаны холодные угли, определить трудно. Под углистым слоем прокала не было, дно по всей площади имело одинаковый светлый цвет, камни, лежавшие на дне, не были обожжены, в то время как выше, над слоем погребений 11—12, встречались красные камни, как будто побывавшие в огне. Весь слой между погребениями 6—10 и 11—12 был особенно интенсивно углистым, и, кроме того, он отличался отсутствием костей животных, за исключением нескольких мелких кальцинированных косточек. 38 фрагментов керамики, найденные в нем, все имели лощеную поверхность. Среди них были: фрагмент ручки чернолощеного сосуда (рис. 4, *14*), фрагменты венчиков чернолощеных мисок и горшков и фрагменты венчика и стенок крупного сосуда светло-коричневого цвета, покрытого лощением хорошего качества, имевшего широко отогнутый наружу венчик при диаметре устья 20 см и сосковидные орнаментальные выступы на тулове (рис. 4, *10*, *10а*, *6*). При зачистке дна был найден совершенно окислившийся железный предмет типа стержня, длиной 7 см.

По дну яма имела форму овала размером 230 (С—Ю)×215 (З—В) см, стенки ее несколько сужались кверху, в материк она была углублена на 65 см (рис. 3, *5*).

Общая картина захоронения в могиле 3 представляется следующим образом. Яма была вырыта с уровня погребенной почвы. На дне ее в центре либо был разведен костер из прутьев, либо имитируя его, насыпаны холодные угли. С двух сторон от костра (с севера и с запада) были убиты подростки (по одному с каждой стороны), а затем начали сбрасывать живых, забивая их камнями и засыпая скорее всего остатками тризны и ритуального костра, устроенных на стороне. После того как было убито девять человек, яму заровняли и сверху захоронили еще одного человека, но уже положив его в правильном, определенном порядке, засыпали остатками тризны и накрыли вымосткой из булыжника. О единовременности всех захоронений в могиле 3 говорит то обстоятельство, что некоторые фрагменты керамики, происходящие из нижних и самых верхних слоев засыпки, принадлежали одному сосуду.

Интересно отметить, что среди убитых в яме не было женщин. По возрасту погребенные распределились так: трое зрелых мужчин, два юноши, два подростка и три младенца. И только перекрывало яму погребение женщины зрелого возраста. Ни при одном из погребенных не оказалось ни одной вещи.

Керамический материал из засыпки могилы представлен в большинстве своем мелкими фрагментами лепной лощеной посуды следующих форм: мисок с загнутым внутрь, прямым или реже отогнутым наружу краем; сосудов с широко отогнутым наружу венчиком типа корчаг и корчажек; кувшинов с ручками и горшкообразных сосудов (рис. 4).

Эта керамика находит наиболее близкие аналогии среди посуды позднекобанских памятников районов Пятигорья и Карачаево-Черкесии, таких, как могильники Уллубаганаллы II, Султан-Гора III у Карабашево, Тамгацикский [1—4; 5, с. 58, 59, табл. 12а, 14б]. Отсутствие среди керамики из ямы какой-либо иной посуды, принадлежащей другим хронологическим периодам, косвенным образом подтверждает время захоронения в яме периодом кобанской культуры. О том же говорят и такие черты обряда женского погребения, как вымостка из булыжника, ориентировка головой на восток [5, с. 58; 6, с. 184, 250]. Положение погребенного на спину с завалившимися вбок ногами, руки, уложенные на лобковые кости, также встречаются среди захоронений кобанской культуры, но свидетельствуют, по мнению кавказоведов, о влиянии погребального обряда степных племен [7, с. 86—93].

И наконец, к юго-востоку от могилы 3 было открыто еще одно захоронение — погребение 13 (рис. 2, *4*), совершенное в неглубокой грунтовой яме, контуры которой проследить не удалось. Скелет женщины зрелого возраста лежал скорченно, на левом боку, головой на восток. Руки погребенной были согнуты в локтях и подняты к подбородку, ноги сильно поджаты, коленями к локтям, пятки подтянуты к тазу. Вещей при погребенной не обнаружено, однако положение скелета обычно для кобанской культуры.

В 60 см к юго-западу от погр. 13 на глубине 217 см были найдены кости четырех ног коровы, кусочек горелой глины, девять мелких фрагментов керамики и целый горшок со слабо отогнутым наружу венчиком, яйцевидным туловом и широким дном (рис. 2, *5*). От плечика до дна тулово сосуда орнаментировано горизонтальными полосами, прочерченными довольно неровно по сырой глине. Высота сосуда 13,5, диаметр устья 10,5, диаметр дна 8,3 см (рис. 1, *12*). Весь этот комплекс не имеет отношения к основному могильнику, а является скорее всего тризной средневекового погребения. Горшки подобного типа широко представлены среди аланских и болгарских древностей VIII—X вв. [8, с. 73, рис. 47].

Раскопанный нами участок могильника у с. Пелагиада, как и разрушенное раннее погребение, относится в основной своей части к последнему, заключительному этапу кобанской культуры (погребения 1—13). Об этом свидетельствуют как погребальный инвентарь, так и ритуал. Устройство могил в виде каменных ящиков, окруженных отмостками того или иного вида, иногда со следами тризны на них, находит аналогии в могильниках западного варианта — Уллубаганаллы II и Султан-Гора III, относящихся к VI в. до н. э. [1—4]. Положение покойников скорченно на боку, как в каменных ящиках, так и в грунтовых могилах, также характерно для обряда погребения кобанской культуры района Кавминвод VI в. до н. э. [1—4, 9]. Обычен и набор посуды в погребениях — корчага и кружка и характерное их расположение: горло корчаги закрыто кружкой.

Памятники кобанской культуры в степных районах Предкавказья изучены еще недостаточно. Районами основного сосредоточения их являются горные и предгорные районы Северного Кавказа. Однако в последнее время обнаруживается все больше находок, свидетельствующих о распространении кобанской культуры на Ставропольском плато.

Высказанное впервые В. И. Козенковой мнение о том, что северную границу западного варианта кобанской культуры в настоящее время можно провести по линии Ставрополь — Буденовск [10, с. 32], подтверждается новыми находками. Более того, раскопанный нами могильник, находящийся рядом с поселением той же культуры, наряду с аналогичным комплексом поселения и могильника у балки Грушевка [11, с. 112] на юго-западной окраине г. Ставрополя и материалами разведок ряда поселений дают картину прочной оседлости в этих районах на протяжении VII—VI вв. до н. э.

Однако я расхожусь с В. И. Козенковой в оценке всех памятников Ставрополя VII—VI вв. до н. э. Помимо названных выше здесь имеется ряд комплексных и отдельных находок вещей скифской культуры, а так-

же два курганных могильника у хут. Красное Знамя и у с. Новозаведенное [12, 13]. В. И. Козенкова считает вполне допустимым относить оба последних могильника к кобанской культуре. Если принять это предположение, то из него следует, что вся территория Ставрополья была занята в рассматриваемое время населением кобанской культуры. Я эту точку не разделяю, а считаю, что для VII—VI вв. до н. э. на территории Ставрополья мы имеем памятники двух культур: скифской, представленной курганными могильниками с определенным ритуалом и специфическим набором инвентаря, и кобанской, представленной поселениями и грунтовыми могильниками с иным ритуалом. Распространение же единых форм ряда предметов в материалах данных культур объясняется взаимовлияниями.

Вопрос, на мой взгляд, заключается в ином, а именно: в каких взаимоотношениях находились скифы с племенами — носителями кобанской культуры? Судя по раскопанному участку могильника, отношения эти не всегда были мирными. Скифский наконечник стрелы, найденный застрявшим в черепе погребенного, яма с убитыми мужчинами, возможно, говорят о каких-то трагических событиях, происходивших в VI в. до н. э. Однако, несомненно, существовали и иные взаимовыгодные условия, на которых уживались на этой территории два разноэтничных мира кочевников скифов и земледельцев кобанцев. В настоящее время перед исследователями стоит задача выявления основы и характера этих взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевская В. Б.* Разведки и раскопки на р. Эшкакон.— АО — 1977. М., 1978.
2. *Ковалевская В. Б., Козенкова В. И.* О работах Мало-Карачаевского отряда.— АО — 1978. М., 1979.
3. *Членова Н. Л.* Султан-Гора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском.— АО — 1976. М., 1977.
4. *Членова Н. Л.* Раскопки под Султан-Горой.— АО — 1977. М., 1978.
5. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
6. ***Крупнов Е. И.*** **Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.**
7. *Виноградов В. В.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушск. книжн. изд-во, 1972.
8. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Минеральводский могильник XV—V веков до н. э.— Изв. Юго-Осетинск. НИИ АН ГССР. Вып. XX. Цхинвал, 1976.
10. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры.— СА, 1981, № 3.
11. *Найденко А. В.* Раскопки Грушовского городища.— АО — 1980. М., 1981.
12. *Петренко В. Г.* О работах Краснознаменской экспедиции.— АО — 1979. М., 1980.
13. *Кореняко В. А.* Исследование курганов в Ставропольском крае.— АО — 1975. М., 1976.

V. G. Petrenko

BURIAL COMPLEXES AND FINDS DISCOVERED NEAR THE VILLAGE OF PELAGIADA

Summary

The article presents materials of probing excavations of a cemetery located near the village of Pelagiada of the Shpakovskoye District of the Stavropol region. In addition to the sacrificial spot going back to the Middle Ages, all burials discovered on the cemetery form part of the Western variant of the Koban culture dating from the 6th century B. C. The spread of Koban monuments so far north within the Stavropol Territory is of great interest to the study of the relations between the Scythians and the bearers of the Koban culture in the 7th-6th centuries B. C.

ГЕНИНГ В. Ф., КОРЯКОВА Л. Н.

ЛИХАЧЕВСКИЕ И ЧЕРНООЗЕРСКИЕ КУРГАНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Могильники раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири, раскопки которых предпринимались еще в XIX в. [1—3; 4, с. 41—42; 5, с. 100—102], стали объектом планомерного исследования в советское время [6, с. 37 сл.], главным образом в последние десятилетия [1].

Новые факты включались в научный оборот в публикациях [7—19] или в статьях общего характера, касающихся проблем периодизации, локализации отдельных групп памятников и затрагивающих вопросы их культурной и этнической принадлежности [20—31]. Однако введение материалов в научный оборот в целом проходит медленно, отчего особенности некоторых районов и периодов раннего железного века не получили в литературе должного освещения. Целью настоящей работы является публикация материалов двух могильников, раскопанных в разные годы Уральской археологической экспедицией, возглавляемой В. Ф. Генингом.

Лихачевский могильник, раскопанный в 1964 г., дополняет материал опубликованных ранее погребальных памятников Среднего Приишимья — Фоминцевского и Абатского [10; 15]. В 1969 г. в ходе исследования грунтового могильника эпохи бронзы у с. Черноозерье Саргатского р-на Омской обл. [32] на площади раскопа были вскрыты курганы раннего железного века — большой и несколько малых, перекрытых насыпью большого кургана. Выразительная стратиграфия этого памятника, с помощью которой фиксируется изменение погребального обряда, послужила одним из оснований для периодизации культуры раннего железного века Среднего Прииртышья [26, с. 201—213].

Лихачевский могильник находился у дер. Лихачево Абатского р-на Тюменской обл. на правом берегу р. Ишим, в 3 км к юго-востоку от его современного русла и в 1,5 км от старого, на давно распахиваемой гриве. Насыпи практически уничтожены.

Курган I (рис. 1, А) имел круглую в плане насыпь диаметром около 10 м и высотой около 10—15 см, сложенную из чернозема. На уровне материка [2] зафиксирована канавка шириной 50 см и глубиной 24 см в материке, окружающая площадку диаметром 8,8 м. Прерываясь в северной и юго-западной частях, канавка образует два прохода шириной не более 60 см. В центре в развале обожженной глины обнаружено единственное разрушенное погребение. Овальная могильная яма ориентирована по линии север — юг. В засыпке ее сильно разрушенной северной части содержалось большое количество угля. У южной стенки — разрозненные остатки костяка. Вещей нет.

Курган II (рис. 1, *В*) находился рядом с курганом I. В насыпи диаметром 16 м и высотой около 20 см встречались на разной глубине кости животных, фрагменты керамики. На уровне подстилающего слоя зафиксирована круговая канавка, окаймлявшая площадку диаметром 11,5 м. Ширина канавки 1,2—1,4 м, глубина в материке 20—30 см. В юго-

[1] Широкие полевые работы проведены Уральской археологической экспедицией (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов), Иртышским отрядом Западно-Сибирской археологической экспедиции ИА АН СССР (В. Н. Чернецов, В. А. Могильников) и Северо-Казахстанской археологической экспедицией (Г. Б. Зданович)

[2] Все отсчеты глубин ведутся в дальнейшем от современной поверхности, поскольку насыпи курганов практически на ней не выделялись.

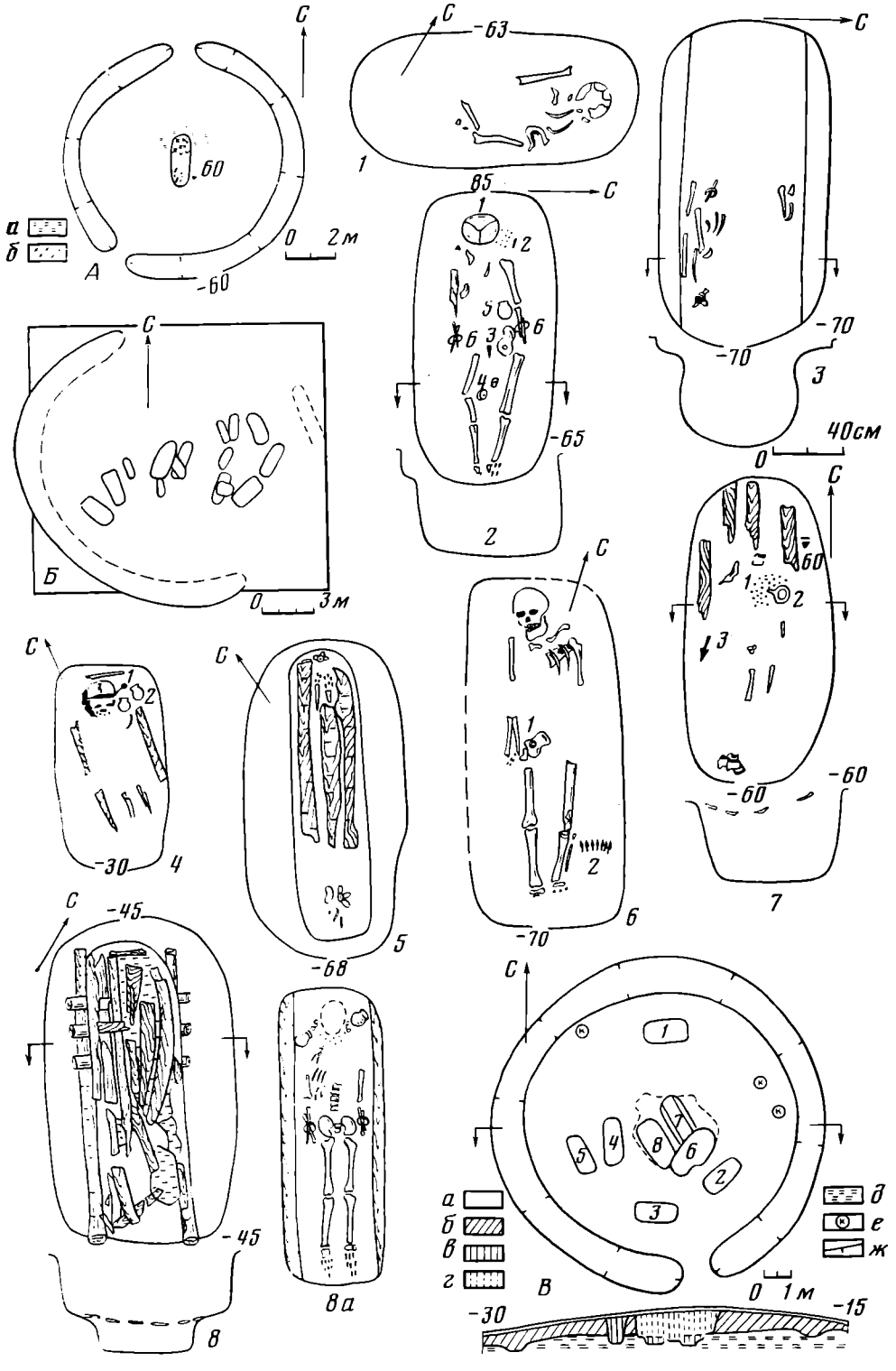


Рис. 1. Лихачевский могильник. А — курган I (*а* — обожженная глина; *б* — уголь); Б — курган III; В — курган II (*а* — современная почва; *б* — чернозем; *в* — заполнение могильных ям; *г* — заполнение грабительской ямы; *д* — материк, *е* — кости животных, *ж* — граница рва); *1* — кург. II, погр. 2; *2* — кург. II, погр. 3 (*1* — бусы; *2* — золотая серьга; *3* — железный предмет; *4* — пряслице; *5* — сосуд; *6* — браслеты); *3* — кург. II, погр. 1; *4* — кург. III, погр. 8 (*1* — костяная ложка; *2* — сосуды); *5* — кург. II, погр. 6; *6* — кург. III, погр. 1 (*1* — железное кольцо; *2* — костяные наконечники стрел); *7* — кург. II, погр. 4 (*1* — бусы; *2* — зеркало; *3* — костяной наконечник стрелы); *8, 8а* — кург. III, погр. 4 (*1* — бронзовые серьги; *2* — сосуды; *3* — бусы; *4* — бронзовые браслеты)

юго-восточной части — проход шириной около 1 м. Под насыпью обнаружено восемь погребений. Расположенные в центре погребения 6—8 нарушены большим грабительским вкопом.

Погребение 1 (рис. 1, 3) находилось под полой, в 3 м к северу от центра. Прямоугольная яма имела вдоль длинных стенок уступы-заплечики шириной 20 см, высотой 40 см (от дна[3]). В заполнении встречены отдельные кости скелета, обломки гнилого дерева.

Таблица 1

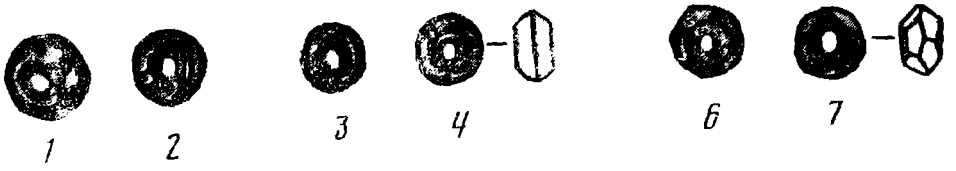
Размеры и ориентировка могильных ям

Могильник	№ кургана	№ погребения	Размеры могильных ям, м	Глубина, м	Ориентировка
Лихачевский	I	1	2×0,6	1,34	С–Ю
	II	1	1,84×0,67	1,2	З–В
		2	1,68×0,8	0,63	СВ–ЮЗ
		3	1,68×0,9	1,25	З–В
		4	1.8×0,83	1,10	С–Ю
		5	1,62×0,80	0,65	СЗ–ЮВ
		6	1,9×0,96	1,38	СВ–ЮЗ
		7	1,5×0,9	1,23	СЗ–ЮВ
		8	1,7×1	1,3	СЗ–ЮВ
	III	1	2×0,9	0,7	ССЗ–ЮЮВ
		2	2,04×0,8	0,7	ССВ–ЮЮЗ
		3	1,92×1	1,2	СВ–ЮЗ
		4	1,94×1,2	1,05	СЗ–ЮВ
		5	? ×0,6	0,8	ССЗ–ЮЮВ
		6	1,12×0,5	0,35	СЗ–ЮВ
		7	1,89×1	0,7	ССЗ–ЮЮВ
		8	1,2×0,65	0,3	СВ–ЮЗ
		9	2×0,67	0,5	ССВ–ЮЮЗ
		10	2,18×0,9	0,9	ССВ–ЮЮЗ
		11	? ×0,9	0,9	ССВ–ЮЮЗ
		12	1,85×0,75	0,8	ССЗ–ЮЮВ
		13	2,2×0,75	1,10	С–Ю
		14	1,10×0,76	0,35	СЗ–ЮВ
		15	? ×0,8	1	СЗ–ЮВ
Черноозерский	Большой курган	1	Разрушено		
		2	2,25×0,7	1,6	СВ–ЮЗ
		3	1,95×0,95	1,7	В–З
		5	2,6×0,75	1,35	ВСВ–ЗСЗ
	Малые курганы I		1,95×1,30	1,7	ССЗ–ЮЮВ
	Малые курганы II		2×0,7	1,75	СВ–ЮЗ

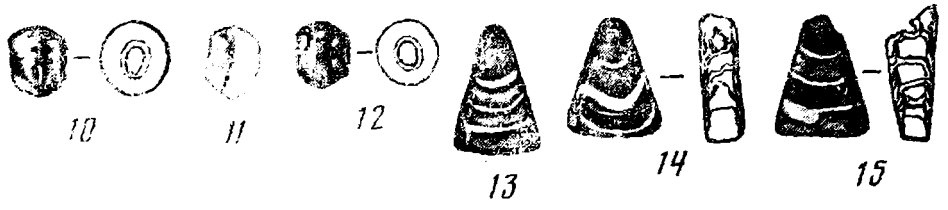
Погребение 2 (рис. 1, *1*) расположено в 3 км к юго-востоку от центра. У дна овальной ямы в беспорядке кости скелета. Возможно, погребенный был уложен головой на северо-восток.

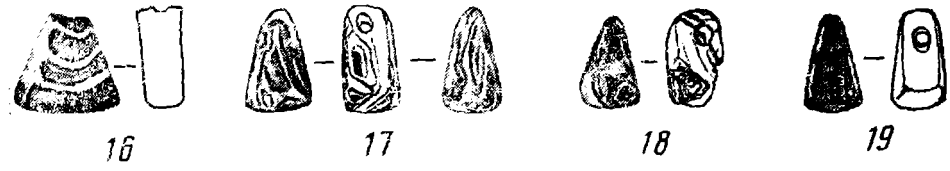
Погребение 3 (рис. 1, *2*) находилось в 3 м к югу от центра. Прямоугольная яма сужалась до ширины 0,80 м за счет небольшого уступа-заплечика высотой 40 см в южной стенке. На дне лежал скелет женщины в вытянутом на спине положении, головой на запад. Слева от черепа обнаружены в россыпи бусы: желтые с внутренней позолотой и синезеленые из глухого стекла (рис. 2, *26—28*); здесь же плохо сохранившаяся золотая сережка в виде восьмерки (рис. 3, *2*). На костях предплечья обеих рук зафиксированы следы от бронзовых браслетов. На тазовых костях найдены обломки какого-то железного предмета и золотая нашивная бляшка (рис. 3, *3*). Между бедренными костями чуть выше колен—глиняное пряслице (рис. 3, *1*). В области локтевого сгиба левой руки обнаружен раздавленный сосуд (рис. 4, *1*).

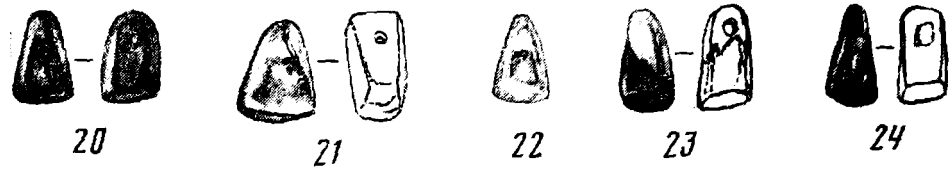
[3] Размеры, глубина и ориентировка могильных ям приводятся в табл. 1.


1 2 3 4 6 7

7 7а 8 9


10 11 12 13 14 15


16 17 18 19


20 21 22 23 24

25 26 27 28

29 30

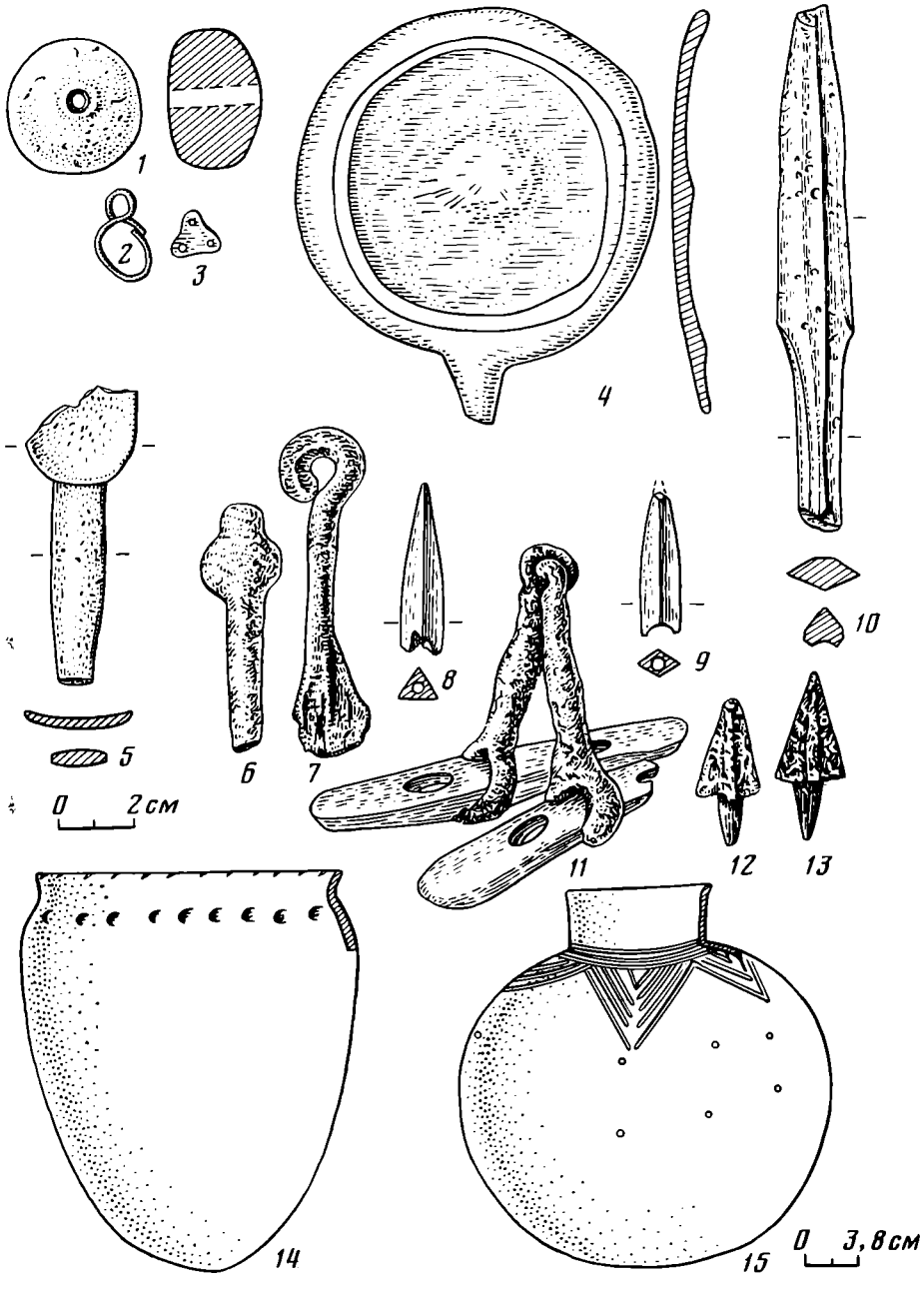


Рис. 3. Лихачевский могильник. *1—3* — кург. II, погр. 3; *4, 10* — кург. II, погр. 4; *5* — кург. III, погр. 8; *6—9; 11—13* — кург. II, погр. 8; *14, 15* — кург. III, погр. 7; *1, 14, 15* — глина; *2, 3* — золото; *4* — бронза; *5, 8—10* — кость; *6, 7, 12, 13* — железо; *11* — кость, железо

Погребение 4 (рис. 1, *7*) расположено в 1 м к западу от центра кургана. В северной части овальной ямы на уровне материка обнаружены остатки осевшего деревянного перекрытия, лежащего вдоль ямы; у дна — фрагментарные кости черепа, отдельные зубы человека. Ближе к восточной стенке найдены бронзовое зеркало (рис. 3, *4*), разрозненные зеленые бусы, аналогичные бусам из предыдущего погребения. Крупный костяной наконечник стрелы (рис. 3, *10*) происходит из противоположной части могилы. У южной стенки лежали обломки сосуда.

Погребение 5 (рис. 1, *В*) находилось в 2 м к юго-западу от центра кургана, рядом с погр. 4. В могильной яме неправильной прямоугольной формы найдены лишь отдельные кости скелета.

Рис. 2. Лихачевский могильник. Бусы. *1—24* — кург. III, погр. 15; *25—30* — кург. III, погр. 4, кург. II, погр. 3, 4; *1—6* — сердолик, *7—30* — стекло

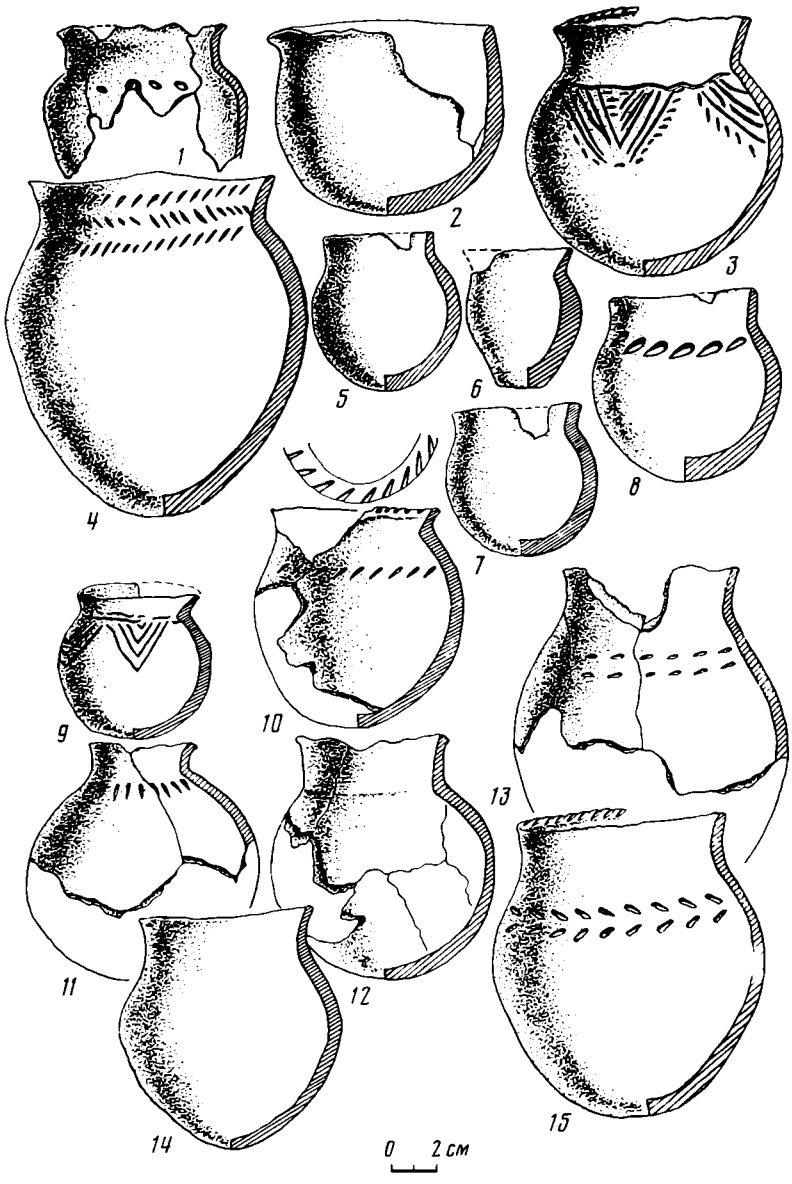


Рис. 4. Лихачевский могильник. Сосуды. *1* — кург. II, погр. 3; *2* — кург. III, погр. 2; *3*, *8* — кург. III, погр. 4; *4*, *5* — кург. III, погр. 5; *6*, *7* — кург. III, погр. 8; *9*, *10* — кург. III, погр. 12; *11* — кург. III, погр. 10; *13—15* — кург. III, погр. 13; *12* — кург. III, погр. 11

Погребение 6 (рис. 1, *5*) расположено в 1,5 м к юго-востоку от центра, частично перекрывая погр. 7 и 8. Прямоугольная яма с сильно скругленными углами сужается ко дну за счет заплечиков высотой 40—60 см до размеров 1,83×0,45 м. На уровне заплечиков в северной части обнаружены остатки жердей от продольного перекрытия. У дна найдены кости ног человека, судя по расположению которых погребенный был уложен головой на юго-запад. Эта часть могилы основательно испорчена грабителями.

Погребение 7 (рис. 1, *В*) находилось в 0,8 м к западу от центра. Округло-прямоугольная яма, разрушенная в верхней части грабительским вкопом, а в юго-западной стороне — ямой погр. 6, имела продольные заплечики не выше 30 см (от дна). За счет их могила сужалась ко дну до 0,7 м, здесь обнаружены разрозненные кости скелета. Берцовые лежали in situ, указывая на то, что умерший был ориентирован головой на север — северо-запад.

Погребение 8 (рис. 1, *В*) расположено в центре, параллельно погр. 7. Сильно разрушенная грабителями и задетая погр. 6 яма имела, видимо,

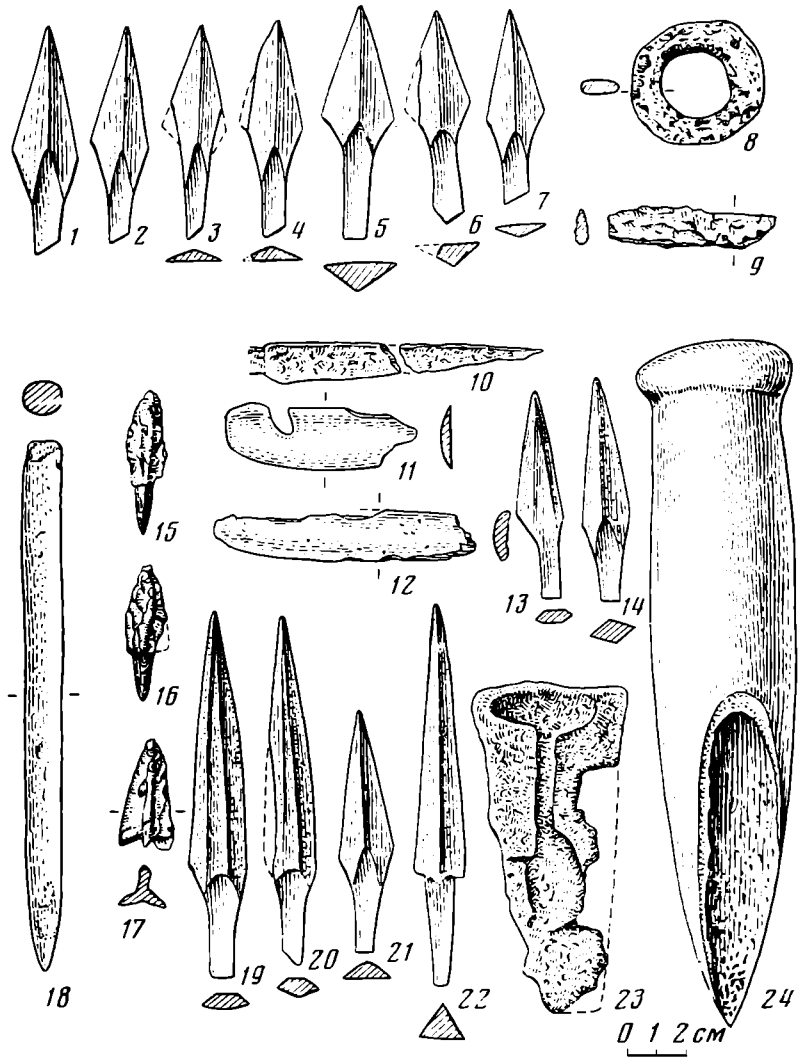


Рис. 5 Лихачевский могильник, *1—9* — кург. III, погр. 1; *10—24* — кург. III, погр. 2

заплечики, поскольку у дна ее ширина уменьшалась до 0,76 м. Здесь встречены в полном беспорядке кости, возможно от двух скелетов, два втульчатых костяных наконечника стрел (рис. 3, *8*, *9*), несколько испорченных ржавчиной железных наконечников (рис. 3, *12*, *13*). В засыпи ямы найдены железные удила с костяными псалиями (рис. 3, *11*) и обломки каких-то железных предметов (рис. 3, *6*, *7*).

Курган III (рис. 1, *Б*) на поверхности почти не прослеживался, будучи нарушенным пахотой, исказившей вид и размеры его насыпи. Курган вскрывался участками 3×3 м.

На уровне материка были зафиксированы остатки слабо углубленной канавки, ограничивающей площадку диаметром около 16 м. В ее пределах сосредоточено 15 погребений, которые образуют в расположении как бы три группы: восточную (погр. 1—3, 8, 9, 12—14), центральную (погр. 5, 10, 11, 15), западную (погр. 4, 6, 7).

Погребение 1 (рис. 1, *6*) находилось в восточной части площадки. На дне прямоугольной ямы обнаружен костяк, лежащий в вытянутом на спине положении, головой на север — северо-запад. На тазовых костях найдено кольцо от железной пряжки (рис. 5, *8*). Восточнее берцовых костей левой ноги расчищено семь костяных наконечников стрел черешками в сторону стоп (рис. 5, *1—7*). Рядом — кусочки сильно разрушенного железного ножа (рис. 5, *9*).

Погребение 2 (рис. 6, *II*) расположено в восточной части площадки, южнее погр. 1. В прямоугольной яме обнаружен костяк человека в вытя-

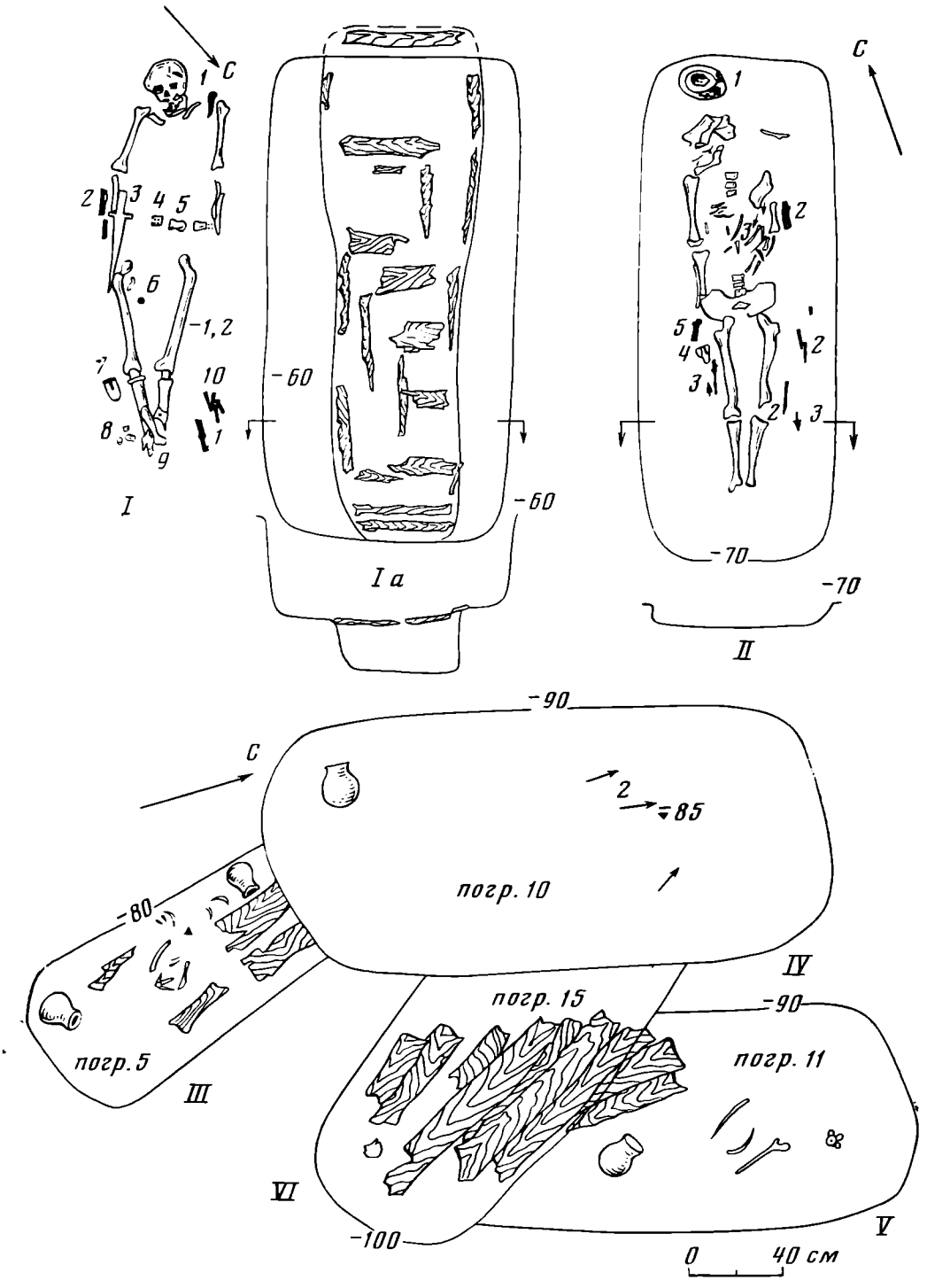


Рис. 6. Лихачевский могильник. *I, Iа* — курган III, погр. 3 (*1* — костяные накладки на лук; *2* — точильный брусок; *3* — железный кинжал; *4, 5* — остатки пояса и бронзовые пряжки; *6* — обломок железного предмета; *7* — железный кельт; *8* — камни, *9* — кости барана; *10* — костяные и железные наконечники стрел); *II* — кург. III, погр. 2 (*1* — сосуд; *2* — обкладки лука; *3* — железные и костяные наконечники стрел; *4* — железный кельт; *5* — костяной кинжал; *6* — костяная проколка); *III* — кург. III, погр. 5; *IV* — погр. 10 (*1* — сосуд; *2* — наконечники стрел); *V* — погр. 11; *VI* — погр. 15

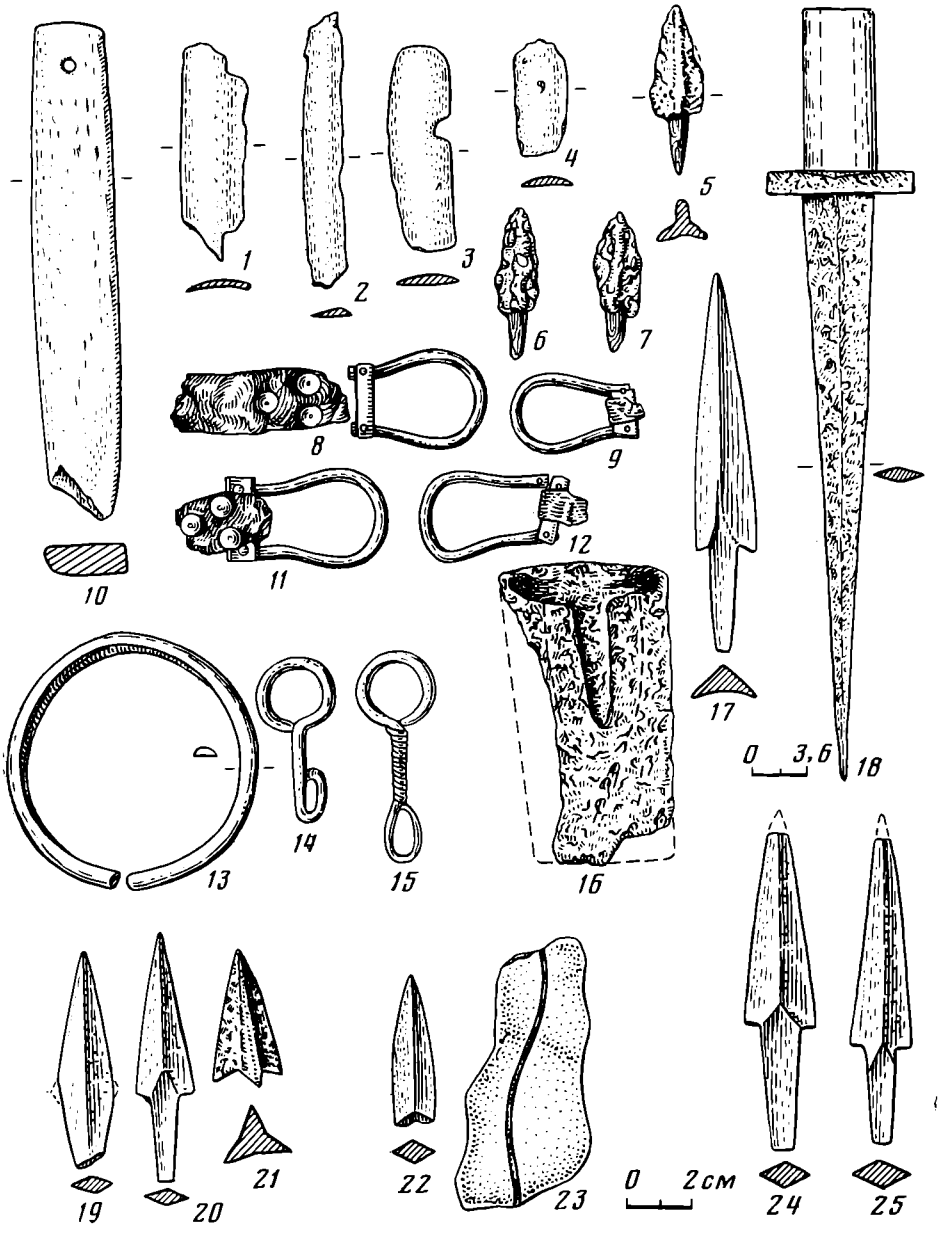


Рис. 7. Лихачевский могильник. *1—12*, *16—18*, *24*, *25* — кург. III, погр. 3; *13—15* — кург. III, погр. 4; *19—21* — кург. III, погр. 10; *22*, *23* — кург. III, погр. 5

нутом на спине положении, головой на север — северо-восток. Руки вдоль тела, ноги сдвинуты в области голеностопных суставов, часть костей отсутствует. В северо-западном углу ямы, около черепа, находился сосуд (рис. 4, *2*), справа от него — обломки ножа (рис. 5, *10*). С восточной стороны от костяка лежали обломки костяных обкладок лука (рис. 5, *11*, *12*), несколько южнее — круглая костяная проколка (рис. 5, *18*) и железный наконечник стрелы (рис. 5, *15*), здесь же — костяной кинжал (рис. 5, *24*). На уровне плечевой кости левой руки между ней и ребрами обнаружены два железных и три костяных наконечника стрел (рис. 5, *16*, *17*, *19—21*). Слева от скелета на уровне правой бедренной кости найдены железный кельт (рис. 5, *23*), три костяных наконечника (рис. 5, *13*, *14*, *22*).

Погребение 3 (рис. 6, I, Iа) расположено в восточной части площадки, юго-западнее погр. 2. Прямоугольная яма сужалась до ширины 0,6 м за счет продольных уступов-заплечиков высотой 20 см. На их уровне и ниже отмечены остатки продольного (сверху) и поперечного (снизу) деревян-

ного перекрытия. Под ним, на дне ямы, лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад. Руки вдоль тела, ноги сдвинуты, на них в области ступней — кости барана. Юго-западнее погребенного на уровне костей предплечья и берцовых обнаружены концевые накладки на лук (рис. 7, *1—4*), костяной и сильно коррозированный железный наконечники стрел (рис. 7, *5*, *17*). Слева от костяка в области таза зафиксирован в очень плохом состоянии железный кинжал с прямым перекрестьем и ручкой, обложенной костью (рис. 7, *18*, графическая реконструкция), рядом лежал точильный брусок (рис. 7, *10*). Над тазовыми костями и под ними расчищены четыре бронзовые пряжки с остатками кожаного пояса с круглыми бронзовыми накладками (рис. 7, *8*, *9*, *11*, *12*). Слева от погребенного в области коленного сустава правой ноги обнаружены железное тесло (рис. 7, *16*) и три камня.

Погребение 4 (рис. 1, *8*, *8а*) находилось в западной части площадки. Прямоугольно-овальная яма уменьшалась за счет круговых заплечиков до размеров 1,75×0,6 м. На их уровне (20 см от дна) обнаружены остатки перекрытия, состоявшего из поперечных жердей, лежавших на них продольных бревен и кусков бересты между ними. По стенкам ямы также фиксировались следы дерева. На дне лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад, руки вдоль тела. Около черепа стояли два сосуда (рис. 4, *3*, *8*), по обе стороны от него найдены две бронзовые сережки (рис. 7, *14*, *15*), под нижней челюстью — несколько отдельных зеленых и желтых бусин (рис. 2, *29*). На костях предплечья обеих рук расчищены обломки бронзовых браслетов из проволоки трапециевидного сечения (рис. 7, *13*), на тазовых костях — кусок камня.

Погребение 5 (рис. 6, *3*) — детское, находилось в центре площадки. Прямоугольная яма, задетая в северной части погр. 10, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Длина сохранившейся части 1,2 м. В засыпке обнаружены куски дерева, кости скелета. Обломки черепа находились в северо-западном конце могилы. В могиле найдены два сосуда: один рядом с черепом, другой в противоположном конце (рис. 4, *4*, *5*); втульчатый костяной наконечник стрелы (рис. 7, *22*), сланцевая пластинка (рис. 7, *23*) и маленький обломок железного предмета.

Погребение 6 располагалось в западной части площадки, ближе к центру. Прямоугольная яма имела в продольных стенках заплечики высотой 24 см. Остатков костяка и вещей нет.

Погребение 7 находилось между погр. 6 и 4. Разграблено. Прямоугольная могильная яма содержала лишь два сосуда, лежащих в противоположных концах могилы (рис. 3, *14*, *15*).

Погребение 8 (рис. 1, *4*) — детское, расположено в восточной части площадки, юго-западнее погр. 1. На дне прямоугольной ямы обнаружены остатки скелета, заключенного в деревянную раму и лежащего по диагонали могилы головой на север. Справа от черепа стояли два сосуда (рис. 4, *6*, *7*), рядом лежала костяная ложка (рис. 3, *5*). Над костяком фиксировались следы бересты.

Погребение 9 находилось южнее погр. 8. Могильная яма в форме удлиненного овала нарушена в центральной части ямой погр. 14. Остатки скелета и череп указывают на северо-восточную ориентировку погребенного. Вещей нет.

Погребение 10 (рис. 6, *4*) расположено в центре, перекрывает погр. 5 и 15. В прямоугольной яме найдены оставшиеся от ограбления вещи: два костяных, один железный наконечник стрелы плохой сохранности (рис. 7, *19—21*) и обломки сосуда (рис. 4, *11*).

Погребение 11 (рис. 6, *5*) располагалось в центре, параллельно предыдущему погребению, нарушено погр. 15. В засыпи прямоугольной ямы обнаружены отдельные человеческие кости, обломки сосуда (рис. 4, *12*), железный наконечник и более 100 желтых и зеленых бусин (рис. 2, *30*).

Погребение 12 расположено севернее погр. 8. Ориентировано в направлении ССЗ-ЮЮВ. В заполнении и у дна прямоугольной ямы встречены кости скелета, фрагменты сосуда (рис. 4, *10*), кусок дерева. Бедренные

кости, находящиеся in situ, указывают на то, что умерший лежал головой на север — северо-запад. В южном углу — целый сосуд (рис. 4, *9*).

Погребение 13 примыкало с востока к погр. 12. В заполнении прямоугольной ямы на разной глубине найдены лишь кости скелета, обломки дерева и три сосуда (рис. 4, *13—15*).

Погребение 14 расположено западнее погр. 3, перекрывает яму погр. 9. В заполнении прямоугольной ямы — разрозненные кости скелета. Вещей нет.

Погребение 15 (рис. 6, *6*) находилось в центре площадки, перекрыто погр. 10. В оставшейся части прямоугольной ямы найдены обломки продольного перекрытия и около 70 различных бусин (рис. 2, *1—24*).

Курганы у с. Черноозерье располагались на надпойменной террасе левого берега р. Иртыш, отстоящей от современного русла на 3—4 км.

Большой курган диаметром около 28 м и высотой 1,4—1,2 м от современной поверхности расположен на южной стороне самой высокой части гривы, вытянутой по краю террасы. Поверхность насыпи была задернована и испорчена ямами разных размеров. Насыпь состояла из чернозема с мелкими вкраплениями песка (рис. 8, *1*). На уровне 0,5—1 м зафиксирован кольцевой ров[4] диаметром 18—20 м при ширине 1,5—1,7 м, глубиной 0,7—1 м от древней поверхности. В юго-западной части ров прерывался, образуя вход шириной 2,5 м. По дну рва отмечена прослойка песка, оплывшего после его сооружения. Над ней местами прослеживалась углистая прослойка с несгоревшими кусочками дерева. В северной части рва на уровне 1,15 м найден сосуд (рис. 9, 8). В северо-западной поле кургана на глубине 0,5 м зафиксированы остатки глинисто-песчаного панциря, частично разрушенного грабителями, частично сползшего в ров. Толщина площадки 0,2—0,3 м. Под насыпью большого кургана, содержащего четыре погребения, обнаружены остатки более ранних малых курганов (рис. 8, *1*). Ко времени сооружения большого кургана относятся погребения 1—3,5.

Погребение 1 (рис. 8, *1*) находилось в центре площадки, прорезало канавку более раннего кургана I. Яма полностью разрушена неоднократными грабительскими вкопами. В заполнении встречались лишь отдельные кости.

Погребение 2 (рис. 8, *5*) расположено в 6 м к северу от центра. В северо-восточной части прямоугольной ямы найден сосуд (рис. 9, *9*). Остатки костяка и вещи не обнаружены.

Погребение 3 (рис. 8, *6*) расположено в 6,5 м к юго-западу от центра, впускное. Прямоугольная яма имела в продольных стенках заплечики высотой 1 м, шириной 0,1—0,14 м. На дне лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на восток. Вещей нет.

Погребение 5 (рис. 8, *3*) расположено в 7 м к юго-западу от центра. В прямоугольной яме обнаружен костяк в вытянутом на спине положении, головой на восток. Вещей нет.

Курган I (рис. 8, *1*) обнаружен под восточной половиной большого кургана, будучи отделенным от него темной и плотной прослойкой погребенной почвы. На уровне материка (0,5 м) зафиксирована круглая канавка диаметром 9,5 м, шириной 0,4—0,5 м, углубленная в материк на 0,2—0,3 м. В северо-западной части находился проход шириной 0,98 м. В центре зафиксированы остатки овальной могильной ямы. От костяка сохранились лишь полуистлевшие берцовые кости, судя по которым погребенный лежал головой на север — северо-запад (рис. 8, *2*). В юго-восточном конце ямы найден большой сосуд (рис. 9, *10*), рядом — два бронзовых наконечника стрел (рис. 9, *1*, *2*), бронзовый крючок (рис. 9, *3*).

Курган II (рис. 8, *1*) обнаружен под юго-западной полой большого кургана. В материке зафиксированы нечеткие очертания канавки диаметром около 7 м, шириной 0,4 м, глубиной 0,2—0,3 м. В юго-восточной части площадки, ограниченной канавкой, под слоем погребенной почвы

[4] Отсчеты глубин велись от условного 0, за который принята нижняя точка северной части насыпи.

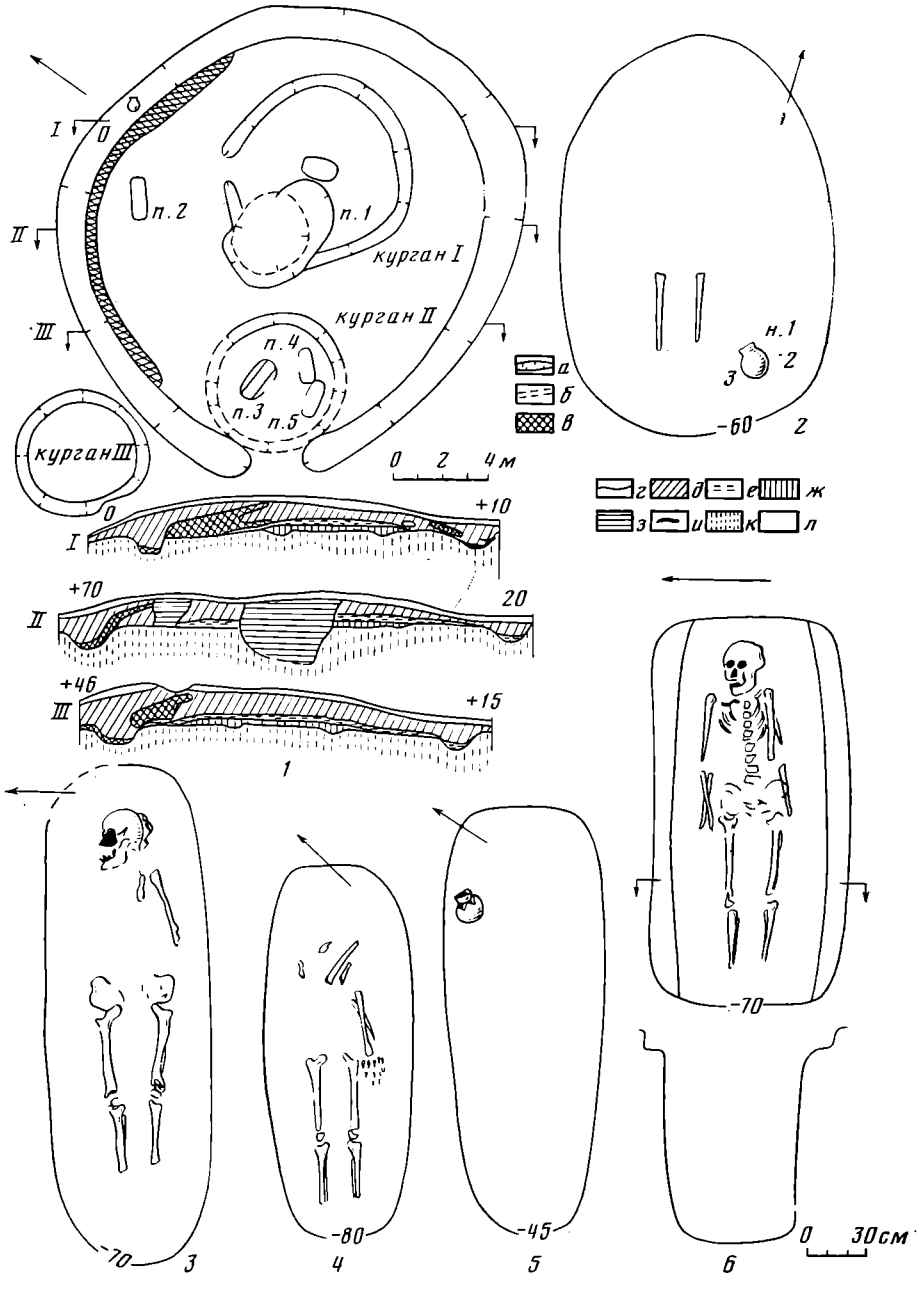


Рис. 8. Черноозерские курганы. *1* — план и профили (*а* — граница канавок; *б* — неясные очертания; *в* — глинисто-песчаный панцирь; *г* — границы погребений; *д* — насыпь большого кургана; *е* — погребенная почва; *ж* — насыпь малых курганов; *з* — заполнение грабительских ям, *и* — углистая прослойка; *к* — материк; *л* — современная почва); *2* — малый курган I, погребение (*1* — наконечники стрел; *2* — бронзовый крючок; *3* — сосуд); *3* — большой курган, погр. 3; *4* — малый курган II, погребение; *5* — большой курган, погр. 2; *6* — большой курган, погр. 3

находилась могильная яма (№ 4) прямоугольной формы. На дне найден скелет, лежащий в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Вещей нет (рис. 8, *4*).

Курган III (рис. 8, *1*) обнаружен при раскопках могильника эпохи бронзы в 3,5 м к западу от кургана II, рядом с канавой большого кургана, частично перекрытый его оплывшей насыпью. На поверхности остатки курганной насыпи не прослеживались. На глубине 0,5 м в материке зафиксирована замкнутая кольцевая канавка диаметром 6 м, шириной 0,3—0,5 м, глубиной 0,2 м. Погребение на внутренней площадке не обнаружено.

Помимо этого, на территории могильника эпохи бронзы встречены остатки разрушенных погребений раннего железного века, не сохранив-

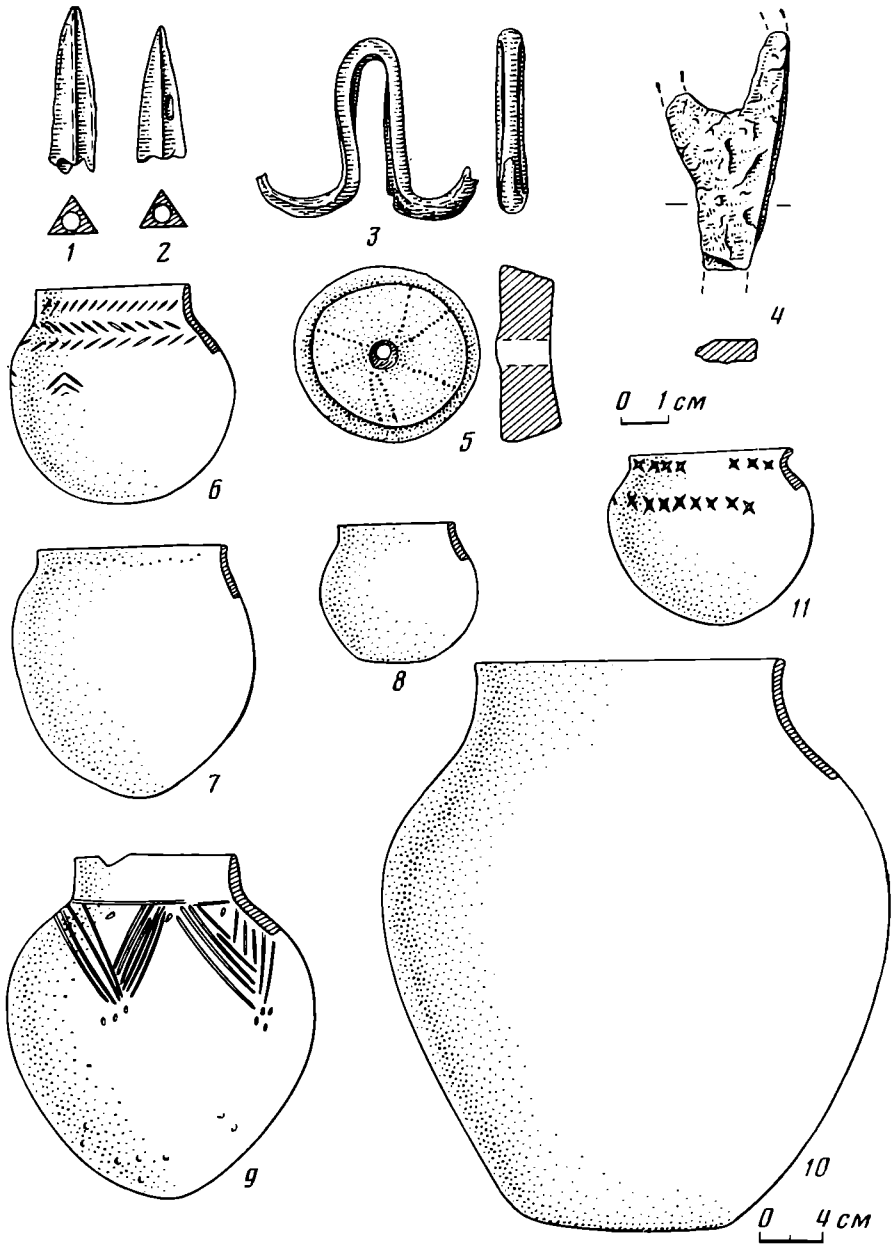


Рис. 9. Черноозерские курганы. *1—3* — малый курган I, погребение; *4—7* — сосуды из грунтовых погребений; *8* — сосуд из рва; *9* — большой курган, погр. 2; *10* — малый курган I, погребение

шие ни насыпей, ни могильных ям. Из этих захоронений происходят сосуды (рис. 9, *6*, *7*, *11*), обломки железных предметов (рис. 9, *4*) и пряслице (рис. 9, *5*).

Суммируя описание могильников, следует остановиться на определении их хронологической принадлежности, опираясь на анализ погребального инвентаря и некоторые стратиграфические наблюдения.

Наиболее многочисленный класс вещей составляют наконечники стрел.

1. Два бронзовых трехгранных наконечника с внутренней втулкой, происходящие из ЧМ1[5] (рис. 9, *1*, *6*), сопоставляются с наконечниками 14, 18-го типов отдела трехгранных стрел по классификации К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой, сближаясь формой с экземплярами, датирующимися IV—III вв. до н. э. [33; с. 56—57, табл. V; 34, табл. 16, с. 31].

[5] Здесь и далее: ЧМ1 — Черноозерье, малый курган 1; ЧБ — Черноозерье, большой курган; Чг — Черноозерье, грунтовые захоронения; ЛП3 — Лихачево, курган II, погр. 3, и т. д.

Таблица 2

Вещи (№ по тексту)	Века								
	до н.э.						н.э.		
	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III
1	—								
7	—								
2		—							
9		—							
10		—							
13		—							
15		—							
18		—							
20		—							
3		—							
14		—							
16		—							
19		—							
8		—							
5			—						
17			—						
11			—						
4			—						

Таблица 3

Погребение	Вещи (№ по тексту)	Века								Дата погребения
		до н.э.						н.э.		
		VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	
ЧМ1	1	—									IV–III в.в. до н.э.
ЛП8	2			—							III – начало II в.в. до н.э.
	3				—						
	7			—							
ЛП7		Перекрыто ЛП6 вместе с ЛП8									III – начало II в.в. до н.э.
ЛП3	15				—						III–II в.в. до н.э.
	16				—						
	13				—						
ЛП4	14				—						III–II в.в. до н.э.
	15				—						
ЛШ11	3				—						III–I в.в. до н.э.
	16				—						
ЛШ15	17				—						II в. до н.э.
	18				—						
	19				—						
	20				—						
	21				—						
ЛШ5	2				—						IV–II в.в. до н.э.
ЛШ10		Перекрывает ЛШ15 и ЛШ5									после II в. до н.э.
ЛШ2	8				—						I в. до н.э. – – I в. н.э.
	4					—					
	3					—					
	13					—					
ЛШ3	5					—					I в. до н.э. – – I–II в.в. н.э.
	11					—					
	8					—					
	4					—					
ЛШ4	12					—					II в. до н.э. – I в. н.э.

2. Костяные наконечники с внутренней втулкой из ЛП5, ЛП8 — трехгранный и четырехгранные (рис. 3, *8*, *9*; 7, *22*) — принадлежат к широко известным в Западной Сибири образцам, встречаемым в памятниках IV—II вв. до н. э. [16, с. 200—201].

3. Железные черешковые наконечники трехлопастные, с треугольными головками, высотой не более 5 см (рис. 3, *12*, *13*; 7, *5*, *21*; 5, *17*). Начало их распространения — III в. до н. э., в первых веках нашей эры они сменяются крупными наконечниками [34, с. 25].

4. Обкладки лука (ЛШ1, 2, 3, рис. 7, *1–4*; 5, *11*, *12*) существуют в Западной Сибири с середины II в. до н. э. по II—III вв. н. э. [14, с. 81; 16, с. 201].

5. Железный двулезвийный меч (ЛШ13, рис. 7, *18*) с прямым брусковидным перекрестьем и без металлического навершия может быть сопоставлен со среднесарматскими мечами II в. до н. э.— I—II вв. н. э. [35, с. 12; 36, с. 126; 37, с. 118—120].

Таблица 4

Характеристика сосудов из Лихачевских и Черноозерских курганов *

	Размеры, см								Форма венчика	Обработка поверхности		Рисунок
	P_1	P_2	P_3	P_4	P_5	P_6	P_7	P_8		внутренней	наружной	
ЛIII3	8,5	8,3	10	–	10	2	13	6,7	з	1	2	*4,1*
ЛIII2	10,2	–	11,5	–	9,5	–	3,7	5,8	о	2	2	*4,2*
ЛIII4	9,5	9	13,2	–	12,7	2,2	3,7	6,8	о	1	2	*4,3*
ЛIII4	7,3	7,1	9,3	–	9,3	1,7	2,7	4,9	о	2	2	*4.8*
ЛIII5	12,5	11	15	–	17	1,6	4,2	11	з	1	1	*4,4*
ЛIII5	5,5	5,3	7,5	–	7,7	0,7	2,5	7	п	2	2	*4,5*
ЛIII7	9,8	9,2	25,4	–	26,2	4,2	9,8	12,2	з	1	1	*3,15*
ЛIII7	20,9	20,2	22,8	–	27,2	1,5	2,6	23,1	з	2	2	*3.14*
ЛIII8	5,2	4,7	5,5	1,7	6,5	1	2	3,5	о	2	2	*4.6*
ЛIII8	6,2	6	7,5	–	7,5	0,8	3	3,7	п	2	2	*4,7*
ЛIII10	5	5	11,5	–	11,5	1.5	4,2	5,8	п	1	2	*4.11*
ЛIII11	6,7	6,7	9,2	–	12,5	2,7	4,5	5,3	п	2	2	*4,12*
ЛIII12	8,2	7,7	10,2	–	10,7	0,7	4,5	5,5	з	1	2	*4.10*
ЛIII12	6,2	5,5	7,5	–	7,3	0,9	2,5	3,9	з	1	2	*4,9*
ЛIII13	8,6	8,3	13,7	–	16,5	2,5	7,5	6,5	о	2	2	*4,13*
ЛIII13	8,7	8,2	11,5	–	11,7	1,3	4,5	5.7	о	1	1	*4,14*
ЛIII13	11	10,2	14	–	14,5	1,5	5,7	7,3	з	1	1	*4,15*
ЧБ	7,6	7,9	10,2	4	9,2	1	3,4	4,8	п	2	2	*9,8*
ЧБ2	10,5	11,5	20,4	–	23	3,2	7,3	12,5	з	1	1	*9,9*
ЧМ1	20	20	33	13	38	3,3	11,5	23,2	п	1	2	*9,10*
Чг	10	10,2	14,8	–	14,5	2,3	4,3	7,9	о	1	2	*9,6*
Чг	12,5	12,2	15,5	–	16,5	1	5	10,5	о	1	2	*9,7*
Чг	10,8	10,2	13,2	–	11,5	0,9	3,4	7.2	з	2	2	*9,11*

* Форма венчика: з — заостренный, п — плоский, о — округлый. Обработка поверхности: 1 — гладкая, 2 — грубая.

6. Бронзовый, якоревидной формы крючок из ЧМ1, условно отнесенный к колчанным (рис. 9, *3*), изготовлен из стержня прямоугольного сечения. Точных аналогий не имеет. Металл, из которого он сделан, принадлежит к химической группе ЕУ, так же как два наконечника из ЧМ1, отличаясь от них несколько более высоким содержанием олова и свинца[6]. Это может служить косвенным свидетельством их одновременности.

7. Предметы конского снаряжения представлены одним экземпляром железных двусоставных удил и двумя костяными псалиями брусковидной формы с продолговатыми, широко расставленными отверстиями ЛIII8, рис. 3, 11). Последние датируются в основном V—II вв. до н. э. [33, с. 87; 38, рис. 14, *1*, *2*].

8. Железные клиновидные кельты (ЛIII3, 2; рис. 5, *23*; 7, *16*), различаются формой (прямоугольная, трапециевидная) и конструкцией втулки (соответственно закрытая и несомкнутая). Имеют аналогии главным образом в памятниках III в. до н. э.—I в. н. э. [34, табл. 23—43; 39, рис. 59, *10*; рис. 19, *5*, с. 136; 41, табл. VI, *55*], но иногда встречаются и в более поздних [42, с. 73, рис. 2, 3].

9. Костяная, круглая в сечении проколка (ЛIII2) длиной 17 см подобна предметам такого рода из сарматских погребений IV—II вв. до н. э. [34, табл. 23].

10. Костяная ложка из ЛIII8 (рис. 3, *5*) имеет аналогии в памятниках прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. [34, табл. 26].

11. Бронзовые лировидные пряжки (ЛIII3, рис. 7, *8—12*) сделаны из круглого дрота. На их рамках сохранились остатки пояса с круглыми выпуклыми накладками и обрывками толстых крученых ниток. Пряжки в целом датируются II в. до н. э.—I—II вв. н. э. [43, рис. 7, *40*; 44, табл. VIII, *16*; 45, табл. XVI, *2*, *3*].

[6] Анализы Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, № 24, 399—24 401.

Район	Могильник	Совокупность и									
		характер захоронения		ориентировка							
		индивидуальное	парное	С	СВ	В	ЮВ	ЮЗ	З	СЗ	не опр.
р. Ишим	Лихачево	23	1(?)	2	2			1	1	6	12
	Абатское	19	1(?)	1	3	1				7	8
	Фоминцево	8	2	1	4	1	1	1			2
	Всего	50	4	4	9	2	1	2	1	13	22
	%	92,5	7,5	7,4	16,7	3,7	1,8	3,7	1,8	24,1	40,7
р. Иртыш	Черноозерье (малые курганы)	2			1					1	
	Черноозерье (большие курганы)	3	1?			2				1	1
	Кокоповка	6	2	6							2
	Саргатка	8	2	4					1	1	4
	Красноярка	8	3	1						5	5
	Калачевка	5	1?				1		2		3
	Всего	32	9	11	1	2	1	—	3	8	15
	%	78,04	21,96	26,83	2,44	4,87	2,47		7,32	19,50	36,6

* А — прямоугольная, Б — овальная, В — комбинированная.
** а — с отвесными стенками, б — с наклонными стенками, в — с уступом, г — с двумя

12. Бронзовые серьги из ЛIII4, состоящие из колечка, петельки и соединяющего их стержня, по сходству с соответствующими предметами из погребений Прикамья и Сибири датируются II—I вв. до н. э.— I в. н. э. [43, рис. 7, *20*; 44, табл. 1, *16*; 46; рис. 6; 41, табл. XXVI, *104*, XXV, *1, 2*].

13. Золотая сережка в виде восьмерки (ЛIII3, рис. 3, *2*) находит аналогии в памятниках IV—II вв. до н. э. [47, рис. 10, *1*, *9*, *10*; 48, рис. 3, *А*].

14. Бронзовое зеркало диаметром 10 см (ЛIII4, рис. 3, *4*), с легкой закраиной и небольшим возвышением в центре украшено двумя концентрическими линиями. Возможная дата: III—I вв. до н. э. [49, с. 62—65; 50, с. 46].

Среди бус, являющихся самым многочисленным по количеству экземпляров классом погребального инвентаря, преобладают стеклянные: одноцветные и многоцветные.

15. Сине-зеленые, синие округлые бусы (ЛIII4, рис. 2) встречаются в памятниках IV—III—I вв. до н. э. [51, с. 149—195, рис. 23; 56, с. 150].

16. Округло-цилиндрический бисер и кольцевидные бусины с внутренней позолотой (ЛIII11, ЛIII3, рис. 2) характерны для III—I вв. до н. э. [34, с. 45; 52, табл. 26, *2*, *12—15*].

17. В наборе бус из ЛIII15 встречена позолоченная бусина, относящаяся к типу дольчатых (рис. 2, *8*), которые выпускались в римское время [52, с. 31, табл. 27, *47*].

18. Особый тип составляют треугольные подвески синего, зеленого цвета и прозрачные, бесцветные (ЛIII15, рис. 2, *18—24*). Встречаются в

Таблица 5

могильников Иртыша и Ишима

признак										
	могильная яма									
	форма в плане *				форма в профиле **					
	А	Б	В	не опр.	а	б	в	г	д	не опр.
	16	6	1	1	6	6	4	2	1	5
	10	2	2	6	2	1	3	3	5	6
	5			5	3				2	5
	31	8	3	12	11	7	7	5	8	16
	57,4	14,8	5,6	22,2	20,4	12,95	12,95	9,3	14,8	29,6
	1	1			2					
	3			1	2			1		1
	6	1		1	1	4	1	1		1
	3	4		3	4	3				3
	9	1	1		6	4			1	
	3	2		1	1	3			1	1
	25	9	1	6	16	14	1	2	2	6
	60,97	21,95	2,44	14,64	39,03	34,15	2,44	4,87	4,87	14,64

уступами, д — с углублением в донной части.

памятниках IV—II вв. до н. э. и, видимо, позже [53, табл. 27, *21*; 34, табл. 31—35, 36, *4*].

19. Синие округлые бусы диаметром 0,3—0,5 см, со слоисто-щитковыми глазками сине-белой гаммы (ЛIII15, рис. 2, *7*) датируются III в. до н. э.— I в. н. э. [54, с. 56, рис. 15, *34*].

20. Три пирамидальные подвески из желтого и синего стекла с извилисто-волнистым и полосатым орнаментом (ЛIII15, рис. 2, *13—18*) имеют аналогии в комплексах IV—I вв. до н. э. [34, табл. 31, *4*, с. 45; 52, табл. 27, *60—65*].

21. В наборе из ЛIII15 есть семь красных сердоликовых округлых и многогранных бусин (рис. 2, *1—6*), диапазон бытования которых охватывает IV—III вв. до н. э.— I в. н. э. [55, с. 30; 56, с. 148, рис. 39, *3*; 34, табл. 30, *79, 84*; 41, табл. XXV, *7, 8*].

Остальные бусы сильно повреждены, так что их цвет и поверхность значительно изменились. Хронология описанных предметов дается в табл. 2, номера в ней соответствуют номерам в тексте.

Кратко остановимся на тех предметах погребального инвентаря, которые имеют широкое территориальное и хронологическое распространение.

22. Костяные черешковые наконечники из Лихачевских курганов (рис. 3, *10*; 5, *1—7*, *13*, *14*, *19—22*; 7, *19*, *20*, *24*, *25*), разнообразные по форме и деталям, известны в Западной Сибири на протяжении всего раннего железного века.

23. Костяной кинжал (ЛIII2, рис. 5, *24*) сделан из толстой трубчатой кости, имеет отверстие для подвешивания. В ананьинских памятниках

Таблица 5 (продолжение)

Район	Могильник	Наличие дерева	Наличие сосудов	Наличие костей животных	Насыпь			Количество курганов	Количество погребений
					глины на площадке	наличие остатков огня	ограждения		
р. Ишим	Лихачево	12	10	1	1	1	3	3	24
	Абатское	9	11	6	2	1	2	2	20
	Фоминцево	1	5	4	1	2	—	2	10
	Всего	22	26	11	4	4	5	7	54
	%	40,7	48,1	20,4	57,1	57,1	71,4	100	100
р. Иртыш	Черноозерье (малые курганы)	—	1		—	—	3	3	2
	Черноозерье (большие курганы)		1		1	1	1	1	4
	Кокоповка	5	4	6	1	4	4	6	8
	Саргатка	9	6	1	1	1	—	2	10
	Красноярка	4	6	2	2	3	4	4	11
	Каланчевка	3	4	1	1		1	1	6
	Всего	21	22	10	6	9	13	17	41
	%	51,22	53,6	24,4	35,3	52,9	76,5	100	100

встречаются похожие предметы, которые причисляются исследователями к типу наконечников мотыг [57, рис. 49, *6*], но тщательная обработка явно противоречит такому выводу относительно данного кинжала.

24. Среди остатков ножей, найденных в очень разрушенном состоянии, выделяется один, имеющий прямые спинку и лезвие, а также небольшой уступ при переходе к черешку (ЛIII2, рис. 5, *10*). Входит в число предметов широкого распространения.

25. Глиняные пряслица округло-цилиндрической и усеченно-конической форм (ЛIII3, Черноозерье, рис. 3, *1*; 9, *5*) часто встречаются в женских погребениях раннего железного века.

26,27. Плоский прямоугольный точильный брусок (рис. 7, *10*) и бронзовые браслеты (ЛIII4, рис. 7, *13*) принадлежат к стандартным образцам, известным в памятниках скифо-сарматского времени.

28. Керамика Лихачевских и Черноозерских курганов (21 сосуд) не отличается разнообразием ни в форме, ни в обработке, ни в орнаменте. Для сосудов характерны небрежность в изготовлении, обжиг среднего качества, костровый, разная толщина стенок. В глине — примесь шамота и песка. Сосуды все круглодонные, за исключением двух горшков из Черноозерского могильника (рис. 8, *8*, *10*), имеющих уплощенные днища. Размеры сосудов колеблются в пределах от 5,5—10 до 17—13 см в высоту, диаметр тулова варьирует от 6,5—10 до 17—39 см (характеристика керамики содержится в табл. 4[7]. Орнамент небогат, располагается по шейке и плечикам. Основные элементы: резные треугольные фестоны, горизонтальная елочка, ряды различных ямок и наколов (рис. 4). Половина сосудов Лихачевских курганов не орнаментирована.

[7] Параметры сосудов (P_1, P_2 и т. д.) даны в соответствии с обозначениями В. Ф. Генинга [58].

Используя датировки отдельных вещей (табл. 2) и некоторые стратиграфические данные, попробуем оценить хронологию описанных погребений. Наглядное представление об этом дает табл. 3.

Наиболее ранним среди них является ЧМ1, дата которого определяется IV—III вв. до н. э. К этому же времени принадлежат, по-видимому, и остальные малые курганы этого могильника. То обстоятельство, что курган I и другие малые курганы Черноозерского могильника отделены от насыпи большого достаточно выраженным слоем погребенной почвы, свидетельствует о значительном хронологическом промежутке между ними и о более поздней дате большого кургана (не ранее II в. до н. э.).

Датировка Лихачевского кургана I и его единственного, полностью разрушенного погребения весьма затруднительна. Только два обстоятельства — малые размеры по аналогии с Черноозерскими курганами и индивидуальный характер — позволяют предполагать для него более ранний возраст, чем для курганов II и III, т. е. не позже III в. до н. э.

Существование кургана II определяется III—I вв. до н. э. (табл. 3). Наиболее ранним в нем можно считать центральные погр. 7 и 8, находящиеся в одинаковых стратиграфических условиях (III — начало II в. до н. э.). Более поздним по отношению к ним является ЛII6, вероятно, связанное с погребениями внешнего круга. В промежуток III—I вв. до н. э. укладываются погр. 3 и 4, из которых более ранним следует считать погр. 3. Остальные могилы, не содержавшие вещей, условно отнесем к этому же времени.

В хронологии кургана III наиболее затруднительной является датировка погребений центральной группы. Возможно, самым ранним среди них было погр. 11. Погребение 15, содержащее бусы широкого распространения и прорезающее предыдущее погребение, является более поздним по отношению к нему. Следовательно, его можно датировать не раньше II в. до н. э. Погребение 5, время которого вряд ли нужно считать позже II в. до н. э., в определенной степени синхронно погр. 11. Какова дата погр. 10, прорезавшего предыдущие, сказать трудно. Скорее всего, его следует датировать позже II—I вв. до н. э. Ко II в до н. э.— I в. н. э. относятся погр. 1—4. Другие захоронения не содержат данных для датировки. Остается признать их в какой-то мере одновременными с отмеченными.

Таким образом, хронологический диапазон Лихачевского могильника охватывает в целом вторую половину I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э., точнее IV в. до н. э.— I—II вв. н. э.

Особенности погребальных обрядов большого Черноозерского кургана и Лихачевских курганов II, III в известной степени близки, что позволяет допустить возможность их одновременности. Коротко остановимся на характеристике погребального обряда описанных могильников (табл. 5).

По размерам насыпей курганы делятся на три группы: малые (ЧМI, II, III, ЛI) — диаметром до 10 м, средние (ЛII, III) — диаметром около 16 м; третья группа представлена большим курганом у с. Черноозерье (28 м в диаметре). Все курганы имели ограждения в виде замкнутых кольцевых рвов или рвов с проходом. В северо-западной части насыпи ЧБ сохранились остатки глинисто-песчаного панциря, перекрывавшего находившиеся там могилы. В ЛI зафиксированы следы огня.

Ранние малые Черноозерские курганы и ЛI, как упоминалось выше, содержали по одному погребению в центре, с преимущественно меридианной ориентировкой. В других курганах обнаружено от 4 до 15 погребений (табл. 5), в расположении которых улавливается сходство. Большинство из них сгруппировано под полами в пределах подкурганной площадки вокруг одного (ЧБ) или нескольких (ЛII, III) погребений в центре. Известно, что эта особенность характерна для курганов II в. до н. э.— II в. н. э. Тоболо-Иртышского междуречья [25, с. 72; 26, с. 209].

Погребения в описанных могильниках заключены в грунтовые ямы прямоугольной, реже овальной формы, размеры которых колеблются в

Таблица 6

Сравнение и мера сходства погребального обряда могильников раннего железного века Прииртышья и Приишимья

Район	Совокупность и признаки	Ориентировка умерших							Форма могильной ямы					Сосуды в могилах	
									в плане			в профиле			
		С	СВ	В	ЮВ	ЮЗ	З	СЗ	прямоугольная	овальная	комбинированная	с отвесными стенками	с наклонными стенками	с заплечиками	есть	нет
р. Ишим	Количество	4	9	2	1	2	1	13	31	8	3	11	7	20	26	28
	Процент	12,5	28,1	6,3	3,1	6,3	3,1	40,6	73,8	19,0	7,2	28,9	18,4	52,7	48,1	51,9
р. Иртыш	Количество	11	1	2	1	–	3	8	25	9	1	16	14	5	22	19
	Процент	42,3	3,8	7,7	3,8	–	11,8	30,8	71,4	25,7	2,9	45,7	40,0	14,3	53,7	46,3
Мера сходства		59,6							93,3			61,5			94,4	

пределах 2,2—4×0,9—0,5 м. Типы могил, выделяемые по профилям разрезов ям, сводятся к трем: I — ямы с отвесными стенками; II — с наклонными, сужающиеся ко дну; III — ямы с заплечиками в одной, двух стенках или по всему периметру могилы. В Лихачевском могильнике около 20% приходится на ямы неопределенного типа. ЛIII3 находилось в могиле с небольшой нишей в торцовой стенке (рис. 6,I*а*). Описываемые курганы различаются процентным соотношением указанных типов могил. Если в ЛII доля ям с заплечиками составляет 50%, то в ЛIII — только около 13%. В нем больше ям с отвесными стенками (40%), которых совсем нет в ЛII. Черноозерские курганы отличаются преобладанием ям I типа и отсутствием ям II типа. В 12 погребениях Лихачевского могильника обнаружены остатки деревянных конструкций (50%). Иногда дно могилы выстилалось берестой (ЛIII3, рис. 6, *I*, *Iа*), укреплялись деревом стенки (ЛIII4, рис. 1, *8*, *8а*), или над погребальной камерой возводилось плоское перекрытие из жердей, опиравшееся чаще всего на заплечики. В ЛIII4 такое перекрытие состояло из нескольких слоев: на двух продольных лагах лежало несколько поперечных, на них — береста, сверху — продольный ряд колотых жердей. В большом количестве встречены продольные перекрытия из одного или двух слоев (ЛII6, 8). В Черноозерских погребениях дерево не обнаружено. Оба могильника характеризуются единством в положении умерших: в вытянутом на спине положении. Отклонения проявляются в деталях: сдвинутые в области ступней ноги (ЛIII3, 2), полусогнутая рука (ЛIII4). Все погребения индивидуальные. Лишь ЛII8, возможно, было парным, судя по большому количеству костей в нем. По ориентировке костяков могильники различаются больше, чем по другим признакам. В целом преобладают ориентировки костяков на север, северо-восток и северо-запад (табл. 5). Погребенные в ЛII2, III3 были положены головами на юго-запад, в ЧБ3, 5 — на восток.

Сопровождающий инвентарь, как отмечалось, не отличается особым разнообразием: оружие, предметы быта, сосуды. Женские и мужские захоронения содержат разные по характеру наборы вещей. Все предметы расположены в погребении, видимо, в соответствии с правилами обряда. Заупокойная

пища представлена костями барана в погр. ЛIII3. Сосуды ставились у головы (ЛIII5, 4, 8, 7), у ног (ЛIII5, 12, 13, 7, 5; ЛIII4, ЧМ1, ЛIII3), у локтевого сгиба (ЛIII3).

Лихачевский и Черноозерский могильники по погребальному обряду и керамике сходны с синхронными памятниками исследованными ранее в Приишимье (Абатское, Фоминцево) и Прииртышье (Кокоповка, Саргатка, Красноярка, Калачевка и др.). По обряду это сходство в ориентировке умерших, конструкции погребальных камер (погребение с заплечиками), форме могил, наличии в них сосудов, а также в конструкции курганных насыпей (круговые канавки, глиняные панцири, кострища и уголь). Особенно близка керамика из этих могильников. Она представлена вытянутыми круглодонными сосудами, орнаментированными резными узорами в виде елочек, зигзагов, рядов насечек, иногда треугольных фестонов.

Производить статистическое сравнение могильников по погребальному обряду еще рано: слишком мало количество исследованных погребений. Поэтому пока можно ограничиться сравнением обряда двух основных районов распространения памятников раннего железного века. Для этого используем совокупности по ориентировке умерших, форме могильных ям и наличию сосудов в могилах, причем в процентное распределение включены только положительные показатели. Несохранившиеся признаки не учитываются (табл. 6). Абсолютная мера сходства по каждой совокупности вычисляется как сумма наименьших показателей процента наличия каждого признака. Наименьшее сходство обнаруживают ориентировка умерших (59,6%) и конструкция погребальной камеры (61,5%). Очень высокую меру сходства имеют признаки: форма ям в плане и наличие сосудов в могиле.

Малочисленность выборок, как и небольшое число совокупностей, характеризующих погребальный обряд, не позволяет пока сделать достаточно определенные выводы, хотя, по-видимому, мера сходства отдельных районов по целому ряду признаков не будет особенно велика. Для получения более объективных данных необходимо прежде всего хронологически расчленить массивы, выделить более раннюю группу погребений IV—III вв. до н. э., привлечь все признаки, характеризующие обряд, и, главное, увеличить общее количество сравниваемых погребений. Лишь это позволит решить вопрос о культурной однородности всей группы западносибирских могильников раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зырянов А. М.* Курганы у с. Замаравского Шадринского уезда.— Изв. Рус. антропол. о-ва, 1863, т. IV.
2. *Голодников К.* Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? Тобольск, 1879.
3. *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья.— МИА, 1953, № 35.
4. ОАК за 1895 г. Спб., 1896.
5. ОАК за 1896 г. Спб., 1897.
6. *Стоянов В. Е.* Изучение раннего железного века лесостепного Зауралья в советское время.— В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967.
7. *Левашова В. П.* Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского государственного музея в 1926—1927 гг.— Изв. Зап.-Сиб. гос. музея. 1928, № 1.
8. *Генинг В. Ф.* Курганы у г. Шадринска.— ВАУ, 1964, вып. 4.
9. *Стоянов В. Е., Фролов В. Н.* Курганные могильники у д. Воробьево.— ВАУ, 1964. вып. 4.
10. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганы у оз. Фомпнцево.— ВАУ, 1969, вып. 8.
11. *Могильников В. А.* Исследование курганной группы эпохи раннего железа. Калачевка II.— КСИА, 1968, вып. 114.
12. *Могильников В. А.* Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1973.
13. *Могильников В. А.* Кокоповские и саргатские курганы — памятники эпохи железа западносибирской лесостепи.— МИА, 1972, № 153.
14. *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье.— ИИС, 1974, вып. 15.

15. *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— МИА, 1972, № 153.
16. *Корякова Л. Н.* Могильник саргатской культуры у с. Красноярка.— СА, 1979, № 2.
17. *Кожин П. М.* Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской обл.— МИА, 1972, № 153.
18. *Зданович Г. Б.* Покровский могильник на р. Ишим.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
19. *Хабдулина М. К.* Курган раннего железного века у с. Кенес.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976.
20. *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы.— ТСА РАНИОН, 1928, т. IV.
21. *Чернецов В. Н.* Усть-Полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35.
22. *Сальников К. В.* Об этнической принадлежности населения лесостепного Зауралья в сарматское время.— СЭ, 1966, № 5.
23. *Могильников В. А.* Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья.— В кн.: Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск; Наука, 1969.
24. *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
25. *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— В кн.: ПАДИУ. М.: Наука, 1972.
26. *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Федорова Н. В., Овчинникова Б. Б.* Омское Прииртышье в железном веке.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
27. *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
28. *Стоянов В. Е.* О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи в ранний железный век.— ВАУ, 1973, вып. 12.
29. *Стоянов В. Е.* Некоторые аспекты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи.— ВАУ, 1977, вып. 14.
30. *Корякова Л. Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры.— ВАУ, 1977, вып. 14.
31. *Корякова Л. Н.* Хронология погребений саргатской культуры.— ВАУ, 1981, вып. 15.
32. *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I (предварительное сообщение).— ИИС, 1973, вып. 5.
33. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
34. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10.
35. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
36. *Лохвиц В. А., Хазанов А. М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр.— В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
37. *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда.— СА, 1978, № 4.
38. *Сорокин С. С.* Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай).— АСб. ГЭ, 1974, вып. 16.
39. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
40. *Шилов В. П.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
41. *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск: Наука, 1979.
42. *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
43. *Генинг В. Ф.* Узловые проблемы пьяноборской культуры.— ВАУ, 1962, вып. 4.
44. *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— ВАУ, 1970, вып. 10.
45. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
46. *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура.— АЭБ, 1973, вып. V.
47. *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников.— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
48. *Троицкая Т. Н.* Курганный могильник Ордынское I.— ВАС, 1973, вып. 38.
49. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
50. *Литвинский Б. А.* Хронология и классификация среднеазиатских бронзовых зеркал.— В кн.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
51. *Погребова Н. П.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, 1961, № 96.
52. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, вып. Г1-12. М., 1978.
53. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, 1963, вып. Д1-9.
54. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, вып. Г1-12.
55. *Лемлейн П. П.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе.— КСИИМК, 1947, вып. 18.
56. *Смирнов К. Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964.
57. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа: VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
58. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1.

V. F. Gening, L. N. Koryakova

LIKHACHOVO AND CHERNOOZERYE BARROW — SITES OF EARLY IRON AGE IN WESTERN SIBERIA

Summary

The article describes early Iron Age materials excavated from tumuli located near the villages of Likhachovo and Chernoozerye by the Ural archaeological expedition in 1963 and 1970. All tumuli were circled by moats. Two of them had preserved in the barrow remnants of slay-and-sand platforms. Each of the smaller tumuli at Chernoozerye contained one meridionally oriented burial in the centre. Other tumuli were found to contain 4-15 burials each, arranged under the floors around one or several graves. The monuments have three types of grave represented in them: I — with sheer walls, II — with slant ones, III — with shoulders. Both cemeteries exhibit a unity of the position of the dead: they lay stretched on their backs. The predominant skeletal orientations are N, NE and NW. The accompanying implements include arms, household items and round-bottomed vessels. The Likhachovo cemetery existed from the 4th century B. C. to the 1st century A. D., the Chernoozerye tumuli as a whole are dated from the 4th-3rd centuries B. C. to the 2nd century B. C.

АННАЕВ Т. Дж.

РАСКОПКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ УСАДЬБЫ КУЁВКУРГАН В СЕВЕРНОМ ТОХАРИСТАНЕ

Среди обследованных отрядом Бактрийской экспедиции[1] памятников значительный интерес представляет поселение Куёвкурган, расположенное на территории колхоза Кзыл-Юлдуз Ангорского р-на Сурхандарьинской обл., в 0,3 км к востоку от городища Зартепа [1, с. 567, 568; 2; 3, с. 24, 25]. Куёвкурган до раскопок представлял собой овальный в плане холм, диаметром 26 м и высотой около 5 м. В ходе раскопок были полностью вскрыты сохранившиеся строения, причем оказалось, что перед нами почти квадратное в плане здание размером около 18×20 м. В древности оно, по крайней мере частично, было двухэтажным, но от второго этажа лишь местами сохранились части комнат (рис. 1—3).

С северной стороны вдоль всего здания идет длинное коридорообразное помещение, служившее своего рода вестибюлем (пом. 4). Посредине находился главный ход в здание. Эта часть строений сильно размыта, но не исключено, что вход был арочным. В планировочном отношении остальные помещения вскрытого здания могут быть объединены в две группы — восточную и западную. Здание было воздвигнуто на пахсовом фундаменте, высота которого около 4 м. На западе фундамент выступает на 3,7 м от наружной стены основных построек.

Среди вскрытых строений может быть выделен входной комплекс, который состоит из пом. 4 и открытой площадки к западу от него. В помещении 4 сохранились две стены: северная и южная, покрытые глиняной штукатуркой толщиной около 1 см. На южной стене была расположена небольшая сводчатая ниша, которая позднее была частично забутована. Перекрытие помещения сводчатое, причем высота перекрытия достигает 1,8 м. Ширина пролета арки также соответствует ширине помещения. Свод выполнен способом наклонных отрезков. Ряды кирпичей расположены с наклоном до 7—8°. Наверху свод заполнен глиняной массой толщиной 30—40 см. Сохранившаяся часть северной стены сооружена способом комбинированной кладки из пахсы и сырцового кирпича. Комбинированная кладка зафиксирована на западном доме Ханакатепа и Карабагтепа на юге Узбекистана [4, с. 89, рис. 58; с. 102, рис. 68—69; с. 128]. Наверху стена оформлена декоративными ложными бойницами размером 60×20 см. Основной вход находился на севере — между помещениями 4 и остатками мощного устоя.

Восточная часть вскрытого комплекса состоит из двух прямоугольных помещений (пом. 1 и 2) и коридорообразного помещения (пом. 3), которое образовалось в результате позднейшей перестройки. Помещение 1 — одна из основных и хорошо сохранившихся комнат, первоначально имевшая размеры 5,15×5,45 м. В восточной стене имелась сводчатая ниша. Высота ниши 0,8, ширина в нижней части 0,5, глубина 0,4 м. В этом помещении были найдены многочисленные фрагменты глиняных скульптур. На полу в юго-западном углу помещения лежали разбитые хумы. Ближе к северо-восточному углу помещения была сооружена хозяйственная яма. Диаметр верхней части ее 1,1 м. На глубине 2,4 м начинается расширение ямы, достигшее 1,35 м. Стены сложены сплошь из сырца раз-

[1] Бактрийская экспедиция Института археологии АН УзССР и Ленинградского отделения ИА АН СССР работает под руководством проф. В. М. Массона.

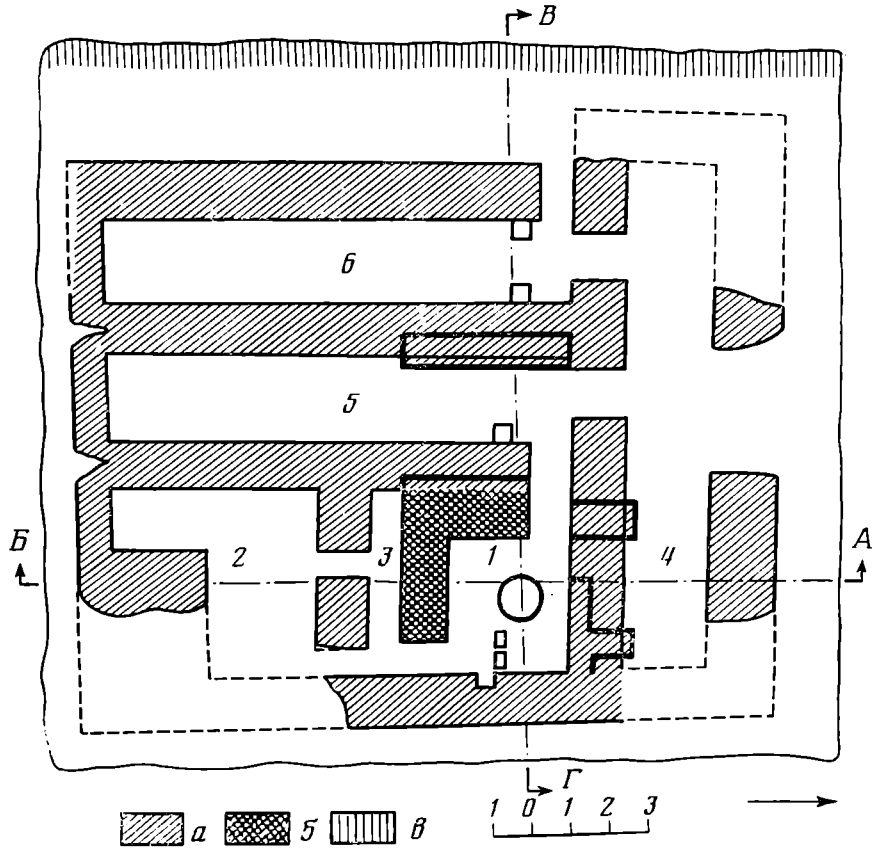


Рис. 1. Общий план усадьбы с частичной реконструкцией *а* — стены основного строительного периода; *б* — пристройка и там же остатки второго этажа; *в* — предполагаемая граница пахсовой платформы. Жирной линией обозначены стены второго этажа

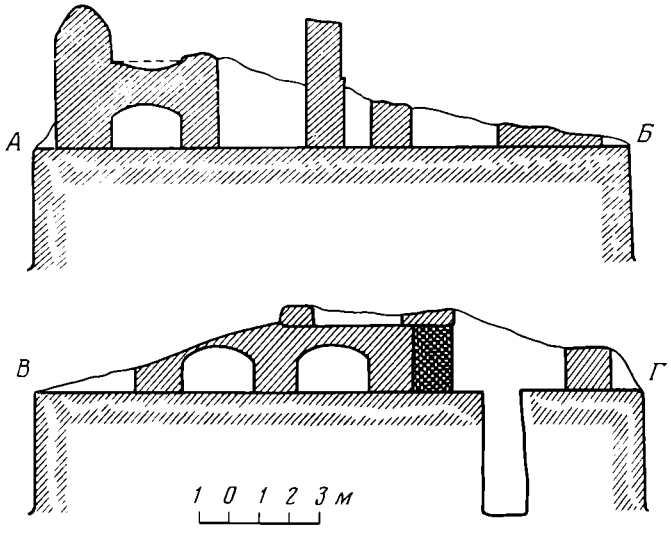


Рис. 2. Разрез по линии *А — Б*; *В — Г*

мером ?×24×10; ?×25×11 см. Кладка продолжается до дна колодца. Яма была заполнена слоем мягкой натечной земли без каких-либо органических примесей. На глубине около 4 м начинается песчаный слой. От края ниши по направлению к хозяйственной яме имеется кладка из сырцовых кирпичей размером 50×25×10 см. Структура завала, заполнявшего помещение, была следующей: на полу по всей площади помещения — слой (20—40 см) очень мягкой земли, видимо образовавшийся

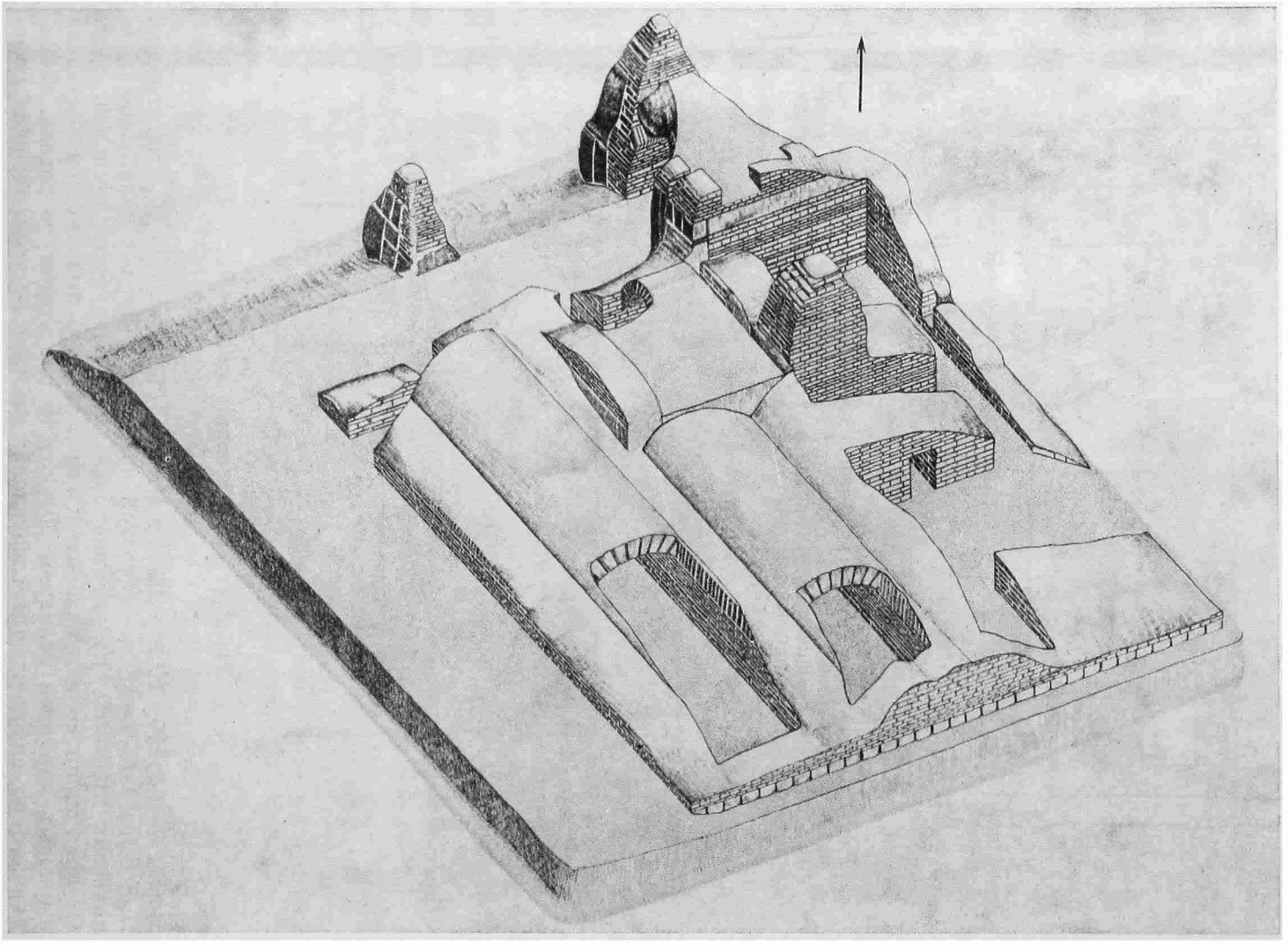


Рис. 3. Аксонометрия Куёв-кургана. (Выполнена Т. Анпаевым, Е. М. Беляевой, Р. С. Гаджимирзаевой)

в результате оплыва стен помещения. В этом слое было найдено 14 фрагментов керамики и незначительное количество костных остатков, принадлежавших мелкому рогатому скоту. На высоте 80—100 см находится слой завала с крупными обломками пахсы с отпечатками листьев от деревьев и мелкие ветки. Возможно, эти ветки были положены поверх балок перекрытия, а затем перекрыты глиной. Аналогичный способ перекрытия зафиксирован при раскопках замка Балалык-Тепе [5, с. 61—114]. По всей видимости, следует заключить, что перекрытие этой комнаты было плоским. В этом слое было найдено основное количество обломков глиняной скульптуры. Выше описанных наслоений идет слой мягкой земли с обломками кирпичей, в северной части помещения — почти сплошной завал сырцового кирпича.

Помещение 2 имеет размеры по западной стене 5,55, по северной — 4,15 и по южной — 1,75 м. Часть его восточной стены не сохранилась. Наибольшая высота сохранившихся стен достигает 2,05 м. В юго-восточном углу сохранилась массивная опора размером 2,3×1,4 м, сложенная из сырцовых кирпичей. Можно предположить, что она была построена для того, чтобы поддерживать плоское перекрытие, или связана как-то с пандусом, ведущим из помещения наверх. В помещении зафиксировано два уровня полов, слой между которыми в 15—20 см включает куски кирпичей и незначительное количество керамики. От уровня второго пола на высоту 80 см помещение заложено завалом, где куски сырцовых кирпичей перемешиваются с мягкой землей. Выше, до современного уровня поверхности, идет плотная кирпичная забутовка.

Помещение 3, размером 4,2×4,1×0,9×0,95 м, образовано в ходе перестройки пом. 1 и связано с помещениями 1 и 2 проходом, расположенным в его восточной части. В южной стене на расстоянии 40 см от основного прохода имеется еще один узкий проход, шириной 0,8 м.

Западная группа помещений состоит из двух сводчатых параллельно расположенных комнат (пом. 5 и 6). Помещение 5 имеет длину 12,6 м при ширине 2,3—2,4 м. Южная стена, толщиной 0,85 м, одновременно служила внешней стеной всего здания. Помещение имеет два прохода: северный проход, ведущий к основному проходу, длиной 1,3 м при ширине 0,7 м. Восточный проход связывает его с помещением 1. В помещении на правой стороне ближе к проходу сооружен выступ размером 50×50×50 см из сырцового кирпича. Свод в помещении выполнен способом наклонных отрезков с помощью трапецневидных кирпичей. Продольная сторона этого кирпича от 46 до 52 см, большая торцовая сторона — от 26 до 30, меньшая — от 19 до 24 см. Толщина трапецневидных кирпичей 9—10 см. Кладка велась таким образом, что каждая пара смежных трапециевидных кирпичей образовывала четырехугольный блок. Между кирпичами, особенно в тех местах, где образовывались широкие швы, вставлены обломки крупных сосудов. На самих кирпичах имеются знаки, прочерченные рукой. Высота сводчатого перекрытия до замка свода 1,8 м. Керамические находки в помещении 5 по условиям расположения в слоях образуют три группы. Первая — венчики от крупных сосудов, включенные в кладку. Вторая группа находок связана со слоями, заполняющими помещения. Третья — это фрагменты, найденные на полу помещений, преимущественно обломки кухонной посуды (рис. 4, *1*, *8*, *14*, *18*, *25*, *29*, *31*; рис. 5, *6—7*, *23—28*, *33—34*, *36—39*). К западу от помещения 5 вдоль него идет аналогичное по своему конструктивному оформлению и размерам помещение 6. Основной вход в него, шириной 1,4 м, расположен в его северной части. На расстоянии 1,15 м от конца прохода в восточной части стены помещения сооружен выступ размером 50×50×50 см. С противоположной стороны параллельно последнему расположен еще один выступ. Оба выступа сложены из сырцовых кирпичей размером 50×25×9—10 см. Второй проход, расположенный в его западной части, имеет ширину 1,4 м и ведет наружу здания на платформу, на которой оно было расположено. Есть данные, позволяющие предполагать наличие каких-то помещений во втором этаже. Остатки нижних частей таких строений имеются над помещениями 1, 4 и 5.

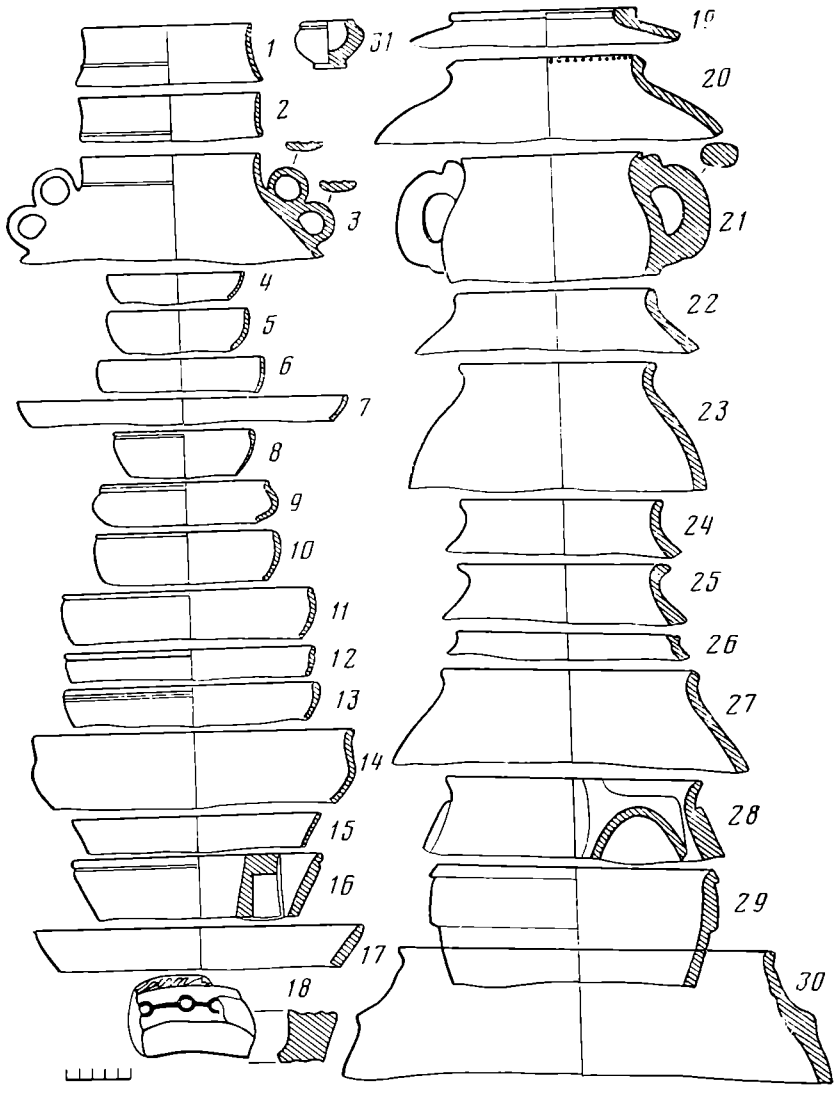


Рис. 4. Пом. 1. *17*, *27—28* — керамика, обнаруженная на полу; *1—3*, *19*, *21*, *23*, *30* — керамика, обнаруженная вместе со скульптурой; пом. 2. *12*, *20*, *22* — керамика, обнаруженная под первым полом; пом. 3. *9*, *10* — керамика, обнаруженная над первым полом; пом. 4. *13*, *16* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; пом. 5. *8*, *14*, *18*, *25*, *29* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; пом. 6. *4*, *6*, *7*, *11*, *13*, *26* — керамика, обнаруженная на поверхности пола

В существовании здания могут быть отмечены два этапа. Первый связан с возведением здания. В это время парадной была восточная часть. Главным композиционным элементом всей усадьбы являлось помещение 1, представлявшее собой небольшой зал размером 5,15×5,4 м. К югу от него находилось прямоугольное помещение 2. Возможно, на первоначальном этапе функционирования зала скульптуры находились на верхнем ярусе. Западную группу помещений можно рассматривать как хозяйственную, где низкие сводчатые коридоры служили своего рода складами.

На этом этапе помещения 1 и 2 были связаны только одним проходом, расположенным в середине южной стены.

На втором этапе были произведены некоторые перестройки. В результате парадная часть здания сокращается по размерам, образуется коридорообразное помещение 3. Основной проход в помещение 2 переносится к восточной части. Зал, ранее имевший значительную высоту, перекрывается потолком, о чем свидетельствуют гнезда балок, сохранившиеся на высоте 2,1 м. В результате помещение становится двухэтажным, и,

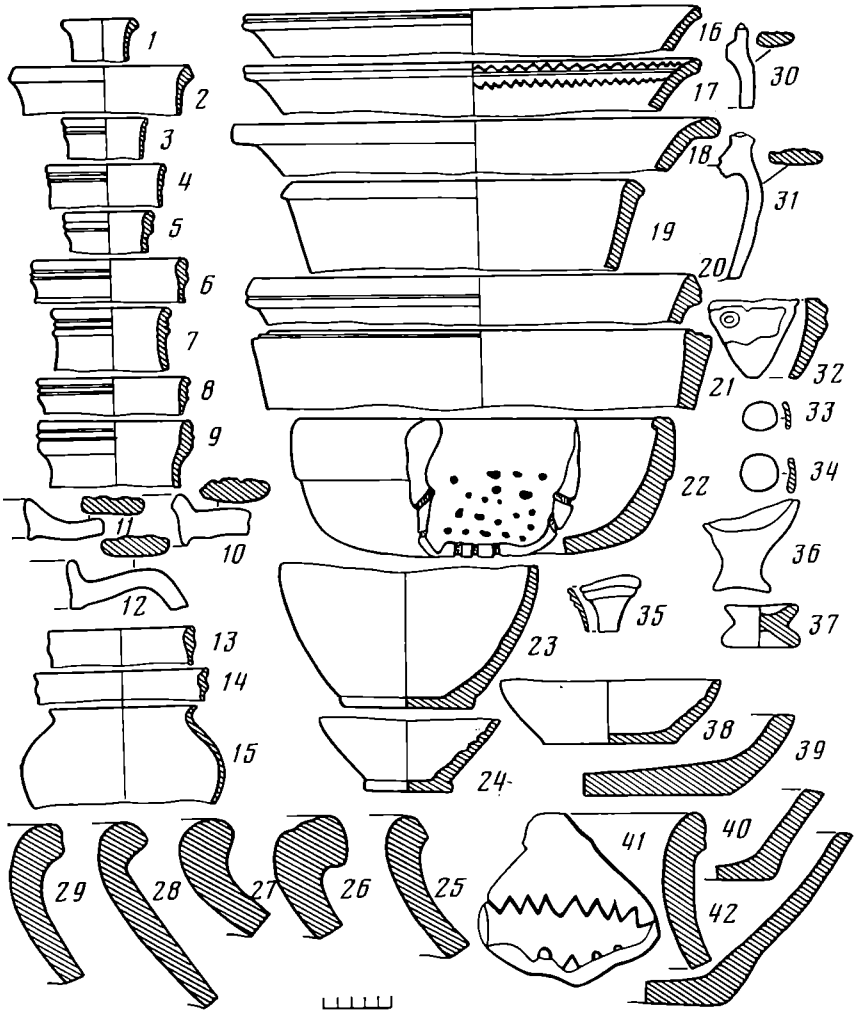


Рис. 5. Пом. 1. *1*, *8*, *10*, *12*, *15*, *17*, *19*, *21*, *29*, *40*, *42* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; *2* — керамика, обнаруженная вместе со скульптурой; пом. 2. *1* — керамика, обнаруженная под первым полом (сверху вниз); *4*, *9* — керамика, обнаруженная над первым полом; пом. *4*. *5*, *15*, *18*, *24*, *32* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; пом. 5. *6*, *7*, *23—28*, *33*, *34*, *36—39* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; пом. 6. *3*, *11*, *14*, *20*, *41* — керамика, обнаруженная на поверхности пола; *30—32* — керамика, обнаруженная в яме на западной части

вероятно, скульптура располагается теперь во втором этаже. Где-то здесь стены были украшены живописью, судя по частично сохранившимся в завалах кускам штукатурки с росписью. Скорее всего, на втором этапе функционирования усадьбы постройкам первого этажа полностью отводится хозяйственная функция.

Основным строительным материалом открытого здания служит прямоугольный сырец, намного более практичный по сравнению с квадратным [6 с. 10]. При сооружении сводов использовались исключительно кирпичи трапециевидной формы. Стены усадьбы оштукатурены глиняным раствором толщиной от 1 до 3 см. Особенно тщательно был оформлен интерьер парадной части, где монументальная пластика сочеталась с живописью и алебастровой облицовкой. Скорее всего, перед нами загородная усадьба, располагавшаяся в окрестностях городища Зартепа.

Керамический материал, найденный при раскопках, по стратиграфическому положению занимает различное положение.

Так, в сводчатых помещениях (пом. 4—6) керамика найдена на поверхности полов, в кладке стены и перекрытий и в накопившихся слоях над поверхностью полов. В восточной группе помещений керамика обнаружена в следующих слоях (в пом. 1, где найдена скульптура): на поверхности пола; в мягком натечном слое земли между полом и слоем

скульптуры (толщина 30—40 см); в слое скопления скульптуры (толщина 80—100 см). Четыре помещения имеют один пол (1, 4, 5 и помещение, сохранившееся над пом. 5); два помещения (пом. 2, 3) имеют по два пола. Керамика найдена также в яме, образованной в результате позднего обживания Куёвкургана. На наш взгляд, эти группы можно интерпретировать следующим образом. 1. Керамический материал, встреченный на поверхности полов, должен датироваться временем, предшествовавшим гибели усадьбы. Значит, время сооружения и этапы перестроек всего здания, в том числе и создания скульптуры, должно быть значительно раньше. 2. Находки в гумусных слоях (в основном в сводчатых помещениях) не имеют отношения к возникновению усадьбы. Они образовались за длительный период после упадка и эпизодического вторичного обживания усадьбы. 3. Керамика, найденная вместе со скульптурой, происходит из сооружений второго этажа. 4. Фрагменты керамики, встреченные в кладке, в швах между рядами кирпичей, дают дату, предшествующую постройке усадьбы [2]. 5. Фрагментированная керамика под первым полом помещений 2 и 3 накопилась за короткий отрезок времени. Эта керамика должна датироваться временем перестройки помещения 1. 6. Фрагменты керамики, найденные в яме на западной части, относятся ко времени вторичного использования Куёвкургана.

При анализе керамического материала основной упор сделан на находки, встреченные на полах. Несмотря на различное стратиграфическое положение, керамика, обнаруженная при раскопках Куёвкургана, по типологическим и технологическим признакам образует единый комплекс, который рассматривается нами суммарно. По составу куёвкурганская керамика образует две группы. К первой группе отнесены сосуды, изготовленные из хорошо отмученного теста с еле заметной примесью песка или без него. Вторая группа состоит из сосудов, содержащих значительную примесь дресвы и шамота. Эти группы в основном также соответствуют сосудам ручной лепки и изготовленным на гончарном круге.

Судя по подсчетам [3], приблизительно около 30% составляют сосуды ручной лепки, а 70% составляют сосуды, преимущественно изготовленные на гончарном круге.

Рассмотрим подробнее формы первой группы.

Кружки (рис. 4, *1—3*) в основном однотипные, с четко отделенным вертикальным горлом, с двумя кольцевидными ручками. Горловина отделена от округлого корпуса уступом или выемкой, диаметр горла 12—13 см. Глина тонко отмученная, ангоб светлый, реже с желтоватым оттенком. Обжиг качественный.

Чаши. Основная форма полусферическая (рис. 4, *4—8*, *10—13*). Отличаются друг от друга слегка вогнутыми или отогнутыми венчиками, а также наличием желобков. Диаметр чаш с безжелобчатыми краями от 10 до 24 см, при толщине стенок от 0,3 до 0,4 см. Чаши с желобчатым венчиком имеют диаметр от 10 до 18 см при толщине стенок от 0,3 до 0,6 см. На верхней части венчика имеются от 1 до 3 рядов желобков. Для рассматриваемых чаш характерны хорошо заглаженная поверхность, тонко отмученная глина и качественный обжиг. Можно отметить также чаши со слегка вогнутым внутрь венчиком и резким изгибом в средней части корпуса (рис. 4, *14*); чаши с коническим корпусом, в верхней части венчик слегка расширен снаружи (рис. 4, *15*).

Миски (рис. 4, *16*, *17*; 5, *16—18*). Они по сравнению с чашами толстостенные глубокие. Форма коническая, отличается между собой по оформлению венчика. Миски (рис. 4, *16*, *17*) с невыделенным венчиком, имеют размеры венчика 18 и 24 см. В некоторых случаях фиксируется желобок по венчику, а также черное лощение по краям верхней части сосуда. Выделяются миски с заметно расширенным в верхней части венчиком,

[2] Керамика, включенная в своды как строительный материал, была подобрана с территории городища Зартепа, лежавшего уже в это время в руинах. В основном эта группа по стратиграфической колонке Зартепа датируется I—II вв. н. э.

[3] При подсчетах за единицу взяты донная часть, венчик и ручка, т. е. те фрагменты, которые дают реконструируемую форму.

а также с выделенным Г-образным венчиком. У них снаружи по венчику имеется неглубокая выемка в виде желобка. Реже вдоль бортика внутри сосуда до ангобирования наносится геометрический орнамент. Диаметр мисок 32—34 см.

Кувшины, судя по венчикам, в основном представлены двумя формами. Это кувшины с удлиненной горловиной (рис. 5, *1*, *2*). Диаметр 4 и 12 см, ангоб белый и коричневый, цвет черепка красноватый; кувшины с профилированными венчиками, с одним или несколькими рядами желобков, изготовленные из тонкоотмученной глины. Диаметр от 6 до 12 см. Они чаще всего покрыты светлым ангобом (рис. 5, *3—9*), иногда по светлому ангобу на горловине следы плотного лощения коричневого цвета. Судя по фрагментам, кувшины снабжены наклонными и вертикальными ручками (рис. 5, *10—12*). Нижняя часть кувшинов яйцевидная, с выделенным округлым поддоном (рис. 5, *23, 24*). Кувшины со сливом представлены обломками от горловины. Горло невысокое. Снаружи слив подчеркнут двумя желобками (рис. 5, *35*).

Горшки (рис. 5, *13—15*). Основной вид — это горшок с округлым корпусом, слабовыделенной низкой горловиной и чуть отогнутым снаружи венчиком (рис. 5, *15*). Диаметр 10 см. Снаружи ангоб имеет желтоватый оттенок, по верху вдоль венчика по кругу нанесено темно-коричневое лощение. Глина тонко отмученная, обжиг качественный. Имеются также горшки с прямой выделенной волнистой горловиной (рис. 5, *13*, *14*).

Тагоры. Форма коническая, представлены тремя разновидностями (рис. 5, *19—21*). Два (рис. 5, *19, 20*) — со слегка наклоненными вверху стенками, слабовыделенным выступом или желобками по краю венчика. Диаметр 24 и 31 см. Имеются тагоры с прямым венчиком, по верху которого проделаны три ряда углублений. Для сосудов этого типа характерным является сероватый цвет черепка, в редких случаях зафиксирован светлый ангоб.

Из **бокаловидных сосудов** выделяются по фрагментам два вида. Это бокал на устойчивой массивной ножке с расширяющимися вверху стенками (рис. 5, *37*) и миниатюрный бокаловидный сосуд с невысоким корпусом, венчик подчеркнут желобком. Оба фрагмента покрыты ярко-красным ангобом.

Плоская подставка — **дастархан** имела диаметр около 40 см. По верху вертикального бортика до обжига нанесена резная орнаментация, состоящая из кругов, соединенных между собой линиями (рис. 4, *18*).

Хумы представлены фрагментами (рис. 5, *29—42*). Венчики их прямые удлиненные (рис. 5, *29*, *30*). Судя по изгибу стенок, хумы имели яйцевидную форму. Имеются фрагменты со слегка округленным в верхней части венчиком, ниже венчика начинается заметное расширение корпуса. Донная часть хумов плоская.

Во второй группе наиболее многочисленны **котлы** с двумя ведущими формами — шаровидной и округлой. Котлы с шаровидным корпусом представлены двумя сосудами (рис. 4, *19*, *20*), один из которых изготовлен на гончарном круге. Венчик прямой, с резким перегибом в нижней части при переходе к корпусу. Второй котел — с чуть заостренным венчиком. Изнутри вдоль венчика круглая вдавленная орнаментация. Котлы округлой формы (рис. 4, *22, 24—27, 30*) отличаются степенью отогнутости и вогнутости венчиков. В некоторых случаях удлиненная часть венчика служила ручкой. Имеются также ручки в виде уступа. Котлы с яйцевидным корпусом (рис. 4, *21, 23, 28*) имеют во всех случаях венчики, отогнутые наружу. В двух случаях снабжены ручками горизонтальной и петлевидной формы. Котлы конической формы (рис. 4, *29*) имеют выделенный венчик клювовидной формы и уступ под ним. Все формы сосудов этого типа изготовлены с добавлением большой примеси шамота и дресвы. Возможно, судя по некоторым фрагментам, в состав добавлялся также толченый кварц. Все фрагменты, за исключением одного, изготовлены ручной лепкой. Цвет черепка серый, красноватый. Только в одном случае зафиксирован котел, изготовленный на гончарном круге, отличающийся цветом черепка (буровато-коричневый).

К редким формам сосудов второй группы следует отнести сосуд ручной лепки, напоминающий формой лепные миски, найденные в верхнем слое поселения Айсарытепа [7, с. 32—41, рис. 6, *27*]. Сосуд полусферический. Несмотря на ручную лепку, сосуд имеет ровную гладкую поверхность. Изнутри на уровне уступа начинается углубление, которое охватывает всю нижнюю часть сосуда. Интересна также техника изготовления: судя по гладкой поверхности, он изготовлен в специальных формах.

К прочим формам относится бокаловидный сосуд ручной лепки на высокой ножке, изготовленный с большой примесью шамота (рис. 5, *37*).

Несмотря на ограниченный керамический материал в Куёвкурганском комплексе, отчетливо наблюдается продолжение кушанских традиций, а также появление ряда новых форм. Основным признаком, отличающим куёвкурганскую керамику от зартепинского археологического комплекса, является наличие в первом кружек. Сосуды аналогичной формы или их прототипы, которые могли бы рассматриваться как самые ранние образцы, в зартепинском комплексе не представлены. Верхний строительный горизонт комплекса Зартепа датируется в пределах III — первая половина IV в. н. э. [8, с. 29; 9, с. 138—143; 10, с. 141—153]. Подобные формы отсутствуют также в надежно датированных комплексах Кара-Тепе [11, с. 100—136]. Они также отсутствуют среди керамики позднекушанских или кушано-сасанидских слоев Дальварзинтепа [12, с. 156—160, с. 110] и в сельском поселении Аккурган в Шерабадском оазисе [13, с. 50—82, табл. X—XVIII]. Из упомянутых пунктов только на городище Дальварзинтепа в впускном погребении имеется близкая форма кружки. Ссылаясь на отсутствие дробной хронологической колонки для керамики V—VIII вв. Южного Узбекистана, исследователи датируют захоронение вместе с вещами широко — в пределах V—VII вв. [14, с. 74, рис. 45]. Из перечисленных Б. А. Литвинским пунктов находок ранних форм кружек более близкой к куёвкурганским образцам является кружка со штампованным орнаментом и ручкой, найденная в погребальной камере Кухнакалы и датируемая монетами II—IV вв. н. э. [15, с. 97—102, табл. 43]. Кружки, аналогичные куёвкурганским образцам с вертикальным венчиком и с двумя кольцевидными ручками, имеются на поселении Айсарытепа, где они ориентировочно датированы III—V вв. н. э. [7, с. 32—41, рис. 6, *27*]. Рассмотренный нами лепной сосуд с отверстиями близок по форме и по технике изготовления лепным сосудам Айсарытепа. Появление лепных мисок подобной формы наблюдается в верхнем горизонте поселения Аккурган, датированном IV в.[4]. Котлы с шаровидным корпусом имеются в 3—4 слоях поселения Чаллятепа, отнесенного к более позднему времени, чем Аккурган [16, с. 82, рис. 3]. Более ранние аналогии котлам с шаровидным корпусом имеются в доме богатого домовладельца (ДТ-6) на городище Дальварзинтепа. Они были найдены в горелом слое возле очага в помещении на западной половине здания, датированном временем правления Васудевы II [17, с. 57—59, рис. 34]. Миски конической формы (рис. 5, *16—18*), с расширяющимся в верхней части венчиком, именуемые иногда столовыми тагорами, являются прямым продолжением кушанских форм. Они часто встречаются в позднекушанских комплексах. Чаши со слегка вогнутым внутрь венчиком и резким изгибом в средней части корпуса имеются в комплексе Хайрабад-Тепе. На полу верхнего строительного горизонта Хайрабад-Тепе найдена эфталитская серебряная монета V в. н. э., а в целом дата последнего строительного горизонта определяется концом V — началом VII в. [5, с. 122]. Аналогичны также горшки или котлы округлой формы и чаши с полусферическим бортиком. Хумы, аналогичные хайрабадтепинским формам, представлены в Куёвкургане одним экземпляром. На Хайрабад-Тепе, по-видимому, уже появляются хумы, содержащие в составе большое количество толченого кварца, покрытые чаще всего буровато-коричневым ангобом. На Куёвкургане подобные хумы отсутствуют.

[4] В. М. Массон склонен датировать верхний строительный горизонт поселения Аккурган более поздним временем, чем верхний горизонт Зартепа [8, рис. 5].

Во многом близок куёвкурганской керамике керамический комплекс в городище Еркурган южного Согда, датируемый V—VI вв. н. э., где также отмечается значительное увеличение лепных сосудов по сравнению с предыдущим временем [18, с. 237—238, рис. 7]. Более отдаленные аналогии отмечаются в керамике V—VII вв. нижнего слоя Пенджикента [19, с. 34—35]. Суммируя эти аналогии, можно констатировать, что нижняя хронологическая граница куёвкурганской керамики занимает последующее звено за позднекушанскими археологическими комплексами Северной Бактрии, верхний предел которых большинство исследователей склонны датировать IV или скорее началом V в. Верхняя хронологическая граница куёвкурганской керамики совпадает с керамикой Айсарытепа, а в хайрабадтепинском комплексе, датированном концом V — началом VII в., наблюдаются лишь ограниченные аналогии. В двух других комплексах, надежно определяемых хронологически,— слое Кафыр II городища Кафыркала, датированном эфталитскими монетами второй половины VI — первой половины VII в. [18], и слое Мунчак II, датированном VI—VII вв. н. э., аналогии ограничиваются кувшинами со сливом [21, с. 313—322, рис. 27]. На наш взгляд, куёвкурганская керамика полностью синхронизируется с керамикой Айсарытепа, а верхний предел можно будет сблизить с комплексом Хайрабад-Тепе. Поэтому предлагаемая дата для куёвкурганской керамики ориентировочно определяется как V в. н. э.

Обломки скульптуры, найденной при раскопках Куёвкургана, весьма многочисленны. Часть из них находится в реставрации, и в целом эта обширная коллекция должна стать предметом специального анализа. Остановимся лишь на отдельных экземплярах, дающих общее представление об этой скульптуре. Скульптура была встречена в помещении 1 вдоль южной, северной, восточной стен в проходе и в центре. По предварительном подсчетам, всего было 10—12 статуй. Скульптура составляла единый комплекс с живописью, которая также зафиксирована в завалах. Все фрагменты живописи невелики и поэтому почти не могут дать представление о ее характере. В большинстве случаев встречены прямые и изогнутые линии и несколько сложные мотивы, напоминающие растительный орнамент.

Для изготовления скульптуры использовалась глина серовато-желтоватого цвета, хорошо отмученная, с незначительной примесью самана. Первоначально изготовлялся основной силуэт скульптуры, а затем добавлялись мелкие части. Сверху после завершающей формовки наносился слой очень тонко отмученной глины почти того же цвета. Наконец, поверх этого слоя глины наносился ганчевый слой. Роспись шла по ганчу. Отдельные части скульптуры имели сердцевину в виде деревянных палочек, предназначенных для их соединения. Опишем отдельные образцы этой скульптуры.

Фрагмент № 67 (рис. 6): крупная голова, принадлежавшая одной из центральных фигур. Высота 23 см. Лоб невысокий, слегка уходящий назад, нос с легкой горбинкой, крылья носа выделены небольшими черточками, отделяющими их от щек. Нос довольно длинный. Губы мелкие, выделены не очень сильно. Щеки припухлые. Надбровные дуги прямо сходятся к носу, четко выделены у носа и сглажены к вискам. Отчетливо выделены верхние веки. В углах глаз углубления. Средняя часть глаза выступает вперед. Глаза разного размера (левый заметно меньше правого), выделены сглаженной моделировкой. Зрачок отличался небольшими углублениями и находился прямо под верхним веком. Подбородок мягкий, округлый, плавно переходящий в шею. Ушные раковины большие. Волосы окрашены в черный цвет. На голове находился частично сохранившийся сложный головной убор, напоминающий диадему с выступающими подобиями перлов, окрашенных в белый цвет. Губы выделены розовым цветом, брови — черным. Синяя полоса на нижней части правого глаза, видимо, означает ресницы.

Фрагмент № 22 (рис. 7): голова высотой 17 см. Лоб высокий, слегка назад, нос как будто прямой, но невысокий. Надбровные дуги даны очень

Рис. 6. Фрагмент № 67

Рис. 7. Фрагмент № 22

четким, даже резким рельефом. Верхние веки сильно выступают вперед по сравнению с нижними. Щеки слегка припухлые, имеются небольшие углубления между носом и щеками. Уши довольно большие, отделены своеобразной цепью сверху и в меньшей степени спереди от головы. Волосы трактованы отдельными локонами. Создается впечатление, что локоны штамповались и затем приклеивались к голове. Волосы окрашены в черный цвет. Основной фон лица белый, образован ганчем. Промежуток между губами и, возможно, сами губы окрашены красным, брови подчеркнуты черным, верхнее веко — также черным, нижнее — синим, синим отмечены и уголки глаза. Глазное яблоко дано черным кружком. Под верхним веком имеется белое пространство. На левой щеке нарисован завиток волос, загибающийся кверху.

Стилистически куёвкурганская скульптура представляет достаточно своеобразное явление. Первоначальная лепка основного силуэта скульптуры на глиняной основе, дополнительная обработка отдельных деталей (завитки волос, разного рода украшения) — прямое продолжение кушанских традиций, представленных в археологических комплексах Халчаяна [22, с. 19—80], Дальварзинтепа [24, с. 214—219], Айртаме [25, с. 38—48] и буддийском монастыре Фаязтепа [26, с. 53—56; 27, с. 43—45] в Старом Термезе. Исследования в кушанской Бактрии показали, что в скульптуре особое место занимал официально-династический культ, связанный с культом предков. Куёвкурганская скульптура — также часть того наследия кушанского искусства, которое рассматривается исследователями как династийное [28]. В отдельных образах куёвкурганской скульптуры проявляются индивидуальные черты. Все фигуры выполнены в полном объеме. При сравнении их с образцами из Халчаяна и Дальварзинтепа бросается в глаза близость этнического облика изображенных персонажей [24, с. 214—219]. Техника исполнения волос на фигуре № 22 из Куёвкургана известна в мелкой пластике из Гиссарской долины. Изображение лица на налепе-головке, датированной II—III вв. н. э., напоминает голову № 67 — безбородое, продолговатое, с утяжелением книзу и выразительным взглядом крупных глаз [29, с. 28]. По манере изготовления куёвкурганская скульптура частично близка и скульптуре из буддийского святилища Дильберджин. Время создания последней относится к третьему строительному горизонту, т. е. ко времени появления эфталитов [30, с. 85, 90, рис. 64—65]. В куёвкурганской скульптуре разнообразно трактована одежда, на некоторых фрагментах под складками одежд выступает конфигурация тела. Складки одежд, переданные иногда в глубо-

ком рельефе, напоминают одежды фигур из дворца Топраккалы, выполненные в высоком рельефе [31, с. 67—68].

О сасанидском влиянии в куёвкурганской скульптуре пока можно говорить лишь по отдельным деталям. В частности, корона у фигуры № 67 отчасти напоминает короны сасанидских шахиншахов [32, с. 16—33]. Как известно, некоторыми исследователями [33, с. 122—140] на основании нумизматических данных выделяется кушано-сасанидский этап в истории Бактрии — Тохаристана, связанный с походами войск Сасанидского Ирана. Образование кушано-сасанидского наместничества в какой-то мере привело к усилению давно существовавших культурных контактов, прежде всего к повышению роли официально сасанидского искусства. Было ли это влияние всеобъемлющим или ограничивалось сферой жизни тохаристанской аристократии, должны выяснить дальнейшие исследования. В этом плане куёвкурганской скульптуре принадлежит далеко не последняя роль.

В раннем средневековье на территории городища Зартепа функционирует только цитадель. Археологические работы на северо-восточной части цитадели велись в 1979 и 1981 гг. Там вскрыты остатки 15 помещений, занимавших площадь 26×22 м. Типологически вскрытый комплекс близок тохаристанским замкам. Северная половина состоит из двухколонного зала с обходным коридором. Восточная часть состоит из ряда сводчатых помещений. В центральной и юго-западной частях располагались прямоугольные помещения разной величины [5].

Возможно, Куёвкурган представляет собой загородную усадьбу владельца замка, устроенного в пору раннего средневековья на цитадели Зартепа. Таким образом, Куёвкурган характеризует новый тип построек раннесредневекового Тохаристана, а его 4-метровая платформа является своего рода прототипом раннесредневековых замков на высоких стилобатах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Изучение кушанских и раннесредневековых поселений Южного Узбекистана.— АО — 1977. М., 1978.
2. *Аннаев Т. Дж.* Куёвкурган — новый раннесредневековый памятник в Северном Тохаристане.— Тезисы конференции аспирантов и молодых ученых. Т. 1. М., 1978.
3. *Аннаев Т. Дж.* Архитектура усадьбы Куёвкурган.— Строительство и архитектура Узбекистана, 1980, № 2.
4. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
5. *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Фан, 1960.
6. *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника Средней Азии.— Архитектурное наследство, 1953, № 3.
7. *Пидаев Ш. Р.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.— Древняя Бактрия (предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана). Л.: Наука, 1974.
8. *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
9. *Массон В. М.* Зартепе — кушанский город в Северной Бактрии.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
10. *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг.— СА, 1979, № 3.
11. *Сычева Н. С.* Керамика Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1975.
12. *Некрасов Е. Г.* Керамика Дальварзин-тепе.— В кн.: Дальварзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
13. *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
14. *Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А.* Дом рядового горожанина.— В кн.: Дальварзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
15. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1973.

[5] Время сооружения построек датируется кушано-сасанидскими монетами. Время разрушения или гибель датируется раннесогдийской монетой с погрудным изображением в фас и У-образным знаком на оборотной стороне. Дата ее определяется концом V—VI в. или первой половиной VI в. Монета определена нумизматом Д. Давутовым, за что выражаю ему свою признательность.

16. *Некрасовд Е. Г.* Древняя керамика Шерабадского оазиса.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
17. *Тургунов Б. А.* Дом богатого домовладельца.— В кн.: Дальварзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
18. *Исамиддинов М. Х.* Стратиграфия городища Ер-курган в Южном Узбекистане.— СА, 1978, № 3.
19. *Маршак Б. И.* Код для описания керамики V—VI вв.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
20. *Соловьев В. С.* Городище Кафыр-кала — раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение): Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1977.
21. *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафырниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА, 1958, № 66.
22. *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1977.
23. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979.
24. *Пугаченкова Г. А.* Дальварзин-тепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии.— В кн.: Дальварзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
25. *Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В.* Открытие Бактрийской монументальной надписи в Айртаме. (Предварительные сообщения).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 3.
26. *Альбаум Л. И.* Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе. (По материалам 1968—1972 гг.).— В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974.
27. *Альбаум Л. И.* Исследования Фаяз-тепе в 1973 г.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: 1976.
28. *Rosenfild J. M.* The dynastic arts of the Kushans. Berkeley and Los Angeles, 1967.
29. *Забелина Н. И.* Новые археологические находки из Гиссарской долины.— Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Вып. 1. Сталинабад, 1952.
30. *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин. Ч. II. М.: Наука, 1977.
31. *Воробьева М. Г.* К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-Кала.— ТХАЭЭ, 1952, т. I.
32. *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ, 1967, т. XVIII.
33. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.

T. D. Annayev

EXCAVATIONS OF AN EARLY MEDIAEVAL ESTATE OF KUYOVKURGAN IN NORTHERN TOHARISTAN

Summary

The article discuss the results of the author's excavations at the estate of Kuyovkurgan in Southern Uzbekistan carried out in 1977. It contains an ample review of questions pertaining to the study of monumental sculpture, remnants of paintings and architectural structures. Basing himself on the analysis of architectural details, style and character of sculpture as well as of the local pottery complex, which closed to the early mediaeval Toharistan settlements, the author assumes that the aforementioned complex entirely dates from the 5th century A. D. Kuyovkurgan is interpreted as a country estate of a local ruler. Some statues may have conveyed images of the deified ancestors of these rulers or of the estate owners.

АВДУСИНА Т. Д., ВЛАДИМИРСКАЯ Н. С., ПАНОВА Т. Д.

РУССКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Ранняя стадия истории поливного дела принадлежит к наименее исследованной области материальной культуры древнерусского города. А ведь именно эта отрасль производства свидетельствует о высоком уровне гончарного ремесла в целом [1, с. 363]. Появление данной статьи вызвано тем, что за 20 лет археологического изучения Московского Кремля накопилось много материала, еще не введенного в научный оборот. Изучением древнерусской поливной керамики занимались многие исследователи, среди них Т. И. Макарова, Р. Л. Розенфельдт, М. Г. Рабинович. В обширной работе Т. И. Макаровой московская поливная посуда представлена единичными находками, которые, правда, позволяют проследить «киевские традиции в форме сосудов» [2, с. 58]. Исследование Р. Л. Розенфельдта [3] посвящено рассмотрению именно московской керамики, в том числе и поливной. Появление местных московских поливных изделий автор относит к концу XV в. Большой материал из раскопок центральных районов Москвы изучен в работе М. Г. Рабиновича. Здесь рассмотрена и ранняя поливная посуда. Автор высказывает предположение о том, что поливная московская керамика, найденная в слое XII в.,— местного происхождения [4, с. 25].

В основном поливная керамика древнейшего центра Москвы вообще не известна науке. Авторы ставят перед собой задачу уточнить датировку продукции первых московских керамистов, выделить из общей массы привозные изделия, проследить традиции в рецептуре поливы, общие для всех древнерусских городов, выявить местные особенности в технологии поливного керамического дела в Москве. В работе рассматривается 51 находка. Необходимо отметить, что изучение отдельных групп московских поливных изделий до сих пор практически не включало ни одной вещи из культурного слоя Московского Кремля, что не позволяло комплексно подойти к решению указанных выше проблем и приводило к некоторым неправильным выводам.

Поливная керамика археологического собрания Государственных музеев Московского Кремля происходит из раскопок на территории Московского Кремля в 1959—1979 гг. Особую часть коллекции составляют поливные сосуды, изъятые из захоронений цариц и великих княгинь в бывш. Вознесенском монастыре, переданные музеям Кремля в 1929 г. Среди поливных керамических изделий выделяются в первую очередь привозные, встречающиеся, как правило, в ранних слоях древней Москвы. До недавнего времени отсутствие находок поливных вещей в слоях XII—XIII вв. позволяло исследователям делать вывод о «сравнительно небольшой величине города в домонгольское время» и об «отсутствии прочных связей с южнорусскими городами, и в частности с Киевом» [3, с. 69]. Но даже при отсутствии находок поливных изделий широкую картину связей древней Москвы дают различные категории вещей из хорошо датированных слоев XII — первой половины XIII в. Наиболее полно представлен здесь именно импорт южный. Это и уникальная печать киевского митрополита 1093—1096 гг., и стеклянные браслеты, бусы, обломки стеклянных бокалов и т. д. Поливные изделия, найденные в последнее время (10 предметов), лишний раз подтверждают развитость связей древней Москвы.

Одна из самых ранних поливных вещей, найденных при раскопках в Московском Кремле,— яичко-писанка, покрытая плохо сохранившейся глухой черной поливой с металлическим блеском. Ее длина 4,5 см, отверстие на ней с торцовой стороны. Тесто красное. Датируя эту вещь, мы опирались на исследование Т. И. Макаровой, которая относит писанки с металлическим блеском к первой группе этой категории [5, с. 144]. Указанная группа объединяет наиболее ранние писанки, относящиеся к середине XI—30-м годам XII в. Однако следует отметить отличие кремлевской находки от писанок, рассмотренных в работе Т. И. Макаровой. На всех изученных ею экземплярах этой группы полива с металлическим блеском является фоном, по которому непрозрачной глазурью нанесен орнамент скобками. Кремлевская находка не имеет следов росписи по поливе с металлическим блеском. Возможно, эта писанка является до сих пор не встречавшейся в слоях древнерусских городов разновидностью исследованного типа. Большинство находок этой группы сделано в Новгороде, что дает возможность предположить, что яичко-писанка из культурного слоя Кремля попала в Москву из этого города.

Другой категорией ранних привозных вещей из раскопок в Кремле являются небольшие (около 3,0×1,5 см) фрагменты поливных сосудов с тонкими стенками, сделанных из хорошо промешанной красной глины. С внешней стороны они имеют слабо выраженные валики, снаружи покрыты прозрачной темно-зеленой поливой, которая на фоне красного черепка приобретает бурый оттенок. Все фрагменты найдены в хорошо датированном слое первой половины XIII в. на небольшом участке в юго-западной оконечности раннемосковского поселения. Такая же керамика, найденная в ранних слоях Новгорода, по мнению Г. П. Смирновой, привозилась из Киева, но со второй половины XIII в. она почти совершенно исчезает [6, с. 244].

На этом же участке, но в слое второй половины XII в. найдена поливная керамическая рыбовидная бусина со следами росписи по поливе. Бусина сделана из хорошо промешанного красного теста и покрыта прозрачной светло-желтой поливой, которая на красном черепке дает коричневый цвет. На поливе видны следы росписи непрозрачной желтой глазурью в виде спирали. Произведенный анализ поливы[1] позволил определить место изготовления керамической бусины. Это Полоцк, один из провинциальных центров стеклянного производства XII в. Такие же бусы найдены в Прибалтике, связанной торговлей с Полоцком. В Кремле это первая находка подобных изделий.

Таким образом, уже в домонгольских слоях Москвы (XII — первая половина XIII в.) появляются поливные изделия. Все это привозные вещи, которые наряду с другими категориями археологических древностей свидетельствуют о ранних связях Москвы со многими русскими центрами — Киевом, Новгородом, Полоцком. Этими немногочисленными находками из культурного слоя Кремля исчерпывается импорт русской поливной продукции. Разрушительный поход Батыя на Русь в первой половине XIII в. приводит к гибели многих производств в русских городах, разрушает привычные торговые связи. Русская поливная продукция в слоях второй половины XIII — начала XIV в. сменяется совершенно новым для Москвы предметом импорта — восточной поливной посудой, хорошо представленной в археологической коллекции музеев Московского Кремля. Но необходимо отметить, что наряду с этой дорогостоящей посудой в культурном слое Кремля появляются и местные поливные изделия. Следы поливного дела есть уже в слое второй половины XIII в. Можно упомянуть найденные при строительстве Кремлевского Дворца съездов (раскоп 1) куски цветного керамического шлака и поливную птичку-погремушку. Находки, правда, не связаны с каким-либо производственным комплексом, но обнаружены в одном пласте и квадрате

[1] Все анализы поливы произведены в лаборатории спектрального анализа исторического факультета МГУ Ю. Л. Щаповой.

(слой первой половины XIII в.). Отмечены находки капель поливы, шлака и брака поливного дела в районе Оружейной палаты, Соборной и Ивановской площадей. Однако практически полное отсутствие местных поливных изделий в слоях второй половины XII—XIII в. не позволяет нам с уверенностью относить начало поливного дела в Москве к этому периоду. Находки поливных вещей, достаточно значительные по количеству, четко зафиксированы только начиная с первой половины XIV в. Именно с этим периодом мы можем связывать начало массового производства поливной продукции в ранней Москве.

Многие исследователи отмечают крайне слабую изученность поливного дела большинства древнерусских городов. Материал, введенный в научный оборот, немногочислен. Лишь некоторые категории поливных вещей изучались и публиковались достаточно часто. К ним относятся предметы архитектурного декора — глазурованные плитки пола, одни из самых ранних поливных изделий на Руси, хорошо известные по археологическому материалу многих древнерусских городов — Киева, Чернигова, Галича, Новгорода и др. [7]. Традиция украшать интерьеры храмов такими плитками была продолжена и в Москве, в период широкого белокаменного строительства в Кремле в первой половине XIV в. Из 15 находок, сделанных при раскопках в Кремле, лишь две плитки сохранились полностью, остальные дошли до нас в небольших фрагментах. Иногда по ним не удается восстановить ни один из параметров вещи. Все находки (кроме двух) сделаны во время исследований древних соборов Кремля — Успенского, Архангельского и Благовещенского. При распределении плиток по группам в первую очередь учитывалась структура черепка, так как из-за небольших размеров фрагментов объединить их по внешней форме нельзя. При этом учитывались оформление, обжиг и отделка изделий. Для покрытия плиток применялась глухая полива желтого или зеленого цветов. Ее отличает плохое сцепление с глиняным тестом черепка, в результате чего поливное покрытие сохранилось лишь в виде затеков на бортовых гранях плиток (за исключением одной группы). По своему составу полива близка к смальтам. Она трехкомпонентная калиево-свинцово-кремнеземная, окрашенная небольшим количеством окиси меди и заглушенная окисью олова. На нескольких фрагментах полива разложилась под воздействием почвенных реагентов, полностью изменилась структура стекла и его состав [8, прилож. 1].

Наиболее многочисленная первая группа поливных плиток пола включает девять находок. Их объединяет то, что все они изготовлены из красной глины с примесями крупного кварцевого песка. Тесто грубо подготовлено и плохо промешано, черепок имеет внутренние трещины. Судя по двум сохранившимся целиком плиткам, их средние размеры 15,5×15,5 см (рис. 1). Толщина их колеблется от 2,0 до 3,0 см. Обжиг почти у всех изделий неровный, печной, черепок в изломе трехслойный, с серой полоской плохо обожженного теста в середине. Все экземпляры имеют скошенные бортики, на которых видны следы доработки ножом — скосы бортов имеют бороздки от кварцевого песка, сдвинутого ножом, углы скоса у всех плиток неодинаковые. Четыре из них имели квадратное углубление с тыльной стороны, у трех их не было, а по остальным фрагментам судить об этом невозможно. Сохранность поливы, как отмечалось выше, плохая. Глазурь глухая желтого цвета, за исключением одной плитки с зеленой поливой. Все плитки найдены при исследовании подпольных пространств Успенского и Архангельского соборов и датируются стратиграфически XIV в. [8, с. 44]. Под Успенским собором было найдено шесть из девяти входящих в первую группу плиток. Четыре из них имеют квадратное углубление, а два фрагмента очень малы. Эти находки связаны со строительством Успенского собора 1326 г.

Две плитки, найденные под Архангельским собором, гладкие, без углублений на тыльной стороне. Связываются они с постройкой собора при Иване Калите в 1333 г. Видимо, плитки для отделки этих двух соборов изготовлялись одной группой мастеров, о чем говорят единые технологические приемы, использовавшиеся при их изготовлении,— примеси,

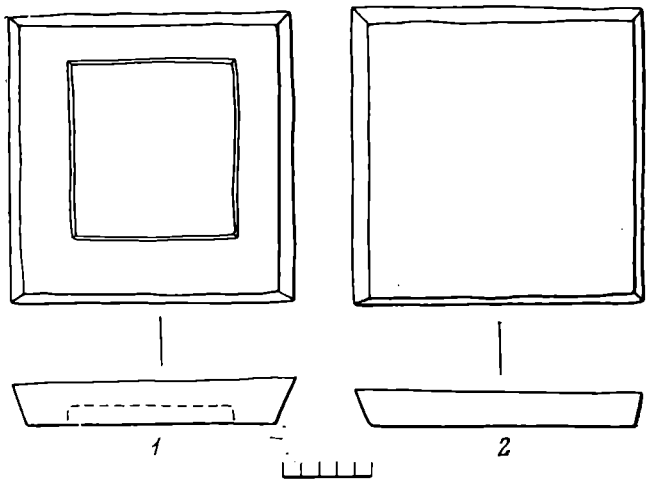


Рис. 1. Поливные плитки пола первой группы

печной обжиг, глина. Это дает нам возможность говорить о местном производстве этого строительного материала.

Во вторую группу входят три фрагмента плиток пола. Две изготовлены из красной, а одна из розовой глины. Тесто этих плиток отличается от теста первой группы примесями. Здесь в качестве добавки присутствует мелкий песок. Тесто плохо промешано, имеет пустоты. Размер плиток восстановить не удается. Толщина их колеблется от 1,8 до 2,4 см. Обжиг печной, в изломе трехслойный. Плитки не имеют углубления на внутренней стороне. Бортики прямые, на них нет следов доработки ножом. На двух желтая глухая полива сохранилась в виде затеков на бортах, третий фрагмент покрыт желтой поливой со всех сторон. Следует выделить два фрагмента плиток, найденных под Успенским собором. Стратиграфически они датируются XII—XIV вв. [8, с. 44].

В третью группу включены три фрагмента плиток пола, найденные в забутовке основания восточной стены южного прохода подклета Благовещенского собора. Все они изготовлены из белой глины. Тесто с мелкими трещинами. Глина очень гигроскопичная, напоминает кашин, в ней много мелкого песка. Размеры плиток восстановить невозможно, толщина их колеблется от 2,0 до 3,0 см, обжиг ровный (рис. 2). Все три фрагмента имеют слегка выгнуто-вогнутую внешнюю поверхность, покрытую поливой. Однако бортики плиток сделаны по-разному. Первый фрагмент (рис. 2, *1*) имеет сильно скошенный внутрь сложный профиль — видимо, его резали ножом. На внутренней стороне видны следы прямоугольного углубления. Один край внешней поверхности фрагмента слегка вогнут, другой слегка выгнут. Хорошо сохранилась полива на внешней стороне плитки. Она светло-бирюзового цвета, местами слегка вспучена и запесочена.

Второй фрагмент (рис. 2, *2*) имеет один гладкий борт, скошенный наружу, другой — скошенный внутрь. На внутренней части плитки сохранилась часть прямоугольного углубления, две стороны которого отвесны, а третья скошена. Имеются следы и второго углубления. Одна наиболее сохранившаяся сторона фрагмента имеет слегка вогнутую конфигурацию. По внешней стороне плитка была покрыта глухой темно-оливковой поливой.

Третий небольшой фрагмент имеет два скошенных внутрь бортика, нижний угол их стыка слегка закруглен (рис. 2, *3*). На внутренней стороне видна часть прямоугольного углубления. Одна сторона плитки слегка вогнута, а другая выгнута. Светло-бирюзовая глухая полива покрывает всю внешнюю поверхность фрагмента. Полива запесочена. Как выяснилось в ходе исследований, полива на белоглиняных плитках свинцово-кремнеземная, окрашена очень незначительным количеством окиси меди, давшей в двух случаях (1-й и 3-й фрагменты) светло-бирюзовый цвет. Второй фрагмент прошел сильную термическую обработку, что

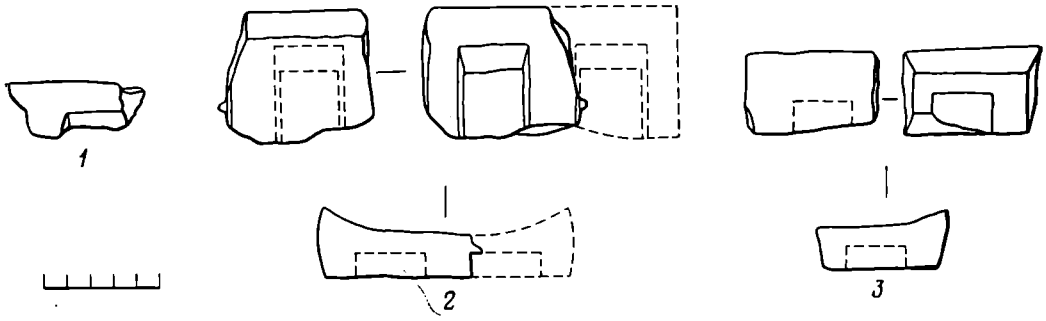


Рис. 2. Полпвные плитки пола третьей группы

привело к изменению цвета поливы на темно-оливковый. Рецепт поливы русский. До сих пор не удалось найти аналогий этим белоглиняным поливным плиткам. Выгнуто-вогнутая форма их поверхности, сложная конфигурация бортов и внутренней стороны не удобны для покрытия пола и дают возможность предположить их декоративное назначение. Как отмечено выше, все три фрагмента найдены в забутовке фундамента стены Благовещенского собора и, возможно, относились к архитектурному декору храма конца XIV в.

Одной из самых многочисленных групп поливной керамики, хранящейся в фондах Государственных музеев Московского Кремля, является коллекция сосудов из погребений, найденных при археологическом изучении территории Кремля. О находках подобных сосудов есть упоминания и в литературе, и в некоторых документах. Так, в 1836 г. при переделке стен в притворе церкви Спаса на Бору были вскрыты два белокаменных гроба, в которых имелись глиняные чашечки, покрытые с двух сторон одна желтой, другая зеленой поливой [9, с. 162]. По летописным источникам известно о нескольких погребениях в ц. Спаса на Бору в XIV в. [10, с. 170, 175, 182, 221, 226, 228]. Погребения 1364, 1393 и 1396 гг. совершены, как отмечают летописи, именно в приделе (или в притворе). Сами вещи не сохранились, но есть их краткое описание, из которого можно понять, что чашечка, покрытая зеленой поливой, имела снаружи гладкие стенки, а чашечка с желтой поливой — валик на внешней стороне тулова. Сохранилось изображение последней [9, рис. 107]. Судя по рисунку, чашечка покрыта глухой желтой поливой, видимо, по красной глине. Летописные свидетельства нами привлечены не случайно, поскольку с устройством в Кремле в 1365 г. Чудова монастыря в ц. Спаса на Бору захоронений уже не совершают. Одно из последних отмечено здесь летописями в 1399 г. [10, с. 228]. Таким образом, находки поливных сосудов, хотя и не сохранившихся до нашего времени, вполне возможно связывать со второй половиной XIV в. и именно с теми персонами, о погребениях которых «в притворе» говорят летописные источники.

В июле 1864 г. в Архангельском соборе при вскрытии гробницы Дмитрия Донского, умершего в 1389 г., также была обнаружена чашечка, покрытая зеленой поливой. Ее высота около 4,5 см, диаметр устья около 7,5 см. По внешней поверхности тулова проходят два валика [2].

В 1929 г. при вскрытии захоронений цариц и великих княгинь в Вознесенском монастыре было обнаружено 10 глиняных сосудов, покрытых поливой [11]. К сожалению, мы не знаем точно, из погребения какого лица происходит тот или иной сосуд, хотя из «Дневников работ по вскрытию, обследованию и переносу древнейших гробниц бывш. Вознесенского монастыря...» известно, в чьих гробницах были керамические чашечки.

Археологические наблюдения последних десятилетий в районе древнейших московских кладбищ — в Успенском соборе и в современном здании Кремлевского театра — дали еще пять находок этой категории вещей. Почти все сосуды на небольших кольцевых поддонах, имеют плавно рас-

[2] Хранится в фондах ГИМ.

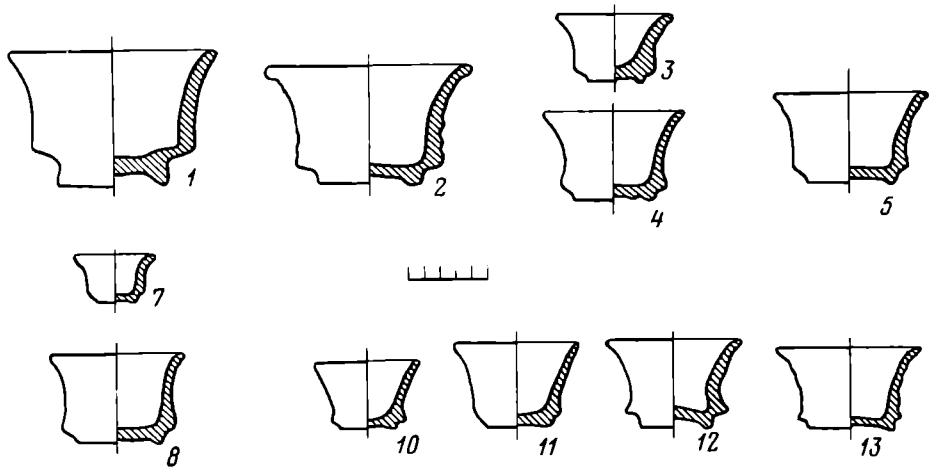


Рис. 3. Погребальные сосуды (цифры на рис. 3 соответствуют нумерации сосудов)

ширяющиеся стенки и слегка разложистый край. Эти чашечки очень похожи на деревянные миски типа II, III, IV из Новгородских раскопок [12, с. 37]. Деревянные изделия этих типов имеют следующие датировки и габариты: тип II датируется XIV — началом XV в., высота сосудов 7—10 см, диаметр устья 13—18 см. Тип III датируется второй половиной XIV—XV в., высота чаш 6—8 см, диаметр устья 12—16 см. Тип IV был распространен в XV в., высота сосудов 8—9,5 см, диаметр устья 13—18 см. Можно почти с полной уверенностью предположить, что керамические сосуды по своей форме подражали деревянной вещи, т. е. мастера, их делавшие, брали за образец деревянные изделия. Отличия между этими вещами практически только в размерах, что можно объяснить разницей в назначении сосудов и в технологии их производства.

По цвету черепка в изломе все чашечки нашей коллекции можно разделить на три группы: сосуды из красной, розовой и белой глины.

Сосуды из красной глины. Все они на кольцевых поддонах, имеют плавно расширяющиеся стенки и слегка разложистый край. С обеих сторон покрыты поливой по предварительному ангобу (если полива прозрачная).

№	Высота (см)	Диаметр (см)
1	7,5	12
2	8,0	12,5
3	4,5	7,0
4	5,5	8,0
5	6,0	9,5
6	6,5	10,0

Как видно из приведенных данных, среди шести изделий этой группы своими габаритами выделяются два — первое и второе. Сосуд 1 на довольно высоком кольцевом поддоне, стенки его гладкие, ничем не украшенные (рис. 3, *1*), покрыт с двух сторон желтой непрозрачной плохо сохранившейся поливой. Своими размерами, гладкими стенками он очень близок деревянным сосудам типа II, которые, как упоминалось, датируются XIV — началом XV в. Сосуд 2 на небольшом кольцевом поддоне. По наружной стороне идут три небольших валика, равномерно делящие поверхность на равные полосы (рис. 3, *2*). Полива прозрачная зеленая, имеет плохое сцепление с кроющим слоем черепка. Сосуд практически аналогичен деревянным мискам типа III, которые имеют дату вторая половина XIV—XV в. Остальные три изделия этой группы примерно одинакового размера, покрыты прозрачной зеленой поливой плохого качества. На внешней стороне чашечки 3 есть слабо выраженный валик (рис. 3, *3*). У сосудов 4 и 5 стенки гладкие (рис. 3, *4*, *5*). Сосуд 4 найден при

раскопках в Успенском соборе, в яме, связанной со строительством собора Кривцовым и Мышкиным, т. е. его можно датировать последней четвертью XV в. Сосуд 6 найден на территории древнейшего кладбища у Успенского собора. По размерам и форме он близок изделиям, описанным выше, только венчик его отличается от завершений других чашечек. В профиле он очень похож на венчики московской ранней красноглиняной посуды, что дает возможность говорить о преемственности в работе московских керамистов и предположительно датировать сосуд XIV—XV вв. Таким образом, эту группу можно суммарно датировать второй половиной XIV—XV в.

Сосуды из розовой глины. Эту группу составляют два предмета из захоронений в Вознесенском монастыре и одна чашечка из раскопок в районе Кремлевского театра. Черепок в изломе значительно светлее, чем у сосудов из красной глины. Они покрыты с двух сторон поливой.

№	Высота (см)	Диаметр (см)
7	3,0	4,5
8	5,5	8,0
9	6,0	8,8

Как видно из этих данных, из всех чашечек выделяется сосуд 7. Это миниатюрный сосуд на крошечном кольцевом поддоне (рис. 3, *7*). До середины высоты стенки идут прямо, затем плавно расширяются. По внешней стороне идет очень слабо выраженный валик. Сосуд покрыт зеленой непрозрачной поливой плохого качества. Он найден при работах в Кремлевском театре на глубине 3,60 м в захоронении, которое, видимо, связано с церковью Воздвижения 1450 г. [13, с. 40]. Поэтому его можно предположительно датировать серединой XV в. Чашечка 8 на кольцевом поддоне (рис. 3, *8*). До середины высоты стенки ее идут почти вертикально, затем плавно расширяются. Стенки гладкие, покрыты зеленой прозрачной поливой по предварительному ангобу. Сосуд 9 на кольцевом поддоне, с плавно расширяющимися стенками. По лицевой поверхности на равном расстоянии один от другого проходят восемь небольших валиков, покрыт по предварительному ангобу прозрачной зеленой поливой. Эту группу мы датируем XV в. по сосуду 6.

Сосуды из белой глины.

№	Высота (см)	Диаметр (см)
10	4,0	6,0
11	5,0	7,5
12	5,0	8,0
13	5,0	8,5

Как видно из приведенных данных, все вещи этой группы имеют примерно одинаковые размеры (рис. 3, *10—13*). Сосуд 10 сохранился неполностью, но профиль его и другие особенности видны достаточно четко Он на слабо выраженном кольцевом поддоне, стенки плавно расширяются. На лицевой поверхности проходят три слабо выраженных валика. С обеих сторон он покрыт прозрачной зеленой поливой. Сосуд 12 на кольцевом поддоне, с плавно расширяющимися стенками. На лицевой стороне имеет три очень слабо выраженных валика, с обеих сторон покрыт по предварительному ангобу блестящей зеленой прозрачной поливой. Сосуд 13 на кольцевом поддоне, с плавно расширяющимися стенками, разложистым краем. По лицевой стороне проходят через равные промежутки небольшие валики с обеих сторон покрыт зеленой прозрачной блестящей поливой. Он найден на глубине 2,60 м в захоронении под Кремлевским театром. Это захоронение, как и аналогичное с сосудом 7, связано с церковью Воздвижения 1450 г. и датируется серединой XV в. Среди прочих выделяется сосуд 11. Это чашечка колоколовидной формы с прямым дном (нет кольцевого поддона) и с плавно расширяющимися стенками, с обеих сторон покрытая зеленой непрозрачной поливой. Эту группу можно датировать по сосуду 13 XV в.

В коллекции есть еще два сосуда. Один из них, найденный возле Колокольни Ивана Великого в захоронении, сделанном в деревянной колоде, имеет на днище внутри оттиснутое штампом клеймо с изображением китовраса. Сосуд на кольцевом поддоне, с плавно расширяющимися стенками. Венчик горизонтально срезан. Чашечка имеет высоту 8,4 см, диаметр устья 14,3, диаметр дна 8,2 см. Сосуд сделан из светлого глиняного теста и покрыт поливой, которая сохранилась очень плохо [14, с. 263]. По туловищу украшен тремя полосами линейного орнамента. На днище в выпуклой круглой рамке помещено рельефное изображение крылатого китовраса с мечом и в короне. Подобный штамп встречен впервые. Стратиграфически чашечка датируется концом XV—XVI в.[3] От второго сосуда сохранилась часть горла. Тесто красное с крупными примесями. Полива глухая светло-зеленая. Высота фрагмента 5,4, диаметр горла 4,5, толщина стенок 0,5 см. Сосуд найден в одном из захоронений бывш. Вознесенского монастыря и хронологически и технологически может быть поставлен в один ряд с поливными изделиями этого комплекса.

Таким образом, мы можем говорить о том, что производство поливных сосудов, найденных в погребальных комплексах, началось в середине XIV в. и существовало до рубежа XV—XVI вв. Косвенным образом это подтверждается анализом инвентаря захоронений XV—XVII вв. из бывш. Вознесенского монастыря. Здесь найдены чашечки из глины, стекла, металла самой разнообразной формы. Хронологически они распределяются так (таблица).

Принадлежность захоронения	Материал	Дата захоронения
Софья Витовтовна	Глина	1453 г.
Мария Борисовна	»	1467 г.
Безымянное, рядом с гробницей Марии Борисовны	»	Середина XV в.
Безымянное, до постройки нового собора 1467 г.	»	Середина XV в.
Безымянные из нарушенных погребений (три)	»	XV в.
Елена Глинская	Металл	1538 г.
Мария Темрюковна	»	1569 г.
Анастасия Романовна	Стекло	1560 г.
Марфа Собакина	»	1571 г.
Между гробницами 1597 и 1610 гг.	»	1597—1610 гг.
Ирина Годунова	»	1606 г.
Мария Долгорукая	»	1625 г.
Пелагея Михайловна	Металл	1629 г.
Марфа Михайловна	Стекло	1632 г.
Евдокия Лукьяновна	»	1645 г.
Мария Ильинична	»	1669 г.

Из таблицы видно, что единственным материалом, из которого делались погребальные сосуды в XV в., была глина. В первой половине XVI в. появляются металлические, а со второй половины XVI в. и в XVII в. в основном стеклянные.

Рассмотрев одну из групп поливных керамических изделий — поливные погребальные сосуды, мы можем вполне уверенно говорить о том, что этот вид керамической продукции появляется в Москве не к концу XV в., как считали ранее [3, с. 48], а во второй половине XIV в. и существует до рубежа XV—XVI вв. Керамический материал из погребений и культурного слоя Кремля позволяет проследить традицию в погребальном обряде лиц в основном княжеской фамилии. Если в XIV в. чашечки помещались в ногах погребенного, то в XV в.— в головах. Четко прослеживается эта традиция и в последующее время, в XVI—XVII вв., но уже с использованием сосудов из стекла, металла, иногда дерева.

Анализ поливы погребальных сосудов показал, что это свинцово-кремнеземное стекло в различных вариантах, причем в некоторых слу-

[3] Сосуд хранится в Музее истории и реконструкции города Москвы.

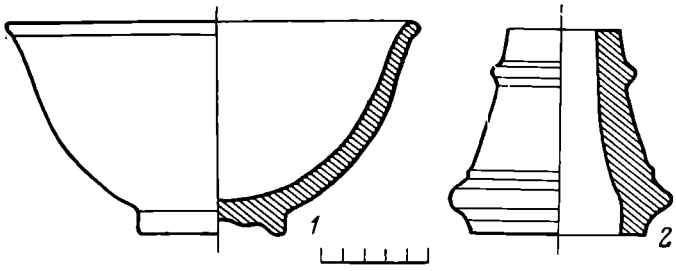


Рис. 4. Бытовые поливные изделия

чаях по типу оно близко к смальтам, т. е. является эволюцией от состава древнерусских стекол. Это еще одно доказательство в пользу датировки группы погребальных чашечек из коллекции музеев Кремля второй половиной XIV—XV вв. Связь этого типа сосудов с другими поливными изделиями из культурного слоя Кремля хорошо прослеживается и в использовании в основном красной глины, и в характере поливы, начиная с глазурованных плиток пола первой половины XIV в. и кончая бытовой керамикой XIV—XV вв.

Бытовая поливная керамика представлена в археологическом собрании музеев Кремля 20 находками из слоя XIV—XV вв. Большинство из них (65%) красноглиняные, только 20% сделаны из белой или розовой глины, остальные 15% составляют находки бракованных или неопределимых поливных сосудов. Для глазуровки изделий использовалась зеленая, желтая и коричневая полива, иногда по ангобу. Находки поливной посуды отмечены по всей территории Кремля.

Наиболее интересны находки поливных сосудов в слоях XIV в. Один из них сохранился почти полностью. Он найден при археологических наблюдениях в северной части Соборной площади. Сосуд сделан из глины с добавками кварцевого песка. Черепок пережженный, в изломе темно-серого цвета. Чашечка на кольцевом поддоне, с плавно расширяющимися стенками и слегка отогнутым наружу венчиком, имеет перекос стенок (рис. 4, *1*). Высота 6 см, диаметр устья 10 см. С обеих сторон она была покрыта поливой, которая сохранилась очень плохо. На внешней поверхности чашки полива вспучена, и цвет ее неопределим. Внутри по венчику она имеет красноватый оттенок, а на днище снаружи прослежен затек глухой поливы зеленого цвета. Проведенный анализ поливы результатов не дал ввиду ее плохой сохранности. Видимо, сосуд побывал в сильном пожаре, что привело к его деформации. По форме он близок к золотоордынским чашам-пиалам [8, с. 120], что служит датирующим признаком и не противоречит дате слоя, в котором он обнаружен,— XIV в. Все это говорит о местном его происхождении.

Небольшой фрагмент поливного сосуда из красной глины найден у северного фасада Оружейной палаты. Это часть стенки со слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуд был покрыт с двух сторон глухой зеленой поливой плохого качества. Профиль венчика позволяет предположить, что сосуд по форме подражал среднеазиатским чашам-пиалам, как и описанный выше. Слой, в котором сделана находка, хорошо датируется восточной поливной керамикой второй половины XIV в. Здесь встречена кашинная посуда с двусторонней ультрамариновой глухой поливой и надглазурной росписью золотистой краской [15, с. 136, 137].

На севере Соборной площади найдены еще два фрагмента поливных сосудов. Один — часть кольцевого поддона из розовой глины, покрытого с двух сторон желтой прозрачной поливой. Второй — фрагмент стенки сосуда из красной глины с крупным кварцевым песком в тесте. Внешняя сторона покрыта непрозрачной зеленой поливой. Полива плохо сохранилась. Стратиграфически эти вещи также датируются XIV в. [8, с. 7].

Несколько находок поливных сосудов были сделаны на Ивановской площади. Наиболее интересен фрагмент днища сосуда из красной глины

с крупными примесями. Фрагмент частично покрыт толстым слоем глухой желтой поливы, идентичной поливе на керамических плитках пола первой половины XIV в. Следующий фрагмент — часть кольцевого поддона сосуда из белой глины, покрытого изнутри зеленой прозрачной поливой, а снаружи коричневой. Диаметр поддона 6 см. Второй фрагмент — также часть сосуда на поддоне, с рельефным валиком по низу тулова. Этот экземпляр сделан из красной глины и покрыт с обеих сторон белым ангобом. На поддоне снаружи сохранились следы коричневой прозрачной поливы, по качеству сходной с поливой первого сосуда. Диаметр поддона 5,5 см. Стратиграфическая дата этих находок — не ранее XV в.

При археологических наблюдениях у Крестовой палаты была найдена поливная печная колонка из красной глины, покрытая по белому ангобу зеленой прозрачной поливой плохого качества. Колонка имеет форму усеченного конуса, с двумя рельефными валиками в верхней и нижней части (рис. 4, *2*). Высота ее 5,6, верхний диаметр 3,3, нижний — 5,7 см. Внутри есть затек поливы. Дата слоя, в котором найдена колонка,— XIV—XVI вв. [13]. В этом же районе найден шарик-погремушка из белой глины, покрытый прозрачной зеленой поливой. Слой, в котором была сделана эта находка, датируется XV в. по красной керамике.

Во время работ у Звонницы было найдено поливное колечко от счетов. Сделано оно из красной глины и покрыто глухой желто-зеленой поливой. Диаметр кольца 1,8 см, диаметр отверстия 0,6 см. Кольцо найдено в слое XV в. Подобные находки в Москве часто встречаются в слоях XV—XVI вв. [16, с. 57].

Прямым свидетельством местного производства поливной керамики являются находки шлаков и брака поливного дела. Особенно много их обнаружено у современной Оружейной палаты, причем здесь же во время археологических исследований неоднократно отмечались бракованные неполивные керамические сосуды домонгольского времени. Можно предположить, что здесь существовал керамический центр, снабжавший Москву своей продукцией. Наиболее ранние следы поливного дела стратиграфически датируются второй половиной XII в., но говорить о наличии хорошо развитого производства в это время нельзя, поскольку до сих пор не найдены поливные изделия этого времени.

Вторым местом находок брака поливного дела на Кремлевском холме является Соборная и Ивановская площади. Суммарная дата этих изделий — XIII—XVI вв. Существование керамического производства в этом районе в раннее время подтверждается находкой здесь керамического горна второй половины XIII в.

Таким образом, мы рассмотрели все образцы поливных керамических изделий, представленные в археологическом собрании Государственных музеев Московского Кремля. Выводы, полученные в результате их исследований, отличаются от принятой до сих пор точки зрения на развитие поливного дела в Москве. Считалось, что в слоях XII—XIII вв. отсутствует привозная поливная продукция, местная появляется только в конце XV в., а с XIV и до конца XV в. Москва довольствовалась лишь привозной восточной поливной посудой [3, с. 69]. Недостаточно четко были изучены и технологические особенности местного поливного дела. Утверждалось, например, «что вся ранняя московская поливная керамика имеет светлоглиняное тесто (серое)» и полупрозрачную поливу [3, с. 48]. Проведенные исследования позволяют внести коррективы по этим вопросам.

Археологические наблюдения и раскопки последних лет дали находки поливных привозных изделий в слоях XII — первой половины XIII в. из Новгорода, Киева, Полоцка.

Массовая местная поливная продукция появляется в Москве не в конце XV в., а в первой половине XIV в.

Поливное дело в Москве развивается достаточно традиционным для многих древнерусских городов путем. Первоначально производятся детали архитектурного декора — поливные плитки пола для московских храмов первой половины XIV в.— Успенского, Архангельского соборов. Это

дает толчок к появлению и других поливных изделий — погребальных сосудов, бытовой посуды, игрушек.

Одна из особенностей московской поливной керамики — в ассортименте изделий. К сожалению, поливная продукция многих древнерусских городов мало известна, что затрудняет работу по сопоставлению материалов раскопок. Однако, насколько можно судить, бытовых поливных изделий всегда больше. Культурный слой Кремля дает несколько иной ассортимент. Здесь основное место занимают предметы архитектурного декора и погребальные сосуды. Бытовых вещей мало.

Ранние московские поливные изделий сделаны в основном из красной глины, реже из розовой или белой. Это та же глина, которая шла на изготовление бытовой неполивной посуды. Характерно наличие во многих изделиях крупных примесей.

Ранние поливные изделия покрыты глухой или прозрачной поливой, причем использовались эти типы поливы в одинаковой степени. Цветовая гамма типична для русских изделий. Это зеленая, желтая и редко коричневая глазури. Необходимо отметить, что желтая полива практически всегда положена на красную глину.

Еще одна характерная особенность ранней поливной московской продукции — низкое качество поливы, ее плохое сцепление с глиняной массой изделия — на плитках пола, например, она сохранилась в виде затеков на бортиках.

Возможно, дальнейшие исследования культурного слоя Московского Кремля позволят со временем уточнить многие вопросы, связанные с возникновением и развитием поливного дела древней Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси.— САИ, вып. Е1-38. М., 1967.
3. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVII вв.— САИ, вып. Е1-39. М., 1968.
4. *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы.— МИА, 1971, № 167.
5. *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966.
6. *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
7. *Каргер М. К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода.— Тр. Всероссийской академии художеств. Т. 1. М.— Л., 1947.
8. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в 1963—1965 гг. Архив ГММК, № 282.
9. Древности Российского государства. Отдел I. М., 1848.
10. ПСРЛ, т. 25. М.— Л., 1949.
11. Дневники работ по вскрытию, обследованию и переносу древнейших гробниц б. Вознесенского монастыря и Вознесенского собора. Архив ГММК, инв. № 14, ф. 20.
12. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, вып. Е1-55, М., 1968.
13. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологических наблюдениях в Московском Кремле в 1965—1969 гг. Архив ГММК.
14. *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле.— СА, 1963, № 1.
15. *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.
16. *Дубынин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.).— КСИА, 1963, вып. 96.

T. D. Avdusina, N. S. Vladimirskaya, T. D. Panova

RUSSIAN GLAZED POTTERY EXCAVATED IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

The article introduces into scholarly circulation material accumulated in the last 20 years of the archaeological study of the Moscow Kremlin. A specific part of the collection is formed by vessels extracted from the burials of tsarinas and grand duchesses once performed in the former Monastery of the Assumption and transferred to the Kremlin museums in 1929. A total of 51 finds are considered.

The archaeological observations and excavations of recent years have led to the discovery of imported glazed items in strata going back to the 12th century and the first half of the 13th century excavated in Novgorod, Kiev and Polotsk. In Moscow large-scale local glazed products made their appearance in the first half of the 14th century. Glazing here developed in traditional ways. Originally, details of the architectural decor were turned out such as glazed floor slabs for Moscow cathedrals of the first half of the 14th century (the Assumption and Archangel cathedrals, fig. 1 and 2). This gave an impetus to the emergence of other glazed items such as burial and household vessels and toys. Among the specific features of the Moscow glazed pottery was a wide assortment of its items. In the Kremlin cultural level the central place is occupied by items of the architectural decor and burial vessels (Fig. 3). Household items are few. The early Moscow glazed items were made mainly of red clay, which also was used for the making of non-glazed household vessels. The early glazed items were covered by opaque or transparent glaze, these types of glaze being used to an equal extent. The colour gamut was typical of Russian items — green, yellow and rarely brown. It is to be noted that yellow glaze was practically always laid over red clay. Another characteristic feature of the early glazed Moscow products was the low quality of the glaze which resulted in its poor adhesion to the item's clay mass. For instance, on the floor slabs it has become preserved as flows on the skirtings.

ГАЛКИН Л. Л.

СТЕКЛОДЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ НА ГОРОДИЩЕ СЕЛИТРЕННОЕ

В 1967 г. Селитренским отрядом Поволжской экспедиции АН СССР[1] у подножья северного склона бугра Кучегуры на Селитренном городище были проведены раскопки предполагаемой стеклодельной мастерской. Предположение было основано на находке в указанном месте на поверхности земли бракованных пастовых бус и мелких кусков оплавленного пастового стекла. Был заложен раскоп 12×10 м на данном участке городища, который вскрыл развал мастерской, производившей украшения из пастового стекла: бусы, перстни, браслеты, кулоны, вставки для перстней. Под верхним плотным слежавшимся слоем стерильного песка толщиной 10—50 см залегал культурный слой, достигавший на отдельных участках мощности 20—70 см. Он состоял из серо-коричневой супеси и суглинка и был обильно насыщен костями животных, фрагментами поливной и неполивной керамики, обломками кирпичей, шлаком, золой. Стеклянные украшения, их фрагменты и отходы производства из стекла в первом штыке встречались по всей площади раскопа. Во втором штыке наибольшее скопление изделий из стекла и их брака наблюдалось в южных квадратах. Это объясняется тем, что здесь располагалась разрушенная мастерская по производству стеклянных украшений. После снятия культурного слоя на площади раскопа, не содержавшего каких-либо конструкций, были обнаружены различные хозяйственные ямы, врезанные в материк, и остатки производственных сооружений. Последние можно разделить на два типа. К первому — относятся три округлые в плане площадки, имевшие диаметр около 60 см каждая. Толщина прокаленных глиняных площадок составляла около 2 см. Указанные площадки располагались в направлении ЮЗ—СВ. Мы назвали эти площадки условно «подами печей». Они имели отметку 0—3 см от нулевого репера раскопа. Среди завалов ошлакованных кусков сырцовой глины, из которой была сложена «печь» 1, как и остальные «печи», обнаружено большое скопление целых и бракованных стеклянных бус (113 шт.), перстней (3 шт.), обломков браслетов (10 шт.), кусков пастового стекла (327 шт.), 1 керамический диск. В завале «печи» № 3 найдено всего только 10 бус.

При разборке завала «печи» 2 и зачистке ее «пода» никаких стеклянных изделий или отходов при их изготовлении обнаружено не было. Ко второму типу производственных сооружений относятся обожженные подобно «подам печей» глиняные площадки толщиной 2—3 см. Они были значительно больше по размерам относительно первых и в плане имели неправильную овальную форму. Ввиду их сравнительно больших размеров они названы были условно «подами горнов». Наиболее полно сохранился «под горна» 3 (рис. 1). Он имел размеры 200×180 см. С южной стороны «пода» находилось топочное устье «горна», от которого сохранилось дно. Оно имело ту же структуру, что и «под горна». Длина дна топочного устья 90 см, ширина 30 см. От нулевого репера раскопа «под горна» находился на глубине 89 см. Среди завалов рухнувшего горна были найдены многочисленные обломки пережженного и оплавленного

[1] Начальник экспедиции А. П. Смирнов, зам. нач. экспедиции и нач. Ахтубинской экспедиции МГУ Г. А. Федоров-Давыдов.

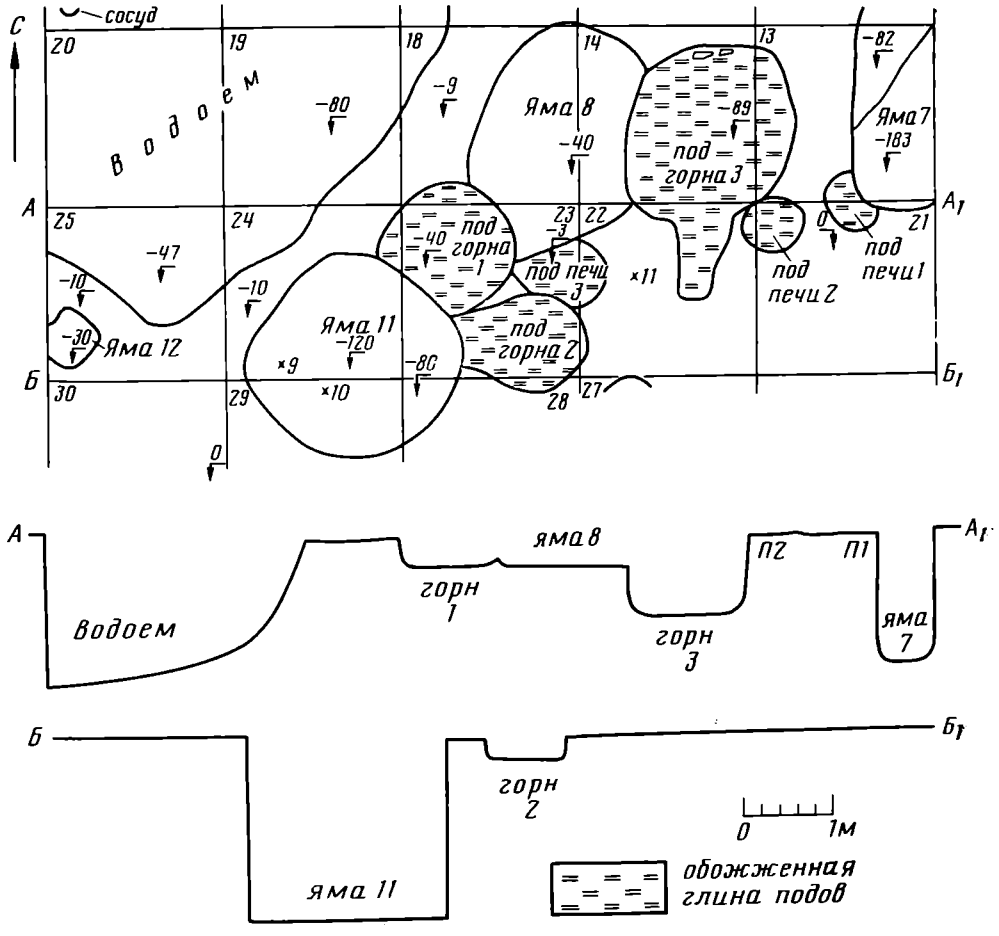


Рис. 1. План и профили раскопа мастерской

сырцового кирпича, из которого был сложен его свод. Размеры кирпичей из-за их фрагментарности установить не удалось. Здесь же были обнаружены куски пастового стекла, брак стеклянных бус. Разрушенные «поды горнов» 1 и 2 были вскрыты в 200 см к юго-западу от «горна» 3. «Горн» 1 имел наибольший диаметр около 140 см. Поверхность его пода была на 40 см ниже нулевого репера раскопа. В завале его разрушенного свода было найдено большое скопление печины, пережженного и оплавленного сырцового кирпича, значительное количество кусков пастового стекла, а также целые и бракованные стеклянные бусы и заготовки для их производства. Развал «горна» 2 был расположен с южной стороны «горна» 1 и имел аналогичный характер разрушений. Здесь также были встречены в большом числе куски пастового стекла. Среди них было найдено несколько бракованных бус и незначительное количество других отходов стекольного производства. «Под горна» в плане имел овальную форму. Наибольший диаметр его составлял около 120 см, глубина от нулевого репера — 32 см (рис. 1). Разница в размерах и конструкции производственных сооружений скорее всего была обусловлена функциональными различиями «печей» и «горнов». К сожалению, из-за плохой сохранности названных объектов восстановить их конструктивные и технические особенности не представляется возможным.

Принимая во внимание находку большого количества различных стеклянных изделий в «печи» 1, можно предположить, что она, как и другие «печи», служила для производства готовой продукции из стеклянного полуфабриката, который, в свою очередь, получали в горнах. На последнее указывает преимущественное скопление кусков пастового стекла, находимых обычно в этих сооружениях. Мы не имеем возможности под-

крепить наши выводы ссылками на аналогичные мастерские для XIII—XIV вв. поскольку находки древних стеклодельных мастерских вообще довольно редки. Те же из них, которые известны археологам на территории Советского Союза, дошли до нас в фрагментарном состоянии [1, с. 291—293; 2; 3].

Наиболее полно сохранились производственные сооружения стеклодельной мастерской, обнаруженной зарубежными археологами в Венецианской лагуне [4, с. 23]. Они датируются VI—VII вв. н. э. Мастерская производила стеклянную посуду и по своим масштабам была значительно больше и фундаментальнее, чем описываемая нами мастерская из Селитреного городища. Тем не менее мы имеем право обратиться к данному примеру, так как Т. И. Высотская и другие исследователи считают, что технология производства стекла оставалась на протяжении многих веков практически неизменной [5, с. 49].

Ссылаясь на Агриколу (XVI в.), Т. И. Высотская указывает, что производство стекла было многоступенчатым процессом, каждая ступень которого осуществлялась в отдельной печи [5, с. 54]. Здесь, в Венецианской лагуне, были найдены две различные по устройству печи. Одна из них напоминала в плане «под горна» 3 Селитреного городища [4, с. 20—21]. Исследователи полагают, что в данной печи варили стеклянную массу [4, с. 20—21]. Ту же производственную операцию проводили и в «горне» 3, судя по скоплению кусков расплавленного стекла, найденных здесь, о чем мы уже говорили выше. Стратиграфические наблюдения и исследование взаимного расположения подов «печей», «горнов» и хозяйственных ям на раскопе позволяют установить следующую последовательность бытования различных хозяйственных и производственных сооружений на данном участке городища (рис. 1).

К началу действия мастерской по производству стеклянных украшений ямы, расположенные в северной части раскопа, были уже засыпаны землей, поскольку в их заполнении не встречено ни одного стеклянного изделия или отходов от их изготовления. Первыми на исследованной площади мастерской бытовали «печи» 1, 2, 3. Затем была вырыта яма 3 размером 240×180 см. Она была углублена на 40 см. В заполнении ямы встречены кости животных, фрагменты керамики, отходы стекольного производства. При сооружении ямы была разрушена вышедшая, очевидно, из строя «печь» 3. В этот же период был возведен «горн» 2, который также разрушил остатки «печи» 3. Несколько позже были построены «горны» 1 и 3. При строительстве «горна» 1 был частично нарушен «под горна» 2, к этому моменту уже переставшего функционировать, а также была использована юго-западная часть ямы 8. Вероятно, яма эта уже была заполнена землей и перестала существовать, так как ее восточную часть занял «горн» 3, при кладке которого был нарушен «под печи» 2, к этому моменту уже отслужившей.

Яма 11, округлая в плане, диаметром 220 см и глубиной 120 см от нулевого репера, была вырыта на исследованной площади уже в финальный момент существования мастерской на данном участке городища. Она разрушила «поды горнов» 1 и 2, очевидно, оставленные уже из-за непригодности для производственных целей. В ее заполнении обнаружены фрагменты поливной и красноглиняной керамики, две бронзовые монеты, целые и бракованные стеклянные бусы, куски пастового стекла.

Яма 7, расположенная в западной части раскопа, прямоугольная в плане, также была вырыта после завершения деятельности производственного комплекса мастерской на исследованном участке городища. Дно ее имело отметку 183 см. В заполнении ямы найдены бусы, фрагмент стеклянного перстня, полуфабрикаты. Яма разрушила вышедшую из употребления «печь» 1.

Расположенный в западной части раскопа искусственный водоем в период работы мастерской был заполнен водой. На это указывают находки бус и отходов производства в илистых отложениях водоема. Дата деятельности мастерской на участке раскопа определяется монетами. Медная монета с изображением шестилепестковой розетки была обнаружена в

заполнении ямы 4, которая к моменту начала работы мастерской была засыпана [2] (рис. 2, *1*).

На дне ямы 11, вырытой в конце существования мастерской, была найдена аналогичная медная монета (рис. 2, *2*).

Такие монеты выпускались в Золотой Орде с периода правления хана Джанибека 751—770 гг. хиджры (1350—1368 гг.) [6, с. 205, № 45, 49]. К сожалению, более точную датировку монет из-за их плохой сохранности дать невозможно. Узкие хронологические рамки для мастерской, определенные монетными данными, не противоречат срокам деятельности тех недолговечных сооружений, которые характерны для исследованного производственного комплекса. Ю. Л. Щапова называет нор-

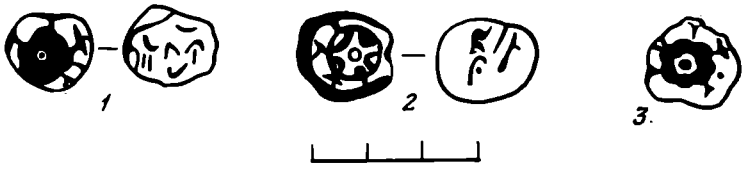


Рис. 2. Медные монеты, найденные на раскопе: *1* — яма 4; *2* — яма 11 (дно); *3* — водоем

мативные сроки эксплуатации стекловарных печей — 5—6 лет, что также укладывается в указанные рамки [7].

Кроме описанных выше развалов «горнов» и «печей» каких-либо конструкций, относящихся к мастерской, на участке раскопа обнаружено не было, поэтому говорить о ее устройстве более подробно нет оснований. Однако находка большого количества стеклянных украшений, полуфабрикатов и отходов производства дает возможность получить представление об ассортименте стеклянных изделий, изготовлявшихся мастерской, и проследить некоторые особенности изготовления отдельных их видов.

Бусы. В специальной статье Н. Н. Бусятской были рассмотрены бусы из публикуемого нами раскопа [8, с. 217—227], поэтому, не останавливаясь на них подробно, опишем лишь те, которые не нашли отражение в ее работе, а также отметим те технологические приемы в изготовлении бус, которые можно восстановить при более внимательном знакомстве с браком стекольной мастерской. Всего нами было найдено 768 целых бус, их обломков и брака.

Подраздел А и Г [8, с. 217—221]. К этому подразделу относятся бусы, полученные накручиванием одноцветного размягченного стеклянного стержня на твердую основу с последующим заглаживанием поверхности бусины, и аналогичные бусы с незаглаженной поверхностью размером от 8—9 до 12—14 мм (рис. 3, *4—8*).

Подобных бус в раскопе найдено 309 (вместе с бракованными), что составляет около 40,1% от общего числа бус. Из них бирюзовых — 207 экз., черных — 31 экз., желтых — 30 экз., синих — 19 экз., зеленых — 15 экз., белых — 5 экз., фиолетовых— 2 экз.

Тип 4 бипирамидальные [8, с. 217—221]. Аналогии им известны на поселениях Кок—Орды. Например, очень многочисленны они на поселении XIII—XIV в. Уйгарак [3] (рис. 3, *32*).

Подраздел В. Бусы шаровидной и бочковидной формы с рельефным орнаментом, полученным накладкой цветных стеклянных нитей и капель [8, с. 212]. Таких бус в раскопе найдено 47 экз., или около 6% от общего числа бус. Из них с черным основанием 22 экз., с бирюзовым — 25 экз. Размеры бус от 8—12 до 16—20 мм. Помимо названных Н. Н. Бусятской памятников, на которых найдены подобные бусы, укажем, что аналогии им часто встречаются на поселениях Хорезма и Кок—Орды XIII—XIV вв. [4]

[2] Яма 4 расположена в 230 см к северу от развалов производственных сооружений. На рис. 2 не показана.

[3] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора.

[4] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора.

Рис. 3. Ассортимент стеклянных изделий мастерской и отходы производства

Подраздел Д. Глазчатые бусы (рис. 3, *10*, *12*, *15*, *19*). Общее число найденных глазчатых шаровидных и зонных бус составляет 239 экз., или около 33,9%. Из них черных бус с красными глазками — 150, бирюзовых с красными глазками — 52 экз., желтых с красными глазками — 35 и 2 бусины темно-бирюзовые с желтыми глазками. Подобные бусы помимо перечисленных Н. Н. Бусятской памятников встречаются на поселения Хорезма XII—XIV вв. [5]

Н. Н. Бусятской было опущено описание бус, которые, пользуясь ее классификацией, следует отнести к подразделу Д [8, с. 221]. Это большие шаровидные (зонные) глазчатые бусы диаметром 25×30 мм, диаметр отверстия 6—7 мм. Всего подобных бус с обломками и браком найдено 21 экз., или около 3% от общего числа бус. Они представляют собой вариант типа 2 и могут быть названы тип 2А (рис. 3, *1*, *2*). Отдельные виды этих бус имеют цветной валик по краю отверстия (рис. 3, *3*). Аналогии бусам типа 2А известны из памятников домонгольского и золотоордынского Хорезма.

Подраздел Е. Мозаичные бусы, полученные вкраплением стеклянной крошки в размягченное стекло бусины (рис. 3, *18*). Форма шаровидная, зонная и переходная. Размеры бус 7—9, 10—12 мм. Диаметр отверстия от 3 до 5 мм. Всего таких бус вместе с бракованными в раскопе найдено 40 экз., или около 5,2% от общего количества бус [6]. Аналогичные бусы широко представлены в памятниках золотоордынского Хорезма: Шахарлик, Салаг-бент, поселения XIII—XIV вв. близ Адака и Куня Уаза [7], Северный Прикаспий: Сарайчик, Ак-Тобе [8].

Подраздел Ж. Одноцветные бусы размером около 20—25 мм с накладкой цветной волнистой или спиральной пастовой нитью (рис. 3, *9*, *11*, *13*, *14*). Всего таких бус найдено 45 экз., или около 6% от общего количества бус. По основному цвету бусы эти делятся следующим образом: желтые — 22 экз., черные — 17 экз., бирюзовые — 6 экз. Зонные пастовые бусы таких размеров, но многоцветные известны в XII—XIV вв. в Хорезме и Кок—Орде [9].

Высокий процент пастовых глазчатых, мозаичных бус и бус с накладными нитями говорит о том, что они пользовались большим спросом у населения. Такие бусы у многих народов Востока служили амулетами и оберегали от «сглаза». Очень часто они нашивались на одежду ребенка для того, чтобы уберечь его от «дурного глаза» и болезней. Особенно это относится к глазчатым бусам. Большие глазчатые бусы навешивали в тех же целях на животных, но наибольшим спросом, очевидно, пользовались монохромные бусы, и более всего бирюзовые. Известно, что бирюза и цвет бирюзы были одним из излюбленных цветов на Востоке, ибо считалось, что бирюза помогает от «сглаза» [10, с. 158; 11, с. 232; 12, с. 83].

Медальоны. Н. Н. Бусятская, описывая «медальоны», или, как она их называет, «овально-вытянутые плоские бусы» с одним мозаичным глазком или с одноцветным углубленным глазком в тело бусины, говорит, что аналогии им не известны [8, с. 221]. В действительности очень близкие аналогии часто встречаются в древностях домонгольского времени левобережного Хорезма [10] (рис. 3, *16*).

---

[5] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора.

[6] Н. Н. Бусятской учтено 13 экз. [8, с. 221, 222].

[7] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора. Н. Н. Бусятская называет еще ряд памятников — в Поволжье, на Северном Кавказе, в Древней Руси (XI—XIV вв.), где встречаются подобные бусы [8, с. 221, 222].

[8] Раскопки и сборы автора. Материал хранится в Гурьевском областном краеведческом музее. В Средней Азии такие бусы широко бытовали в качестве оберегов. Их носили еще сравнительно недавно дети, женщины с указанной целью. С помощью таких же бус стремились уберечь ценных лошадей от «сглаза» [9, с. 80].

[9] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора.

[10] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора. Они найдены на развалинах поселений XII в. в районе Змухшир-кала. Такие медальоны могли занимать центральное место в ожерелье из бус и несомненно служили амулетами-оберегами [13, с. 370].

Помимо овально-вытянутых медальонов на раскопе найдены медальоны в форме трехлепестковой розетки с мозаичным глазком или глазком в виде одноцветной стеклянной вставки с поперечным отверстием для подвески (рис. 3, *17*). Аналогии им автору не известны.

Перстни. В раскопе найдено всего 8 фрагментов пастовых перстней. Они принадлежат к типу печатных [14, с. 80]. Перстни имеют следующие размеры: ширина щитка 8—9 мм, его толщина 2—3 мм, ширина кольца 4—7 мм, его толщина 2,5—5 мм. Найдены перстни бирюзового (рис. 3, *22*), синего, желтого и печеночно-красного цвета. Аналогии таким печатным стеклянным перстням известны в домонгольских памятниках Средней Азии: городище Гяур-кала близ Байрам Али, очень много их встречается в золотоордынских поселениях Хорезма (Даудан Куль, близ Куня Уаза, близ Адака) и поселениях Синей Орды (Уйгарак, Кум-Кала) [11], найдены они и на золотоордынских поселениях в низовьях р. Урал (Сарайчик, Ак-тобе) [12].

В раскопе найден фрагмент полихромного пастового печатного перстня, представляющего собой часть дуги кольца и основание щитка. Кольцо свито из красной, белой, синей, желтой пастовых стеклянных нитей, сплюснутых у основания сохранившейся части щитка. Диаметр сечения дуги у основания щитка 4 мм, у противоположной стороны — 2 мм, ширина основания щитка 6 мм, внутренний диаметр кольца 19 мм (рис. 3, *20*). Данному перстню аналогии автору не известны.

Вставка для перстней. Среди материала раскопок мастерской найдено 7 вставок для коронковых перстней из бирюзового пастового стекла, имитирующих по цвету и по форме бирюзовые вставки, встречающиеся на этом же городище. Стеклянные вставки имеют полусферическую эллипсовидную форму [13]. Диаметр стеклянных вставок от 15 до 18 мм, толщина 4—5 мм. Кроме того, найдена синяя стеклянная вставка аналогичного размера и формы.

Браслеты. Для описания браслетов, найденных в мастерской, воспользуемся классификацией Р. М. Долаберидзе, поскольку большинство типов найденных браслетов имеет прямую аналогию кавказским браслетам [17, с. 15, табл. I, II]. По внешней форме и приемам изготовления браслетов Р. М. Долаберидзе выделяет группы: круглые, плоско-выпуклые, с фигурным стержнем и крученые, а способу художественного оформления соответствуют отдельные типы и виды. Как уже упоминалось выше, всего найдено в раскопе 30 фрагментов пастовых стеклянных браслетов. Из них к I группе (круглые браслеты) типу I (гладкие) относятся браслеты зелено-красного стекла — 1 экз., бирюзового — 1 экз. Подобные браслеты бытовали на Кавказе с IX по XIV в. [17, с. 115]. К группе II (плоско-выпуклые) виду 1 (одноцветные, гладкие) принадлежат: желтые — 6 экз. (рис. 3, *21*), бирюзовые — 5 экз. (рис. 3, *26*). черные — 3 экз. Аналогии им известны на Кавказе с IX по XIV в. [17, с. 115].

Близкие им по форме браслеты были распространены в Северном Причерноморье и на Руси в X—XIV вв. [18, с. 39—42]. Ко II группе 2 виду (плоско-выпуклые, инкрустированные пятнами из непрозрачного стекла) относятся 3 экз. черных браслетов (рис. 3, *23*). Такие браслеты были распространены на Кавказе с IX по XIV в. [17, табл. I] [14].

II группа вид 4 (плоско-выпуклые с полосками из непрозрачного

---

[11] Неопубликованные фонды Хорезмской экспедиции. Сборы автора.

[12] Сборы и раскопки автора. Хранятся в Гурьевском областном краеведческом музее; Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что в позднекочевнических памятниках их известно только 2 экз. [15, с. 41]. Н. Арзютов считает, что они были обычны для XIII—XIV вв. в Нижнем Поволжье и изготавливались там же.

[13] О форме бирюзовых украшений Бируни пишет, что «жители Ирака предпочитают плоские (камни), хоросанцы и жители Индии любят полусферические, округлые...» [10, с. 158]. Это свидетельство Бируни может служить косвенным указанием, что в Сарае Бату ювелиры, обрабатывавшие бирюзу, использовали традиции ювелиров Индии и Ирана.

[14] Аналогичные браслеты были найдены при раскопках Саркела — Белой Вежи [19, с. 307—332].

стекла) представлена фрагментами браслетов: желтый с бирюзовыми продольными полосами — 1 экз. (рис. 3, *34*), черный с желтой продольной полоской — 1 экз. Р. М. Долаберидзе отмечает, что они употреблялись на Кавказе в XII—XIII вв. [17, табл. I].

Вариант черный с желтой полосой и зелено-красной спиральной нитью (1 экз.) аналогий не имеет. Кавказским браслетам, входящим во II группу, тип II (плоско-выпуклые с бороздками на верхней стороне) и бытовавшим в XI—XIV вв. [17, табл. I], соответствуют фрагменты пастовых браслетов следующих вариантов: черный с желтыми продольными нитями — 3 экз. (рис. 3, *27*, *28*), бирюзовый с рифлением — 1 экз.

Группа IV (крученые браслеты) тип I (кручение крупными витками) представлена 1 экз. фрагмента черно-белого браслета (рис. 3, *29*); тип II (крученый, перевит цветной непрозрачной стеклянной нитью) — 1 экз. фрагмента синего крученого перевитого красной стеклянной спиральной нитью. Кроме Кавказа эта группа широко известна в памятниках Восточной Европы [18].

Большой процент прямых аналогий кавказским типам свидетельствует о сильной кавказской традиции в изготовлении этого вида украшений в описываемой мастерской [19, с. 312].

Неопределенные изделия. В раскопе была обнаружена поделка из пластового зеленовато-желтого стекла, круглая в плане, диаметр 18 мм, толщина около 5 мм. В центре отверстие диаметром 5 мм (рис. 3, *25*). Вероятно, представляла собой полуфабрикат пуговицы.

Отходы производства. Заготовки для «глазков». Среди названной категории находок обнаружены круглые в сечении стеклянные фрагменты различного размера в диаметре (рис. 3, *30*, *31*). Изготовление «глазков», судя по этим отходам, сводилось к следующему приему. Для основы «глазка» брали зеленую, бирюзовую или желтую остывшую пастовую нить. Ее заключали в оболочку из красного пастового стекла, затем по размягченной нагревом внешней поверхности этой оболочки накладывали через ровные интервалы белые стеклянные пастовые нити. Подобная заготовка имела форму цилиндрического стержня. Найдены стержни, основания которых достигают 25 мм. Для получения «глазка» стержень при нагревании вытягивали до нужного диаметра [15]. В размягченном состоянии стержень определенного диаметра вдавливали в мягкое тело бусины и отделяли (отщипывали) его. Обнаружено несколько бракованных бус, на которых отчетливо видно, что «глазок» отщипывался от стержня (рис. 3, *31*). Получился «глазок» с красными, зелеными и желтыми или бирюзовыми зрачками, красным яблоком и белыми ресничками [16].

Всего найдено 123 фрагмента стержней — заготовок для «глазков» с различным размером основания — от 25 до 10 мм.

Среди стеклянных палочек-заготовок обнаружены фрагменты стержней, свитых из белой, желтой и черной пастовых нитей. Диаметр таких стержней не превышает 3—5 мм (рис. 3, *24*). Они служили накладками для украшения бус (см., например, рис. 3, *13*).

В раскопе, кроме того, найдено около 2620 кусков пастового стекла различных размеров: красного, бирюзового, черного, желтого, белого, синего цвета, служивших полуфабрикатами для изготовления стеклянных украшений.

Находки черепков красноглиняной керамики с застывшими потеками расплавленного стекла на их внутренней поверхности (рис. 3, *36*) позволяют предположить, что стекло варилось в керамических сосудах [17].

---

[15] Наблюдаемый прием соответствует предположению, высказанному Е. М. Алексеевой о способе изготовления античных бус.

[16] Н. Н. Бусятская несколько иначе представляет себе эту операцию, утверждая, что для изготовления «глазков» стеклянные палочки разрезали на отдельные куски, которые затем вдавливали в размягченное тело бусины [20, с. 221]. Если бы это было так, то мы не имели бы бракованных бус с вытянутыми, отщипнутыми «глазками».

[17] Использование подобным образом керамических сосудов наблюдалось в стеклодельной мастерской, раскопанной в Киеве [21, с. 19]. Керамические сосуды для этой цели применяли стеклоделы Средней Азии [22, с. 121, рис. 151].

Н. Н. Бусятская отмечает, что основная масса бус получена накручиванием на твердую основу размягченной стеклянной пасты [8, с. 223]. Можно добавить, что по отдельным бракованным бусам удается проследить некоторые технологические приемы в их изготовлении [8, с. 223; 2, с. 58].

Так, например, одноцветные зонные бусы сделаны из пастовых нитей, которые навивались на металлическую проволоку или стержень (рис. 3, *32*, *35*). Металл при остывании сжимался, и стеклянные изделия легко снимались. Диаметр проволоки соответствовал диаметру отверстия бусы. Аналогичный прием применялся широко многими древними стеклоделами. Для того чтобы буса снималась без затруднений, проволоку перед навиванием стекла покрывали золой [23, 24, 27]. Ю. Л. Щапова на основании химико-технологического изучения изделий из стекла данной мастерской приходит к выводу, что мастера, изготовлявшие перечисленные выше украшения, слабо владели техникой их выработки, хотя были знакомы со всеми основными приемами получения разноцветных стекол. Она считает, что мастера эти были специалистами в другой области стеклоделия [7]. Взяться за производство бус, медальонов, браслетов заставил их, вероятно, большой спрос на эти украшения-амулеты и относительная простота изготовления указанных изделий. Образцами для подражания могли служить привозные бусы и подвески из Средней Азии, браслеты из кавказских ремесленных центров, которые в свою очередь могли подражать аналогичным браслетам из ближневосточных мастерских, имевших непрерывную многовековую традицию в их изготовлении [14, с. 26; 25, с. 13—14].

Как говорилось выше, монетные данные указывают на то, что мастерская существовала не ранее правления хана Джанибека (1339—1357 гг.). Наличие в материалах мастерской браслетов кавказских образцов, видимо, находится в определенной зависимости от похода Джанибека на Тбилиси (1356 г.), после которого указанные браслеты могли появиться в ее ассортименте [18].

Сопоставляя результаты химико-технологического анализа с определенным набором украшений, производившихся в исследуемой мастерской, следует отметить, что мастера-стеклоделы руководствовались конъюнктурными особенностями рынка, который был способен поглотить и продукцию невысокого качества, чтобы удовлетворить запросы населения столицы Золотой Орды — Сарая Бату (Селитренное городище). Запросы эти в свою очередь были обусловлены этнокультурными традициями, проникшими в золотоордынские центры Нижнего Поволжья из Средней Азии и Кавказа.

Тезис о синкретичности золотоордынской культуры, неоднократно высказывавшийся многими исследователями, наглядно иллюстрируется и на примере данной мастерской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Besborodov M. A., Zadneprovsky J. A.* The early stages of glassmaking in the USSR.— In.: History Papers and Discussions of the Technical Papers of the VI International Congress of Glass. Advances in Glass Thechnology. Part 2. N. Y., 1963.
2. *Абдуразаков А. Д., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и Средневековье. Ташкент: Изд-во АН СССР, 1963.
3. *Иванова Ю. А.* Из истории древнейшей технологии стекла: — В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
4. *Tabaczyn'ska E.* Remarks on the origin of venetian glassmaking centre. Studies in glass history and design.— In: Papers read to Committee B sessions of the VIIIth International Congress on Glass, held in London 1st — 6th July 1968. L., 1968.
5. *Высотская Т. И.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972.
6. *Янина С. А.* Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1966 гг.— В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.

[18] В Тбилиси чеканились монеты Джанибека между 1356—1360 гг. [26, с. 191—317].

7. *Щапова Ю. Л.* Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное.— СА, 1984, № 2. № 3.
8. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные бусы Селитренного городища.— СА, 1973, № 1.
9. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
10. *Ал-Бируни.* Минералогия. М.: Наука, 1963.
11. *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев. 1890.
12. *Лисициан С. С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Т. II. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972.
13. *Лемлейн Г. Г.* Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни.— В кн.: Ал-Бируни. Минералогия. М.: Наука, 1963.
14. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
15. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
16. *Арзютов Н.* Погребение поздних кочевников калмыцкой области. Изв. Саратовск. Нижневолжск. ин-та краеведения. Т. VI. Саратов, 1933.
17. *Долаберидзе Р. М.* Стеклянные браслеты Грузии.— Вестн. Гос. музея Грузии. Вып. XXVIII-В. Тбилиси, 1969.
18. *Кропоткин С. В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
19. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
20. *Алексеева Е. М.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.— II в. н. э.— СА, 1971, № 4.
21. *Богусевич В. А.* Мастерская XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА АН УССР, 1954, № 3.
22. *Боброва А. С.* Бусы из Афрасиаба. Следы производства глазчатых стеклянных бус в Средней Азии.— КСИИМК, 1949, вып. XXX.
23. *Van der Sleen W. G. N.* Ancient Glass Beads with Special Reference to the Beads of East and Central Africa and the Indian Ocean.— J. of the Royal Antropological Institute of Great Britain and Ireland. 1954, № 3.
24. *Van der Sleen W. G. N.* Trade — wind — beands.— J. Man, 1956, N LVI. February.
25. *Doe D. B.* Notes of Pottery found in the vicinty of Aden.— Antiquities of report. Aden, 1960/61.
26. *Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

L. L. Galkin

A GLASS-MAKING WORKSHOP IN THE SELITRENNOE FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

In 1967 remains of a glass-making workshop dating to the mid-14th century were discovered on the territory of Selitrenoye fortified settlement. The workshop in Sarai Batu produced beads, medallions, signet-rings and separate parts for them, bracelets. Besides, many fragments of semi-finished products and waste material were found. The beads bear distinct traces of Central Asian influence while the bracelets resemble Caucasian products. The combination of these two traditions points once more to the syncretic character of the Golden Horde culture.

ЩАПОВА Ю. Л.

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТЕКОЛ ИЗ МАСТЕРСКОЙ НА ГОРОДИЩЕ СЕЛИТРЕННОЕ

В археологической лаборатории МГУ было проведено 10 анализов «отходов производства», взятых с места расположения остатков стеклоделательной мастерской на городище Селитренное [1], среди которых куски стеклянной массы, стекло со стенок стекловаренного горшка, капли стекла, нити, бесформенные обломки (ан. 464: 1—10).

Стекло, производившееся в мастерской, относится к трем химическим типам, известным в древности: $Na_2O{\cdot}CaO{\cdot}PbO{\cdot}SiO_2$ (ан. 464 : 6,10); $Na_2O{\cdot}K_2O{\cdot}CaO{\cdot}MgO{\cdot}PbO{\cdot}SiO_2$ (ан. 464:1—5,7); $Na_2O{\cdot}K_2O{\cdot}CaO{\cdot}MgOSiO_2$ (ан. 464 : 8,9), которые объединяются в два класса — натриево-свинцово-кремнеземных и натриево-кальциево-кремнеземных стекол (рисунок).

Особенностью всех проанализированных стекол является невысокое содержание щелочных земель. В качестве щелочного сырья использовалась сода (ан. 464:6,10), в остальных случаях — зола, содержавшая в себе щелочные земли и окись алюминия [2, с. 142, табл. 42].

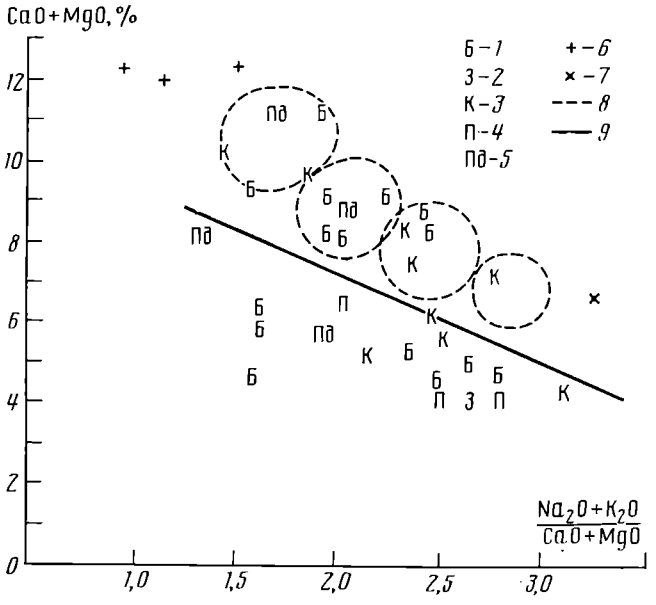
В мастерской изготавливалось окрашенное стекло: красное, желтое, зеленое и бирюзовое, в разных оттенках цвета и интенсивности. В качестве красителей использовалась окись меди, с ее помощью в разных режимах получалось стекло красного, зеленого, бирюзового и коричневого цветов; желтый цвет получался из основного стекла, в состав которого входило много окиси свинца.

В некоторых стеклах (красных, желтых, бирюзовых) содержатся заметные количества окиси марганца (ан. 464 : 9,5,1,8), которая призвана играть здесь роль обесцвечивателя; действительно, ее присутствие влияет на качество окрашенного стекла: цвет становится более чистым.

Все стекло, изученное нами, непрозрачно: в ряде случаев за счет введения окиси олова (ан. 464 : 3,5,10), в остальных — за счет плохого провара. Прозрачных стекол в мастерской не производили.

Можно заключить, что мастерам известны многие тонкости получения окрашенных просвечивающих и непрозрачных стекол, однако реально получаемое стекло невысокого качества: нерастворившиеся зерна песка и извести, множество пузырей, неравномерная окраска стеклянной массы, отсутствие осветления ее. Вместе с тем мастерам известны многие способы изготовления декоративных деталей, глазков, нитей; в качестве декора используются капли стекла, стеклянная крошка [3, с. 217—224]. Изготовление изделий (бус, пуговиц, привесок) осуществляется с помощью простых приемов, таких как вытягивание, сгибание, навивка (или накручивание); техника исполнения декора несложна, в основном наклад и сварка. На всех готовых изделиях видны следы технологических приемов. Это является следствием того, что стекло быстро твердело и, очевидно, не подвергалось вторичному разогреву. Техника владения стеклянной массой невысокая.

Бусы из трубочки, известные в находках на городище [3, с. 222], изготовлены по более сложной схеме. Следов применения этой технологии мастерами на Селитренном городище нет. Шесть бракованных экземпляров рубленого бисера нельзя принимать во внимание. Бракованные экземпляры — не редкость, например, среди староладожских бус. Торговля бусами велась оптом, бусы развозились россыпью в горшках [4].



Корреляционная таблица. Химический состав изделий, происходящих с городища Селитренное: *1* — бусы, *2* — заготовка декора, *3* — отходы производства, *4* — пуговицы, *5* — подвески, *6* — бусы ближневосточного (сирийского) происхождения, *7* — бусы ближневосточного (египетского) происхождения, *8* — область натриево-кальциевых стекол (содовых и золистых) из тройной шихты, *9* — граница между стеклами двух классов (натриево-кальциево-кремнеземных и натриево-свинцово-кремнеземных)

Химико-технологическая характеристика рассматриваемого комплекса противоречива. Высокий класс знаний о стекловарении сочетается с низкой степенью владения технологией изготовления изделий из этой массы. Мастера, зная о том, как это может быть сделано, не имеют соответствующих навыков. Интерпретировать открывшееся противоречие можно однозначно: изготовление украшений из стекла не является специальностью мастера.

Наши представления о мастерской и ее особенностях можно расширить, приложив к результатам анализа некоторые приемы обработки: подсчет суммы щелочей и щелочных земель, их соотношений, построение корреляционных таблиц [5, с. 15—72; 6]. Мы обработали таким образом результаты количественных анализов, опубликованных Д. В. Наумовым [7, с. 224—227]. Он произвел 35 анализов. Составы стекол, вернее результаты анализов, обработанные по предложенным правилам, представлены в виде корреляционной таблицы (рис. 1).

Стекла натриево-кальциево-кремнеземные располагаются в той же области, где обычно располагаются стекла этого класса и римского времени, и раннесредневековые, и византийские, и сирийские, и содовые, и золистые.

Стекла натриево-свинцово-кремнеземные располагаются в той области корреляционной таблицы, которая обычно остается свободной. Аналоги для этих стекол среди собственно стекол редки, можно указать лишь на один образец среди стекол, найденных в Волине в слоях IX в. (средневековый город на побережье Балтийского моря, в Польше) [8, с. 110, табл. 5, № 1187; 9, ан. 739].

Вместе с тем стекла такого состава хорошо известны в глазурях на керамике, изготавливавшейся в Восточных районах Средней Азии (Аблык, Мерв, Термез, Ургенч, Хорезм, Хульбук) в X—XIV вв.[1]

Кроме того, среди стекол, исследованных Д. В. Наумовым, есть четыре стекла, состав которых далеко отстоит от стекол мастерской (ан. 464: 11, 5, 2, 29). Аналоги для одних стекол (ан. 464 : 11, 15, 21)

[1] Пользуясь случаем принести глубокую благодарность Э. В. Сайко за ценные консультации.

есть среди средневековых стекол ближневосточного (сирийского) происхождения, для других (ан. 464: 29) — среди стекол египетских.

Из всего сказанного можно заключить, что изготовление бус в мастерской, открытой на городище Селитренное, велось мастерами, слабо владевшими техникой изготовления украшений. Рецептура стекловарения достаточно сложная и тонкая. Однако реализуется она так, что получается стекло с явными и видимыми пороками. Это в свою очередь означает, что сырье, использовавшееся в стекловарении, было плохо освоено, а печи, в которых стекло варилось, не обеспечивали необходимого температурного режима.

Возможно, что мастера, работавшие здесь, были специалистами в другой области стеклоделия (например, глазурей для керамики) а не стеклоделами, работавшими со стеклом как поделочным материалом.

Мастера могли попасть в Сарай-Бату из Восточной Средней Азии.

Возможно, что привозные ближневосточные бусы служили образцами, которым мастера на Селитренном городище следовали в своей практике.

Что касается продолжительности существования мастерской, то она должна совпадать с предельными нормативными сроками эксплуатации стекловаренных печей —5—6 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин Л. Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное.— СА, 1984, № 2.
2. *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А.* Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент: Фан, 1966.
3. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные бусы Селитренного городища.— СА, 1973, № 1.
4. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— Асб. ГЭ, 1970, вып. 12.
5. *Szczapowa J. L.* Zasady interpretacji składu szkła zabytkowego.— AP, 1975, XVIII.
6. *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.
7. *Наумов Д. В.* Химический состав стекла Селитренного городища.— СА, 1973, № 1.
8. *Olczak J., Jasiewiczowa E.* Szklarstwo wczesnośredniowiecznego Wolina. Szczecin, 1963.
9. *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. Приложение.

Заметки

КСЕНЗОВ В. П.

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГА БЕЛОРУССИИ

Белорусское Полесье богато мезолитическими поселениями. Их известно в настоящее время около 80 [1, с. 13; 2, с. 13—32, 39—69]. Преобладающее большинство памятников расположено на Припяти и ее притоках, на Днепре они единичны. В последние годы в пределах Гомельского Полесья обнаружено еще два поселения эпохи мезолита (рис. 1). Первое было открыто в 1977 г. в 0,7 км севернее дер. Старая Лутава Лоевского р-на Гомельской обл. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега Днепра на дюнном всхолмлении. Поверхность дюны сильно развеяна. На площади около 200 м² была собрана коллекция расщепленных кремней и орудий, которые концентрировались в виде двух небольших скоплений. Рядом, на сохранившемся от разрушений участке, в 1978 г. был заложен раскоп площадью 78 м² [3, с. 438—439]. Его стратиграфия: *1* — слой мелкозернистого песка светло-желтого цвета (0—0,25 м); *2* — почвенный слой темно-бурого цвета (0,25—0,45 м); *3* — мелкозернистый неслоистый песок темно-желтого цвета; включает мелкие древесные угольки (0,45—0,65 м); *4* — мелкозернистый неслоистый песок светло-желтого цвета (прокопан до глубины 0,8 м). Находки кремня залегали в слое *3* на глубине 0,45—0,60 м. Они были сосредоточены в западной части раскопа, заметных скоплений не наблюдалось.

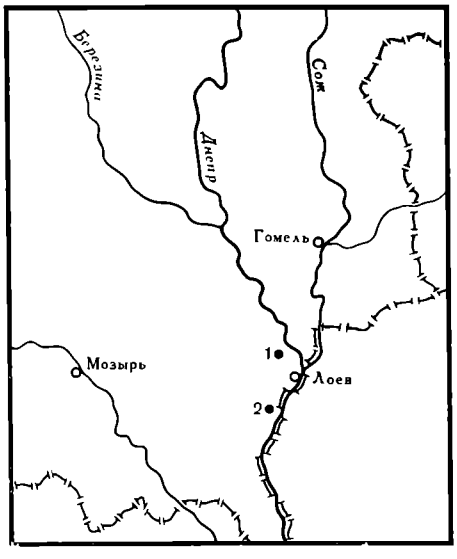


Рис. 1. Новые мезолитические памятники на юге Белоруссии: *1* — Рекорд, *2* — Старая Лутава

Всего на поселении найден 671 предмет. В качестве сырья использовался меловой серый мелкокрапчатый кремень, желваки которого часто встречаются в местах размыва днепровской морены. Единичные кремни несут на себе неглубокую патину молочного цвета, остальные ортштейнированы.

Нуклеус (1 экз.— рис. 2, *26*) имеет аморфные очертания. Он трехплощадочный, заготовки снимались с разных сторон, зачастую без подготовки ударной площадки. Размеры нуклеуса в диаметре достигают 6 см. Кроме него на поселении найдены две сбитые с нуклеуса ударные площадки и два скола. **Отщепы** (527 экз.). Основную массу составляют экземпляры, имеющие в диаметре 1 см и менее. Около 40% отщепов сохранили на спинке на незначительных участках меловую корку. **Пластины** (84 экз.) небольших размеров — 2—3 см в длину, имеют параллельные края.

На поселении собрано 59 орудий. **Наконечник стрелы** (1 экз.), обломан: сохранилась черешковая часть, обработанная по одному краю тщательной крутой и по второму полукрутой ретушью (рис. 2, *3*). Заготовкой ему служила пластина.

Скребки (2 экз.). Один изготовлен из первичного отщепа (рис. 2, *1*), имеет дугообразный рабочий край высокой формы, обработанный скребковой ретушью. Орудие побывало в огне. Второй изготовлен из сбитой с нуклеуса ударной площадки. Его рабочий край обработан мелкофасеточной полукрутой ретушью (рис. 2, *2*).

Резцы (3 экз.) (рис. 2, *23*, *24*). Резцовые сколы узкие и короткие, нанесены на углу сломанной пластины.

Равнобедренные трапеции (2 экз.— рис. 2, *15*, *16*) изготовлены из отщепа и пластины. Края их обработаны крутой мелкой и полукруглой ретушью.

Острия (4 экз.). Три острия относятся к янисла́вицкому типу (рис. 2, *4*, *6*). Они изготовлены из пластин, у которых посредством микрорезцового скола сняты верхушка (1 экз.) или базальная часть (2 экз.), подправленные затем крутой (1 экз.) и полукрутой (2 экз.) ретушью. Свидетельством применения техники микрорезцового скола является находка **микрорезца** (рис. 2, *18*). Еще одно острие оформлено на обломанной пластинке полукрутой ретушью со стороны спинки и брюшка (рис. 2, *5*). Размеры орудий (в см): длина 2—3,5, ширина 0,5—1.

Пластина с затупленным крутой ретушью краем (1 экз.), вероятно, обломана (рис. 2, *17*). Второй край вкладыша со стороны спинки обработан мелкой приостряющей ретушью.

Сечения пластин (9 экз.). Все они прямоугольной формы и относятся к типу коротких (рис. 2, *7—9*, *11—14*) [4, с. 24]. Четыре сечения не имеют подправки, два несут по одному краю микрорезцовые сколы, а три ретушированы, причем края одного сечения обработаны противолежащей ретушью.

Пластины и отщепы с ретушированными выемками (4 экз.). Выемки оформлены полукрутой ретушью как со стороны спинки, так и с брюшка. Размеры их невелики — от 0,4 до 1 см в диаметре (рис. 2, *21*, *25*).

Ретушированные пластины (30 экз.). Ретушь наносилась по одному, реже по двум краям отдельными участками. Была она крутой, полукрутой, приостряющей, противолежащей. Большинство этих орудий несомненно служили вкладышами (рис. 2, *10*, *20*, *27*). Среди них присутствуют орудия, названные нами пластинами-вкладышами типа Михайловка (рис. 2, *19*). Впервые автор обратил на них внимание при исследовании поселения Михайловка. Выделяются орудия прежде всего своей законченностью. Концы у них по краям обработаны полукрутой противолежащей ретушью, видимо, как в целях прочного закрепления в основе составных орудий, так и с целью срезать углы концов, мешавших при работе. В большинстве случаев у заготовок отделены верхушки и базальные части с ударными бугорками, иногда по краям имеются следы сработанности. Размеры орудий (в см): длина 2—3, ширина 0,4—0,8. Кроме Михайловки орудия этого типа обнаружены в белорусском правобережье Днепра в инвентаре мезолитических поселений Городок IV, Речица II.

Поселение Рекорд находится в Лоевском р-не, в 0,5 км восточнее одноименной деревни на берегу древнего водоема на второй надпойменной террасе правого берега Днепра[1]. Территория памятника в значительной мере разрушена ветровой эрозией. Находки, представленные расщепленным кремнем, распространялись на площади до 500 м². На небольших холмиках, сохранившихся от разрушений, были поставлены шурфы. Зафиксирована следующая стратиграфия: *1* — мелкозернистый песок светло-желтого цвета (0—0,2 м); *2* — почвенный горизонт бурого цвета (0,2—0,45 м); *3* — неслоистый мелкозернистый песок темно-желтого цвета, включающий мелкие древесные угольки и редкие расщеплен-

[1] Открыто в 1978 г. М. И. Лошенковым (ИИ АН БССР), обследовано автором в 1979 г.

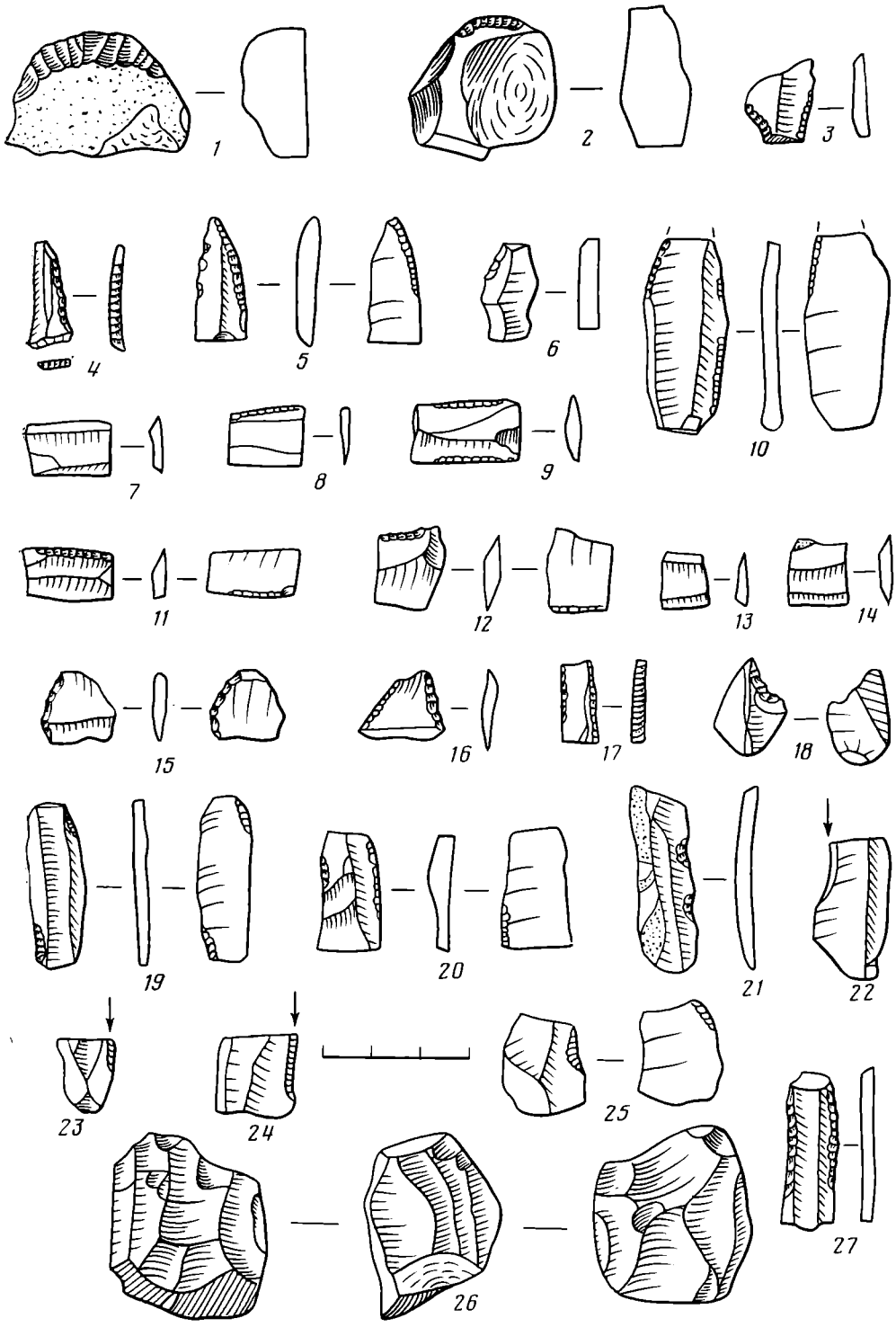


Рис. 2. Кремневый инвентарь поселения Старая Лутава

ные кремни (0,45—0,75 м); *4* — мелкозернистый песок светло-желтого, порой белесого цвета, прочерчен прослойками ортзандов (прокопан до глубины 1,2 м).

Всего на песчаной поверхности поселения собрано 436 расщепленных камней мезолитического облика и мелкие фрагменты глиняных сосудов, датирующиеся ранним железным веком [5, с. 422]. Материалом для изготовления орудий служил меловой мелкокрапчатый кремень серого цвета (сожский) и малинового цвета кварцит.

Нуклеусы (3 экз.). Все они многоплощадочные, сильно изношены, скалывание заготовок производилось в разных направлениях, что придало

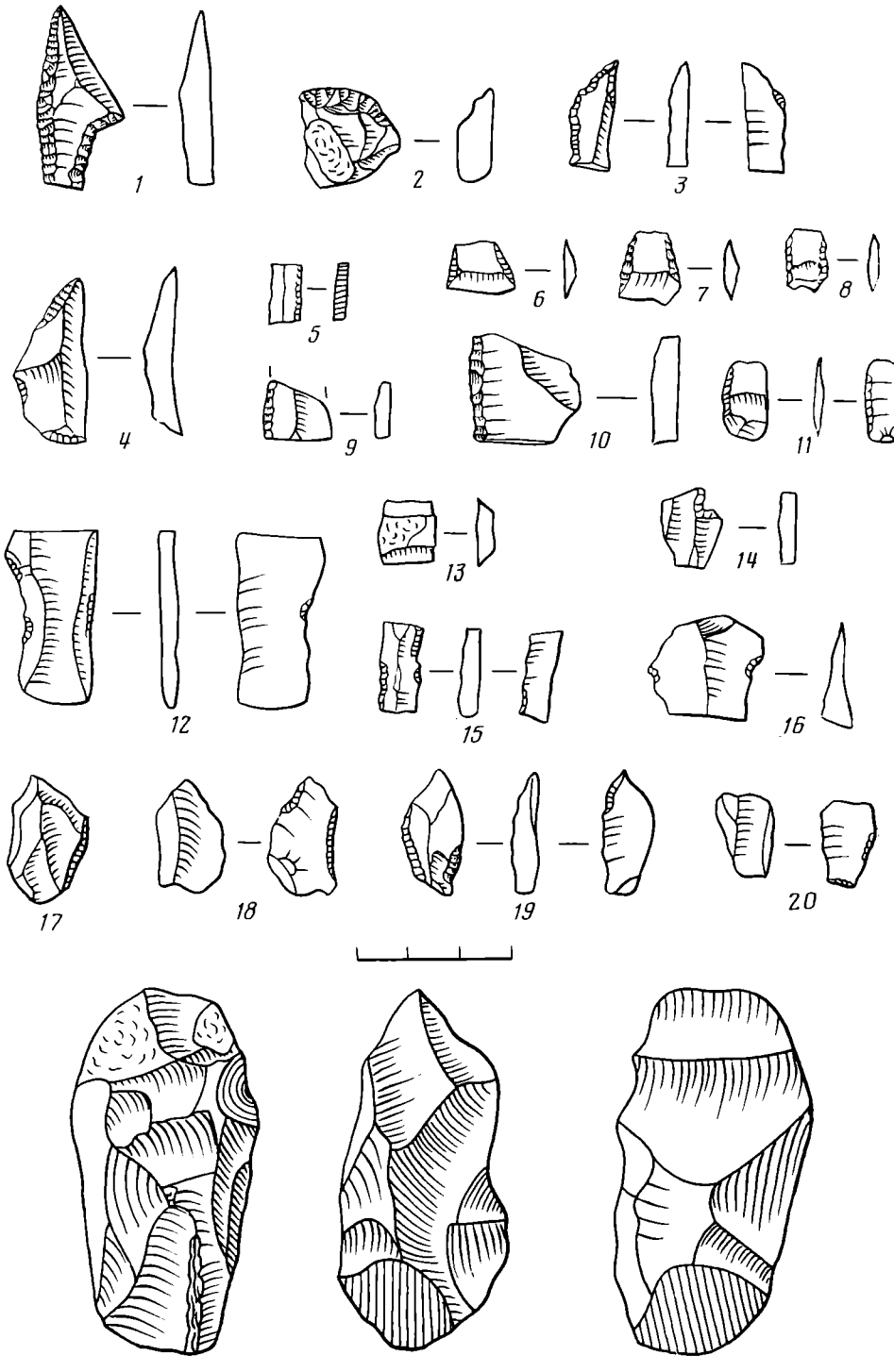


Рис. 3. Кремневый инвентарь поселения Рекорд

ним аморфные очертания (рис. 3, *21*). Размеры наиболее сохранившегося экземпляра достигали 7×3,5 см.

Отщепы (385 экз.). Основная масса их имеет в поперечнике до 1,5 см. Треть отщепов несут на спинках участки меловой корки, единичные побывали в огне.

Пластины (12 экз.). Все обломаны, края их неровны, на двух заготовках присутствуют участки меловой корки. Имеются в коллекции также куски кремня (7 экз.).

На поселении найдено 24 орудия. **Наконечники стрел** (2 экз.). Один гренского типа (рис. 3, *1*). Левый край его обработан крутой ретушью, на противоположном такой же ретушью выемкой выделен черешок. Раз-

меры орудия 3,3×1,5 см, заготовкой служил пластинчатый отщеп. Второй наконечник, изготовленный из пластины, имеет маловыразительный черешок, выделенный по краям крутой мелкой ретушью со спинки (рис. 3, *19*). Острие наконечника подправлено с брюшка по одному краю мелкой ретушью, размеры его достигают 2,5×1 см, на спинке сохранился участок меловой корки.

Скребок (1 экз.) изготовлен из отщепа, его рабочий край обработан полукрутой мелкофасеточной ретушью (рис. 3, *2*).

Проколка (1 экз.) изготовлена из пластины, жало выделено по краям заготовки крутой мелкой ретушью со спинки, причем левый край обработан полностью (рис. 3, *3*). С брюшка по одному краю делалась попытка снять ретушью выступающий участок.

Острие (1 экз.) оформлялось лишь ретушью, которой подправлено и основание орудия (рис. 3, *4*).

Орудия с затупленным краем (4 экз.). Они изготовлены из пластин (2 экз.) и отщепов (2 экз.), обломаны. Края орудий затуплены крутой ретушью, причем противоположные подправки не имеют (рис. 3, *5*, *9*, *10*).

Трапеции (3 экз.), заготовками которых служили пластины (рис. 3, *6—8*), равнобедренные поперечные, края обработаны полукрутой ретушью. Сечения пластин прямоугольной формы, имеют по краям еле заметные следы употребления (рис. 3, *13*).

В коллекции с поселения Рекорд находятся также **пластины** (4 экз.) и **отщепы** (1 экз.) с ретушированными выемками: диаметр выемок не превышает 0,3—0,5 см (рис. 3, *12*, *14—16*). Найдены **ретушированные отщепы** (рис. 3, *11*, *17*, *18*, *20*) и обломанные орудия.

Кремневый инвентарь открытых поселений имеет ряд общих черт: заметная микролитизация, наличие среди орудий острий, трапеций, скребков неправильной формы из отщепов, пластин с затупленным краем, пластин и отщепов с ретушированными выемками. Состав перечисленных орудий позволяет датировать памятники поздним мезолитом.

Преобладание в инвентаре поселения Старая Лутава острий янославицкого типа, микрорезцов, скребков из отщепов с овальным рабочим краем позволяет отнести его к кругу памятников типа Красновка 1 «Б», которые находятся в восточной части Белорусского Полесья и генетически связаны с янославицкой культурой. Ближайшие аналогии эти памятники находят в материалах рудоостровской [6, с. 117] или днепроприпятской (тип ДВС [7, с. 170—175]) культур. Поселение Рекорд входит в группу памятников типа Речица 2. Для инвентаря памятников этого типа в позднем мезолите характерны гренские наконечники стрел, пластины и отщепы с затупленным краем, трапеции, скребки из пластин и отщепов.

ЛИТЕРАТУРА

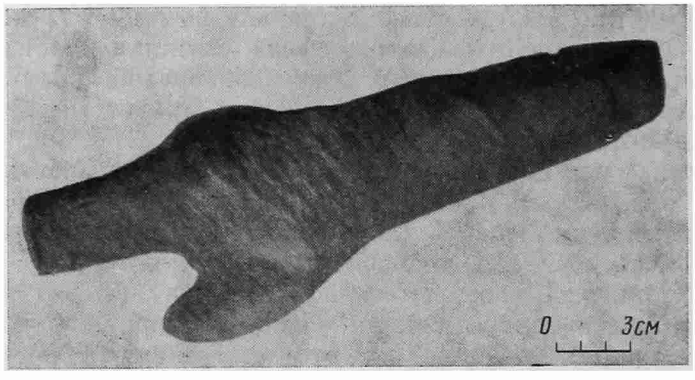
1. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976.
2. *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии. Вып. 1. Минск: Полымя, 1968.
3. *Ксензов В. П., Шпакович Л. В.* Раскопки поселений эпохи камня в Гомельской области.— АО — 1978. М., 1979.
4. *Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР.— КСИА, 1977, вып. 149.
5. *Лошенков М. И.* Болотное городище у д. Ястребка.— АО — 1978. М., 1979.
6. *Зализняк Л. Л.* Мезолитические культуры Украинского Полесья и их место в Европейском мезолите.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
7. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ: Наук. думка, 1982.

ГРИШИН Ю. С.

КАМЕННОЕ НАВЕРШИЕ ЖЕЗЛА ИЗ г. КАНСКА

(Красноярский край)

В Канском краеведческом музее хранится скульптурное изображение головы зверя с особо выделенной раскрытой оскаленной пастью (рисунок) на одном конце массивного каменного овально-подтреугольного в сечении стержня [1]. Длина стержня 22,5 см, наибольшая ширина около 6 см. Противоположная его половина имеет как бы плоско «срезанную» и пришлифованную выемку; она явно предназначалась для закрепления в этом месте рукояти, которая должна была располагаться перпендикулярно (с некоторым наклоном) по отношению к стержню. Вряд ли можно сомневаться, что здесь мы имеем дело с каменным навершием жезла,



украшенного головой зверя с широкой тупой мордой и лбом, с большими выпуклыми глазами, а также мощными раскрытыми челюстями. Раскрытая пасть особенно выразительно передана резким выгибом свисающей нижней челюсти. В целом сравнительно скупыми средствами, в отсутствие многих деталей (ноздрей, ушей, зубов), хорошо передана голова хищника. Это скорее всего медведь. Рассматриваемое изделие, судя по всему, было изготовлено из продолговатой массивной гальки, причем передняя часть изображения полностью сохраняет галечную поверхность. Остальная его поверхность имеет следы тщательной точечной выбивки, а в ряде мест и следы шлифовки, особенно заметные в носовой части, в полости рта и на другом конце жезла, в частности на его резко «срезанном» узком торцовом окончании.

Условия находки остались невыясненными, хотя известно, что она была обнаружена в районе нефтепровода г. Канска. Отсюда происходят и другие находки, в частности большой бронзовый поясковый кельт красноярского типа, во многом аналогичный найденному в известном Ладейском погребении у г. Красноярска [1, с. 302–304, рис. 1, *13*], но явно имеющий переходные карасук-тагарские черты. Из числа других вещей упоминается лишь каменный шлифованный топор и какие-то отдельные фрагменты керамики. Не исключено, что все предметы принадлежат одному (возможно, погребальному) комплексу, но достаточной уверенности в этом нет. Поэтому вопрос о датировке и назначении рассматриваемого каменного навершия следует решать вне связи с ними.

Целый ряд фигурных жезлов с изображениями голов животных, в том числе и медведя, хорошо известен с территории Казахстана, Южной и Восточной Сибири. Однако изображение медведя особенно характерно для соседних территорий таежного Прибайкалья. Все эти изделия, описанные в сводной работе Н. В. Леонтьева «Каменные фигурные жезлы Сибири», вполне обоснованно отнесены к эпохе бронзы, в основном ко II тысяче-

[1] Канский краеведческий музей, инв. № 3049/3.

летию до н. э., и причислены к предметам тотемно-фаллического характера [2, с. 63—67].

Явно иную датировку и назначение имело рассматриваемое канское каменное навершие жезла. Такой жезл мог являться символом могущественного влиятельного положения выдающегося лица среди местного населения, подчеркивать силу и власть его обладателя.

Изображение хищника на жезле выполнено в характерном скифо-сибирском зверином стиле. Вера в магическую силу подобных предметов была широко распространена в скифо-тагарское время. И именно к этому времени следует относить канский жезл. Наиболее близкой аналогией ему, на наш взгляд, является бронзовое навершие жезла из Забайкалья, изображающее скорее всего голову волка [3, с. 90, табл. XXIII, *1*]. Датировка последнего, имевшего несколько более детализированное изображение морды зверя и его передних лап, определена VI—IV вв. до н. э. Очевидно, этим же временем можно датировать и рассмотренное канское каменное навершие жезла. Близкую датировку имеет и упомянутый выше бронзовый кельт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Максименков Г. А.* Новые данные по археологии района Красноярска.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *Леонтьев Н. В.* Каменные фигурные жезлы Сибири.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
3. *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975.

БОРОДОВСКИЙ А. П.

ОБ ИМИТАЦИИ ШВОВ КОЖАНОЙ ПОСУДЫ НА КЕРАМИКЕ

(по материалам курганной группы Быстровка-I)

При раскопках курганной группы Быстровка-I (III—II вв. до н. э.) в погребениях были встречены керамические сосуды с орнаментом, имитирующим швы [1, с. 20]. Подобные находки были известны ранее в Новосибирском Приобье, на Верхней Оби, в Казахстане и Средней Азии [2, с. 21, рис. 5; 3, 149; 4, с. 61—62, рис. 27; 5, с. 22, рис. 1; 6, с. 66, рис. 5]. Однако некоторое своеобразие керамики из Быстровки-I позволяет уточнить интерпретацию орнамента в виде шва для всей глиняной утвари.

Рисунки, воспроизводящие швы, по характеру изображения разделяются на несколько групп: валик налепной рассеченный, прочерченная линия со множеством черточек или точек вдоль одной стороны, прочерченная линия с косыми черточками или точками вдоль одной стороны, простая прочерченная линия (рис. 1, *А—Е*).

Изображения имитируют различные реальные швы с воспроизведением их характерных черт. Особенно хорошо это видно при сравнении рисунков на сосудах с существующими в действительности швами [7, с. 448]. Сосуды из с. Быстрянского на Верхней Оби своими рассеченными налепными валиками явно воспроизводят характерную рельефность шва через край (рис. 1, *А*, *1*). Сосуд из Нового Шарапа-I, из Новосибирского Приобья, имитирует один из вариантов штуковочного шва. Другой вариант этого шва, возможно, представлен на серы-тогайском сосуде из Казахстана (рис. 1, *Г*, *Д*, *3*): отличительная особенность шва — гладкость краев. На быстровских сосудах, очевидно, воспроизведен стачной внешний шов, по орнаменту близкий сосуду из Джергея с Тянь-Шаня (рис. 1, *Б—Г*). Простая прочерченная линия на одном из сосудов из Быстровки либо является упрощенной стилизацией двух предшествующих имитаций, либо отражает внутренний стачной шов (рис. 1, *Е*, *4*).

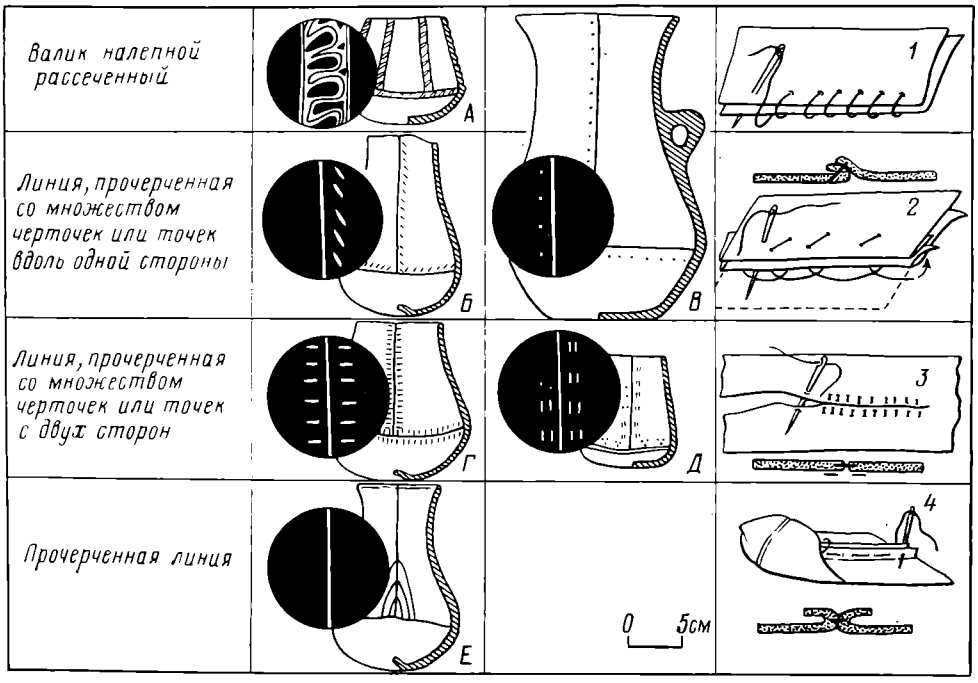

Валик налепной рассеченный
Линия, прочерченная со множеством черточек или точек вдоль одной стороны
Линия, прочерченная со множеством черточек или точек с двух сторон
Прочерченная линия
А
Б
В
Г
Д
Е
1
2
3
4
0 5см

Рис. 1

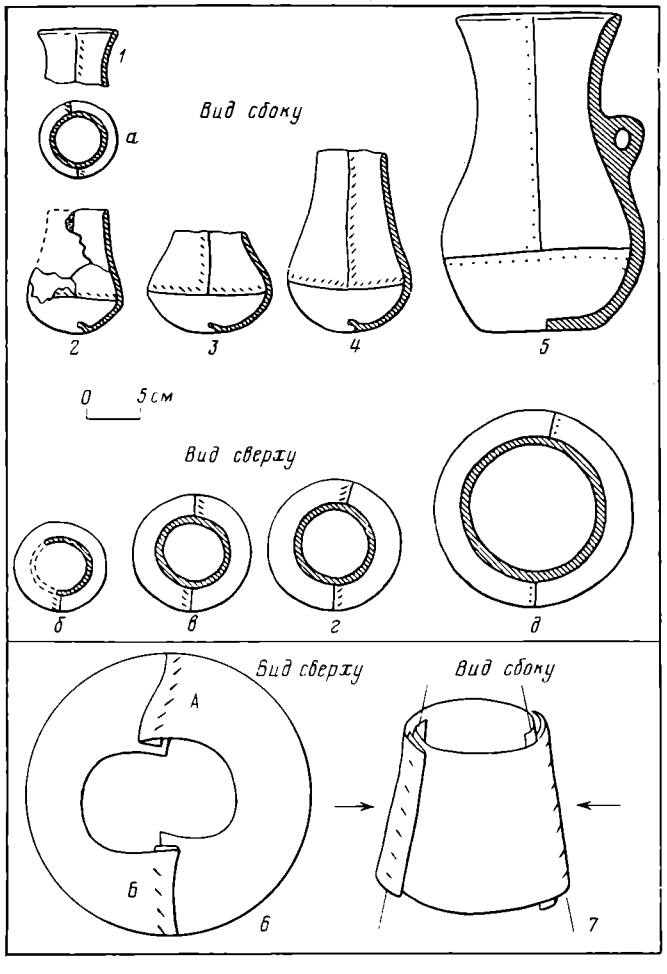

1
а
Вид сбоку
2
3
4
5
0 5см
Вид сверху
б
в
г
д
Вид сверху
Вид сбоку
А
Б
6
7

Рис. 2

Следует заметить, что мотив рассеченного валика справедливо рассматривается рядом исследователей не только как имитация швов [8, с. 34, 187, рис. 49; 9, с. 118, 121]. Следовательно, вопрос об имитации швов, если они в действительности представлены на керамической утвари, нужно расширить до воспроизведения выкройки реальных кожаных сосудов на глине. Известно, что орнамент вообще, имитационный в частности, несет в себе конструктивную логику предмета [10, с. 481]. Рассеченный горизонтальный валик быстрянских сосудов больше близок не имитационному «шнурку», идущему по горловине, плечикам или середине тулова сосудов из Тепсея-III, Саглы-Бажи-II, Чааты-I, а краю, имитирующему стык днища и тулова на кожаных сосудах. Значительное смещение горизонтальной линии в сторону днища характерно для всех представленных сосудов с имитационными швами, что позволяет говорить о явном копировании определенной выкройки кожаной посуды.

Для быстрянских сосудов раскрой представлен цельным дном и несколькими составными частями тулова. У сосудов из Быстровки-I, Нового Шарапа-I, Джергеса, Серы-Тогая дно также цельное, но тулово состоит из двух частей. Фестончатые линии на сосуде из кургана 15 погребения 3 из Быстровки I, вполне возможно, могут передавать клин-вставку, часто встречающуюся на кожаных сосудах. При этом стоит подчеркнуть, что обе указанные выкройки имеют близкие аналогии в этнографии [11, с. 186; 12, с. 153, 166].

Интересно отметить и тот факт, что стежки имитации на быстровских и джергесском сосудах расположены строго по разные стороны прочерченных линий; это либо результат чисто «механического» нанесения рисунка при вращении сосуда, либо еще одно дополнительное свидетельство, подчеркивающее особенности кроя имитационного изделия (рис. 2, *1а*, *2б*, *3в*, *4г*, *5д*): именно при внешнем стачном шве необходимо так наложить части круглого тулова друг на друга, чтобы образовалась не одна, а две оси жесткости. Достигается это в орнаменте тем, что в одном месте лист *А* при загибе накрывает лист *Б*, а в другом порядок меняется (рис. 2, *6*, *7*). Именно это и подчеркивает рисунок расположением стежков, точек-имитаций по разные стороны линии на каждой из стенок (рис. 2 *а—д*). Обращает на себя внимание и форма сосудов, которая в совокупности с имитационными швами фиксирует характерный удлиненно-грушевидный профиль кожаной посуды. Это хорошо согласуется с данными этнографии [11, с. 187].

Трудно сказать, пустой или полный кожаный сосуд копировали в керамическом изделии [13, с. 59], но то, что имитацию его делали не по частям (воспроизводя отдельные элементы), а почти целиком, очевидно. К тому же в раннежелезном веке имитация в глине некерамических вместилищ была достаточно широко представлена. Порой в керамике вообще были представлены некерамические мотивы, заимствованные с конструкции и оформления посуды из другого материала [14, с. 109; 15, с. 148, 158, *б*). Такую тенденцию в развитии керамики лишний раз подтверждают и наши имитации. Но копируя родственный по функциям сосуд, орнамент не столько имеет целью выявить его конструкцию, уже совершенно бесполезную на керамическом материале, сколько превращается в декоративный элемент.

При широком распространении и бытовании кожаной посуды как части повседневного быта [16, с. 8] представленные имитации в принципе не кажутся случайными, но ставят вопрос о том, как же рассматривать эту посуду в целом.

Известно, что кожаная посуда — это, как правило, атрибут кочевой жизни или по крайней мере хозяйства, тесно связанного со скотоводством [11, с. 184]. Поэтому существование таких сосудов-имитаций неслучайно для племен Новосибирского Приобья, Верхней Оби, Казахстана, Средней Азии, жизнь которых в большей или меньшей мере связана со скотоводством. Для Новосибирского Приобья это приобретает особое значение. С вытеснением большереченского населения кулайцами, в хо-

зяйстве которых большую роль играла охота, исчезает и этот вид орнаментации на керамике как чуждый и непонятный.

Следует добавить также, что кожаная посуда в действительности не столько домашняя, сколько дорожная утварь. Имитация, как правило, всегда сохраняет какую-то генетическую (возможно, смысловую) связь с орнаментом. Поэтому в предположительной форме сосуды с имитационными швами можно отнести к «дорожной посуде». Правда, по М. П. Грязнову, «дорожной посудой» называется керамическая посуда, имеющая ушки или дырочки для подвешивания [17, с. 97].

Подводя итоги, отметим следующее: более или менее детальное рассмотрение сосудов-имитаций позволяет различать и предполагать конкретные исходные мотивы того или иного орнамента и соответственно различать реальные швы; имеется возможность получить некоторое представление о раскрое кожаных оригиналов и дать их обобщенную реконструкцию; рассмотрение самих имитаций и близости предметов с различных территорий между собой дает возможность наметить общую тенденцию в развитии керамики раннежелезного века и определить степень сходства воспроизводимой кожаной утвари.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троицкая Т. Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке. Автореф. докт. дис. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1981.
2. *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э.— В кн.: Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск, 1978.
3. *Троицкая Т. Н., Соболев В. И., Молодин В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
4. *Бернштам А. Н.* Памятники Памира и Алтая.— МИА, 1952, № 26.
5. *Агеева Е. И.* Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1961, т. 12.
6. *Завитухина М. П.* Курганы у села Быстрянского.— АСб. ГЭ, 1966, вып. 8.
7. БСЭ, 1978, т. 29.
8. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
9. *Грязнов М. П.* Таштыкская эпоха.— В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
10. БСЭ, 1972, т. 8.
11. *Тощакова Е. М.* Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев.— В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
12. *Шитова С. П.* Утварь из кожи у башкир.— В кн.: Хозяйство и культура башкиров XIX в. М.: Наука, 1979.
13. *Кричевский Е. Ю.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, вып. 13.
14. *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту. Л.: Искусство, 1962.
15. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Наука, 1964.
16. *Девлет М. А.* Большая Боярская писаница. М.: Искусство, 1976.
17. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1958, № 48.

ЗАЛАШКО Г. М., ЕРЕМЕНКО В. Е.

НОВЫЙ ЗАРУБИНЕЦКИЙ МОГИЛЬНИК В ПОЛЕСЬЕ

В 2 км к северо-востоку от г. Давид-Городок Столинского р-на расположено урочище «Левановщина». Это ровное поле площадью несколько гектаров, незначительно возвышающееся над окрестностями. В 0,5 км к юго-западу протекает р. Горынь. Летом 1979 г. на территории урочища во время разработки песчаного карьера случайно было обнаружено несколько глиняных сосудов и железный наконечник копья. В одном из поврежденных сосудов лежали кальцинированные человеческие кости. Годом позже авторы обследовали место находки. В отвале земли найдены лощеный горшок с псевдоушками и крупный фрагмент ребристой миски. Зачистка стенок карьера и ряд небольших шурфовок нового материала не дали. Вокруг карьера и вдоль дороги по направлению к Давид-Городку на вспаханной поверхности земли обнаружены в большом коли-

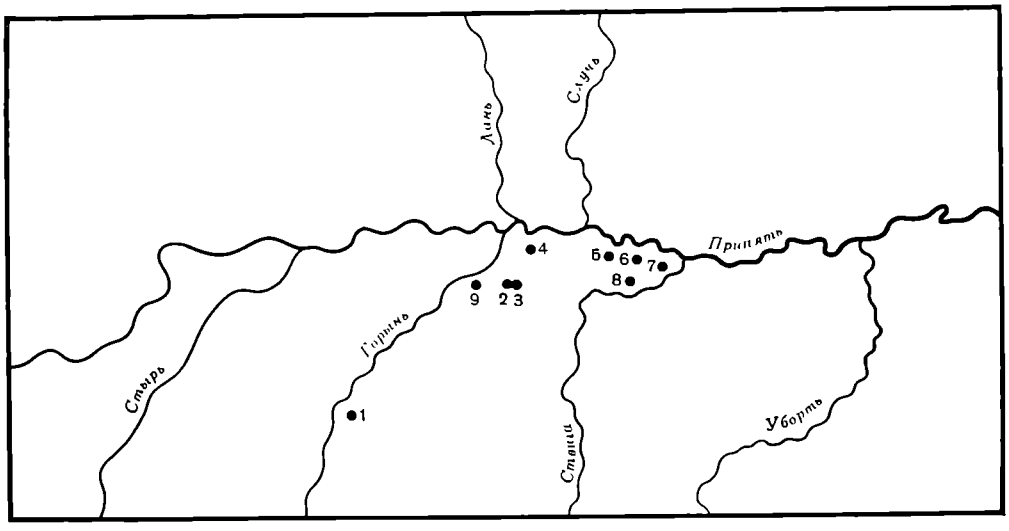


Рис. 1. Схема расположения могильников зарубинецкой культуры на правобережье Припяти. *1* — Отвержичи, *2*, *3* — Велемичи I и II, *4* — Ремель, *5* — Воронино, *6* — Буйразь, *7* — Погост, *8* — Семурадцы, *9* — Левановщина

честве фрагменты лепных и гончарных сосудов, а также мелкие фрагменты кальцинированных костей.

Летом 1981 г. на территории урочища были организованы стационарные раскопки. Исследовался участок площадью 100 м^2, оставшийся нетронутым земляными работами. Во время раскопок обнаружено три урновых погребения. Все три захоронения обнаружены в слое чистого песка на глубине 0,5—0,6 м от современной поверхности. Контуры погребальных ям не прослеживались.

Погребение 1. На глубине 0,5 м зафиксирован лепной чернолощеный горшок-урна, в котором находились кальцинированные кости. Ручка горшка отбита в древности, днище деформировано. Размеры урны (в см): высота 24, диаметр венчика 19, диаметр дна 12.

Погребение 2. На глубине 0,5 м обнаружен лепной чернолощеный горшок-урна с ручкой, приблизительно на $^1/_{10}$ заполненный кальцинированными костями, среди которых сохранились довольно крупные фрагменты. Горловина горшка отделена от тулова круговым уступом. Размеры урны (в см): высота 21, диаметр венчика 17, диаметр дна 10.

Погребение 3. На глубине 0,6 м стоял лепной чернолощеный горшок с двумя ручками, одна уцелела, а вторая отбита еще в древности. В горшке лежали кальцинированные кости, перемешанные с небольшими фрагментами лощеной керамики. Размеры урны (в см): высота 22, диаметр венчика 20,5, диаметр дна 11.

Во всех урнах кальцинированные кости тщательно очищены от остатков костра, что свидетельствует об относительно ранней дате погребений.

Датирующих находок при раскопках могильника не обнаружено. Определить датировку можно при сравнении керамического комплекса с одновременными комплексами могильников полесской группы зарубинецкой культуры.

В районе, где расположен могильник Левановщина, в настоящее время исследовано семь могильников (рис. 1). Наиболее удобны для нашей работы могильники Отвержичи и Велемичи II, исследованные и опубликованные К. В. Каспаровой. Многочисленные датирующие находки, а также разработанная типология керамики делают эти памятники надежным хронологическим репером. Для дополнительной проверки датировок привлечены материалы Пироговского могильника.

Вся посуда, обнаруженная в урочище Левановщина, лепная, Первая категория посуды — горшки. Лепной горшок-урна, нелощеный, изготовлен из светло-желтой глины с примесью дресвы и песка. Поверхность заглажена. Венчик отогнут наружу, в одном месте сильно оплавлен. Горловина отделена от тулова круговым уступом. На шейке имеется

Рис. 2. Сосуды из раскопок могильника Левановщина

сквозное отверстие диаметром 0,3 см. Размеры горшка (в см): высота 42, диаметр венчика 28, диаметр дна 16. Горшок обнаружен на территории могильника вне погребений. Аналогичные сосуды происходят из погр. 17, 36, 51, 84 могильника Отвержичи [1, рис. 7, *7*, с. 45; 2, с. 140]. По фибулам, обнаруженным в погр. 51, 84, эти сосуды датируются ранним и средним периодами существования могильника, т. е. I в. до н. э.— началом I в. н. э. [1, с. 61; 2, с. 162].

Горшок-урна из погр. 1 (рис. 2, *1*) находит аналогии в погребениях 27, 35, 65 могильника Велемичи II [3, рис. 10, *11*, с. 70, рис. 14, *10*, с. 76]. По классификации К. В. Каспаровой, подобные сосуды относятся к варианту 1 типа III и входят в состав «ранней группы керамики», датирующейся началом — серединой I в. до н. э. [3, с. 100, 101]. В Отвержичах схожие пропорции имеет горшок из погр. 20 [2, рис. 8, *6*, с. 142], относящийся к III типу. Подобные горшки «...являются наиболее ранними. Они относятся ко второй половине I в. до н. э. В Отвержичах (погр. 21, 31, 51) и в других полесских могильниках они встречены вместе с фибулами середины и конца I в. до н. э.» [2, с. 140].

Горшок с псевдоушками (рис. 3, *9*) по форме и пропорциям аналогичен урне из погр. 1, что позволяет датировать его тем же временем. Такая датировка двух сосудов подтверждается и находками в погребениях Пироговского могильника, где подобные горшки отнесены авторами к V группе, датированной по позднелатенским фибулам I в. до н. э.— I в. н. э. [4, с. 31, 32].

Пожалуй, одной из самых интересных находок могильника Левановщина являются округлобокие горшки с ручками (рис. 3, *8*; 2, *3*). Эти сосуды имеют выпуклое тулово, наибольшее расширение которого находится на середине высоты. У сосуда, найденного вне погребений, по плечику нанесена круговая бороздка (рис. 3, *8*).

Урна из погр. 2 (рис. 2, *2*) имеет несколько более вытянутые пропорции: тулово веретенообразной формы, максимальное расширение которого находится на $^2/_3$ высоты. Венчик короткий, слегка отогнутый наружу. Ю. В. Кухаренко называет подобные сосуды «горшками с ушками» [6, табл. 20, с. 20]. К. В. Каспарова считает, что «эти сосуды было бы правильнее называть кувшинами» [2, с. 144].

Ю. В. Кухаренко упоминает 37 известных ему «горшков с ушками», происходящих из 7 могильников и одного поселения [5, с. 25]. Однако объединение различных форм горшков в одну группу лишь по одному признаку (наличию «ушка») и суммарная датировка этих сосудов непра-

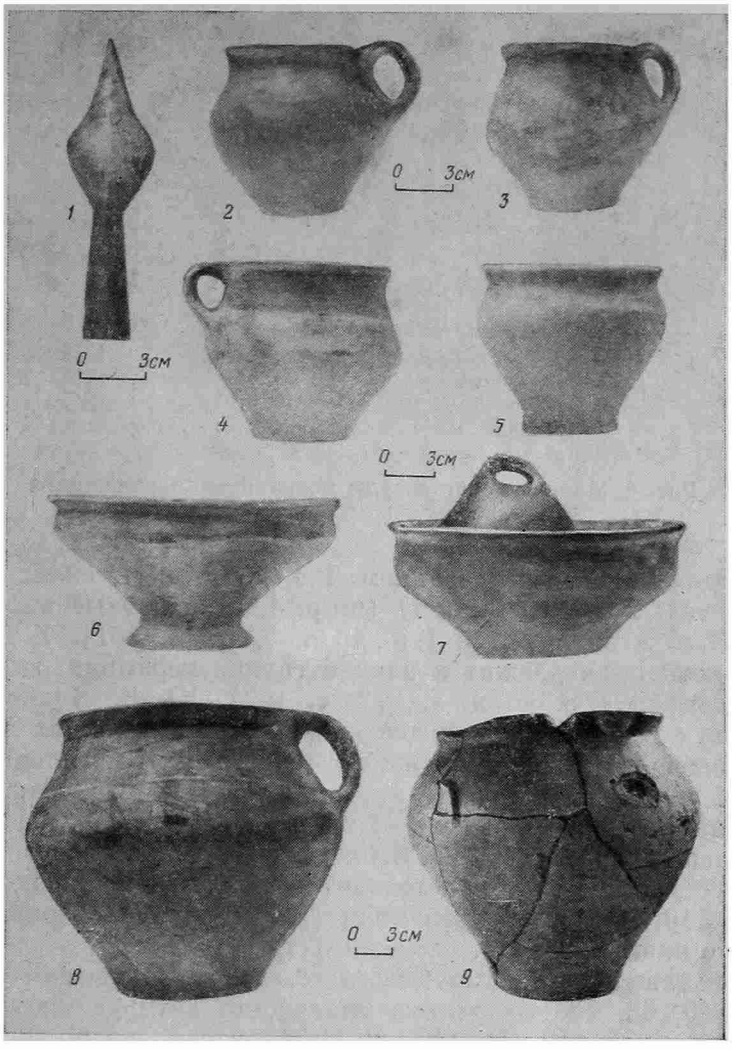


Рис. 3. Наконечник копья (*1*) и сосуды, найденные на территории могильника Левановщина

вомерна. Эта категория керамики имеет свое внутреннее членение и, возможно, хронологическую дифференциацию. Кувшины схожих форм, с такой Х-образной ручкой, прикрепленной к сосуду одним концом на уровне венчика, а другим чуть выше максимального расширения тулова, найдены в погребениях средней стадии существования могильника Отвержичи (погребения 6, 11, 12, 15, 23, 68, 69, 72), датирующихся первой половиной I в. н. э. [2, с. 144, 162]. Аналогичные кувшины происходят из погр. 14, 18 могильника Велемичи I [6, табл. 14, *7, 23, 18*]. По проволочным средне-, а также позднелатенским фибулам эти погребения датируются в основном I в. до н. э.— началом I в. н. э. [6, с. 30, 36].

На территории могильника вне погребений обнаружен нелощеный горшочек (рис. 3, *5*). Аналогию находим в сосуде из погр. 104 могильника Велемичи II, относящемся к ранней стадии существования могильника и датируемого началом — серединой I в. до н. э. [3, с. 101].

На территории могильника найдены две миски. Одна из них нелощеная, с плавно изогнутым туловом и слабо отогнутым венчиком (рис. 3, *7*). В ней находилась кружка. По классификации керамики могильника Велемичи II, миска относится ко «2 варианту II типа (погребения 18, 22, 25, 27, 36, 37, 43, 50, 58, 59) [3, с. 79]. Датируется этот тип посуды I в. до н. э.—I в. н. э. [3, с. 100].

Вторая миска— на поддоне, нелощеная, коричневого цвета, с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 3, *6*). Она имеет высоко приподнятые, четко выраженные плечики. Аналогичная миска найдена в погр. 95 мо-

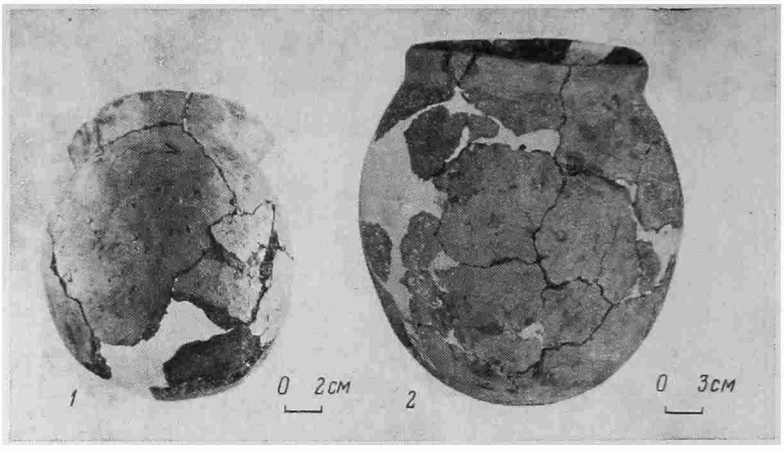


Рис. 4. Милоградские сосуды могильника Левановщина

гильника Отвержичи, датированном I в. до н. э. [1, с. 59; рис. 4, *11*, с. 41]. В могильнике Велемичи II (погр. 4, 5) подобные миски относятся к VII типу и датируются I в. до н. э. [3, с. 101]. В Отвержичах «VII тип мисок принадлежит к ранней группе керамики, датирующейся второй половиной I в. до н. э.» [2, с. 162]. Ю. В. Кухаренко писал, что миски на поддонах встречаются «почти всегда в ранних комплексах» [5, с. 28] Подобные миски найдены и в Пироговском могильнике, где они датируются второй половиной I в. до н. э. [4, с. 34]. Таким образом, время бытования подобных мисок — I в. до н. э.

В могильнике Левановщина найдено три кружки (рис. 3, *2*, *3*, *4*). Кружка с уступом (рис. 3, *4*) находит аналогии в кружках из погребений 4, 106, 116 могильника Велемичи II, датирующихся началом — серединой I в. до н. э. [3, с. 101].

Две чернолощеные кружки (рис. 1, *2*, *3*) по аналогиям из погребений 7, 14, 19, 63, 73 могильника Отвержичи датируются второй половиной I в. до н. э. [2, с. 162]. В Пироговском могильнике подобные кружки являются наиболее ранними и датируются серединой II—I в. до н. э. [4, рис. 5, *17*, *18*, с. 32, 34].

В 0,3 км к северо-востоку от зарубинецких погребений при зачистке стенок карьера на глубине 0,6 м был выявлен небольшой милоградский круглодонный сосуд (рис. 4, *1*). На месте находки заложен раскоп (4×6). Яма была зафиксирована в кв. 5 на глубине 0,3 м от дневной поверхности. Яма отличалась более темным цветом заполнения и имела продолговатую, вытянутую с запада на восток форму. Внизу ямы обнаружено продолговатое пятно, состоящее из золы, перемешанной с мелкими фрагментами кальцинированных костей. Размеры пятна 0,25×0,35 м, толщина 0,03 м. К востоку от зольного пятна обнаружен крупный круглодонный милоградский сосуд (рис. 4, *2*).

Аналогичные сосуды происходят из курганов 1, 13 возле дер. Дубой, датирующихся VI — началом V в. до н. э. [6, табл. 1, *4*; 2, *3*, с. 11]. По классификации О. Н. Мельниковской, подобные сосуды относятся к варианту А I группы [7, рис. 42, с. 106]. Такие сосуды обнаружены в жилище городища Моховское 1 [7, рис. 46, с. 107], в Асаревичском могильнике [7, рис. 44, *2*, с. 105], в комплексе удлиненного жилища раннего милоградского селища в Горошкове [7, с. 101]. Таким образом, сосуд можно с уверенностью датировать VI—IV вв. до н. э. К зарубинецкому могильнику он отношения не имеет. На территории могильника обнаружен втульчатый наконечник копья (рис. 3, *1*). Внутри втулки сохранился стержень для крепления древка. Общая длина наконечника 14, длина пера 8, максимальный диаметр втулки 2 см.

Подобные наконечники на памятниках зарубинецкой культуры не встречаются. Они типичны для комплексов I—II вв. н. э. пшеворской

культуры [8, табл. 47, *15*]. Пшеворский наконечник копья — одна из первых находок пшеворской культуры в Полесье [9].

Таким образом, проанализировав керамический комплекс из разрушенного зарубинецко-милоградского могильника Левановщина, мы определили время его использования зарубинецким населением. Это — I в. до н. э. первая половина I в. н. э. Принадлежность могильника к полесской группе зарубинецкой культуры бесспорна, что наглядно иллюстрируется всем керамическим комплексом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каспарова К. В.* Новые материалы могильника Отвержичи — АСб. ГЭ, 1976, вып. 17.
2. *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи.— МИА, 1969, № 160.
3. *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II. АСб. ГЭ, 1972, вып. 14.
4. *Кубышев А. И., Максимова Е. В.* Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 166.
5. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д1-19. М., 1964.
6. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, вып. Д1-29. М., 1961.
7. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
8. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.
9. *Dąbrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim.— In: Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. III. Warszawa, 1972.

ДЕГТЯРЬ А. К.

КОМПЛЕКС ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНА У с. КОЧЕТОК НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В последние годы в верховьях р. Северский Донец были открыты погребальные памятники с трупосожжениями, относящиеся к салтовской культуре [1, с. 75—83]. Настоящей заметкой мы вводим в научный оборот комплекс предметов вооружения и снаряжения коня, найденный в с. Кочеток Чугуевского р-на Харьковской обл.

Комплекс был обнаружен летом 1978 г. при рытье траншеи под газопровод на территории восьмилетней школы-интерната в с. Кочеток. Ковшом экскаватора был поднят из земли целый набор предметов вооружения и конского снаряжения, состоящий из 13 наконечников стрел, наконечника копья, боевого топора, петли и крючка от колчана, двух соединительных бляшек от оголовья узды, удил с плоскими эсовидными псалиями, согнутого пополам серпа, железной пластинчатой фибулы, небольшой железной пластинки, обломка бронзового браслета и нескольких фрагментов средневековой амфоры[1]. Некоторые из предметов, в особенности наконечники стрел, сильно повреждены огнем и покрыты толстым слоем окалины.

Предметы обнаружены на глубине 60—65 см от современной поверхности. Пережженные человеческие кости на месте находки отсутствовали[2]. Место, где был найден комплекс, находится в 80—100 м от южного края большой балки, выходящей к берегу Северского Донца. Расстояние от реки до этого места ~1 км.

Описание предметов, входящих в комплекс.

Наконечники стрел. Все наконечники стрел черешковые. По форме острия их можно разделить на трехлопастные (рис. 1, *1—3*, *5—8*), трехгранные (рис. 1, *4*, *9*, *10*) и плоские с прямоугольным (рис. 1, *11*, *12*) или треугольным (рис. 1, *13*) острием с выемкой внутри. По форме боевой головки различаются два типа трехлопастных наконечников, все они

[1] Находки хранятся в музее им. И. Е. Репина в г. Чугуеве.

[2] Наблюдения учителя истории интерната, присутствовавшего при обнаружении комплекса и тщательно обследовавшего место находки.

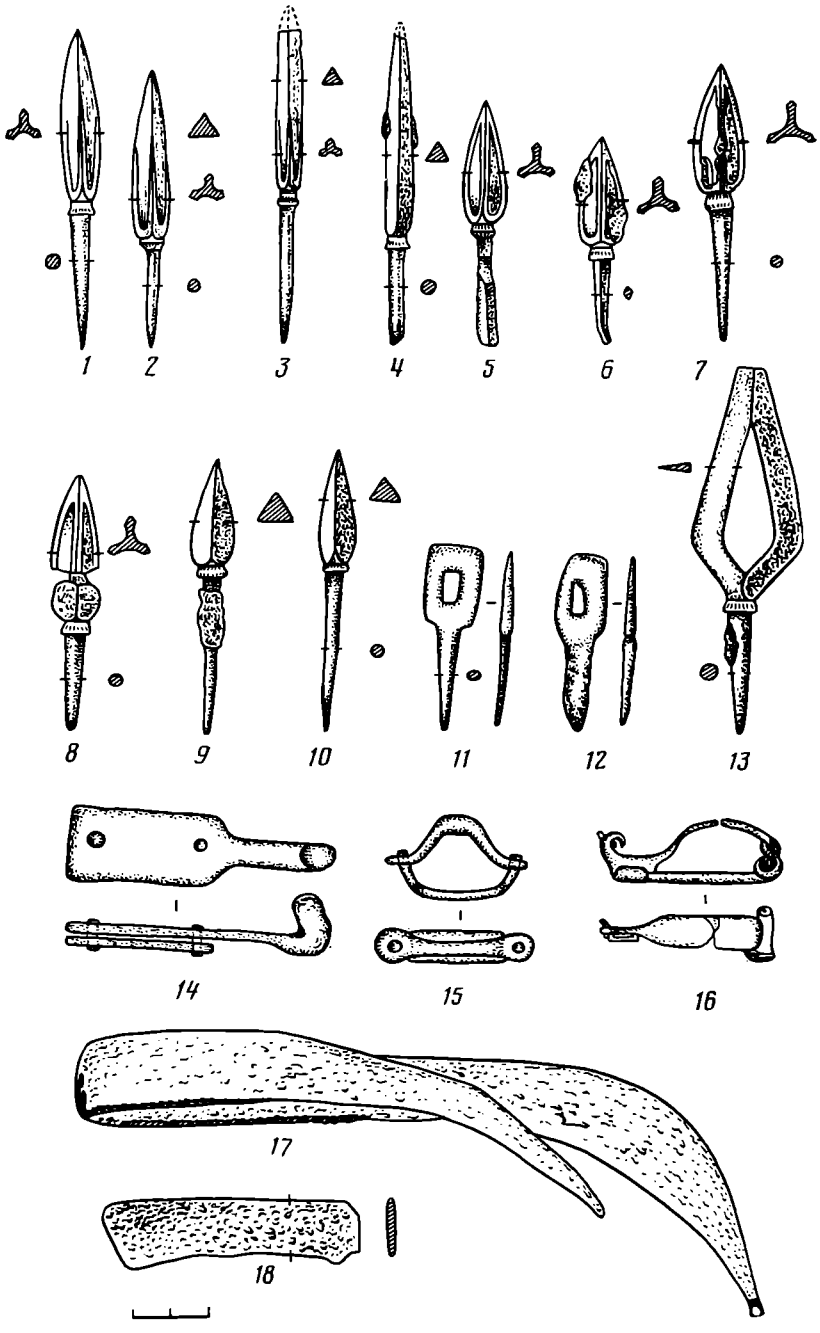


Рис. 1. *1—16* — железо

имеют в месте перехода от черешка к боевой головке небольшой порожек для упора древка: 1) наконечники с узким острием, у которых верхняя трехгранная часть постепенно переходит в трехлопастную к основанию острия (рис. 1, *1—3*); длина их от 8,5 до 10 см, длина головки в пределах 4,5—6 см; черешок в сечении круглый); 2) наконечники, боевая головка которых имеет в плане форму острого листа; длина их от 5,5 до 7,8 см, длина острия в пределах 3—4 см, ширина пера 0,7—0,8 см (рис. 1, *5—8*); черешок в сечении круглый.

Трехгранные наконечники по своей форме похожи на трехлопастные, Два из них (рис. 1, *9*, *10*) имеют почти одинаковую общую длину в пределах 7,5—7,8 см и длину боевой головки в пределах 2,7—2,8 см. Третий наконечник более узкий и значительно больших размеров. Длина его боевой головки ~5,8 см с учетом обломанного кончика, общая длина 8,5 см, но кончик черешка также обломан (рис. 1, *4*). Ширина

грани 0,6 см. Черешки всех трехгранных наконечников круглые в сечении и также снабжены порожком для упора древка.

Плоские наконечники стрел имеют прямоугольное (рис. 1, *11*, *12*) или треугольное (рис. 1, *13*) острие. Прямоугольное острие сделано в виде лопаточки шириной 1,3—1,5, длиной 2,3 и толщиной в основании 0,3 см. Общая их длина 4,6 см, черешок имеет в сечении овальную форму. Порожек для упора древка отсутствует. Острие имеет прорезь шириной 0,4 и длиной 1,0 см. Наконечник с треугольным острием массивный, больших размеров. Общая длина его 10 см, длина острия 6,5 см, кончик острия обломан. Ширина лезвия острия 0,7 см, лезвие имеет треугольную в сечении форму. Черешок короткий, круглый в сечении, снабжен порожком для упора древка.

Наконечники стрел этих типов были в употреблении в последней трети I тыс. н. э. Трехлопастные наконечники найдены в комплексе 2 Новопокровского могильника [2, рис. 36], который Ю. И. Кухаренко датировал VIII в., в погребении у с. Вознесенка [3, табл. II, *3*], также датируемом VIII в., в могильнике с трупосожжениями Абрау-Дюрсо [4, рис. 2, *7*], время существования которого определяется А. В. Дмитриевым второй половиной VIII — началом IX в. Исходя из классификации А. Ф. Медведева наши наконечники относятся к типу 18 — килевидные узкие трехлопастные [5, с. 60, табл. 12, *9—12*, *15*, *18*, *23*, 30), время существования которых VIII—IX вв.

Наконечники типа II (с боевой головкой в виде острого листа) относятся к типу 21 по классификации А. Ф. Медведева [5, с. 60—61, табл. 15, *20—22*; *30*, *21*] и датированы VII — началом X в. Трехгранные или бронебойные наконечники произошли от трехлопастных типа I и существовали одновременно с ними [5, с. 58]. Такого типа наконечники найдены в погребениях 94, 99 и 103 третьей части Борисовского могильника на Северном Кавказе [6, табл. III, *10*, *11*], время существования которого не выходит за рамки IX в.

Плоские наконечники стрел в виде широкой прорезной лопаточки также были распространены в VIII—IX вв. [5, с. 71; табл. 14, *22*]. Наши наконечники этого типа не имели порожка для упора древка. Плоские наконечники встречены в том же Борисовском могильнике, в погребениях с трупосожжением [6, табл. III, *7*]; подобные же, только с фигурным лезвием и фигурной прорезью, есть в могильнике Абрау-Дюрсо [4, рис. 2, *5*, *17*]. Там же найдены и большие наконечники с треугольным острием и прорезью [4, рис. 2, *8*].

Среди находок есть две детали от колчана — крючок и петля. Крючок (рис. 1, *14*) железный, имеет прямоугольный щиток для прикрепления к ремню. Длина щитка 4,5, ширина 2 см. В щитке на расстоянии 3 см одно от другого просверлены два отверсия для заклепок. К ремню крючок крепился с помощью нижней пластинки прямоугольной формы шириной 2 и длиной 4 см. Она скреплялась со щитком заклепками. От щитка отходит овальный в сечении стержень шириной 0,6 и толщиной 0,25 см, заканчивающийся массивной головкой круглого сечения диаметром 0,45 см с утолщением на конце. Общая длина крючка 7 см.

Железная петля (рис. 1, *15*) состоит из двух частей: верхней — собственно петли и нижней — пластинки, с помощью которой она крепилась к корпусу колчана. Сама петля арочной формы, круглая в сечении, с утолщением посредине, концы ее отогнуты горизонтально и расклепаны. Нижняя пластинка шириной 1 и длиной 2,5 см имеет концы круглого сечения, загнутые вверх. Концы пластинки заходили в отверстия петли и расклепывались. Таким образом, петля прикреплялась к стенке колчана.

К предметам вооружения относятся также наконечник копья и боевой топор.

Наконечник копья имеет конусную втулку для древка длиной 14,7 и диаметром входного отверстия 2.5 см. Толщина стенки втулки 0,15 см. Граненое острие длиной 14 см имеет в сечении форму ромба; ширина его у основания 1,8 см (рис. 2, *1*).

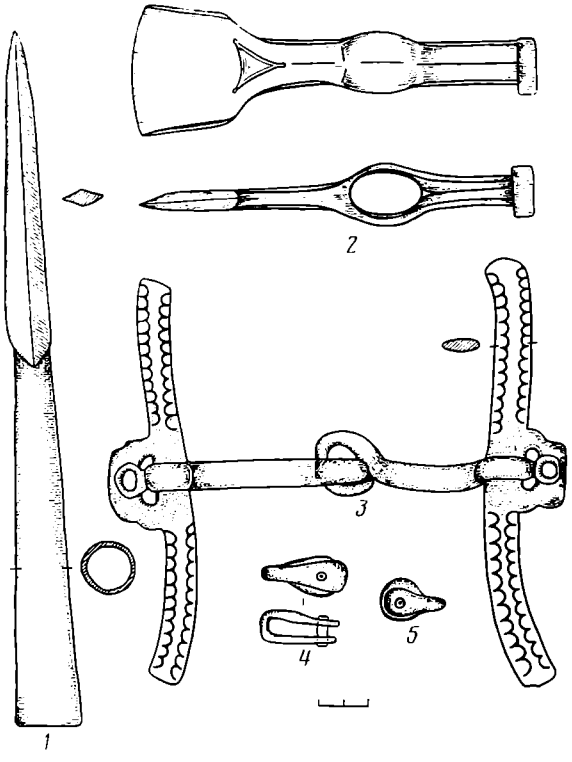


Рис. 2. *1—5* — железо

Боевой топор (рис. 2, *2*) имеет трапециевидное лезвие и небольшой квадратный обушок. Длина топора 16,5 см, ширина лезвия 5,5 см. Корпус топора шестигранный в сечении, ширина его 1,2, высота 1,5 см. Проушина для рукояти овальной формы шириной 1,9 и длиной 3 см. Обушок квадратный со стороной 2,1 и толщиной 0,8 см. Топор украшен с обеих сторон небольшой треугольной лункой с точками по углам.

Топоры и наконечники копий с ромбическим в сечении острием были широко распространены на юге Восточной Европы в VIII—IX вв. Близкий нашему наконечник найден в одном из погребений третьей части Борисовского могильника [6, с. 134, рис. 30], в комплексе из с. Тополи [2, рис. 30], в комплексе 2 Новопокровского могильника [2, рис. 36] и в могильнике с трупосожжениями Абрау-Дюрсо [4, рис. 2, *1*]. Наконечники такого типа более совершенны: они имеют широкое лезвие, бортик на конце втулки и небольшую петельку для более прочного прикрепления наконечника к древку. Несколько таких наконечников копий найдены в погребениях и комплексах Сухогомольшанского могильника. В комплексе 5 найден почти тождественный с нашим наконечник, только край втулки у него имеет закругленный бортик [7, табл. XIV, *10*]. Близок нашему наконечник копья из комплекса 15 [*8*, табл. XVI, *10*].

Аналогии топору из публикуемого комплекса мы не знаем. Топор с такой формой лезвия, но более удлиненной шейкой и длинным обушком (причем последний не имеет квадратного окончания), встречен в одном из комплексов Сухогомольшанского могильника [7, табл. XIV, 10]. Этот вид оружия был широко распространен, начиная с VIII в., у населения салтово-маяцкой культуры [9, с. 158].

Из снаряжения коня в комплексе имеются удила и две железные соединительные бляшки от оголовья узды.

Удила (рис. 2, *3*) двухсоставные с псалиями эсовидной формы. Псалии шириной 1,4 см в сечении овальной формы, с обеих сторон украшены орнаментом из подковообразных насечек. Края псалий обрезаны под прямым углом, только один из них (правый на рис. 2, *3*) имеет один закругленный конец.

Удила с эсовидными псалиями были в употреблении у населения Восточной Европы в VIII—IX вв. наряду с удилами с гвоздевидными псалиями. Оба типа удил встречены в Большетарханском могильнике, датируемом авторами раскопок второй половиной VIII—IX в. [10, табл. IX, *1—9*, с. 65]. В этом могильнике эсовидные псалии прямоугольного или квадратного сечения [10, табл. IX, *7*] более изогнуты, чем наши, и без орнамента. Удила с эсовидными псалиями круглого сечения найдены в третьей части Борисовского могильника [6, табл. III, *17*].

Железные бляшки от оголовья узды сделаны из прута диаметром 0,6 см. Концы их расклепаны так, что образовались пластинки круглой формы. Размеры бляшек (в см): диаметр верхней — 1,6, нижней — 1,2, толщина 0,15. В центре пластинки имеют отверстия, в которые проходили заклепки для скрепления с ремнем узды (рис. 2, *4*, *5*). Бляшки представляют собой детали тройника от оголовья узды; здесь отсутствуют третья такая же бляшка и соединительное кольцо.

Железная пластинчатая фибула длиной 5 и шириной пластинчатой дужки 1 см, двучленная пружинная, с нижней тетивой. Толщина пружины и иглы ~2 мм. Пластинчатый приемник высотой 0,7 см имеет на конце завиток, в котором сохранился обломок колечка от цепочки (рис. 1, *16*).

Железные фибулы с пластинчатым приемником с завитком на конце также характерны для VIII—IX вв. [11, с. 46; табл. VI, *6*, *8*]. Одна такая фибула была в составе комплекса из с. Тополя [2, рис. 31, *1*]. Несколько фибул найдены в третьей части Борисовского могильника [6, табл. V, *22—25*]. Такие же фибулы входят в состав инвентаря нескольких погребений и комплексов Сухогомольшанского могильника [12, с. 323].

Кроме того, в комплексе находились: большой, согнутый пополам серп (рис. 1, *17*), обломок бронзового браслета из проволоки диаметром 0,35, длиной 3,5 см со слегка расширенным концом; небольшая железная пластинка длиной 6,5—7 и шириной от 1,6 до 1,9 см, овальная в сечении (рис. 1, *18*). Одна из длинных сторон пластинки вогнута, имеет заусенцы от ударов; возможно, пластинка использовалась в качестве кресала.

Таким образом, на основании многочисленных аналогий комплекс находок из с. Кочеток датируется VIII—IX вв. [3]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дегтярь А. К.* Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье.— Вестн. ХГУ, 1981, № 214.
2. *Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине.— КСИИМК, 1951, вып. 41.
3. *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. III.
4. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Абрау-Дюрсо.— КСИА, 1979, вып. 158.
5. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1-36. М., 1966.
6. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, 1914, вып. 56.
7. *Михеев В. К.* Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1973 г. Рукопись. Архив АМ ХГУ.
8. *Михеев В. К., Дегтярь А. К.* Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1979 г. Рукопись. Архив АМ ХГУ.
9. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
10. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
11. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
12. *Михеев В. К., Дегтярь А. К.* Продолжение раскопок Сухогомольшанского комплекса.— АО — 1974. М., 1975.

[3] Необходимо добавить, что на территории школы-интерната в начале 70-х годов при земляных работах была обнаружена согнутая пополам сабля, точное место находки которой указать трудно. Возможно, она относится к этому же комплексу. Обследование места находки комплекса и небольшие раскопки летом 1979 г. не дали положительных результатов. При осмотре окрестностей интерната обнаружено поселение салтовской культуры, расположенное примерно в 1 км к югу от места находки, на плато коренного правого берега Северского Донца. Возможно, комплекс имеет какое-то отношение к этому поселению.

ИСХАКОВ М. Х.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ШТАМПЫ С ГОРОДИЩА БУДРАЧ

В научной литературе имеются лишь отдельные упоминания одиночных находок средневековых керамических штампов [1, с. 293—298]. В последние годы Узбекистанской искусствоведческой экспедицией на шахристане городища Будрач, отождествляемого с одноименной столицей средневековой области Чаганиан (в 6 км к юго-востоку от г. Денау) [2, с. 21; 3, с. 116], обнаружено шесть штампов, анализируемых в этой работе (рис. 1).

Штампы по форме подразделяются на четыре типа и предназначены для передачи рельефного орнамента [1].

Тип I (1). Штамп двухсторонний керамический, покрытый темно-зеленой глухой свинцовой глазурью: А — геометрический крестообразный орнамент, выполненный двухгранной выемчатой резьбой с Х-образным углублением в центре. Сектора заполнены трехгранно-выемчатой резьбой. Б — шестилепестковая розетка с полукругом в центре композиции; заполнение между лепестками выполнено трехгранно-выемчатой резьбой. В — 4,9 см, $Д_А$ — 4 см, $Д_Б$ — 4,3 см.

Тип I (2). Штамп керамический двухсторонний катушкообразный. Постель штампа круглая. А— орнамент растительный восьмилепестковый, выполненный трехгранно-выемчатой резьбой. Б — орнамент растительный, четырехлепестковый, выполненный трехгранно-выемчатой резьбой. В — 5,5 см; $Д_А$ — 5,6 см; $Д_Б$ — 5,2 см.

Тип I (3). Штамп конусовидный двухсторонний, на конце конуса — штампик меньшего диаметра. А — четырехлепестковый орнамент. Б — четырехлепестковый орнамент, повторяющий рисунок малого с небольшой разницей в орнаменте межлепесткового заполнения, В — 4,9 см; $Д_А$ — 2 см; $Д_Б$ — 4,7 см.

Четырех-, восьми-, 12-лепестковые розетки служили для заполнения элементов орнаментации и общей композиции орнамента, выполненного штампом при помощи колыба, или выполнялись отдельными орнаментальными узлами, как одиночными, так и в сочетании с геометрическим (процарапанным или налепным) орнаментами. Они широко использовались в Мерве [1, с. 293], Асадабаде [4, с. 126], Отраре [5, с. 200]. При вскрытии гончарной печи на Гормали-Тепе в Чаганиане было встречено большое количество сосудов, орнаментированных подобными штампами [6, с. 91].

Тип II (4). Штамп керамический сердцевидной формы, с изображением шестилучевой звездочки в центре, обрамленной свободной плетенкой с выпуклым орнаментом. Штамп изготовлен для нанесения орнамента на колыбы. В — 4,5 см; Д — 4 см. Размеры вытянутой части штампа 4,7 см.

Фрагмент от общей композиции — многолучевая звездочка с расширением на концах — характерен для неполивной керамики Асадабада [4, с. 125], Отрара X в. н. э. [5, с. 198], Мерва [1, с. 293].

Тип III (5). Штамп шестигранный призмообразный. Орнамент геометрический плоскостной, с изображением шестилучевой розетки. Размеры граней штампа варьируются от 1,7 до 2,1 см, В — 4,6 см.

Тип IV (6). Цилиндрический баликообразный керамический штамп с круговой нечитаемой арабской надписью. В — 3,2 см; Д — 2,5 см. Применялся для нанесения на посуду выпуклого орнамента. Мастер-керамист, используя подобный вид штампа, прокатывал его по внешней стороне тулова сосуда [1, с. 295; 4, с. 121] или по краю внешней стороны крышки [5, с. 201], получая в результате рельефный целостный повторяющийся орнамент. Возможно, подобным образом орнамент запол-

---

[1] Постелям двухсторонних штампов даны буквенные обозначения — А, Б; высота — В, диаметр — Д. Порядок описания соответствует порядку номеров на рис. 1.

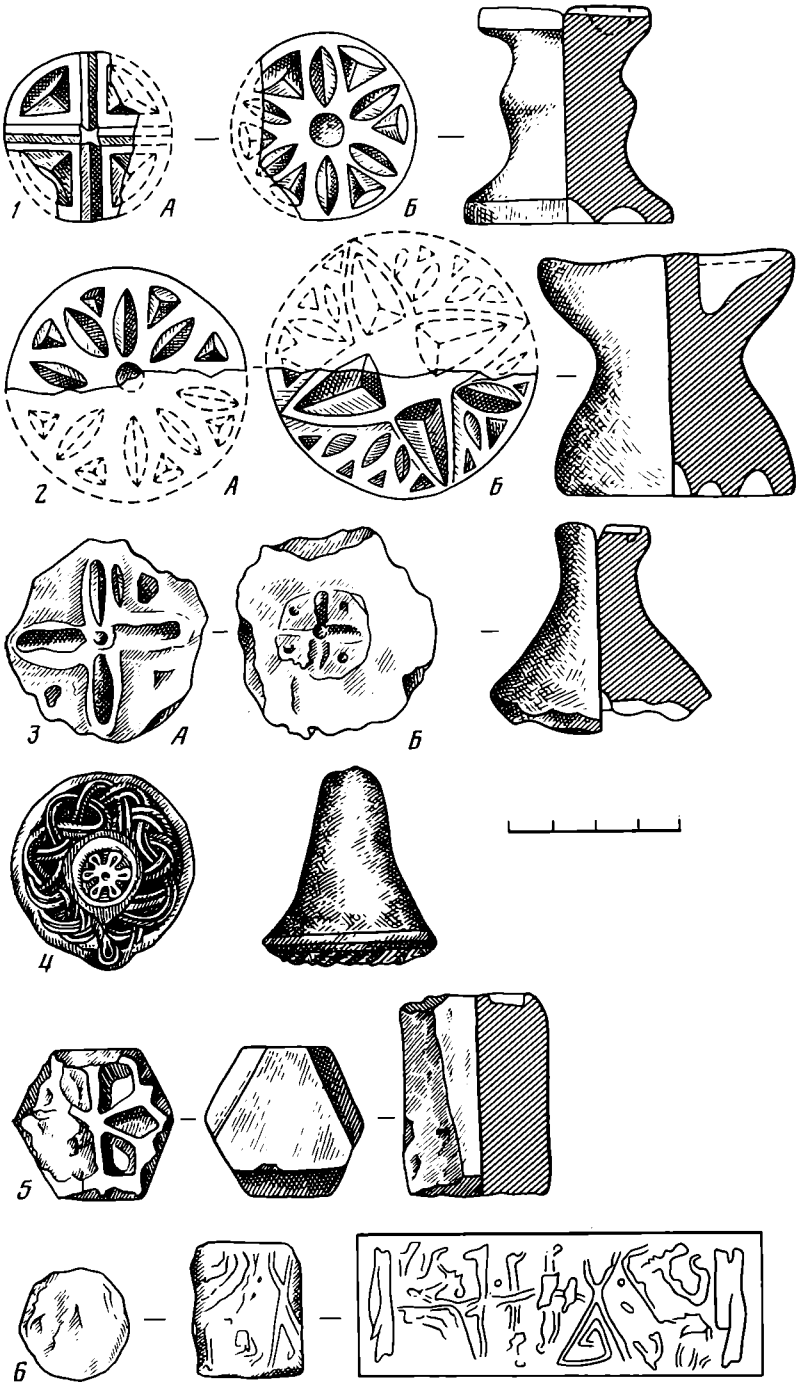


Рис. 1. Керамические штампы с городища Будрач

нялся по секторам свободного поля в общей орнаментальной композиции, оттиснутой колыбом.

Таким образом, рассмотренные четыре типа керамических штампов помогают познать одну из сторон техники оформления орнаментации неглазурованной керамики ремесленниками Чагании поры развитого средневековья. Следует указать, что неглазурованная керамика Будрача орнаментирована описываемыми выше штампами. Это подтверждает местное их производство в период развитого средневековья. Орнаментальные мотивы штампов, не встреченные на готовых керамических изделиях, позволяют предположить возможность еще большего разнообразия в технологии неглазурованной керамики Будрача X—XII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X—XIII вв.— ТЮТАКЭ. 1962, т. XI.
2. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
3. *Ртвеладзе Э. В.* Обнаружение средневекового селения Навандак в области Сагапиан.— ИМКУ, 1978. № 14.
4. *Пилипко В. Н.* Керамика Асадабада (Лаукара).— Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад, 1974.
5. *Синенькая Н. И.* О неполивных крышках из Отрара.— Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978.
6. *Ртвеладзе Э. В., Исхаков М. Х.* Два средневековых чаганианских селения.— ИМКУ, 1979, № 15.

ЗОЛОТОВ Ю. М.

ТРИ ПАМЯТНИКА СТАРОМОСКОВСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

В настоящей заметке публикуются три белокаменных надгробия с надписями, обнаруженные в ходе археологических наблюдений и реставрационных работ, проводившихся на территории столицы Музеем истории и реконструкции Москвы.

Два надгробия были обнаружены в южном подклете ц. Великомученика Никиты, что за Яузой [1]. Там же лежала еще одна плита, но без надписи (рис. 1). За прошедшие три столетия в помещении осел толстый слой пыли, который целиком скрыл надгробия.

Раннее надгробие было положено над могилой Ивана Шетнева (рис. 2). Надпись, выполненная вязью в шесть строк, гласит «ЛЕТА 7151 ГО (1643) ФЕВРАЛЯ ВЪ 15 ДН НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА АНИСИМА ПРЕСТАВИС РАБ БОЖИЙ ИВАН ПЕТРОВЪ СЫНЪ ШЕТНЕВЪ». Длина плиты 178, ширина в изголовье 99, в ногах 56, толщина соответственно 34 и 26 см, высота букв 10 см. Надпись обрамлена широком поясом сочного жгутового орнамента, из которого сделаны также тяги и оба «сияния». Весьма искусно вырезаны буквы. В надписи 10 лигатур: «ле», «аг», «им», «пр», «ив», 2 раза «ап» и 3 раза «ст». Выносных букв 11: «го» и «дн» («года» и «день»), «ть», «о» «б», «н».

Рис. 1. Надгробия в южном подклете церкви св. Никиты после их расчистки. Первое надгробие — Анны Маракушевой

[1] Автор приносит глубокую благодарность архитекторам Л. А. Давиду и С. С. Подъяпольскому за помощь, оказанную ему при собирании эпиграфических материалов старой Москвы.

Рис. 2. Плита Ивана Шетнева

2 раза «т». Титла обычные: «стаго» — «святаго», «бжий» — «божий» и «снъ» — «сын». Таким образом, транскрипция здесь сложная: обычным способом написано всего одно слово — «февраля». К орфографическим особенностям можно отнести написание в соответствии с московским произношением «Анисим» вместо «Онисим», а также отечества без окончания «-вич».

Иван Петрович Шетнев, московский дворянин, происходил из старинного рода тверских бояр и служил патриаршим стольником [1, с. 3—7; 2, с. 474]. Имения Шетневых в конце XVI в. значатся и в Московском, и в Тверском уездах, причем о Петре Шетневе, отце Ивана, сказано, что он «служит царю и великому князю» [3, с. 221, 271; 4, с. 217, 222, 243]. Двор Шетневых находился «в тупике», «сзади Сретенского монастыря, т. е. между Большой Лубянкой и Рождественкой, где проживали почти исключительно представители старых боярских родов [5, с. 9]. Так, недалеко жил князь Дмитрий Михайлович Пожарский, человек которого, Павлик Михайлов, служил у Шетневых дворником [6, с. 88]. Возможно, что незадолго до смерти Иван Шетнев перебрался в Заяузье, чем и объясняется место его погребения. Однако как приближенного патриарха его могли с почетом схоронить в любой московской церкви.

Иван Матвеевич Новосильцев, также патриарший стольник, был сослуживцем Шетнева [2, с. 294]. Кроме того, имения Шетневых и Ново-

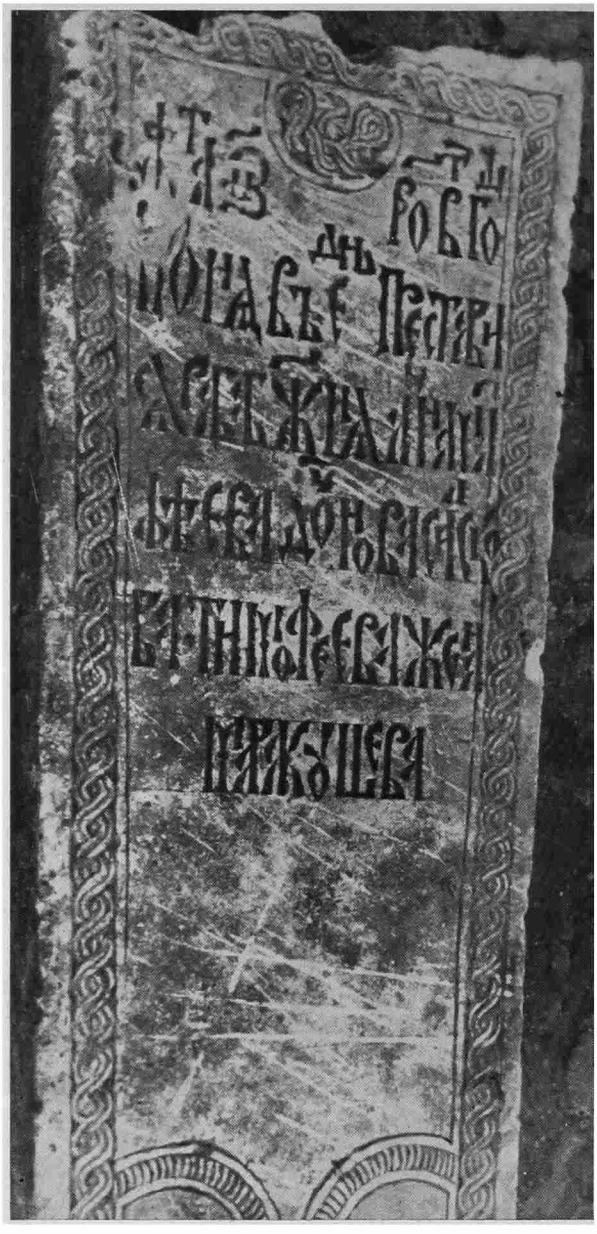


Рис. 3. Текст плиты Анны Маракушевой

сильцевых находились в одной и той же волости, именуемой Воловичи, в Тверском уезде [3, с. 213; 4, с. 162, 200]. Этим, очевидно, и объясняется то, что в том же подклете была захоронена сестра Новосильцева Анна. Надпись на ее плите исполнена тоже вязью в шесть строк (рис. 3): «ЛЕТА 7172 ГО (1664) ГОДУ ИЮНЯ В 5 ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ АННА МАТФЕЕВА ДОЧ НОВАСИЛСКОВА. ТИМОФЕЕВА ЖЕНА МАРАКУШЕВА». Длина плиты 196, ширина в изголовье 75, в ногах 59 см. толщина соответственно 38 и 31 см, высота букв 9 см. Следовательно, это одна из самых больших плит, найденных в Москве [7, с. 106]. Украшена она также прекрасно исполненным «жгутом», из которого сделано и верхнее «сияние». Тем самым опровергается мнение А. В. Арциховского, охарактеризовавшего плиту 1647 г. как якобы одну из последних со жгутовым орнаментом [7, с. 111; 8, с. 163]. На тягах здесь представлен редко встречающийся на плитах мотив в виде поперечных полосок. Не часто встречается и рисунок нижнего «сияния»: солярный знак, так называемая крутящаяся розетка (рис. 4) [7, с. 105]. Транскрипция и здесь весьма сложная. Лигатур — 15: «ле», «ду», «ию», «днь», «пр», «ав», «анн», «ам», «па», «ар», «ак», 2 раза «аб». Выносных

Рис. 4. Плита Анны Маракушевой

Рис. 5. Плита Дмитрия Льготы

букв — 8: «ду», «дпь», «т», «ч», «л». Титло всего одно, традиционное: «бжия» — «божия». Интересно отметить, что и данный резчик не знал канонического написания имен, так как «Матфей» надо писать, конечно же, через «фиту». Это тем более удивительно, что «Матфей» — имя одного из евангелистов. Очевидно, резчики, хорошо зная русскую грамоту, усваивали ее отнюдь не по церковным образцам. Рисунок букв на обеих плитах весьма близок, но на плите Маракушевой их пропорции более удлинены, видимо, для того, чтобы создать впечатление их большей высоты и монументальности соответственно с внушительными размерами памятника. Обращает на себя внимание также искусно сделанное «зеркальное» начертание буквы «ф».

Что касается слова «Новасилской», то это, очевидно, один из вариантов написания фамилии Новосильцевых. Как известно, такой разнобой в транскрипции характерен и для средневековой ономастики, и для топонимики. Во всяком случае фамилии Новосильских в боярских книгах нет. Не упоминает о ней и такой выдающийся знаток русской приказной документации, как С. Б. Веселовский, хотя ему хорошо известен род серпуховских бояр Новосильцевых [9, с. 222]. Муж Анны, Тимофей Борисович Маракушев, принадлежал к ничем не примечательному угличскому дворянскому роду [2, с. 254]. Дом родителей Анны находился также в Белом городе, недалеко от Яузских ворот, очевидно, в приходе церкви Петра и Павла, которая стоит здесь до сих пор [6, с. 139]. Местонахождение двора Маракушева установить не удалось.

Третья плита была нами обнаружена у южной стены церкви Воскресения в Кадашах (рис. 5). Видимо, ее извлекли из земли во время одной из реставраций здания. Надпись на ней исполнена очень хорошей вязью в семь строк: «ЛЕТА 715? (164?) МАРТА В 14 ДЕНЬ ПРЕСТА-

ВИСЯ РАБ БОЖИЙ ДМИТРЕЙ ЯКОВЛЕВЪ СЫНЪ ЛЬГОТА ВО ИНОЦЕХ ИНОК СХИМНИКЪ ДЕОНИСЕИ». Верх и низ плиты сколоты, и в таком виде длина ее 150, ширина 72 см (к изголовью она немного увеличивается), толщина 22, высота букв 8 см. Украшение ее также составляет жгутовой орнамент. Верхний скол уничтожил последнюю букву, обозначавшую год: от нее сохранилось только основание мачты. Но размеры пространства, оставшегося до рамки, на котором надо было еще написать «ГО», т. е. «года», подсказывают, что здесь скорее всего стояла буква «г», соответствовавшая цифре 3. Следовательно, плита относится к 1645 г. Лигатур в надписи 6: «ле», «пр», «ав», «ми», «ин», «ик». Выносных букв 7: «р», «б», «х», «к», «м», 2 раза и». Титла обычные: «бжий» и «снъ». Орфография являет ту же картину, что и на предыдущих плитах. Отметим, например, вычурное написание имени «Дионисий» через «е» и «омегу».

Имя Льготы в документах конца XVI — первой половины XVII в. нам обнаружить не удалось ни в Москве, ни во Владимирском уезде, где проживали его родичи. В единственной переписной книге Москвы, составленной при его жизни в 1638 г., листы, относящиеся к Замоскворечью, где он, очевидно, жил, не сохранились. Тем не менее личность Дмитрия Льготы определяется без всякого труда. Носители этой фамилии были ветвью старинного боярского рода, который вел свое начало от черниговского боярина Федора Бяконта, переселившегося в Москву еще в конце XIII в. Он был отцом видного церковного и государственного деятеля XIV в. митрополита Алексея. Наиболее многочисленными и известными потомками Бяконта были Плещеевы [9, с. 60, 188, 247]. Перед смертью Льгота, как это было в обычае у тогдашних вельмож, принял схиму.

Таким образом, все публикуемые памятники принадлежат представителям служилой московской знати и родовитого дворянства, которых, как мы видели, из разных княжеств уже с конца XIII в. неустанно привлекало и сплачивало вокруг себя московское правительство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский исторический сборник. Т. 5. М., 1842.
2. *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853.
3. Писцовые книги Московского государства / Под ред. Калачева Н. В. Ч. I. Писцовые книги XVI в., отд. 2. Спб., 1877.
4. Писцовые книги Московского государства / Под ред. Калачева Н. В. Ч. I. Писцовые книги XVI в., отд. 1. Спб., 1872.
5. Переписи Московских дворов XVII столетия. М., 1896.
6. Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Росписной список города Москвы 1638 года. М., 1911.
7. *Гиршберг В. Б.* Надписи из Георгиевского монастыря.— В кн.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5. М.: Госкультпросветиздат, 1954.
8. *Арциховский А. В.* Надписи, найденные на Метрострое.— В кн.: По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.— Л.: Соцэкгиз, 1936.
9. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

Критика и библиография

Ш н и р е л ь м а н В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980. 334 с. 7 карт.

Сложной и многогранной проблеме возникновения производящего хозяйства посвящена огромная литература. Однако в большинстве работ делается акцент преимущественно на земледельческую сторону перехода к производящей экономике. Тем больший интерес представляет рецензируемая книга, в которой специально рассматриваются происхождение и ранние этапы развития скотоводства как системы хозяйства, исследуются экологические и культурные предпосылки его возникновения, а также особенности развития в разных районах земного шара, намечаются первичные и вторичные центры доместикации животных. Уделяя достаточное внимание биологической и технологической сторонам вопроса, автор концентрирует основное внимание на культурно-исторической функции скотоводства.

Территориальный охват работы чрезвычайно широк — это по существу все регионы Старого и Нового Света, где происходило возникновение скотоводства и его распространение из первичных центров. Хронологически работа охватывает время от первых опытов одомашнивания животных, которые в Передней Азии есть основания относить к VIII тыс. до н. э., до примерно III—II тыс. до н. э. В необходимых случаях автором делаются экскурсы и в более поздние эпохи. Поскольку в работе исследуются ранние этапы развития скотоводства, в центре внимания оказываются вопросы доместикации и хозяйственного использования крупного и мелкого рогатого скота и свиней, игравших важнейшую роль в скотоводстве Старого Света, а также лам, альпак и морских свинок, на разведении которых первоначально основывалось скотоводство в Америке. Впрочем, затрагиваются вопросы одомашнивания и использования и других видов. Фактологическая база для исследования поставленной автором проблемы весьма велика, хотя и не равноценна для различных регионов. Поэтому создание обобщающей работы, в которой подводятся итоги определенного этапа исследования проблемы возникновения скотоводства, представляется вполне своевременным.

Книга интересна в методическом плане. Ее отличает разнообразие использованных источников и удачное применение методов их параллельного изучения. На этом обстоятельстве хотелось бы остановиться подробнее. Решение кардинальных проблем первобытности, к числу которых, безусловно, надо отнести и проблему возникновения производящей экономики, невозможно без комплексного подхода, важнейшей стороной которого является широкое привлечение как археологических, так и этнографических данных. Нельзя не согласиться с автором, что любая реконструкция истории первобытного общества в настоящее время «не может обойтись без учета данных этнографии, ее концепций и терминологического аппарата» (с. 130). К сожалению, такой подход не нашел еще широкого применения в исторической науке, в частности и в работах археологов. Рецензируемая книга является хорошим примером плодотворности такого метода исследования. Так, только широкое использование этнографических источников позволило автору в целом удачно подойти к решению таких важных вопросов истории становления скотоводства, как различия стадий приручения и доместикации животных, механизм доместикации в культурно-историческом плане, характер содержания и использования домашних животных на ранних этапах скотоводческого хозяйства в различных его формах, культурно-историческая и социальная функция скотоводства и др. Анализ этнографических данных позволил обоснованно пересмотреть ряд уже укрепившихся в науке гипотез, в основу которых были положены лишь данные археологии. В то же время автор прекрасно понимает роль и ценность археологических материалов для своей темы, хорошо знает их и умело использует. Большое внимание уделено анализу данных биологических дисциплин, в том числе

новейших достижений генетики, без широкого применения которых исследование проблем раннего скотоводства вообще невозможно.

Весьма положительным моментом является и тот факт, что анализу археологических и этнографических источников в книге предпосланы подробная их характеристика, оценка тех возможностей, которые дают источники для исследователя, а также,— что особенно хотелось бы подчеркнуть,— достаточно подробное изложение методики анализа этих источников. Подобную источниковедческую характеристику исследуемого материала не часто приходится встречать в научной литературе, хотя она и должна стать нормой. Такой подход позволяет читателю оценить не только результаты, но и процедуру научного поиска.

Для практической работы археологов мне предоставляются весьма ценными два момента. Во-первых, критический анализ тех признаков доместикации животных, которые могут выявляться в археологическом материале (с. 37—44). Автор отмечает чрезвычайную сложность вопроса, подчеркивает, что методика выявления очагов доместикации по необходимости должна быть комплексной, что полученные данные должны взаимно проверяться различными методами. Правильно подчеркнуто, что решающую роль здесь должно играть изучение морфологических признаков доместикации на костных остатках животных. Следует дополнить соображения автора по этому поводу: учитывая большую вариационную изменчивость как диких, так и домашних видов, такие признаки должны выделяться не на остатках отдельных особей, а на массовом материале. Только этот последний позволяет установить наличие тех или иных признаков доместикации для популяции животных, что характерно для стадии одомашнивания. Во-вторых, интересны соображения о методике использования этнографических данных для реконструкции истории первобытного общества, практическая ценность которых выходит далеко за пределы рассматриваемой в книге проблематики (с. 130—135). В частности, поднимается здесь и вопрос о проверке правильности полученных реконструкций. Не все методические вопросы освещены в книге с одинаковой полнотой. Хотелось бы видеть здесь более подробную характеристику и оценку морфологических признаков доместикации отдельных видов, более детальную оценку возможностей статистики остеологических остатков из поселений для реконструкции состава стада и относительной роли охоты и скотоводства в получении продуктов мясного питания, такую же оценку остеологического материала из погребальных памятников.

Структура книги в целом отвечает поставленным задачам. Во «Введении» (с. 2—6) кроме предмета и задач исследования рассмотрены принципиальные вопросы особенностей приручения и доместикации животных как стадиально и по существу различных процессах, а также современное состояние проблемы датировок археологических памятников эпохи первобытности. Глава I (с. 7—36) посвящена подробному анализу развития представлений о происхождении скотоводства в мировой науке. В главе II (с. 37—129) рассматриваются археологические данные о возникновении и распространении скотоводства в Азии, Европе, Африке и Америке, о тех особенностях этой формы хозяйственной деятельности, которые могут быть выявлены по археологическим источникам. Эти материалы анализируются в связи с материалами по истории земледелия, что весьма важно, учитывая тесную связь этих двух важнейших отраслей производящей экономики. Большое внимание уделено реконструкции экологических условий в различных регионах, анализу современных представлений о происхождении домашних животных, биологическим особенностям этих последних и их диких предков.

Большой интерес представляет глава III (с. 130—202), в которой тщательно собраны и исследованы этнографические данные о приручении и содержании животных в обществах охотников, собирателей и рыболовов, о формах скотоводства и методах ведения скотоводческого хозяйства у народов, стоящих на разных ступенях общественного развития, о механизме распространения домашних животных и навыков ведения скотоводческого хозяйства, о культурно-исторической и социальной функциях скотоводства в разных обществах и т. д. Но следовало бы больше внимания уделить проблеме социальной функции скотоводства. Накоплено уже много данных о том, что скотоводство сыграло большую роль в разложении первобытнообщинных отношений, причем прослеживается это с весьма раннего времени. В главе читатель найдет, в частности, весьма ценные и мало освещенные в литературе данные о формах скотоводства на Новой Гвинее, в Океании

и Америке, а также критический анализ современных представлений о становлении и развитии оленеводства.

Глава IV (с. 203—245) представляет собой опыт исторической реконструкции происхождения и ранних этапов развития скотоводства. Основное внимание уделено здесь соотношению первичных и вторичных центров возникновения производящего хозяйства, в том числе скотоводства, вопросам о путях и механизме его распространения, эволюции скотоводства в экологических и конкретно-исторических условиях различных регионов. «Заключение» (с. 244—245), может быть излишне краткое, содержит основные историко-культурные выводы работы.

В книге имеется обширный и по существу исчерпывающий список литературы, включающий 1061 название (с. 250—282). В обширных «Приложениях» (с. 283—315) собраны важнейшие данные об остеологических находках на памятниках эпохи мезолита и неолита Передней Азии, Анатолии, Средней Азии, Афганистана, Индии, Пакистана, Юго-Восточной и Восточной Азии, юго-востока Европы, севера Африки, Южной и Центральной Америки. В связи с тем что эти данные разбросаны по многочисленным изданиям, главным образом зарубежным, не всегда доступным советскому читателю, материал приложений приобретает особое значение. К сожалению, в большинстве таблиц дано лишь процентное соотношение остеологического материала отдельных видов, а абсолютное его количество не указывается. Это не дает возможности оценить полноту выборки и, следовательно, степень достоверности выводов, которые можно сделать на материале того или иного памятника. Алфавитные указатели (с. 316—327) значительно облегчают работу с книгой, позволяют использовать ее и в справочных целях.

Выдвигаемая автором концепция возникновения скотоводства, которая должна быть положительно оценена, в самом сжатом изложении сводится к следующему. Важнейшей предпосылкой возникновения скотоводства было наличие пригодных для одомашнивания животных в местном биологическом фонде. Приручению подвергались представители многих видов, но лишь немногие из них могли быть доместицированы. Причина этого кроется в биологических особенностях самих животных (с. 4, 5, 211). Однако само по себе наличие природных предпосылок не ведет автоматически к сложению производящего хозяйства без соответствующих культурно-исторических факторов. Повторять и обосновывать это положение автору приходится неоднократно (с. 39, 68, 73 и др.), потому что, несмотря на его очевидность, оно нередко забывается в практической работе многих исследователей, в том числе археологов. Той основой, на которой стало возможным доместицировать большинство видов животных, было высоко развитое собирательство и выраставшее из него земледелие. Как убедительно показывает автор на многочисленных этнографических примерах, одомашнивание могло происходить только там, где относительно стабильная пищевая база позволяла сохранять жизнь отдельным особям пойманных на охоте животных и хотя бы минимально обеспечивать их кормом. Этот важный вывод не противоречит имеющимся археологическим данным. Лишь собаки и, возможно, свиньи могли быть приручены и одомашнены оседлыми рыболовами, охотниками и собирателями (с. 205—209). Впрочем, относительно свиней примеры такого рода немногочисленны и не всегда могут быть истолкованы однозначно.

Этнографические материалы не подтверждают представления о доместикации стад животных, пойманных методами загонной охоты (с. 209). Универсальным ранним методом доместикации не без оснований следует считать импринтинг, который применялся, в частности, при одомашнивании коз и овец, ставших наиболее ранними из известных человеку сельскохозяйственных животных. Более развитым методом доместикации, который применялся уже в условиях существовавшего скотоводства, было насильственное приручение с помощью голода. В Евразии таким способом были одомашнены, вероятно, крупный рогатый скот, лошадь и некоторые другие виды (с. 209—210). Если приручение животных возникло на поздней стадии развития общества собирателей, охотников и рыболовов, то «его расцвет и превращение в подлинную доместикацию, за редкими исключениями, надо связывать уже с раннеземледельческими обществами», а причину этого явления «искать в резком изменении пищевого баланса при переходе к более оседлому образу жизни, основанному главным образом на растительной или рыбной пище» (с. 211). Таким образом, вслед за Г. Райтом автор считает важнейшим стимулом к доместикации животных «желание сохранить важный источник питания в усло-

виях повышения роли растительной пищи и тенденции к оседлости, что привело к оттеснению охоты на второй план» (с. 212). Указанные обстоятельства, во-первых, обусловили ограниченность ареалов, где происходило становление скотоводства, которые оказались значительно более узкими, чем районы с благоприятным биологическим фоном, во-вторых, объясняют тесную связь земледелия и скотоводства и, как правило, параллельное их распространение из первичных центров. Автор приходит к важному выводу, что «производящее хозяйство родилось в комплексной форме и что земледельческо-скотоводческий этап был необходимым звеном всемирно-исторического процесса. Этому не противоречат отдельные факты перехода некоторых коллективов от охоты и собирательства к скотоводству путем заимствования домашних животных, так как они, во-первых, относятся к позднему периоду первобытной истории, а во-вторых, если не прямо, то косвенно связаны с влиянием земледельческо-скотоводческого мира» (с. 244).

Первичными центрами возникновения производящего хозяйства автор считает Переднюю Азию, Восточные Гималаи, Мезоамерику и Анды (с. 204). Следует отметить, что данные о восточногималайском центре пока немногочисленны. Возникнув самостоятельно в этих центрах, производящее хозяйство постепенно распространилось на значительную часть ойкумены. Существовали две формы механизма такого распространения — миграции и заимствования. Наилучшие условия для восприятия охотниками и рыболовами новых видов хозяйственной деятельности создавались в периоды хозяйственных кризисов, однако лишь при условии достижения ими определенного уровня культуры (с. 205, 212—218). При этом в районах с благоприятным биологическим фоном могли возникать и вторичные центры. Земледельческо-скотоводческий комплекс развивался в них иногда столь своеобразно, что «по прошествии определенного промежутка времени приобретал облик, мало напоминающий его непосредственного прародителя» (с. 205). Это обстоятельство сильно затрудняет разграничение первичных и вторичных центров.

Не касаясь проблемы распространения скотоводства во всех регионах, отмечу, что, по вполне обоснованному представлению автора, главную роль в этом процессе на территории СССР сыграл переднеазиатский центр. Несмотря на наличие благоприятного биологического фона на территории Закавказья и юга Средней Азии, производящее хозяйство в этих районах возникло, очевидно, в условиях тесных контактов местного и переднеазиатского населения (с. 70—77). До сих пор нет достаточно убедительных данных о местной доместикации мелкого или крупного рогатого скота в древнейших земледельческо-скотоводческих памятниках этих регионов, хотя теоретически такая доместикация и была возможна. При этом древний земледельческо-скотоводческий комплекс вторичного очага в Закавказье оказался весьма своеобразным. Это позволяет считать его сложившимся именно в этом районе (с. 70—71). Меньше своеобразия в этом плане имелось на юге Средней Азии. Земледельческо-скотоводческие племена этого района сыграли большую роль в распространении производящего хозяйства на север, вплоть до Зауралья и юга Сибири (с. 75—76). Впрочем, пути и механизм этого распространения археологически изучены еще недостаточно.

Автор отрицательно относится к построениям ряда исследователей, пытавшихся доказать местное одомашнивание крупного рогатого скота и свиней (а иногда и других видов) на юге Восточной Европы и самостоятельное возникновение на этой основе скотоводства, которое долгое время существовало якобы в отрыве от земледелия (с. 88—91). С этим тезисом автора нельзя не согласиться. Действительно, местная база для доместикации указанных животных была здесь явно недостаточной, а археологические данные позволяют утверждать, что на всех ранних памятниках, где имеются достоверные следы знакомства со скотоводством, есть и свидетельства занятий земледелием, местная база для возникновения которого в Восточной Европе отсутствовала полностью.

Наиболее ранней местной культурой, перешедшей на юге Восточной Европы к производящему хозяйству, автор считает буго-днестровскую. Скотоводство и земледелие у ее носителей складывалось «под влиянием с Балкан, которое особенно усилилось в связи с экспансией культуры старчево-криш-кереш» (с. 88). На мой взгляд, автор несколько переоценивает роль буго-днестровских племен в распространении скотоводства в степи и лесостепи Восточной Европы, тем более что культура эта изучена далеко не достаточно, а данные о скотоводстве ее носителей крайне ограниченны и плохо опубликованы. Влияние балканского и среднеевропей-

ского регионов в этом плане, безусловно, осуществлялось не только через посредство буго-днестровских племен. Весьма плодотворна и не отмеченная в книге мысль Н. Я. Мерперта о роли среднеазиатской периферии в сложении производящей экономики населения Приуралья и Нижнего Поволжья.

На южных окраинах лесной зоны Восточной Европы скотоводство вместе с земледелием появляется не ранее рубежа IV—III тыс. до н. э., причем под явным южным влиянием. Автор справедливо отмечает, что мощный толчок этому процессу дала миграция в лесные районы носителей ряда культур шнуровой керамики и боевых топоров (с. 91). Однако это скорее уже не южное, а западное влияние.

Сколько-нибудь детально реконструировать происхождение производящего хозяйства на территории советского Дальнего Востока, первые сведения о наличии которого восходят к периоду около III тыс. до н. э., в настоящее время затруднительно. Исходя из имеющихся скудных данных, автор отмечает, что пока можно говорить лишь об очаге возникновения земледелия и скотоводства в Восточной Азии в широком понимании, включая обширные районы Северного и Северо-Восточного Китая, Монголии и юга советского Приморья. Неолитические культуры с зачатками производящего хозяйства и со своеобразным земледельческо-скотоводческим комплексом (просо, собаки, свинья) развивались здесь в тесном взаимодействии, интенсивно обменивались различными достижениями, которые творчески воспринимались местным населением (с. 119—122). Можно отметить, что на Дальнем Востоке становление зачатков земледелия и скотоводства отличалось от зафиксированного в Передней Азии и происходило в условиях резко возросшей роли рыболовства в хозяйстве, определившего прочную оседлость населения.

Большое внимание в книге уделяется путям эволюции раннего скотоводства. Важнейшими ее направлениями были расширение сферы хозяйственного использования домашних животных, развитие скотоводческой техники и методов скотоводства, динамика взаимоотношений скотоводческого хозяйства с другими видами хозяйственной деятельности, прежде всего с земледелием, развитие социально-экономических отношений, основанных на владении скотом. Впрочем, как уже указывалось, последнему вопросу автор, к сожалению, уделяет мало внимания.

В результате тщательного анализа разнообразных источников автор приходит к выводу, что появление молочного хозяйства, использование домашних животных для получения шерсти, для нужд транспорта и в качестве тягловой силы в земледелии стали возможными на сравнительно поздних этапах развития скотоводческого хозяйства. Первоначально скотоводство имело лишь мясное направление (с. 218—233).

Важно отметить мысль автора о тесной связи развития скотоводства и земледелия. Исторические и этнографические данные, пишет В. А. Шнирельман, показывают, что, «с одной стороны, совершенствование техники земледелия и особенно возникновение плужного и ирригационного хозяйства, а с другой — появление дифференцированных способов использования животных...послужило основой для совершенствования форм и методов скотоводства» (с. 237). Исследователь отрицательно относится к гипотезам о раннем появлении кочевого скотоводства в некоторых районах Передней Азии, Северной Африки и евразийских степей (с. 238—242). Так, он считает, что «пока нет твердых оснований для утверждения о наличии кочевничества в евразийских степях в III — начале II тыс. до н. э.», хотя «процесс разделения на более оседлых и более подвижных скотоводов в этот период безусловно шел» (с. 242). К сожалению, автор не указывает конкретно, что же представляло собой хозяйство этих «более подвижных скотоводов». Нельзя не отметить, что аргументация автора против раннего сложения кочевого хозяйства в евразийских степях (с. 241—242) звучит не слишком убедительно. Так, разнообразие реконструируемого по археологическим материалам состава стада в различных районах этой огромной территории отнюдь не опровергает возможности господства подвижных форм скотоводства в наиболее аридных районах, а свидетельствует лишь о разнообразии форм хозяйства в разных экологических условиях внутри степной зоны, о том, что подвижное скотоводство в силу различных причин не распространялось в тот период на всю территорию степей. Наличие оседлости и сколько-нибудь развитого земледелия в наиболее засушливых районах степей не подтверждается археологическими или иными данными, хотя погребальные памятники здесь имеются. Уровень развития молочного хозяйства, наличие которого, по мнению В. А. Шнирельмана, является одной из необходимых предпосылок станов-

ления кочевого скотоводства (с. 219), у древнеямных племен оценить по имеющимся материалам трудно, но отрицать его нет никаких оснований, на что указывает и сам автор (с. 223, 242). Отсутствие в III тыс. до н. э. верховой лошади, само по себе, впрочем, проблематичное, могло лишь затруднять кочевание, но не делать его невозможным, а приведенные автором лингвистические данные допускают различные толкования. Можно согласиться, что рассматриваемый вопрос требует дополнительной разработки, но уже сейчас возможность его положительного решения для некоторых районов степей применительно к древнеямному времени вполне допустима.

Отмечу спорность еще некоторых положений книги. Так, вряд ли прав автор, утверждая, что древнейшие находки псалиев свидетельствуют не о верховой езде, а об использовании лошади для приведения в движение повозок (с. 231—232). Думается, что никаких оснований для такого заключения нет. Отсюда весьма спорной представляется и мысль автора о сравнительно позднем появлении всадничества и его истоках. Не совсем точно трактует автор тезис, что наличие колесных повозок может косвенно свидетельствовать о наличии пашенного земледелия, к которому он относится критически (с. 228—229). Дело здесь не в том, что колесные повозки и упряжные пахотные орудия появляются в рамках одного исторического периода, а в том, что колесный транспорт является составной частью хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев уже со времени формирования этого типа. Излишне пессимистически звучит мысль автора, что «проследить конкретную картину становления различных скотоводческих систем в настоящее время представляется невозможным» (с. 238).

Отдельные спорные или недостаточно обоснованные и разработанные положения отнюдь не умаляют достоинств книги, которая является лучшей и наиболее полной сводкой разнообразных, тщательно проанализированных и научно осмысленных данных о возникновении и ранней истории скотоводства. Рассмотрение проблемы в глобальном масштабе позволило автору не только наметить локальные и общие закономерности возникновения этого вида хозяйственной деятельности, но и выявить лакуны в наших знаниях. Поэтому появление книги В. А. Шнирельмана безусловно послужит толчком к дальнейшей разработке поднятых в ней важных, сложных и увлекательных проблем. Остается добавить, что рецензируемая работа, содержащая большое количество разнообразной и ценной для специалиста информации, написана кратким, четким, ясным языком и читается с большим интересом.

Краснов Ю. А.

Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980, с. 128. VI таблиц рисунков.

Монография А. Ц. Геворкяна посвящена исследованию химического состава металлических предметов раннего и среднего бронзового века Армении с применением данных спектрального анализа и разработке вопросов о древней рудной базе Малого Кавказа.

В главе I дается краткий очерк изучения древнейшей металлургии меди Армянского нагорья. Глава II посвящена изучению древней рудной базы Армении. Автор проделал большую поисковую работу по обследованию рудников и месторождений меди в рудных районах республики. Приводится карта и описание этих объектов. Северную группу составляют месторождения Алаверди, Ахтала, Шамлуг, Агвин, Апкадзор, Антоновское, Сисимаданское, Памбакское Ванадзорское, Фролова балка, Фиолетово, Арцруни, южную — Кафанское, Каджаранское, Агарак, Тейское, Личское. После обзора 17 месторождений и характеристики состава руд А. Ц. Геворкян пришел к выводу, что только восемь из них по геолого-геохимическим признакам могли привлечь внимание рудокопов раннего бронзового века. Остальные девять по особенностям оруденения практически были недоступны для эксплуатации в древности. Автор делает заключение, что возможности меднорудной базы Армении, как и любой горно-металлургической области, сильно переоценивались. А. Ц. Геворкян отмечает возможные источники металлургии эпохи бронзы Древнего Востока (такие, как Эргани-Маден в верховьях Тигра и Ефрата, Чорохская группа

в пределах Северо-Восточной Турции по р. Чорох, северо-анатолийская группа в низовьях р. Кизил-Ирмак, сиро-киликийская группа в северо-восточной части Средиземноморья у залива Искандера). Материалы главы II занимают в работе особое положение. Они содержат важную информацию о месторождениях меди Армении и данные состава руд, подвергнутые статистической обработке.

В главе III рассматриваются вопросы металлургии эпохи энеолита и раннего бронзового века. Для эпохи энеолита (конец V—IV тыс. до н. э.) автор использует анализы изделий из Техута и Кюль-Тепе I. Он приходит к выводу, что в то время металлурги Приараксья уже сознательно могли получать мышьяковую бронзу. При этом находки из Техута и Кюль-Тепе не являются самыми древними в Араратской долине. Они отражают этап местной металлообработки, для которого было характерно не только начало производства медных украшений, но и изготовление орудий и оружия. Процесс развития навыков металлообработки здесь не отставал от ближневосточных и малоазиатских раннеземледельческих центров освоения меди и бронзы.

Материалы по эпохе раннего бронзового века (III тыс. до н. э.) А. Ц. Геворкян исследует по 124 предметам из Армении и Азербайджана (Арагац, Аревик, Арич, Гарни, Гюзелова, Джраовит, Караз, Кировакан, Кюль-Тепе II, Ленинакан, Лчапи-Блур, Лчашен, Мартуни, Мохраблур, Приереванский клад, Степанакертские курганы, Шенгавит, Элар, Эчмиадзин). Вместе с ними рассматриваются более 90 анализов предметов из Грузии (находки из памятников по р. Куре — Амиранис-Гора, Урбниси, Хизанаат-Гора, Квацхелеби, а также материалы Сачхарского района — Сачхерский курган, курганы у с. Корети, местности Начеркезеви и Царцис-Гора). Предметы куро-аракской культуры, отобранные автором, включают вещи, относящиеся к раннему и позднему этапу металлообработки данной культуры по периодизации К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили [1. с. 129]. Изделия позднего этапа имеют многочисленные аналогии в материалах эпохи средней бронзы Северного Кавказа (втульчатые топоры, Т-образные булавки и др.). А. Ц. Геворкян отмечает следы литейного производства в слоях поселений Грни, Кюль-Тепе, Арича.

Обработка спектроаналитических данных была проведена автором в направлении выделения металлургических и химических групп. К металлургическим группам А. Ц. Геворкян отнес мышьяковую и мышьяково-оловянистую бронзу, группу чистой меди, сплав меди с серебром (билон). Химические группы выделены по вариациям микропримесей (никель — на рубеже 0,04%, свинец — 0,02%, сурьма — 0,01%) и их сочетанию. Всего отмечено восемь групп: четыре — с повышенным присутствием никеля (равен и более 0,04%; группы $A_{11.\ 12.\ 21.\ 22}$), четыре — с пониженным содержанием этого элемента (до 0,04%; группы $B_{11.\ 12.\ 21.\ 22}$). В дальнейшем автор придерживается выделенной номенклатуры для анализа предметов всех районов Южного Кавказа и Малой Азии, предварительно критически рассмотрев типологию металла, разработанную турецкой исследовательницей Уфук Есин. Такой прием дает возможность сравнивать материалы различных областей с находками III—II тыс. до н. э. Для сопоставления с кавказскими данными А. Ц. Геворкян привлекает более 140 анализов по материалам Анатолии (Аладжа-Гуюк, Алишар-Гуюк, Ахлатлибель, Каяпинар, Кюль-Тепе, Махматлар, Полатлы, Хороз-Тепе, Языликая); 66 анализов из Киликии (Мерсин, Юмук-Тепе, Гезлюкуле, Тилмена); 73 анализа по материалам Западной Малой Азии (Троя, Кушура, Нортан, Бейджисултан, Троада). Автор приходит к выводу о повсеместном употреблении мышьяковых бронз в III тыс. до н. э. от Эгеи до Куры и Аракса. Наряду с ними отмечено (по данным Уфук Эсин) широкое применение оловянистых бронз в Анатолии (47%), Киликии (30%) и Западной Малой Азии (41%). Для раннего этапа металлообработки куро-аракской культуры они не свойственны. Изделия из оловянистых бронз, по мнению А. Ц. Геворкяна, спорадически появляются лишь на ее позднем этапе (слиток из Джраовита, топор с трубчатой втулкой из-под Ленинакана). Однако следует заметить, что типологически предметы позднего этапа куро-аракской металлообработки, как отмечалось выше, имеют аналогии среди изделий среднего бронзового века Северного Кавказа, в том числе и упомянутая случайная находка топора [2]. Поэтому остается не ясно, использовалась ли оловянистая бронза для изготовления орудий и оружия в раннем бронзовом веке племен Южного Кавказа.

Сравнивая материалы поселений Грузии (Амиранис-Гора, Хизанаат-Гора, Квацхелеби, Урбниси) с анализами материалов Армении, автор предполагает, что предметы этих районов выплавлялись из руды одних и тех же или геохимически род-

ственных месторождений. А металл Северной Грузии (Сачхерского района) по химическому составу отличается от них. Хотелось бы, чтобы такое положение в интерпретации спектроаналитических данных было аргументировано при независимой обработке коллекций Малого Кавказа (Армения, Азербайджан), Куринской низменности (поселения Амиранис-Гора, Хизанаат-Гора, Квацхелеби, Урбниси) и южных склонов Большого Кавказа (Сачхерский район).

Глава IV монографии посвящена изучению металла среднего бронзового века (первая половина II тыс. до н. э.). Этот период в истории металлургии и металлообработки Армении, как отмечает автор, еще недостаточно исследован. А. П. Геворкян оперирует анализами 37 предметов из погребений и случайных находок (Лчашен, Эчмиадзин, Элар, Норадуз, Мецамор, Ленинакан, Айгешат, Аруч, Мохраблур). Среди них выделяются металлургические группы мышьяковых, мышьяково-оловянистых, мышьяково-свинцовых, мышьяково-оловянисто-свинцовых, условно мышьяково-оловянисто-свинцово-сурьмяных бронз. В коллекции доминируют изделия с присадками олова. Наиболее многочисленен мышьяково-оловянистый сплав. В области химического состава предметов отмечается увеличение высоконикелевых изделий групп А по сравнению с ранним бронзовым веком. Для территории Грузии (как отмечает автор, ссылаясь на данные Ц. Н. Абесадзе [3, с. 27—77]) широкое распространение сплавов с оловом наблюдается среди утвари триалетской культуры среднебронзового времени. Для сопоставления с особенностями металла кавказских изделий А. Ц. Геворкян приводит серию из 139 анализов по материалам Малой Азии. Для Анатолии они учтены из поселений Аладжа-Гуюк, Алишар, Кюль-Тепе. Самой многочисленной группой в районе остается мышьяковая бронза (42%). По-прежнему распространены сплавы с оловом, особенно мышьяково-оловянистые. Как и в Армении наблюдается повышение микропримесей никеля в составе металла изделий по сравнению с раннебронзовой эпохой. Автор объясняет это сменой источников. Из Киликии привлечены анализы 33 предметов, среди которых преобладают мышьяковые и мышьяково-оловянистые бронзы. Металл Западной Малой Азии представлен небольшой выборкой 16 предметов из Кушура и Бейджисултана. 13 из них относятся к мышьяковым бронзам и три — к мышьяково-оловянистым. Таким образом, в первой половине II тыс. до н. э. как на Кавказе, так и в Малой Азии «классический» вид оловянистой бронзы (сплав меди с оловом) не имел широкого хождения. Более был распространен сплав на медной основе с присадками олова и повышенным содержанием мышьяка.

В заключении А. Ц. Геворкян приводит общий обзор развития металлургии Армении. При этом он придерживается периодизации Е. Н. Черных и расчленяет развитие местной металлургии на три этапа: ранний, средний и поздний. Для первого этапа выделено две фазы. Первая датируется с конца VIII по конец V тыс. до н. э. Она связана с началом производства изделий из меди, которые представлены большей частью невыразительными украшениями. К ней относятся материалы Чайону-тепези начала VII тыс. до н. э. Вторая фаза хронологически охватывает почти все IV тыс. до н. э. Для нее типично начало изготовления орудий и оружия, литье предметов из мышьяковой бронзы. К этой фазе относятся находки из Техута и Кюль-Тепе I. Первая фаза второго этапа совпадает со становлением металлообработки куро-аракской культуры, изготовлением специализированного боевого оружия (копья с черенковым насадом), литьем втульчатых орудий (топоры, топоры-клевцы), а также других изделий (кинжалы, тесла, долота, различные украшения). В основном предметы куро-аракской культуры изготовлялись из мышьяковой бронзы. Плавильные печи отмечены автором на территории самих поселений (Гарни, Джагацитех, Бабадервиш).

Опираясь на химико-металлургические признаки цветного металла, А. Ц. Геворкян предлагает предварительно выделить ряд металлургических и металлообрабатывающих очагов. К ним относятся: куро-араксинский металлургический очаг, базирующийся на месторождениях меди Армянского нагорья; западногрузинский металлургический очаг с основными источниками сырья в Чорохском районе; анатолийский металлургический очаг, вероятно, снабжавшийся сырьем из месторождений бассейна р. Кизил-Ирмак; условный сиро-киликийский металлургический очаг, видимо, связанный с рудами Северо-Восточного Средиземноморья; западномалоазиатский очаг металлообработки с неясными источниками металла. Данные о рудной базе выделяемых очагов получены автором из литературы, а для территории Армении добыты в результате собственных изысканий.

Проблема идентификации состава металла изделий с характеристикой источников медного сырья методически является одной из самых трудных в истории древней металлургии. Вслед за шагом, сделанным А. Ц. Геворкяном в сторону ее разрешения на рассматриваемой территории, очевидно, требуются дальнейшие работы в этом направлении. Так, для куро-аракского очага металлургии, если исходить из археологического понятия ареала куро-аракской культуры на Южном и Северо-Восточном Кавказе, кроме Армянского нагорья, видимо, необходимо уточнение рудной базы племен, населявших южные склоны Большого Кавказа и Дагестан. Здесь отмечены своеобразные традиции металлообработки для III тыс. до н. э. Об этом можно судить по типам втульчатых топоров из с. Ялбузи, Кулбакеби [4, с. 71, рис. 2], находкам в Сванетии [5, табл. I, *1*, *2*], неизвестных в зоне Малого Кавказа. Явные следы локального участка производства предметов из меди и мышьяковой бронзы, или очага металлообработки, обнаружены М. Г. Гаджиевым в горном Дагестане [6, с. 39—45]. Использовали ли древние кузнецы III тыс. до н. э. Большого Кавказа привозное сырье из Армянского нагорья или уже употребляли металл месторождений Большого Кавказа пока не ясно.

Не вполне ясен и вопрос о роли чороxских рудопроявлений в снабжении металлом племен Западной Грузии, так как мы не располагаем данными о минералогических особенностях этих месторождений, ни о химическом составе изделий III тыс. до н. э. бассейна Чороха. Такие сведения были бы нужны для сопоставления с грузинскими материалами. Однако следует оговориться, что эти вопросы выходят за рамки задач, поставленных в рецензируемой работе.

Вторая фаза второго этапа охватывает эпоху средней бронзы. Развитие металлургии Армении в это время происходит, по мнению автора, под сильным влиянием малоазиатских очагов. Широкое применение получает оловянистая бронза, появляется металлическая посуда, различные высокохудожественные изделия с применением чеканки, гравировки, инкрустации. Касаясь вопросов о происхождении оловосодержащего сырья, А. Ц. Геворкян вступает в дискуссию с М. А. Кашкаем и И. Р. Селимхановым, предполагающими привоз олова на Кавказ и Переднюю Азию из Малайского архипелага. Такое предположение не объясняет появление в Малой Азии бронзы с оловом еще в III тыс. до н. э., т. е. существенно раньше, чем на юго-востоке Азии. Источники олова, снабжавшие бронзовую индустрию Передней Азии, более оправдано искать вблизи металлургических очагов и в областях непосредственно прилегающим к ним, опираясь при этом на данные геологии и сведения о старых разработках на олово.

Третий этап развития древней металлургии Армении охватывает эпоху поздней бронзы. Этот раздел выходит за хронологические рамки исследования, поэтому А. Ц. Геворкян ограничивается только краткой его характеристикой. Для эпохи поздней бронзы отмечен бурный расцвет цветной металлургии, связанный с типологическим расширением ассортимента изделий и сменой основных типов сплавов на некоторых памятниках. В это время начинается эксплуатация сульфидных руд. С появлением железных предметов цветная металлургия отходит на второй план.

Монография А. Ц. Геворкяна является интересным исследованием, заметным вкладом в изучение истории древней металлургии Кавказа и ценным источником для развития знаний в этой области археологии.

Кореневский С. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука. 1970.
2. *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа.— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
3. *Абесадзе Ц.* К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры.— В кн.: Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1974 (на груз. языке с русск. резюме).
4. *Кореневский С. Н.* Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской.— КСИА, 1975, вып. 142.
5. *Чартолани Ш. Г.* Археологические памятники эпохи бронзы из Сванетии. I. Каталог. Тбилиси: Мецниереба, 1977 (на груз. языке с русск. резюме).
6. *Кореневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980. 180 с.

История греческой колонизации Восточного Причерноморья пока все еще находится в стадии формулировании более или менее правдоподобных гипотез. Поэтому каждый новый факт, раскрывающий характер ранних греческих поселений этого района, должен рассматриваться с особым вниманием. В этом отношении очень интересна недавно опубликованная монография Н. А. Онайко, в которой получили всестороннее освещение результаты многолетних раскопок поселения на берегах Геленджикской бухты, сопоставляемого с античным Ториком.

Во введении рецензируемой книги рассматривается история изучения античных древностей в окрестностях Геленджикской бухты, наиболее ярком событием которой является исследование Торика экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Н. А. Онайко в 1971—1974 гг.

В первом разделе работы дана исчерпывающая характеристика остатков большого каменного здания, от которого сохранились 21 помещение и часть внутреннего двора с оградой. Подробно описаны стены, перегородка, дверные проемы, пороги, вымостка полов, каменные «ложа», «столики», лари, небольшие очаги и глинобитные печи. Убедительно выделено три этапа в жизни здания, построенного в середине VI в. до н. э. и затем пережившего две катастрофы. Первая из них выразилась в разрушении части здания на рубеже VI—V вв. до н. э., тогда же восстановленного; вторая характеризовалась разрушениями и сильным пожаром, после которых здание долго пустовало, постепенно заполняясь наносами метровой толщины, затем оно было восстановлено, но уже наспех и после короткого использования навсегда покинуто во второй четверти V в. до н. э. Основные характеристики здания позволили Н. А. Онайко отнести его к кругу построек, бытовавших в различных центрах греческого мира, среди которых наиболее близкими к Торику оказались аттические дома с выступающей башней (с. 64). По справедливому замечанию исследовательницы, рассматриваемое здание представляет собой «новый тип городского жилища» того направления, которое до сих пор не было представлено в античном домостроительстве Юга нашей страны (с. 120).

Второй раздел исследования посвящен подробному и тщательному анализу находок 1971—1974 гг. Среди амфор преобладает продукция восточных островных центров Эгейского моря и Малой Азии. Особенно много амфор со стаканообразной ножкой, за ними по количеству следуют хиосские амфоры и амфоры с широкой полосой, затем самосские, протофасосские и в единичных обломках — с полыми ножками; дата их — от середины VI до начала V в. до н. э. Толстостенная посуда характеризуется фрагментами кувшинов, лекифов, горшков, мисок, лекан и канфаровидных сосудиков, в основном происходящих из восточноионийских центров. Среди последних выделен обломок красноглиняного канфара, который, как полагает Н. А. Онайко, «может указывать на наличие и каких-то местных северо-восточных гончарных мастерских» (с. 76).

В материалах Торика хорошо представлены все четыре основные группы восточногреческой расписной посуды, среди которой преобладает родосско-ионийская группа (чаши-скифосы, килики, одноручные чашечки, кувшинчики, лекифы и аски), наряду с которой встречены изделия хиосские, стиля Фикеллура и клазоменские, характеризующие период VI — начала V в. до н. э. Видное место в коллекции Торика занимает чернофигурная и простая чернолаковая керамика, среди которой преобладает аттическая продукция — амфоры, лекифы, пиксиды, скифосы, килики, чашечки и другие изделия, дата которых определяется второй половиной VI и главным образом концом VI — началом V в. до н. э. Все светильники, найденные в здании, импортные и относятся к двум типам: круглый открытый с одним носиком и подвесной с несколькими носиками. Достаточно обильно представлена лепная посуда, изготовленная из местной глины,— горшки, банкообразные сосуды, миски и другие изделия, по форме и орнаменту перекликающиеся с местной, в частности среднекубанской посудой. В этой связи Н. А. Онайко справедливо отмечает следующее: «Придерживаясь точки зрения о принадлежности лепной керамики туземным племенам, мы в то же самое время допускаем мысль о ее производстве и самими греками» (с. 90).

Из прочих глиняных изделий примечательны пирамидальные глиняные грузила, пробки и пряслица, изготовленные, по-видимому, также из местной глины. Очень

интересны факты обнаружения в Торике выразительных следов металлообработки — кусков железной руды, железных и медных шлаков, а также образцов продукции этой важной отрасли ремесла — железных изделий: оружия (наконечники копий и дротиков), орудий труда (серп, мотыга, клин) и быта (ножи); бронзовых: двух- и трехлопастных наконечников стрел; свинцовых подвесок и пластинок. Среди находок в Торике обращают на себя внимание каменная прямоугольная зернотерка, точильные камни, бусы из египетского фаянса, раковины каури, кости домашних животных (овца, свинья, корова, лошадь, собака) и рыб.

Специальный раздел в книге составляет обзор результатов разведок и раскопок 1966 и 1971—1974 гг. в окрестностях Торика: обследование прилегающей с северо-запада к Торику горно-приморской полосы (бассейны рек Дооб и Ашамба, пос. Кабардинка, побережье Геленджикской бухты, фальшивый Геленджик). На основе этих работ и анализа материалов из фондов Геленджикского музея автору удалось в общих чертах обрисовать торговые связи местных племен сТориком, которые стали особенно оживленными в эллинистическую эпоху

Последний раздел — «Торик — ранняя апойкия в Северо-Восточном Причерноморье», как и заключение книги, посвящен вопросам истории памятника и его месту в системе древностей Северо-Восточного Причерноморья. Собрав и сопоставив важнейшие сообщения о торетах и городе Торике, сохранившиеся в трудах античных авторов, Н. А. Онайко убедительно локализует племя торетов в районе Геленджикской бухты, а мыс Торетский, упоминаемый в источниках,— на месте современного Тонкого мыса. Безусловно, Н. А. Онайко права и в своем предположении, что исследованное ею здание не было в Торике единственным. Приведенные в работе доводы, объясняющие исчезновение других городских кварталов в результате действия моря, представляются убедительными (с. 111). Вводимые в первых разделах книги в научный оборот материалы позволили исследовательнице обосновать важный вывод: «Экономика Торика базировалась в основном... на земледелии и использовании местных лесных массивов для сбыта дерева; на посреднической торговле вином и дорогой посудой, на производстве и продаже местным племенам металлических изделий» (с. 115). В социально-экономическом отношении Торик предстает небольшим поселением городского типа, сохранявшим «политическую и экономическую самостоятельность» до своего присоединения в V в. до н. э. к Боспору (с. 118). Сравнительную слабость социально-экономического и культурного потенциала Торика исследовательница вполне логично объясняет прежде всего тем, что окружавшие город племена торетов и керкетов сравнительно с северо-западными соседями «отставали в своем развитии, что сказалось и на меньшей степени их эллинизации» (с 124).

Убедительно отвечает Н. А. Онайко и на важный вопрос о путях колонизационных потоков, способствовавших появлению греческих апойкий в Восточном Причерноморье, в том числе и в Торике: «...письменные и другие данные свидетельствуют о том, что грекам многое способствовало для успешного знакомства и активного использования ими и южного пути... Этим, более коротким, чем западный, путем греки пришли к восточным берегам Черного моря, основав там свои города: Диоскуриаду (у г. Сухуми), Гиенос (у г. Очамчире), Фасис (около Поти) и др. Отсюда грекам было легко добраться до Геленджикской бухты, во всяком случае, гораздо проще, чем западным путем...» (с. 106—107). Близкая мысль высказывалась и раньше (М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, А. А. Иессен), однако наиболее законченную формулировку она приобрела в рецензируемой работе. В этой связи очень важен и тот вывод Н. А. Онайко, что «активное освоение греками изучаемого района началось в первой половине VI в. до н. э.» (с. 120).

К сожалению, Н. А. Онайко лишь вскользь упомянула о существовании фактов, подтверждающих вывод об освоении и широком использовании греками уже в середине и второй половине VI в. до н. э. южного пути. В этом отношении особенно показательны раскопки в окрестностях Фасиса и Диоскуриады. В первом случае речь идет о пригородной усадьбе в Симагре [1, с. 96—98], где выявлено три последовательных строительных горизонта середины VI в до н. э., второй половины VI в. до н. э. (со следами повторной реконструкции) и первой половины V в. до н. э. Богато представленный в Симагре импорт характеризуется теми же типами керамических изделий, что и Торик (амфоры со стакановидной ножкой, хиосские, псевдосамосские и др., родосско-ионийская тонкостенная столовая посуда, аттические чернолаковые и чернофигурные изделия, круглые светильники и др.).

Как и в Торике, лепная посуда в Симагре по основным своим характеристикам перекликается с аборигенной. О производственной деятельности греков свидетельствуют ионийские открытые светильники, изготовленные из местной глины [2, с. 375]. Общий характер памятника не позволяет пока с абсолютной точностью утверждать его туземную или греческую принадлежность. Но если усадьбу в Симагре рассматривать как принадлежащую аборигенному населению, то его быт во второй половине VI в. до н. э. был уже достаточно глубоко эллинизирован [3, с. 380]. Очень важны для рассматриваемой проблемы и находки из древнейшего горизонта на Эшерском городище (окрестности Диоскуриады) — здесь достаточно обильно представлены как соответствующие формы амфор, так и родосско-ионийская чернофигурная и чернолаковая аттическая продукция, близкая по ассортименту к Торику, в большом числе найдена и лепная посуда, которая хотя и связывается с аборигенной, но обладает рядом обособленных черт, сильно отличаясь от местного керамического комплекса в Симагре. Возникновение Эшерского поселения связывается с «ролью эллинского этноса» [4, с 16—23, 56]. Наконец, очень важны и пока эпизодические, но вполне определенные находки греческих изделий того же времени по всему восточнопричерноморскому побережью: ионийская «полосатая» керамика в Батуми и Цихисдзири [5, с. 155], родосско-ионийская посуда и хиосские амфоры в Кобулети—Пичвнари [6, с. 76—80], обломок коринфского лутерия конца VI в. до н. э. в Гиеносе [7, с. 45], ножки хиосских амфор конца VI — начала V в. до н. э. в основании культурных отложений в Сухумской крепости [8, с. 320], давно известные находки расписной керамики (датированной В. Д. Блаватским концом VII в. до н. э.) на поселении Красный маяк (западная окраина Сухуми) [9, с. 50], бронзовая оббивка в виде фигуры орла от восточногреческого щита второй половины VI в. до н. э. из Красномаяцкого могильника [10, с. 226], недавняя находка панафинейской амфоры с чернофигурной росписью третьей четверти VI в. до н. э. в Нижней Эшере [11, с. 213—214] и, наконец, обломки расписной ионийской посуды, в том числе с изображением розетки, на территории Сочи (Мамайка) [12, с. 64]. Эти данные в совокупности с материалами Торика противоречат мнению ряда исследователей о том, что южный путь греческих мореходов кончался в устье Фасиса (совр. Риони) [13, с. 164]. С другой стороны, перечисленные выше материалы со всей очевидностью показывают, что уже в середине VI в. до н. э. греческие мореплаватели свободно плавали вдоль всего кавказского побережья, где во многих пунктах их ждали благоустроенные гавани и города, населенные соотечественниками. Все это говорит в пользу вывода Н. А. Онайко о проникновении «греков на северо-восточные берега Черного моря южным путем» (с. 120).

Книга Н. А. Онайко включает богато иллюстрированный фотографиями и рисунками каталог находок в раскопанном здании Торика, а также результаты минералогического изучения образцов железных руд и шлаков из раскопок города, проведенного Н. Н. Тереховой и Л. С. Хомутовой.

Значение материалов Торика и выводов Н. А. Онайко выходит далеко за пределы Северо-Восточного Причерноморья. Без их учета теперь немыслимо правильное решение давно дискутируемого вопроса о путях и формах греческой колонизации других восточнопричерноморских районов, среди которых особое место занимает побережье Центральной и Северо-Западной Колхиды.

Воронов Ю. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Микеладзе Т. К.* Археологические исследования в низовьях р. Риони (Материалы к истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.
2. *Яйленко В. Л.* Выступление в прениях.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
3. *Виноградов Ю. Г.* Выступление в прениях.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
4. *Шамба Г. К.* Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
5. *Лордкипанидзе О. Д.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
6. *Кахидзе А. Ю.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети — Пичвнари). Тбилиси: Мецниереба, 1971.
7. *Воронов Ю. Н.* Гиенос.— СА, 1976, № 4.

8. *Квирквелия Г. Т.* Местное население в р-не Сухумской бухты в период греческой колонизации.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
9. *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
10. *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
11. *Шамба Г., Шамба С.* Раскопки в с. Нижняя Эшера.— В кн.: Полевые археологические исследования 1977 г. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
12. *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1978.
13. *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1966.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981

За многие годы стационарных раскопок в Новгороде историческая наука получила совершенно новое представление не только о самом городе, но и о всей русской средневековой жизни. Неоценимое значение приобрели берестяные грамоты, число которых уже перевалило за 600. Благодаря отличной сохранности многих предметов во влажной новгородской почве быт Новгорода прослеживается ныне тысячами различных находок: от капитальных уличных мостовых до детских игрушек и музыкальных инструментов. И вот новое выдающееся открытие: в 1973—1977 гг. археологическая экспедиция под руководством В. Л. Янина раскопала в Новгороде усадьбу, где в конце XII в. находилась мастерская художника-иконописца. Наука не знает других подобных находок, и в этом заключается особый интерес открытия советских археологов (кроме рецензируемой книги см также предварительные публикации В. Л. Янина [1, с. 299—311; 2, с. 112—121; 3, с. 116—125; 4, с. 37—53].

Троицкий раскоп, где обнаружена мастерская, находится на Софийской стороне города: к югу от кремля-детинца и поблизости от каменной церкви св. Троицы. Усадьба занимала участок на перекрестке двух улиц, Пробойной и Черницыной, и имела почти квадратные очертания (26×27 м). Активная жизнь зафиксирована здесь с XI по начало XIII в., а художественное производство, по хронологической шкале, разработанной специально для Новгорода, датируется с конца 80-х годов по 1209 г. «Великий пожар» 1209 г. уничтожил в Новгороде более 4 тыс. дворов, в числе которых оказалась и раскопанная усадьба. Никаких следов деятельности новгородского художника после этого пожара не выявлено.

На усадьбе открыты остатки деревянных сооружений, из которых только одно — изба площадью в 63 м² — была жильем и одновременно мастерской живописца. Различные предметы были рассеяны и вокруг дома. Собранные вещи помимо обычных находок, характеризующих повседневную жизнь обитателя мастерской, связаны с его ремеслом художника. Это деревянные дощечки для икон, скопления красок, керамические чашки для их растирания, золотая, серебряная и бронзовая фольга, сера, ртуть и янтарь, тигли, остатки паволоки и орнаментированных металлических окладов на иконы и, наконец, целая серия берестяных грамот, содержание которых прямо свидетельствует о работе иконописца. Отдельные грамоты обращены к некоему Гречину, который выполнял заказы местных новгородских попов. «Напиши мне двух шестикрылых ангелов на двух иконах на верх деисуса»,— читаем мы на одной из грамот. «Будь здесь к Петрову дню с тремя иконами»,— пишет художнику другой заказчик. Сохранилась даже такая специфическая грамота, как запись заранее составленной иконной композиции, где по сторонам от Христа должны были быть представлены Григорий, Феодосий и Захария с Анной,— вероятно, сонменные святые семьи заказчика. Короче говоря, нет сомнений в том, что на открытой усадьбе в конце XII в. действительно функционировала художественная мастерская.

Наиболее интересными находками являются, конечно, деревянные дощечки — заготовки для икон. Таких дощечек найдено 15, причем три из них сохранили на фоне следы красной краски, а еще одна — следы позолоты. Часть дощечек прямоугольная, а другая часть сделана с заплечиками и полукруглым верхом. Такая,

несколько усложненная форма известна по многим уцелевшим памятникам. Укажем для образца на синайскую икону XII в. с изображением Деисуса, находившуюся в коллекции Порфирия Успенского, а затем в Музее Киево-Печерской лавры [5, рис. 320]. Имеются подобные иконки и в нынешнем собрании Синайского монастыря [6, рис. 43, 62, 76, 161, 180]. Середина всех найденных дощечек выдолблена, так что получилась привычная форма иконы с полями и ковчегом, предназначенным для живописи. Не менее замечательны размеры дощечек. Самая большая из них имеет в высоту 19,5 см, а самая маленькая 5,7 см. Такие размеры стали привычными после открытия тысячной коллекции греческих икон на Синае, в числе которых оказалось немало совсем крошечных келейных иконок. Но и на Руси подобные иконки не были редкостью [1]. Факт весьма примечательный, поскольку почти все сохранившиеся древние русские иконы большого и даже очень большого размера; они достигали в отдельных случаях высоты 2—2,5 м (см., например, [8, № 1, 4, 5, 6, 10, 16]). Отсюда делался вывод, что на Руси в отличие от греков писали будто бы только монументальные иконы. Доля правды в таких высказываниях, конечно, есть, но ранее нам были известны исключительно церковные иконы, делавшиеся в расчете на крупные формы храма, а не на тесное пространство жилой избы или монастырской кельи. Благодаря раскопкам в Новгороде мы знаем теперь и домашние иконы, мало чем отличающиеся от крохотных синайских икон, находившихся в кельях отшельников монастыря св. Екатерины. Можно предполагать, что подобные небольшие иконки служили и дорожными образками, которые предприимчивые новгородцы, пускавшиеся в далекие путешествия по северным вотчинам, брали наряду с другим легким походным скарбом. Есть, наконец, основания думать, что часть икон изготавливалась для разного рода часовен и малых деревянных церквей, подобных церкви из Муромского погоста в Кижах, где теснота интерьера отлично вязалась бы с совсем небольшими иконами.

Новгородские летописи не скупятся на упоминания об отдельных лицах, так или иначе заявивших о себе в истории местной церковной, государственной, военной и общественной жизни. Частная переписка и деловые документы в виде берестяных грамот намного обогащают картину. Нередко сопоставление имен позволяет лучше понять темные страницы летописи, а иной раз вплотную подойти к самым загадочным фактам из истории Новгорода. Как раз такой случай представляет та глава рецензируемой книги (с. 136—155), которая посвящена проблеме выяснения личности художника Гречина, адресата ранее упомянутых грамот.

Имя Гречин встречается в новгородских источниках пять раз: под 1193 г. (когда после смерти архиепископа Гавриила новгородцы выбирали нового владыку: «инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантурпа, а сии хотяху паки Гречина»), под 1196 («томь же лете испьса црковь на воротехъ архепископъ Мартурии святыя Богородиця, а писець Грьцинъ Петровиць»), под 1226 (когда умиравший игумен Юрьева монастыря Савва благословил на свое место «Грьцина, попа святую Костянтину и Елены», т. е. попа церкви Константина и Елены), еще раз под 1226 (приписка к рукописи Стихираря из Публичной библиотеки в Ленинграде: «азъ попин грешныи Сава, а мирьскы Грьцинъ, написахъ книгы сия») и под 1229 (выборы новгородского архиепископа после сведения с престола владыки Антония, когда одни пожелали видеть новым архиепископом Спиридония, другие Иоасафа, а третьи «Грьцина»). Задача В. Л. Янина, взявшегося отождествить всех названных Гречинов с художником, работавшим в открытой мастерской живописца, осложнилась, однако, тем, что одна из грамот, найденных на раскопанном участке, адресована «к Олисьеви ко Грицинoу», иначе говоря, к Елисею Гречину. Исследователю понадобилась целая вереница предположений, чтобы отождествить просто Гречина с Гречином Петровичем, с Елисеем Гречином, с попом Гречином из церкви Константина и Елены, с писцом Стихираря Саввой Гречином и, наконец, с Гречином, выставлявшимся в 1193 и 1231 гг. в кандидаты на вакантное место архиепископа.

Споры о Гречине (личное имя или прозвище по происхождению?) идут давно [9, с. 93; 10, примеч. 21 на с. 223—224; 11, примеч. 16 на с. 81]. Но вопрос этот остается нерешенным. Хотя приписка к рукописи от 1226 г. ясно

---

[1] Здесь надо напомнить, что в 1966 г. еще одна маленькая иконная дощечка с именами святых, датированная XI в., была найдена на противоположной, Торговой стороне Новгорода [7, с. 199—202].

указывает, что имя Гречин рассматривалось в Новгороде как мирское имя человека, нет, с другой стороны, веских возражений, чтобы считать отдельные упоминания о Гречине именно как о Греке или, во всяком случае, как о пришлом человеке из «греческих» земель, а в качестве таковых могли обозначаться различные места от Закавказья и Малой Азии до греко-славянских стран на Балканах. Не исключено, наконец, и то, что при свободной, слабо регламентированной ономастической культуре средневековья имя Гречин могло сливаться в отдельных случаях как в личное имя, так и в прозвище.

В Древней Руси художники-иконописцы не ограничивались какой-либо одной стороной ремесла и с одинаковым умением писали иконы, миниатюры, фрески ([12, с. 27—28]; ср. также [12, с. 103, 107—109]). Для XIV—XVI вв. такой вывод подтверждается, в частности, достоверными и приписываемыми произведениями Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия. Но и в раннее время квалификация художника не ограничивалась только умением создавать иконы или только монументальную живопись. Эта, как мы думаем, правильная мысль вполне оправдывала желание В. Л. Янина поискать среди уцелевших памятников новгородского искусства такие произведения, которые предположительно можно было бы связать с творчеством Гречина из раскопанной Троицкой усадьбы. Заключительная глава книги — «Фрески Олисея Гречина?» — как раз и посвящена этой увлекательной задаче.

Менее всего оправдана в ряду этих произведений двусторонняя икона Богоматери Знамения и мученицы Ульяны из московской коллекции П. Д. Корина, поскольку сопоставление изображения Ульяны с приделом святой Иулиании, находившимся в соборной церкви Варваринского монастыря, поблизости от раскопанной мастерской, никак не выясняет проблему художника. Это понимает и сам В. Л. Янин, сразу переходящий к двум другим произведениям: к двусторонней иконе Спаса Нерукотворного с Поклонением кресту из Третьяковской галереи и к фрескам Нередицы. Поклонение кресту на тыльной стороне иконы Спаса обладает уже давно всеми замеченной стилистической общностью с живописью Нередицкой церкви. И время появления этой композиции — около 1191 г. в связи с постройкой новой деревянной церкви св. Образа [13, с. 265—269], тоже неподалеку от мастерской Гречина — приходится на одно десятилетие с нередицкими фресками (1199). Возможно, одна и та же рука работала и для церкви Спаса Нерукотворного, и в церкви Спаса Преображения на Нередице. Участие Елисея Гречина в росписи Нередицкого храма, где трудилась артель от восьми до десяти мастеров, вероятно. В одном из помещений усадьбы на Троицком раскопе найдено около десяти ведер охры, что не может быть истолковано иначе как остаток большого запаса этой краски, широко применявшейся в стенных росписях. Но каким образом доказать или на худой конец высказать отчасти обоснованное мнение, что Елисей Гречин работал и в церкви Спаса на Нередице? Следовало бы найти здесь нечто такое, что было бы индивидуальной чертой, свойственной как Елисею, так и какому-либо из безымянных мастеров Нередицы. По мнению В. Л. Янина, роспись Нередицы прямо напоминает о Елисее двумя композициями — изображением пророка Елисея на западной грани юго-западного столба и полуфигурным изображением Богоматери в алтарной деисусной композиции с редкостным обозначением Богоматери: не обычным МРΘV, а АГИА МАРΘА. Надпись на фреске сопоставлена В. Л. Яниным с берестяной грамотой 545, найденной в мастерской Елисея и трижды упоминающей некую «Марофу». Хотя В. Л. Янин склонен видеть здесь обозначение Богоматери (Мария-Марфа), содержание грамоты, представляющей собой краткий поминальник (?), препятствует подобному истолкованию. В грамоте, несомненно, речь идет о трех женщинах с именем Марфа (предлагается, в родительном падеже, помянуть Марфу, или, с огласовкой, Марофу). Этим подтачивается и само обращение В. Л. Янина к нередицкому изображению Богоматери.

Поскольку В. Л. Янин придает фреске значение решающего аргумента в пользу участия Елисея в росписи Нередицы, необходимо дать краткую историю изучения нередицкого деисуса. Отдельные ученые, доверяя надписи, видели в правом медальоне нередицкой композиции изображение св. Марфы и толковали деисус как патрональную фреску, где Иоанн Предтеча соответствовал будто бы строителю храма князю Ярославу Владимировичу, в крещении Иоанну, а Марфа — предполагаемой патрональной святой его жены, подлинное имя которой оставалось, однако,

неизвестным. Так истолковал деисус Н. Г. Порфиридов, неизданный доклад которого хранится в архиве Новгородского музея [14, с. 78—79], и Н. П. Сычев, повторивший, надо полагать, что ранее слышанное им сообщение Н. Г. Порфиридова [15, с. 84—92] [2]. Однако А. Н. Фролов, не обращаясь к патронимике [3], доказал необоснованность такого истолкования [16, с. 79—82] [4], сославшись, в частности, на сочинения Максима Грека, обличавшего тех, кто «от неведения греческой речи» пишут при изображении Богородицы не титла МР ΘV, а «Марфа» или даже «Мирфу». Образованнейший Максим, не стеснявшийся указывать русскому духовенству и правительству на всякого рода безобразия и темноту, имел все основания сказать упомянутые слова. Из сочинений Максима аналогичная фраза была позаимствована также составителями Строгановского иконописного подлинника [19, с. 30]. Нередицкая фреска показывает, что подобные заблуждения восходят еще к XII в. Она свидетельствует также, что нередицкий деисус написан скорее всего не греческим художником, сделавшим грубую ошибку именно «от неведения греческой речи».

Отрицая тождество автора грамоты, упоминающей «Марофу», с художником, исполнившим нередицкий деисус, мы тем самым почти исключаем вопрос о нередицких фресках из суммы вопросов, связанных с художественной мастерской. Теоретически Елисей Гречин мог принимать участие в росписи Нередицы, но до открытия прямых документальных данных это недоказуемо. А потому и вся последняя глава рецензируемой книги остается не более чем увлекательным предположением ее автора, что, впрочем, сознает и сам В. Л. Янин, поскольку название этой главы дано им в вопросительной форме [5].

Наши краткие замечания о спорных вопросах, затронутых в книге Б. А. Колчина, А. С. Хорошева и В. Л. Янина, никоим образом не влияют на характеристику издания в целом, тем более что замечания охватывают только небольшую часть публикации. Фактический материал настолько разнообразен и богат, что никакая критика не способна умалить его ценности. Мимо этой небольшой книжки не пройдет ныне ни один историк русской культуры. Археолог, историк, эпиграфист, историк архитектуры и быта, искусствовед — все найдут здесь то, что требуется для их собственных исследований. При этом каждая из смежных дисциплин способна открыть новые возможности при истолковании отдельных фактов, приведенных в книге. В свою очередь и сами авторы ставят целью продолжить изучение открытой ими художественной мастерской. Дополнительные раскопки близ церкви св. Троицы, проведенные после 1977 г., дали немало новых находок. Они позволят уточнить предварительные наблюдения. А это явится побудительной причиной для второго, более полного издания книги, значение которой выходит далеко за пределы русской художественной истории.

Вздорнов Г. И.

---

[2] С мнением Н. П. Сычева в своей недавней публикации согласился также Л. И. Лифшиц, статья которого «Об одной ктиторской композиции Нередицы» напечатана в книге «Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования». М.: Изобразительное искусство, 1983, с. 188—196.

[3] Проблема патроната в отношении к нередицкой фреске отрицательно решена и В. Л. Яниным.

[4] Работа А. Н. Фролова не использована В. Л. Яниным. Странным образом молчанием обойдены им и последние работы В. Н. Лазарева о Нередице, который давно отказался от устаревшей идентификации святой из нередицкого деисуса со св. Марфой [17, с. 124, 217; 11, с. 49, 84]. Что нередицкая «Марфа» является несомненным изображением Богоматери, свидетельствуют также три звезды, украшающие ее мафорий: иконографическая деталь, свойственная большинству изображений Богородицы в искусстве греко-славянского Востока. Согласно позднейшим толкованиям, эти звезды символизируют Троицу [18, с. 364—369].

[5] В экскурсе о нередицких фресках есть еще один спорный пункт: ктиторская фреска в аркосолии южной стены, изображающая неизвестного князя, который подносит модель храма сидящему Христу. Предложенная В. Л. Яниным идентификация этого князя с предполагаемыми основателями нередицкой церкви князем Святополком Мстиславичем (1142—1148) или Ярославом Изяславичем (1148—1154) неприемлема. Надпись на фреске называет князя-ктитора «вторый Всеволод», а этот эпитет, несомненно, имеет в виду великого князя Всеволода III Юрьевича, что, в свою очередь, означает появление ктиторской фрески не ранее года кончины Всеволода в 1212 г. Более того, наименование князя «вторый Всеволод» явно применяется здесь к лицу из князей владимирских. Вот почему ранее высказанное предположение, что на нередицкой фреске представлен строитель церкви Спаса Ярослав Владимирович, свояк великого князя Всеволода, следует признать более вероятным [20, с. 39—57].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Открытие художественной мастерской XII века в Новгороде.— Памятники Отечества, 1979, № 4.
2. *Янин В. Л.* Открытие мастерской художника XII в. в Новгороде.— ВАН, 1980, № 1.
3. *Янин В. Л.* Фрески Олисея Гречина? — ВАН, 1980, № 6.
4. *Янин В. Л.* В мастерской средневекового художника Олисея Гречина.— В кн.: Наука и человечество. 1981. М.: Наука, 1981.
5. *Lazarev V.* Storia della pittura bizantina. Torino, 1967.
6. *Sotiriou G., Sotiriou M.* Icones du Mont Sinai, I. Athènes, 1956.
7. *Арциховский А. В.* Заготовка иконы из Новгорода.— В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М.: Наука, 1973.
8. Живопись домонгольской Руси. Каталог выставки / Сост. Корина О. А. М.: Сов. художник, 1974.
9. *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М.: Искусство, 1960.
10. *Смирнова Э. С.* Рец. на кн.: Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги.— ВВ, 1964, т. XXIV.
11. *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М.: Искусство, 1973.
12. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М.: Искусство, 1980.
13. *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972.
14. *Вздорнов Г. И.* Архивные материалы по истории древнерусского искусства.— Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975.
15. *Syčev N.* Sur l'histoire de l'église du Sauveur à Neredicy près Novgorod.— In: L'art byzantin chez les slaves, II. P., 1932.
16. *Frolow A.* Saint Marthe ou la Mère de Dieu? — Bull. Byzant. Inst., 1946, N 1.
17. *Lazarev V.* Old Russian Murals and Mosaics. L., 1966.
18. *Galavaris G.* The Stars of the Virgin. An Ekphrasis of an Ikon of the Mother of God.— Eastern Churches Rev., 1967, N 6.
19. *Буслаев Ф. И.* Соч., т. II. Спб., 1910.
20. *Дмитриев Ю.* Изображение отца Александра Невского на нередицкой фреске XIII в.— Новгородский исторический сборник, 1938, № 3-4.

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ТРЕТЬЯКОВА

Петр Николаевич Третьяков скончался после тяжелой болезни 12 июня 1976 г. Болезнь не была скоротечной, она преследовала П. Н. Третьякова на протяжении нескольких лет. Однако эти годы были заполнены для него не ожиданием неотвратимого конца, а напряженной работой над рукописью новой книги, посвященной восточному славянству на ранних этапах его исторического развития [1].

Науке была посвящена почти полувековая творческая деятельность П. Н. Третьякова. Она нашла яркое воплощение в ряде капитальных исследований, существенно обогативших советскую археологию. В них он обычно выступал первооткрывателем, а если иногда ошибался, стремясь к истине, там, где еще не было твердых знаний, то со временем находил пути, дающие возможность продвинуться вперед. Особенно много сделано исследователем по проблемам этногенеза и ранней истории славян, образования древнерусской народности. Однако с самых начальных шагов в науке его исследования имели очень широкий охват и нередко далеко выходили за рамки славяно-русской истории. В поле зрения П. Н. Третьякова была история Восточной Европы начиная от «седой» древности — мезолита и вплоть до русского средневековья, а также теоретические основы и методология советской археологии.

Интерес к археологии появился у П. Н. Третьякова в школьные годы. Еще до окончания костромской 2-й девятилетней школы он работал при этнологической станции Костромского научного общества краеведения и в Костромском государственном музее, которым заведовал известный этнограф, археолог и краевед В. И. Смирнов. Экспедиции В. И. Смирнова и стали для юноши первой археологической школой. Впервые П. Н. Третьяков участвовал в раскопках в двенадцатилетнем возрасте.

В 1926 г. П. Н. Третьяков поступил на историко-лингвистический факультет Ленинградского университета, который окончил в 1930 г. по специальности археолога-музееведа. В студенческие годы постепенно складываются его научные интересы и творческий метод. В 1927 г. студент-первокурсник П. Н. Третьяков зачисляется в штат Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) на должность научно-технического сотрудника «по разряду этнографии», а в 1930 г., после окончания университета, становится младшим научным сотрудником. В составе экспедиции П. П. Ефименко он участвует в раскопках древнерусских поселений на верхнем Дону, а в 1929 г. проводит первые самостоятельные полевые изыскания в поречье Мсты, под Вышним Волочком.

От редакции. Публикуемая статья, посвященная 75-летию Петра Николаевича Третьякова, была написана его учеником и ближайшим сотрудником Евгением Алексеевичем Горюновым. В 1981 г. Е. А. Горюнов безвременно скончался. Он успел подготовить к печати текст статьи. Фотография П. Н. Третьякова отпечатана с негатива, хранящегося в фотоархиве ЛОИА АН СССР.

[1] Монография П. Н. Третьякова «По следам древних славянских племен» (Л.: Наука, 1982) вышла из печати уже после смерти автора. Подготовка рукописи к изданию была проведена Е. А. Горюновым (*Прим. ред.*).

Тогда же, еще очень молодым — ему было 22 года,— П. Н. Третьяков публикует работу «Костромские курганы», не утратившую своего значения и в наши дни. В ней приведены в систему и проанализированы курганные древности XII—XIV вв., известные по дореволюционным раскопкам. В этой работе П. Н. Третьяков в числе первых применил новую методику, основанную на принципе корреляции, что позволило ему достичь четкой классификации древностей, до этого выступавших совершенно аморфно. Источниковедческий анализ, произведенный скрупулезно, лежит в основе исследования. Однако работа над инвентарем костромских курганов служит для молодого ученого прежде всего методом при решении конкретных исторических вопросов.

В 1933 г., вскоре после утверждения старшим научным сотрудником, П. Н. Третьяков возглавляет большие археологические изыскания в зоне строительства верхневолжских гидроэлектростанций. Впервые в отечественной археологии им было предпринято исследование поселения на всей его площади. В 1934—1935 гг. он полностью раскопал позднедьяковское городище в устье р. Санохты, у дер. Березняки Ярославской области. На основе добытого материала П. Н. Третьяковым написано несколько работ, связанных с различными аспектами истории Верхнего Поволжья. Основным же является изданный в 1941 г. в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» обобщающий труд «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.». В нем дана целостная картина древнейшего прошлого края показан характер материальной культуры на различных этапах ее развития, определены изменения в экономической и общественной структурах на огромном протяжении нескольких эпох — от неолита до конца I тысячелетия н. э. Один из главных аспектов этой работы — социально-экономический. Переход от присваивающего хозяйства к производящему, развитие общественного разделения труда, зарождение ремесел, смена подсечного земледелия пашенным — все эти экономические сдвиги получили в работе четкую культурно-хронологическую привязку и показаны как «основа», обусловившая распад родового строя и «сложение на его месте иных социальных отношений, формой которых является сельская или, иначе, соседская община».

В этом же исследовании устанавливается и картина этнического развития племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., однако при этом П. Н. Третьяковым было выдвинуто положение, не подтвердившееся в дальнейшем. Он полагал, что уже с середины I тысячелетия н. э. «окончательно складываются в Верхнем Поволжье два обширных этнических массива», на востоке финно-угорский, на западе славянский, представленные различными по характеру древностями. Позднее выяснилось, что западные древности в границах, определенных П. Н. Третьяковым, связаны с одним из вариантов дьяковской культуры и составлены скорее всего восточными балтами, а не славянами, продвижение которых в Верхнее Поволжье началось в конце I — начале II тысячелетия н. э. К такому выводу пришел П. Н. Третьяков в работах конца 50-х годов, признав одновременно допущенную ранее ошибку. Она заключалась прежде всего в недооценке роли балтов в этнической истории Поднепровья и Поволжья. «Смягчающие вину обстоятельства» П. Н. Третьяков справедливо видел в том, что в 30—40-е годы изучение восточнобалтийских древностей в основном их ареале — Верхнем Поднепровье практически не велось и о них ничего не было известно. Они тогда не отделялись от древностей, принадлежащих другим этническим общностям, в том числе славянским.

В 30-е годы П. Н. Третьяков написал ряд работ общего характера по различной тематике. Некоторые из них посвящены крупным историко-культурным проблемам, связанным не только с археологическими источниками. К ним относится исследование «Первобытная охота в Северной Азии» (1935), выполненное на материалах этнографии. Общее признание по праву получило исследование «Подсечное земледелие в Восточной Европе» (1932), в котором убедительно решается проблема происхождения пашенного земледелия. Работа «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья» (1935) и некоторые другие привлекают историзмом в подходе к общественным явлениям. Они как бы противостоят прежней археологии, ограниченной рамками чистого вещеведения и вследствие этого не знавшей полноценных исторических реконструкций. В 30-е годы, время становления советской археологии на основе марксистского понимания истории, эти работы были весьма актуальны, хотя по объективным причинам: отрывочности материала, отсутствию отработанной методики его изучения и интерпретации — не всегда могли претендовать на исчерпывающее решение поставленных проблем.

В эти же годы П. Н. Третьяков плодотворно занимался и славянской тематикой. Он опубликовал несколько работ, связанных с изучением истории славян. В полемической статье «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (1937 г.), появившейся вместе с ответом на нее А. В. Арциховского в томе «Советская археология», молодой ученый выступил против шедшей от А. А. Спицына прямой увязки курганных древностей XI—XIV вв. с племенами «Повести временных лет». П. Н. Третьяков полагал, что летописные племена — кривичи, вятичи и др.— как социальные, политические и этнические образования реально существовали лишь во второй половине I тысячелетия н. э., до сложения государственности у восточных славян. Это положение стало одним из ключевых в понимании П. Н. Третьяковым проблемы образования Киевского государства.

В работе «Северные восточнославянские племена» (1941), первой в цикле обширных исследований П. Н. Третьякова по этногенезу и истории славян и их соседей, ученый обратился к древностям, известным для раннего железного века и

I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье и Волго-Окском междуречье. Он стремился очертить контуры исторического процесса, завершившегося образованием древнерусской народности. В работе определялись локальные варианты культуры железного века, их ареал и хронология, были локализованы с учетом культурных отличий курганные древности второй половины I тысячелетия н. э., рассмотрены вопросы восточнославянского этногенеза. Наряду с пересмотром устоявшихся в науке взглядов П. Н. Третьяковым была выдвинута концепция начальной истории славян.

Исследование вносило много нового и позитивного в изучение сложной темы, но имело, как позднее признал сам П. Н. Третьяков, и недостатки. Они заключались в использовании «теории стадиальности» и других ошибочных положений «нового учения о языке» акад. Н. Я. Марра в этногенетических построениях. В этой работе, а также в первом издании созданной на ее основе книги «Восточнославянские племена» (1948) в соответствии со взглядами Н. Я. Марра славяне и их язык выступали как стадиальное новообразование строго определенного времени, к которому будто бы только и восходит начало их истории. Те же корни имел и чрезмерный автохтонизм, присутствовавший в обоих трудах.

Начиная с конца 30-х годов славянская тематика становится основной для П. Н. Третьякова. Ей он подчиняет и свои полевые изыскания, которые в 1938 г., после завершения работ на Верхней Волге, переносит в Среднее Поднепровье. В те же предвоенные годы П. Н. Третьяков участвовал в создании серийных археологических изданий, входил в авторский коллектив первой «Истории СССР», опубликованной в 1941 г. В 1938 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Начиная с 1934 г. П. Н. Третьяков включился в преподавательскую работу в Ленинградском университете, где читал лекции по славянской археологии и полевой методике. В 1940 г. он вступил в ряды КПСС, а в январе 1941 г. был утвержден заместителем директора заменившего в 1937 г. ГАИМК Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК).

Во время Великой Отечественной войны П. Н. Третьяков находился на пропагандистской и преподавательской работе в системе Главного политического управления РККА. Войну он закончил в звании майора, получив награды: орден Красной Звезды и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В ноябре 1945 г., после демобилизации и возвращения в Ленинград, П. Н. Третьяков вновь принял на себя обязанности заместителя директора ИИМК и одновременно был назначен заведующим Ленинградским отделением этого института. В 1945 г. он успешно защитил докторскую диссертацию — уже упоминавшееся исследование «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.». Осенью 1946 г. П. Н. Третьяков привлекается на работу в Отдел науки Управления пропаганды и агитации при ЦК КПСС, где занимает должность консультанта по археологии, этнографии и истории. В связи с этим он переезжает из Ленинграда в Москву. Параллельно он работает в ИИМК, но уже старшим научным сотрудником, заведующим сектором этногенеза народов Восточной Европы. В 1947 г. он становится профессором кафедры истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1951 г. он был назначен директором Института славяноведения АН СССР и одновременно освобожден от работы в Отделе науки. В 1951—1953 гг. П. Н. Третьяков являлся главным редактором журнала «Вопросы истории». Наконец, вплоть до 1959 г. он был заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

П. Н. Третьяков принял руководство Институтом славяноведения, когда тот еще только делал свои первые шаги. Основной задачей научно-исследовательской работы Института в начале 50-х годов было написание обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши и Чехословакии, содействующих перестройке исторической науки в славянских странах. П. Н. Третьяков входил в авторский коллектив и был редактором первых томов «Истории Болгарии» (1954), «Истории Польши» (1954) и «Истории Чехословакии» (1956). Наряду с общим обзором истории этих стран с древнейших времен до наших дней, раскрытым с позиций марксизма-ленинизма, они содержали новую разработку основных проблем истории славянских народов. По инициативе и при деятельном участии П. Н. Третьякова складывались важнейшие направления научной деятельности Института славяноведения. В частности, по почину и при поддержке П. Н. Третьякова В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым было осуществлено исследование гидронимии Верхнего Поднепровья в широком лингвистическом плане, благодаря чему заметно продвинулось изучение балто-славянских языковых связей, восточнославянского этногенеза.

Тогда же П. Н. Третьяков активно участвовал в деятельности Славянского комитета СССР и Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Возглавлявшиеся им поездки делегаций этих организаций в Польшу, Чехословакию, Албанию содействовали расширению научного сотрудничества между учеными СССР и стран народной демократии.

В первое послевоенное десятилетие под редакцией П. Н. Третьякова выходит первый том «Очерков истории СССР». Тогда же в печати появляется ряд обобщающих трудов П. Н. Третьякова, в том числе вышедшая двумя изданиями в нашей стране (1948 и 1953) и, кроме того, в польском и чешском переводах книга «Восточнославянские племена», работа «Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья» (1948), а также многочисленные статьи, рецензии. Серьезным научным вкладом явился и созданный в соавторстве с П. П. Ефименко обширный труд

«Древнерусские поселения на Дону» (1948), посвященный восточному славянству на важнейшем этапе его исторического развития, связанном с формированием государственности. Он включал публикацию материала из раскопок воронежских городищ, добытого П. П. Ефименко в 1928—1933 гг., его анализ и историческое осмысление.

Книга «Восточнославянские племена», хотя и появилась в научно-популярной серии, встретила среди специалистов самое серьезное отношение. Она отображала необходимый этап в изучении восточного славянства, связанный с преодолением устойчивой традиции русской историографии конца XIX — начала XX в., которая опиралась при показе начальной истории славян в основном на скупые известия русской летописи и не выходила за ее временные границы. В этой работе П. Н. Третьякова заложено новое понимание истории славян как одного из древнейших этнических образований Средней и Восточной Европы. Страстно и убежденно ученый отстаивал мысль о том, что древнерусское государство явилось отнюдь не началом исторического бытия восточнославянских племен, а закономерным итогом длительного и сложного жизненного пути, пройденного ими к началу II тысячелетия н. э. Однако выдвинутая в работе концепция исторического развития славян оказалась уязвимой в отдельных своих положениях с точки зрения как археологии, так и лингвистики. Она нуждалась в существенной коррекции, что было выполнено П. Н. Третьяковым в исследованиях уже 60-х годов, после целой полосы открытий в археологическом изучении славянства, достигнутых при его активном участии.

В 1952 г. за участие в создании коллективного труда «История культуры древней Руси» П. Н. Третьяков был удостоен звания Лауреата Государственной премии. В 1958 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР. Не ослабевает в эти годы и полевая деятельность ученого. Она по-прежнему направлена на изучение важнейшей проблемы этногенеза и ранней истории славян. В 1951 г. возглавляемой им Славянской (Верхнеднепровской) экспедицией было начато планомерное изучение культур раннего железного века и I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье. Работы Славянской экспедиции привели к крупным открытиям. Прежде всего выяснилось, что зарубинецкая культура вопреки утвердившемуся в науке мнению не представляет собой узколокального явления, связанного только со Средним Поднепровьем, что она широко распространена на верхнем Днепре, где оказала заметное влияние на соседние культуры. Другим важным итогом этих работ было выявление в Верхнем Поднепровье ранее неизвестных древностей второй и третьей четверти I тысячелетия н. э., которое заполнило лакуну в несколько веков, отделявшую культуры раннего железного века от раннесредневековой славянской VIII—X вв.

Полевые изыскания в Верхнем Поднепровье были успешно продолжены Н. П. Третьяковым в 1954—1962 гг. в пределах Смоленщины. В эти годы вскрыты раскопками несколько городищ-убежищ, а два городища-— Тушемля и Слобода-Глушица — исследованы полностью.

Итоги многолетних изысканий на Смоленщине подведены ученым в труде «Древние городища Смоленщины» (1963), вошедшем в сборник под таким же названием (еще одним автором сборника стал Е. А. Шмидт). Содержание работы составила не только публикация добытого материала. В ней нашли решение на основе источниковедческого анализа и общие вопросы, связанные с изучением материальной культуры в Смоленском Поднепровье на разных этапах ее развития, хозяйственной и общественной жизни населения. Надежную аргументацию получили основные положения — о смене в середине I тысячелетия н. э. одной формы поселений другой, о преемственности в этнокультурном развитии с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до раннего средневековья, о принадлежности древностей этого времени восточным балтам и др.

Начиная с 50-х годов П. Н. Третьяков много и плодотворно занимался вопросами изучения зарубинецкой культуры. Особое внимание при этом им было уделено выяснению места последней в восточнославянском этногенезе. Он подготавливает два крупных выпуска «Материалов и исследований по археологии СССР», обобщивших все основные сведения об этой культуре, публикует ряд специальных статей. Зарубинецкая тематика занимает одно из главных мест в его обобщающих исследованиях по этногенезу и истории славян, балтов и финно-угров.

В 1959 г. П. Н. Третьяков по личной просьбе был освобожден от обязанностей директора Института славяноведения АН СССР и вернулся в Ленинград. С этого времени и до конца своей жизни он работал старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Параллельно с научной деятельностью ученый вел преподавание на кафедре археологии Ленинградского университета, где читал лекции по финно-угорской археологии, этногенезу и истории славян.

В 60-е годы П. Н. Третьяков развернул широкие полевые изыскания в Подесенье, там, где, как он и полагал, можно было ожидать открытия недостающих звеньев развития славянской культуры. Считая отыскание этих звеньев главной задачей славянской первобытной археологии, П. Н. Третьяков приложил все силы для ее решения. Работами возглавлявшейся им экспедиции был фактически ликвидирован хиатус, измерявшийся в Подесенье несколькими столетиями — от рубежа н. э. до VIII—X вв.

Исчерпывающая публикация большого материала, добытого в Подесенье, и выводы, вытекающие из его анализа, составили содержание обширной работы

П. Н. Третьякова в выпущенном им сборнике «Раннесредневековые восточнославянские древности» (1974). Ей предшествовали два капитальных труда П. Н. Третьякова — «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966) и «У истоков древнерусской народности» (1970), тематически близкие и дополняющие друг друга. В творческом наследии П. Н. Третьякова эти труды (вместе с последним обобщающим новейшие исследования в области славянского этногенеза исследованием Петра Николаевича «По следам древних славянских племен») являются наиболее значимыми. В основе их — собственные исследовательские работы автора за многие годы и критическое осмысление и обобщение всего сделанного в русской и советской науке в изучении первобытной истории и этногенеза славян, балтов и финно-угров, процесса образования древнерусской народности, прежде всего северной ее ветви. Особенно значительным хронологическим охватом и тематическим разнообразием отличаются более ранние исследования. Они начинаются с раскрытия истории первоначального заселения лесной зоны Восточной Европы и Зауралья, а заканчиваются показом истории Поднепровья и Верхнего Поволжья накануне образования древнерусской народности. В этой работе особо ярко проявился широкий научный кругозор ученого, сумевшего не только охватить многие, казалось бы, далекие друг от друга темы и связанные с ними сюжеты, но и раскрыть каждую из них с полнотой специального исследования, глубоко и убедительно. Определяя структуру книг, ученый исходил из того, что раскрытие основной темы — истории образования древнерусской народности — невозможно без выяснения многих вопросов, связанных с изучением исторических судеб не только славян, но и других этнических групп, в первую очередь балтов и финно-угров, составивших субстрат северной ветви древнерусской народности. В этих работах П. Н. Третьяковым была выдвинута новая концепция этногенеза и истории восточных славян, основанная на последних достижениях как археологии, так и смежных наук, прежде всего языкознания. Сущность ее заключается в следующем.

Славяне уже изначально не были компактной культурно-этнической общностью, а делились на несколько племенных групп, имевших определенные отличия в культуре и языке. До середины I тысячелетия до н. э. их этническое развитие было связано главным образом с процессами дифференциации, позднее — интеграции, «достигшей максимума к исходу „великого переселения народов"» — в V—VI вв. Консолидация славянской общности после середины I тысячелетия до н. э. нашла археологическое выражение в распространении в Среднем Поднепровье зарубинецкой культуры. В начале I тысячелетия н. э. «главные центры исторической жизни» находились уже не в Среднем, а в Верхнем Поднепровье. Сюда славянские (зарубинецкие) племена были оттеснены сначала кочевниками-сарматами, а затем готами и другими племенами, составившими черняховскую культуру III—IV вв. С продвижением славян на север начался процесс ассимиляции местных балтийских племен, завершившийся в отдельных местах лишь в конце I — начале II тысячелетия н. э. С субстратным воздействием связано появление в культуре славян отдельных балтийских элементов, заметно изменивших ее характер. В послегуннское время, когда резко изменилась историческая обстановка, славяне возвращаются в Среднее Поднепровье, а также осваивают земли, которые им ранее не принадлежали, продвигаются на юг вплоть до Нижнего Дуная, где вступают в борьбу с Восточно-Римской империей. С этими передвижениями славян связано появление в Среднем Поднепровье пеньковской культуры, отличия которой от исходной, более северной, обусловлены зародившимися контактами и связями славян со степными кочевыми племенами. Более поздний этап движения славян в Поднепровье связывается с появлением на левобережье Среднего Днепра и Верхнем Дону роменско-боршевской культуры, сложившейся в верховьях Десны и Оки при участии балтийского субстрата.

В VI—VII вв. в славянской среде особенно усиливается процесс культурно-исторической интеграции, тогда же зарождаются социально-экономические предпосылки образования древнерусской народности. Первичное ядро древнерусской народности и ее государственности — «Русская земля», объединившая в своих границах названные в летописи группировки полян, северян и уличей. В конце I тысячелетия началась «феодальная» колонизация в финно-угорские области Волго-Окского междуречья, приведшая к ассимиляции мери, муромы и других финно-угорских племен.

В целом благодаря трудам П. Н. Третьякова наука обогатилась стройной концепцией этнического и социально-экономического развития славян и их соседей. Прочную ее основу составили определенные методологические и теоретические принципы, с разработкой которых связаны специальные работы П. Н. Третьякова — «Этногенетический процесс и археология» (1962), «Археологические культуры и этнические общности» (1969) и др. Конечно, не все положения его этногенетической концепции могут быть признаны в полной мере доказанными. Некоторые из них являются пока не более чем гипотезами — смелыми, не лишенными объективной основы, но нуждающимися в подкреплении новыми фактами. Однако учитывая существующие пробелы в наших знаниях, сложность изучения проблем этногенеза, нельзя и рассчитывать на другое при создании общей картины исторического развития славян, причем не только в настоящее время, но, очевидно, и в обозримом будущем. Исследования П. Н. Третьякова открывают историческую перспективу, новый подход к решению важнейших проблем, они представляют неотъемлемое звено в развитии представлений об этногенезе и истории славян.

Перу ученого принадлежит свыше 200 научных работ. Многолетний творческий

труд ученого-марксиста П. Н. Третьякова получил широкое и заслуженное признание. За выдающийся вклад в развитие исторической науки, за плодотворную общественную и организаторскую деятельность он был награжден орденом Ленина (1954), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1969 и 1975). Научные заслуги ученого отмечены и Польской Народной Республикой, наградившей его в 1974 г. кавалерским орденом Возрождения Польши.

Научное наследие П. Н. Третьякова — это не только его статьи и книги, но и его опыт, знания, переданные молодому поколению археологов. П. Н. Третьяков оставил много учеников, благодарных ему за постоянное внимание и поддержку при первых шагах в науке.

Труды П. Н. Третьякова принадлежат не только прошлому и настоящему науки. Будущее советской археологии также невозможно представить без Петра Николаевича Третьякова, без его книг с широкими обобщениями и смелыми гипотезами, которые будят мысль и открывают реальные перспективы в изучении узловых проблем истории славян.

Горюнов Е. А.

100 ЛЕТ «ОБЩЕМУ КАТАЛОГУ МОНЕТ» П. О. БУРАЧКОВА

В 1984 г. исполняется 100 лет со времени издания каталога античных монет Северного Причерноморья, составленного Платоном Осиповичем Бурачковым. За прошедшие десятилетия издано много нумизматических трудов, но этим каталогом до сих пор продолжают пользоваться специалисты и в нашей стране, и за рубежом.

П. О. Бурачков (1818—1894 г.) вырос в имении своего отца — Ивановке, в низовьях Днепра (ныне Голопристаньский р-н Херсонской обл.). С детских лет он начал интересоваться предметами старины, которые часто находили в этих местах, прежде всего античными монетами. Это увлечение П. О. Бурачков сохранил на всю жизнь. Он много ездил по местам античных поселений на юге России, и ему удалось собрать большую (около 800 экз.) коллекцию античных монет Северного Причерноморья. Впоследствии эта коллекция легла в основу собрания античных монет Государственного Исторического музея (Москва).

П. О. Бурачков не только коллекционировал античные монеты, но и пытался их изучать, систематизировать. К VI Археологическому съезду он намеревался издать «Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге теперешней России в период пребывания там эллинов». Однако замысел этот удалось осуществить лишь частично: автор успел издать первую часть задуманного труда — «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней южной России». Именно этот труд принято теперь называть «Общий каталог монет».

«Общий каталог монет» состоит из двух разделов. В первом разделе автор дал перечень и описания монет и высказал некоторые соображения относительно их атрибуции и оценки. Второй раздел состоял из 33 таблиц с прорисовками 1094 монет.

Важно подчеркнуть, что «Общий каталог монет» является трудом только одного человека, не бывшего профессионалом-нумизматом и жившего в глухой по тем временам провинции.

Каталог был отпечатан в 1884 г. в типографии А. Шульце в Одессе тиражом 150 экз. Цена каталога (35 руб.) была по тем временам достаточно высока (месячная зарплата среднего служащего). Из-за высокой стоимости, а также потому, что античными монетами интересовались лишь несколько музеев и узкий круг специалистов, спрос на каталог был невелик, и П. О. Бурачков уничтожил большую часть тиража своего труда.

Естественно, что «Общий каталог монет» имел ряд недостатков. Некоторые утверждения автора не подкреплялись никакими данными и были подчас просто фантастическими. Рисунки монет иногда «домысливались». Номера монет в описаниях и номера рисунков на таблицах не совпадали. В таблицы было включено немало прорисовок фальсификатов. Чтобы исправить недостатки каталога, известный русский нумизмат А. Л. Бертье-Делагард в 1907 г. заново просмотрел все монеты из бывшей коллекции П. О. Бурачкова в Государственном Историческом музее. Результатом явилось издание, озаглавленное «Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова (М., 1907). А. Л. Бертье-Делагард привел в соответствие номера монет в тексте и на таблицах, исправил неточности некоторых описаний и изображений, выделил монеты, не относящиеся к городам Северного Причерноморья, и нумизматические фальсификаты. Текстовой части и соображений П. О. Бурачкова А. Л. Бертье-Делагард не касался. Он указал, что уже тогда каталог являлся библиографической редкостью.

Благодаря «Поправкам» А. Л. Бертье-Делагарда пользование «Общим каталогом монет» значительно облегчилось. До настоящего времени этот каталог остается одним из настольных трудов по античной нумизматике. За 100 лет, прошедшие со времени публикации «Общего каталога монет», не появилось нового каталога, который охватывал бы такое же огромное количество монет античных городов Север-

ного Причерноморья. До настоящего времени корпус этих монет пока остается не подготовленным. Наиболее полно и научно обоснованно описал монеты городов Северного Причерноморья А. Н. Зограф [1, 2], но многие чеканы остались вне поля зрения автора, а иллюстративный материал в его исследовании сравнительно беден. Исследования Д. Б. Шелова и Н. А. Фроловой [3—5] посвящены монетному делу Боспора. А. Н. Зограф специально исследовал монеты Тиры [6], В. А. Анохин анализировал монетное дело Херсонеса [7]. Ряд авторов (кроме названных, упомяну А. В. Орешникова, Х. З. Гиля, К. В. Голенко, А. М. Гилевич, П. О. Карышковского, Ю. Л. Дюкова и др.) специально исследовали частные вопросы нумизматики Северного Причерноморья. Все это создает хорошую базу для создания нового корпуса античных монет Северного Причерноморья, подготовленного на современном научном уровне. Хочется надеяться, что появление такого корпуса не заставит себя ждать.

Грандмезон Н. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
2. *Zograf A. N.* Ancient Coinage. T. I, II. Oxford, 1977.
3. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. *Shelov D. B.* Coinage of the Bosporus VI—II centuries B. C.— British Archaeological Reports, International Series, 46. Oxford, 1978.
5. *Frolova N. A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 89-238.— British Archaeological Reports. International Series, 56. Oxford, 1979.
6. *Зограф А. Н.* Монеты Тиры. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
7. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977.

ЛЮБИН В. П., БОРИСКОВСКИЙ П. И.

АРХЕОЛОГИЯ НА МОСКОВСКОМ КОНГРЕССЕ ИНКВА

С 1 по 9 августа 1982 г. в Москве заседал XI Конгресс Международного союза по изучению четвертичного периода (ИНКВА). Он был приурочен к пятидесятилетию II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, которая состоялась в Ленинграде в 1932 г. при активном участии таких выдающихся исследователей истории ископаемого человека, как Г. А. Бонч-Осмоловский, В. И. Громов, С. Н. Замятнин, Г. К. Ниорадзе, М. В. Воеводский, К. М. Поликарпович, Г. П. Сосновский, К. Абсолон (Чехословакия), В. Антоневич (Польша) [1]. Московский конгресс вызвал большой интерес научной общественности. В нем приняло участие свыше 1000 делегатов со всех концов земли. О тематике и объеме работ конгресса дает представление перечисление 24 секций, в рамках которых проходила основная его научная деятельность: 1) Стратиграфия четвертичных отложений; 2) Корреляция четвертичных отложений, 3) Седиментация и плиоцен-четвертичная стратиграфия в океанах и на шельфах; 4) Палеонтология позвоночных и беспозвоночных и их стратиграфическое значение; 5) История флоры и растительности; 6) Голоцен; 7) Ледниковые и водно-ледниковые отложения, гляциальная геоморфология; 8) Литогенез криогеновой и перигляциальной зон; 9) Аллювиальные отложения и вопросы формирования речных долин, 10) Четвертичный вулканизм и осадконакопление; 11) Геохимия четвертичных образований; 12) Палеогеография; 13) Геоморфология; 14) Неотектоника; 15) Береговые линии; 16) Палеогляциология; 19) Полезные ископаемые четвертичных отложений; 20) Изучение земли методом аэрокосмической съемки; 21) Инженерно-геологические проблемы; 22) Охрана окружающей среды; 23) Археология и природная обстановка каменного века; 24) Проблемы антропогенеза и палеоантропологии.

Археология каменного века, особенно археология палеолита, неразрывно связана с геологией, палеозоологией, палеоботаникой четвертичного периода. Во всех международных конгрессах ИНКВА неизменно принимают активнейшее участие специалисты по палеолиту и неолиту. Не явился исключением и Московский конгресс. В его рамках функционировали симпозиум «Среда и охотничья деятельность в каменном веке» (руководитель В. П. Любин) и секция «Археология и природная обстановка в каменном веке» (руководитель П. И. Борисковский). Симпозиум и секция собрали свыше 100 участников, как советских, так и зарубежных. На 15 заседаниях было заслушано и обсуждено 106 научных докладов. Из зарубежных стран на симпозиуме и секции были представлены США (8 докладов), Франция (6 докладов), Индия (4 доклада), Великобритания, Израиль и Канада (по 3 доклада), Бельгия, ГДР, Италия, Польша, Чехословакия (по 2 доклада), Алжир, Венгрия, Португалия, Румыния, Финляндия, ФРГ, Швеция (по 1 докладу). Отметим участие в работе видных зарубежных археологов и палеонтологов Е. Бонифэ, Ж. Комбье,

[1] Их доклады опубликованы в книге «Труды Международной конференции АИЧПЕ». Вып. 5. Л.—М.— Новосибирск, 1934.

Г. Фора, Г. Мюллер-Бека, Р. Акермана, Р. Солецки, К. Валоха, Ю. Барта, К. Герена, А. Ронена, А. Гхоша, Д. Уаймера.

Внимание, которое привлек к себе симпозиум, было, по-видимому, обусловлено удачно выбранной проблемой, рассматривающей по существу палеоэкономику древнейших человеческих обществ и ее взаимодействие с окружающей средой. Симпозиум явился в основном смотром достижений советской науки в данной области. В подавляющем большинстве представленные советскими учеными материалы были новыми, неопубликованными, являющимися обзорами и обобщениями в пределах крупных регионов Советского Союза (Кавказ, юг Русской равнины, Урал, Южная Сибирь, Дальний Восток и др.). Более половины всех докладов касалось различных аспектов проблемы «среда и охотничья деятельность» в поздние эпохи каменного века (верхний палеолит, мезолит, неолит), а в отдельных случаях (северные районы СССР) — в эпоху бронзы и древнего железа вплоть до нашей эры. Охоте древнего человека в эпоху олдувая — ашеля — мустье было посвящено лишь 7—8 докладов. В центре внимания, таким образом, находилась охотничья деятельность во второй половине последнего оледенения и в голоцене. Очевидно, сказались лучшая представленность этих эпох в фактическом материале и соответственно лучшая разработанность проблемы «среда и охота» именно для указанных отрезков времени.

Большинство докладов было связано с территорией Советского Союза. В двух случаях советские докладчики (Д. Л. Бродянский, Р. С. Василевский) включили в рассматриваемые ими регионы некоторые сопредельные территории (соответственно бассейн Японского моря и север Тихого океана).

Тематически доклады можно подразделить на проблемные, обобщающие, подытоживающие материалы по крупным эпохам в пределах больших регионов (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников: Кавказ, средний — верхний плейстоцен; В. И. Бибикова: юг Русской равнины, поздний плейстоцен — голоцен; Ю. А. Савватеев: Карелия, голоцен; Г. Н. Матюшин: Южный Урал, конец верхнего плейстоцена — голоцен; Н. М. Ермолова, Л. Б. Ермолов: южная Сибирь, конец верхнего плейстоцена — голоцен; М. В. Константинов, Н. Д. Оводов, Г. Л. Карасев: Забайкалье, конец верхнего плейстоцена — голоцен; Д. Д. Бродянский; бассейн Японского моря, конец верхнего плейстоцена — голоцен; А. М. Кузнецов: Дальний Восток, голоцен; А. А. Орехов: северо-восточная Азия, голоцен; Р. С. Василевский: север Тихого океана, конец верхнего плейстоцена — голоцен; Р. Э. Акерман: Аляска, конец верхнего плейстоцена — голоцен; А. Гхош: Индия, плейстоцен). В большинстве же случаев затрагивались лишь частные вопросы рассматриваемой проблемы в пределах отдельной области, культуры или стоянки. Таковы доклады, посвященные рыболовству в голоцене Кольского полуострова (Н. Н. Гурина); охотничьему вооружению в верхнем палеолите и неолите (З. А. Абрамова и Т. Н. Гречкина; В. С. Волошин, Н. Д. Праслов, М. В. Аникович); реконструкции охоты на прабизона в палеолите (П. У. Аутлев); разделке и утилизации охотничьей добычи (А. Е. Матюхин; Л. Тодд; Н. Б. Леонова; Ли Портер и Д. М. Гопкинс; Э. Бонифэ); отражению охотничьей деятельности в искусстве каменного века (Э. Лозе; Ф. А. Загорскис) и др.

Остановимся кратко на основных положениях трех главных тем.

I. Вопросы взаимосвязанности среды и охотничьей деятельности нашли отражение главным образом в докладах В. П. Любина и Г. Ф. Барышникова (Кавказ), В. И. Бибиковой (юг Русской равнины), Н. М. Ермоловой (Сибирь), Р. С. Василевского (Тихоокеанский север), Д. Л. Бродянского, А. А. Орехова (Дальний Восток) и Р. Э. Акермана (Аляска). Охотничья деятельность в каменном веке находится в прямой зависимости от экологической среды. Так, видовой состав и способы добычи животных ашело-мустьерскими охотниками Кавказа отражают характерные черты палеоландшафтов того или иного района. Изменение видового состава промысловых животных горных стоянок (Кударо, Цона) фиксирует плейстоценовую динамику ландшафтных поясов. Состав промысловых животных и рисс-вюрме, брёрупе, в холодные максимумы вюрма и в голоцене отчетливо отражает изменения окружающей среды (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников). В Крыму, на юге Русской равнины, в Сибири, на Дальнем Востоке и Аляске охотничья фауна отчетливо фиксирует рубеж плейстоцен — голоцен. В среднем и верхнем палеолите Крыма господствует облавная и загонная охота на стадных животных открытых пространств. Териокомплексы начала голоцена (мезолит) отражают расширение закрытых биотопов и свидетельствуют об увеличении числа лесных животных; происходит расширение охотничьих угодий за счет освоения горных районов и обширных степных пространств как в Крыму, так и в степном Причерноморье. Увеличивается роль новых массовых видов животных, создаются условия для индивидуального охотничьего промысла (В. И. Бибикова). В Южной Сибири в связи с изменением окружающей среды происходит переход от охоты на мамонтов, носорогов, северных оленей и лошадей в верхнем палеолите к охоте на лося, благородного оленя, косулю, кабана, медведя в мезолите — неолите (голоцен) (Н. М. Ермолова). Резкое потепление в конце плейстоцена привело к гибели мамонтовой фауны, потеплению вод северной части Тихого океана и расцвету фауны морских млекопитающих (ластоногие, киты), что обусловило трансформацию охотников тундры и морских зверобоев (Р. С. Василевский). Изменение в природной обстановке в конце позднего плейстоцена — начале голоцена вызвало исчезновение крупных животных в арктической—субарктической зонах, внесло суще-

ственные изменения в состав и ареалы растений и животных и отразилось на распределении стоянок и характере материальной культуры северных охотников (Р. Э. Акерман).

II. Охота как ведущая форма хозяйства первобытного человека.

Промысел крупных животных как основной способ получения пищи является главной задачей охотничьей деятельности. Охота на слонов в олдувае — ашеле и в более позднее время была рассмотрена в докладах Г. Мюллер-Бека и Е. Бонифэ. В памятниках нашей страны охотничья деятельность древних людей прослеживается с миндель-рисса (?): в нижнем ашельском слое пещеры Азых в Азербайджане вместе с остатками пещерных медведей встречены остатки носорога Мерка, лошади Зюсенборна, бизона Шотензака, месопотамской лани, пещерной гиены. В ашельских (рисс-вюрм) и мустьерских (вюрм I) слоях кударских пещер в Юго-Осетии найдены остатки более 40 видов промысловых млекопитающих, среди которых главенствуют пещерный медведь, благородный олень, кавказский козел. В верхнем палеолите (вторая половина вюрма) в составе промысловой фауны на Кавказе преобладают бизон, лошадь, кавказский козел: в мезолите — неолите — лесные виды (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников).

В центре Русской равнины основную охотничью добычу в верхнем палеолите составляли лошадь, северный олень, мамонт (М. В. Аникович). Эволюция охотничьего промысла в южной зоне Русской равнины развивалась от добычи в основном бизона и плейстоценовой лошади к охоте на тарпана и тура в начале мезолита. В Горно-крымском районе в палеолите добываются сайгак (преобладает), лошадь и бизон; в мезолите — кабан, благородный олень, косуля (В. Н. Бибикова).

Эволюция охотничьего промысла в Сибири развивалась от добычи крупных животных (мамонт, носорог) в эпоху мустье и верхнего палеолита к охоте на более мелкие стадные виды (лошадь, сайга, северный олень и др.) на поздней стадии верхнего палеолита и охоте на нестадных животных лесных биотопов (лось, кабан и др.) с постепенным развитием пушного промысла в неолите (Н. М. Ермолова). В Забайкалье в составе верхнепалеолитической фауны преобладает носорог, в неолитической — благородный олень и косуля (М. В. Константинов и др.).

В составе голоценовых промысловых видов многих регионов существенную роль занимают лось (Приморье, Урал, Прибалтика, Карелия, Кольский полуостров, Аляска), кабан, благородный олень, косуля. В голоцене же отмечается широкое развитие пушного, рыбного и морского промысла и охоты на птиц (Н. Н. Гурина, Ю. А. Савватеев, Р. С. Василевский, Д. Л. Бродянский, А. А. Орехов, А. М. Кузнецов, М. В. Константинов и др.). Зачатки этих промыслов прослеживаются с ашельской эпохи. Так, например, в ашельских и мустьерских слоях кавказских пещер Кударо I и III встречены десятки тысяч костей черноморского лосося (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников).

Разделка туш и утилизация добычи. В палеолите, судя по материалам кавказских пещер (Баракаевская пещера, Кударо I и др.), звери разделывались обычно на месте убоя. На стоянку приносились наиболее мясистые части и шкуры (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников; М. В. Константинов и др.). Различия в степени утилизации добычи на разных стоянках объясняются обеспеченностью охотничьих угодий объектами охоты (Н. М. Ермолова). На палеоиндейской стоянке Хорнер в США с остатками 250 бизонов установлены антропогенные признаки их забоя и расчленения и типы разделки туш (Л. Тодд, Дж. Фризон). Большой интерес вызвал доклад А. Е. Матюхина, в котором были изложены результаты проделанной им (с помощью самодельных ашельских, мустьерских и верхнепалеолитических каменных орудий) разделки туш слона и жирафа, умерщвленных в Ленинградском зоопарке. Интересные результаты также доставило планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на стоянке Каменная балка I (Н. Б. Леонова).

Развитие охотничьего вооружения. Вопрос этот рассматривали практически все. В ашеле охотничье оружие было, по всей видимости, деревянным. В мустье появляются каменные наконечники копий и дротиков (В. П. Любин и Г. Ф. Барышников; В. С. Волошин). М. В. Аникович представил серию наконечников дротиков и легких копий, которые удостоверяли развитие охотничьего вооружения у носителей костенковско-стрелецкой культуры в промежутке 32—25 тыс. лет тому назад в центре Русской равнины. Многочисленные мелкие кремневые наконечники с черенком на стоянке Костенки XXI являются, по мнению Н. Д. Праслова, первым (20 тыс. лет тому назад) свидетельством изобретения лука и стрел в верхнем палеолите.

О развитии охотничьего вооружения в верхнем палеолите Сибири свидетельствуют три вида наконечников дротиков и копий из рога и бивня мамонта (З. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина). Наконечники дротиков и стрел встречены также в инвентаре многих мезолитических и неолитических стоянок (Ю. А. Савватеев, Н. Н. Гурина, Д. Л. Бродянский, А. М. Кузнецов, Л. Я. Крыжевская и др.). Многие докладчики говорили о находках различных неолитических орудий рыбного и морского промысла (Ю. А. Савватеев, Н. Н. Гурина, Р. С. Василевский, А. А. Орехов и др.).

III. Социальные аспекты охотничьей деятельности затрагивались лишь незначительно, на примере коллективных охот и существования начиная с ашеля охотничьих лагерей и бивуаков, которые свидетельствуют о разграничении сфер муж-

ского и женского труда и целенаправленной деятельности части человеческого объединения в интересах всего коллектива (В. П. Любин, Г. Ф. Барышников).

Успех симпозиуму «Среда и охотничья деятельность в каменном веке» принесла определенная новизна проблематики. До сих пор эта проблематика нигде специально не рассматривалась, и публикации на этот счет (особенно в советской печати) были скудными и фрагментарными. Широкий хронологический, пространственный и тематический диапазон представленных материалов впервые позволил проследить закономерности и этапы развития природы и палеоэкономики древних людей на протяжении по крайней мере рисс-вюрма и голоцена на значительной части территории Старого Света и севера Америки. Согласованность существенных сдвигов в охотничьей деятельности с палеогеографическими рубежами плейстоцена — голоцена стала еще более очевидной. Материалы симпозиума являются серьезным подспорьем для разработки проблем социально-экономического развития древних обществ.

Переходя теперь к работе секции, укажем, что значительное число докладов, сделанных там, было посвящено отдельным памятникам каменного века и их небольшим группам. В большинстве случаев речь шла о памятниках, открытых и исследованных за последние годы и являющихся не рядовыми, а уникальными, по-новому освещающими многие проблемы истории ископаемого человека. В первую очередь следует отметить доклад М. Кремаски, К. Перетто и Б. Зала (Италия), посвященный материалам поселения в Изерни в Центральной Италии, имеющего возраст более 700 тыс. лет. Речь идет о находке неперетложенного слоя с тысячами примитивных, домустьерских каменных изделий и многочисленными фаунистическими остатками. Стоянка раскопана на площади 200 м². Эта находка имеет выдающееся значение для всей археологии каменного века Европы. Сюда же примыкают доклады В. Н. Гладилина и Л. В. Солдатенко (Киев), посвященные исследуемому в последние годы хорошо стратифицированному, выразительному многослойному древнепалеолитическому местонахождению Королево в Закарпатской области УССР, материалы которого по-новому освещают проблемы генезиса и развития ашельской и мустьерской культуры Украины и Центральной Европы. С этой проблематикой связан и доклад В. А. Ранова (Душанбе), посвященный древнепалеолитической галечной каратауской культуре Таджикистана, возраст которой устанавливается достаточно точно и которая поэтому имеет ключевое значение для понимания всех домустьерских культур не только Средней Азии, но и Пакистана и Индии. На секции была единодушно дана очень высокая оценка стоянке в Изерни как уникальному памятнику, раскопанному на широкой площади и на высоком научном уровне. В процессе обсуждения были также подтверждены выдающаяся научная значимость Королева и каратауских местонахождений и их древнепалеолитический возраст.

Для позднего палеолита отметим группу докладов, посвященных проблемам жилищ и поселений, которые давно и успешно разрабатываются советской школой изучения палеолита. Следует назвать доклад М. И. Гладких и Н. Л. Корниец (Киев), касающийся интерпретации уникального позднепалеолитического жилого сооружения из костей мамонтов в Межиричах на Украине и освещению его не только в обычном хозяйственно-бытовом плане, но и как памятника первобытной эстетики. Докладчики показали, что серии нижних челюстей и других костей мамонтов, использованные в обкладке четвертого межиричского жилища, образуют симметричные и ритмические группы, причем эта ритмика и симметрия не связаны с несущей, покровной или другими функциями в качестве строительного материала, но свидетельствуют об архитектурной фантазии палеолитического человека и его эстетических вкусах. К названному докладу примыкают доклад В. Я. Сергина (Москва) «Назначение больших ям на палеолитических поселениях» и в известной мере доклад Ж. Комбье (Франция) «Позднепалеолитическое поселение с хижинами в Валлере (Луара, Франция)». Тщательно проведенные раскопки с использованием разработанной советскими исследователями палеолита методики выявили здесь целое стойбище с группой небольших, круглых в плане жилищ, своей архитектурой (основу образуют не черепа и кости мамонтов, а плиты камня) поразительно напоминающие жилища Мальтинской позднепалеолитической стоянки близ Иркутска.

Ряд более широких обобщающих докладов трактовал хронологию и периодизацию позднепалеолитических памятников довольно обширных регионов, имеющих первостепенное значение для освещения палеолита СССР и прилегающих стран. Назовем доклад М. А. Ивановой, Н. Д. Праслова и А. А. Синицына (Ленинград), посвященный проблемам хронологии и стратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района на Дону и подытоживший большую работу, проведенную за последние годы Костенковской экспедицией ЛОИА. В этом же плане следует назвать доклады З. А. Абрамовой (Ленинград) «Развитие археологических культур в палеолите Енисея», Г. И. Медведева, Г. А. Воробьева и Н. А. Савельева (Иркутск) «Геологическая стратиграфия каменного века Южного Прибайкалья» и Ю. А. Мочанова (Якутск) «Палеолит Северной Азии». Эти доклады отмечают новый этап развития обобщающих исследований, посвященных палеолиту СССР. Многие доклады зарубежных археологов носили широкий историко-археологический характер. В первую очередь это доклады Дж. Уаймера (Великобритания) о культурном уровне человека в среднем плейстоцене Британии и Р. Солецки (США) об условиях обитания пещеры Шанидар (Северный Иран) в период среднего плейстоцена. Обобщив и проанализировав известные материалы из Шанидар, Солецки сделал важные

заключения о характере и планировке мустьерских охотничьих стойбищ, располагавшихся в пещере. Сюда же примыкают обобщающие доклады А. Гхоша (Индия) о древнем человеке и культуре Пригималайского района и Р. Рэй (Индия) об экологических и культурных изменениях при переходе от плейстоцена к голоцену на территории Индии.

Ряд докладов был посвящен новым методам классификации, функциологического и типологического изучения орудий каменного века. Как известно, центром дальнейшей разработки созданных С. А. Семеновым методов изучения функций первобытных орудий по следам сработанности является Лаборатория первобытной техники ЛОИА. Сотрудниками этой лаборатории (Г. Ф. Коробковой, Н. Н. Скакун и Т. А. Шаровской (Ленинград)) сделаны доклады, посвященные проблеме определения функций каменных орудий по макропризнакам, а Р. П. Казарьяном (Ереван) — об изучении функций мустьерских орудий из стоянок Ереван I и Лусакерт I. Доклады Т. Вебера и Д. Шефера (ГДР) содержали изложение нового метода анализа древнепалеолитических и среднепалеолитических стоянок на основе специальной системы признаков, характеризующей важные технологические данные, и с использованием вычислительной техники. Эти доклады были особенно интересны своим сугубо практическим характером. Применение новых разработок не явилось у докладчиков (как это, к сожалению, нередко бывает) самоцелью, а привело к новым историко-археологическим выводам, например об ошибочности противопоставления традиций бифасиальных орудий и традиций орудий из отщепов.

Значительное число докладов было посвящено проблемам геологии, палеоботаники и палеогеографии в их увязке с археологией каменного века. Обобщение многолетних исследований было в докладах И. К. Ивановой (Москва) «Природная обстановка и геологический возраст мустье Приднестровья», С. М. Цейтлина (Москва) «Геологический возраст и палеогеография палеолита Северной Сибири» и Т. Мадейской (Польша) «Эволюция природных условий и стратиграфия каменного века в Южной Польше». Особенно оживленное обсуждение вызвал широкий обобщающий доклад П. М. Долуханова (Ленинград), посвященный проблемам палеогеографии, палеоэкономики и адаптации первобытного человека в эпоху верхнего плейстоцена, раннего и среднего голоцена (Передняя Азия, Юго-Восточная Европа, Русская равнина). Некоторые выступающие (В. П. Любин, Р. Солецки) при общей положительной оценке доклада критиковали П. М. Долуханова за переоценку роли природных изменений в истории первобытного человечества.

Д. Хофман и Г. Р. Брекендридж (США) предложили вниманию аудитории интерпретацию археологических материалов, погребенных в аллювиальной обстановке (на примере из Тенесси). Докладчики предприняли попытку использовать материалы по археологии каменного века для разрешения чисто геологических вопросов. После работ В. И. Громова в советской литературе это направление исследований, как известно, разрабатывается в недостаточной степени.

Ряд докладов советских и зарубежных исследователей был посвящен палинологии и петрографии. Г. М. Левковская (Ленинград) рассказала о палеогеографической обстановке в конце мустье — начале палеолита на Русской равнине и Кавказе (по палинологическим данным) Г. А. Пашкевич (Киев) доложил результаты изучения проблемы реконструкции природных условий обитания палеолитических и мезолитических племен на территории Украины. Ж. Рено-Мисковски (Франция) сообщила о новых палинологических результатах в связи с проблемой климатостратиграфии Юго-Восточной Франции. Оживленное обсуждение вызвала группа докладов, посвященная методам петрографического изучения кремня и обсидиана и использованию результатов такого рода исследований для археологических реконструкций, в частности для выяснения происхождения и путей миграции разных видов сырья. В этой связи следует назвать доклад Н. Б. Селивановой и В. А. Галибина (Ленинград) «Определение источников кремня для памятников каменного века на территории верхней Волги», Р. Л. Карлсона (Канада) «Доисторическая торговля в северо-западной части Северной Америки», Д. Бигацци и Д. Ради (Италия) «Идентификация источника обсидиановых изделий из доисторических стоянок трековым методом» и К. Такач-Биро (Венгрия) «Степень гидратации карпатского обсидиана».

Два доклада советских ученых частично обобщали материалы, полученные советскими экспедициями, проводившими исследования за рубежом. Доклад Н. О. Бадера, Э. М. Зеликсон (Москва) и Д. В. Гаджиева (Баку) был посвящен проблеме становления производящих форм хозяйства в Месопотамии. А. В. Виноградов (Москва) рассказал о мезолите Афганистана.

Работа секции, так же как и работа симпозиума, позволяет поставить некоторые общие вопросы путей и перспектив развития современной археологии каменного века. За последние годы можно констатировать отчетливо проявляющуюся у зарубежных исследователей каменного века тягу к широким историко-археологическим проблемам, историзации. Стоянки каменного века все чаще рассматриваются как исторический источник, а материалы раскопок все больше используются исследователями для широких выводов об экономике и социальном строе древних групп людей. Наглядный пример — доклад Дж. Уаймера на секции. Для советской археологии каменного века все это не в новинку. Более того, в этом повороте современной зарубежной археологии каменного века, несомненно, сказывается влияние советской науки. Но следует учесть, что некоторые современные советские исследователи каменного века склонны все это забыть, увлекшись чисто типологическими изысканиями и представлениями об археологии как самоцелью.

Последние годы знаменуются все большим уходом археологии палеолита вглубь, в нижний плейстоцен и эоплейстоцен. При оценке находок раннего палеолита, в первую очередь при их датировке, решающую роль наряду с археологией играют геология и радиометрические методы. Новые изыскания отчетливо демонстрируют необходимость теснейшей, неразрывной связи археологии палеолита с геологией и другими естественно-научными дисциплинами.

Проблема жилищ каменного века продолжает успешно разрабатываться как советскими, так и зарубежными археологами. Можно констатировать определенный качественный сдвиг в области изучения палеолитических поселений. Здесь стали повсеместно обращать пристальное внимание на планиграфию находок, что позволяет приходить к важным выводам о планировке древних поселений, расположении разных их составных частей, а вслед за этим — о хозяйственной и социальной структуре, соответствующей тем или иным особенностям планировки.

Наконец, работа симпозиума и секции свидетельствует о выдающихся успехах археологии каменного века в ряде развивающихся стран. В частности, доклад Г. Омассин, посвященный некоторым мустьерским памятникам Северной Африки, продемонстрировал формирование национальной школы исследователей каменного века в Алжире, которому долгое время ряд ведущих западноевропейских археологов отказывал даже в каких-либо перспективах в этой области.

В заключение отметим несколько представляющих интерес для археологов докладов, прозвучавших на секции «Проблемы антропогенеза и палеоантропологии» (руководитель М. М. Герасимова). Доклады эти связаны с новейшими археологическими и палеоантропологическими находками, сделанными в ряде мест рифтовой долины Восточной Африки (Кения, Эфиопия), удревняющими возраст наиболее ранних каменных орудий и начала использования огня. Так, на стоянке ранних гоминид на р. Гона (Афар, Эфиопия) были обнаружены in situ орудия олдувайского облика, залегавшие непосредственно выше туфа, калий-аргоновая датировка которого 2,89±0,11 млн. лет (доклад Д.-У К. Харриса и Д. К. Йохансона). На стоянке Чесованджа на севере Кении, в отложениях, возраст которых более 1,4 млн. лет, обнаружены каменные изделия, остатки ископаемых животных и следы огня в виде обожженной глины. Поблизости от этих находок были встречены остатки массивного австралопитека (доклад Д.-А. Д. Гоулетта, Д.-У. К. Харриса, Д. А. Уолтона, Б. А. Вуда).

Заслуживают внимание археологов первобытности также доклады советских антропологов: М. М. Герасимовой — о верхнепалеолитическом населении Восточной Европы и В. М. Харитонова — о биологическом детстве ископаемых гоминид (в исследовании были использованы результаты изучения молодых форм ископаемых гоминид с палеолитических стоянок Заскальная, Сунгирь и Баракаевская).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПОТРЕБЛЯЮЩИЕ И ПРОИЗВОДЯЩИЕ ТИПЫ ХОЗЯЙСТВА В ПЕРИОД НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» (ДУШАНБЕ, 1982)

8—10 апреля 1982 г. в г. Душанбе состоялся симпозиум по проблемам происхождения производящих типов хозяйства. Симпозиум проходил в рамках Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА) при ЮНЕСКО, организованной в 1975 г. по инициативе известного советского востоковеда акад. Б. Гафурова и ныне возглавляемой президентом АН ТаджССР М. С. Асимовым. В работе симпозиума приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска и республик Средней Азии, а также их коллеги из Англии, Афганистана, Венгрии, Индии, Италии, КНР, Монголии, Пакистана, США, Турции и ФРГ.

Открывая симпозиум, президент АН ТаджССР М. С. Асимов подчеркнул важное значение этого форума и проводимого совместно заседания бюро МАИКЦА для понимания процессов истории региона.

Представитель Секретариата ЮНЕСКО Я. Коно (Япония) приветствовал участников симпозиума и выразил надежду, что симпозиум внесет большой вклад в изучение центральноазиатских цивилизаций. В своем выступлении С. Жуматов — представитель комиссии МИД СССР при ЮНЕСКО — подчеркнул, что объединение усилий ученых в решении проблем исторической науки послужит новым примером полезности распространения идеи развития международных научных связей.

К. К. Ламберг-Карловский (США) выразил удовлетворение по поводу участия в работе симпозиума, собравшего большие научные силы. Совместные исследования ученых разных стран, в том числе советских и американских, очень важны для развития взаимных контактов и взаимопонимания. Вице-президент МАИКЦА А. Хабиби (ДРА) приветствовал участников и подчеркнул, что особое значение имеет созданная в Душанбе благоприятная для работы симпозиума обстановка и то, что АН ТаджССР является крупным центром археологических исследований региона.

Инициатор проведения симпозиума, вице-президент МАИКЦА А. Х. Дани (Пакистан), выступил с докладом «Проблема неолита и формы культуры в Паки-

стане». Докладчик подчеркнул, что в разных регионах становление производящего хозяйства шло своими путями и не сводится только к земледелию. В ряде районов преобладающее значение имело разведение скота и производство продуктов животноводства. В материалах Пакистана в настоящее время можно выделить четыре группы памятников: 1. В Северном Пакистане обнаружены поселения с землянками, такими, как в Бурзахоме. Однако в этом районе трудно проследить переход от охотничье-собирательской к производящей экономике. 2. Комплекс Сарай-Кала, в котором уже возделывали злаки, представляет стадию развития, предшествующую культуре Кот-Диджи. 3. В районе к западу от Инда рядом обитали охотники с микролитоидной индустрией (Кили-Гул-Мухxамед и Гумла) и население культуры Кот-Диджи. 4. Мергар же относится скорее к району долины Инда и является наиболее ранним памятником с производящим типом хозяйства в Пакистане.

Отмеченные варианты показывают сложную картину неолита Пакистана, имеющую специфические особенности в разных природно-географических районах. Поэтому невозможно говорить об однообразии процесса и распространении производящего хозяйства из единого центра.

В докладе Р. М. Мунчаева (Москва) «Становление производящей экономики в Средней Азии» были изложены основные итоги новейших исследований мезонеолитических комплексов Средней Азии и Прикаспия. Докладчик сопоставил уровень развития неолитических культур Средней Азии и раннеземледельческих поселений Северной Месопотамии, открытых работами советско-иракской экспедиции.

В. М. Массон (Ленинград) в докладе «Формирование культур нового типа в эпоху становления производящей экономики и социальный прогресс» отметил, что переход к земледелию и скотоводству осуществлялся прежде всего в Передней Азии в VIII—VII тысячелетиях до н. э. В этот же период здесь появляются долговременные поселения, вокруг некоторых из них сооружали массивные оборонительные стены. Наблюдается резкий подъем прикладного искусства, наиболее ярко отраженный в святилищах Чатал-Гуюка. Имеющиеся в настоящее время огромные материалы позволяют изучать становление производящего хозяйства на новом уровне: возникают вопросы определения соотношения земледелия и скотоводства и роли субстрата охотников и собирателей.

Ранние земледельческие поселения типа Джармо, Иерихона и Чатал-Гуюка характеризуют уже развитые стороны производящего хозяйства. Менее известны памятники Центральной Азии. В джейтунской культуре представлены все признаки, типичные для ранних земледельцев. На поселении Песседжик-депе обнаружено и святилище с полихромной настенной росписью. Важным открытием последнего времени стало поселение Мергар в Северном Белуджистане, при раскопках которого были получены яркие материалы по раннему земледелию и скотоводству (VII—VI тысячелетия до н. э.). Интересные комплексы исследованы в долине Ганга, они указывают на своеобразный путь возникновения производящей экономики и на индостанском субконтиненте. В северных районах — в Казахстане — ведущую роль играло разведение скота, прежде всего лошадей. Так, на поселении Батай (III тысячелетие до н. э.) кости лошади составили 90% всех находок.

В. М. Массон остановился на разнообразии древних хозяйственных систем и на типах жилищ и поселений в связи с социальным развитием, подчеркнув, однако, что лишь полный переход к оседлой земледельческо-скотоводческой экономике, как это имело место в Южном Туркменистане и Северном Белуджистане, стал надежной основой общественного прогресса.

Большой интерес вызвал доклад крупнейшего американского специалиста Р. Брейдвуда «Начальная стадия производящего хозяйства в „плодородном полумесяце" Ближнего Востока». Он охарактеризовал основные этапы изучения раннеземледельческих культур на территории Ближнего, а также Среднего Востока. В настоящее время можно наметить несколько разных вариантов перехода к производящей экономике на Ближнем Востоке в связи с разным удельным весом земледелия и скотоводства. Новые данные подтверждают правильность заключений докладчика о древнейшем центре доместикации животных и растений на Ближнем Востоке.

Г. Ф. Коробкова (Ленинград) в докладе «Развитие производительных сил и орудий труда как предпосылка сложения новых форм экономики» подчеркнула роль советских археологов в изучении методики и методологии труда, производительных сил и производственных отношений, важнейшей составной частью которых являются орудия труда. Экспериментально-трасологические исследования позволяют восстановить определенные типы деятельности, реконструировать технико-производственную сторону отраслей или производств и всей экономической системы в целом. Применение к массовым коллекциям экспериментально-трасологических исследований способствует восстановлению конкретной картины разнообразия древних хозяйственных типов в неолите. Изучение неолитических племен Средней Азии в целом позволяет говорить о наличии трех больших культурно-хозяйственных зон: 1) оседлых земледельцев и скотоводов, которую характеризуют материалы джейтунской культуры; 2) степных охотников, рыболовов, собирателей и, возможно, скотоводов — памятники кельтеминарской общности; 3) горных скотоводов, охотников и собирателей — гиссарская культура Таджикистана.

М. Тозп (Италия) в докладе «Начальная стадия производящего хозяйства в Иране и Афганистане» осветил новые данные о неолите Юго-Западной Азии, в частности о культуре неолитических рыболовов и собирателей с элементами

земледелия на Оманском полуострове. Анализ палеоботанических остатков показал наличие систематических связей Индостана с Африкой через Оман, благодаря которым может быть объяснено появление африканского сорго в белуджистанском поселении Мергар.

Доклад Е. Е. Кузьминой (Москва) «О сходстве типа традиционного сельского дома Северной и Северо-Западной Индии с древнейшим типом жилища пастушеских племен евразийских степей» поставил вопрос о возможных истоках арийского домостроительства. Н. Р. Гусева (Москва) затронула в своем сообщении некоторые вопросы использования продуктов животноводства у древних ариев.

В дискуссии приняли участие 15 человек. Дж. Меллаарт (Англия) подчеркнул два аспекта неолитической революции: 1) важность одомашнивания овцы как источника шерсти, сыгравшее ведущую роль в становлении ткачества и соответственно освоении холодных регионов; 2) более высокое, нежели позднее, положение женщины в неолитическом обществе, соответствующее ее первостепенной роли в домашних промыслах и устройстве дома. Н. Я. Мерперт (Москва) подробно остановился на необходимости выработки более строгой понятийной сетки и использовании терминов типа «неолитическая революция» в условиях современной пестроты и разнообразия материалов.

Ю. А. Заднепровский (Ленинград) обратил внимание на преобладание в докладах интерпретации материалов. Между тем насущным является сравнительно-типологическое изучение и синхронизация культур обширного исследуемого региона. Стоит задача исследования на трех уровнях: в конкретных районах, в масштабах Юго-Западной Азии в целом и в пределах Старого Света. В этой связи особый интерес представляет концепция Р. Брейдвуда о зонах происхождения и радиальных уровнях распространения производящего хозяйства. Первоначально о неолитической революции говорили применительно к IV тысячелетию до н. э. В настоящее время речь идет о памятниках X—VIII тысячелетий до н. э., на которых отмечены первые свидетельства одомашнивания животных и растений. Следовательно, скорее мы должны говорить о мезолитической революции, учитывая, что процесс был длительным и окончательную форму получил в эпоху неолита. Дж. Оутс (Англия) также обратила внимание на необходимость дифференцированного подхода к учету культур и желательность уточнения критериев становления производящего хозяйства и используемой терминологии.

К. К. Ламберг-Карловский (США) отметил большое значение работ, проведенных за последние годы в Центральной Азии, особенно советскими исследователями, и указал на важность совместных международных изысканий. Особо он подчеркнул роль междисциплинарных комплексных исследований, в частности палеоботанических и палеозоологических. Н. М. Ермолова (Ленинград) остановилась на палеозоологических данных о становлении скотоводства в Центральной Азии. Непосредственным доказательством скотоводческого хозяйства и его формы является остеологические остатки домашних животных, поэтому особенно большое значение имеет правильность определения видов, являющихся экономическими или палеогеографическими индикаторами. В связи с этим палеозоологические данные о появлении скотоводства у древних культур Центральной Азии требуют особого внимания, так как в археологических памятниках этого региона контактируются остатки морфологически близких, но имеющих различное значение в развитии производства животных. Лесные, степные и горные регионы имели свои особенности в становлении и развитии скотоводства, зависящие от экологических факторов, определяющих в свою очередь степень обеспеченности пищей. Развитие доместикационных признаков у большинства видов животных происходило исторически быстро. В сообщении Р. Г. Шарма (Индия) были освещены данные о новом центре становления производящей экономики в долине Ганга — древнейшем центре доместикации и культивации риса.

У. Исламов (Самарканд) рассмотрел влияние развитых культур Юго-Запада Средней Азии на становление производящей экономики у северных неолитических племен кельтеминарской общности. Б. А. Ранов (Душанбе) подвел некоторые итоги исследований памятников гиссарской культуры, и в частности затронул вопрос становления производящего хозяйства и темпов его развития на основе скотоводства. Интересные материалы были представлены в сообщении Н. Н. Негматова (Душанбе), характеризующем развитые этапы культуры населения Таджикистана эпохи бронзы и раннего железа. Р. С. Васильевский (Новосибирск) в своем выступлении осветил своеобразие путей развития неолитической культуры в Приморье.

В заключительном слове В. М. Массон подвел итоги симпозиума. По поводу сущности решающего переворота, который произвел в истории человечества переход к земледелию и скотоводству, отметил он, нет особых разногласий. Однако наряду с рассмотрением общих закономерностей мировой истории все более возрастает важность и необходимость конкретно-исторического подхода, изучение реальной истории племен и народов, конкретного вклада отдельных цивилизаций.

Работа симпозиума прошла в обстановке доброжелательности и сотрудничества. Этому в большой степени способствовала прекрасная организация и условия проведения форума, созданные АН ТаджССР. Обсужденные проблемы, безусловно, послужат правильному решению важнейших вопросов становления производящего хозяйства — одного из переломных этапов в развитии человечества — в капитальном труде «История цивилизаций Центральной Азии», который готовится под эгидой ЮНЕСКО.

Заднепровский Ю. А., Кирчо Л. Б.

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1981 году издательство «Ылым» Академии наук Туркменской ССР выпустило в свет сборник «Вопросы теории археологии и древней истории» (отв. редактор В. М. Массон). После публикации сборника в редакцию журнала «Советская археология» на имя академика Б. А. Рыбакова поступило заявление, а в редакцию — заметка Л. С. Клейна (г. Ленинград), в которых были высказаны серьезные обвинения в адрес одного из авторов вышеуказанного сборника А. Я. Щетенко (ЛОИА).

«С некоторым удивлением — писал Л. С. Клейн относительно статьи А. Я. Щетенко «К оценке современных тенденций в англо-американской археологии» (с. 17—33),— я обнаружил, что в значительной части это мой текст, хотя автором значится А. Я. Щетенко. Подвергнув в связи с этим статью источниковедческому анализу, я смог установить, что для ее изготовления взяты целые куски из трех моих опубликованных работ: книги «Археологические источники» (Л., 1978), обзора «Панорама теоретической археологии», вышедшей в свет на английском языке в журнале «Каррент Антрополоджи» (Чикаго, 1977, № 1, с. 1—42), и моей рецензии на учебник Дж. Н. Вудола, помещенной в журнале «Советская археология» (1975, № 3, с. 267—273) — из последней перепечатана добрая четверть. Но я не единственный потерпевший. Мне принадлежит лишь часть работы. Вся иностранная библиография (с. 33) — моя. Из моего же текста составлена вторая половина статьи (с. 15—31), моими оказались отдельные абзацы в первой части статьи.» Далее Л. С. Клейн счел необходимым указать, что в статье А. Я. Щетенко были использованы также, без указания авторства, статья Э. Г. Александренкова из сборника «Концепции зарубежной этнологии» (М., 1976, с. 26—67), выдержки из книги Е. А. Веселкина «Кризис британской социальной антропологии» (М., 1977), статья академика Е. М. Жукова «Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций» («Коммунист», № 11, 1973, с. 88—89), тексты из предисловия И. С. Кона к сборнику «Философия и методология истории» (М., 1977, с. 5—33) и книга индийского археолога С. К. Малика «Индийская цивилизация: формативный период» (Симла, 1968).

Вышеизложенное, само собой понятно, не имеет прямого отношения к работе редакции журнала «Советская археология» и в бо́льшей степени касается издательства «Ылым», но, учитывая, что А. Я. Щетенко является сотрудником Института археологии АН СССР, редколлегия журнала обратилась в дирекцию с пожеланием разобраться в создавшейся ситуации. Редколлегия полностью разделяет точку зрения, высказанную Л. С. Клейном в заявлении, относительно того, что вырванные из контекста, перепутанные и неграмотно переписанные куски его работ (как и работ других подлинных авторов) не передают ни результатов их трудов, ни действительной оценки советской наукой теоретических разработок зарубежных ученых.

Для проверки изложенных в заявлении Л. С. Клейна фактов в ЛОИА АН СССР была создана специальная комиссия под председательством докт. ист. наук Ю. А. Заднепровского, которая тщательно изучила все стороны возникшего конфликта. Редакция журнала «Советская археология», в связи с ограниченным объемом издания, не имеет возможности опубликовать все материалы, имеющие отношение к этому инциденту, считая целесообразным опубликовать деловой и исчерпывающий текст «Заключения комиссии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ПО ПРОВЕРКЕ ФАКТА НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ СО СТОРОНЫ СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ЛОИА АН СССР, к. и. н. А. Я. ЩЕТЕНКО

12 января 1983 г. была создана комиссия для проверки заявления Л. С. Клейна, в котором к. и. н., ст. н. сотр., зав. лабораторией камеральной обработки ЛОИА АН СССР А. Я. Щетенко инкриминировалось нарушение авторских прав в форме плагиата.

Комиссия работала в составе д.и.н., ст. научн. сотр. Ю. А. Заднепровского (председатель), к. и. н., ст. научн. сотр. О. В. Овсянникова (секретарь), к. и. н., мл. н. с. А. Е. Матюхина (член комиссии) и мл. н. с. В. С. Бочкарева (член комиссии). Комиссия провела пять заседаний, на которых были рассмотрены и изучены все материалы, предоставленные в ее распоряжение. В результате проделанной работы комиссия установила следующее.

В статье А. Я. Щетенко «К оценке современных тенденций в англо-американской археологии» (сборник «Вопросы теории археологии и древней истории», Ашхабад, 1981, с. 17—33) и его книге «Первобытный Индостан» (Л., 1979, с. 6—8, 30—31, 39) действительно воспроизведены без ссылки или каких-либо других указаний на авторство фрагменты из опубликованных работ Э. Г. Александренкова, Е. А. Веселкина, акад. Е. М. Жукова, Л. С. Клейна, И. С. Кона и индийского археолога С. К. Малика. Более всего таких фрагментов в статье А. Я. Щетенко, где они составляют основную часть текста и большинство из них перенесено из работы Л. С. Клейна. В конкретном выражении эти факты выглядят так.

Из работы Э. Г. Александренкова «Диффузионизм в зарубежной западной этнографии» (в книге «Концепции зарубежной этнологии», М., 1976, с. 31, 34, 45, 49, 51, 53—54, 66) А. Я. Щетенко воспроизвел в своей статье около 2,5 стр. текста Э. Г. Александренкова без ссылок на оригинал. В той же статье А. Я. Щетенко привел фрагмент объемом около 1,5 стр. из монографии Е. А. Веселкина «Кризис британской социальной антропологии» (М., 1977, с. 3—6) также без ссылки на автора. Из работы акад. Е. М. Жукова «Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций» («Коммунист», 1973, № 11, с. 88—89) А. Я. Щетенко заимствовал без принципиальных изменений и ссылок на источник около 3 страниц текста и перенес в свою статью (1 стр. текста) и книгу (2 стр. текста). Из работ Л. С. Клейна «Археологические источники» (Л., 1978, с. 21, 23, 45, 69, 100—101), «Панорама теоретической археологии» (на англ. языке в «Current Antropology», 1977, № 1, p. 1—42) и рецензии на книгу Дж. Вудолла (CA, 1975, № 3, с. 267—273) А. Я. Щетенко без существенных изменений и ссылки на автора воспроизвел в своей работе около 10,5 страниц машинописного текста Л. С. Клейна. Из вступительной статьи И. С. Кона в книге «Философия и методология истории» (М., 1977, с. 10) А. Я. Щетенко перенес в свою статью с некоторыми изменениями и без сносок на оригинал 4 абзаца. В книге (с. 30—31) и статье (с. 20) А. Я. Щетенко почти буквально воспроизвел фрагмент из работы индийского археолога С. К. Малика («Indian Civilization. The formative period». Simla, 1968, p. 42—43) без каких-либо ссылок на оригинал.

Комбинируя свою статью из фрагментов работ, принадлежащих разным авторам, А. Я. Щетенко пользовался, если так можно выразиться, разными методами. Часто он воспроизводил текст оригинала буквально. Так он поступил со статьей Э. Г. Александренкова, монографией Е. А. Веселкина, книгой Л. С. Клейна, работой С. К. Малика. В других случаях перекомпоновывал текст оригинала и производил некоторые другие изменения. Так, например, взяв из статьи акад Е. М. Жукова абзац и опустив две его последние фразы, он заменяет в оставшихся предложениях отдельные слова и цифры. В следующем абзаце из статьи акад. Е. М. Жукова изменены падежные окончания, отдельные слова заменены их синонимами, а весь абзац преобразован в 4 абзаца А. Я. Щетенко. Напротив, в другом случае из четырех абзацев Е. М. Жукова А. Я. Щетенко скомпоновал один свой. Та же операция проделана и со статьей И. С. Кона. При этом, группируя из нескольких предложений И. С. Кона одно свое, А. Я. Щетенко достигал искажения первоначального смысла или даже его полной утраты. Однако и в этих случаях текст оригинала опознается безошибочно. Из статьи Л. С. Клейна «Панорама теоретической археологии» (опубликованной на английском языке) А. Я. Щетенко явно заимствовал текст объемом около 5,5 машинописных страниц. Но его текст имеет некоторые стилистические и смысловые отличия от оригинала, что видимо объясняется плохим переводом на русский язык.

Комиссия ознакомила А. Я. Щетенко с предъявленными ему обвинениями и приняла во внимание его заявление, в котором он признал свою вину и выразил готовность принести извинения или предпринять какие-либо другие шаги для восстановления авторства упомянутых исследователей. А. Я. Щетенко объяснил свой поступок спешкой и небрежностью при подготовке рукописей к печати. Он также подчеркнул, что не руководствовался в этом деле расчетом или злым умыслом.

В итоге всестороннего рассмотрения этих материалов комиссия констатирует:

I. В статье А. Я. Щетенко «К оценке современных тенденций в англо-американской археологии», помещенной в сборнике «Вопросы теории археологии и древней истории» (Ашхабад, 1981, с. 17—33) и в меньшей степени в книге А. Я. Щетенко «Первобытный Индостан» (Л., 1979) действительно воспроизведены буквально или текстуально близко фрагменты из опубликованных работ 6 авторов. Ссылки на этих авторов в статье и книге А. Я. Щетенко отсутствуют или, как правило, не привязаны точно к воспроизведенным фрагментам, что обычно квалифицируется как плагиат.

2. Комиссия не может признать удовлетворительным объяснение А. Я. Щетенко, так как оно ни в коей мере не оправдывает его поступок.

3. Комиссия считает А. Я. Щетенко виновным в поступке, который противоречит принятым в советской науке нормам публикации результатов научно-исследовательских работ.

Председатель комиссии
д. и. н., ст. научн. сотр. *Ю. А. Заднепровский*
Секретарь комиссии
к. и. н., ст. научн. сотр. *О. В. Овсянников*
Члены комиссии:
К. ист. наук, мл. н. с. *А. Е. Матюхин*
Мл. н. сотрудник *В. С. Бочкарев*

ПАМЯТИ ГОРИСЛАВЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛИСИЦЫНОЙ

22 июня 1983 г. скоропостижно скончалась Горислава Николаевна Лисицына. Ушел из жизни прекрасный человек, сотрудничество и общение с которым было так дорого для всех нас, крупный и разносторонний ученый, беззаветно преданный своему делу, отдававший ему все силы и оставивший глубокий след в науке. Деятельность Гориславы Николаевны была посвящена проблеме взаимоотношения человека и природы, а в археологии — экологическому ее аспекту — одному из самых важных на современном этапе научного развития. За многие годы мы привыкли к причастности Гориславы Николаевны ко всем основным нашим исследованиям, к неизменной и безотказной ее помощи, к тому, что археологические реконструкции обретут прочное место на земле, в определенных климатических, ландшафтных, почвенных условиях, что превратятся в подлинный исторический источник самые разнообразные свидетельства древнейшего земледелия — от палеоботанических находок до остатков ирригационных систем. Мы привыкли к прочности экологического фланга наших позиций. И очень нелегко будет заполнить образовавшуюся пустоту.

Г. Н. Лисицына родилась в г. Грозном 25 февраля 1929 г. Поступив в 1946 г. на географический факультет Московского университета, она уже со студенческих лет начала работать над проблемами палеогеографии в тесной связи с вопросами древнейшей истории населения Евразии. В аспирантские годы такая комплексность подхода к проблематике, исследования «на грани наук» с выработкой соответствующей методики обрели в деятельности Гориславы Николаевны достаточно четкие формы. Это проявилось в защищенной ею в 1956 г. диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук «Основные черты палеографии северо-запада Восточноевропейской равнины в позднe- и послеледниковое время».

Закономерно, что после защиты Г. Н. Лисицына пришла в наш институт, на всю жизнь связав свою деятельность с археологией. Оставаясь высококвалифицированным и многосторонним палеогеографом, активно участвуя в разработке соответствующих специальных вопросов, она сумела стать и первоклассным археологом. Использование возможностей и методов обеих наук, постоянные поиски их взаимодействия определили комплексный характер разрабатывавшихся Г. Н. Лисицыной проблем с постоянным нарастанием исторического их аспекта. Начав с изучения древних ландшафтов Подмосковья, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии, с характеристики природной среды этих районов в голоцене, она пришла к определению роли антропогенного фактора в формировании и развитии экосистем аридных районов СССР, а далее — к многолетнему и упорному исследованию возникновения и развития ирригационных систем, видов раннего земледелия, взаимодействия изменений природной среды и систем хозяйства, наконец, к разработке общих вопросов древнейших центров становления земледелия на территории СССР, на Балканах и на Ближнем Востоке.

Все эти значительнейшие проблемы разрабатывались на основании материалов экспедиций, активнейшим участником которых была Горислава Николаевна, и не просто участником, но и инициатором изучения новых направлений, целенаправленного овладевания новыми видами источников, значительно повышающих информативные возможности археологических исследований. Многолетние раскопки энеолитических памятников Южной Туркмении сочетались с работами по изучению ландшафта, почв, рельефа, палеоботанических и палеозоологических находок. Г. Н. Лисицыной принадлежали и замысел и исполнение этих работ. И никогда эти работы не были вспомогательными: они неизменно становились важнейшей, неотъемлемой частью основного исследования. Результаты же их — значительнейшее расширение и углубление самой проблематики южнотуркменского энеолита, да и не только энеолита (комплексность методов — собственно археологических, палеоботанических, палеопедологических) позволила по-новому, на более прочной источниковедческой базе рассматривать основные вопросы истории Юга Средней Азии от неолита до бронзового века. Уже в первой своей книге «Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении» (1965 г.) Г. Н. Лисицына, основываясь на учении акад. Н. И. Вавилова о полицентризме мирового земледелия, поставила вопрос о самостоятельном характере и глубоком своеобразии южнотуркменского центра становления земледелия, об особом положении его в системе древнеземледельческих культур Ближнего и Среднего Востока. Развитие земледелия рассмотрено здесь на фоне характеристики природной среды и истории заселения Южной Туркмении, с учетом изменений ландшафта, климата, почв, растительности, животного мира. Равная профессиональная компетентность как в палеогеографии, так и в археологии позволила Г. Н. Лисицыной при разработке важнейших вопросов заселения определенных территорий и развития на них производящего хозяйства провести сравнительный анализ материалов поселений неолита, энеолита и бронзового века с учетом их топографии, изменения площади, динамики численности населения и всех возможных индикаторов хозяйственной деятельности, прежде всего земледелия. При этом палеоботанические данные постоянно рассматривались в сопоставлении с соответствующими находками на Ближнем Востоке и с выяснением места южнотуркменских находок в общих ареалах определенных растений.

Ко всем этим вопросам Г. Н. Лисицына неоднократно возвращалась, углубляя и обогащая их разработку. Итогом ее многолетних исследований стала изданная в 1978 г. книга «Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркме-

нии». Впервые примененная Г. Н. Лисицыной при исследовании этой проблемы комплексная методика включала характеристики всех важнейших компонентов процесса: палеографической ситуации, почв, гидрографии и водных ресурсов, культурных растений, оросительных сооружений, общего производственного потенциала человеческих коллективов в каждый конкретный период жизнедеятельности. Есть все основания говорить здесь о формировании нового направления в изучении генезиса земледелия — социоэкологического.

Значителен вклад Г. Н. Лисицыной и в изучение самих оросительных систем. Выработанная комплексная методика обусловила реконструкцию древней гидрографической и ирригационной сети, определение устройства каналов и источников их питания, а также характера и изменений орошаемых земель. Одним из результатов этой работы явилось выделение трех последовательных этапов истории оросительных систем с обоснованием каждого из них специфических комплексом основных показателей: источников орошения, размеров и устройства сооружений, принципов построения систем и регулирования подачи воды на поля. Обосновано соответствие этих этапов общим ступеням социально-экономического развития.

Результаты многолетних исследований в Средней Азии легли в основу докторской диссертации Г. Н. Лисицыной «История орошаемого земледелия», защищенной в 1979 г. Многие разработки и выводы этой работы, как и социоэкологическое направление в целом, полностью сохраняют свое значение не только для этой территории, но и для прочих областей Евразии, охваченных процессом становления и распространения древнейшего земледелия. Это с исчерпывающей полнотой показала практика самой Гориславы Николаевны. Так ее плодотворные работы на Кавказе доказали, что отмеченные этапы развития земледелия полностью подтверждаются и в этом важнейшем регионе, охватывая огромный период истории, начиная с появления здесь в конце неолита производящего хозяйства и до создания государственности и цивилизации. (1 этап — сочетание богарного и орошаемого земледелия в шулавери-шомутепинской культуре, 2 этап — простейшие оросительные сооружения в куро-аракской культуре, 3 этап — сложные оросительные сооружения государства Урарту).

То же показали и специальные исследования в Месопотамии. Г. Н. Лисицына принимала участие в работах Советской археологической экспедиции в Ираке. Здесь ею проведена большая работа по определению зерновых остатков из поселений ряда периодов — от VII до начала IV тысячелетий до н. э. Систематизация соответствующих материалов представлена Г. Н. Лисицыной (совместно с Л. В. Прищепенко) в монографии «Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока» (1977 г.).

Пристальное внимание Г. Н. Лисицыной привлекал и древнейший земледельческий очаг Европы — Балканский полуостров. Ряд полевых сезонов проработала она в Болгарии, объездила ряд музеев и объектов раскопок, собрав фактически весь палеоботанический материал этой части полуострова. Результаты научной обработки материала представлены в каталоге «Палеоботанические находки на Балканском полуострове» (совместно с Л. А. Филипович), изданном в Софии в 1980 г. Они же наряду с палеогеографическими и собственно археологическими данными легли в основу монографии «Древнейшее земледелие в Болгарии», над которой Г. Н. Лисицына работала вплоть до последних дней жизни.

Широта интересов, опыт работы в ряде крупнейших культурных очагов древнейшей истории позволили Г. Н. Лисицыной перейти к общему обзору древнеземледельческой ойкумены Юга СССР, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, внутри которой ею выделены семь основных центров становления производящей экономики. Это важное и оригинальное синтетическое построение использовано в ряде работ, прежде всего в сводном труде «История крестьянства СССР», где перу Г. Н. Лисицыной принадлежит общая глава о возникновении производящего хозяйства на территории СССР, а также главы о развитии его в Средней Азии и на Кавказе в VI — начале I тысячелетия до н. э.

Научное наследие Г. Н. Лисицыной включает около 80 работ, изданных в СССР, Болгарии, Польше, ГДР, Англии, США, ФРГ. Эти работы навсегда останутся в основном фонде нашей науки, к ним будут с благодарностью обращаться еще многие поколения археологов. Облик же их автора — Гориславы Николаевны Лисицыной — жив и будет жить в сердцах многих ее товарищей, вместе с которыми она прошла свой славный научный путь.

Мерперт Н. Я.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев
АМ ХГУ — Археологический музей Харьковск. гос. университета
АОР — Археологически открития и разкопки
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАС — Вопросы археологии Сибири. Новосибирск
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ГААО — Гос. архив Архангельской обл.
ГГБ — Годишник града Београда
ГММК — Гос. музеи Московского Кремля
ГНМ — Годишник на Народния археологически музей. София
ГПНБ — Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. Спб.
ЗШНМ — Зборник на Штипскиот народен музеј
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
ИИ — Интердисциплинарни изследвания. София
ИИ АН БССР — Институт истории Академии наук Белорусской ССР. Минск
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИМСЗБ — Известия на музеите от Северозападна България. София
ИФЖ — Историко-филологический журнал АН АрмССР. Ереван
КБН — Корпус боспорских надписей/Под ред. акад. Струве В. В. М.— Л., 1965.
МАПП — Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
НпС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории угров
ПСп — Периодическо списание. Пловдив
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Москва — Ленинград
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания. Екатеринбург (Свердловск)
Уч., зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
ЭВ — Эпиграфика Востока. Москва; Ленинград
AAA — Athens Annals of Archeology
AAC — Acta archaeologica carpathica. Cracoviae
Actes PCJEB — Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes
AJ — Antiquaries J. Oxford; London
AP — Archeologia Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk
APL — Analecta Praehistorica Leidensia. Leiden
BASPR — American School of Prehistoric Research. Bulletin
BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Frankfurt a. M.
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
CSE — Corpus speculorum etruscorum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
JFA — J. of Field Archaeology
JHS — J. of Hellenic Studies. London.
JRHZM — Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. Paris
PA — Památky archeologické. Praha
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
PKA — Prace Komisji Archeologicznej. Wrocław — Warszawa — Kraków
PWRE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
SA — Slovenská archeológia. Bratislava — Nitra
SB — Studia balcanica. Sofia
ScAm — Scientific American
SCIV(A) — Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologice). Bucureşti
SE — Studi etruschi
ThA — Thracia antiqua. София
ZbFFUK — Zbornik Filozofickej fakulty University Komenskeho. Bratislava

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В этом номере журнала печатаются Правила приема статей с изменением требований к оформлению библиографии в связи с Правилами, принятыми ГОСТом.

Новый порядок оформления библиографии введен с № 3 — 1981 года.

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. В тексте указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80].

Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются **на русском языке: т., рис., табл., с.**

Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой (^{1}, ^{2}, ...).

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и **в список цитированной литературы не вносятся**. Если используются переводные источники, тогда они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

В журнале принят следующий порядок оформления списка литературы:

Книги, сборники

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Для литературы на иностранных языках вместо — В кн.: писать In:

Журналы и продолжающиеся издания

(Труды, Ученые Записки, Сообщения, а также сборники типа МИА, КСИА, КСИИМК)

3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2.
4. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
5. Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

7. Фамилия автора. Название статьи.— АО — 1969. М., 1970.
8. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

9. Черных Е. Н.— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.— EW, v. 23, N 1—2.

Авторефераты диссертаций

11. Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1968.
12. Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1962.

13. Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис.: ИА АН СССР, 1966. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1959.
14. Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4876.

7. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

8. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10; для раздела «Заметки» не более 3. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

9. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

10. Статьи, отправленные автором для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.84 Подписано к печати 10.04.84 Т-02366 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2+1 вкл. Усл. кр.-отт. 88,1 тыс. Уч.-изд. л. 29,2 Бум. л. 9,0
Тираж 3424 экз. Зак. 3574

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10